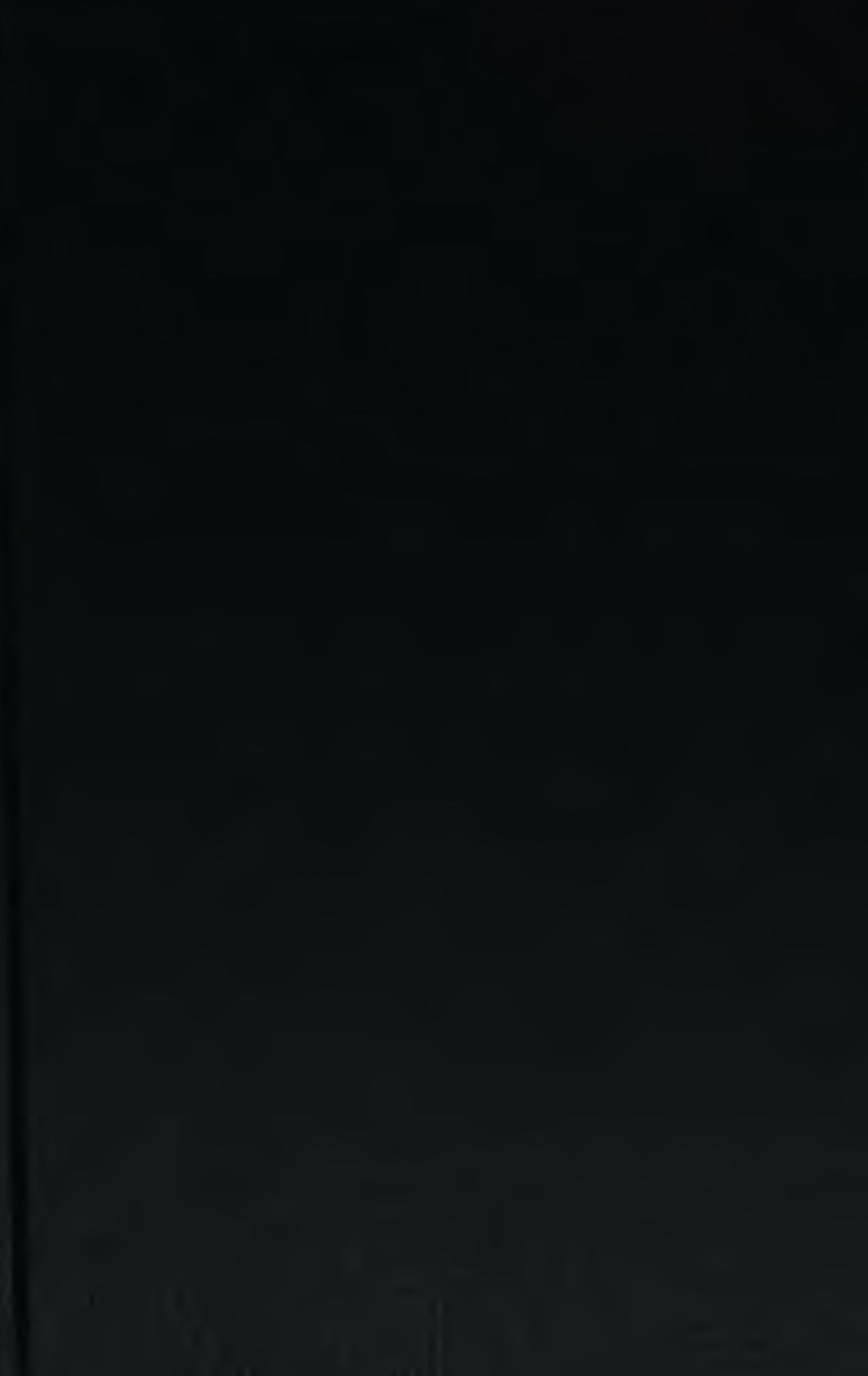
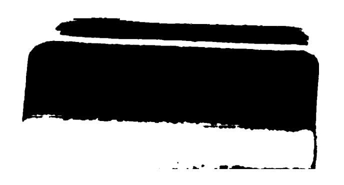

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY
1969

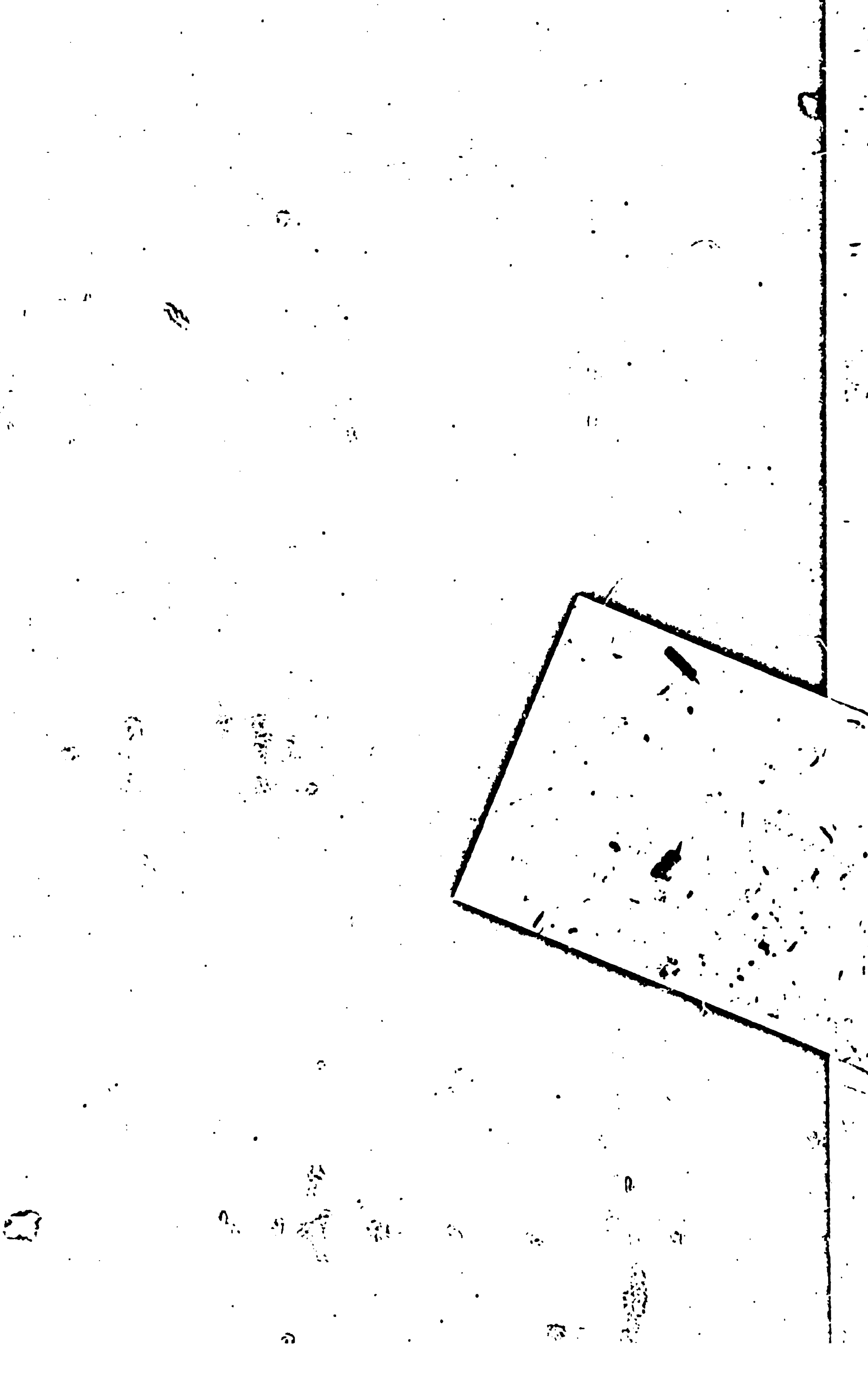
* * *

ИТОГИ XVIII ВѢКА ВЪ РОССІИ.

ВВЕДЕНІЕ ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ XIX ВѢКА.

ОЧЕРКИ
А. Лютша,
В. Зоммера,
А. Липовскаго.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА.—1910.

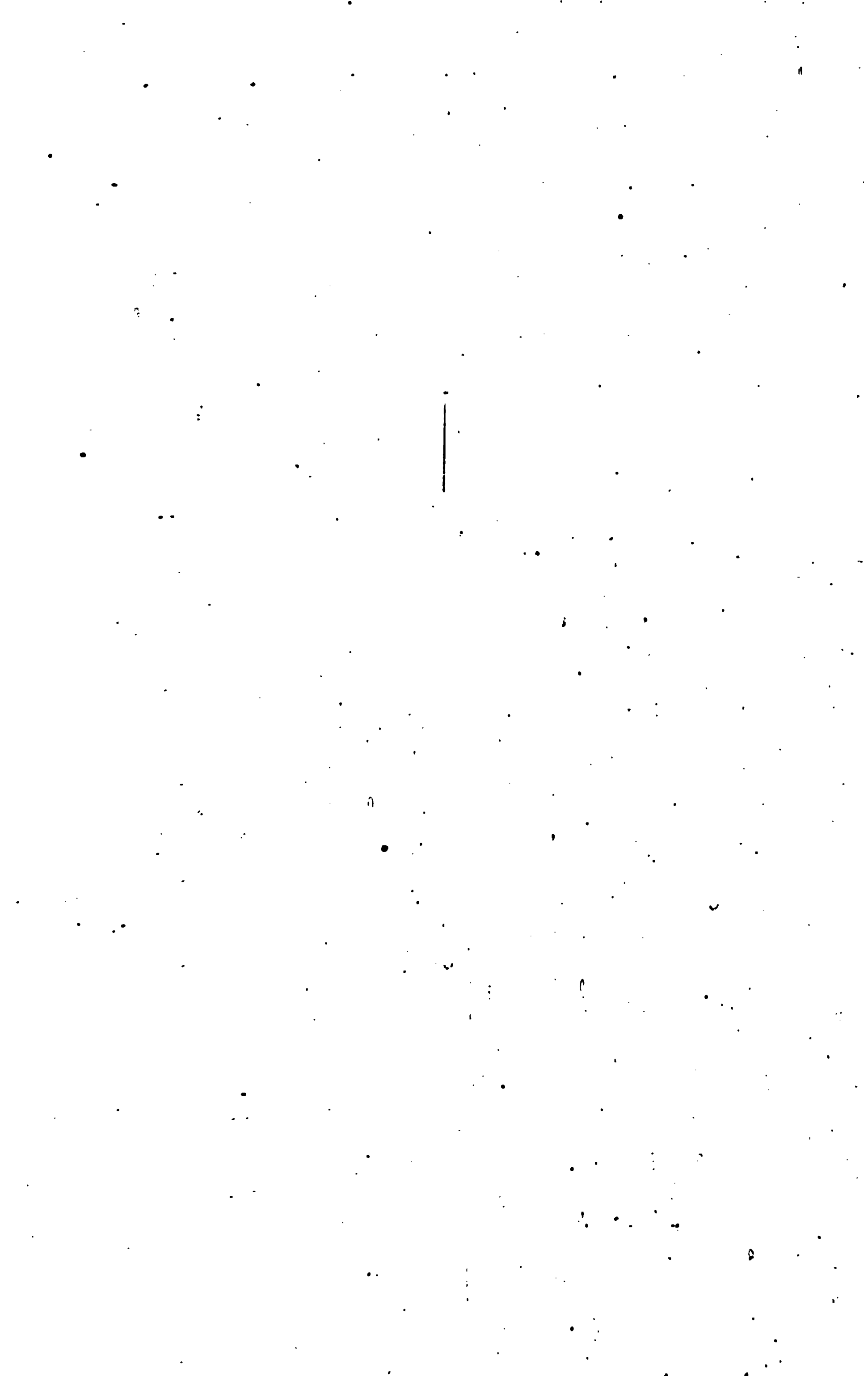
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящихъ очерковъ — познакомить читателей изъ среды учащихся и стремящихся къ самообразованію съ итогами русской жизни XVIII вѣка и тѣмъ самымъ подготовить ихъ къ пониманію послѣдующей и ближайшей къ намъ эпохи. Основная идея, объединяющая очерки, заключается въ признаніи органической связи въ явленіяхъ русской жизни. Во всемъ остальномъ очерки совершенно независимы другъ отъ друга. Отсюда мѣстами встрѣчаются неизбѣжныя повторенія, иногда разногласія въ частностяхъ, какъ естественное слѣдствіе свободы авторовъ.

С.-Петербургъ 1 іюня 1909.

СОДЕРЖАНІЕ.

I.

I.

А. ЛЮТШЪ.

Русскій абсолютизмъ XVIII вѣка.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

I. Возвышеніе самодержавной власти до конца XVII вѣка.

Русское государство, вступая въ XVIII в., готово стать абсолютной монархіей. Ни одна изъ монархій новаго времени не исчерпала такъ содержанія абсолютистской идеи, не переходила такими медленными шагами, со столь частыми остановками и продолжительными передышками, къ болѣе свободнымъ формамъ политическаго быта, какъ именно Россія. Самодержавный строй, обусловливаемый простотою экономической структуры и аморфнымъ состояніемъ общества, болѣзненно ощущался всегда относительно тонкимъ слоемъ русской интеллигенціи не только по рѣзкому контрасту съ высоко развитыми формами гражданственности на сосѣднемъ Западѣ, но и потому, что онъ соединялся съ фактомъ господства чрезвычайно низкаго въ культурномъ смыслѣ тона въ практикѣ жизни и пріемахъ управленія. Изъ этого настроенія рождались попытки ускорить ходъ событій, искусственно и насильственно вызвать переворотъ въ желаемомъ направленіи, — попытки, разбивавшіяся, однако, объ указанныя неблагопріятныя условія соціально-экономической обстановки. Въ исторіи русскаго абсолютизма были моменты, когда наступленіе перемѣнъ въ самыхъ основаніяхъ государственнаго строя казалось очень близкимъ и возможнымъ. Въ XVIII в. такихъ моментовъ было два, одинъ — очень краткій, при воцареніи Анны Іоанновны, другой — болѣе продолжительный, около времени созыва и дѣятельности Большой законодательной комиссіи Екатерины II. XIX вѣкъ тоже пережилъ два такихъ момента, въ первое десятилѣтіе при Александрѣ I и въ шестидесятые годы при Александрѣ II, послѣ которыхъ, такъ же, какъ въ предыдущемъ столѣтіи, наступала сильнѣйшая реакція, всякій разъ, но особенно въ послѣдней четверти XIX вѣка, намѣревавшаяся покончить

не только съ политическими иллюзіями, но и со скромными гражданскими пріобрѣтеніями недавняго общественнаго движенія.

XVI и XVII вѣка, предшествующіе вступленію русскаго государства въ семью европейскихъ абсолютныхъ монархій, могутъ быть характеризованы въ его исторіи, какъ эпоха монархіи сословной, наполненная борьбою за національно-территоріальное единство и установленіе самодержавія.

Происходящая къ концу XV в. диференціація общественныхъ группъ перестала мириться съ патріархальнымъ и неопредѣленнымъ въ своихъ соціальныхъ основаніяхъ характеромъ власти, требуя отъ послѣдней явственнаго раскрытія своихъ соціальныхъ симпатій. Съ одной стороны, это было старое боярство, титулованное и нетитулованное, опирающееся на свои историческія права и накопленныя богатства, съ другой — вновь складывающійся правящій классъ средняго и мелкаго дворянства, съ едва зарождающимся въ его тылу городскимъ сословіемъ. Вынужденная опредѣлить свое внутреннее существо, нарождающаяся царская власть оказалась со своими новыми видами въ непримиримомъ противорѣчіи съ политическими идеалами боярства. На случайныхъ пережиткахъ удѣльныхъ отношеній, продленіе которыхъ обусловливалось неорганизованностью власти, строило боярство свое право на постоянное участіе въ этой власти и чрезъ боярскую думу стремилось къ установленію олигархическаго правительства. Это право формально подтверждается за боярствомъ Судебникомъ 1550 г., по которому законы издаются «съ государева указа и со всѣхъ бояръ приговора». Но указъ 1565 г. объ учрежденіи опричнины и послѣдующее развитіе ея, при слабомъ противодѣйствіи боярства, доказываютъ всю призрачность соціально-политическаго значенія родовой аристократіи. На территоріи опричнины были уничтожены остатки владѣтельныхъ правъ старыхъ княжескихъ родовъ удѣльнаго времени. Въ ея вѣдомствѣ отмѣнялось мѣстничество, т.-е. фамильная наслѣдственность служебныхъ привилегій знати. На отошедшую подъ опричнину часть государства компетенція боярской думы не распространялась. Боярству наносятся еще два серьезныхъ удара пополненіемъ состава думы рядовымъ дворянствомъ,

съ которымъ сливается нетитулованная часть самого боярства, и обращеніемъ царской власти въ дѣлахъ управленія къ содѣйствію земскихъ соборовъ, на которые ею призываются преимущественно представители возвышающихся служилаго и тяглаго классовъ.

Въ правленіе и царствованіе Годунова продолжается та же политика терроризированія верховъ боярства и сокращенія правительственнаго значенія думы, экономическаго укрѣпленія дворянства и юридическаго подчиненія ему крестьянской массы. Въ Смутное время боярство дѣлаетъ еще три попытки доставить себѣ политическое господство въ государствѣ, проводя на престолъ по очереди, перваго Лжедмитрія, Василія Шуйскаго и Владислава. Въ первый разъ бояре даже не опредѣлили формально условій, на которыхъ они согласны были поддерживать выдвинутаго ими царя, оставивъ пока невыясненнымъ свое отношеніе къ происходящей соціальной борьбѣ. Сознательное умолчаніе о какихъ-либо соціальныхъ реформахъ и узость политической части программы не могли собрать вокругъ «записи», взятой во второй разъ боярами уже съ Шуйскаго, ни среднихъ классовъ, ни народной массы. Договоръ съ Владиславомъ, заключенный вчернѣ 4 февраля 1610 г. подъ Смоленскомъ и окончательно 17 августа въ Москвѣ, не скупился насчетъ обѣщаній разныхъ гражданскихъ правъ и свободъ по адресу среднихъ общественныхъ слоевъ, явно поддерживалъ классовые интересы рядового дворянства въ крестьянскомъ вопросѣ, но политическую власть раздѣлялъ между царемъ и боярской думой. Программныя требованія, формулированныя боярствомъ въ Смутное время, не въ состояніи были направить ходъ событій къ желательной для него цѣли. Зато они имѣютъ громадное принципіальное значеніе въ исторіи политическаго самосознанія нашего общества и развитія верховной власти въ Россіи. Въ «крестоцѣловальной записи» Василія Шуйскаго впервые въ русской исторіи были формулированы нѣкоторыя «естественныя права» личной и имущественной неприкосновенности хотя бы для небольшого слоя населенія, потребованы въ защиту ихъ юридическія гарантіи и такимъ образомъ указано на необходимость управленія, основаннаго на

законахъ. Средніе слои общества, помѣстное дворянство и городское купечество выработали одну общую программу, изложенную въ договорѣ съ королевичемъ Владиславомъ. Кромѣ требованія субъективныхъ правъ, заимствованнаго изъ боярскихъ хартій и распространеннаго на всѣ свободные классы населенія, она останавливается, главнымъ образомъ, на вожделѣніяхъ и стремленіяхъ наиболѣе многочисленной и сознательной части союзниковъ, дворянства. Она настаивала на прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, т.-е. на обезпеченіи помѣщиковъ-землевладѣльцевъ дешевымъ трудомъ, на выслугѣ, какъ на принципѣ служебнаго повышенія, вмѣсто знатности, для уничтоженія монополіи боярства на высшія мѣста администраціи, и, наконецъ, на ограниченіи царской власти не только думою, но и земскимъ соборомъ, являвшимся по своему составу преимущественно органомъ свободныхъ земскихъ классовъ.

Судьба государства въ послѣднемъ фазисѣ Смуты оказалась и фактически и юридически въ рукахъ земщины. Временное боярское правительство, образовавшееся на основаніи договора 17 августа 1610 г., съ кн. Мстиславскимъ во главѣ, за неимѣніемъ опоры въ «землѣ», обнаружило слишкомъ большую податливость по отношенію какъ къ новымъ домогательствамъ поляковъ, такъ и земельнымъ хищеніямъ московскихъ служилыхъ людей. Помѣстные дворяне составляли, однако, подавляющую часть обоихъ ратныхъ ополченій, снаряженныхъ для освобожденія Москвы. Дворяне наложили свою печать на дѣятельность созданнаго ими новаго правительства сперва Трубецкого «съ товарищи», а затѣмъ Пожарскаго «съ товарищи», онѣ же играли первую роль въ земскомъ совѣтѣ, сопровождавшемъ оба ополченія въ качествѣ постояннаго контроля надъ дѣйствующею отъ его имени правительственною властью. Новое соотношеніе общественныхъ силъ, поставившее дворянство въ положеніе правящаго класса, истиннаго хозяина земли, правильно обрисовывается въ земскомъ приговорѣ (30 іюня 1611 г.), которымъ было назначено временное правительство перваго состава. Этотъ приговоръ служитъ прямымъ дополненіемъ къ договору 4 февраля 1610 г. съ Владиславомъ: не повторяя его политической части, считавшейся, очевидно, дѣйстви-

тельной, и при измѣнившихся обстоятельствахъ, приговоръ, вновь подчеркнувъ необходимость судебныхъ гарантій, только разъясняетъ классовые интересы дворянства. Новый приговоръ, состоявшійся, вѣроятно, въ концѣ 1611 г., которымъ былъ избранъ второй составъ правительства, не отмѣнялъ, конечно, наказа, даннаго первому составу въ руководство при выработкѣ государственнаго строя съ будущимъ царемъ. Конецъ Смуты, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны, былъ положенъ избраніемъ на престолъ Михаила Θеодоровича. Условія, подписанныя царемъ, были тѣ, на которыхъ вообще должно было состояться избраніе новаго государя: изъ нихъ краеугольными являются — правильный судъ и участіе земскаго собора въ законодательствѣ и обложеніи.

Какъ видно изъ роли, которую дворянство, съ примыкающей къ нему посадской массой, играло въ жизни страны послѣ ея успокоенія, оно все-таки значительно переоцѣнило ясность политическаго сознанія въ собственныхъ рядахъ. Его стремленія вскорѣ свелись къ одной мысли о возвращеніи къ «прежнимъ обычаямъ» путемъ созданія твердой и сильной власти. Оно было готово отказаться отъ взваленной на него ходомъ событій правительственной заботы, подъ условіемъ обезпеченія за нимъ всѣхъ служебныхъ и экономическихъ выгодъ, связанныхъ со значеніемъ правящаго класса, и огражденія отъ административнаго произвола. Новая династія тѣмъ менѣе имѣла основаніе относиться бережно къ выдвинутому событіями и поставленному рядомъ съ нею учрежденію, чрезъ которое дворянство должно было вліять на политическую жизнь страны. Первыми тремя земскими соборами (1613, 16 и 19 гг.) административный механизмъ былъ налаженъ. Верстаніе дворянъ на службу должно было происходить на мѣстахъ выборными дворянскими окладчиками, для того чтобы лишить бояръ возможности свалить всю тяжесть военной повинности на плечи дворянства. Выборные старосты и цѣловальники обезпечивали массу посадскаго населенія, обладавшую только среднимъ достаткомъ, отъ эксплуатаціи со стороны верхняго слоя городского общества, торговцевъ-оптовиковъ, въ дѣлѣ раскладки, исполненія и взысканія «тягла» въ пользу государства. Съ

возвращеніемъ митрополита Филарета (1619) изъ плѣна правительство и внутренне окрѣпло. Оно обнаруживало желаніе услышать голосъ «всей земли» только въ экстренныхъ обстоятельствахъ (напр., при выборѣ царя, по вопросу объ изысканіи средствъ, главнымъ образомъ, на военныя нужды и др.), не привлекая «всѣхъ чиновъ» къ участію въ регулярныхъ законодательныхъ работахъ. Особнякомъ стоитъ соборъ 1648/49 гг., занимавшійся крупнымъ и сложнымъ вопросомъ государственнаго строительства — кодификаціею и пересмотромъ всего дѣйствующаго права. Закрѣпленіе новыхъ гражданско-правовыхъ отношеній Уложеніемъ въ значительной мѣрѣ вызвано было челобитными, поданными самимъ населеніемъ, а челобитчиками въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ были все тѣ же средніе классы, дворянство и посадское общество, при чемъ нерѣдко эти классы объединялись въ коллективныхъ челобитныхъ. Всѣ эти челобитныя были направлены противъ землевладѣльческихъ и судебныхъ привилегій высшихъ общественныхъ слоевъ, подъ которыми слѣдуетъ разумѣть, кромѣ духовенства, новую, по характеристикѣ С. Ѳ. Платонова, аристократію придворно-бюрократическаго характера, сложившуюся въ серединѣ XVII в. изъ развѣянныхъ смутою остатковъ стараго боярства, какъ княжескаго происхожденія, такъ и съ болѣе простымъ «отечествомъ», а также противъ жалкихъ обломковъ права свободнаго передвиженія «низшаго тяглаго люда», т.-е. крестьянства. «Общественная середина», какъ называетъ упомянутый ученый, въ противоположность вышеуказаннымъ группамъ, тѣ слои населенія, представителями которыхъ является соборное большинство, съ успѣхомъ отстаиваетъ свои пожеланія, такъ какъ за исключеніемъ одного пункта программы, касающагося отобранія земель, пріобрѣтенныхъ духовенствомъ въ 1584—1648 гг., всѣ они были удовлетворены царемъ и стали закономъ.

Но эта побѣда была куплена тяжелой цѣной для политическаго значенія среднихъ классовъ общества. Послѣ 1649 г. власть, какъ уже было упомянуто раньше, болѣе не созываетъ соборовъ въ ихъ прежнемъ полномъ составѣ для рѣшенія текущихъ вопросовъ внутренней политики.

«Правительство царей Алексѣя и Ѳеодора, — говоритъ М. Дьяконовъ, — нуждаясь нерѣдко въ совѣтахъ представителей земли, предпочитало обращаться къ представителямъ того чина, класса или сословія, котораго ближе всего касалось данное дѣло». Изъ этихъ обращеній правительства къ земскимъ людямъ особо важными являются его совѣщанія 1682 г. порознь съ представителями служилаго и посадскаго классовъ «объ измѣненіи ратнаго устава» и «уравненія тяглой службы и податей отдѣльныхъ группъ торгово-промышленнаго населенія». Эти выборные, по нѣкоторымъ предположеніямъ, дважды соединились вмѣстѣ только для освященія своимъ авторитетомъ уже состоявшагося помимо ихъ «избранія» на престолъ сначала царевича Петра (27 апрѣля), а потомъ и царевича Ивана (26 мая). Во всѣхъ же тяжелыхъ случаяхъ, а таковыхъ было не мало въ жизни Московскаго государства за вторую половину XVII вѣка, (вспомнимъ такъ называемый мѣдный бунтъ и Разиновщину), правительство не обращалось за содѣйствіемъ земскихъ людей, считая себя способнымъ «обойтись собственными приказными и военными силами». Поэтому, по мнѣнію М. Дьяконова, «сознаніе роста и крѣпости административно-приказныхъ силъ въ центрѣ и областяхъ и было главной причиной паденія земскихъ соборовъ». Внутренне окрѣпшая и увѣренная въ себѣ власть действительно могла ожидать изъ земской среды только неудобныхъ для себя «прихотей». Взаимная рознь и потребность въ сильной и авторитетной власти, въ свою очередь, лишали земскіе классы возможности отстоять, наперекоръ правительству, органъ, представляющій интересъ каждаго изъ нихъ.

Въ противодѣйствіе сословно-классовому эгоизму выступаетъ на защиту цѣлостности государства и общенародныхъ интересовъ самодержавная власть, становясь при этомъ вскорѣ подъ идейное знамя европейской политической философіи. Какова была эта политическая идеологія, какъ облеклось въ нее русское самодержавіе и какое оно сдѣлало изъ нея примѣненіе, взявшись за устроеніе государства, — изложеніе этого является задачею послѣдующихъ страницъ настоящихъ очерковъ.

II. Европеизація русскаго самодержавія—его идеологія въ XVIII вѣкѣ.

Основнымъ принципомъ свѣтскаго государства новаго времени является его служеніе идеѣ всеобщаго блага. Эта идея, въ примѣненіи къ государству, была разработана сперва въ теоріи абсолютной монархіи. Созданная западно-европейскими учеными, она стала пропагандироваться съ XVII в. и въ русскомъ обществѣ. «Долгъ царя, — говоритъ еще Ю. Крижаничъ, — сдѣлать народъ счастливымъ. Цѣлью законодателя является не только слава и спасеніе душъ человѣческихъ, но и утвержденіе всеобщаго благополучія, польза и честь народа». Затѣмъ, Ѳ. Прокоповичъ въ «Правдѣ воли монаршей» устанавливаетъ, что «царскаго сана должейство еже есть сохраняти, защищати, во всякомъ безпечаліи содержати, наставляти же и исправляти подданныхъ своихъ». Въ XVIII же в. указанное начало, возглашенное сперва публицистикою, усваивается и законодательствами всѣхъ европейскихъ странъ, правительства которыхъ при изданіи важныхъ постановленій въ оправданіе ихъ ссылаются на идею всеобщаго блага. Россія, въ частности, становится европейскимъ въ юридическомъ отношеніи государствомъ съ момента офиціальнаго обоснованія принципа самодержавія началомъ общаго блага. Этотъ моментъ М. Рейснеръ называетъ «крещеніемъ ея въ общеевропейскую государственную форму». Задачей государства Петръ Великій въ Регламентѣ главному магистрату объявляетъ «приносить довольство во всемъ потребномъ въ жизни человѣческой и обосновать фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности». «Предлогъ самодержавнаго правленія,— говоритъ Екатерина II въ своемъ знаменитомъ Наказѣ, — не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направить къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра», вслѣдствіе чего, по ея опредѣленію, «хорошее законоположничество не что иное есть, какъ искусство приводить людей къ самому совершенному благу»... Въ другомъ, болѣе позднемъ офиціальномъ обра-

щенія, въ манифестѣ отъ 19 декабря 1774 г. Екатерина II разъясняетъ, какъ широко она смотритъ на благо своихъ вѣрноподданныхъ, о которыхъ ей «пещись» надлежитъ. «Мы жизнь нашу посвятили къ тому, — пишетъ императрица, — чтобъ доставить въ имперіи нашей живущимъ всякаго состоянія людямъ мирное и безмятежное житіе». «Для обезпеченія послѣдняго мы, — продолжаетъ она, — безпрерывный трудъ прилагаемъ къ утвержденію христіанскаго благочестія, къ поправленію законовъ гражданскихъ, къ воспитанію юношества, къ пресѣченію несправедливости и пороковъ, къ искорененію притѣсненій, лихоманія и взятокъ, къ умаленію праздности и нерадѣнія къ должностямъ».

Если государственной дѣятельности ставятся такія необъятныя задачи, какимъ является всеобщее благо, «довольство», «мирное и безмятежное житіе» подданныхъ, то власть должна обладать всеобъемлющими полномочіями, и въ ея распоряженіи должны находиться неограниченныя средства для осуществленія указанной цѣли. Всестороннее попеченіе власти о благѣ населенія приводитъ къ установленію государственнаго абсолютизма, который можетъ реализоваться въ любомъ типѣ правленія. Отличительной чертой абсолютной монархіи представляется съ этой точки зрѣнія то, что въ ней «все руководство по достиженію поставленныхъ государству задачъ сосредоточено цѣликомъ и исключительно въ рукахъ одного лица, спеціально и особо къ тому призваннаго, т.-е. неограниченнаго государя». Для обоснованія исключительной миссіи государя въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго блага, первые теоретики абсолютной монархіи воспользовались старой доктриной божественнаго призванія царской власти. Представителями этого направленія въ западно-европейской политической литературѣ были Бодэнъ и Боссюэтъ. Оставаясь, въ силу своего божественнаго происхожденія, попрежнему недоступными для ограничительныхъ поползновеній свѣтскаго общества или теократическихъ замысловъ духовенства, монархическія правительства въ сочиненіяхъ названныхъ авторовъ почерпали для себя новую силу, ставши верховными носителями секуляризированной идеи государства новаго времени. Взгляды на божественное происхожденіе и неограниченный характеръ царской власти,

которые сложились и вошли въ умственный обиходъ въ Московской Руси подъ вліяніями, идущими съ византійскаго и, можетъ-быть, татарскаго Востока, остаются въ силѣ и послѣ Петра. Разница заключается лишь въ томъ, что рядомъ съ прежней богословской идеологіей, частной и офиціальной, теперь становятся, заглушая первую, попытки философскаго обоснованія существа верховной власти, въ связи съ опредѣленіемъ его въ законодательствѣ.

Въ перепискѣ съ Курбскимъ Иванъ Грозный — не касаясь болѣе раннихъ примѣровъ еще кіевскихъ временъ — замѣчаетъ, что люди Московскаго государства дарованы ему «божьимъ изволеніемъ», и что «россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не какъ повелятъ имъ работные», т.-е. подданные ихъ. Котошихинъ говоритъ, что царь «правитъ государствомъ по своей волѣ», и «въ его волѣ, что хочетъ, то учинити можетъ». «Краль, — наставляетъ москвичей второй половины XVII в. Ю. Крижаничъ, — есть Божій намѣстникъ и живо-законоставіе. И зато единому Божіему законоставію есть подверженъ и отъ всякаго человѣческаго или кралевскаго законоставія, краль есть вышній. Ино потомъ не можетъ краль поставить самъ себѣ заповѣди, нѣтъ законоставія, коему бы онъ самъ, либо онъ краль, долженъ быть подверженъ». Переходя къ XVIII вѣку, мы въ изданномъ Петромъ Великимъ въ 1716 г. Воинскомъ уставѣ встрѣчаемся съ опредѣленіемъ, какъ источника, такъ и существа императорской власти. Петръ въ немъ заявляетъ, что «силу и власть онъ имѣетъ, яко христіанскій государь, которому повиноваться Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ». Въ томъ же Уставѣ Петръ Великій требуетъ, чтобы ему служили воинскіе чины «яко самовластному монарху», а въ Духовномъ регламентѣ заявляетъ, что «монарховъ власть есть самодержавная». Въ своемъ манифестѣ отъ 17 декабря 1731 г. Анна Ивановна, назначая себѣ наслѣдника, объявляетъ подданнымъ, что имѣетъ «попеченіе и стараніе» объ ихъ пользахъ «по должности, отъ Всемогущаго Бога на нее возложенной», при чемъ «порученную ей Богомъ» должность она называетъ «самодержавнымъ правительствомъ». Это опредѣленіе повторяется въ Екатерининскомъ Наказѣ, провозглашающемъ, что

«государь есть самодержавный». Наконецъ, въ изданномъ въ 1797 г. при императорѣ Павлѣ I «Учрежденіи объ императорской фамиліи» статьею 71 императоръ опредѣляется «яко неограниченный самодержецъ». Такимъ образомъ въ рядѣ отдѣльныхъ, частныхъ законоположеній были выработаны въ теченіе XVIII в. всѣ составные элементы въ опредѣленіи верховной власти, сведенные затѣмъ уже въ XIX в. воедино въ первой статьѣ нашихъ основныхъ законовъ старой редакціи.

Кромѣ Божьяго соизволенія, политическая мысль Западной Европы стала уже въ XVII в. выводить неограниченную власть монарха и ея высокое и исключительное назначеніе также изъ воли народа, выраженной въ первоначальномъ договорѣ, заключенномъ между нимъ и его государемъ. Классическое изображеніе договорнаго происхожденія абсолютной монархіи, притомъ представляющее собою одно изъ двухъ главныхъ ученій школы естественнаго права о возникновеніи государства и установленіи правительственной власти, дано, какъ извѣстно, въ трудахъ Гоббса. Эта политическая концепція послужила новымъ идейнымъ устоемъ для существующаго въ Россіи образа правленія.

Параллельно съ законодательной разработкой вопроса о природѣ государственной власти въ Россіи, эти новыя представленія вводятся въ сознаніе мыслящаго общества также усиліями нарождающейся публицистики. Рядъ трактатовъ открывается знаменитой «Правдой воли монаршей» Ѳеофана Прокоповича, написанной имъ по желанію самого Петра, въ цѣляхъ оправдать въ глазахъ народа лишеніе престола зараженнаго «авессаломской злостью» царевича Алексѣя, послѣдовавшее извѣстнымъ указомъ 1722 г. Примѣнительно опять къ данному частному случаю, авторъ названнаго сочиненія обосновываетъ неограниченное самодержавіе императора, пользуясь для этого аргументами не «отъ священнаго писанія» только, но и «естественнаго разума», т.-е. приводитъ въ пользу своей идеи доказательства тогдашней ученой юриспруденціи или «изряднѣйшихъ», по его выраженію, «законоучителей, Гроція и Гоббса. «Всякій государь, наслѣдіемъ ли или избраніемъ скипетръ получившій, — говоритъ Прокоповичъ, — отъ Бога оное пріемлетъ:

Богомъ бо царіе царствуетъ, отъ Господа дается имъ держава, владѣетъ Вышній царствомъ человѣчьимъ и ому же восхощетъ, даетъ его». Коль скоро же власть царя коренится въ Божьей волѣ, она, естественно, «весьма къ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ни чіему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ». Описавъ полный кругъ доказательствъ богословскаго характера, «Правда воли монаршей» тѣ же понятія выводитъ также изъ «всенароднаго намѣренія, которымъ монархія введена и содержима быть разумѣется», т.-е. изъ данныхъ современной ей свѣтской науки естественнаго права. «Всякій образъ правленія, — говоритъ Прокоповичъ, — имѣетъ начало отъ перваго въ семъ илиономъ народѣ согласія», все равно, будетъ ли это народодержавство, аристократія или монархія, подраздѣляемая имъ на избирательную и наслѣдственную. Исключеніе составляютъ только деспотіи, «которыя начало приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, народъ себѣ покорившаго». Монархія происходитъ изъ договора, заключаемаго собравшимся народомъ со своимъ избранникомъ путемъ особаго къ нему обращенія. «Согласно вси хощемъ, — гласитъ это обращеніе, — да ты владѣеши нами къ общей пользѣ нашей, и мы вси совлекаемся воли нашей и тебѣ повинуемся, не оставляюще намъ себѣ самимъ никакой свободности». При этомъ, если рѣчь идетъ о монархіи избирательной, то народъ, отказываясь отъ своей воли, дѣлаетъ оговорку, «доколь живъ пребываеши». Въ томъ же случаѣ, когда предполагается установить власть наслѣдственную, формула обращенія, наоборотъ, дополняется заявленіемъ: «Владѣеши надъ нами вѣчно, т.-е. понеже смертенъ еси, то да по тебѣ ты же самъ впредь да оставляеши намъ наслѣднаго владѣтеля, мы же единожды воли нашей совлекаемся, никогда же оной впредь употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ». Въ монархіяхъ обоего типа государь пользуется, однако, абсолютной властью, т.-е. никакимъ закономъ въ своихъ дѣйствіяхъ не ограниченъ и ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть лишенъ престола. Наоборотъ,

подданные должны «безъ прекословія и роптанія вся отъ самодержца повелѣваемая творити», народъ «не можетъ судити дѣла государя своего», или «повелѣвати монарху своему», даже въ томъ случаѣ, если государь «не таковъ, каково его надѣялся (народъ), покажется».

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ выхода въ свѣтъ «Правды воли монаршей» Ѳ. Прокоповича, другой выразитель пробуждающагося русскаго политическаго сознанія, Татищевъ, въ своей «Исторіи Россіи», къ доводамъ богословскаго и философскаго порядка своихъ предшественниковъ присоединилъ еще новыя морально-политическія доказательства въ пользу необходимости неограниченнаго самодержавія для его родины. Признавая лишь относительное значеніе за отдѣльными формами правленія, «смотря по мѣсту, пространству и состоянію людей въ государствѣ», Татищевъ полагаетъ, что въ Россіи, которая принадлежитъ къ разряду «великихъ и пространныхъ государствъ, окруженныхъ многими сосѣдями»..., въ которой «народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, и изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранитъ», и у которой, наконецъ, имѣются свои «историческія преданія» — «возможно только само- или единодержавіе». Необходимость самодержавной власти для Россіи доказывала и Екатерина II въ своемъ Наказѣ ссылками на ея преимущества какъ въ данныхъ практическихъ условіяхъ, такъ и по существу. «Пространственное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ». Причисляя Россію къ указанной категоріи государствъ, Екатерина логически правильно выводитъ, что для нея «всякое другое правленіе... не только было вредно, но и въ конецъ разорительно». Но независимо отъ данныхъ обстоятельствъ, по ея разсужденію, вообще «лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ». Мысль о томъ, что быстрота рѣшеній, восполняющая дальность разстояній, гарантируется абсолютной властью, заимствована Екатериною изъ «Духа законовъ» Монтескье, съ той, однако, разницею, что приведенная характеристика подлинникомъ отнесена не къ монархіи, а къ деспотіи, каковую онъ въ своей классификаціи формъ правленія и

считаетъ нормальной для обширнаго государства. Если Екатерина выраженіе «деспотическая власть» «Духа законовъ» замѣняетъ въ своемъ Наказѣ выраженіемъ «самодержавная власть», то это произошло оттого, что, съ одной стороны, императрица, какъ говоритъ М. Дьяконовъ, «вовсе не считала Россію однимъ изъ видовъ деспотіи», но, съ другой—«свое самодержавіе могла, по Монтескье, обосновать только на природѣ деспотіи». Что же касается соображенія, приводимаго самой Екатериной II въ пользу самодержавія, то оно, будучи, повидимому, оригинальнаго происхожденія, представляетъ собою лишь переложеніе на «ученый» языкъ народной пословицы: «Много нянекъ, дитя безъ глазу».

Въ чемъ же, если не въ путанной терминологіи, заключается дѣйствительная разница въ пониманіи природы монархіи между русской императрицею и французскимъ мыслителемъ? Дѣля всѣ государства на республиканскія, монархическія и деспотическія, Монтескье разумѣетъ подъ монархіей такое правленіе, гдѣ, во-первыхъ, хотя и правитъ одинъ, но на основаніи твердо установленныхъ законовъ, которые онъ называетъ основными (lois fondamentales), и, вовторыхъ, имѣются промежуточныя, подчиненныя и зависимыя власти. «Я сказалъ: власти промежуточныя, подчиненныя и зависимыя,—повторяетъ онъ свою мысль; дѣйствительно, въ монархіи государь единый источникъ власти политической и гражданской. Законы же основные необходимо предполагаютъ промежуточные каналы, которыми изливается эта мысль. Ибо, если въ государствѣ существуетъ минутная и капризная воля единаго властителя, ничто не можетъ быть прочно, а стало-быть, не можетъ существовать никакого основного закона. Самая естественная изъ промежуточныхъ подчиненныхъ властей это дворянство. Оно входитъ нѣкоторымъ образомъ въ существо монархіи, главнымъ правиломъ которой служитъ лозунгъ: гдѣ нѣтъ монарха, тамъ нѣтъ дворянства, и гдѣ нѣтъ дворянства, тамъ нѣтъ монарха, а есть только деспотъ». Кромѣ дворянства, Монтескье въ монархіи считаетъ необходимымъ существованіе особаго «хранилища законовъ» (depôt de lois) въ видѣ «политическихъ корпорацій» (corps politiques), которыя объявляютъ законы, когда они изданы, и напоминаютъ объ нихъ, если они забыва-

ются. Монтескье здѣсь, конечно, имѣлъ въ виду французскіе парламенты, которые, представляя собою наслѣдственную магистратуру, пользовались большою независимостью и въ силу предоставленнаго имъ права регистраціи (droit d'enregistrement) и ремонстранціи (droit de remonstrances), т.-е. права принятія и отверженія королевскихъ ордонансовъ, дѣйствительно, играли роль политическихъ учрежденій.

Если теперь обратиться къ Екатерининскому Наказу, то нетрудно установить, какъ зависимость составительницы въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отъ своего прообраза, такъ, наоборотъ, допущенныя ею отъ него характерныя отступленія. Такъ, Екатерина почти дословно повторяетъ за Монтескье, что «власти среднія, подчиненныя, зависящія отъ верховной, составляютъ существо монархическаго правленія», что «въ самой вещи государь есть источникъ всякія государственныя и гражданскія власти», что, наконецъ, законы, основаніе державы составляющіе, предполагаютъ малые протоки, сирѣчь правительства, чрезъ которые изливается власть государя». Но, воспроизводя всѣ признаки монархіи, Екатерина въ одномъ пунктѣ дѣлаетъ одно очень важное и существенное измѣненіе, возлагая въ своемъ «Наказѣ» роль промежуточныхъ властей, вмѣсто дворянства, на «правительства» (во французскомъ текстѣ — des tribunaux), т.-е. бюрократическія учрежденія. Другимъ устоемъ монархіи, т.-е. «хранилищемъ законовъ», по мнѣнію Екатерины, въ Россіи является сенатъ. «Сіе хранилище, — говоритъ она, — не можетъ быть нигдѣ, какъ въ государственныхъ правительствахъ» (corps politiques), которыя, «принимая законы отъ государя, разсматриваютъ оные прилежно и имѣютъ право представлять, что такой-то указъ противенъ уложенію, что онъ вреденъ, теменъ, что нельзя по оному исполнить, и опредѣляющіе напередъ, какимъ указамъ долженъ повиноваться». Но это опредѣленіе хранилища законовъ не отвѣчало условіямъ русской дѣйствительности. Сенатъ не былъ политической корпораціей и не обладалъ такъ называемымъ правомъ представленія. Зато другое опредѣленіе, по крайней мѣрѣ, совпадаетъ съ политическимъ идеаломъ, который Екатерина намѣревалась осуществить на русской почвѣ. На вопросъ, «что есть хранилище законовъ», импе-

ратрица отвѣчаетъ: «Законовъ хранилище есть особое наставленіе, которому, наслѣдуя вышеозначенныя мѣста, учрежденныя для того, чтобы попеченіемъ ихъ наблюдаема была воля государева сходственно съ законами, въ основаніе положенными, и съ государственнымъ установленіемъ, обязаны поступать въ отправленіи своего званія по предписанному тамо порядку образу». Такимъ образомъ на сенатъ возлагается высшій надзоръ за «точнымъ исполненіемъ присутственными мѣстами воли государя, согласно установленнымъ законамъ». Сводя вмѣстѣ указанныя различія между обѣими концепціями государства, мы приходимъ къ тому выводу, что въ то время, какъ самъ Монтескье являлся послѣдователемъ ограниченной и сословной монархіи, Екатерина исповѣдывала идеалъ такъ называемой монархіи подзаконной, но бюрократической, какой Россія и стала въ XIX в., съ точки зрѣнія государственнаго права и по смыслу своихъ основныхъ законовъ.

Въ монархическую теорію естественнаго права въ XVIII в., дѣйствительно, были внесены нѣкоторыя важныя поправки, сообщившія ей извѣстную правовую окраску. Съ этими поправками мы встрѣчаемся въ трудахъ Монтескье, Хр. Вольфа и Фридриха II Прусскаго. Сводились онѣ къ предположенію, что люди, во-первыхъ, заключая договоръ съ устанавливаемымъ надъ собою правительствомъ, оставили за собою нѣкоторыя частныя права, «естественныя вольности»; во-вторыхъ, присваивая власти исключительное призваніе на опредѣленіе общаго блага и право свободнаго распоряженія всею совокупностью средствъ для его осуществленія, все-таки ставили ей въ условіе соблюденіе опредѣленнаго порядка въ принятіи направленныхъ къ этой цѣли мѣропріятій и признаніе таковыхъ обязательными не только для однихъ подданныхъ. Введеніе этихъ поправокъ въ естественно-правовую концепцію монархическаго государства дало поводъ къ раздѣленію ея на двѣ теоріи — безусловнаго подчиненія и договорной опеки.

Въ Россіи абсолютная власть въ началѣ XVIII в., выводя свое начало изъ договора, заключеннаго на условіяхъ безусловнаго повиновенія подданныхъ, еще «претендовала для себя, — говоритъ М. Рейснеръ, — на положеніе внѣ и

надъ всякимъ правомъ». «Маестесъ, или величество — заявляетъ «Правда воли монаршей», устанавливая признаки самодержавія, — единымъ токмо верховнымъ властямъ подается, и, значитъ, не токмо достоинство ихъ превысокое, и котораго, по Бозѣ, большаго нѣтъ въ мірѣ, но и власть законодательную, крайне дѣйствительную, крайній судъ износящую, повелѣніе неотрицаемое издающую, а самую, — добавляя, подчеркиваетъ она—никаковымъ же законамъ не подлежащую». Выводъ же отсюда, что «всякъ самодержавный государь человѣческаго закона хранити не долженъ, кольми же паче за преступленіе закона человѣческаго не судимъ есть: заповѣди же Божія хранити долженъ, но за преступленіе ихъ самому токмо Богу отвѣтъ дастъ и отъ человѣка судимъ быть не можетъ... А когда и сами государи творятъ то, что гражданскіе уставы повелѣваютъ, творятъ по волѣ, а не по нуждѣ: се же или образомъ своимъ поощряя подданныхъ къ доброхотному законохраненію, или и утверждая законы, яко добрые и полезные». Это положеніе, надѣляющее понятіе самодержавія признакомъ неограниченности въ смыслѣ полной свободы монарха отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, кромѣ отвѣтственности передъ Всевышнимъ, нашло себѣ выраженіе также въ законодательствѣ Петра Великаго. «Его величество есть самодержавный монархъ, который, — такъ гласитъ законъ 1716 г., — никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣта дать не долженъ: но силу и власть имѣетъ, свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять».

Изъ указанныхъ выше поправокъ первую, менѣе стѣснительную для власти, устанавливающую неотчуждаемость извѣстныхъ гражданскихъ правъ, включила въ идеологію русскаго самодержавія Екатерина II. Въ цитированномъ выше мѣстѣ своего Наказа она дѣлаетъ огражденіе «естественной вольности» «предлогомъ» существованія самодержавной власти. Ручательствомъ того, что установленіе такого рода предѣла для власти не могло служить дѣйствительной преградой ея свободѣ дѣйствія, являлось, какъ покажетъ гл. VII, умственное и соціальное безсиліе широкихъ слоевъ русскаго общества. Всѣ нарушенія правъ подданныхъ всегда легко оправдывались высшими соображеніями

народной пользы или государственнаго интереса, истолкованіе которыхъ въ послѣдней инстанціи принадлежало исключительно и единственно компетенціи самодержавной власти.

Вторую поправку, съ принятіемъ которой монархическій абсолютизмъ укрѣплялся на нормахъ положительнаго права, такъ какъ она облекала государственную дѣятельность въ закономѣрныя формы, не удалось внести въ русскій политическій строй за весь XVIII в., какъ будетъ видно изъ V и VI главъ настоящаго очерка. Она нашла себѣ мѣсто лишь въ реформѣ государственныхъ учрежденій М. М. Сперанскаго, завершенной и упроченной изданіемъ свода законовъ 1833 г. Но и этотъ успѣхъ носилъ призрачный характеръ, такъ какъ историческій опытъ XIX в. неопровержимо доказалъ, что абсолютная монархія на практикѣ органически неспособна охранять правовой строй жизни, и что для осуществленія этой цѣли мало одной благонамѣренности правительства, а что на помощь ему должна прійти еще властная, организованная и дѣйствующая съ принудительною силою просвѣщенная воля общества.

Для того, чтобы сосредоточенное въ монархѣ абсолютное государство могло выполнить поставленную ему задачу, оно на пути къ осуществленію всеобщаго блага не должно встрѣчать никакихъ юридически самодовлѣющихъ силъ, преслѣдующихъ свои особыя, отъ государственныхъ отличныя цѣли. Съ момента образованія всемогущаго государства, поглощаемаго, въ свою очередь, устанавливаемой властью, народъ, растворяясь во множествѣ отдѣльныхъ индивидовъ, какъ цѣлое, болѣе не существуетъ, а пестрый конгломератъ областей, напротивъ, срастается въ одну неразрывную пространственную массу. Монархическое государство, по теоріи естественнаго права, не признаетъ независимаго передъ лицомъ воплощающаго государство правительства существованія никакихъ территоріальныхъ или корпоративныхъ группъ, или соединеній, какъ сословій, общинъ, провинцій и т. п. Всякіе самодовлѣющіе коллективы вредны или излишни, такъ какъ, преслѣдуя свои частныя, мѣстныя или общественныя цѣли, либо отвлекаютъ у государства необходимыя ему силы, либо ставятъ ему прямо юридическія преграды при разрѣшеніи имъ своихъ всеобъемлющихъ

задачъ. Принимая на себя эти задачи, вслѣдствіе добровольнаго признанія неспособности къ тому со стороны подданныхъ, и послѣдовательно развивая ученіе объ ограниченіемъ разумѣ послѣднихъ, благодѣтельная самодержавная власть требуетъ отъ нихъ только безусловнаго повиновенія всѣмъ своимъ велѣніямъ. Никакія самодовлѣющія, самочинныя и самоуправляющіяся общества, сословныя или территоріальныя, не мирятся съ абсолютнымъ государствомъ. Только общественныя организаціи, построенныя на основѣ повинности, а не права, созданныя государствомъ и для его цѣлей, отвѣчаютъ характеру самодержавной власти. «Абсолютная монархія,—говоритъ М. Рейснеръ,—принципіально знаетъ только отдѣльныхъ «обывателей», ничѣмъ, кромѣ государственныхъ интересовъ и власти, не связанныхъ».

Русскій абсолютизмъ въ процессѣ своего развитія и укрѣпленія не сталкивался съ конкурирующими организованными политическими и соціальными единицами, какъ западно-европейскія историческія провинціи и сословія. Созданіе мѣстно-бытовыхъ и корпоративныхъ узъ было дѣло собственныхъ рукъ государственной власти въ Россіи. Только окрѣпши въ силу чисто функціональныхъ причинъ и ставши естественными центрами особыхъ круговъ интересовъ, эти коллективы, въ цѣляхъ свободнаго развитія своихъ интересовъ, вступили въ борьбу съ опекающей и направляющей ихъ, согласно собственнымъ видамъ, самодержавной властью. Только при Екатеринѣ II, ея заботливостью, внушенной отчасти современными теоретиками сословности, какъ, напр., Монтескье, отчасти практическими нуждами государственнаго управленія, было приступлено сверху къ корпоративной организаціи естественныхъ группъ русскаго общества. Намъ еще предстоитъ, знакомясь въ гл. VII съ результатами этихъ заботъ свыше относительно дворянства, убѣдиться въ ихъ тщетности, вслѣдствіе культурной отсталости названнаго сословія, поскольку дѣло касалось созданія противовѣса въ обществѣ давящему авторитету и всепоглощающимъ запросамъ государства. Во всякомъ случаѣ, роль, которая отводилась аристократіи въ монархіи въ сочиненіи, называемомъ самой Екатериной своимъ молитвенникомъ, а именно въ «Духѣ законовъ» Монтескье, оказалась не по

плечу русскому дворянству конца XVIII в. и, судя по «редакціоннымъ» поправкамъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Наказа, не пришлась по вкусу и русской императрицѣ того времени. Еще рельефнѣе выразилъ идею абсолютнаго верховенства государства, сосредоточеннаго въ лицѣ неограниченнаго монарха по отношенію къ дворянству, Павелъ I. «Повелѣваемъ, — гласилъ указъ 4 декабря 1800 г., — дабы никакое въ государствѣ нашемъ правительство (т.-е. установленіе) собою не вводило въ дворянство и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство не носившимъ такого преимущества; въ которомъ утвердить или въ оное вновь облещи единственно зависитъ отъ самодержавной власти, Богомъ намъ дарованной».

Взаимоотношенія между самодержавной властью и подданными, по ранней теоріи естественнаго права, сводятся къ неотвратимой вѣрности монарху и безусловному повиновенію всѣмъ издающимся его именемъ распоряженіямъ и дѣйствующимъ по его предначертаніямъ правительственнымъ органамъ. Въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ мы находимъ уже въ трудахъ Юр. Крижанича и Ѳ. Прокоповича опредѣленіе понятія вѣрноподданническаго долга въ духѣ западно-европейскихъ ученій ихъ времени. Подданные, говоритъ первый изъ названныхъ публицистовъ, должны добросовѣстно и безкорыстно содѣйствовать всему тому, что ведетъ къ преумноженію и сохраненію казны, войска и могущества царя. Никто не можетъ думать, что въ состояніи понять и судить неисповѣдимыя предначертанія царя..., провѣрять дѣйствія его совѣта. Никто не можетъ безъ преступленія противъ величества устраивать сборища для обсужденія распоряженій царя и выясненія ихъ мотивовъ; даже говорить никто не долженъ, что царь поступаетъ неправедно, или, что не хороши, недостаточны причины для обложенія народа тягостями. Единственнымъ средствомъ остановить угнетенія со стороны правителя является «умилостивленіе Бога молитвами и благочестивыми дѣлами». И въ «Правдѣ воли монаршей» другой глашатай европейскаго абсолютизма Ѳ. Прокоповичъ наставляетъ русское общество въ тѣхъ же истинахъ. «Уставы бо и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не

просятъ, аки бы свободнаго, но истязуютъ, яко должнаго». И это послушаніе должно быть не вынужденное, а добровольное, и нѣтъ ему предѣла даже въ случаѣ сознанія его гибельности для самихъ «истязуемыхъ». По словамъ цитируемаго автора, народъ долженъ «безъ прекословія и роптанія вся отъ самодержца повелѣваемая творити... долженъ терпѣть народъ кое-либо монарха своего нестроеніе и злонравіе». На вопросъ, что же обязываетъ народъ къ такому повиновенію и къ такой вѣрности, почему онъ не можетъ судить дѣла государя своего, не можетъ оставить его, Ѳ. Прокоповичъ отвѣчаетъ ясной и немногословной ссылкой на договорную теорію безусловнаго подчиненія и ученіе божественнаго призванія власти. «Не можетъ (народъ) бо отданной ему, т.-е. государю, воли своей отнести»..., какъ точно такъ же «не можетъ отмѣнити воли Божіей, которая и волю народную двинула и купно съ оною сама дѣйствовала въ установленіи монархіи». Умѣренная теорія новаго самодержавія дополнила требованіе вѣрности и повиновенія на основѣ долга болѣе возвышенными мотивами личной благодарности монарху за его благодѣтельное попеченіе, чувствами патріотизма и альтруизма, а также развила самое ученіе о подданническихъ обязанностяхъ въ цѣлую систему гражданскихъ добродѣтелей. Отголосками этихъ призывовъ западно-европейской политической мысли въ нашей литературѣ являются наставленія и заявленія, попадающіяся на этотъ счетъ, напр., въ Наказѣ императрицы Екатерины II.

Въ русскомъ законодательствѣ ученіе о «долженствахъ народа подданнаго» было закрѣплено въ опредѣленной формулѣ еще указомъ Петра Великаго отъ 8 апрѣля 1721 г., требующемъ отъ подданныхъ повиновенія «не токмо за страхъ, но и за совѣсть» и, съ разными дополненіями, въ духѣ все той же доктрины XVIII в., перенесенной затѣмъ въ статьи и нынѣ дѣйствующаго права. Важными въ этомъ отношеніи являются узаконенія времени Екатерины II, когда въ понятіи долга подданства требованіе личной вѣрности монарху замѣняется идеею законопослушанія, когда устанавливается объективный критерій для различенія дѣйствительно обязательныхъ правительственныхъ распоряженій отъ

произвола и когда, наконецъ, подданному вмѣняется въ обязанность, вмѣсто одного пассивнаго повиновенія властямъ, еще и посильное активное содѣйствіе имъ въ дѣлѣ охраненія законности отъ посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны. «Законы и указы, Державною Властью постановленные и предписаннымъ порядкомъ обнародованные, должны быть, — гласитъ Наказъ, — свято и ненарушимо исполняемы всѣми и каждымъ». И на ряду съ этимъ внушается — манифестомъ 1787 г. — «послушнымъ быть, кому надлежитъ» и притомъ, какъ сказано, «по установленному порядку». Если, наконецъ, уставомъ благочинія 1782 г. «не дозволяется... вчинять новизну въ томъ, на что узаконеніе есть, а всякую же новизну, узаконяти противную, слѣдуетъ пресѣчь въ самомъ началѣ» то, для обезпеченія торжества закона, по указу 1775 г., съ одной стороны, властямъ «предписывается бдѣніе, дабы никто въ противность подданническаго долга и послушанія ничего не предпріялъ и не учинилъ», съ другой же — и «всякій вѣрноподданный обязанъ по мѣрѣ власти, силы и возможности своей помогать»... органамъ правительства въ борьбѣ съ «нарушителями общаго, частнаго и своего покоя и блаженства».

Итакъ каждое крупное теченіе западно-европейской политической мысли новаго времени находило себѣ сочувственный откликъ въ русской интеллигенціи, отдѣльные представители которой перерабатывали заимствованныя ими чужія идеи примѣнительно къ условіямъ родной дѣйствительности, въ цѣляхъ ея критическаго освѣщенія и переустройства по изображаемымъ образцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдились, что разобранные взгляды нашли себѣ отраженіе и въ самомъ законодательствѣ, въ свою очередь, вліявшемъ и на практику управленія, которая, преломляясь въ малокультурныхъ условіяхъ русской дѣйствительности, менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, склонялась къ тому, чтобы дѣлать изъ основного принципа абсолютной монархіи заложенные въ немъ, по выраженію Гирке, «великіе и благотворные выводы».

Въ заключеніе я изложу содержаніе публицистическихъ трудовъ кн. М. Щербатова, не разбивая его теоретической части, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ дру-

гими русскими авторами, по отдѣльнымъ рубрикамъ, а, наоборотъ, въ связной формѣ, въ виду большого интереса, который представляютъ его воззрѣнія, какъ наиболѣе зрѣлый и глубокій плодъ нашего политическаго мышленія за XVIII в. Этотъ интересъ, возбуждаемый публицистическими трудами Щербатова, опредѣляется, какъ замѣчаетъ послѣдній изслѣдователь ихъ, М. А. Дьяконовъ, не однимъ тѣмъ, «что по нимъ можно изучать отраженіе на русской почвѣ западно-европейскихъ ученій», но еще въ большей степени тѣмъ, «что въ нихъ отражается переработка этихъ ученій въ приложеніи къ русской жизни». Ознакомленіе же съ критико-практической программой Щербатова я считаю правильнымъ, для соблюденія плана настоящей работы, отложить до тѣхъ поръ, когда будутъ выяснены очередныя проблемы русскаго государственнаго строя XVIII в., отнеся ея разборъ къ IV главѣ очерковъ, гдѣ должна быть дана характеристика общихъ пожеланій русскаго образованнаго общества, виднѣйшимъ представителемъ котораго, несомнѣнно, являлся князь М. М. Щербатовъ.

Князя М. Щербатова надо причислить къ послѣдователямъ умѣренной теоріи абсолютной монархіи, съ сословнымъ оттѣнкомъ. Литературная исторія его политическихъ взглядовъ еще, какъ слѣдуетъ, не выяснена. Съ точностью можно только установить его зависимость отъ Монтескье. Но представляютъ ли его отступленія отъ ученія названнаго писателя плодъ оригинальной работы мысли, или они навѣяны знакомствомъ съ трудами другихъ авторовъ, этого пока сказать нельзя. Въ частности остается открытымъ вопросъ о положительномъ вліяніи на публицистику Щербатова современныхъ ему нѣмецкихъ ученыхъ, съ именами которыхъ связано возникновеніе, въ нѣдрахъ монархической теоріи естественнаго права, новаго теченія, строящаго государственную власть на началахъ договорной опеки. Исходя изъ принципа относительной цѣнности разныхъ типовъ государственнаго строя, Щербатовъ, по Монтескье, различаетъ четыре главныхъ вида таковаго: монархическій, аристократическій, или вельможный, демократическій, или народный, и самовластный, или деспотическій. Принимая это раздѣленіе, Щербатовъ, однако, тоже дѣлаетъ къ

нему оговорку о томъ, что въ исторической дѣйствительности мы встрѣчаемся только съ смѣшанными формами правленія. «Не было и нѣсть, — говоритъ онъ, — ни у единаго, живущаго въ городахъ, народа точно чистаго какого изъ сихъ правленій, но все единое съ другимъ мѣшалось, ибо монархъ не можетъ править безъ вельможъ, вельможи не могутъ править безъ начальника и безъ народа, ни народъ безъ начальниковъ самъ себя управлять». И далѣе провозглашаетъ онъ, «нѣсть царствія, нѣсть республики, гдѣ бы не зрилось смѣшеніе трехъ властей, или, по крайней мѣрѣ, двухъ. Однако вездѣ есть единая власть превосходящая, которой соотвѣтствуетъ умоначертаніе народное и расположеніе страны, и коей законы въ разсужденіи политическаго состоянія соотвѣтствовать должны». Монархическое правленіе онъ выводитъ изъ патріархальной власти родовладыкъ, «отцовъ фамилій», по его выраженію. Оно характеризуется двумя признаками. Подобно тому, какъ «отецъ... въ важныхъ дѣлахъ спрашиваетъ совѣту у старѣйшихъ или мудрѣйшихъ своихъ дѣтей», такъ точно «государю необходимо имѣть совѣтъ, сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знаніе имѣющихъ въ дѣлахъ людей его народа, которые должны ему представлять то, что можетъ служить къ счастію государства и отсовѣтовать колико возможно въ вещахъ предосудительныхъ государству и клонящихся къ самовластію». Если государь дѣйствуетъ, прибавляетъ онъ, «не спрашивая совѣту ни у кого, мы имѣемъ дѣло не съ монархіей, а съ самовластіемъ». Кромѣ того, монархія еще «должна имѣть свои основательные законы, и сохранять всѣ установленные и по установленному закону хранить жизнь, честь, имѣніе и спокойствіе своихъ гражданъ». На ряду съ основательными законами въ «монархическомъ правленіи должно быть нѣкіимъ основательнымъ», т.-е. по современной терминологіи, субъективнымъ «неотчуждаемымъ правамъ», которыя бы не стѣсняли могущества монарха ко всему полезному государству, но укрощали бы иногда безпорядочныя его хотѣнія, по большей части во вредъ ему самому обращающіяся». Съ содержаніемъ основательныхъ законовъ и правъ, такъ какъ оно формулируется имъ въ отношеніи Россіи, мы ознакомимся впослѣдствіи. Въ указанныхъ двухъ чертахъ заключается

отличіе монархіи отъ «самовластія» или «деспотичества», которое, по Щербатову, «введено мучителями», т.-е. имѣетъ своимъ источникомъ насиліе, и по существу даже «не есть родъ правленія, но злоупотребленіе власти». При этомъ строѣ «нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ п[illegible]ть, окромя безумныхъ своенравій деспота», онъ же, [illegible]дуя единому своему хотѣнію, по волѣ своей всѣ зако[illegible] [illegible]рушаетъ». Взаимоотношенія между властью и подданн[illegible] [illegible] названныхъ двухъ способахъ правленія тоже про[illegible] [illegible]ожны: «въ монархіи государь есть для народа, въ само[illegible] [illegible]омъ правленіи народъ является быть сдѣланъ для госу[illegible].

Въ основу самой организаціи государственнаго управленія Щербатовъ кладетъ принципъ раздѣленія властей, при чемъ особенное вниманіе удѣляетъ постановкѣ дѣла законодательства. Соединеніе властей законодательной и исполнительной онъ отвергаетъ, какъ свойственное самовластному правленію. Но и при раздѣльномъ существованіи ихъ возможны пагубныя ошибки. Одинъ человѣкъ, будь то государь, вельможа или частное лицо, конечно, при своей просвѣщенности и усердіи съ такимъ дѣломъ справиться не можетъ. Особенно нельзя передать законодательныя функціи въ руки государей, такъ какъ 1) «они не ощущаютъ многихъ нуждъ подданныхъ»; 2) «обременены важными текущими дѣлами»; 3) окружающіе изъ лести и подобострастія «не осмѣлятся въ сочиненномъ государями законѣ противорѣчить, но, воздѣвая руки на небо и проливая фальшивыя слезы, прогласятъ: «божественно», «премудро», «преполезно». Но выходъ, оказывается, не найденъ также, если возложить законодательство на множество людей, соорганизованныхъ въ извѣстное учрежденіе: въ малыхъ собраніяхъ бушуютъ «страсти, колеблющія людей», большія же наполнены суть «смутностію, невѣжествомъ и пристрастіями». Щербатовъ предлагаетъ самый процессъ законодательства раздѣлить такимъ образомъ, «чтобъ законы сочинялись немногими честными, разумными, исполненными свѣдѣній, трудолюбивыми и искусившимися въ дѣлахъ и, наконецъ, равными силою и кредитомъ при дворѣ людьми», съ одной стороны, и «чтобъ цѣлое государство снабжевало вещами къ сочиненію законовъ, и ка-

ждый бы гражданинъ, по силѣ и могуществу своему, могъ полезный совѣтъ дать», ибо, заключаетъ авторъ, «всѣ подъ закономъ должны жить, всѣ и участіе въ немъ должны имѣть». Суть дѣла, по болѣе подробнымъ разъясненіямъ, сводится на практикѣ къ тому, что особая, раздѣленная на 4 департамента, комиссія вырабатываетъ, на основаніи дѣйствующихъ узаконеній, представленій, получаемыхъ отъ должностныхъ лицъ, напр., губернаторовъ, и мнѣній, присылаемыхъ гражданами, законопроектъ, который, восходя на благовоззрѣніе «вышняго правительства», т.-е. монарха, по утвержденіи имъ, превращается въ законъ. Раздѣленіе труда между четырьмя департаментами таково: первый составляетъ проектъ, второй согласуетъ его съ дѣйствующимъ законодательствомъ, третій собираетъ заявленія гражданъ, а четвертый приводитъ все въ систему.

Изъ широкаго привлеченія обществъ къ сотрудничеству, въ дѣлѣ выработки законовъ, съ бюрократіей, сосредоточенной въ указанной комиссіи, и съ верховной властью возможенъ неправильный выводъ о демократизмѣ Щербатова. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ весьма далекъ отъ такого увлеченія. Рѣшительно отвергая «химеру равности состояній новыхъ философовъ», онъ считалъ, что уже въ естественномъ состояніи неравенство природныхъ дарованій и болѣе зрѣлый возрастъ создаютъ людямъ болѣе почетное положеніе, которое закрѣпляется и за потомствомъ въ силу воспитанія его въ извѣстныхъ возвышенныхъ традиціяхъ. «Сіе есть начало благородства», т.-е. дворянскаго сословія, говоритъ онъ. Основою всѣхъ дворянскихъ традицій является честолюбіе, которое «воспитывается въ дворянахъ настоящихъ отъ сосцовъ матери, благороднымъ примѣромъ и обхожденіемъ въ семьѣ и воспитаніемъ науками». Такъ какъ дворяне лучше подготовлены для государственной службы, а государство должно «легчайшими способами стараться себя управлять», то для Щербатова отсюда вытекаетъ необходимость открыть одному дворянству доступъ къ высшимъ правительственнымъ мѣстамъ. Но Щербатовъ отстаиваетъ существованіе въ государствѣ дворянства независимаго, матеріально обезпеченнаго и привилегированнаго или, по его выраженію, надѣленнаго «изящ-

ными, но не предосудительными правами, отнюдь не изъ сословнаго эгоизма, а по глубоко продуманнымъ соображеніямъ, чтобы имѣть въ его лицѣ, т.-е. дворянства, какъ объясняетъ М. Дьяконовъ, «такую политическую силу, которая можетъ сдержать монархію и предотвратить самовластіе». Щербатовъ съ глубокимъ недовѣріемъ относится къ всенивелирующимъ тенденціямъ абсолютизма, все равно, идетъ ли дѣло о демократизаціи государственныхъ учрежденій или объ уравненіи въ правахъ отдѣльныхъ сословій. Когда шведскій король Густавъ III задумалъ ввести въ составъ риксдага, называемаго у Щербатова сенатомъ, духовенство и крестьянство, чтобы найти въ нихъ опору противъ дворянства, Щербатовъ отъ лица послѣдняго разоблачилъ тайныя пружины этого замысла короля. «Не снисхожденіе къ другимъ чинамъ, — обращается онъ къ нему, — но паденіе сената есть вашъ предметъ. Вы камень претыканія сей вашего самовластія хотите низвергнуть, уподля его, введя духовенство и крестьянъ въ его засѣданіе, а отнявъ важность его передъ народомъ, повелѣвать имъ, яко въ домовой своей канцеляріи». Какъ бы предвосхищая критику демократизма наизнанку Павловскаго режима, Щербатовъ восклицаетъ по адресу Густава III: «Сравнивая всѣхъ, у всѣхъ хощешь права ты отнять и токмо несчастіями нашими равенство между всѣхъ подданныхъ своихъ содѣлать».

III. Общій характеръ русскаго абсолютизма XVIII в. и его дѣятельности.

На Западѣ Европы мы совершенно отчетливо можемъ прослѣдить внутреннія метаморфозы въ процессѣ развитія абсолютной власти. Какъ только она выходитъ изъ фазы своего чисто практическаго проявленія и начинаетъ дѣлать попытки вникнуть въ свое внутреннее существо, осмыслить и оправдать себя, она, какъ намъ извѣстно, повсюду становится подъ знамя идеи всеобщаго блага. Подъ всеобщимъ благомъ разумѣлась, однако, лишь сила и могущество государства, польза отечества, возвеличенію котораго должны быть посвящены всѣ матеріальныя и духовныя

средства, принесены въ жертву личные и групповые интересы государя, подданныхъ и сословій. Правда, теоретики абсолютизма новаго времени, въ отличіе отъ древнихъ, напр., Платона, какъ будто не стояли на точкѣ зрѣнія самодовлѣемости государства. Такъ Гоббсъ прямо говорилъ, что «государство установлено не ради самого себя, а ради гражданъ». Невзирая, однако, на это, мы убѣждаемся, что тотъ же авторъ всеобщее благо часто называетъ также государственной необходимостью (франц. raison d'état, нѣм. Staatsraison). Жизнь отдѣльнаго лица и дѣятельность правительства, на самомъ дѣлѣ, измѣрялась степенью ея полезности для государства, какъ самоцѣли. Адептами этого принципа, т.-е. такъ называемыми государственниками, изъ политическихъ дѣятелей, стоявшими у самаго кормила правленія, въ западно-европейской исторіи, были Ришелье, Фридрихъ Вильгельмъ I Прусскій и др.; у насъ подъ эту категорію правителей слѣдуетъ подвести Петра Великаго.

Программа, которую стремился осуществить своею дѣятельностью Петръ Великій, опираясь на свою неограниченную власть, была не только вполнѣ національна, но и принципіально однородна съ цѣлями, преслѣдуемыми въ свое время всѣми континентальными монархическими правительствами Европы. Строительная работа русскаго абсолютизма, какъ и западно-европейскаго, на первой ступени его сознательнаго развитія, исчерпывается заботами и усиліями власти, направленными на укрѣпленіе государственнаго начала. Петръ Великій, въ частности, намѣревался этого достигнуть «рощеніемъ россійской славы», подъ которой онъ разумѣлъ внѣшнее могущество Россіи, и «введеніемъ добрыхъ порядковъ». Какое содержаніе царемъ вкладывалось въ эти слова, это мы знаемъ непосредственно отъ него самого. Благодаря войнѣ, обращается онъ разъ къ своимъ подданнымъ, «мы получили такія славы, паче же безопасство; могу сказать, что никого такъ не боятся, какъ насъ»... Значитъ, тутъ подъ славою разумѣется отнюдь не какое-нибудь невѣсомое благо, нравственный престижъ, а опредѣленная реальная величина, именно внѣшняя безопасность и политическое могущество Россіи и, какъ ихъ отраженіе вовнѣ, страхъ, внушаемый сосѣдямъ. Задачи внутренняго благоустройства пока что

рисуются въ упрощенномъ видѣ. Призывая «трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ... отчего облегченъ будетъ народъ», Петръ еще не возносился на ту высоту пониманія всеобщаго блага, которая на дѣлѣ приводитъ къ удовлетворенію культурныхъ потребностей широкихъ народныхъ массъ. Предѣломъ желаній царя въ этомъ отношеніи являлось стремленіе устроить настолько совершенный правительственный механизмъ, который, не допуская безнаказанной «стрижки» населенія чиновничествомъ въ собственную пользу, отдавалъ бы народныя силы въ полное распоряженіе власти.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія теоріи и практики абсолютизма происходитъ уже своего рода отожествленіе государства съ монархомъ, служеніе первому принимаетъ видъ культа особы послѣдняго, частная, личная и семейная жизнь вѣнценоснаго правителя по своему вліянію выростаетъ въ фактъ политической важности для всей страны, дворецъ заслоняетъ собою правительство, личныя симпатіи и династическіе виды пріобрѣтаютъ исключительную важность при разрѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ. Этотъ поворотъ въ исторіи абсолютизма въ сторону лично дворцоваго режима намѣчается, напр., во Франціи уже при Людовикѣ XIV и достигаетъ своего полнаго воплощенія въ Людовикѣ XV. Въ Россіи эта полоса политическаго развитія представлена вереницею преемниковъ царя-преобразователя, возведшихъ ублаженіе собственной персоны въ государственный принципъ. Если между Западомъ и Россіей возможно подмѣтить различія въ характерѣ одинаково пережитой ими эпохи, то они касаются одной внѣшности, коренятся въ разницѣ культурнаго уровня и сводятся къ большей утонченности или грубости формъ. Каковъ былъ истинный смыслъ этого процесса поглощенія государства личностью монарха, показываетъ, напр., современникъ Людовика XIV, Жюрье, въ своихъ знаменитыхъ «Вздохахъ порабощенной Франціи» (1696). «Иногда говорятъ, — пишетъ онъ, — о нуждахъ и потребностяхъ государства; во Франціи, не въ примѣръ прочимъ, нѣтъ ни нуждъ, ни потребностей, да нѣтъ совсѣмъ и государства. Когда государство было всюду, только и говорили, что объ

интересахъ государства, о службѣ государству. Въ настоящее время такъ говорить значило бы буквально совершать оскорбленіе величества. Король занялъ мѣсто государства: теперь это — служба королю, интересъ короля, сохраненіе провинцій и имѣній короля; словомъ, король — все, а государство — ничто, и это не слова и термины только, но дѣйствительныя вещи: при дворѣ Франціи не знаютъ иного интереса, кромѣ личнаго интереса короля; это идолъ, которому все приносятъ въ жертву».

Время отъ 1725 — 1762 гг. съ точки зрѣнія развитія государственности имѣетъ и въ русской исторіи то же исключительно отрицательное значеніе. Лица, занимавшія въ теченіе этихъ четырехъ почти десятилѣтій русскій императорскій престолъ, по выраженію В. Ключевскаго, «удерживая за собою предоставленную имъ власть, охотно слагали съ себя бремя правленія». Еще въ 1726 г. саксонскій посланникъ Лефортъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи о выступленіи императорскаго двора на авансцену русской исторіи, характеризуемаго при этомъ нѣкоторыми специфическими, чисто мѣстными чертами. «Я рискую, — пишетъ онъ, — прослыть за лгуна, когда описываю образъ жизни русскаго двора. Кто могъ бы подумать, что онъ цѣлую ночь проводитъ въ ужасномъ пьянствѣ и расходится, уже это самое раннее, въ пять или семь часовъ утра? Болѣе, — прибавляетъ онъ, — о дѣлахъ не заботятся». Въ отзывѣ Н. Панина положеніе Россіи времени Елизаветы Петровны сравнивается «съ варварскими временами, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало». «Сей эпокъ, — говоритъ онъ, — заслуживаетъ особое примѣчаніе: въ немъ все было жертвовано настоящему времени, хотѣніямъ припадочныхъ людей и всякимъ постороннимъ малымъ приключеніямъ въ дѣлахъ». Въ томъ же докладѣ Екатеринѣ II онъ выразилъ мысль, что при ея предшественникахъ дѣятельность правительства направлялась «болѣ силою персонъ, нежели властью мѣстъ государственныхъ». Потускнѣла за это время, дѣйствительно, сама монархическая идея, сперва проведеніемъ строгаго различія интересовъ государя и подданныхъ, а затѣмъ и подчиненіемъ требованій общей пользы личнымъ выгодамъ монарха. На

выраженіе благодарности за отмѣну внутреннихъ таможенъ императрица Елизавета отвѣтила, что «авантажи своихъ подданныхъ собственнымъ своимъ предпочитать будетъ». Далѣе, лица, какъ сидящія на престолѣ, такъ и стоящія около него, собираютъ, копятъ и преумножаютъ капиталы, опустошая казну и разоряя населеніе. Когда къ той же Елизаветѣ обратились за деньгами для покрытія государственныхъ потребностей, получился отвѣтъ: «Доставайте, гдѣ знаете, а эти прибереженныя деньги наши», «Сочиненіе законовъ и наложеніе налоговъ, — пишетъ кн. Щербатовъ уже объ екатерининскомъ времени, —происходитъ въ кабинетѣ государевомъ, по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣній о бѣдности народной». Про ближайшихъ совѣтниковъ монарха въ дѣлахъ управленія и законодательства онъ говоритъ, что они «дворъ считаютъ своимъ отечествомъ; упражнены въ дворскихъ проискахъ, имъ некогда и не хотятъ ни истины ни состоянія народнаго познать; мысли заняты единымъ своимъ любочестіемъ и самолюбіемъ, — не оставляютъ ни времени ни мѣста на глубокія размышленія, и увлечены быстротою дѣлъ, — лишь токмо дѣйствуютъ тогда, какъ размышлять надлежало; равно любочестивы, какъ несвѣдущи на дѣла, толико любочестивы, коль горды». «А подъ симъ-то правительствомъ», разсматривающимъ и рѣшающимъ государственные вопросы подъ угломъ зрѣнія личныхъ интересовъ, «россійскій гражданинъ, — негодуя, замѣчаетъ Щербатовъ, — долженъ влачить тягость жизни своей». Полагая, что женщины имѣютъ болѣе склонности къ самовластію, нежели мужчины, онъ говоритъ также про Екатерину, что она «наипаче въ семъ случаѣ есть изъ женъ жена». Ея обычные отвѣты на возраженія, которыя дѣлались сановниками на предлагаемые ею проекты, если они были несогласны съ законами, гласили: «развѣ я не могу, невзирая на законы, сего учинить?»; «что она превыше закона».

Время, истекшее отъ кончины Петра Великаго, укрѣпило и освятило личное начало въ русскомъ государственномъ управленіи созданіемъ еще новой тяжелой разновидности его въ полуофиціальномъ институтѣ фаворитства, сильнаго не признаніемъ закона, а личной близостью къ престолу. Цар-

ствованіе Екатерины II представляетъ собою только періодъ пышнаго расцвѣта этого института въ изящной западно-европейской отдѣлкѣ и возведенія его на степень государственнаго учрежденія. За долгое время своего существованія фаворитизмъ, въ большей или меньшей степени, иногда явно, часто негласно, вліялъ на рѣшенія и дѣйствія верховной власти, но всегда, безъ сомнѣнія, усугублялъ собою матеріальныя и нравственныя невзгоды, отягчавшія жизнь русскаго народа. Понятно, что вмѣстѣ съ фаворитизмомъ получилъ широкое развитіе, какъ его необходимая подпочва, придворный бытъ, составляющій одну изъ типическихъ сторонъ абсолютныхъ монархій новаго времени. Исторія русскаго двора, его нравы, вкусы и обстановка, стоимость его развлеченій и увлеченій, его главные персонажи и второстепенные фигуранты въ настоящее время извѣстны намъ съ достаточной полнотой и точностью. Сравненіе классическаго изображенія стараго режима у Тэна съ соотвѣтственными главами и мѣстами въ сочиненіяхъ Валишевскаго, Гольцева и др., посвященныхъ той же темѣ, но примѣнительно къ Россіи, показываетъ, что по существу въ послѣдней старались не отставать отъ французскихъ прообразовъ.

Если дворъ, придворное общество и его нравы въ Россіи XVIII в. вообще нельзя считать болѣе развращенными, чѣмъ въ другихъ большихъ европейскихъ центрахъ, то все же съ разнузданностью, утвердившейся на самыхъ ступеняхъ русскаго престола, несомнѣнно, могло равняться только состояніе, въ которое въ этомъ отношеніи пала въ названный вѣкъ королевская власть во Франціи. «Со смерти Петра Великаго, — говоритъ Валишевскій, — русскій престолъ находился непрерывно въ рукахъ женщинъ. Послѣднія имѣли любовниковъ, какъ Людовикъ XV метрессъ, и если царскій любовникъ назывался Бирономъ, то онъ былъ въ Россіи, вѣроятно, такъ же могущественъ, какъ во Франціи королевская метресса, носящая имя госпожи Помпадуръ. Подобно тому, какъ Людовикъ XV женился на мадамъ Мэнтенонъ, Елизавета вышла замужъ за Разумовскаго. Сынъ малороссійскаго крестьянина, послѣдній началъ свою карьеру пѣвчимъ въ императорской капеллѣ, но вдова Скарронъ тоже не могла похвастаться очень важнымъ происхожденіемъ.

Шубинъ, предшествовавшій Разумовскому, былъ только гвардейскимъ солдатомъ; но, во всякомъ случаѣ, онъ стоилъ мадамъ Дюбарри. И близость синьора Мазарини къ престолу не должна казаться болѣе странной, чѣмъ полтораста лѣтъ спустя положеніе Потемкина».

Фаворитизмъ въ Россіи отличается отъ своихъ западно-европейскихъ прообразовъ только своими размѣрами, количественно, но не качественно. Сравнивая же его характеръ въ разныя историческія эпохи въ предѣлахъ одной Россіи, можно сказать, что при Аннѣ и Елизаветѣ онъ, какъ выражается Валишевскій, являлся «личной прихотью» царственной особы; съ воцареніемъ же Екатерины онъ возводится «почти въ государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ къ императрицѣ составляла какъ бы должность». Эта должность имѣетъ свою организацію, подробно описываемую названнымъ историкомъ, и составляетъ настолько важную часть правительственнаго механизма, что, по донесенію изъ Петербурга французскому правительству, «русскіе министры на время такъ называемыхъ междуцарствій, когда происходила смѣна фаворитовъ, пріостанавливали свои дѣйствія, пока не выяснялась личность новаго обладателя открывшейся вакансіи. «Удостоиться фавора императрицы или лишиться его называлось спеціальнымъ терминомъ: «войти въ случай», или «выйти изъ случая», а сами фавориты — «случайными» или «припадочными людьми», или еще иначе, если они пріобрѣтали исключительное вліяніе на государственныя дѣла, — временщиками. Отъ фаворитовъ (favoris) Валишевскій отличаетъ просто царскихъ любовниковъ (amants), имѣвшихъ, по мѣткому выраженію В. Гольцева, такъ сказать, только «кратковременный случай». Стать «случайнымъ» человѣкомъ являлось высшимъ жизненнымъ идеаломъ для честолюбивыхъ натуръ изъ дворянскаго общества. «Въ придворной церкви, у обѣдни, — по свидѣтельству одного современника, относящемуся уже къ 1785 г., — сколько молодыхъ людей вытягивались, кто сколько-нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну. Частая перемѣна фаворитовъ каждаго льстила, видя, что не всѣ были геніи, почти всѣ изъ мелкаго дворянства и не получившіе тщательнаго вос-

питанія». О томъ, какъ возвышалось въ глазахъ другихъ лицо, осчастливленное личною близостью къ особѣ государыни, можно судить по отзыву другого современника, истаго царедворца. «Кто не жилъ въ то время, — говоритъ о царствованіи Екатерины II гр. Рибопьеръ, — тотъ не можетъ составить себѣ понятія о томъ, каково было положеніе князя Потемкина, или даже князя Зубова. Передъ ними преклонялись не изъ подлости, а по уваженію къ выбору государыни, по той религіозной привязанности, которую всѣ къ ней ощущали».

Во что обошлась Россіи эпоха женскихъ правленій и господства фаворитовъ, врядъ ли когда-нибудь можетъ быть выяснено. Начало роскоши и расточительности при петербургскомъ дворѣ было положено вскорѣ послѣ кончины Петра Великаго, развила ихъ до чрезвычайности уже Анна, а достигли онѣ своего апогея при Екатеринѣ. Испанскій посолъ герцогъ де-Лирія въ 1729 г. называетъ русскій дворъ настоящимъ Вавилономъ. «Вы не можете вообразить роскоши этого двора, — пишетъ онъ. — Я былъ при многихъ дворахъ, но, могу васъ увѣрить, здѣшній дворъ своею роскошью и великолѣпіемъ превосходитъ даже самые богатѣйшіе, потому что здѣсь все богаче, чѣмъ даже въ Парижѣ». При Аннѣ, кромѣ внѣшняго блеска западно-европейскихъ дворовъ, также стали перенимать утонченное обращеніе, заводить театральныя представленія, балеты. Если про елизаветинскій дворецъ еще можно сказать, что въ немъ за внѣшнимъ блескомъ крылись вполнѣ азіатскія неопрятность и неряшество, то объ екатерининскомъ дворѣ этого уже говорить не приходится. Великолѣпіе его не пало, а скорѣе возросло, въ сравненіи съ предшествующимъ царствованіемъ, но, по замѣчанію одного французскаго путешественника, оно соединялось теперь съ европейскою изысканностью. «Я былъ приготовленъ къ торжественности и великолѣпію здѣшняго двора, — пишетъ въ 1778 г. другой иностранецъ, лордъ Мальмсбюри, — но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія; прибавьте къ этому полнѣйшій порядокъ и строгость соблюденія этикета». При Аннѣ было запрещено два раза являться ко двору въ одномъ и томъ же платьѣ. При Елизаветѣ, любившей веселиться,

участіе въ увеселеніяхъ превращалось для должностныхъ лицъ въ своего рода повинность, такъ съ нихъ, напр., бралась подписка въ посѣщеніи спектаклей. Если у французовъ былъ свой волшебный по происхожденію и блеску Версаль, то Минихъ думалъ замѣнить его еще болѣе сказочными сооруженіями, которыя, въ случаѣ согласія Елизаветы, должны были заодно обезпечить за нимъ ея милость и служить нагляднымъ доказательствомъ ея собственной вѣрности отцовскимъ завѣтамъ даже въ области эстетическаго усовершенствованія русскаго ландшафта. Петръ, по его словамъ, намѣревался «все пространство между Ораніенбаумомъ и Ладогой, на протяженіи 220 верстъ, застроить увеселительными домами, парками, фонтанами и каскадами, бассейнами и резервуарами, садами и звѣринцами; каждый годъ онъ предполагалъ съ министрами, генералами и дипломатическимъ корпусомъ совершать увеселительную прогулку по Невѣ и каналу, среди всѣхъ этихъ чудесъ искусства». Екатерина уже дѣйствительно совершила увеселительную поѣздку въ такой феерической обстановкѣ, именно въ Крымъ, стоившую болѣе десяти милліоновъ рублей. На 12 фаворитовъ и любовниковъ Екатерины II, по подсчету Валишевскаго, ушло около 100 милліоновъ рублей деньгами, не считая стоимости пожалованныхъ населенныхъ земель и прочихъ богатыхъ даровъ, перешедшихъ въ ихъ руки за это время. Щедрость за счетъ, если не народнаго благосостоянія, то, по крайней мѣрѣ, государственной казны, принимала прямо нелѣпыя формы. По разсказу одного современника, приведенному у Гольцева, турки должны были при заключеніи мира заплатить русскому правительству, какъ требовали его уполномоченные, 24 милліона піастровъ. Турки долго не соглашались на это требованіе. Какъ только договоръ былъ подписанъ, канцлеръ Безбородко торжественно, къ изумленію представителя Порты, заявилъ: «Государыня императрица не имѣетъ нужды въ турецкихъ деньгахъ».

Роскошь, расточительность и легкость нравовъ, воплотившіяся на высотѣ престола и около него въ такихъ яркихъ образахъ, оттуда силою вещей распространялись въ глубину русскаго общества. Мало того, подобно, напр., французской

королевской власти, русскій абсолютизмъ совершенно сознательно преслѣдовалъ политику униженія и разоренія дворянскаго сословія, начиная съ верховъ его, останавливаясь при этомъ на самыхъ грубыхъ внѣшнихъ средствахъ для достиженія своей цѣли. Такъ, напр., при Аннѣ цѣлый рядъ представителей высшей аристократіи, какъ князь Н. Ѳ. Волконскій, графъ А. П. Апраксинъ, князь М. А. Голицынъ, внукъ знаменитаго Василія Васильевича, фаворита царевны Софіи, были произведены въ придворные шуты. Когда двѣ фрейлины, которыхъ Анна безъ отдыха заставляла пѣть, замѣтили, что онѣ устали, императрица, прибивъ ихъ собственноручно, отправила на цѣлую недѣлю стирать бѣлье на прачешномъ дворѣ. Такого рода происшествія были возможны при русскомъ дворѣ еще полстолѣтія спустя. Такъ, графиня Эльмъ и дѣвица Бутурлина были высѣчены розгами въ присутствіи другихъ фрейлинъ за карикатуры и стихи на Екатерину и Потемкина. Но сколько бы мы ни приводили такихъ фактовъ, они блѣднѣютъ передъ значеніемъ, которое получила для старинной знати необходимость покорно склоняться передъ людьми не только безъ роду и племени, но поднявшимися до головокружительной высоты исключительно благодаря своей физической красотѣ и моральной невзыскательности.

На унизительныя и разорительныя мѣры власти независимое общество отвѣчало безумными тратами, подобострастіемъ и лестью; впереди всѣхъ шли аристократія и духовенство. «Появилось, какъ слѣдствіе фаворитизма, — говоритъ П. Н. Милюковъ, — множество новыхъ шальныхъ состояній, цѣликомъ употреблявшихся на поддержаніе той придворной жизни, изъ которой они возникли». «Принужденная тянуться за случайными людьми, — замѣчаетъ тотъ же ученый, — придворная знать изнуряла свое состояніе и зачастую кончала полнымъ разореніемъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ цѣлость крупныхъ имѣній сохранялась въ рядѣ поколѣній (какъ, напр., въ родѣ Шереметевыхъ, Строгановыхъ, Юсуповыхъ)». Но такъ какъ съ того момента, когда петербургскій дворъ облекся въ европейскія формы, «человѣкъ, — по мѣткому выраженію Щербатова, — дѣлался почтенъ по мѣрѣ великолѣпности его

житія и уборовъ», то среди допущенныхъ ко двору началась бѣшеная скачка въ попыткахъ перещеголять другъ друга въ развитіи роскоши. Возможность займовъ подъ залогъ имѣній, открывшаяся дворянству со временъ Елизаветы Петровны, послужила для него новымъ источникомъ матеріальнаго обезсиленія, такъ какъ ссуды брались имъ въ большинствѣ случаевъ въ цѣляхъ не поднятія хозяйства, а удовлетворенія потребностей комфорта и увеселеній.

Тлетворное вліяніе абсолютизма съ его приниженіемъ личности передъ государствомъ, воплощеннаго въ особѣ монарха, толкало общество на раболѣпство. Въ случаѣ противодѣйствія онъ пускалъ въ ходъ суровыя принудительныя мѣры. «Яко самого Христа, ножки ваши объемля, кланяюсь», писалъ къ Екатеринѣ I еще въ 1726 г. нѣкій архимандритъ Валаамъ. Въ надгробномъ словѣ, на похоронахъ Анны, епископъ Амвросій Юшкевичъ заявилъ, что императрицу у Россіи отняло «завистное», разумѣй, божество. Во время иллюминаціи, устроенной по случаю воцаренія младенца императора Іоанна VI, въ огняхъ появилось его изображеніе въ образѣ молодого геркулеса съ надписью: «Великъ ужъ съ ранней молодости» («Schon in der ersten Jugend Gross»). Когда вышелъ манифестъ о вольности дворянства, сенатъ въ полномъ своемъ составѣ ходатайствовалъ о разрѣшеніи соорудить Петру III золотую статую. Въ наказахъ, которые привезли съ собою дворянскіе депутаты въ законодательную комиссію 1767 г., за рѣдкими исключеніями, фигурируетъ пожеланіе поставить Екатеринѣ II памятникъ «за дѣло, — замѣчаетъ новѣйшій историкъ дворянскаго сословія въ Россіи, бар. С. Корфъ, — которое почти что еще не было и начато». «Льстите, какъ можно больше, и не бойтесь въ этомъ пересолить», говорилъ Потемкинъ лорду Мальмсбюри въ напутствіе передъ аудіенціей у Екатерины. Наконецъ «главнымъ порокомъ» Павла I, по отзыву одного изъ современниковъ, кн. Голицына, являлось «личное самовластіе въ непремѣнномъ исполненіи самымъ скорымъ образомъ его воли, хотя бы какія дурныя слѣдствія оттого произошли». Ярко нивелирующая тенденція его политики только съ виду находилась въ противорѣчіи съ его стремленіемъ къ сословной обособленности, такъ какъ, во-первыхъ, единственнымъ

источникомъ права отдѣльныхъ общественныхъ группъ было и оставалось въ его представленіи всесильное государство, олицетворенное въ неограниченномъ монархѣ, и, во-вторыхъ, передъ нимн всѣ личныя различія и коллективныя подразд҃ѣленія сглаживались и исчезали, люди всѣхъ ранговъ и состояній подводились подъ одинъ общій уровень. Другой современникъ царствованія Павла I, де-Санглень, останавливаясь на первомъ изъ указанныхъ моментовъ, находитъ, что. желая сильнѣе укоренить самодержавіе, императоръ своими поступками подкапывался подъ него. «Отправляя, — говоритъ названный мемуаристъ, — въ первомъ гнѣвѣ, въ одной и той же кибиткѣ, генерала, купца, унтеръ-офицера и фельдъегеря, онъ научилъ насъ и народъ слишкомъ рано, что различіе сословій ничтожно. Это былъ чистый подкопъ, ибо безъ этого различія самодержавіе удержаться не можетъ». Тутъ, конечно, мы имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ самодержавіе или абсолютизмъ Павла I вовсе не покрывались идеаломъ аристократической монархіи, которымъ прельщался современный критикъ его сословной политики. Съ точки зрѣнія строгаго единообразія и точной регламентаціи, къ достиженію коихъ стремился императоръ, не могло быть, говоря словами бар. С. Корфа, не только «разницы въ убѣжденіяхъ и помыслахъ подданныхъ», но «не могло существовать и внѣшняго различія одѣянія; люди должны были разниться только по мундиру и сословнымъ преимуществамъ» и притомъ, прибавимъ, свыше имъ «присвоеннымъ». Но эти преимущества, являясь перегородками внутри общества, не могли служить преградами для воли полно- и единовластнаго монарха. «Sachez m-ieur l'ambassadeur, — сказалъ однажды Павелъ французскому посланнику, — qu'il n'y a de grand seigneur que celui auquel je parle et pendant que je lui parle». Независимо отъ прямого значенія приведенныхъ словъ императора, надо сказать, что въ царствованіе Павла I, дѣйствительно, не было вельможъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ употреблялось это обозначеніе въ предшествующее время. Архарова, Аракчеева и Кутайсова нельзя сравнивать съ временщиками-фаворитами эпохи женскихъ правленій, иногда посягавшимъ на прерогативы державной власти.

Прямое и преднамѣренное угнетеніе подданныхъ въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ индивидахъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, какъ о средствѣ расчищенія пути къ полновластію государства, приниженіе личной чести или коллективнаго достоинства «гражданъ», конечно, ничего общаго не имѣетъ съ естественно-правовой идеею абсолютной власти. То и другое представляютъ собою только грубое по формѣ извращеніе стремленія послѣдней къ всеобъемлющему руководству и опекѣ надъ добровольно ввѣрившимися ей людьми, для прочнѣйшаго и всестороннѣйшаго осуществленія всеобщаго блага. Роль, которую абсолютная монархія отводитъ своимъ подданнымъ въ дѣлѣ устроенія ихъ собственной судьбы, и средства, которыя она сама примѣняла для направленія ихъ разрозненныхъ и слабыхъ силъ къ поставленной цѣли, при всей кажущейся неподвижности и устойчивости занимаемой абсолютизмомъ позиціи, на самомъ дѣлѣ подвергались въ Россіи, какъ и повсюду, существеннымъ измѣненіямъ въ теченіе XVIII вѣка.

Не касаясь характера власти, въ смыслѣ ея полноты, Петръ Великій все-таки модернизировалъ ее, не только подведя подъ нее, какъ намъ уже извѣстно, новыя основанія свѣтскаго естественнаго права, но и надѣливъ ее новымъ средствомъ воздѣйствія на подданныхъ — европейскою наукою. Старая власть дѣйствовала на нихъ приказаніями и, главнымъ образомъ, запрещеніями, сопровождая послѣднія угрозами, а въ случаѣ ослушанія и внѣшнимъ принужденіемъ и матеріальными карами. Петръ, какъ говоритъ В. Ключевскій, обращался къ здравому смыслу народа, уяснялъ народу свое государево право на власть и доказывалъ народу его потребность въ такой власти, требовалъ отъ народа сознательнаго отношенія къ мѣрамъ правительства и разумнаго ихъ исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, конечно, не думаетъ отказываться и отъ традиціонныхъ пріемовъ и способовъ дѣйствія при осуществленіи своихъ реформаторскихъ замысловъ. Но, запрещая и приказывая, какъ и его предшественники на престолѣ, онъ въ своемъ законодательствѣ все-таки усиленно развиваетъ именно вторую, регламентарную сторону. При этомъ, какъ говоритъ М. Богословскій, «вмѣсто прежнихъ коротенькихъ нормъ, которыя

отрывочно опредѣляютъ отдѣльные частные казусы, и пробѣлы которыхъ восполняются указаніями обычая, оно замыкается въ форму подробныхъ, обширныхъ уставовъ, предусматривающихъ и старающихъ опредѣлить каждую мельчайшую деталь». Петръ Великій не отрицаетъ за своими подданными потенціальной способности къ воспріятію всѣхъ тѣхъ культурныхъ благъ, которыми наслаждаются западноевропейскіе народы и которыя онъ намѣревался своею реформою пересадить на русскую почву. По мнѣнію П. Н. Милюкова, Петръ Великій, приступая къ своему дѣлу, аргументировалъ, вѣроятно, такъ же, какъ и его современникъ Корбъ, а именно: «Русскіе не хуже другихъ народовъ одарены отъ природы. У насъ такіе же руки, глаза и тѣлесныя способности, какъ у людей другихъ націй; если тѣ развили свой умъ, то почему же намъ не развить его: развѣ мы какіе-нибудь выродки человѣческаго рода? Умъ у насъ такой же, и успѣвать мы будемъ такъ же, если только захотимъ». Принявъ психологическую догадку упомянутаго ученаго, какъ весьма правдоподобную, надо сказать, что она приписываетъ Петру аргументацію, построенную на идеѣ «естественнаго» или «нормальнаго» человѣка. Но о послѣднемъ, поскольку рѣчь идетъ о русскихъ, Петръ держится очень низкаго мнѣнія: русскіе для него либо животныя, либо дѣти. «Я, — говоритъ онъ, — имѣю дѣло не съ людьми, а съ животными, которыхъ хочу передѣлать въ людей»... «Нашъ народъ, яко дѣти, — заявляетъ онъ далѣе, — неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не принуждены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что явно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ». Не мудрено, что при такомъ взглядѣ на подданныхъ государство Петра развиваетъ широкую полицейскую дѣятельность, подчиняющую своему бдительному попеченію и контролю даже самые интимные уголки частной и личной жизни. Подданный Петра Великаго, читаемъ мы у М. Богословскаго, «не только обязанъ былъ нести установленную указами службу государству, онъ долженъ былъ жить не иначе, какъ въ жилищѣ, построенномъ по «указному» чертежу, носить «указное» платье и обувь, предаваться «указнымъ» увеселеніямъ, «указнымъ» порядкомъ

и въ «указныхъ» мѣстахъ лѣчиться, въ «указныхъ» гробахъ хорониться и «указнымъ» образомъ лежать на кладбищѣ, предварительно очистивъ душу покаяніемъ въ «указные» сроки». Описанный громадный кругъ заботъ о подданныхъ, принятыхъ на себя властью при Петрѣ Великомъ, только съ виду находится въ противорѣчіи съ раньше характеризованной нами же программою этого государя. На самомъ же дѣлѣ тутъ нѣтъ никакого противорѣчія, такъ какъ благоденствіе подданныхъ въ заботахъ петровскаго правительства являлось только средствомъ для возвеличенія самого государства, совершенно заслонявшаго собою живого человѣка. Желая обезпечить за своими предписаніями точное исполненіе, Петръ, какъ было упомянуто, не боялся для этого прибѣгать къ суровому и непреклонному принужденію, имѣя при этомъ еще возможность сослаться на примѣръ заграничныхъ правительствъ. «И когда, — откровенно признавался онъ, — въ томъ старомъ и заобыкломъ государствѣ (Голландіи) принужденіе чинится, которое и безъ того, какъ обычаемъ долгимъ, въ коммерціи цвѣтетъ, такъ и едино сіе пропитаніе имѣетъ, то кольми паче у насъ надобно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ». Но это принужденіе, въ отличіе отъ практики московскаго государства, должно примѣняться теперь лишь послѣ того, какъ не удалось убѣдить подданныхъ въ цѣлесообразности и разумности предпринятыхъ мѣръ и послѣднія встрѣчены неповиновеніемъ. Обычная форма указовъ XVII в. еще проста и лаконична, начинаясь словами: «А буде которые люди учнутъ дѣлать то-то и то-то», и кончаясь угрозой: «... и тѣхъ людей казните безъ всякаго милосердія». Указы же Петра Великаго составлены такимъ образомъ, что за краткимъ изложеніемъ содержанія новаго предписанія слѣдуетъ мотивировка, которая начинается союзомъ «понеже» и часто разрастается въ цѣлыя поученія политическаго, юридическаго, даже естественно-научнаго характера. Ограничимся для подтвержденія сказаннаго приведеніемъ одного примѣра такой мотивировки, совершенно излишней по элементарности вопроса, котораго она касается, и этимъ доказывающей педантичную принципіальность власти въ этомъ дѣлѣ. Подтверждая новымъ

указомъ отъ 22 декабря 1718 г., чтобы прошенія на имя государя подавались не ему лично, а чрезъ установленныя учрежденія, власть считаетъ нужнымъ объяснить свое требованіе слѣдующимъ образомъ: «Понеже челобитчики непрестанно его царскому величеству докучаютъ о своихъ обидахъ вездѣ, во всякихъ мѣстахъ, не дая покою; и хотя съ ихъ стороны легко разсудить можно, что всякому своя обида горька есть и несносна, но притомъ каждому разсудить же надлежитъ, что какое ихъ множество, а кому бьютъ челомъ. одна персона есть, и та коликими воинскими и прочими несносными трудами объята, что всѣмъ извѣстно есть. И хотя бъ и такихъ трудовъ не было, возможно ль одному человѣку за такъ многими усмотрѣть? Воистину, не точію человѣку, ниже ангелу, и т. д.». Въ отношеніяхъ власти къ подданнымъ послѣдующими царствованіями Анны и Елизаветы ничего новаго внесено не было, такъ какъ первое вообще характеризуется чисто дѣловымъ направленіемъ, а принципіальность второго, какъ извѣстно, сводится къ національной реакціи противъ господства иноземщины.

Правительственная дѣятельность Екатерины II, кромѣ устроенія и регламентаціи главныхъ сторонъ и отдѣльныхъ проявленій государственной и народной жизни, возобновила политику гражданскаго воспитанія населенія, мало примѣнявшуюся ея предшественницами на престолѣ. Власть опять стала вводить подданныхъ въ кругъ своихъ идей, дѣлала ихъ участниками своихъ заботъ и трудовъ, посвящала въ мотивы предпринимаемыхъ законодательныхъ предположеній и административныхъ мѣропріятій, наконецъ, призывала представителей общества къ участію въ ихъ обсужденіи и проведеніи въ жизнь. Такая политика, въ свою очередь, могла и, пожалуй, должна была, несмотря на всѣ временныя разочарованія, какъ бы они ни были жестоки, пріучить населеніе къ разсмотрѣнію личныхъ и частныхъ нуждъ подъ болѣе широкими углами зрѣнія мѣстной пользы, классовыхъ или сословныхъ интересовъ, народнаго и государственнаго блага, привить гражданскую точку зрѣнія на вещи и научить солидарности въ отстаиваніи своихъ интересовъ. Къ характеризованной категоріи официальныхъ актовъ Екатерины относятся, конечно, прежде всего ея пер-

вые дебюты съ Наказомъ и Большой комиссіей. Въ Наказѣ, призывающемъ населеніе къ выбору депутатовъ въ «Комиссію для сочиненія новаго уложенія», предусмотрительно указывалось, что новый кодексъ законовъ долженъ быть составленъ путемъ согласованія изложенныхъ въ Наказѣ императрицы общихъ принциповъ съ «мѣстными нуждами и недостатками» въ изображеніи самихъ избирателей. Заканчивался Наказъ заклинаніемъ, что, «Боже сохрани, послѣ скончанія трудовъ комиссіи былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на земли», нежели русскій. При открытіи комиссіи депутаты приглашались «порадѣть объ общемъ благѣ, о блаженствѣ рода человѣческаго и своихъ любезныхъ согражданъ». Спустя двѣ недѣли, предсѣдатель Бибиковъ счелъ уже возможнымъ увѣрять присутствующихъ, что «во всеобщемъ благоденствіи мы первенствуемъ». Въ XVII вѣкѣ русскій народъ былъ раздѣленъ на отдѣльные «чины», которые имѣли каждый свои особыя права и обязанности, охраняемыя и взыскиваемыя государствомъ, и не объединялись никакими общими культурными и хозяйственными интересами. А въ комиссіи нѣкій дворянскій предводитель соглашался, что «крѣпостные суть равное намъ созданіе» и только «разность случаевъ возвела насъ на степень властителей надъ ними». Депутатъ отъ городовъ заявляетъ, что передъ нелицепріятнымъ закономъ «воръ всегда воръ, подлый ли онъ или благородный». Въ депутатскихъ наказахъ 1767 г. встрѣчается ходатайство «о выборѣ судей всѣмъ обществомъ всего уѣзда», т.-е. предлагается введеніе мѣстной всесословной организаціи для обслуживанія земскихъ нуждъ. На самомъ дѣлѣ, Комиссія, однако, не составила проекта новаго уложенія, невзирая на возвышенныя слова правительства и благія намѣренія депутатовъ. Главная причина внутренняго безсилія заключалась въ реальной, неустранимой единичными высокими порывами противоположности сословныхъ интересовъ, въ стремленіи каждой группы сохранить и, если возможно, преумножить за счетъ другихъ свои привилегіи и монополіи.

Потерпѣвъ неудачу съ попыткой коренного переустройства, съ помощью мудрыхъ законовъ, всего зданія русской

жизни, и объясняя исходъ своихъ усилій испорченностью «нравовъ» и отсталостью «умоначертанія» своего народа, Екатерина одна приступаетъ къ исправленію первыхъ и къ развитію второго, для созданія изъ подрастающаго поколѣнія «новой породы людей». Отсюда вытекаютъ ея педагогическіе опыты съ устройствомъ общественной школы, съ воспитательными задачами, и публицистическая дѣятельность, въ качествѣ редактора еженедѣльника («Всякая Всячина»), для руководства и инспирированія русскаго общественнаго мнѣнія. Учрежденіе для управленія губерніи 1775 г. должно было содѣйствовать въ двоякомъ отношеніи росту общественности среди населенія: возбужденію его самодѣятельности и освобожденію отъ правительственной опеки. Оно отводило tремъ свободнымъ состояніямъ, на первомъ мѣстѣ дворянству, большое участіе въ разныхъ органахъ мѣстнаго управленія и суда, а въ нѣкоторыхъ соединяло ихъ выборныхъ въ совмѣстной работѣ, возстановляя этимъ, хотя бы въ принципѣ, прежнее единеніе земскихъ элементовъ въ обслуживаніи, по крайней мѣрѣ, мѣстныхъ государственныхъ нуждъ. Жалованныя грамоты 1785 г. превращали служилый и тяглый классы въ дворянское и городское общества, разсматривая ихъ, стало-быть, какъ двѣ внутренне однородныя бытовыя и правовыя корпораціи, и этимъ полагали начало, съ одной стороны, освобожденію государства отъ чрезвычайно обременительной для него полицейской дѣятельности въ широкомъ смыслѣ этого слова, съ другой — возможности проявленія въ правомѣрныхъ и организованныхъ формахъ личной и коллективной инниціативы на почвѣ культурнаго и соціально-экономическаго самоопредѣленія населенія. Указомъ отъ 19 февраля 1786 г. приказано было въ обращеніяхъ къ верховной власти именоваться не «рабами», а «подданными». Но и всѣ эти усилія Екатерины насадить общественность, какъ извѣстно, оказались тщетными.»

На чемъ же строила императрица свои расчеты на успѣхъ задуманныхъ плановъ? Когда Екатерина II возымѣла намѣреніе перестроить русскую дѣйствительность по отвлеченнымъ выкладкамъ политической философіи своего времени, опытомъ не провѣреннымъ и на практикѣ не испытаннымъ, она исходила изъ чисто умозрительныхъ или,

по крайней мѣрѣ, раціонализированныхъ соображеній и доводовъ. Прежде всего императрица не останавливалась передъ вопросами о внутренней продуманности самихъ философскихъ выкладокъ и положеній, такъ же, какъ и ихъ вразумительности и практичности для подданныхъ. Свой планъ она ставила въ преемственную связь съ реформаторской дѣятельностью Петра Великаго. Съ послѣдней онъ имѣлъ якобы одну общую тенденцію лишь возвращенія Россіи къ своимъ естественнымъ началамъ, какъ искони европейской державы. Отъ нихъ она была отторгнута дѣйствіемъ чисто случайныхъ и, вѣроятно, потому, на взглядъ Екатерины, малозначущихъ причинъ, какъ сосѣдство чужихъ народовъ и вліяніе новыхъ климатическихъ условій, вызванныя расширеніемъ государственной территоріи. Отрицая, очевидно, за этими причинами способность произвести коренныя измѣненія въ природѣ русской страны, въ силу, такъ сказать, ихъ «случайности» или «инородности», Екатерина полагала, что на новоздѣланной русской почвѣ, не обремененной органически связанными съ нею культурно-историческими традиціями, политическія идеи западно-европейскаго просвѣщенія дадутъ скорые и богатые всходы. Это разсужденіе Екатерины въ духѣ предполагаемаго тождества русскаго и западно-европейскаго развитія удивительно напоминаетъ приведенную выше цитату изъ записокъ современника Петра, Корба, обрисовывающаго царя, какъ яркаго раціоналиста. Разсужденіе Екатерины должно было связать ея преобразовательную дѣятельность съ реформою Петра, освятить, стало-быть, ее идеею исторической преемственности и доказать правильность начинаній обоихъ государей на основаніи, такъ сказать, позитивныхъ, а именно естественно-научныхъ данныхъ. Но, на самомъ дѣлѣ, если вглядываться глубже, ходъ мыслей въ обоихъ случаяхъ вполнѣ раціоналистиченъ, и различіе, между ними существующее, не принципіальнаго, а количественнаго характера. Петръ аргументировалъ абстракціей «естественнаго человѣка», Екатерина исходила изъ типологическаго понятія «европейской державы». Отвлекаясь отъ вопроса о томъ, чьи теоретическія построенія, Петра или Екатерины, проникнуты бо́льшимъ раціонализмомъ, мы въ

состоянiи отмѣтить, что въ отношенiи методовъ управленiя ни того, ни другую въ недостаточной реалистичности упрекнуть нельзя. Именно не въ послѣднемъ счетѣ императрица уповала все-таки на свою власть, надѣленную всѣми средствами внѣшняго принужденiя подданныхъ къ выполненiю предписанiй свыше; дѣйственное значенiе этихъ средствъ подсказало еще публицисту XVII.в. Ю. Крижаничу уподобленiе самодержавной власти съ жезломъ Моисея, способнымъ выбить воду изъ камня. «Что, — спрашиваетъ, въ свою очередь, Екатерина, еще будучи великой княгиней, — можетъ противиться безграничной власти абсолютнаго монарха, управляющаго воинственнымъ народомъ?» А въ арсеналѣ Екатерины II имѣлось, кромѣ того, другое, болѣе тонкое орудiе — убѣжденiя общества въ правильности и благодѣтельности своихъ распоряженiй. Это популяризацiя знанiя всѣхъ областей современной науки и моральной философiи въ согласныхъ съ видами правительства офицiальныхъ указахъ и церковныхъ проповѣдяхъ, литературѣ и публицистикѣ для руководства умами и сердцами подданныхъ. Этотъ способъ воздѣйствiя былъ введенъ въ обиходъ государственнаго управленiя еще Петромъ I. Нѣсколько заброшенный его ближайшими преемниками, онъ былъ снова пущенъ въ ходъ и доведенъ до совершенства Екатериною II. Новая черточка, внесенная Екатериною II въ дѣло руководства общественнымъ мнѣнiемъ, состоитъ въ томъ, что императрица старалась дѣйствовать не на одинъ разумъ, какъ Петръ Великiй, но и на чувства народа. Она вынуждала у него не только повиновенiе, но и довѣрiе и сочувствiе. Вѣря глубоко въ абсолютную непреложность теоремъ и сентенцiй философiи своего вѣка и считая себя ихъ точной истолковательницей, она оставляла подданнымъ лишь трудъ вдумчиваго усвоенiя и благодарнаго исполненiя своихъ предначертанiй. Такъ, первой и доминирующей заботой Екатерины II, послѣ переворота 28 iюня, стало, конечно, укрѣпленiе собственнаго положенiя, помимо внѣшнихъ мѣръ, разъясненiемъ необходимости и правомѣрности всего происшедшаго. Манифестъ 28 iюня сообщалъ къ свѣдѣнiю всѣхъ, что занять престолъ ее принудило сознанiе опасностей, которыми минувшее царствованiе угрожало ея вѣр-

ноподданнымъ, а также «явное и нелицемѣрное ихъ къ тому желаніе», оказавшееся вскорѣ, въ другомъ офиціальномъ документѣ (рескриптѣ на имя русскаго посла въ Берлинѣ), уже «всеобщимъ и единогласнымъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ желаніемъ и прошеніемъ». Далѣе, въ частной бесѣдѣ съ Бецкимъ Екатерина II заявила, что своей властью обязана «Богу и избранію моихъ подданныхъ», а въ черновикѣ манифеста о престолонаслѣдіи мы встрѣчаемъ уже ссылку на «чудный промыселъ Всевышняго, вручившаго намъ самодержавство сей имперіи образомъ, человѣческимъ предвидѣніемъ непостижимымъ». Такимъ образомъ, нравственно-правовыми основаніями своей власти Екатерина опять выдвигаетъ и Божью милость, наличность которой при восшествіи ея на престолъ молчаливо предполагается, и народное избраніе, фактъ коего засвидѣтельствованъ радостными привѣтствіями столичнаго населенія новой счастливой обладательницѣ императорской короны. Въ своемъ Наказѣ же Екатерина считаетъ нужнымъ изложить свою политическую програму. Указавъ на «вредъ самовластія» по «гибельнымъ послѣдствіямъ», какія произошли отъ него въ предыдущее царствованіе, и обѣщавъ, наоборотъ, вести управленіе чрезъ «государственныя учрежденія по точнымъ и постояннымъ законамъ», Екатерина II уже по-своему опредѣляетъ объемъ власти и ея назначеніе по отношенію къ подданнымъ, снова устанавливая своимъ опредѣленіемъ, какъ отличительные признаки абсолютной монархіи отъ деспотіи, подзаконность дѣйствій ея главы и служеніе ея народному благу. «Есть случаи,—гласитъ Наказъ,—гдѣ власть должна ограничивать себя предѣлами, ею же самой себѣ положенными»..., наоборотъ, «самодержавство разрушается, когда государь свои мечты ставитъ выше законовъ». «Въ противоположность льстивому взгляду, твердящему владыкамъ, что народы для нихъ сотворены», «мы,—возвѣщаетъ Наказъ въ духѣ просвѣщенныхъ монарховъ,—думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для народа нашего». Наконецъ у Екатерины былъ еще факторъ въ распоряженіи, наличность котораго вселяла ей спокойствіе и бодрость духа въ отношеніи осуществимости ея предпріятія, это—она сама, ея увѣренность въ себѣ, въ

своихъ личныхъ качествахъ, въ провиденціальномъ характерѣ своей миссіи. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, мы ограничимся однимъ, наиболѣе яркимъ, уже цитированнымъ нами выше въ другой связи. «Чтобы, Боже сохрани,—читаемъ мы въ заключеніи Наказа,—послѣ окончанія сего законодательства, былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ (нежели русскій); намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю». Немудрено, что такой взглядъ на себя долженъ былъ укрѣпиться въ Екатеринѣ II, если спустя двѣ недѣли послѣ открытія Большой комиссіи председатель Бибиковъ счелъ уже возможнымъ увѣрять присутствующихъ, что «во всеобщемъ благоденствіи мы первенствуемъ».

Если мы себя теперь спросимъ, чѣмъ объясняется жалкій исходъ начатой Екатериною съ такимъ блескомъ и шумомъ первой законодательной кампаніи, то, поскольку рѣчь идетъ объ одной императрицѣ, на это можно отвѣтить указаніемъ на «теоретичность» дѣла во всѣхъ своихъ основаніяхъ, политическихъ и личныхъ. Вина за исходъ падаетъ именно не столько на книжный характеръ тѣхъ принциповъ, по которымъ Екатерина намѣревалась обновить государство и жизнь народа, сколько на глубокую неискренность, сказавшуюся какъ въ опредѣленіи конечной цѣли всей кампаніи, съ виду высокой, на дѣлѣ узкой, такъ и въ выборѣ средствъ для ея реализаціи, сильно потерявшихъ въ отношеніи яркости и размаха, съ примѣненіемъ ихъ на практикѣ. Согласно вышеприведенному заявленію, «процвѣтаніе» народа и господство наибольшей справедливости въ его жизни являлись стимулами екатерининской «легисломаніи» перваго періода. Но еще до восшествія на престолъ Екатерина въ своихъ запискахъ обнажила настоящіе двигатели своихъ думъ и плановъ. «Государь долженъ заботиться о славѣ страны, потому что это его собственная слава. Онъ долженъ сдѣлать вельможъ и приближенныхъ довольными и богатыми, потому что отъ этого зависитъ его собственное величіе». Уже будучи императрицею, она въ разговорѣ съ иностранными дипломатами заявила: «я бы всѣмъ рискнула для славы». Рискнуть оказалось выгод-

нымъ, такъ какъ, несмотря на то, что «дѣло» сорвалось, «слава законодательницы» все же прогремѣла на всю Европу. Вскорѣ послѣдовали новыя рискованныя предпріятія, «которыя дали, — какъ говоритъ П. Н. Милюковъ, — вкусамъ и стремленіямъ Екатерины болѣе легкое и благодарное примѣненіе», подаривши ее «славою завоевательницы». Что же касается широкой гласности, къ содѣйствію которой Екатерина обращалась для осуществленія своего грандіознаго предпріятія, то на практикѣ были приняты весьма дѣйствительныя мѣры, чтобы неожиданно развернувшіяся перспективы не вызвали непредвидѣнныхъ осложненій. Наказъ свой Екатерина разрѣшила имѣть только въ присутственныхъ мѣстахъ, «единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ и чтобы оный никому, ни изъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, ни изъ постороннихъ, не только для списыванія, но ниже для прочтенія даванъ не былъ».

Во второмъ періодѣ ея царствованія въ Екатеринѣ подъ вліяніемъ пережитого замѣтно сильное отрезвленіе. Реальный міръ выростаетъ для нея до значенія, какое раньше въ ея планахъ и дѣйствіяхъ имѣли отвлеченности. Подобно тому, какъ тогда она находилась подъ обаяніемъ чистыхъ идей, теперь ею владѣютъ факты грубой дѣйствительности. Дворянство стало для нея синонимомъ народа, выраженныя имъ въ избирательныхъ наказахъ и депутатскихъ рѣчахъ въ Комиссіи 1767 г. пожеланія — рѣшающимъ критеріемъ для реформы мѣстнаго управленія и соціальнаго законодательства. И теперь уже вполнѣ конкретные заграничные образцы, а именно аристократическій строй англійскихъ областныхъ судебно-полицейскихъ учрежденій въ изображеніи «Комментарій на англійскіе законы» Блэкстона и чисто феодальные порядки остзейскаго края, по сообщеніямъ гр. Я. Сиверса, должны были оправдать цѣлесообразность проводимыхъ реформъ. Намъ еще предстоитъ ознакомиться съ тѣмъ, какъ и почему и эти реформы, вопреки своимъ прообразамъ, послужили только для большаго усиленія власти за счетъ общественной самодѣятельности.

Такимъ образомъ мы прослѣдили, во что обратились въ дѣйствительности на русской почвѣ отношенія между

властью и подданными въ сравненіи съ тѣмъ, какъ ихъ представляли себѣ теоретики абсолютной монархіи. Посмотримъ теперь, на чемъ покоилась эта власть, сохранила ли она подъ собою тѣ или другія принципіальныя основанія, какъ она была организована. Съ этой точки зрѣнія намъ придется, во-первыхъ, выяснить, какой монархіей была Россія XVIII в. — наслѣдственной, избирательной или вотчинной. Во-вторыхъ, остается отвѣтить еще на другой вопросъ, тоже дебатировавшійся послѣдователями теоріи естественнаго права, въ примѣненіи къ русской дѣйствительности, а именно, чѣмъ является самодержавная Россія XVIII в. — деспотіей или подзаконной монархіей.

Въ московскомъ государствѣ, въ силу обычая, установилось начало единонаслѣдія въ нисходящей линіи въ порядкѣ первородства, хотя попытки возвратиться къ принципу родового старшинства не прекращались, можно сказать, до самаго пресѣченія дома Рюриковичей; вспомнимъ интриги у постели тяжко больного Ивана Грознаго. Съ прекращеніемъ Рюрикова рода, въ связи съ обстоятельствами Смутнаго времени, и можетъ быть не безъ вліянія иностранныхъ примѣровъ, престолъ московскихъ царей сталъ избирательнымъ, каковой характеръ онъ, судя по нѣкоторымъ сообщеніямъ иностранныхъ путешественниковъ, сохранилъ въ теченіе всего XVII вѣка. Выборный характеръ носила власть не только Годунова, не только Лжедмитрія и Шуйскаго, но и царей изъ новой династіи Романовыхъ. Правда, выборы не всегда представляли собою актъ свободнаго договора между обѣими сторонами, народомъ и его будущимъ государемъ. Только Борисъ Годуновъ, предполагаемый основатель новой царской династіи, и родоначальникъ дома Романовыхъ, Михаилъ Өеодоровичъ вступили на престолъ «по всенародному», на земскомъ соборѣ, «избранію». Воцареніе Алексѣя Михаиловича было подтверждено соборомъ, а его преемниковъ, Өеодора, Петра и Ивана, тоже сопровождалось избраніемъ, хотя даже прежнія старыя формы уже не были соблюдены, и роль «народа» исполняла болѣе или менѣе случайная толпа столичнаго населенія подъ руководствомъ разныхъ придворныхъ кружковъ. Оба послѣднихъ царя занимали престолъ даже

одновременно, при чемъ двоевластіе столь же легко установилось, какъ потомъ безшумно и незамѣтно прекратилось. Петръ Великій рѣшается положить конецъ неопредѣленности, царящей въ столь важномъ для устойчивости государственнаго порядка вопросѣ, и установить точнѣй и опредѣленнѣй законъ наслѣдованія престола. Онъ чувствовалъ всю силу тяготѣнія общества и даже, если можно такъ выразиться, правительственнаго механизма къ старому, автоматически функціонирующему началу преемства власти отъ отца къ сыну, онъ считался, какъ мы увидимъ дальше, съ этимъ укоренившимся въ народѣ взглядомъ, но, тѣмъ не менѣе, не возвелъ освященный традиціей обычай въ законъ. построивъ систему престолонаслѣдія, наоборотъ, на волѣ царствующаго императора, выражаемой имъ въ своемъ завѣщаніи. «За благо разсудили мы, — такъ гласитъ указъ 5 февраля 1722 г., — сей уставъ учинить, дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя: кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство; и опредѣленному, видя какое непотребство, паки отмѣнитъ, дабы дѣти и потомки не впали въ такую злость, какъ выше писано, имѣя сію узду на себѣ». Внушило императору указъ желаніе предотвратить возможность занятія престола несостоятельными, съ точки зрѣнія блага страны, государями, какими были въ прошломъ Өеодоръ Ивановичъ и старшій братъ Петра, Иванъ Алексѣевичъ, и какимъ обѣщалъ стать его сынъ Алексѣй Петровичъ. Черезъ своего офиціоза, «Правду воли монаршей», царь обосновываетъ свой указъ «резонами» естественнаго права, «отъ разсужденія власти всѣхъ общеродителей» и «власти родителей-государей» въ особенности, въ пользу идеи правомѣрности отстраненія послѣдними своихъ «злонравныхъ дѣтей» отъ наслѣдства: право лишать сына престола коренится въ неограниченномъ самодержавномъ характерѣ власти, переносимой на царя милостью Божіей и народной волею. Тотъ же офиціозъ предусматриваетъ случаи возвращенія права распоряжаться престоломъ къ своему первоисточнику, народу, а именно, когда императоръ умретъ безъ завѣщанія, т.-е. не назначивъ себѣ преемника. Если при этомъ у царя есть наслѣдники, то народъ, выбирая ему преем-

ника, связанъ въ своемъ рѣшеніи наличнымъ составомъ государевой семьи, ему даже рекомендуется «всякими правильными догадками испытывать, какова была или быть могла воля государева». «Когда же оскудѣетъ вся ближайшая фамилія, а послѣдній въ ней государь никого въ наслѣдники не опредѣлилъ... тогда воля, бывшимъ монархомъ отданная, возвращается къ народу». Но въ какія формы должна претвориться народная воля, въ случаѣ наступленія указанныхъ обстоятельствъ, т.-е. необходимости избранія на престолъ новаго государя, объ этомъ хранятъ полное молчаніе, какъ указъ Петра отъ 5 февраля, такъ и названный офиціозъ.

Въ своей политической исторіи Россія XVIII в. на самомъ дѣлѣ пережила моменты, когда вступали въ силу условія примѣненія, какъ закона Петра о престолонаслѣдіи, такъ и офиціозныхъ къ нему разъясненій. Между тѣмъ вопросъ каждый разъ разрѣшался не въ томъ смыслѣ и другими средствами, чѣмъ предусматривалось этими актами.

Послѣ Петра престолъ долженъ былъ, если держаться стараго обычнаго порядка, перейти къ его прямому потомству по нисходящей линіи, внуку или одной изъ дочерей, или же, руководствуясь новымъ закономъ о престолонаслѣдіи, быть замѣщеннымъ по выбору народа. На престолъ на самомъ дѣлѣ возводится Екатерина I «синодомъ, сенатомъ и генералитетомъ», какъ офиціально разъясняетъ манифестъ, т.-е. бюрократіей, въ дѣйствительности же просто кучкой придворныхъ во главѣ съ Меньшиковымъ, опирающимся на гвардію. Екатерина I сперва подтверждаетъ указъ супруга, но потомъ, въ отмѣну его, опредѣляетъ по завѣщанію не только своего ближайшаго наслѣдника Петра II, но, связывая его волю и дальнѣйшій порядокъ замѣщенія престола, намѣчая, въ случаѣ бездѣтной смерти Петра II, ему въ преемники дочерей Петра В., Анну и Елизавету, каждую со своимъ потомствомъ, за ними внуку его Наталію Алексѣевну. Верховный тайный совѣтъ не считаетъ установленную Екатериной I очередь для себя обязательной, передаетъ корону въ боковую линію, въ руки младшей племянницы Петра В., Анны Курляндской, въ обходъ старшей, Екатерины Мекленбургской, и, въ числѣ

другихъ ограниченій, лишаетъ свою избранницу права замѣщенія престола по своему выбору. Воспріявъ самодержавную власть путемъ отказа отъ подписанныхъ ею избирательныхъ условій, Анна Ивановна, идя по стопамъ Екатерины I, опять устраиваетъ судьбу русскаго престола черезъ голову будущаго императора Ивана Антоновича. Но послѣдній самъ, едва успѣвъ вступить на престолъ, смѣщается и заключается въ тюрьму-крѣпость, т.-е. лишается не только власти, но и личной свободы, а сверхъ того, время его царствованія оффиціально вычеркивается изъ русской исторіи съ переименованіемъ въ «правленіе герцога Курляндскаго (Бирона) и принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской» (см. «Полное Собр. Зак.»). Елизавета Петровна въ манифестѣ, объявляющемъ объ ея восшествіи на престолъ, основываетъ свое право, во-первыхъ, «на единогласной просьбѣ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, а особливо лейбъ-гвардіи полковъ, т.-е. на своего рода избраніи народомъ, и во-вторыхъ, «на близости по крови къ самодержавнымъ вседражайшимъ родителямъ», т.-е. моментѣ династическомъ, какъ бы равносильномъ ихъ прямому волеизъявленію по завѣщанію. Своимъ преемникомъ она предназначаетъ племянника герцога Петра Гольштинскаго. Когда въ концѣ іюня 1762 г. супруга послѣдняго, Екатерина II, захватила власть въ свои руки, короткое время русскій престолъ юридически занимали три лица: а именно, кромѣ самой Екатерины II, злосчастный Петръ III въ Ропшѣ и несчастный Иванъ VI въ Шлиссельбургѣ. Жертвами личнаго карьеризма пали оба низложенныхъ императора: слабоумнаго Петра умертвили его тюремщики съ А. Орловымъ во главѣ, желая угодить императрицѣ, а виновникомъ смерти безумнаго Ивана сдѣлался, наоборотъ, его освободитель, армейскій поручикъ Мировичъ, рѣшившійся на такой шагъ въ надеждѣ, въ случаѣ успѣха, сразу поправить свои дѣла; но согласно инструкціи, при первомъ же признакѣ движенія среди гарнизона начальникъ крѣпостной стражи самъ закололъ таинственнаго узника. Екатерина II, въ свою очередь, заставивъ сперва населеніе принести клятву вѣрности, «какъ законному всероссійскому престола наслѣднику», сыну

Павлу, впослѣдствіи распорядилась въ своемъ завѣщаніи о переходѣ, послѣ ея смерти, короны къ внуку Александру, т.-е. обнаружила тенденцію къ возврату отъ провозглашеннаго ея предшественницею Елизаветою Петровною «кровнаго» начала, иначе принципа династическаго, содержащаго въ скрытомъ видѣ не что иное, какъ стародавній московскій порядокъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи,—къ личному усмотрѣнію, устанавливаемому указомъ Петра В. отъ 5 февраля 1722 г. Этому испытанію умовъ и колебанію государственныхъ устоевъ, казалось, былъ положенъ конецъ Павломъ I, нашедшимъ спасительную формулу въ томъ, чтобы «наслѣдникъ былъ всегда назначенъ закономъ самимъ». Достигнуть устойчивости въ данномъ вопросѣ являлось возможнымъ только, предоставляя замѣщенія престола не свободному выбору монарха или народа, а механическому дѣйствію физическаго начала старшинства въ прямомъ нисходящемъ порядкѣ слѣдованія поколѣній царствующаго рода. Этотъ порядокъ, съ приведенной выше мотивировкою, былъ выработанъ Павломъ еще въ бытность его великимъ княземъ, вмѣстѣ съ супругою Маріею Өеодоровною, въ духовномъ завѣщаніи его отъ 4 января 1788 г., и уже по восшествіи на престолъ указомъ отъ 5 апрѣля 1797 г. возведенъ въ степень основного закона. Но это не остановило Павла отъ намѣренія, въ нарушеніе имъ же самимъ изданнаго закона, назначить своимъ наслѣдникомъ принца Евгенія Вюртембергскаго, сославъ Марію Өеодоровну въ Холмогоры и заточивъ великихъ князей, Александра въ Шлиссельбургскую, а Константина въ Петропавловскую крѣпости. Когда совершилась катастрофа 11 марта 1801 г., стоившая Павлу I не только престола, но и жизни, то совершенно неожиданно для заговорщиковъ оказалось, что кромѣ преобладающей партіи, желавшей возвести на престолъ Александра, были и сторонники Маріи Өеодоровны, при чемъ только съ большимъ трудомъ удалось уговорить внезапно овдовѣвшую императрицу отказаться отъ своихъ требованій.

Такимъ образомъ по вопросу крупнѣйшей важности о преемствѣ государственной власти, правильное разрѣшеніе котораго обезпечиваетъ непрерывность дѣйствія послѣдней, вну-

треннее политическое развитіе Россіи XVIII вѣка не выработало опредѣленнаго принципа. Изъ трехъ видовъ перехода власти, возможныхъ въ монархическихъ государствахъ, наиболѣе типичный и правильный,—наслѣдованіе, въ особенности по закону, не нашелъ себѣ признанія въ русскомъ абсолютизмѣ на протяженіи указаннаго вѣка. Принятая въ теоріи къ самому исходу вѣка, система престолонаслѣдія въ порядкѣ первородства въ дѣйствительности не разъ подвергалась серьезнымъ опасностямъ и впослѣдствіи. Изъ двухъ остальныхъ видовъ въ Россіи введена была Петромъ В. передача короны по завѣщанію послѣдняго царствовавшаго монарха, наименѣе въ сущности отвѣчавшая публично-правовому характеру государственной власти. Офиціально никогда не отмѣненное завѣщательное начало, однако, постоянно нарушалось въ угоду принципа «народнаго» избранія, которое, если бы оно происходило въ строго установленныхъ формахъ, превратило бы Россію въ республику, подобно Польшѣ, съ пожизненнымъ главою, носящимъ титулъ императора. Резюмируя вышеизложенные факты, касающіеся смѣны лицъ на русскомъ престолѣ въ XVIII вѣкѣ подъ указаннымъ угломъ зрѣнія, приходится сказать слѣдующее.

Если отличительнымъ признакомъ государственнаго быта можно считать господство возможно большей устойчивости и неизмѣнности въ его внутреннихъ отношеніяхъ, охраняемой объективными нормами, съ принудительною силою въ той или иной формѣ, то въ постановкѣ вопроса о престолонаслѣдіи практика русскаго государства XVIII вѣка не представляетъ собою не только никакого успѣха, а наоборотъ, шагъ назадъ по сравненію съ предыдущимъ столѣтіемъ. Установленіе Петромъ I завѣщательнаго принципа означаетъ собою явный рецидивъ въ политическомъ самосознаніи русскихъ государей. Оно сближаетъ его съ первымъ царемъ на московскомъ престолѣ, Иваномъ III, въ дѣйствіяхъ котораго неоднократно вотчинникъ боролся съ государемъ. «Развѣ я не воленъ,—заявилъ названный царь,—въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? Кому хочу, тому и дамъ княженіе». Петръ I и сослался на этотъ историческій прецедентъ въ свое оправданіе. Заказанная Ѳеофану

Прокоповичу аргументація тоже сбивается на вотчинную точку зрѣнія, приравнивая государя съ отцомъ, «устраняющимъ своего сына отъ наслѣдства, въ случаѣ его непокорности волѣ отца». Мы видѣли, какими способами впослѣдствіи рѣшался вопросъ о престолонаслѣдіи, далекими во всякомъ случаѣ отъ предначертаній царственнаго законодателя. Всякія ухищренія мысли, за которыми въ сущности скрывался одинъ расчетъ на грубую, вооруженную силу съ одной, и раболѣпство и дезорганизацію съ другой стороны, пускались въ ходъ при многочисленныхъ перемѣнахъ на престолѣ въ XVIII вѣкѣ для оправданія уже совершившагося факта.

Екатерина I, Анна Ивановна, Елизавета Петровна и Екатерина II были возведены на престолъ небольшой группой лицъ, державшихъ въ своихъ рукахъ весь правительственный механизмъ или располагавшихъ военною силою. Петръ II, Иванъ VI, Петръ III и Павелъ I, хотя и были назначены своими предшественниками, но удержались на престолѣ только благодаря согласію на это сановныхъ людей и до тѣхъ поръ, пока кучкѣ смѣльчаковъ не приходила въ голову мысль замѣнить ихъ государемъ по своему вкусу. Такъ какъ воцареніе Екатерины I, Анны Ив., Елизаветы П. и Екатерины II происходило въ прямое нарушеніе дѣйствующаго на этотъ предметъ закона, установленнаго Петромъ I завѣщательнаго принципа, то всѣ эти перемѣны на престолѣ носили, строго говоря, характеръ переворотовъ; въ формально правомѣрныхъ условіяхъ, т.-е. на основѣ завѣщательнаго начала, совершилось воцареніе только Петра II, Ивана VI, Петра III и Павла I, т.-е. тѣхъ русскихъ государей XVIII вѣка, которые либо промелькнули нѣмыми тѣнями на фонѣ исторіи своего народа, либо запечатлѣлись въ его памяти некрасивой гримасой. Причислить Россію, на основаніи сказаннаго, къ наслѣдственнымъ монархіямъ, конечно, не приходится. Не былъ осуществленъ въ ней и одинъ изъ двухъ остальныхъ видовъ престолонаслѣдія. Колебанія же между завѣщательнымъ и избирательнымъ началами должны были ввергнуть русское государство въ осложненія, которыя обыкновенно влекутъ за собою въ политической жизни страны примѣненіе одного

изъ этихъ началъ. Власть преемниковъ Петра В. была, стало-быть, лишена принципіальности, завися по своему происхожденію отъ чисто случайныхъ условій.

Остается намъ еще выяснить, къ какому изъ двухъ типовъ абсолютной монархіи приближался въ XVIII в. политическій строй Россіи,—другими словами, была ли она монархіей законной, или же тѣмъ, что на языкѣ того времени называлось у насъ деспотичествомъ, управлялась ли она на основаніи извѣстныхъ положительныхъ нормъ помощью организованныхъ учрежденій, съ признаніемъ за подданными минимума гражданскихъ правъ,—иначе, проявлялась ли въ ней воля государя безгранично, непосредственно и самолично, или косвенно, чрезъ тѣ или другіе органы, притомъ именно строго управомоченные.

Русское самодержавіе, такъ же какъ и западно-европейская абсолютная монархія, говоря словами М. Рейснера, «всегда пыталась представить себя рѣзко отличной отъ тираніи и деспотіи». На протяженіи четырехъ столѣтій русскіе государи неукоснительно, но безуспѣшно, стремились къ водворенію начала законности въ русской жизни, въ судѣ и государственномъ управленіи. Эта задача въ XVIII вѣкѣ, какъ мы знаемъ, осложнилась. Въ предыдущее время правительство старалось воздѣйствовать только на своихъ агентовъ, теперь же оно начинаетъ сознавать недостаточность однихъ старыхъ пріемовъ управленія и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость искать опору своимъ попыткамъ и среди самого общества. Оно не только преподаетъ въ своихъ распоряженіяхъ единоличнымъ и коллективнымъ органамъ администраціи извѣстныя правила поведенія и сношенія съ населеніемъ, но и разъясняетъ подробно смыслъ и пользу своихъ узаконеній и мѣропріятій приведеніемъ соотвѣтственной мотивировки въ самихъ актахъ или изданіемъ спеціальныхъ литературныхъ произведеній, адресуясь въ данныхъ случаяхъ къ самому обществу. Кромѣ того, правительство отъ времени до времени приступало къ систематизаціи накопляющагося законодательнаго матеріала. Эта работа въ Московской Руси дала положительные результаты въ видѣ извѣстныхъ двухъ Судебниковъ Ивана III и Ивана IV и Соборнаго Уложенія Алексѣя Михайловича, въ

XVIII же вѣкѣ, по особымъ причинамъ, обрывалась на предварительныхъ стадіяхъ въ созываемыхъ редакціонныхъ и законодательныхъ комиссіяхъ, отчего, конечно, фактъ стремленія и этой эпохи къ обладанію кодексомъ нисколько не умаляется въ своемъ значеніи. На ряду съ этимъ не прекращается за всѣ четыре столѣтія частичная или полная перестройка правительственной машины. Создаются и упраздняются должности и учрежденія, при чемъ подобно тому, какъ въ старой Руси каждому новому должностному лицу при назначеніи дается спеціальная инструкція или особое наставленіе въ руководство при исполненіи служебныхъ обязанностей, въ XVIII вѣкѣ составляются уже цѣлые регламенты для органовъ управленія при самомъ учрежденіи, въ видахъ механическаго урегулированія ихъ дѣлопроизводства и взаимоотношеній, внѣ зависимости отъ личныхъ качествъ самихъ замѣстителей. XVIII вѣку суждено было сверхъ всего того, что можно считать только какъ бы интенсификаціей правительственныхъ заботъ объ искорененіи произвола и водвореніи законности въ дѣлѣ управленія, поставить на разрѣшеніе еще принципіальный вопросъ объ устройствѣ системы надзора за всей совокупностью органовъ власти въ государствѣ, какъ центральнаго, такъ и областного управленія.

Начиная разсмотрѣніе русскаго политическаго строя XVIII в. по указаннымъ рубрикамъ, для опредѣленія его типологической природы, съ перваго изъ трехъ признаковъ, мы должны прежде всего констатировать, что самое понятіе закона, какъ предписанія государственной власти юридически нормативнаго характера, очень туго постигалось въ названное время офиціальной Россіей, какъ, впрочемъ, и остальной Европой. Если въ Московскомъ царствѣ и дѣйствія правительства, и поведеніе частныхъ лицъ регулировались обычаемъ, авторитетъ котораго покоится на признаніи его фактическаго существованія населеніемъ, то въ Петровской имперіи, идущей по стопамъ западно-европейскаго абсолютизма, на мѣсто обычая становится административное приказаніе, настражѣ котораго стоитъ дѣйствительная сила всемогущаго полицейско-бюрократическаго государства новаго времени. Ни въ первомъ, ни во второмъ

случаѣ, однако, мы не имѣемъ дѣла съ закономъ въ юридическомъ смыслѣ этого слова: для возведенія обычая въ законъ ему недостаетъ авторитета государственной власти, какъ источника его возникновенія, превращеніе же полицейскаго распоряженія въ законъ возможно только при условіи сообщенія ему незыблемости и неприкосновенности, которыя обезпечивали бы за нимъ господство надъ всей административной и судебной дѣятельностью государства, воплощающагося въ абсолютной монархіи въ лицѣ самого монарха. При Екатеринѣ II дѣло стало не лучше. Созывая манифестомъ отъ 14 декабря 1766 г. Большую комиссію для составленія новаго уложенія, она ярко и выпукло объясняетъ, какъ цѣль ея созыва, желаніе «видѣть законы въ своей силѣ и почтеніи, а правосудіе въ дѣйствіи». Она критикуетъ въ своемъ Наказѣ содержаніе законодательства своихъ предшественниковъ съ точки зрѣнія его цѣлесообразности, называя «весьма худой ту политику, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями». Доискиваясь причины «господствующаго до сего времени великаго помѣшательства въ судѣ и расправѣ», она, какъ на одну изъ таковыхъ, указываетъ на «несовершенное различіе между непремѣнными и временными законами» въ Россіи. Но это мѣткое сужденіе о разныхъ видахъ законовъ, вычитанное ею, несомнѣнно, у Монтескье, не гарантировало ей, однако, всесторонняго пониманія природы закона вообще. Слѣдуя указаніямъ того же своего ментора, Екатерина проникаетъ довольно глубоко въ смыслъ правовой идеи, устанавливаетъ абсолютное и всеуравнивающее значеніе закона, его нелицепріятный характеръ и зиждительную силу. «Законы,—читаемъ мы въ томъ же памятникѣ,—основаніе державы составляютъ и дѣлаютъ твердымъ и неподвижнымъ установленіе государства». Въ такомъ государствѣ, далѣе, необходимо, чтобы съ одной стороны «всѣ граждане были подвержены тѣмъ же законамъ», а съ другой, «чтобы всѣ боялись однихъ законовъ». Но пониманіе закона вышло у Екатерины все-таки не полное, однобокое, такъ какъ ограничивалось дѣйствіемъ его въ отношеніи подданныхъ. Поскольку же дѣло касалось его отношенія къ своему источнику, власти, законъ сводился

для нея, какъ видно по тому же Наказу, къ «простому и правому разсужденію отца, о чадахъ и домашнихъ своихъ пекущагося». Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ простой обмолвкой или только съ теоретическимъ недомысліемъ, явствуетъ изъ вышеприведеннаго личнаго заявленія Екатерины о своемъ надзаконномъ положеніи, вполнѣ гармонирующаго съ даннымъ опредѣленіемъ полицейско-отеческаго характера законодательной власти, сосредоточенной въ монархѣ. При такомъ положеніи вещей мы въ Россіи XVIII вѣка, несомнѣнно, имѣемъ передъ собою «одну изъ безчисленныхъ попытокъ ввести законность въ абсолютный строй безъ подчиненія самого монарха законамъ», о которыхъ говоритъ М. Рейснеръ въ своей характеристикѣ разложенія западно-европейской абсолютной монархіи. Законность въ ней, какъ «въ абсолютномъ государствѣ можетъ быть только фактическая, поскольку это нужно и выгодно правительству». «Законъ здѣсь предоставленъ вполнѣ на усмотрѣніе монарха», какъ съ формальной, такъ и съ матеріальной стороны. Когда тотъ или другой «законъ» мѣшаетъ «административнымъ цѣлямъ и видамъ,—пишетъ названный авторъ,—государь немедленно прекращаетъ его существованіе. Также отъ воли монарха зависитъ и рѣшеніе вопроса о томъ, въ какой формѣ издать, отмѣнить или измѣнить свое повелѣніе». Всѣ акты правительства по существу являются «актами администраціи», а не «законодательства». А разъ не схваченъ абсолютно непреложный характеръ самого понятія закона, то, конечно, не зачѣмъ искать въ самодержавной Россіи XVIII в. какихъ-либо правовыхъ границъ для государственной власти въ ея отношеніи къ подданнымъ: что она хочетъ, то для нихъ обязательно, но не наоборотъ.

Посмотримъ теперь, какъ дѣло обстояло съ другими конститутивными признаками законной монархіи въ русскомъ государствѣ того времени: прежде всего, было ли оно снабжено, если не правомѣрно дѣйствующими, то, по крайней мѣрѣ, цѣлесообразно организованными учрежденіями для основныхъ функцій по управленію страною.

Въ области законодательства, изъ четырехъ моментовъ, которые долженъ пройти законъ отъ зачинанія до вступле-

нія въ жизнь, инициатива и санкція или утвержденіе къ исходу XVIII в. также безспорно составляло прерогативу верховной власти, какъ право обнародованія почти не оспаривалось у сената, тогда какъ для существеннѣйшей стороны въ дѣлѣ выработки законовъ, для ихъ обсужденія, отъ правильной постановки котораго зависитъ цѣлесообразность содержанія закона, не былъ установленъ опредѣленный порядокъ и не было создано правомочное учрежденіе. Несравненно большей успѣшностью сопровождалась, какъ мы еще увидимъ, организаціонная работа русскаго абсолютизма въ отношеніи судебнаго и правительственнаго аппарата. Но всѣ учрежденія, безотносительно къ тому, какого характера функціи имъ приходилось отправлять, были построены по одному шаблону, на коллегіальномъ началѣ, которое считалось русскими политиками XVIII в. универсальнымъ средствомъ противъ лихоимства и произвола, отличавшаго старыя московскія установленія, въ томъ числѣ и приказы. Самый же крупный недостатокъ русскихъ учрежденій заключается въ томъ, что они не имѣли строго юридической конструкціи, что до самаго конца вѣка они какъ бы являлись не исполнителями точныхъ велѣній закона, а послушными орудіями личной воли монарха, вѣрнѣе, скрывающихся за его спиною временщиковъ и фаворитовъ. Такъ, по Воинскому Уставу Петра В., какъ говоритъ В. Н. Латкинъ, «присутствіе государя въ извѣстномъ мѣстѣ пресѣкаетъ тамъ дѣйствія всѣхъ начальниковъ, власть которыхъ непосредственно переходитъ къ государю». Въ этомъ взглядѣ мы имѣемъ дѣло съ недвусмысленнымъ пережиткомъ стараго вотчиннаго начала, чрезвычайно опаснаго для спокойнаго и правильнаго теченія дѣлъ въ разныхъ органахъ управленія. Сознаніе особенности государственныхъ формъ быта пробуждается только при Екатеринѣ, по Наказу которой за государемъ сохраняется только верховное руководство управленіемъ и разрѣшеніе принципіальныхъ вопросовъ, тогда какъ «для соблюденія добраго порядка учреждаются имъ власти среднія подчиненныя, зависящія отъ верховной власти и составляющія существо правленія». Но отъ пробужденія сознанія до его безповоротнаго проясненія, конечно, очень далекій путь, не говоря уже о

противорѣчіяхъ между словомъ и дѣломъ, которыми не мало грѣшна политика названной императрицы. Правъ А. Д. Градовскій, говоря, что «много надо было крамолъ, измѣнъ, упорнаго сопротивленія царской волѣ, чтобы система личнаго довѣрія, на которой покоилось государственное управленіе, превратилась въ организованное недовѣріе учрежденій». Но не правъ онъ, — если судить объ этомъ предметѣ на основаніи всего намъ теперь извѣстнаго, — когда наступленіе этого момента онъ относитъ къ началу XVIII вѣка, къ царствованію Петра I, такъ какъ на самомъ дѣлѣ указанный переломъ совершился только въ началѣ XIX вѣка, при Александрѣ I.

Можно изумляться тому, какъ рано, какъ страстно и настойчиво стремилась государственная власть упрочить начало законности въ Россіи, и какъ туго, порою, казалось, безъ всякихъ шансовъ на успѣхъ, совершался процессъ его водворенія въ жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неумѣло, въ смыслѣ выбора средствъ, принималось само правительство за это великое дѣло. Еще Иванъ III запрещалъ «отъ суда посулы имати, судомъ мстити, дружити». Грозный внукъ его Иванъ IV находитъ нужнымъ, издавая свой Судебникъ, опять опредѣлить, «какъ судити боярамъ и окольничьимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и дьякомъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городамъ намѣстникомъ, и по волостямъ, и ихъ тіуномъ, и всякимъ судіямъ». Первый царь новой династіи Михаилъ Ѳеодоровичъ снова свидѣтельствуетъ, что «въ городахъ воеводы и приказные люди всякія дѣла дѣлаютъ не по указу и всякимъ людямъ чинятъ насильства и убытки, и продажи великія, и посулы, и поминки, и кормы имѣютъ многіе». Его преемникъ «тишайшій» царь Алексѣй Михайловичъ, въ свою очередь, опять силится поставить какъ слѣдуетъ «государево царское и земское дѣло».

XVIII вѣкъ не увидѣлъ господства права; но пониманіе какъ условій его осуществленія, такъ и причинъ безуспѣшности всѣхъ усилій, направленныхъ къ этой цѣли, растетъ одинаково на правительственныхъ вершинахъ и среди общества. Сенатъ, учрежденный Петромъ въ 1711 г. съ тѣмъ, чтобы «имѣть о монаршеской и государственной пользѣ не-

усипное попеченіе, доброе бы простирать, а все, что вредно можетъ быть, всемѣрно отвращать», своего назначенія не выполнилъ. Вмѣсто «крѣпкаго храненія гражданскихъ правъ», въ немъ самомъ, по отзыву его основателя, «играютъ законами, какъ въ карты, прибирая масти къ масти»... и самъ онъ «зѣло тщится всякія мины чинить подъ фортецію правды». Въ помощь сенату Петръ учреждаетъ институтъ фискальства, генералъ-фискала съ цѣлымъ рядомъ подвѣдомственныхъ ему провинціалъ-фискаловъ, съ весьма широкими задачами по надзору за всѣми отраслями дѣятельности правительства. Названный институтъ предназначался «надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, также въ сборѣ казны и прочаго, и кто неправду учинитъ, то долженъ фискалъ позвать его предъ сенатъ, какой высокой степени ни есть то лицо провинившееся, и тамъ его уличать, и буде уличитъ кого, то половина штрафу въ казну, а другая ему, фискалу». Но задуманъ былъ и функціонировалъ фискалатъ, такъ же, какъ и замѣнившая его прокуратура, за все время своего существованія въ XVIII в., не какъ орудіе твердаго и незыблемаго закона, а какъ органъ личной воли монарха, использовываемый вскорѣ еще для прикрытія частныхъ и случайныхъ теченій въ придворныхъ сферахъ. Прокуроръ — «око царево», а не закона при Петрѣ В. Его дѣятельность регулируется личными инструкціями государя, а ихъ выполненіе зависѣло отъ личныхъ качествъ самого прокурора. О томъ, какъ функціонировало государственное установленіе, въ первую голову долженствовавшее проводить начало законности, въ послѣдующее время, можно судить по отзывамъ Екатерины о сенатѣ за время царствованія ея предшественниковъ. Это «хранилище законовъ въ Россіи», превысивъ права, «выдавало законы», т.-е. захватило непредоставленную ему законодательную власть, «раздавало чины, достоинства, деньги, деревни, — однимъ словомъ, почти все», — иначе говоря, присвоило себѣ и функціи, входящія въ составъ верховнаго управленія, наконецъ, «утѣсняло прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ», — другими словами, нарушало правильное теченіе правосудія. Немудрено, что въ подчиненныхъ ему учрежденіяхъ,

судахъ, «регламенты вовсе позабыли», а такъ какъ «рабо-лѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся», разли-лось «неописанное», то понятно, что они пользовались своимъ правомъ «представлять въ сенатъ противъ сенат-скихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, а въ нарушеніе и попраніе ихъ были изданы». При такихъ усло-віяхъ судъ и администрація превратились, по выраженію И. Дитятина, въ «торжище, на которомъ продавалось и поку-палось все», до закона включительно, гдѣ населеніе должно было оплачивать не только разрѣшеніе воспользоваться сво-имъ правомъ, но и возможность удовлетворенія своихъ обя-занностей по отношенію къ государству, исполненіе своего гражданскаго долга. «Наше сердце содрогнулось,—пишетъ императрица въ томъ же указѣ 1762 г. по поводу своего вос-шествія на престолъ, — когда мы услышали отъ князя Ми-хаила Дашкова, что Новгородской губернской канцеляріи регистраторъ Яковъ Ренбергъ, приводя нынѣ къ присягѣ намъ въ вѣрности бѣдныхъ людей, бралъ и за то съ каждаго себѣ деньги, кто присягалъ».

О томъ, что при самой Екатеринѣ II всѣмъ ея теоре-тическимъ провозглашеніямъ суждено было остаться на бумагѣ, разбиваясь о малосознательность ихъ автора и не-культурность всей русской дѣйствительности, видно изъ записокъ современника и панегириста императрицы, Держа-вина. Говоря, что она «управляла государствомъ и самымъ правосудіемъ болѣе по политикѣ или своимъ видамъ, нежели по святой правдѣ». Державинъ приводитъ факты, служащіе яркой иллюстраціей къ его заявленію. Сообщае-мые имъ два факта относятся ко второй половинѣ царство-ванія императрицы. Они кладутъ темныя пятна на ореолъ законодательницы и правительницы, которымъ окружилъ ее самъ пѣвецъ Фелицы, ставятъ ее, mutatis mutandis, въ одинъ рядъ съ ея современниками на другихъ европей-скихъ престолахъ. Приводимые ниже случаи мы цитируемъ по В. А. Гольцеву, который излагаетъ ихъ содержаніе слѣ-дующимъ образомъ: «До императрицы дошли слухи о злоупотребленіяхъ въ Псковской казенной палатѣ, и она поручила Державину произвести негласное дознаніе. Ока-залось, что злоупотребленій, дѣйствительно, множество.

Дѣлу данъ былъ дальнѣйшій ходъ, и въ то же время чрезъ статсъ-секретаря Турчанинова Екатерина «приказала увѣдомить о дошедшемъ до нея слухѣ И. И. Кушелева, свояка тамошняго вице-губернатора Брылкина, который былъ женатъ на родной сестрѣ покойнаго бывшаго ея фаворита, А. Д. Ланского, дабы онъ послалъ къ Брылкину нарочнаго и остерегъ его, чтобъ онъ взялъ свои мѣры, когда генералъ-губернаторъ прикажетъ о томъ слѣдовать. Лихоимцы и казнокрады,—говоритъ Гольцевъ,—приняли, конечно, свои мѣры, и спустя нѣсколько времени, государыня, призвавъ къ себѣ Державина въ кабинетъ, «ему же голову намылила, что онъ такіе до нея доводитъ слухи и тѣмъ ее безпокоитъ; а потомъ чтобъ онъ и былъ впредь осмотрительнѣе». Другой случай еще характернѣе. «Московскій совѣстный судъ отнялъ у купца Коробейникова его домъ и рѣшительно безъ всякаго основанія, угождая губернатору Лопухину, призналъ домъ собственностью купца Роговикова. Коробейниковъ черезъ фаворита Зубова подалъ жалобу императрицѣ, которая приказала передать дѣло на разсмотрѣніе второго департамента сената. Докладывалъ генералъ-рекетмейстеръ Терскій, «поелику же Безбородка былъ связанъ по любовной интригѣ съ женою Лопухина, котораго былъ приверженецъ Роговиковъ, то натурально Терскій и покривилъ вѣсы правосудія на сторону послѣдняго. Поелику онъ зналъ совершенно нравъ государыни, что она чрезвычайно самолюбива и учрежденіе свое о губерніяхъ почитала выше всѣхъ въ свѣтѣ законовъ, и что вопреки онаго волосомъ никому прикоснуться не позволяла, то онъ, принесши докладъ сената къ императрицѣ, ничего другого ей не сталъ объяснять, какъ только сказалъ: «Вотъ Правительствующій Сенатъ, въ противность Вашего Величества Учрежденія, оставилъ Совѣстнаго Суда рѣшеніе, на мнѣніи обѣихъ тяжущихся сторонъ основанное». Довольно было сего. Государыня разгнѣвалась и подписала на докладѣ Сената: «быть по мнѣнію посредниковъ». Зубовъ, по вторичной просьбѣ Коробейникова, разъяснилъ всю несправедливость приговора суда, на которомъ посредники Коробейникова вовсе не участвовали. Императрица разсердилась и, подумавъ нѣсколько, сказала:

«Что жъ дѣлать? Я самодержавна». Такимъ образомъ изъ приведенныхъ выдержекъ мы видимъ, что сама носительница верховной власти была способна вмѣшаться въ ходъ правосудія, для того, чтобы склонить его вѣсы въ сторону, противоположную истинѣ и справедливости, руководясь при этомъ чувствами личнаго расположенія и тщеславія. Если самодержавіе должно было служить прикрытіемъ нарушенія интересовъ третьихъ лицъ дѣйствующими его же именемъ государственными установленіями, то къ нему, конечно, не приложимъ эпитетъ «законнаго».

Въ сравненіи съ двумя выхваченными изъ конкретной жизни примѣрами, ошибки, допущенныя и усугубленныя Екатериною и въ юридической конструкціи органовъ надзора, пріобрѣтаютъ лишь теоретическій интересъ. На самомъ дѣлѣ при ней еще болѣе подчеркивается частно-правовой характеръ въ положеніи охранителя законности въ государствѣ. Обязанности генералъ-прокурора Екатерина излагаетъ, по случаю назначенія на эту должность кн. Вяземскаго, въ собственноручномъ и притомъ секретномъ письмѣ. Гарантіями успѣшности его дѣятельности она считаетъ «чистосердечіе и откровенность къ своему государю» со стороны генералъ-прокурора и «совершенную къ прокурору довѣренность государя». Въ предсказываемой самой императрицею борьбѣ съ наисильнѣйшими людьми для блюстителя законности «власть государская одна его опора». Въ сомнительныхъ случаяхъ рекомендуется въ первую голову упованіе на Бога и на самое Екатерину, а какъ практическое средство для выхода изъ создавшагося положенія обращеніе за директивами уже къ одной императрицѣ. При условіи «угоднаго мнѣ поведенія, — говоритъ она, — я васъ не выдамъ». Выходитъ, что исполненіе видовъ императрицы является условіемъ поддержки агентовъ правительства въ борьбѣ съ беззаконіемъ, а пожалуй, даже ручательствомъ собственной безнаказанности въ случаѣ преступленій по службѣ. Во всякомъ случаѣ отвѣтственности, предусмотрѣнной закономъ, вступающей въ силу вслѣдъ за уклоненіемъ отъ служебнаго долга и облекаемой въ сообразную преступленію форму, не существовало. «Никто, обвиненный въ лихоимствѣ,— пишетъ императрица въ одномъ изъ

указовъ, — яко прогнѣвающій Бога, не избѣжитъ и нашего гнѣва, такъ какъ мы милость и судъ Богу и народу обѣщали». Екатерина II знаетъ только двѣ формы отвѣтственности: одну — отвлеченную, другую — реальную, передъ лицомъ Бога и государя, какъ ей извѣстны только два источника всякаго рода «лихихъ» дѣлъ, вкоренившихся, по ея словамъ, именно — «отъ единаго безстрашія передъ ея и Бога гнѣвомъ». Отъ носителя верховной власти, наконецъ, исключительно зависѣло дать ходъ дѣлу, пріостановить его на любой стадіи и назначить мѣру наказанія. «За одно и то же преступленіе, — пишетъ Дитятинъ, — одно лицо приговаривается къ смертной казни, другое — къ лишенію орденовъ, чиновъ и т. д., а третье — къ заключенію въ монастырь». Приведенныя данныя во всякомъ случаѣ даютъ намъ право къ тому заключенію, что въ Россіи XVIII в. не было правильно устроенной и независимой системы высшаго надзора, съ установленными формами судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ за служебныя провинности.

Остается еще отвѣтить на вопросъ: признавалъ ли русскій абсолютизмъ за своими подданными извѣстныя гражданскія права, такъ какъ отъ этого тоже зависитъ, можно ли его считать представителемъ законной монархіи, или нѣтъ. Говоря о времени Петра Великаго, конечно, и думать не приходится о возможности существованія тогда въ Россіи какихъ-либо признаковъ личной свободы, — настолько вся его сословная, церковная и судебная политика была проникнута всепоглощающимъ началомъ государственности, настолько въ ней совершенно явно идея человѣческаго блага подчинялась принципу государственной необходимости. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что сама западно-европейская политическая мысль только гораздо позднѣе пришла къ выводу необходимости умѣрить власть государства надъ личностью. Екатерина II же, считаясь съ перемѣнами, происшедшими въ теоріи естественнаго права, какъ намъ извѣстно, высказалась въ своемъ Наказѣ о самодержавіи, какъ объ единственной формѣ правленія, которая, при своеобразныхъ условіяхъ политической жизни Россіи, могла обезпечить ея населенію всѣ блага гражданской куль-

туры, въ томъ числѣ и свободу. «Самодержавныхъ правленій намѣреніе и конецъ, — пишетъ она въ одномъ мѣстѣ Наказа, — есть слава гражданъ, государства и государя. Но отъ сея славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, разумъ вольности, который въ сихъ державахъ можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько споспѣшествованій благополучію, какъ и самая вольность». Цѣль законодательства, при самодержавіи, согласно тому же Наказу, можетъ быть сведена къ тому, «чтобы сдѣлать самое большое спокойствіе и пользу людямъ, подъ сими законами живущими». Преслѣдуя, какъ цѣль, спокойствіе и пользу населенія, законы должны съ одной стороны «предохранять безопасность каждаго особо гражданина», съ другой—гарантировать ему «вольность», которая «есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ», находя преграду своему проявленію въ томъ, что «вредно или каждому особенному или всему обществу». Какое же содержаніе вкладывала Екатерина II. въ понятіе «вольности», закономъ «дозволенной»? Къ запросамъ вѣры императрица лично относилась безразлично, приравнивая, въ духѣ современнаго ей раціонализма, всякое активное проявленіе религіознаго чувства къ предразсудкамъ, коренящимся въ невѣжествѣ, или къ сознательному обману, подсказанному корыстными побужденіями. Такъ, напр., въ іезуитахъ она не допускала никакого искренняго служенія идеѣ, цѣня ихъ только за отличное знаніе техники обученія и умѣнье дисциплинировать массы, т.-е. какъ прекрасныя орудія въ рукахъ просвѣщенной власти для воздѣйствія на подданныхъ. Съ другой стороны масонство, бывшее реакціей живого чувства противъ холодной разсудочности, какъ мистико-моралистическое міросозерцаніе, не только вначалѣ, но и впослѣдствіи представлялось ей просто «болтаньемъ и дѣтскими игрушками». Въ своихъ отношеніяхъ къ православной церкви Екатерина II была только воодушевлена, какъ показываетъ исторія съ епископомъ А. Мацѣевичемъ, однимъ стремленіемъ подчинить ее свѣтской власти, не будучи ничуть озабоченной огражденіемъ религіозныхъ правъ личности. Оправдывала Екатерина свою жестокость указаніемъ, нѣсколько грѣшащимъ противъ

исторической правды, будто «прежде всего и безъ всякой церемоніи и формы по не столь еще важнымъ дѣламъ преосвященнымъ головы сѣкали». Въ 1773 г. по поводу жалобы на устройство въ городѣ Казани двухъ каменныхъ мечетей «близъ благочестивыхъ церквей» императрица заявила, что она, какъ Богъ на землѣ, терпитъ «всѣ вѣры, языки и вѣроисповѣданія». Но это не помѣшало ей въ 1786 г. издать указъ объ освобожденіи иновѣрцевъ отъ наказанія за маловажныя преступленія, если они присоединяются къ православію. Не помѣшало это ей также, въ инструкціи сотскому со товарищи, вмѣнить имъ въ обязанность наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ праздники и въ дни высочайшихъ торжествъ ходили въ церковь, постились, исповѣдывались и т. д. Расправа съ высокимъ представителемъ церкви за выступленіе на защиту ея интересовъ, смѣшеніе религіи съ требованіями благонравія и подчиненіе исповѣданія вѣры полицейскому контролю служатъ показателемъ политики, обратной высокоторжественнымъ заявленіемъ о свободѣ совѣсти, подобнымъ приведенному выше.

Грубо утилитарное отношеніе къ тончайшимъ запросамъ человѣческой души отлично гармонируетъ со слащавымъ оппортунизмомъ Екатерины въ крестьянскомъ вопросѣ. Она признавала, что противно христіанской религіи и справедливости дѣлать людей, которые всѣ родятся свободными, рабами. Но «устроить подобный же крутой переворотъ», какимъ, по ея мнѣнію, освобождены были они въ другихъ странахъ Западной Европы, «было бы плохимъ способомъ заслужить любовь землевладѣльцевъ, которые полны упорства и предразсудковъ. Но вотъ легкое средство: постановить, что при всякой продажѣ помѣстья новому владѣльцу рабы объявляются свободными. Въ сто лѣтъ всѣ или большая часть земель мѣняютъ владѣльцевъ: «вотъ, заключаетъ императрица, народъ и свободенъ». Отъ исканія выхода изъ существующихъ соціальныхъ отношеній Екатерина, однако, вскорѣ перешла къ признанію ихъ вполнѣ нормальными, отвѣчающими интересамъ государства. Если какая-нибудь изъ обѣихъ враждующихъ сторонъ нуждается въ поддержкѣ, то это дворянство, тогда какъ крестьянство благоденствуетъ. Во время Пугачевщины Екатерина объявила

дворянамъ Казанской губерніи, что «поставляетъ себѣ сугубѣйшимъ долгомъ — цѣлость, благосостояніе и безопасность ихъ ничѣмъ нераздѣлимою почитать съ собственною нашею и имперіи нашей безопасностью и благосостояніемъ». Когда Екатерина, «яко помѣщица той губерніи», приказала въ формируемый мѣстными дворянами корпусъ поставить рекрутъ съ дворцовыхъ волостей, она выслушала благодарность, что «пріемлетъ рабье званіе», и отвѣтъ, что они ее «признаютъ своей помѣщицей» и «принимаютъ въ свое товарищество». Объявивъ себя помѣщицей, Екатерина потеряла всякій масштабъ для пониманія реальной дѣйствительности. Нѣкоторое время спустя, въ частномъ письмѣ она уже считала возможнымъ удостовѣрить, что «въ Россіи всегда крестьяне могли ѣсть курицу, когда имъ вздумается, а съ нѣкоторой поры — очевидно, имѣется тутъ въ виду собственное царствованіе Екатерины — они стали предпочитать курамъ индюшекъ». Въ какое состояніе безправія обратилась для народа эта солидаризація власти и дворянства на почвѣ мнимой охраны государственности, показываетъ слѣдующій примѣръ: Потемкинъ велѣлъ произвести рекрутскій наборъ «съ женами», и, вдобавокъ, эти женатые рекруты, вмѣсто Крыма, поселены были въ деревняхъ князя и его любимцевъ. Если таково было положеніе «подлаго» народа, то извѣстныя заботы правительства о внушеніи «благороднымъ» сознанія личнаго достоинства, уваженія къ своему и чужому праву носили тоже чисто внѣшній характеръ. Еще Петръ Великій указомъ велѣлъ писаться во всѣхъ просьбахъ, жалобахъ и т. п. бумагахъ «цѣлыми именами съ прозваніями своими, а полуименами никому не писаться». Екатерина II, какъ мы указывали выше, объявила, чтобы въ челобитныхъ писать не «бьетъ челомъ рабъ», а приноситъ жалобу или проситъ всеподданнѣйшій или вѣрный подданный. У Державина Фелица объ этой новой милости возвѣщаетъ:

«Я вамъ даю свободу мыслить
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить
И въ ноги мнѣ челомъ не бить» —

на что Капнистъ въ «Одѣ на истребленіе въ Россіи званія раба», какъ бы отъ имени облагодѣтельствованныхъ подданныхъ, отвѣчаетъ:

«Россія! ты свободна нынѣ!
Ликуй! вовѣкъ въ Екатеринѣ
Ты благость Бога зрѣть должна».

Но бѣда въ томъ, что установленіе новыхъ формъ въ отношеніяхъ между властью и подданными, даже для узкаго круга благородныхъ не имѣло послѣдствіемъ измѣненія содержанія такихъ отношеній. Вотъ примѣры. При екатерининскомъ дворѣ итальянскую оперу должны были посѣщать члены св. синода. Начальникъ тайной канцеляріи Шешковскій, ведя допросъ самолично, начиналъ тѣмъ, что допрашиваемое лицо, хотя бы оно было знатной особой, «хваталъ палкой подъ самый подбородокъ, такъ что, по словамъ современника, зубы затрещатъ, а иногда и повыскакаютъ». Образчикъ того, какъ Екатерина понимала неприкосновенность личности и осуществляла ее на практикѣ, можетъ служить вышеприведенный фактъ расправы, такъ сказать, домашними средствами съ двумя придворными фрейлинами за допущенное ими злоупотребленіе свободою слова. Мало того, тотъ же Шешковскій не только въ государственныхъ, но и личныхъ видахъ императрицы и ею самою къ тому побуждаемый, примѣнялъ мѣры физическаго воздѣйствія на особы высшаго круга. На немъ лежала обязанность оберегать репутацію Екатерины, по словамъ Д. Корсакова, «отъ всего, что могло бросить тѣнь на ея величіе и, такъ сказать, дискредитировать его въ общественномъ мнѣніи». Предлагая ему наказать жену нѣкоего генералъ-маіора Кожина за произнесенныя ею въ обществѣ неосторожныя слова, императрица даетъ своему защитнику слѣдующую подробную инструкцію: «она, т.-е. провинившаяся, всякое воскресенье бываетъ въ публичномъ маскарадѣ, ѣзжайте сами и, взявъ ее оттуда въ тайную экспедицію, слегка тѣлесно накажите и обратно туда же доставьте со всею благопристойностью».

Не оставила Екатерина II безъ вниманія и третью область, въ которой подвизались умѣренные реформаторы среди госу-

дарей эпохи просвѣщеннаго абсолютизма,—суда и уголовнаго процесса. Требуя ихъ преобразованія и предаваясь руководству Беккарія, она выкидывала, однако, изъ его теоріи ученіе объ общественномъ договорѣ, въ силу котораго наказаніе не должно превышать мѣру, необходимую для охраны свободы. Она обосновываетъ свои требованія исключительно на принципѣ гуманности. Пытка отвергается ею, потому что, во-первыхъ, «о семъ слышать не можно, и казусъ — не казусъ, гдѣ человѣчество страждетъ», а во-вторыхъ, «человѣка не можно почитати виновнымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей, прежде нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные». Но отъ теоретическихъ заявленій до фактическихъ судебныхъ гарантій было, конечно, очень далеко. Шешковскій, какъ мы сейчасъ видѣли, тайно пыталъ и дворянъ, невзирая на жалованную грамоту. Съ простымъ народомъ церемонились еще менѣе. Неплюевъ велѣлъ бѣглыхъ заводскихъ крестьянъ топить и сожигать въ доменныхъ печахъ, а кн. Урусовъ при усмиреніи одного бунта наказалъ до 300 человѣкъ отрѣзаніемъ ушей и носовъ, т.-е. подвергъ карѣ, не предусмотрѣнной ни одной статьей дѣйствующаго уголовнаго кодекса.

Любопытно, что одновременно съ внѣдреніемъ закономѣрности путемъ организаціонныхъ, карательныхъ и поощрительныхъ мѣръ по отношенію къ своимъ исполнительнымъ органамъ власть старается пробудить въ самомъ населеніи сознаніе необходимости законопослушанія, внушить ему мысль объ обязательности законовъ для подданныхъ, независимо отъ какихъ бы то ни было обстоятельствъ, призывая ихъ къ своеобразному по формѣ сотрудничеству въ борьбѣ съ ужасающими пороками администраціи и непрекращающейся крамолой въ народѣ. Въ «Правдѣ воли монаршей» власть чрезъ своего офиціоза просвѣщаетъ своихъ подданныхъ относительно того, что «уставы и всякіе законы, отъ самодержцевъ въ народъ исходящіе, у подданныхъ послушанія себѣ не просятъ, аки бы свободнаго, но истязаютъ, яко должнаго». Возобновляется вмѣстѣ съ тѣмъ въ грандіозныхъ размѣрахъ прежняя система доносительства. «Ежели кто,—говорится въ одномъ указѣ Петра В.,—

такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей выдасть, а тѣ бъ люди безо всякаго опасенія пріѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству... а кто на такого злодѣя подлинно донесетъ, тому за такую его службу богатство того преступника, движимое и недвижимое, отдано будетъ, а буде достоинъ будетъ, дастся и чинъ его». Екатерина II назначаетъ награду тѣмъ, кто донесетъ о неправильно захваченныхъ земляхъ. Но поощреніе доноса властью вызвало большія злоупотребленія, доносили на невинныхъ изъ личной мести или корысти, такъ что приходилось, въ свою очередь, принимать мѣры для борьбы съ ложными доносителями и огражденія оговоренныхъ отъ возможности судебной ошибки. Наконецъ, Екатерина же призываетъ населеніе къ широкому выясненію его общихъ нуждъ чрезъ своихъ представителей въ Большой комиссіи, а по «Учрежденію объ управленіи губерній» и на основаніи «Жалованныхъ грамотъ», къ охранѣ мѣстныхъ и сословныхъ интересовъ чрезъ дарованные ему органы общественнаго самоуправленія. Но совершенно независимо отъ собственнаго образа дѣйствія императрицы, степени искренности и умѣнья въ проведеніи возвѣщенныхъ началъ, формы активной и коллективной самодѣятельности пришлись, какъ будетъ видно ниже, не по плечу и не по вкусу даже правящему слою русскаго общества конца вѣка.

Если всѣ отмѣченныя черты политическаго строя свести къ одному знаменателю, то приходится констатировать, что таковымъ является продолжающееся господство личнаго начала, преобладаніе въ государственномъ управленіи частноправовыхъ элементовъ надъ элементами права публичнаго. На самомъ дѣлѣ, верховная власть смотрѣла на управленіе государствомъ, какъ на свое частное дѣло, считала агентовъ правительства, сливавшихся въ ея представленіи съ учрежденіями, своими личными слугами, отождествляла въ офиціальныхъ актахъ интересы государства съ царевыми, рисовала себѣ отношеніе къ подданнымъ, къ которымъ она обращалась съ своимъ «отеческимъ» или «матернимъ» словомъ, въ формѣ, по выраженію М. Рейснера, «добродѣтельной семьи, объединенной болѣе чувствами, чѣмъ правами». Сопоставляя эти

данныя съ теоретическимъ представленіемъ законной монархіи, мы приходимъ къ заключенію, что русское государство конца XVIII в. нѣтъ возможности подвести подъ названную политическую концепцію.

Если оставить въ сторонѣ всѣ теоретическія соображенія, чтобы только выяснить, почему начала законности, несмотря на всѣ старанія власти, не прививались къ русской жизни до исхода XVIII в., то причинами этого явленія надо будетъ признать, во-первыхъ, отсутствіе твердыхъ юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ государственный и общественный строй яснымъ и точнымъ образомъ въ цѣломъ и въ отдѣльныхъ сторонахъ его, и во-вторыхъ, отсутствіе и разработанной системы учрежденій, и крѣпкихъ общественныхъ союзовъ, одинаково могущихъ и долженствующихъ стать оплотами и проводниками какъ дѣйствующаго права, такъ и живого развивающагося общественнаго правосознанія.

IV. Народныя волненія и политическія настроенія въ правящей средѣ въ XVIII вѣкѣ.

Если власти, какъ это видно было на предыдущихъ страницахъ, не удалось на протяженіи всего XVIII в. поставить въ Россіи законность на надлежащую высоту, если факты дѣйствительной жизни рѣзко противорѣчили теоретическимъ заявленіямъ, дѣлаемымъ ею о собственномъ правовомъ характерѣ, то на почвѣ такой внутренней неустойчивости и недовольства подданныхъ офиціальной политикой, естественно, должны были возникнуть попытки приспособить форму и дѣйствія власти къ интересамъ и взглядамъ тѣхъ или иныхъ слоевъ общества. Эти попытки выразились или въ народныхъ волненіяхъ, или въ насильственныхъ переворотахъ, съ участіемъ въ нихъ передовыхъ общественныхъ слоевъ, въ самомъ центрѣ государства, или въ проектахъ мирной реформы послѣдняго, разрабатываемыхъ въ тиши кабинета отдѣльными политическими дѣятелями. Характерной особенностью попытокъ, носящихъ печать общественныхъ движеній, надо считать то обстоятельство, что въ нихъ ни разу не соединяются вмѣстѣ низы

и верхи общества, вслѣдствіе чего они являются или чисто интеллигентскими, или исключительно простонародными.

Ознакомимся прежде всего съ тѣмъ, какъ понималось и воспринималось господствующее «беззаконіе» народной средой, и какія были ею сдѣланы усилія для возстановленія «правды» такъ, какъ это ей представлялось необходимымъ и возможнымъ. Въ царствованіе Петра Великаго клеймо беззаконія легло на всю правительственную дѣятельность. «Новшества» иноземнаго происхожденія, проводимыя царемъ, непосредственно отягощали народную совѣсть, а сопряженныя съ ихъ введеніемъ матеріальныя жертвы опустошали карманы массъ еще больше, чѣмъ у зажиточнаго и образованнаго меньшинства. Народному протесту было естественно прежде всего встать подъ знамя раскола. Но расколъ заключалъ въ себѣ только оппозиціонныя настроенія религіозно-бытового порядка. Къ соціальнымъ вопросамъ онъ относился равнодушно, согласно завѣту Аввакума: «Кой во что призванъ, въ томъ да пребываетъ». Московскій политическій режимъ же вызывалъ въ немъ вражду, поскольку онъ бралъ подъ свою защиту офиціальную церковь, какъ оплотъ никоніанства. Неспособный самъ на активное противодѣйствіе, расколъ не могъ воодушевить къ настойчивой борьбѣ и другіе оппозиціонные элементы, съ которыми его сближала приверженность къ старымъ формамъ жизни, — стрѣльцовъ и казаковъ. Зная только одно средство борьбы съ правительственными репрессіями, это — бѣгство за границу и на окраины русскаго государства, на Донъ, Волгу и Кавказъ, раскольники приглашали и своихъ возможныхъ союзниковъ къ выжиданію — перетерпѣть тяжелое время, «не мятежничать». Когда въ 1688 г. весь успѣхъ зависѣлъ отъ раскольничьихъ старцевъ, они даже помѣшали сговориться относительно общаго выступленія двумъ активнымъ факторамъ соціально-политической оппозиціи — казакамъ и стрѣльцамъ.

Поводы для координированія дѣйствій бывшими врагами создались опять въ 1698 г., благодаря случайнымъ условіямъ. «Какъ Стенька былъ Разинъ, вы намъ мѣшали,—укоряли въ этотъ разъ казаки стрѣльцовъ за ихъ поведеніе въ прошломъ, — а теперь мѣшать будетъ некому». «Какъ бы вы

съ одного конца, а мы съ другого». Въ свою очередь, стрѣльцы, отправляясь въ походъ къ Москвѣ, имѣли намѣреніе «послать вѣдомость» къ донскимъ казакамъ. Но въ программахъ, настроеніяхъ и конечныхъ цѣляхъ стрѣльцовъ и казаковъ было слишкомъ мало общаго, что могло бы служить достаточнымъ основаніемъ для вступленія ихъ другъ съ другомъ въ политическій союзъ. Бѣльмомъ на глазу для стрѣльцовъ являлось «брадобреніе, табакъ, иноземное платье» и «Нѣмецкая слобода». Послѣднюю они считали злокозненнымъ источникомъ всѣхъ ударовъ, направленныхъ противъ нихъ и противъ охраняемой ими національной старины, тогда какъ ихъ взоры за помощью устремлялись къ Дѣвичьему монастырю, гдѣ была заточена ихъ бывшая покровительница, царевна Софья. Астраханскій бунтъ 1705 г., происшедшій послѣ разгрома стрѣльцовъ, хотя по составу участниковъ и долженъ считаться обывательскимъ, все же восходитъ своими корнями къ стрѣлецкимъ традиціямъ. Онъ не только носилъ, главнымъ образомъ, характеръ националистическаго протеста противъ иноземныхъ нововведеній, но и ферментомъ его служили воспоминанія о судьбѣ прежнихъ носителей этого протеста, стрѣльцовъ. «Стрѣльцовъ всѣхъ разорили, разослали съ Москвы, а въ мірѣ стали тягости, пришли службы, велятъ носить нѣмецкое платье»—вотъ какъ формулировали свои жалобы астраханскіе бунтари. «Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобреніе и за нѣмецкое платье, и за табакъ»—гласитъ одна изъ мѣстныхъ прокламацій.

Въ отличіе отъ националистической окраски стрѣлецкихъ и примыкающихъ къ нимъ требованій, въ казачьихъ проскрипціяхъ, кромѣ «нѣмцевъ», фигурировали еще «бояре, воеводы и приказные люди», къ которымъ прибавились впослѣдствіи «прибыльщики». Стало-быть «Дѣвичій монастырь», какъ и «Нѣмецкая слобода» въ одинаковой мѣрѣ не символизировали общественнаго идеала казачества. Не исчерпывались пожеланія казачества и облегченіемъ фискальнаго и бюрократическаго гнета. «Чѣмъ бы имъ не токмо, что всѣмъ Дономъ, но и всѣмъ московскимъ государствомъ замутить»—вотъ о чемъ они умышляли въ 1698 г. Когда Булавинъ въ 1708 г. поднялъ Донъ и За-

порожскую Сѣчь, онъ выпустилъ прокламацію, въ которой призывъ къ тѣмъ же разрушительнымъ антисоціальнымъ дѣйствіямъ заглушалъ собою всѣ нотки національнаго и соціальнаго недовольства. «Атамановъ-молодцовъ, дорожныхъ охотниковъ, воровъ и разбойниковъ,— звалъ онъ,— съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить». Независимо оттого, что всѣ перечисленныя оппозиціонныя вспышки возникли въ разное время и поэтому были подавлены поодиночкѣ, онѣ не могли объединиться еще и вслѣдствіе того, что вражда къ новшествамъ была слишкомъ узкимъ, а приверженность къ старинѣ черезчуръ туманнымъ принципами, чтобы служить базисомъ для совмѣстныхъ дѣйствій. Въ Пугачевщинѣ, которая включила въ свою програму всѣ оппозиціонные элементы, а именно защиту самобытности, ненависть къ всепроникающей государственности съ ея подушной податью и рекрутчиной, наконецъ, возмущеніе соціальной несправедливостью, послѣдній изъ составныхъ элементовъ получилъ не только несомнѣнный перевѣсъ надъ остальными, но и выигралъ въ смыслѣ опредѣленности. Росту дворянскихъ тенденцій въ связи съ усиленіемъ крѣпостного права въ центральной Россіи, начиная со второй половины XVIII в., соотвѣтствовала аристократизація казацкой старшины и закрѣпощеніе рядового казачества, на окраинахъ. Выросшая изъ антистаршинскаго движенія, Пугачевщина, по внутреннему сродству положеній и условій, «легко и быстро, — какъ говоритъ П. Н. Милюковъ, — перекинулась изъ только что начавшейся населяться территоріи казаковъ и инородцевъ въ черту... помѣщичьяго землевладѣнія и крѣпостного права», гдѣ она приняла ярко антидворянское направленіе. «Отъ прописанныхъ злодѣевъ-дворянъ древняго святыхъ отцовъ преданія законъ христіанскій нарушенъ и поруганъ, — возвѣщала одна изъ пугачевскихъ прокламацій,— а вмѣсто того съ ихъ зловреднаго умысла, съ нѣмецкихъ обычаевъ, введенъ въ Россію другой законъ, и самое богомерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣры, какъ въ крестѣ, такъ и въ прочемъ, неистовства». Взамѣнъ этого, вѣрноподданнымъ Пугачева обѣщалась «вольность, безъ

всякаго требованія въ казну подушныхъ и прочихъ податей и рекрутовъ набору». Изъ приведеннаго ясно, что казачество, какъ единственно уцѣлѣвшая организованная сила, выступающая носителемъ интересовъ низовъ общества, не могло стать соціальною опорою политическаго строя, имѣющаго хотя бы отдаленнѣйшее внутреннее сродство съ сложившейся русскою государственностью и укладывающагося въ рамки существующихъ общественныхъ отношеній. Не давъ обиженному и разоренному народу ничего въ настоящемъ, Пугачевщина, однако, пріобрѣла очень важное для его лучшаго будущаго психологическое значеніе. «Она оставила, по словамъ Н. Н. Ѳирсова,...весьма внушительныя воспоминанія, устрашавшія дворянство и правительство въ минуты начинавшагося обострѣнія крѣпостной оппозиціи, воспоминанія, вызывавшія со стороны крестьянъ настойчивое стремленіе къ вольности... «по примѣру Пугачева и другихъ молодыхъ головъ».

Обращаясь къ характеристикѣ общественныхъ настроеній русской интеллигенціи XVIII в., мы наталкиваемся прежде всего на тотъ фактъ, что въ царствованіе Петра Великаго она вообще не проявляла никакихъ политическихъ стремленій, въ частности, ни въ теоріи, ни тѣмъ болѣе, на практикѣ не ставила вопроса объ ограниченіи самодержавной власти. Это можетъ казаться не совсѣмъ понятнымъ, такъ какъ, если среди «образованныхъ» классовъ, высшаго и средняго, какъ предполагаютъ, и не было много принципіальныхъ враговъ нововведеній царя, зато число недовольныхъ способами ихъ проведенія, требовавшими громадныхъ жертвъ отъ населенія, было очень велико и въ указанныхъ слояхъ общества. Но это недовольство не претворилось при немъ въ коллективныя объединенныя дѣйствія, такъ какъ положеніе Россіи въ соціальномъ отношеніи до середины XVIII в., т.-е. въ промежутокъ времени между распаденіемъ стараго боярства и сложеніемъ дворянскаго сословія характеризуется даже на верхахъ полной безформенностью, отсутствіемъ прочныхъ общественныхъ связей.

Аполитичный характеръ носятъ также проекты реформъ, представленные въ запискахъ современниковъ царя-преобра-

зователя. Они основаны на глубокомъ изученіи и строгой, безпощадной критикѣ русской дѣйствительности, усиливаемой широкимъ непосредственнымъ знакомствомъ съ западноевропейскою жизнью,—они добросовѣстно вскрываютъ «древнюю неправду» въ судѣ и управленіи и подробно разсматриваютъ всякаго рода мѣры, долженствующія приблизить соціально-экономическія отношенія и административные порядки родины къ изучаемымъ ими иностраннымъ образцамъ, но никогда мысль авторовъ проектовъ не возвышается до требованія коренной ломки государственнаго строя, перераспредѣленія ролей между правящими и управляемыми. Напримѣръ, спальникъ Ѳ. С. Салтыковъ, командированный Петромъ Великимъ за границу въ качествѣ морского агента и пробывшій тамъ цѣлыхъ три года (1712—1715), дѣлается крайнимъ западникомъ. Трехлѣтнее пребываніе въ Англіи съ частыми отлучками, по долгу службы, въ Голландію и Францію, вмѣстѣ съ семейными традиціями,—его дѣдъ М. Г. Салтыковъ былъ главою посольства, предложившаго отъ имени дворянской партіи въ смутное время королевичу Владиславу московскую корону на извѣстныхъ ограничительныхъ условіяхъ,—легко могли внушить ему либеральные политическіе взгляды. Между тѣмъ въ письмѣ къ царю Салтыковъ подчеркиваетъ, что, рекомендуя въ своихъ докладныхъ запискахъ тѣ или другія преобразованія, «онъ потщился выбрать изъ правленія уставовъ здѣшняго англійскаго государства и прочихъ европейскихъ, которое приличествуетъ токмо самодержавію, а не такъ, какъ республикамъ или парламенту». Другой прожектеръ, причисляемый къ лагерю умѣренныхъ московскихъ прогрессистовъ, извѣстный И. Т. Посошковъ, не связанный никакими обязательными отношеніями съ офиціальнымъ міромъ, прямо превозноситъ родной строй передъ заграницею. Россія стоитъ выше Западной Европы, по его словамъ, не только потому, что «у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а у нихъ одно еретичество и атеистство», но и потому, что «у насъ самый властительный и всецѣлый монархъ, а у иноземцевъ короли ихъ не могутъ по своей волѣ что сотворити, но самовластны у нихъ подданные ихъ, а паче купецкіе люди». Правда, мы видимъ, какъ его мысль судо-

рожно бьется надъ выстраданной русской интеллигенціею проблемою внесенія закономѣрности въ жизнь своего отечества. «Мой умъ, — признается онъ въ отчаяніи, — не постигаетъ, какъ бы прямое правосудіе устроить». Посошковъ предлагаетъ разныя мѣры, непригодность которыхъ для указанной цѣли выяснена еще опытомъ предшествовавшаго вѣка и, повидимому, ясна также для него самого. Первое, что нужно сдѣлать, это составить новый кодексъ, учинить «всякимъ великимъ и малымъ дѣламъ расположеніе недвижимое сочиненіемъ особливымъ». Для этой учредительской работы онъ рекомендуетъ путь, уже испробованный русскою исторіею и освященный теоретическою политическою мыслью, а именно обратиться къ «народному общесовѣтію». Пройдя чрезъ него, законодательство будетъ «освидѣтельствовано всѣмъ народомъ самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ». Но когда передъ авторомъ встаетъ уже слѣдующій вопросъ, какъ обезпечить неукоснительное и точное соблюденіе этихъ законовъ самими властями предержащими, онъ, оказывается, не знаетъ другого средства, кромѣ все того же личнаго и бюрократическаго начала, вмѣсто общественнаго контроля. «Ради самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи», Посошковъ совѣтуетъ учредить «особливую канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и надежный царю, надъ всѣми судьями и правителями былъ вящшій, за всѣми смотрѣлъ властительно и никого бы онъ, кромѣ Бога да Его Императорскаго Величества, не боялся». Такимъ образомъ «Посошковъ, — какъ справедливо замѣчаетъ Н. Павловъ-Сильванскій, — въ своихъ проектахъ не выходитъ изъ круга идей Соборнаго Уложенія».

То самое, что облегчало Петру борьбу съ имѣющимися, хотя и въ разрозненномъ состояніи, элементами оппозиціи, съ другой стороны, тормозило его начинанія. Одновременно съ постановкою задачъ своей правительственной дѣятельности онъ былъ принужденъ создавать и орудія для ихъ разрѣшенія. Государственная власть въ абсолютныхъ монархіяхъ имѣетъ къ своимъ услугамъ, какъ извѣстно, два орудія: это бюрократія и армія, а его опорою могутъ служить до поры до времени разные общественные классы, хотя, въ концѣ-концовъ, всякое абсолютное государство имѣетъ тенденцію

освободиться отъ какихъ бы то ни было соціальныхъ обязательствъ, стать надъ-общественнымъ, самодовлѣющимъ. Въ Россіи правящимъ классомъ при господствѣ самодержавнаго строя сталъ классъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ, т.-е. дворянство. Но это случилось уже послѣ Петра. Еще въ отроческіе годы его сотоварищами были дѣти не только знатныхъ фамилій, но и мелкаго дворянства и даже низкаго происхожденія. По свидѣтельству кн. Куракина, принадлежавшаго къ первой категоріи «потѣшныхъ», царю «всегда внушали съ молодыхъ лѣтъ противъ великихъ фамилій». Ставъ дѣйствительнымъ правителемъ государства, Петръ сознательно возобновилъ антиаристократическую политику своихъ предшественниковъ, «дабы уничтоженіемъ оныхъ», т.-е. знатныхъ родовъ, какъ поясняетъ названный выше свидѣтель, «отнять у нихъ пувуаръ весь и учинить бы себя наибольшимъ сувереномъ». По сообщенію того же источника, «во всѣ комнатныя службы вошли отъ того времени люди простого народу». Но ближайшіе преемники Петра Великаго должны были пріостановить эту сословную политику, временный успѣхъ которой обусловливался личными качествами царя и малосознательностью самого дворянства. Вѣдь почти до конца XVIII в. дворянство было какъ правящимъ, такъ и правительственнымъ классомъ, пополнявшимъ своими членами всѣ среднія и высшія ступени военной и гражданской служебной іерархіи. Царствованіе Екатерины II представляется рубежомъ въ нашей соціально-политической исторіи, когда, съ одной стороны, власть, въ угожденіе классовому эгоизму дворянства, доходитъ до того, что государство принимаетъ ярко классовую окраску, становится дворянскимъ, съ другой же — само дворянство въ дарованныхъ ему свыше органахъ самоуправленія бюрократизируется, становится частицею правительственнаго механизма, исполнителемъ велѣній государственной власти. Рядомъ съ этимъ, въ связи съ успѣхами образованія правительственныхъ учрежденій, слагается еще особый интерсоціальный, самодовлѣющій классъ чиновничества, въ который, какъ его составной элементъ, входитъ и бюрократизируемое дворянство.

Заботы Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ о войскѣ не распространялись на послѣднее въ полномъ составѣ, такъ какъ все та же неорганизованность русской общественности исключала пока возможность широкаго и планомѣрнаго политическаго или антидинастическаго движенія на мѣстахъ, для подавленія котораго нужно было разсчитывать на стойкую преданность вооруженной силы. Надежная опора престола и поддержка власти требовалась, главнымъ образомъ, только въ столицѣ. Еще малороссійскій гетманъ Самойловичъ указалъ князю В. В. Голицыну, что «для укрѣпленія за собою власти нужно держать въ Москвѣ одинъ-два полка надежныхъ людей». Этотъ совѣтъ былъ въ точности выполненъ Петромъ Великимъ, не только создавшимъ гвардію, въ которой первое мѣсто занимали Преображенскій и Семеновскій полки, но и привязавшимъ ее къ своей особѣ товарищескимъ обхожденіемъ и разными знаками вниманія и довѣрія, льстившими примитивному самолюбію и тщеславію. По словамъ камеръ-юнкера Берхгольца, Петръ Великій «часто говорилъ, что между гвардейцами нѣтъ ни одного, которому бы онъ смѣло не рѣшился поручить свою жизнь». Слѣдующіе государи продолжаютъ его политику «ласкъ, ухаживаній, привлеченій, очарованій и обольщеній», какъ ее называетъ Е. В. Тарле, противополагающій эту политику близорукому равнодушію къ настроенію въ арміи со стороны французскихъ королей. Но фаворитизмъ, перенесенный въ служебныя отношенія въ видѣ протекціонизма и непотизма, дѣйствуетъ ослабляюще на связь между арміей въ цѣломъ и престоломъ, какъ таковымъ. Насколько сильно было это недовольство въ рядахъ войска, можно судить хотя бы на основаніи «разныхъ замѣчаній по службѣ армейской» генералъ-поручика Ржевскаго, относящихся къ 1782 г., гдѣ въ одномъ мѣстѣ мы читаемъ: «Обиды въ произвожденіяхъ честнымъ и заслуженнымъ офицерамъ, чинимыя для фаворитовъ или пронырливыхъ и проворныхъ тунеядцевъ, отняли всю охоту къ службѣ и погашаютъ все патріотство». Дѣйствительно, ни войско, ни чиновничество не были въ XVIII в. элементами устойчивости государства, гарантіями неприкосновенности власти и престола, какъ о томъ свидѣтельствуютъ судьбы послѣдняго.

Неопредѣленный характеръ происхожденія власти являлся, конечно, сверхъ того, еще и юридическимъ поводомъ для ея колебанія извнѣ.

«Если въ избирательныхъ монархіяхъ, — говоритъ А. Д. Градовскій, — можно опасаться междоусобной войны, при завѣщательной системѣ всегда открыто широкое поле такъ называемымъ дворцовымъ переворотамъ», т.-е. личность монарха дѣлается «центромъ происковъ, исходящихъ изъ собственнаго его семейства». Возможность междоусобій, т.-е. гражданскихъ войнъ въ Россіи XVIII в. была исключена, вслѣдствіе несложности соціальныхъ отношеній и отсутствія организованныхъ партій. Перевороты, которые устраивались дворянскими кружками, при чемъ отдѣльныя части гвардіи играли роль пособниковъ, а бюрократія — молчаливыхъ и безучастныхъ зрителей, большей частью, дѣйствительно, носили дворцовый характеръ, сводились къ смѣнѣ лицъ на престолѣ, къ передачѣ его изъ рукъ неспособнаго государя въ руки другого, а именно или того, кто казался самъ болѣе способнымъ, или того, относительно котораго думали, что его легче будетъ заставить дѣйствовать въ желательную сторону. На самомъ дѣлѣ, только двѣ перемѣны на престолѣ въ промежутки времени отъ 1725 — 1730 гг. сопровождались движеніями въ правящей средѣ, имѣвшими цѣлью принципіальное ограниченіе абсолютной власти особыми учрежденіями. Такого рода движенія происходили при воцареніи Екатерины I и Анны Ивановны. Въ первомъ случаѣ соотвѣтственное теченіе мысли создало себѣ органъ, верховный тайный совѣтъ, который могъ служить отправнымъ пунктомъ для новыхъ шаговъ по намѣченному пути. Эти шаги были предприняты, какъ мы увидимъ ниже, при малолѣтнемъ Петрѣ II, когда совѣтъ, по волѣ покойной императрицы, въ качествѣ регента, обладалъ «полной властью правительствующаго самодержавнаго государя». При возведеніи на престолъ Анны Ивановны совѣтъ думаетъ уже о закрѣпленіи за собою фактически занятой позиціи, о коренномъ переустройствѣ государства на основѣ формальнаго и писаннаго договора между «народомъ» и исторической властью, при чемъ иниціативу веденія переговоровъ онъ беретъ на себя, какъ истолкователя

воли самого народа, подъ которымъ, какъ видно будетъ изъ его заявленій, онъ разумѣлъ правящій классъ служилаго и не служилаго шляхетства, т.-е. бюрократію и помѣстное дворянство, въ соединеніи съ образующимся въ его тылу городскимъ классомъ. Но эти замыслы не удались, самодержавіе было возстановлено. Почему это такъ случилось, въ чемъ заключалась несостоятельность всего плана и его выполненія, будетъ видно изъ дальнѣйшаго.

Въ переворотахъ послѣ 1730 г. мы уже не встрѣчаемся ни съ идейнымъ, ни съ общественнымъ элементами. Въ нихъ не происходятъ столкновенія разныхъ политическихъ программъ, ихъ участники не могутъ считаться выразителями какихъ-либо коллективныхъ стремленій: они выступаютъ за собственный страхъ и рискъ, во имя личныхъ интересовъ, въ лучшемъ случаѣ, только прикрывая свои дѣянія мотивами династическими или національными. Начальнымъ и конечнымъ моментомъ этихъ кровавыхъ событій являются придворная интрига и солдатскій мятежъ.

Не преслѣдуя никакихъ политическихъ цѣлей, эти перевороты все-таки имѣли глубокое политическое значеніе для государства и жизни народа. Мы уже видѣли, что они являлись симптомами, такъ сказать, патологическаго состоянія того и другого. Легкость и безнаказанность, съ которыми совершались эти перевороты, расшатывали авторитетъ и обаяніе монархической власти. По поводу вступленія на престолъ Елизаветы Петровны саксонскій посланникъ Пецольдъ писалъ: «Всѣ русскіе признаютъ, что можно дѣлать что угодно, имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстное количество гренадеровъ, погребъ съ водкой и нѣсколько мѣшковъ золота». Если не форменные заговоры, то, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе откровенные разговоры относительно возможныхъ и желательныхъ перемѣнъ на престолѣ никогда не переставали волновать, съ одной стороны, извѣстные общественные круги, съ другой — тревожить за свою участь случайнаго въ каждый данный моментъ обладателя неограниченнаго самодержавія. Орловъ, помогшій Екатеринѣ проложить себѣ дорогу къ престолу, какъ разсказываютъ, хвастался впослѣдствіи тѣмъ, что можетъ произвести переворотъ и противъ нея. Таинственная обстановка и внезапность,

плекса причинъ слѣдуетъ искать объясненіе прежде всего самаго происхожденія верховнаго тайнаго совѣта.

«Сознаніе необходимости упорядочить совѣщанія министровъ и вліятельнѣйшихъ сановниковъ», существовавшія въ неорганизованномъ видѣ еще при Петрѣ Великомъ, опредѣлить разъ навсегда кругъ совѣтниковъ, урегулировать ихъ взаимныя отношенія,— однимъ словомъ, сознаніе необходимости возвести эти совѣщанія съ неопредѣленнымъ кругомъ вѣдомства и съ ихъ пестрымъ и часто мѣнявшимся личнымъ составомъ, на степень прочно организованнаго учрежденія», вотъ что, по мнѣнію А. Алексѣева, исключительно вызвало указъ 8 февраля 1726 г., которымъ былъ созданъ верховный тайный совѣтъ. Но названный ученый, несмотря на приведенное резюме, самъ не замѣчая того, вводитъ въ объясненіе происхожденія совѣта двойственный мотивъ. На самомъ дѣлѣ, «если, — говоря его словами, — супруга Петра должна была особенно ясно сознавать необходимость окружить себя опытными совѣтниками, которые помогли бы ей нести бремя правленія, то это сознаніе и связанное съ нимъ практическое рѣшеніе могло быть подсказано императрицѣ только чувствомъ собственной неподготовленности къ принятой на себя роли правительницы». Но, «занявши престолъ, — какъ говоритъ тотъ же ученый, — помимо внука Петра, который въ глазахъ большинства», а стало-быть, и въ собственныхъ представленіяхъ императрицы, былъ «единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ», Екатерина должна была себя чувствовать непрочной на занятомъ не по праву мѣстѣ и потому искать опору у людей, сильныхъ не только умомъ и опытностью въ дѣлахъ управленія, а также соціально-экономическимъ вліяніемъ и положеніемъ въ государствѣ. Эту поддержку эти люди, конечно, готовы были оказать ей за извѣстную компенсацію. Не производя никакой группировки «сильныхъ персонъ» съ точки зрѣнія возможнаго различія ихъ политическихъ стремленій, А. Н. Алексѣевъ всю закулисную борьбу, которая велась до изданія указа 8 февраля, относительно круга лицъ, имѣющихъ войти въ составъ верховнаго тайнаго совѣта, естественно, сводитъ къ желанію «сохранить за собой первенствующую роль» или, наоборотъ, вновь «выдвинуться на первыя мѣста и занять вліятельное

положеніе». Его коробитъ отъ отношенія историковъ къ «худородному дворянству» и къ «родовитому боярству», какъ къ «партіямъ» или «элементамъ», т.-е. къ двумъ принціпіально враждебнымъ лагерямъ; для него, какъ ученаго, хорошо «знакомаго съ эпохою, звучитъ прямо насмѣшкой надъ здравымъ смысломъ говорить о томъ или другомъ изъ нихъ, какъ объ объединенномъ въ цѣломъ политическомъ факторѣ». Для него это просто «были царедворцы, подкапывающіеся другъ подъ друга..., люди, которые искали только вліянія и царскихъ милостей въ ущербъ одинъ другому». Такъ худородные дворяне, говоритъ онъ, «не только не дѣйствовали заодно противъ родовитыхъ бояръ, наоборотъ, враждуя другъ съ другомъ, постоянно сближались съ тѣмъ или съ другимъ изъ родовитыхъ бояръ для преслѣдованія своихъ личныхъ цѣлей». Не желая быть голословнымъ, А. Алексѣевъ иллюстрируетъ свое положеніе примѣрами, ссылаясь на то, что «Меньшиковъ стоялъ ближе къ Апраксину и Голицыну, чѣмъ къ Ягужинскому, Остерманъ служилъ поочередно то Толстому, то Меньшикову, то Долгоруковымъ». Не болѣе отраднымъ, съ точки зрѣнія принципіальной, представляется ему состояніе родовитой знати. «Послѣ смерти Петра, — говоритъ нашъ авторъ, — были вельможи, желавшіе воцаренія его внука: то были, между прочимъ, Репнинъ, Долгоруковъ, Голицынъ, но были и вельможи, которые желали воцаренія Екатерины. Это были не только худородные вельможи, а и вельможи изъ средняго и высшаго дворянства, это были не только Меньшиковъ и Ягужинскій, но и Толстой, и Головкинъ, и Апраксинъ». «Какъ послѣдніе, — заключаетъ свой вердиктъ А. Алексѣевъ, — не были объединены никакой политической программой..., такъ точно и первые не были носителями какихъ-либо политическихъ идеаловъ». По поводу выписаннаго нами разсужденія А. Алексѣева можно и даже надо замѣтить, что, конечно, никому и въ голову прійти не можетъ сдѣлать предположеніе о существованіи въ началѣ XVIII вѣка въ Россіи политическихъ партій въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, когда таковыя начинаютъ складываться только на нашихъ глазахъ, т.-е. въ началѣ XX вѣка. Если, стало-быть, не можетъ быть и рѣчи о наличности выработанныхъ политическихъ

программъ, вокругъ которыхъ объединялись бы въ сплоченныхъ организаціяхъ тѣ или другіе слои общества, то очень поспѣшнымъ казалось бы дѣлать отсюда выводъ объ отсутствіи у этихъ слоевъ извѣстныхъ политическихъ идеаловъ, т.-е. пониманія даже у ихъ передовыхъ умовъ того, какой политическій режимъ, какой государственный порядокъ и какая организація власти наиболѣе гарантируетъ имъ относительно лучшимъ образомъ осуществленіе ихъ очередныхъ соціальныхъ интересовъ. «Различіе интересовъ, съ одной стороны,—говоритъ А. Филипповъ,—возможность играть при слабыхъ преемникахъ Петра Великаго политическую роль, съ другой (то возводя на престолъ однихъ, то устраняя другихъ, то преобразуя по-своему составъ и компетенціи верховныхъ учрежденій и пр.), несомнѣнно, давали этимъ сторонамъ (рѣчь идетъ о родовитомъ боярствѣ и худородномъ дворянствѣ) извѣстное право на существованіе. Опредѣленно обозначившееся послѣ Петра Великаго и само собою слагавшееся представительство интересовъ, защищаемыхъ одною группою лицъ и оспариваемыхъ другой», вотъ что, по его мнѣнію, даетъ намъ право говорить объ этихъ группахъ или сторонахъ, какъ о партіяхъ. Такимъ образомъ надо признать, что верховный тайный совѣтъ не служилъ однѣмъ цѣлямъ техническаго совершенствованія правительственной организаціи путемъ объединенія такъ называемыхъ первыхъ сенаторовъ-министровъ въ одномъ общемъ учрежденіи, и что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отражалъ въ своемъ возникновеніи борьбу не однихъ личныхъ честолюбій, но и групповыхъ интересовъ, хотя, несомнѣнно, сознаніе расхожденія послѣднихъ и готовность ихъ отстаивать не распространялась въ тотъ моментъ дальше узко-придворнаго круга.

Первоначальный составъ новаго учрежденія носилъ, такъ сказать, коалиціонный характеръ, являлся плодомъ соглашенія между противниками, а именно новымъ дворянствомъ табели о рангахъ, распавшимся, въ свою очередь, на петровскихъ фаворитовъ и иностранцевъ-дѣльцовъ, съ одной стороны, и родовитою знатью, представляющею старо-русскую аристократическую оппозицію—съ другой. Въ него вошли кн. А. Д. Меньшиковъ, гр. Ѳ. М. Апраксинъ, гр. Г. И. Го-

ловкинъ, бар. А. И. Остерманъ, гр. П. А. Толстой и кн. Д. М. Голицынъ, т.-е. представители всѣхъ трехъ оттѣнковъ, опредѣлившихся въ правящей средѣ ко времени смерти Петра Великаго. Но соглашеніе было непрочнымъ, и естественные противники вскорѣ вступили другъ съ другомъ въ борьбу за власть въ самомъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, исходъ которой выразился въ распредѣленіи мѣстъ въ совѣтѣ въ пользу боярства. Къ 1730 г. только два члена совѣта, Головкинъ и Остерманъ, принадлежали къ худородному дворянству, а шесть, именно: князья Д. М. и М. М. Голицыны, В. А., А. Г., В. Вл. и М. Вл. Долгорукіе — къ родовой аристократіи; изъ названныхъ представителей знати, трое, В. Вл. и М. Вл. Долгорукіе и М. М. Голицынъ, впрочемъ, присутствовали въ совѣтѣ только въ силу своего родства съ вліятельными верховниками. Въ теченіе своего четырехлѣтняго существованія совѣтъ, какъ будетъ видно изъ обозрѣнія его дѣятельности, «сначала именемъ царицы, а затѣмъ и Петра II,—говоря словами А. Филиппова,—правилъ государствомъ въ лицѣ тѣхъ немногихъ, коимъ удается захватить въ немъ власть и вліяніе». Въ связи съ личными перемѣнами и фактическимъ захватомъ власти совѣтомъ, правительство дѣйствительно приняло олигархическій характеръ. Съ кончиною же Петра II вопросъ о формѣ государственнаго правленія въ Россіи былъ неожиданно поставленъ на разрѣшеніе съ полною ясностью и отчетливостью.

Еще въ ночь смерти государя съ 18 на 19 января 1730 г. верховный тайный совѣтъ, руководимый кн. Дм. Мих. Голицынымъ, сговорился возвести на престолъ вдовствующую герцогиню курляндскую Анну Ивановну. Этому рѣшенію предшествовало другое очень важное съ принципіальной точки зрѣнія постановленіе: верховникамъ предварительно пришлось упразднить духовное завѣщаніе императрицы Екатерины I, въ силу котораго послѣ бездѣтной смерти Петра II корона должна была перейти къ герцогу Петру Голштинскому, а также разоблачить апокрифичность предсмертнаго назначенія покойнымъ императоромъ своей невѣсты Ек. Ал. Долгорукой наслѣдницей престола. Въ то время, какъ французскіе парламенты вмѣстѣ съ регентомъ, герцогомъ Орлеанскимъ, въ 1715 г. отвергаютъ завѣщаніе Людовика XIV,

чтобы стать на защиту порядка престолонаслѣдія, охраняемаго законами страны, въ Россіи въ 1730 г. высшее учрежденіе въ государствѣ сперва въ лицѣ одной части своихъ членовъ фальсифицируетъ монаршую волю, чтобы затѣмъ уже въ полномъ составѣ открыто нарушить ее, притомъ оба раза для передачи короны въ руки угоднаго ему кандидата.

Но въ событіяхъ, разыгравшихся въ Россіи въ началѣ 1730 г., главный интересъ представляетъ собою все-таки не личность того или другого кандидата. Не сводится онъ и къ указаннымъ правонарушеніямъ, которыми сопровождались замѣщенія вакантнаго престола. Несравненно большую важность имѣютъ конечныя цѣли и фактическіе результаты этихъ событій съ точки зрѣнія политическихъ судебъ Россіи.

Насчетъ вѣроятныхъ цѣлей переворота 1730 г. современниками и позднѣе, въ наше время представителями исторической науки были высказаны три предположенія: одни толковали его, какъ олигархическій заговоръ, долженствовавшій отдать государство въ руки двухъ могущественныхъ фамилій — Голицыныхъ и Долгоруковыхъ; другимъ онъ казался неудачной попыткой къ возстановленію старомосковскаго боярскаго режима, въ противоположность насажденному Петромъ Великимъ демократическому и бюрократическому строю; наконецъ, для третьихъ смыслъ всего движенія заключался въ стремленіи утвердить въ Россіи аристократическое правительство по иноземному, польскому или шведскому, образцу. Изъ этихъ предположеній болѣе всего къ истинѣ приближается послѣднее, первое заключаетъ въ себѣ долю правды, поскольку оно построено на видимыхъ фактахъ, тогда какъ вторая догадка относительно смысла происшедшаго не имѣетъ подъ собой никакой почвы. Душою всего предпріятія былъ кн. Д. М. Голицынъ. У него былъ цѣлый планъ новаго государственнаго устройства. Изъ этого плана одна часть, при этомъ неорганическая, подсказанная ея автору практическими соображеніями, получила тотчасъ же широкую огласку. Вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ она послужила также единственнымъ матеріаломъ для сужденія о характерѣ существа плана, дискредитировавъ его преждевременно въ глазахъ тѣхъ, на чью поддержку онъ былъ разсчитанъ. Эту часть составляли пресловутые 8 «пунктовъ»,

«кондицій», преподнесенныхъ для подписанія императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Исходя отъ верховниковъ и толкуя исключительно объ ихъ правахъ въ отношеніи императрицы, кондиціи и вызвали подозрѣніе, что въ нихъ-то и заключается вся суть дѣла, связаннаго съ именемъ совѣта. Но кромѣ неоспоримаго факта существованія цѣлаго проекта общегосударственной реформы, предположеніе объ олигархическихъ замыслахъ верховниковъ опровергается еще тѣмъ, что, судя по недоумѣніямъ и сомнѣніямъ, съ которыми встрѣтили на первыхъ порахъ иниціативу Голицына его сочлены по совѣту, послѣдніе даже не были его сообщниками. Наоборотъ, нѣкоторыя детали въ ходѣ предварительныхъ совѣщаній показываютъ наличность принципіальнаго сочувствія замыслу Голицына въ сферахъ высшей бюрократіи, среди сената, синода и генералитета. Наконецъ самое ознакомленіе съ содержаніемъ главнаго плана Голицына будетъ, конечно, лучшимъ доказательствомъ неосновательности всѣхъ упрековъ въ олигархической или узко эгоистической подкладкѣ его выступленія, въ отсутствіи въ послѣднемъ какой-либо политической идеи, какого-либо государственнаго смысла. Къ сказанному надо прибавить, что оба документа, о которыхъ идетъ рѣчь, «кондиціи» и проектъ реформы, восходятъ, какъ это засвидѣтельствовано работами какъ русскихъ, такъ и западно-европейскихъ историковъ, къ иностраннымъ, а именно шведскимъ образцамъ разновременнаго происхожденія. «Пункты» сработаны по олигархической шведской конституціи 1720 г., введенной тамъ послѣ гибели Карла XII, а «проектъ» политическаго переустройства Россіи воспроизводилъ, главнымъ образомъ, аристократическіе порядки второй половины XVII вѣка въ Швеціи, отдѣленные отъ вышеуказаннаго строя довольно продолжительнымъ промежуткомъ времени, когда въ ней существовала абсолютная монархія (1680—1720). Существенныя различія въ характерѣ обоихъ шведскихъ прообразовъ двухъ русскихъ конституціонныхъ актовъ, стало-быть, выясняютъ намъ и съ точки зрѣнія ихъ происхожденія, почему при одностороннемъ знакомствѣ съ намѣреніями кн. Голицына по однимъ лишь «пунктамъ» и полномъ невѣдѣніи относительно главной сути дѣла, т.-е. общаго проекта ре-

формы, могло возникнуть превратное впечатлѣніе объ олигархическихъ цѣляхъ русскаго конституціоннаго движенія первой половины XVIII вѣка. Вѣдь отъ «пунктовъ» сохранился самый подлинникъ, видимая улика противъ главы этого движенія и его соучастниковъ, тогда какъ оправдательный матеріалъ въ видѣ всего «проекта» намъ представленъ только въ краткихъ и не систематическихъ сообщеніяхъ иностранныхъ представителей при русскомъ дворѣ того времени.

Согласно «кондиціямъ», императрица, кромѣ ограниченія въ правѣ свободнаго распоряженія собственною личностью — запрещенія ей выходить замужъ, урѣзывалась въ значительной мѣрѣ и въ своихъ царскихъ прерогативахъ. Въ отмѣну закона Петра Великаго о престолонаслѣдіи она лишалась права назначать себѣ наслѣдника. Подобно акту о престолонаслѣдіи въ Англіи, регулировавшему условія перехода короны къ нѣмецкому дому Ганноверскихъ курфирстовъ, государыня обязывалась не имѣть при себѣ иностранныхъ совѣтниковъ. Объявлять войну и заключать миръ, расходовать государственные доходы и увеличивать ихъ путемъ введенія новыхъ податей и налоговъ, производить въ чины, назначать на должности и жаловать имѣніями — все это она могла дѣлать только съ согласія верховнаго тайнаго совѣта, командованіе же войсками отходило въ исключительное вѣдѣніе послѣдняго. Наконецъ, не были забыты вѣковѣчные pia desideria служилаго класса относительно гарантій имущественной и личной неприкосновенности, включеніемъ требованіями «у шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отымать». Вотъ содержаніе того документа, съ принятіемъ котораго императрицею верховный тайный совѣтъ имѣлъ подъ собою извѣстный юридическій базисъ для веденія съ нею дальнѣйшихъ переговоровъ относительно общаго плана государственнаго переустройства Россіи въ духѣ конституціонной монархіи.

Этотъ планъ былъ внесенъ его авторомъ, кн. Голицынымъ, на обсужденіе совѣта 23 января, т.-е. четыре дня спустя послѣ выработки кондицій. Но къ сожалѣнію, съ проектомъ новаго «конституціоннаго» строя, возможность котораго была создана съ формальной отмѣною самодержавія вышеизложен-

ными «кондиціями», мы знакомы только по неполнымъ донесеніямъ иностранныхъ дипломатовъ; протоколы совѣта за все послѣдующее время не даютъ объ немъ никакихъ свѣдѣній. Связать скудныя данныя, почерпаемыя изъ сообщеній иностранныхъ дипломатовъ, въ одно, болѣе или менѣе цѣльное представленіе отчасти помогаютъ намъ сопоставленія съ разновременными актами шведскаго законодательства, о вліяніи котораго на политическое міросозерцаніе вождя русскихъ конституціоналистовъ начала XVIII вѣка мы теперь, благодаря П. Н. Милюкову, освѣдомлены въ достаточной мѣрѣ. По выполненіи этой работы проектъ государственной реформы представляется въ такомъ видѣ. Повторяя всѣ правоограниченія, возлагаемыя на императрицу «пунктами», проектъ «конституціи», сверхъ того, проводитъ еще разграниченіе между личными средствами императрицы и государственною казною, введеніемъ цивильнаго листа, опредѣляющаго доходъ императрицы въ 500 тысячъ рублей ежегодно. Носителями верховной власти является императрица вмѣстѣ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Совѣтъ состоитъ изъ 10—12 членовъ, принадлежащихъ къ родовитой знати; о томъ, какъ совѣтъ долженъ былъ пополняться, путемъ выборовъ или назначенія, наши источники умалчиваютъ. Всѣ дѣла рѣшаются въ совѣтѣ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ раздѣленія ихъ поровну голосъ императрицы даетъ перевѣсъ. Верховный тайный совѣтъ избираетъ отъ себя главноначальствующихъ войсками въ лицѣ двухъ фельдмаршаловъ и государственнаго казначея, отвѣтственныхъ передъ нимъ за правильное исполненіе своихъ обязанностей. Разработка всѣхъ законодательныхъ предположеній происходитъ въ сенатѣ, состоящемъ изъ 30—36 членовъ; способъ пополненія этого учрежденія также остается невыясненнымъ. Сенатъ, кромѣ того, является высшимъ судебнымъ трибуналомъ. Право общества на участіе въ рѣшеніи его внутреннихъ судебъ получаетъ удовлетвореніе путемъ введенія сословнаго представительства. Форма представительства — двухпалатная: проектируются палаты шляхетская, изъ 200 членовъ, и городская, по два представителя отъ каждаго города; духовенство и крестьянство были лишены представительства, первое — вслѣдствіе принципіальнаго не-

расположенія къ нему свободомыслящаго автора проекта, второе—примѣняясь къ общему безправному состоянію большинства этого сословія, въ силу его крѣпостной зависимости. Каждая палата вѣдаетъ права и дѣла представляемаго ею сословія; въ кругъ вѣдѣнія городской палаты входитъ еще защита интересовъ простонародья. Осуществленіе обѣими сословными палатами своей компетенціи сводилось къ одному контролю правомѣрности дѣйствій совѣта.

Одновременно съ верховниками, шляхетство совѣщалось по тому же вопросу о будущемъ государственномъ строѣ Россіи. Шляхетство раздѣлилось на двѣ партіи—защитниковъ самодержавія и поборниковъ конституціонныхъ идей. Успѣхъ верховниковъ, принявшихъ на себя иниціативу въ дѣлѣ переустройства своей родины, зависѣлъ отъ поддержки конституціонной партіи. На собраніяхъ этой партіи высказывалось недовольство, главнымъ образомъ, по поводу захвата верховнымъ совѣтомъ учредительныхъ функцій въ данный переходный моментъ и видимой претензіи его на исключительное обладаніе законодательной властью при обновленномъ строѣ. Роль, которую присвоилъ себѣ верховный тайный совѣтъ, при отсутствіи основныхъ законовъ, дастъ ему возможность не только издавать законы, но и во всякое время ихъ уничтожать. Необходимо, стало-быть, установить конституціонныя гарантіи. Кромѣ того, законодательную власть слѣдовало, по выраженію представителей шляхетства, организовать на обще-народныхъ началахъ. Наконецъ, выработка самой конституціи должна быть поручена особому учредительному собранію, построенному на болѣе широкой соціальной основѣ, чѣмъ совѣтъ, въ духѣ той же идеи общенародья, пропагандируемой конституціоннымъ шляхетствомъ.

На собраніи, созванномъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ на 2 февраля, въ составѣ генералитета и гражданскихъ чиновъ первыхъ четырехъ классовъ, въ томъ числѣ и членовъ сената, синода и президентовъ коллегій, для выслушанія отвѣта императрицы и общаго сговора относительно дальнѣйшаго образа дѣйствія, ожидаемое сближеніе не состоялось. Вина за это падаетъ всецѣло на верховный тайный совѣтъ, который по обоимъ вопросамъ, составлявшимъ пред-

меть собранія, представилъ положеніе вещей въ невѣрномъ освѣщеніи. Скрывъ свою инициіативу, совѣтъ объяснилъ согласіе Анны Ивановны на предложенныя ей кондиціи, какъ актъ добровольной уступки милосердной государыни, чѣмъ и сыгралъ въ руку монархическому меньшинству среди дворянства для подготовляемой ими реставраціи царскаго самодержавія. Ни однимъ словомъ совѣтъ также не обмолвился о своемъ проектѣ государственной реформы, упустивъ такимъ образомъ моментъ для успокоенія насчетъ своихъ плановъ конституціоннаго большинства шляхетства. Только на запросъ, сдѣланный изъ его среды кн. Черкасскимъ, относительно будущей формы правленія, кн. Голицынъ отъ имени совѣта предложилъ этой партіи выработать свой проектъ и внести его на обсужденіе совѣта. Предоставляя шляхетству итти своимъ путемъ, верховники не только выпустили изъ своихъ рукъ дѣйствительное руководительство намѣчавшимся политическимъ движеніемъ, отчего они вскорѣ оказались въ положеніи вождей безъ арміи, но и проглядѣли очередную задачу сплоченія около себя аморфной шляхетской массы, проясненія ея политическихъ идеаловъ и образованія такимъ путемъ организованной конституціонной партіи. Та часть шляхетства, которая была настроена конституціонно, въ свою очередь, разбила свои силы, выдѣливъ изъ себя множество кружковъ и даже отдѣльныхъ лицъ, вырабатывавшихъ свои «проекты» и «особыя мнѣнія». Первымъ выступилъ такъ называемый кружокъ Татищева; отъ его имени сдѣланъ былъ кн. Черкасскимъ вышеупомянутый запросъ совѣту на собраніи 2 февраля, и къ его виднымъ членамъ принадлежалъ Новосильцевъ, собиравшій въ своемъ домѣ единомышленниковъ на политическія бесѣды. Раскритиковавъ верховниковъ за самовольное избраніе государыни и измѣненіе формы правленія, вопреки естественному праву, согласно положеніямъ котораго за смертью безнаслѣднаго монарха вся власть, между прочимъ, и право замѣщенія престола, возвращается къ «общенародію», этотъ кружокъ въ первомъ отношеніи, въ виду удачнаго выбора, примирился съ допущеннымъ «правонарушеніемъ», въ отношеніи же будущаго государственнаго строя настаивалъ на передачѣ вопроса въ особое учредительное

собраніе изъ выборныхъ отъ шляхетства въ количествѣ не менѣе ста человѣкъ. Въ это собраніе кружокъ предполагалъ внести свой проектъ. Необходимость введенія конституцій, ограничивающей власть императрицы, мотивируется ея женскимъ поломъ и добровольнымъ отреченіемъ отъ самодержавія. «Въ помощь ея величеству» учреждались двѣ палаты, правительство «высшее»—изъ 21 и «низшее»—изъ 100 членовъ. Изъ двухъ функціонировавшихъ высшихъ государственныхъ учрежденій верховный тайный совѣтъ предполагалось упразднить, тогда какъ сенатъ, состоявшій изъ 11 лицъ, долженъ былъ раствориться въ высшемъ правительствѣ. Если такимъ образомъ одинъ изъ создаваемыхъ представительныхъ органовъ былъ преемственно связанъ съ сенатомъ, то петровская такъ называемая коллегія «сто» дворянъ (см. гл. V), не достигшая въ свое время надлежащаго развитія, явилась историческимъ прообразомъ для проектируемой шляхетствомъ дворянской палаты, близкой ей по составу и компетенціи. Составъ членовъ пополняется путемъ кооптаціи на соединенныхъ засѣданіяхъ обѣихъ палатъ; на нихъ же происходитъ замѣщеніе важнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ должностей, съ присоединеніемъ, въ первомъ случаѣ, всѣхъ генераловъ, во второмъ — президентовъ коллегій. Благодаря этому, высшая бюрократія фактически сосредоточивала исполнительную власть въ своихъ рукахъ. Въ организаціи законодательной власти сказывается аналогичная тенденція: законодательная инціатива принадлежитъ коллегіямъ, обсуждается и редактируется законъ «высшимъ» правительствомъ, откуда онъ поступаетъ прямо на утвержденіе императрицы. Компетенція «нижняго правительства», кромѣ вышеуказаннаго, распространяется лишь на «внутреннюю экономію», т.-е., очевидно, на финансовый контроль. Помимо указанія на организацію государственныхъ учрежденій, въ политической части проекта предусматриваются также извѣстнаго рода гарантіи неприкосновенности личности и имущества. Чтобы заручиться сочувствіемъ и поддержкою возможно болѣе широкихъ слоевъ общества въ проектѣ не мало мѣста отведено соціальнымъ требованіямъ отдѣльныхъ группъ его, дворянства, духовенства и купечества. Особое вниманіе удѣлено первому, какъ правящему

классу въ государствѣ: предлагаются мѣры для его обособленія въ замкнутое сословіе и рядъ льготъ, облегчающихъ отбываніе служебной и образовательной повинности и расширяющихъ земледѣльческія права этого сословія. Нѣсколько позже въ томъ же, вѣроятно, кружкѣ былъ выработанъ и тотъ порядокъ или, по выраженію самихъ авторовъ, тѣ «способы», которыми должно быть выполнено составленіе конституціи. Для этого изъ среды шляхетства должна быть образована коммиссія изъ 20—30 человѣкъ, которая въ своей отвѣтственной работѣ должна была руководствоваться наказами отъ своихъ довѣрителей и заключеніями кооптированныхъ ею экспертовъ со стороны. Каждый вопросъ подвергается троекратному обсужденію. Прошедши черезъ коммиссію, онъ поступаетъ на совмѣстное вторичное разсмотрѣніе ея съ сенатомъ, затѣмъ, въ третій разъ, обоихъ учрежденій съ верховнымъ совѣтомъ, а послѣ одобренія ими въ общемъ засѣданіи конфирмируется самою императрицею. Подъ этимъ проектомъ инициаторы собрали только 39+249 подписей за три дня, отъ 2 до 4 февраля. Его явно бюрократическая и антисовѣтская тенденція создали ему принципіальныхъ враговъ въ массѣ шляхетства и среди верховниковъ, которые, изъ желанія укрѣпить свою позицію, 5 февраля, по ознакомленіи съ вышеизложеннымъ проектомъ, предложили высказаться всему шляхетству въ рангахъ и безъ ранговъ. Небольшой кружокъ шляхетства думалъ использовать положеніе въ исключительную пользу своего сословія. По его плану вся власть переходила въ руки дворянскаго сейма, съ уничтоженіемъ верховнаго тайнаго совѣта и даже сената. Это обстоятельство вырывало незаполнимую пропасть между выразителями дворянскихъ интересовъ и тѣми учрежденіями, которыя въ данный моментъ сосредоточивали въ себѣ всѣ нити правительственнаго аппарата (совѣта) или служили всегдашнимъ оплотомъ домогательствъ высшей бюрократіи (сенатъ). Большинство же шляхетства, а именно 743 человѣка изъ всѣхъ 1100 лицъ, выразившихъ свое отношеніе къ проектируемой коренной реформѣ, приняло такъ называемый компромиссный проектъ. Онъ сохранялъ какъ совѣтъ, подъ названіемъ высшаго правительства и въ удвоенномъ противъ прежняго составѣ

(21 членъ), такъ и іерархически подчиненный ему сенатъ (11 членовъ). Избирательное собраніе въ 100 членовъ для замѣщенія государственныхъ должностей комбинируется изъ чиновной бюрократіи и представителей отъ дворянъ, а учредительную и законодательную власть передавалъ въ вѣдѣніе общаго собранія всѣхъ четырехъ корпорацій.

Рядъ «отдѣльныхъ мнѣній» разныхъ авторовъ, принадлежащихъ къ тому же большинству, или чиновничеству ниже четвертаго класса, стремится установить еще большую близость между названными группами и верховнымъ совѣтомъ: всѣ они соглашаются на сохраненіе послѣдняго въ его прежнемъ видѣ, только урѣзывая его роль и варьируя на множество ладовъ участіе другихъ корпорацій въ избирательномъ, учредительномъ и законодательномъ собраніяхъ.

Собравъ весь этотъ матеріалъ, совѣтъ, такъ сказать, наканунѣ самаго пріѣзда императрицы сдѣлалъ попытку согласовать коллективныя пожеланія бюрократіи и шляхетства со своими собственными идеями и стремленіями въ выработанной имъ на скорую руку формулѣ присяги. Совѣтъ остается въ прежней силѣ, какъ достояніе «первыхъ фамилій» въ государствѣ. Выборъ должностныхъ лицъ производится имъ же, совмѣстно съ сенатомъ. Рѣшеніе законодательныхъ вопросовъ остается тоже дѣломъ совѣта, усиливающаго себя приглашеніемъ, въ соотвѣтственныхъ случаяхъ, въ свои засѣданія, кромѣ сената, еще генералитета, президентовъ коллегій и депутатовъ отъ шляхетства, но только съ правомъ совѣщательнаго голоса. Зато сословныя привилегіи дворянства не только признаются въ требуемомъ имъ объемѣ, но и расширяются въ сторону служебныхъ льготъ, предоставленіемъ офицерскаго чина и права выхода въ гвардію по окончаніи корпуса. Вотъ тѣ уступки, на которыя готовы были итти верховники по отношенію къ чиновничеству и дворянству, но которыя послѣднихъ удовлетворить не могли. Дальше никакихъ шаговъ къ соглашенію верховнымъ тайнымъ совѣтомъ предпринято не было, если не считать двухъ выступленій Голицына и В. Л. Долгорукова, продиктованныхъ имъ чувствомъ отчаянія наканунѣ самой развязки, когда исходъ борьбы уже былъ предрѣшенъ; но предприня-

тыя не отъ лица совѣта, а по собственному почину названныхъ членовъ совѣта, эти выступленія свидѣтельствовали скорѣе о разложеніи совѣта, чѣмъ о приливѣ новой энергіи въ это учрежденіе. Естественно, что, неудовлетворенныя, обѣ политическія силы должны были сдѣлать попытку договориться о своихъ пожеланіяхъ черезъ голову совѣта съ другимъ правомочнымъ факторомъ, носительницею императорской власти. Это, казалось, имѣло тѣмъ больше шансовъ на успѣхъ, что тактика совѣта, своею неуступчивостью оттолкнувшаго отъ себя чиновный и благородный классы общества, отличалась крайней нерѣшительностью въ отношеніи императрицы, давшею послѣдней и ея небезкорыстнымъ друзьямъ возможность оріентироваться въ истинномъ положеніи вещей и собрать разрозненныя силы для отраженія открытаго противъ самодержавія похода.

Ядро монархической партіи, уже сформированное, составляли видные представители разныхъ соціальныхъ группъ. Сюда принадлежали члены родовитѣйшихъ аристократическихъ семей, обиженные верховниками, какъ князья Трубецкіе, Барятинскій, Юсуповъ и др., дѣльцы петровской бюрократической школы свѣтскаго и духовнаго званія, вродѣ знаменитаго гр. Ягужинскаго и еп. Ѳеофана Прокоповича, и, наконецъ, иностранные карьеристы, Ант. Кантемиръ, Левенвольдъ и, въ особенности, Остерманъ, душа и вдохновитель всей искусно проведенной кампаніи въ пользу укрѣпленія поколебавшагося самодержавія. Партія эта располагала однимъ важнымъ козыремъ. Это было, несомнѣнно, принадлежавшее ей сочувствіе императрицы, готовой открыто перейти на сторону монархистовъ, лишь только послѣдніе выростутъ въ дѣйствительную реальную силу. Конституціонное большинство шляхетства, послѣ ряда неудачныхъ опытовъ съ верховнымъ совѣтомъ, тоже должно было искать пути для легальнаго проведенія своихъ политическихъ и соціальныхъ требованій мимо или даже противъ совѣта, съ помощью императрицы. Такимъ образомъ Анна Ивановна, еще недавно казавшаяся ничего незначущей величиной въ происходящемъ за ея счетъ движеніи, вслѣдствіе близорукости своихъ противниковъ, вдругъ заняла центральное положеніе во всѣхъ ихъ политическихъ комбинаціяхъ.

Путь къ императрицѣ шелъ чрезъ партію, отстаивавшую ея интересы. Использованіе этого пути вообще не могло считаться особенно предосудительнымъ для конституціоннаго большинства, если принять во вниманіе, что его конституціонализмъ не отличался строгой принципіальностью. Послѣднія же колебанія насчетъ допустимости координированія своихъ дѣйствій съ монархистами должны были исчезнуть передъ внезапно—будто бы Остерманомъ—пущеннымъ, весьма правдоподобнымъ, но толкомъ не провѣреннымъ, слухомъ о предложеніи, сдѣланномъ совѣтомъ императрицѣ въ доказательство собственной лойяльности, — арестовать до 100 членовъ изъ конституціонной партіи. Но одной угрозы предательства, исходящей отъ собственныхъ единомышленниковъ, было недостаточно, чтобы заставить конституціонное шляхетство поставить крестъ надъ своими либеральными увлеченіями. Оно сдалось только передъ явной опасностью насилія со стороны вооруженной силы, мобилизованной бюрократіею, при чемъ вождямъ партіи еще удалось облечь сдачу въ приличную форму отступленія.

Развязка послѣдовала 25 февраля во дворцѣ. Конституціонная партія, обязавшаяся было сперва дѣйствовать заодно съ партіею монархической, въ послѣдній моментъ какъ будто рѣшилась на самостоятельное и непосредственное обращеніе отъ имени всего шляхетства съ челобитною къ императрицѣ о созывѣ учредительнаго собранія, но тщетно. Правда, другая, монархическая челобитная съ формальной стороны тоже не имѣла успѣха, однако, сущность ея, кажется, безъ остатка перешла въ составленную тутъ же, на мѣстѣ, новую, третью, челобитную. Эта петиція, долженствовавшая примирить собою всѣ точки зрѣнія, въ политической своей части знаменовала торжество абсолютическихъ тенденцій военной и гражданской бюрократіи, съ присоединеніемъ къ этому сословной программы конституціоннаго шляхетства, тогда какъ относительно самой причины движенія текстъ обращенія ограничивался одною глухою просьбою установить нынѣ же новую форму правленія. Основываясь на желаніи «своего народа» и согласіи, хотя и данномъ, такъ сказать, подъ напоромъ штыковъ, верховнаго тайнаго совѣта, Анна Ивановна «разодрала» пер-

вую русскую «конституціонную хартію» и «всемилостивѣйше учинила себя въ самодержавствѣ». Во исполненіе челобитни, вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта и высокаго сената былъ возстановленъ правительствующій сенатъ, какимъ онъ былъ при Петрѣ Великомъ въ составѣ 21 члена. Баллотировка на должности, возстановленіе которой петиція требовала для высшихъ чиновъ, была принята для офицеровъ. Взамѣнъ учредительнаго собранія для выработки свободнаго государственнаго устройства, стремленія передового дворянства къ законности и правовому строю должны были удовлетворяться перспективой изданія задуманнаго еще Петромъ Великимъ новаго гражданскаго уложенія въ порядкѣ, предположенномъ конституціонной партіею для реализаціи ея общеполитическаго идеала, а именно чрезъ смѣшанную комиссію изъ выборныхъ отъ шляхетства, духовенства и купечества (первая ступень), въ сотрудничествѣ съ сенатомъ (вторая ступень) и при условіи конфирмаціи ихъ законодательныхъ трудовъ верховною властью. Зато дворянству были даны всѣ испрашиваемыя имъ землевладѣльческія, образовательныя и служебныя льготы.

Выкинувъ изъ своего сознанія всякія политическія притязанія, дворянство послѣ 1730 г. стало устраиваться на почвѣ отвоеванныхъ имъ соціальныхъ привилегій. Въ его рукахъ сосредоточивались всѣ средства экономическаго, культурнаго и политическаго вліянія на общественную и государственную жизнь. Оно являлось главнымъ обладателемъ и распорядителемъ труда и капитала, владѣя большею частью населенныхъ земель, которыя составляли тогда основу русскаго богатства. Имѣя, по выраженію М. Богословскаго, «вкусъ и досугъ», оно первое овладѣло источниками просвѣщенія, школою и литературою, и воспользовалось тѣми выгодами и преимуществами въ жизненной борьбѣ, которыя даются знаніями, при минимальномъ уровнѣ культурности страны. Оно, наконецъ, олицетворяло собою правительство, такъ какъ распоряжалось вотчиннымъ судомъ и полиціею въ своихъ имѣніяхъ, на мѣстахъ, и наполняло собою весь составъ высшихъ чиновъ центральнаго и областного управленія, сената, коллегій, конторъ и избъ, а посредствомъ гвардіи, составленной всецѣло изъ его среды, про-

стирало свое вліяніе на судьбы престола, на строй государства, на характеръ дѣйствующей въ немъ формы правленія. Чтобы судить о томъ, насколько въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій созрѣлъ правящій дворянскій классъ въ пониманіи русской современности, чѣмъ въ существующихъ порядкахъ онъ былъ недоволенъ и какихъ онъ требовалъ реформъ,—для этого мы располагаемъ прекраснымъ матеріаломъ въ видѣ наказовъ его депутатовъ въ екатерининскую комиссію 1767 г. Наказы цѣнны особенно потому, что за ними стоятъ не верхи дворянскаго общества, а провинціальная рядовая масса этого сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они представляютъ собою послѣдній случай массоваго выступленія дворянства, какъ цѣлаго, въ XVIII в.

Суммируя впечатлѣнія, которыя оставляетъ по себѣ подробное ознакомленіе съ наказами, можно сказать, что въ нихъ дворянство выступаетъ прежде всего привилегированно-владѣльческимъ классомъ. Изъ двухъ интересовъ, которыми оно жило въ теченіе XVIII столѣтія, — служилаго и владѣльческаго, — первый во вторую половину вѣка, съ манифеста 18 февраля 1762 года, провозгласившаго давно желанную необязательность государственной службы, потерялъ для дворянства прежнее острое значеніе. На очереди для него теперь стояло развитіе имущественныхъ интересовъ и укрѣпленіе своего соціальнаго преобладанія. Наказы почти единодушно требуютъ: систематизаціи законодательства о собственности, въ связи съ общей задачей упорядоченія всего дѣйствующаго права путемъ кодификаціи; облегченія поземельныхъ сдѣлокъ, перенесеніемъ дѣлопроизводства изъ вотчинной коллегіи на мѣста; расширенія и урегулированія, въ цѣляхъ справедливости, свободы распоряженія своимъ достояніемъ, «не различая движимаго отъ недвижимаго и родового отъ благопріобрѣтеннаго»; подтвержденія «власти и полномочій надъ своими дворовыми и крестьянами» въ настоящемъ ихъ объемѣ для разсѣянія въ массахъ пагубной вѣры въ предстоящее ограниченіе или даже полное упраздненіе крѣпостного права. Для созданія нормальныхъ условій, при которыхъ возможно станетъ осуществлять вышеозначенныя владѣльческія права въ надлежащихъ размѣрахъ, дворянство ходатайствуетъ

объ энергичной борьбѣ противъ нравственной одичалости, противъ «воровства, грабительства и смертоубійства», предлагая для этого въ первую голову отмѣну новыхъ, болѣе гуманныхъ законовъ, ограничівающихъ пытку и смертную казнь, и возвращеніе къ практикѣ Уложенія 1649 года. Изъ двухъ золъ, мѣшавшихъ, главнымъ образомъ, правильному и успѣшному веденію дворянскаго хозяйства, помѣщичьяго абсентензма и крестьянскихъ побѣговъ, наказы останавливаютъ свое вниманіе только на второмъ. Небреженіе собственными интересами вызывалось укоренившейся привычкою дворянства къ государственной службѣ, вооружать противъ которой правительство не имѣло смысла, а сила дѣйствія другого фактора, соблазна жизни при блестящемъ императорскомъ дворѣ, только начала сказываться, а потому еще не успѣла войти въ поле зрѣнія составителей наказовъ. Не уясняя себѣ коренныхъ причинъ деревенскаго безлюдья, вдохновители и авторы наказовъ надѣялись пресѣчь это явленіе палліативными средствами усиленія взысканій съ виновныхъ. Ростъ денежнаго хозяйства даетъ себя чувствовать дворянству тѣмъ, что не только заставляетъ его всѣми мѣрами отстаивать свои экономическія привилегіи, но и открываетъ ему глаза на его возрастающую зависимость отъ посадскаго, торгово-промышленнаго класса, вслѣдствіе обладанія послѣднимъ движимымъ капиталомъ и руководства имъ торговыми операціями, въ томъ числѣ и по сбыту земледѣльческихъ продуктовъ. Нужда въ деньгахъ, въ дешевомъ и легко доступномъ кредитѣ, подсказываетъ дворянству просьбу объ открытіи провинціальныхъ банковъ и распространеніи изданнаго для купечества вексельнаго устава и на дворянъ.

Переходя къ тѣмъ сторонамъ дворянской критики, которыми она касается государственныхъ порядковъ, намъ приходится отмѣтить прежде всего тѣ изъ нихъ, которыя влекутъ за собою хозяйственные убытки и неудобства. Жалобы такого рода въ наказахъ имѣются на неудовлетворительную организацію обложенія, главнымъ образомъ, на механическую раскладку подушной подати, на тягостность способа пополненія войска путемъ набора и содержанія постоемъ по домамъ обывателей въ городахъ и деревняхъ, наконецъ, на

обременительность дорожной повинности. Страдало дворянское житье-бытье также отъ неустройства и дурной практики органовъ власти на мѣстахъ. Оказывается, что послѣдніе грѣшили своею исключительною приспособленностью къ обслуживанію государственныхъ, казенныхъ и прежде всего финансовыхъ потребностей по указамъ изъ центра, тогда какъ мѣстныя нужды, интересы населенія, страдали отъ бездѣятельности, самодурства и взяточничества воеводъ и ихъ канцелярій, отъ недоступности суда по дальности разстоянія, сложности, медленности и дороговизны процедуры и недобросовѣстности самихъ судей-воеводъ. Главнымъ организаціоннымъ недостаткомъ областного управленія являлось соединеніе въ немъ административныхъ и судебныхъ функцій, возстановленное послѣ смерти Петра Великаго. Вслѣдствіе этого полиція бездѣйствуетъ, правосудіе не функціонируетъ. При обзорѣ положительныхъ требованій наказовъ мы убѣждаемся, что дворянство въ своей массѣ далеко было отъ пониманія коренныхъ нестроеній политическаго строя Россіи того времени. Оно теперь совершенно не останавливается на хаотическихъ условіяхъ, въ которыхъ осуществляются основныя функціи государства, вслѣдствіе крупныхъ пробѣловъ въ системѣ его учрежденій и техническихъ несовершенствъ въ ихъ организаціи. Тѣмъ болѣе не касается оно ни единымъ словомъ и существующей формы правленія, не требуетъ себѣ никакой доли участія въ отправленіи верховной власти, заявляетъ себя вполнѣ чуждымъ какихъ-либо политическихъ притязаній. И то, и другое объясняется низкимъ уровнемъ образованія дворянства и примитивнымъ складомъ ума у подавляющаго большинства его представителей. Оно было неспособно свести конкретныя явленія практики управленія къ порождающимъ ихъ принципіальнымъ недостаткамъ и ошибкамъ въ самихъ основаніяхъ наблюдаемыхъ сторонъ жизни. Оно совершенно было незнакомо съ построеніями западно-европейской общественной мысли, которыя могли бы ему помочь разобраться въ родной нескладицѣ и найти изъ нея спасительный выходъ. Дворянство находилось, кромѣ того, въ вполнѣ аморфномъ состояніи, въ промежуткѣ времени между уничтоженіемъ его прежней служебной организаціи манифестомъ 18 февраля 1762 г. и

дарованіемъ ему новаго корпоративнаго устройства законодательными актами 1775 и 1785 гг. Въ виду этого, даже въ случаѣ наличности цѣльнаго плана государственныхъ реформъ или опредѣленной чисто политической тенденціи въ его средѣ, оно не имѣло ни малѣйшей возможности своими силами провести то или другое требованіе въ жизнь. Но, съ другой стороны, у него не было также никакого здраваго расчета какой-либо принципіальною оппозиціею колебать существующую власть, въ виду глухого броженія въ крестьянской массѣ, создавшаго вскорѣ ужасы такъ называемаго Пугачевскаго бунта. Наконецъ, диктовавшаяся дворянству этими обстоятельствами необходимость серьезно заняться обезпеченіемъ своихъ ближайшихъ соціальныхъ интересовъ отъ угрожающей опасности снизу, отъ городского купца, и еще гораздо больше, отъ рвущагося на свободу деревенскаго мужика, — эта необходимость впервые сочеталась для него съ объективной возможностью слѣдовать указаннымъ велѣніямъ момента, благодаря полному снятію съ него общегосударственной повинности, вернувшему помѣщичьимъ усадьбамъ ихъ хозяевъ. Новый кругъ насущныхъ заботъ и интересовъ первое время настолько поглотилъ дворянство, что оно совершенно было отвлечено отъ общегосударственныхъ вопросовъ, къ которымъ раньше приковывалось односторонне и принудительно. Всѣ изложенныя обстоятельства, и общественная незрѣлость, и критическія условія времени, и возможность близкой по цѣлямъ продуктивной работы, направили, по выраженію М. Богословскаго, «интересы дворянъ отъ центра къ мѣстности». Они требовали децентрализаціи управленія, построенія его на мѣстахъ на выборныхъ началахъ, съ передачею этихъ должностей въ руки дворянскихъ органовъ, и группировки, для производства выборовъ, дворянства въ территоріальныя общества, наконецъ, сосредоточенія преимущественнаго вниманія реформированной администраціи на удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ. Дворянство въ цѣломъ, погруженное въ свои соціальные интересы, послѣ 1730 г. уже нельзя поднять на политическое движеніе. Трудно даже сказать, сохраняется ли вообще въ его рядахъ въ ближайшія десятилѣтія извѣстная непрерывность конституціонной традиціи.

Наиболѣе яркими выразителями дворянскихъ настроеній до середины XVIII в. являются А. П. Волынскій и В. Н. Татищевъ. Первый въ 1730 г. оказалъ нѣкоторое вліяніе на направленіе политической мысли шляхетства, благодаря тому, что всѣ относящіеся до московскихъ событій документы, какъ кондиціи и разные проекты, въ копіяхъ пересылались ему друзьями въ его тогдашнее мѣсто служенія, въ Казань, и оттуда, снабженные поправками отъ его руки, возвращались обратно ихъ отправителямъ. До насъ дошелъ одинъ изъ такихъ проектовъ, составленный сторонниками самодержавія Анны Ивановны, въ который внесены поправки Волынскимъ, въ духѣ, наоборотъ, большаго расширенія политическихъ правъ шляхетства. Организованный имъ во время своего пребыванія въ Москвѣ въ 1731 г. политическій кружокъ къ концу 30-хъ годовъ насчитывалъ до 30 лицъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, какъ-то: одного посла, одного президента коллегіи, одного сенатора, много офицеровъ разныхъ ранговъ, до генерала включительно, двухъ архіереевъ, нѣсколькихъ разночинцевъ, иностранцевъ и т. д. Изъ членовъ кружка замѣтную активную политическую роль играли въ предшествующее время или впослѣдствіи историкъ Татищевъ и придворный врачъ Елизаветы Петровны, французъ Лестокъ. Планы Волынскаго и его «конфидентовъ», повидимому, главнымъ образомъ, сводились къ устраненію нѣмецкаго режима и провозглашенію императрицею Елизаветы Петровны, но, можетъ-быть, у нихъ были еще болѣе широкіе политическіе замыслы, не ограничивающіеся замѣною на престолѣ одного лица другимъ. Отъ «генеральнаго проекта о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», являющагося сводомъ политическихъ взглядовъ Волынскаго и разработаннаго имъ въ сотрудничествѣ съ нѣкоторыми участниками кружка, не осталось никакихъ слѣдовъ. Мы можемъ о немъ судить только по неточнымъ показаніямъ, даннымъ Волынскимъ и другими причастными лицами на допросѣ въ тайной канцеляріи. Для насъ въ генеральномъ проектѣ важны рѣзкая критика внѣшнихъ централизаціонныхъ тенденцій кабинета и восхваленіе, наоборотъ, независимаго отъ короля положенія въ государствѣ польскаго шляхетства, въ сравненіи съ безправіемъ

русскаго дворянства. «Мы министры, — писалъ Волынскій, — хотимъ всѣ вѣрность на себя перенять, и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ; напрасно намъ о себѣ такъ много думать, есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ и тѣмъ ревность у другихъ пресѣкаемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ и неподлежащихъ намъ, а что дѣлать — сами не знаемъ». «Польскому шляхтичу, — заявляетъ онъ еще, — не смѣетъ ни самъ король ничего сдѣлать, а у насъ всего бойся». Насколько близко преобразованный строй долженъ былъ подходить къ государственнымъ порядкамъ Рѣчи Посполитой, судить за неимѣніемъ подлинника очень трудно. Во главѣ правительственныхъ учрежденій, соотвѣтственно многимъ шляхетскимъ заявленіямъ 1730 г., предполагалось, очевидно, поставить сенатъ изъ представителей родословныхъ фамилій, а рядомъ съ нимъ — дворянскую палату. Но какова должна была быть организація и компетенція обоихъ представительныхъ учрежденій, остается для насъ неизвѣстнымъ. Надо только думать, что аристократизація государства, во всякомъ случаѣ, предполагалась основательная, такъ какъ, кромѣ отдачи всѣхъ офицерскихъ и даже приказныхъ должностей въ исключительное распоряженіе дворянства, предлагается «ввести шляхетство и въ духовный санъ», т.-е. по западно-европейскимъ примѣрамъ отдать на службу его соціальныхъ интересовъ и церковь. Требованіе составить сводъ указовъ вполнѣ гармонировало съ общимъ стремленіемъ къ консолидаціи недавно пріобрѣтенныхъ дворянствомъ соціальныхъ привилегій.

Вопросъ о принципіальномъ отношеніи къ существующей въ Россіи формѣ правленія со стороны Татищева рѣшается еще труднѣе. Въ своей «Исторіи Россіи», читанной имъ въ томъ же интимномъ кружкѣ Волынскаго, онъ заявлялъ себя приверженцемъ самодержавія, какъ наиболѣе пригодной для его отечества формы правленія. Но въ мнѣніи, представленномъ имъ верховному тайному совѣту, при избраніи императрицы Анны Ивановны, онъ все-таки допускалъ необходимость отступленія, хотя и временно только, отъ нормальнаго строя, при господствѣ чрезвычайныхъ условій. «Если же такой несмысленный государь случится, — говоритъ Тати-

щевъ, — что ни самъ пользы не разумѣетъ, ни совѣта мудрыхъ не принимаетъ и вредъ производитъ, то можно принять за божеское наказаніе; но чтобъ для того чрезвычайнаго приключенія порядокъ прежній перемѣнить, оное не благоразсудно; и кто можетъ утверждать, если видитъ коего шляхтича, безумно домъ свой разоряющаго, для того всему шляхетству волю въ правленіи отнявъ, на холопей оное положитъ; вѣдаю, что никто сего не утвердитъ». Но такъ какъ Анна Ивановна, «какъ есть персона женская, къ такимъ многимъ трудамъ неудобна, паче жъ ей знанія законовъ недостаетъ, для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужскую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить». Вытекало ли оппозиціонное настроеніе Татищева, какъ члена извѣстнаго намъ кружка, въ свою очередь, изъ однихъ націоналистическихъ мотивовъ, или у него связывалась мысль о переворотѣ съ намѣреніемъ создать, въ виду ли длительности женскихъ правленій, или на этотъ разъ уже по принципіальнымъ соображеніямъ, тѣ учрежденія политическаго характера, которыя проектировались при воцареніи Анны Ивановны, — на этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно. Несомнѣнно, политическое значеніе имѣетъ, если не въ настоящемъ, то для будущаго времени, та перегруппировка составныхъ элементовъ правящей среды, которая намѣчалась въ указанное царствованіе, и показателемъ котораго является Татищевъ. Уже въ томъ же мнѣніи онъ требуетъ «признать въ шляхетствѣ только тѣхъ, которые имѣютъ на деревни жалованныя грамоты, а не имѣющихъ таковыхъ, хотя бы и многія деревни имѣли, изъ шляхетства вовсе исключить». Въ примѣчаніи къ изданному имъ Царскому Судебнику Татищевъ обрушивается на растущее высокомѣріе чиновной аристократіи. «Какъ начали, — говоритъ онъ, — германскаго языка учиться, то шляхетству, по обычаю ихъ, знатному давать стали благородіе; нынѣ же въ такомъ оной уничиженіи, что несмотря на свою породу, токмо чинъ или рангъ досталъ майора, или подполковника, то благородіемъ гнушается, требуетъ высокородія, которое индѣ токмо графомъ дается, или высокоблагородный». Отъ прежняго антагонизма между родовитой знатью и худороднымъ шляхет-

ствомъ нѣтъ больше и помину, оба элемента дворянства объединяются на чувствѣ вражды къ нарождающейся бюрократіи, которое вскорѣ, а именно во второй половинѣ вѣка, должно получить такое яркое выраженіе, между прочимъ, въ депутатскихъ наказахъ 1767 г.

Услышать, однако, то, чего не даетъ во второй половинѣ XVIII в. коллективный голосъ дворянства, а именно принципіальный діагнозъ болѣзненныхъ язвъ русской политической дѣйствительности, вмѣсто простого, въ лучшемъ случаѣ симптоматическаго описанія ихъ, какимъ представляются наказы, можно только, поднявшись на вершины дворянскаго сословія, изъ устъ его образованнѣйшихъ представителей — кн. М. Щербатова и гр. Н. Панина. Изъ нихъ первый видѣлъ лучшее средство излѣченія Россіи отъ истощающихъ ея государственный организмъ недуговъ въ подзаконномъ самодержавіи, тогда какъ второй рѣшался на коренную ломку формы правленія, стоя на точкѣ зрѣнія ограниченной монархіи. Но какъ тотъ, такъ и другой предполагали произвести свои государственныя реформы на старомъ, исторически сложившемся соціальномъ фундаментѣ. Они не думали даже объ осуществленіи заложенной въ теоріи абсолютной монархіи идеи гражданскаго равенства. Мало того, первый изъ нихъ, Щербатовъ, не довольствовался существовавшими въ жизни отношеніями между различными общественными классами, а ясно и опредѣленно высказывался въ пользу еще большаго наклоненія оси соціальнаго господства въ сторону представляемаго имъ сословія.

Въ своей критикѣ русскаго государственнаго строя и практикѣ управленія кн. Щербатовъ вскрываетъ предъ нами главныя язвы, отъ которыхъ продолжало страдать общество, и которыхъ не смогли уврачевать его монархи, несмотря на всѣ свои возвышенныя и благонамѣренныя заявленія и частичныя преобразованія, до самаго конца XVIII вѣка. Щербатовъ все зло сводитъ къ отсутствію истинной законности въ современной ему русской дѣйствительности. Это происходитъ оттого, что «хотя есть писанные законы, но они власти государевой и силѣ вельможъ уступаютъ», что «состояніе каждаго подданнаго основывается не на защищеніи законовъ, зависитъ не отъ собствен-

наго его поведенія, но отъ мановенія злостнаго вельможи». Такое положеніе вещей соотвѣтствуетъ, по общимъ разъясненіямъ автора, какъ мы видѣли (см. гл. II), характеру самовластія, а не монархіи... «Монархъ нѣсть вотчинникъ, но управитель и покровитель своего государства», а отсюда вытекаетъ, что въ послѣднемъ «должно быть нѣкіимъ основательнымъ правамъ, которыя бы не стѣсняли могущества монарха ко всему, полезному государству, но укрощали бы иногда его безпорядочныя хотѣнія, по большей части во вредъ ему самому обращающіяся». Для того, чтобы Россія стала истинной монархіей, въ ней долженъ быть установленъ опредѣленный порядокъ престолонаслѣдія путемъ органическаго закона, взамѣнъ вотчиннаго начала личнаго распоряженія короною самимъ монархомъ. Далѣе, долженъ быть утвержденъ извѣстный «порядокъ произведенія въ дѣйство на непоколебимыхъ основаніяхъ» относительно «права изданія законовъ, разныхъ налоговъ на народъ, передѣланія монеты»..., равнымъ образомъ, «судъ и право себя защищать и совѣту для ради осуждаемыхъ людей по уголовнымъ дѣламъ спрашивать, и право, которому утверждать сіи осужденія». Итакъ, кромѣ государственной дѣятельности, Щербатовъ и частную жизнь подданныхъ считаетъ нужнымъ и возможнымъ поставить «въ монархическомъ правленіи, — какъ онъ выражается, — ненарушимо», т.-е. подъ охрану незыблемыхъ законовъ. Но для того, чтобы всѣ эти права и установленія не оставались фикціей, необходимы учрежденія, «приводящія, съ одной стороны, ихъ въ дѣйство, а съ другой — надзирающія за ихъ безпрепятственнымъ осуществленіемъ. Такихъ органовъ власти Щербатовъ въ современной ему Россіи не находитъ. «Воззримъ, — писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — на самое сочиненіе законовъ и на наложеніе налоговъ: не всѣ ли они въ кабинетѣ государевомъ, по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣній о бѣдности народной, сочиняются и располагаются государемъ и ближними его совѣтниками, которые дворъ считаютъ своимъ отечествомъ». Объ этихъ государевыхъ совѣтникахъ Щербатовъ говоритъ, что они «упражнены въ дворскихъ проискахъ», что они «не хотятъ ни истины, ни состоянія народнаго познать», что они «равно любоче-

стивы, какъ не свѣдущи на дѣло, толико любочестивы, коль горды». Вслѣдствіе этого «россійскій гражданинъ,— продолжаетъ онъ,—долженъ влачить тягость жизни своей, не имѣя ни твердыхъ законовъ, ни знающихъ правителей, ни правительствъ (т.-е. учрежденій), довольною силою снабженныхъ». Зато «онъ долженъ ежедневно страшиться вельможъ», въ рукахъ которыхъ находятся «жизнь, честь, имѣніе его»... для него «нѣсть ни правила, коему бы могъ послѣдовать, ни пристанища, гдѣ бы зрилъ свое спасеніе».

При такихъ условіяхъ и рѣчи быть не можетъ объ единеніи между народомъ и властью, на почвѣ взаимнаго довѣрія, о пріобщеніи его къ ней даже такъ, какъ рисуетъ себѣ это политическій идеалъ Щербатова, а именно въ той формѣ мирнаго и постояннаго сотрудничества, когда общество получаетъ возможность путемъ свободной критики вліять на направленіе правительственной дѣятельности, фактически не ограничивая ея въ ея рѣшеніяхъ и мѣропріятіяхъ (гл. II). Взаимоотношенія между обоими факторами въ современной Щербатову Россіи, совершенно не подходя ни подъ какую нормальную мѣрку, вслѣдствіе аморфнаго состоянія какъ того, такъ и другого, выливаются у него въ антитезу: безправное общество— неорганизованное правительство. Сравнивая свою родину съ передовою Европою, приближающеюся въ своемъ государственномъ устройствѣ къ его идеалу, нашъ критикъ вынужденъ признать, что «Россія не яко другія страны, гдѣ правительство тщится обнаружить свои операціи передъ народомъ, но о самыхъ вещахъ, касающихся непосредственно до народа, въ совершенной тайнѣ сіе содержитъ». Мало того: оказывается, что примѣровъ для сравненія съ отечественными порядками приходится, въ случаѣ надобности, искать среди наиболѣе отсталыхъ въ своемъ политическомъ развитіи западно-европейскихъ государствъ. «Что я говорю о народѣ?—восклицаетъ Щербатовъ.—Самыя таковыя дѣла главному правительству неизвѣстны, а знаетъ токмо ихъ тотъ, кому они препоручены». Этими словами Щербатовъ ясно и опредѣленно изображаетъ передъ своими соотечественниками продолжающееся въ Россіи господство личнаго начала въ управленіи, непрекращающееся въ ней

существованіе системы порученій, вмѣсто системы учрежденій, дѣлающее невозможнымъ правильное и цѣлесообразное функціонированіе правительственнаго аппарата. Щербатовъ описываетъ тлетворное вліяніе управленія, какъ на администрацію, такъ и на общество, если оно построено на лицахъ, а не на учрежденіяхъ, и если его двигателемъ является не служебный долгъ, а корыстная погоня за благоволеніемъ монарха и его приближенныхъ. «Вижу нынѣ,—пишетъ онъ въ «Письмѣ къ вельможамъ-правителямъ»,—вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные; имѣніе и жизнь гражданъ въ неподлинности; гордостью и жестокостью лишенныя души ихъ бодрости и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятіе смѣлости страждущему жалобу приносить». И «не привязанность вѣрныхъ подданныхъ, любящихъ государя и его честь и соображающихъ все съ пользою государства» внушаетъ, по словамъ Щербатова въ его извѣстнѣйшемъ трактатѣ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», близость къ престолу вельможамъ, но привязанность рабовъ-наемщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ льстивымъ усердіемъ своего государя. Примѣръ передается сверху внизъ, такъ какъ на всѣхъ ступеняхъ администраціи тоже «люди начали наиболѣе привязываться къ государю и къ вельможамъ, яко къ источникамъ богатствъ и вознагражденія».

Оплотомъ законности въ управленіи, блюстителемъ правомѣрной дѣятельности на всѣхъ его ступеняхъ, во всѣхъ органахъ и инстанціяхъ, по мысли Щербатова, долженъ явиться реформированный сенатъ. Реформа этого хранилища законовъ должна была состоять, съ одной стороны, въ томъ, чтобы его освободить отъ чрезмѣрной власти генералъ-прокурора, «истребившей духъ твердости и усердія въ сенаторахъ», и съ другой—въ томъ, чтобы «не токмо снабдить его довольно основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить его такими людьми въ силу же основательныхъ правъ, чтобы онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять».

Опредѣляя положеніе въ государствѣ отдѣльныхъ общественныхъ группъ, Щербатовъ не обнаруживаетъ той ши-

роты взглядовъ, какъ при разборѣ вопросовъ политическаго характера, выступая скорѣе одностороннимъ ходатаемъ за права и интересы своего сословія. Исходитъ Щербатовъ изъ мысли о внутреннемъ превосходствѣ дворянства, благодаря воспитанію въ немъ вѣками благородства и особой вслѣдствіе этого подготовленности его къ государственной дѣятельности. Озабоченный сохраненіемъ за дворянствомъ его исключительныхъ достоинствъ, нашъ публицистъ отстаиваетъ необходимость если не полнаго прекращенія, какъ Татищевъ, то, по крайней мѣрѣ, затрудненія до чрезвычайности доступа въ него со стороны, и требуетъ совершенной отмѣны права выслуги дворянскаго званія по табели о рангахъ и признанія монаршаго пожалованія единственнымъ способомъ его пріобрѣтенія. Подтвержденіе и расширеніе старыхъ правъ, личныхъ, преимущественно въ прохожденіи службы, и имущественныхъ, въ особенности за счетъ благополучія другихъ классовъ, и дарованіе новыхъ привилегій, главнымъ образомъ, корпоративныхъ и политическихъ — вотъ къ чему сводилась сословная программа Щербатова. Въ случаѣ осуществленія его программы дворянство становилось въ положеніе замкнутаго и безусловно первенствующаго въ государствѣ сословія. Мы не будемъ касаться подробно пожеланій Щербатова, мало отличающихся отъ извѣстныхъ намъ притязаній, которыя были выдвинуты всѣмъ сословіемъ въ его депутатскихъ наказахъ. Отмѣтимъ только ихъ аналогичную наказамъ, важную общую тенденцію 1) сдѣлать дворянство господиномъ экономической жизни страны, отдавая ему громадныя привилегіи въ сферѣ торгово-промышленной дѣятельности и сводя значеніе трудящихся классовъ населенія въ этомъ отношеніи къ чисто служебной роли, а 2) также оградить его въ пользованіи вытекающими отсюда благами и выгодами отъ конкуренціи разночинной бюрократіи. Антагонизмъ съ послѣдней ярко пробивается и въ стремленіи Щербатова поставить дѣятельность дворянскихъ обществъ и его уполномоченныхъ внѣ предусмотрѣнной законодательствомъ Екатерины II зависимости отъ опеки центральной администраціи, расширить ихъ компетенцію и обезпечить за ними возможность быть услышанными верховной властью въ общегосудар-

ственныхъ дѣлахъ. Дворянскія собранія, по взглядамъ Щербатова, должны происходить, не испрашивая на то дозволенія намѣстника, такъ какъ иначе выходитъ, что «они собираются не для сужденія о своихъ дѣлахъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы, но токмо, какъ нѣкоторыя орудія». Они же должны свободно выбирать своихъ должностныхъ лицъ, предводителей и земскихъ комиссаровъ, не справляясь съ имущественнымъ и служебнымъ цензомъ своихъ кандидатовъ и не представляя избранныхъ на утвержденіе мѣстнаго представителя власти. Свои челобитныя на Высочайшее имя, въ случаѣ отказа намѣстника въ ихъ представленіи, долженствующаго быть къ тому же всегда мотивированнымъ, дворянскія собранія препровождаютъ сами по назначенію, имѣя право ходатайствовать въ нихъ объ измѣненіи существующихъ законовъ. Оговорку, ставящую это право въ зависимость отъ стѣснительности послѣднихъ для самого дворянства, надо, вѣроятно, понимать не какъ ограничительное условіе, добровольно принимаемое на себя отъ имени дворянства его ходатаемъ, но скорѣе какъ непроизвольное проявленіе послѣднимъ своей сословно-эгоистической точки зрѣнія на вещи. Такого рода толкованіе будетъ, кажется, тѣмъ болѣе соотвѣтствовать истинѣ, что Щербатовъ одинаково важными основами мощи дворянства считаетъ какъ его экономическое благоденствіе, зиждящееся преимущественно на крѣпостничествѣ, такъ и его внутреннюю независимость по отношенію къ верховной власти, не вяжущуюся съ однимъ изъ главныхъ положеній абсолютистской теоріи, ученіемъ объ ограниченномъ умѣ подданныхъ. «Чѣмъ болѣе сей ключъ дворянскихъ доходовъ,—говоритъ онъ о крѣпостномъ правѣ,—будетъ уменьшаться, то болѣе дворянство въ дѣйствующую нищету, въ загрубѣлость, въ уныніе и въ другія злы неизбѣжно впадетъ». Но сколь важно рабовладѣніе, столь же опасно, наоборотъ, въ глазахъ Щербатова, раболѣпство—по крайней мѣрѣ, для его сословія. «Уподленіе духа,—грозно увѣщеваетъ онъ дворянство,—никогда не дѣлаетъ честныхъ людей, и есть ужасно и безумно требовать, что болѣе мы глупы будемъ, то лучшіе будемъ граждане».

Въ то время, какъ вопросъ о государственной реформѣ у кн. Щербатова никогда не подвигался дальше критическихъ нападокъ и теоретическихъ пожеланій, гр. Н. И. Панинъ ставилъ названный вопросъ дважды на практическую почву, 1762 и 1773 гг., изыскивая каждый разъ иную форму для его разрѣшенія, но оба раза одинаково безуспѣшно. Между обоими выступленіями Панина существуетъ, несомнѣнно, принципіальное различіе. Въ проектѣ объ учрежденіи императорскаго совѣта въ 1762 г. онъ заявляетъ себя еще сторонникомъ подзаконной монархіи, т.-е. единомышленникомъ Щербатова. Новый планъ измѣненія государственнаго строя Панина, который онъ предполагалъ осуществить съ помощью ряда вліятельныхъ лицъ въ 1773—1774 гг. насильственнымъ путемъ, въ связи съ низложеніемъ Екатерины II и возведеніемъ на престолъ Павла, приводилъ, наоборотъ, къ упраздненію самодержавія и введенію конституціоннаго образа правленія. Въ ходѣ развитія политической мысли гр. Панина наблюдается, стало-быть, какъ намъ кажется, извѣстная послѣдовательность и постепенность. Въ изображеніи же С. Г. Сватикова намѣренія Панина въ оба момента его жизни представляются по существу тождественными: онъ является конституціоналистомъ не только въ 1773 г., но даже уже въ 1763 г. Мало того, признавая—и это несспоримо—существованіе извѣстной причинной зависимости между проектомъ Панина объ учрежденіи совѣта и предшествующимъ манифестомъ Екатерины II отъ 6 іюля 1762 г. по поводу ея вступленія на престолъ, Сватиковъ толкуетъ заключавшіяся въ послѣднемъ обѣщанія также въ конституціонномъ смыслѣ. Такое толкованіе, однако, какъ видно изъ документовъ, неправильно. Кромѣ того, надо отмѣтить, что самая мысль объ учрежденіи совѣта исходитъ ни отъ Екатерины II, ни отъ Панина, а циркулировала въ правящихъ сферахъ гораздо раньше. Еще въ царствованіе Петра III были вновь выдвинуты два важныхъ историческихъ вопроса русской жизни, раскрѣпощенія общества, имѣющее начаться сверху, и упорядоченія правительственнаго механизма. Екатерина II вскорѣ послѣ своего воцаренія сдѣлала приступъ къ облеченію въ юридическія формы созданныя освободительнымъ манифестомъ

18 февраля 1762 г. новыя условія дворянскаго быта и къ реализаціи принадлежавшей ея предшественнику идеи учрежденія государственнаго совѣта въ Россіи. Императрица, какъ извѣстно, была очень недовольна тѣмъ, что ея предшественникъ на престолѣ опередилъ ее «возвѣщеніемъ свободы», оставивъ на ея долю менѣе благодарную задачу, согласно именному указу отъ 17 февраля 1763 г., — «разсмотрѣнія акта, которымъ императоръ Петръ III далъ вольность благородному россійскому дворянству, и приведенія его содержанія въ лучшее совершенство». Въ болѣе счастливомъ положеніи находилась Екатерина II относительно другой идеи, еще неуспѣвшей при ея предшественникѣ, даже въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, стать достояніемъ гласности, благодаря чему это дѣло отъ начала до конца, т.-е. не только выполненіе, но и самая иниціатива въ постановкѣ его на разрѣшеніе правительства могли сойти за исключительное украшеніе ея собственнаго царствованія. Въ манифестѣ о восшествіи на престолъ отъ 6 іюля 1762 г. Екатерина заявила: «обѣщаемъ торжественно императорскимъ нашимъ словомъ... узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло». Границы, въ которыя, по словамъ манифеста, должна быть введена правительственная дѣятельность посредствомъ вновь проектируемыхъ государственныхъ учрежденій, нельзя толковать, какъ это именно дѣлаетъ С. Г. Сватиковъ, въ смыслѣ самоограниченія верховной власти, дѣлежа своей прерогативы съ новыми учрежденіями, своего рода обѣщанія даровать странѣ конституцію въ современномъ значеніи этого слова. Въ связи съ этимъ находится порученіе, данное императрицею Н. И. Панину и выполненное имъ въ проектѣ манифеста 28 декабря 1762 г., сперва подписанномъ Екатериною, но затѣмъ надорванномъ ею и потому не опубликованномъ, и въ обстоятельной докладной запискѣ, содержащей, подобно самому манифесту, критику господствующихъ нестроеній и мотивировку проектируемой реформы управленія. Принимая во вниманіе однородность содержанія обоихъ документовъ, я, ради внѣшнихъ удобствъ, буду въ своемъ

изложеніи разсматривать манифестъ и записку, какъ нѣчто цѣльное, какъ единый «проектъ объ учрежденіи императорскаго совѣта».

Центральнымъ положеніемъ проекта является признаніе необходимости «непоколебимо утвердить форму и порядокъ, которыми подъ императорскою самодержавною властью государство навсегда управляемо быть должно». Этой необходимости проектъ противопоставляетъ наслѣдіе отъ предыдущихъ царствованій, имѣя, главнымъ образомъ, въ виду ближайшее изъ нихъ, — Елизаветы Петровны. «Тогдашніе случайные и припадочные люди», констатируетъ проектъ, образовывали всегда злоключительный общему благу интервалъ между государемъ и правительствомъ. «Эти, — какъ ихъ называетъ проектъ, — временщики и куртизаны сдѣлали въ немъ (рѣчь, въ частности, идетъ о кабинетѣ министровъ), яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю». Убійственной ироніей и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствомъ горькой обиды запечатлѣнъ отзывъ, который дается на страницахъ проекта объ отношеніи власти и ея ближайшихъ совѣтниковъ къ идеѣ государственнаго служенія, въ сравненіи съ которымъ отношеніе сапожника къ своему мастерству въ смыслѣ добросовѣстности и пониманія дѣла оказывается для нихъ недосягаемымъ идеаломъ. «Нашъ сапожный мастеръ, — гласитъ проектъ, — не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ, т.-е. съ чернорабочимъ, и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилось слышать у престола государева, отъ людей его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское (государственное) правило: «была бы милость, всякаго на все станетъ». Затѣмъ проектъ послѣдовательно ставитъ вопросъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ привело обрисованное имъ крупными и яркими штрихами положеніе вещей, и о тѣхъ причинахъ, дѣйствіемъ которыхъ, въ свою очередь, было создано указанное положеніе. «Познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, мы, — гласитъ проектъ устами императрицы, — познали и причины, которыя такъ часто, при всякихъ

обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергли оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т.-е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и, наконецъ, всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Ивановны и самая самодержавная власть уже потрясена была». Небреженіе государственныхъ дѣлъ правительствомъ, приведшее отъ нарушенія интересовъ правосудія и народнаго благосостоянія къ потрясенію такъ называемыхъ основъ, является все-таки лишь производной причиной всѣхъ недостатковъ. Въ послѣднемъ итогѣ «таковыя государству вредныя приключенія происходили, несомнѣнно, часто оттого, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердѣе сохранять могли». Сама аномалія господства личнаго начала въ государствѣ, на которую указываетъ первая часть выписаннаго мѣста, возможна только вслѣдствіе недостатка или, правильнѣе, полнаго отсутствія «начальныхъ основаній правительства» въ фундаментальныхъ законахъ, единственно способныхъ обезпечить за всѣми его органами желательную «твердую форму». Что и проекту ясна данная связь явленій, видно изъ другого мѣста его, въ которомъ констатируется, что; «не имѣвъ прямого государственнаго основанія и не получая силы прочности, всѣ установленія послѣ Петра Великаго перемѣною временъ или сами упадали, или подвергались руководству припадочныхъ и случайныхъ людей».

Но кромѣ отсутствія у наличныхъ учрежденій твердыхъ основаній въ органическихъ законахъ, есть и другая причина нестроеній въ организаціи власти, это — недостатокъ высшихъ государственныхъ учрежденій вообще и неправильное распредѣленіе правительственныхъ функцій между дѣйствующими органами въ частности. «Отъ начала недостаточныя установленія, — замѣчаетъ проектъ, — чрезъ долгое время, наконецъ, привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отчествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось из-

лишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привесть на память, въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало». Не касаясь здѣсь вопроса о законности или незаконности восшествія на престолъ Петра III, по меньшей мѣрѣ столь же умѣстнаго по отношенію къ самой офиціальной авторшѣ проекта, Екатеринѣ II, мы должны сознаться, что трудно сказать, въ какихъ формахъ, согласно желанію и неофиціальнаго автора проекта, Панина, современный читатель долженъ былъ представлять себѣ укоряемое за свое непроизвольное бездѣйствіе собраніе верховнаго правительства. Можетъ-быть, Панинъ имѣлъ въ виду ту или другую форму пресловутаго шляхетскаго «общенародья», призваннаго, какъ мы знаемъ изъ обзора болѣе раннихъ проектовъ, выражать свою волю въ случаяхъ указаннаго «наиважнѣйшаго происшествія на монаршемъ престолѣ», т.-е. при смѣнѣ двухъ царствованій. Екатерина II могла возноситься надъ Петромъ III, дѣйствительно обошедшемся безъ санкціи общенародья, если она продолжала дѣлать видъ, что за таковую серьезно считаетъ привѣтствіе столичной толпы и гвардейскихъ полковъ. При такомъ взглядѣ выпадъ противъ Петра III, заключающійся въ приведенныхъ словахъ, получаетъ опредѣленное тактическое значеніе. Но если даже придавать этимъ словамъ болѣе широкій, принципіальный смыслъ, притомъ связывая ихъ включеніе въ текстъ проекта съ именемъ Панина, то и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать того, что вѣдь рѣчь идетъ о созывѣ такъ называемаго «верховнаго правительства» только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда за отсутствіемъ законныхъ преемниковъ у неограниченнаго монарха по смерти послѣдняго, согласно извѣстной намъ теоріи естественнаго права, распоряженіе престоломъ возвращается, какъ къ своему первоисточнику, къ державному народу. Нельзя, далѣе, въ требованіи, чтобы самодержавный государь дѣй-

ствовалъ черезъ органы, «подверженные суду и отвѣту передъ публикой», видѣть возвѣщеніе конституціоннаго строя, такъ какъ удовлетвореніе этого требованія представляется, по крайней мѣрѣ, въ теоріи, мыслимымъ безъ посягательства на неограниченное самодержавіе. Вполнѣ уживается послѣднее также съ существованіемъ высшихъ учрежденій въ государствѣ и съ сосредоточеніемъ въ нихъ отправленія основныхъ отраслей государственной дѣятельности. Ознакомленіе съ предположеніями проекта въ этой области показываетъ, что они не угрожали верховнымъ правамъ монарха. Планируетъ ихъ дѣятельность проектъ такимъ образомъ: функція сената заключается въ наблюденіи за всѣми судебными и административными мѣстами, какъ коллегіи, конторы, канцеляріи и т. д., чтобы они свои дѣйствія строго и точно согласовали съ уже существующими законами. Точно такъ же должно быть особое установленіе, спеціальное назначеніе котораго состояло бы въ изданіи законовъ. Для этого требуется «установить формою государственною верховное мѣсто лежисляціи и законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя и отъ единаго мѣста, истекать будетъ собственное монаршее изволеніе, все оживотворяющее, и которое оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя». Затѣмъ манифестъ объявляетъ объ учрежденіи императорскаго совѣта.

Устройство и компетенція совѣта, намѣчаемыя проектомъ, представляются въ такомъ видѣ. Императорскій совѣтъ «состоитъ въ шести и до осьми персонахъ», изъ коихъ четыре со званіемъ «статскихъ секретарей», завѣдываютъ дѣлами военными, морскими, иностранными и внутренними, при чемъ первые три имѣютъ каждый также мѣсто въ соотвѣтственной коллегіи, а послѣдній—«во всѣхъ коллегіяхъ, принадлежащихъ къ тому департаменту», т.-е. относящихся до гражданскаго управленія. Всѣ дѣла, восходящія до государя, и всѣ рѣшенія, отъ него исходящія, проходятъ черезъ совѣтъ, будь это новое узаконеніе, постановленіе, манифестъ, грамоты или патенты. Наконецъ, всякое изъ перечисленныхъ волеизъявленій или распоряженій, подписываемыхъ государемъ, должны быть контрасcигнированы тѣмъ «статскимъ секретаремъ», по департаменту

котораго то дѣло производилось, «дабы тѣмъ публика отличать могла, которому оно департаменту принадлежитъ». Примѣняя къ изложенному построенію совѣта нашъ критерій, мы должны отмѣтить, что проектъ вполнѣ отчетливо подчеркиваетъ необходимость существованія высшихъ учрежденій, но, смѣшивая задачи объединительной и распорядительной правительственной дѣятельности съ требованіями законодательства, сосредоточиваетъ обѣ функціи въ нераздѣльномъ состояніи въ проектируемомъ императорскомъ совѣтѣ.

Мы считали необходимымъ коснуться проекта императорскаго совѣта въ данной связи въ виду важности его для характеристики политической эволюціи Н. И. Панина. Что же касается политическаго характера совѣта, наличность котораго признается В. Щегловымъ и отрицается Н. Чечулинымъ, то, какъ намъ кажется, рѣшать его утвердительно, прежде всего, возможно только, читая между строкъ и игнорируя ясно формулированную какъ манифестомъ, такъ и докладомъ цѣль новаго учрежденія — огражденіе, а не ограниченіе, хотя и подзаконной, но все же самодержавной власти. Кромѣ того, рѣшающимъ моментомъ въ пользу такъ сказать консервативнаго, неограничительнаго толкованія проекта является не отсутствіе, какъ полагаетъ Н. Чечулинъ, оговорки, что «безъ подписи статсъ-секретаря распоряженія государя не имѣютъ силы», а отсутствіе упоминанія объ управомоченномъ общественно-представительномъ органѣ, передъ которымъ статсъ-секретари несли бы дѣйствительную отвѣтственность, тогда какъ проектъ придаетъ ихъ подписи, какъ мы видѣли, только странное значеніе освѣдомленія «публики».

Самъ Н. И. Панинъ, независимо отъ направленія своего проекта реформы, могъ быть, конечно, уже въ 1762 г. болѣе или менѣе убѣжденнымъ «конституціоналистомъ», т.-е. сторонникомъ ограниченной въ той или иной формѣ монархіи, не дѣлая, однако, изъ своихъ убѣжденій пока никакого практическаго примѣненія. Но возможно также, что съ нимъ произошла внутренняя перемѣна въ указанномъ духѣ только къ 1773—74 г., которая и обнаружилась въ приписываемомъ ему намѣреніи произвести въ сообществѣ съ нѣкоторыми другими лицами конституціонный перево-

ротъ въ пользу своего бывшаго воспитанника Павла. Ту характеристику, которую даетъ Панину Д. А. Корсаковъ, трактующій, подобно нѣкоторымъ другимъ историкамъ, его выступленіе въ 1762 г. въ конституціонномъ смыслѣ, можно принять въ отношеніи его второго выступленія, политическая тенденція котораго не представляетъ уже ни для кого никакихъ сомнѣній. Нельзя прежде всего видѣть въ Панинѣ духовнаго преемника «родословныхъ людей», въ родѣ Долгорукихъ и Голицыныхъ, игравшихъ столь видную роль въ движеніи 1730 г. Н. И. Панинъ прежде всего, «хотя состоялъ въ родствѣ съ русскими аристократическими фамиліями XVIII в., но по происхожденію не принадлежалъ къ старинной московской знати и не могъ имѣть наслѣдственныхъ, перешедшихъ отъ предковъ, аристократическихъ воззрѣній». Затѣмъ «родословныхъ людей привлекала политическая роль шведской аристократіи, и въ этой роли желали они видѣть осуществленіе собственныхъ своихъ политическихъ мечтаній, унаслѣдованныхъ ими отъ ихъ отцовъ и дѣдовъ XVII иXVI вѣковъ». Наоборотъ, «увлеченіе шведской конституціей» со стороны Н. И. Панина «явилось результатомъ основательнаго ея изученія, а не традиціоннымъ преклоненіемъ передъ ней родословныхъ людей». Смыслъ приведенной сравнительной характеристики Н. И. Панина заключается въ томъ, что, въ отличіе отъ такъ называемыхъ родословныхъ людей 1730 г., заявившихъ себя только выразителями узко сословныхъ нуждъ, его выступленіе съ проектомъ конституціи въ 1778 г. слѣдуетъ разсматривать, какъ актъ политическаго дѣятеля и широкаго государственнаго ума. Замѣтимъ еще только, что подобная же оцѣнка, какъ мы видѣли, можетъ быть произведена уже и кн. Дм. М. Голицыну, стоявшему въ свое время головой выше остальныхъ представителей родовитой аристократіи, и сумѣвшему поставить движенію 1730 г. общегосударственныя цѣли.

Второе выступленіе Н. И. Панина по существу не вызываетъ никакихъ разногласій въ исторической литературѣ, зато фактическая сторона его до сихъ поръ остается менѣе выясненной, чѣмъ дѣло объ учрежденіи императорскаго совѣта. С. Г. Сватиковъ связываетъ это выступленіе Па-

нина въ пользу конституціи съ мало обслѣдованнымъ дворцовымъ заговоромъ 1773 г. противъ Екатерины II, въ которомъ, кромѣ него, принимали участіе: его братъ П. И. Панинъ, кн. Е. Г. Дашкова и кн. Н. В. Репнинъ, и душою котораго будто бы являлась молодая супруга Павла Петровича, великая княгиня Наталія Алексѣевна. Придавая конституціонному проекту «значеніе политическаго завѣщанія Панина своему воспитаннику, въ моментъ ихъ разставанія по случаю совершеннолѣтія и женитьбы Павла», С. Г. Сватиковъ относитъ его составленіе именно къ 1773 году. По его мнѣнію проектъ имѣлъ также нѣкоторое вліяніе на связанное съ реформою мѣстнаго управленія учрежденіе намѣстничества въ 1775 году въ той его части, въ которой проводится принципъ личной неприкосновенности для дворянъ. Одного съ нимъ взгляда по вопросу о времени происхожденія проекта держится и В. Е. Якушкинъ. Иначе относятся къ дѣлу В. И. Семевскій и Н. К. Шильдеръ, пріурочивающіе составленіе проекта, наоборотъ, къ 1780 годамъ и отрицающіе совершенно его связь съ помянутымъ заговоромъ. Изъ послѣднихъ двухъ ученыхъ Н. К. Шильдеръ даже считаетъ проектъ предсмертнымъ «сводомъ мыслей о правительствѣ» уже больного Н. И. Панина, называетъ его произведеніемъ не пера, а только мысли умирающаго государственнаго дѣятеля, продиктованной имъ служившему у него въ секретаряхъ писателю Д. фонъ-Визину; внѣшнее участіе послѣдняго въ разбираемомъ дѣлѣ, впрочемъ, фактъ неоспоримый. Самая конституція извѣстна намъ только въ отрывкахъ, изъ записокъ декабриста, племянника писателя, М. А. фонъ-Визина, такъ какъ изъ всего проекта ея сохранилось только одно введеніе.

Введеніе формулируетъ нѣсколько общихъ положеній въ духѣ теоріи естественнаго права, касающихся характера власти. Прежде всего отвергается старый вотчинно-правовой взглядъ на власть какъ на институтъ, являющійся частнымъ достояніемъ ея обладателя, и устанавливается ея общественная природа. «Верховная власть,—читаемъ мы,—ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ». Затѣмъ выдвигается требованіе правомѣрности власти, выводимой изъ существованія непреложныхъ законовъ въ самой

природѣ. Но подобно тому, какъ послѣдніе имѣютъ своимъ источникомъ Бога, основные государственные законы устанавливаются государемъ, конечно, на основаніи и въ духѣ возложенныхъ на него народомъ полномочій, отчего они, какъ и законы естественные, нисколько не теряютъ силы обязательности и принудительности для того, кто ихъ далъ. «Подобно тому, какъ Богъ сотворилъ для себя вѣчные, неизмѣнные законы,—разсуждаетъ Панинъ,—которыхъ онъ не можетъ преступить, не переставая быть Богомъ, точно такъ же государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непремѣнныя, основанныя на благѣ общества, и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не переставъ быть достойнымъ государемъ». Этотъ взглядъ на монарха, какъ на единственнаго правомочнаго носителя учредительной власти въ государствѣ, несомнѣнно, побудилъ Панина заручиться предварительнымъ согласіемъ Павла на дарованіе конституціи, взявъ съ него подпись и клятву, что, воцарившись, онъ вспомнитъ свое обѣщаніе. «Непремѣнные государственные законы» служатъ единственнымъ залогомъ прочности, какъ состоянія государства, такъ и состоянія государя. «Гдѣ произволъ отдѣльнаго лица равносиленъ высшему закону, тамъ масса народная не объединена крѣпкими связями». Монархъ «отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣло управленія, и... ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями». Такъ какъ «первоначальная власть», изъ которой выводятся полномочія государя, «принадлежитъ народу», а неестественно было бы представить себѣ, чтобы народъ давалъ своему властителю право быть несправедливымъ, то несоблюденіе послѣднимъ принятыхъ на себя обязательствъ дѣлаетъ народъ вновь распорядителемъ своей судьбы. «Если,—читаемъ мы во «введеніи»,—народъ находитъ средства разорвать наложенныя на него цѣпи, на основаніи того же права (?), по которому онѣ на него возложены, то онъ хорошо дѣлаетъ, если ихъ разрываетъ». Такимъ образомъ Панинъ заранѣе позаботился о томъ, чтобы, въ случаѣ внѣшняго успѣха замышляемаго госу-

дарственнаго переворота, положеніе Павла оказалось, съ точки зрѣнія господствующей правовой доктрины, безспорнымъ. Мы видимъ, что Панинъ для оправданія затѣяннаго предпріятія не останавливается даже передъ утвержденіемъ за подданными права возстанія во имя верховенства націи. Любопытно, что, отстаивая это право, Панинъ, подобно Локку, даетъ совѣтъ предосторожности пользоваться имъ только въ крайности.

Желая опредѣлить государственный строй современной ему Россіи, Панинъ приходитъ къ тому заключенію, что она не подходитъ ни подъ одну изъ различаемыхъ тогда формъ правленія. «Россія, оказывается, не деспотическое государство, потому что народъ никогда не представлялъ властителю править собою произвольно. Она также не монархическое государство, потому что въ ней нѣтъ основныхъ законовъ; также не аристократическое — потому что въ Россіи высшія административныя власти служатъ лишь безвольнымъ орудіемъ произвола монарха. На демократію же не можетъ походить страна, въ которой народъ живетъ во тьмѣ глубокаго невѣжества и безмолвно влачитъ иго жестокаго рабства. Благодѣтельный и просвѣщенный властитель долженъ начать съ того, чтобы немедленно же обезпечить всеобщую безопасность посредствомъ основныхъ законовъ». Новый государственный строй основывается, согласно сохранившимся о проектѣ свѣдѣніямъ, на началахъ политической свободы. Послѣдняя устанавливается пока только для одного дворянства. Законодательная власть раздѣляется между императоромъ и верховнымъ сенатомъ: сенату принадлежитъ право обсужденія и рѣшенія всѣхъ вносимыхъ на его разсмотрѣніе вопросовъ, которые затѣмъ поступаютъ на утвержденіе императора. Члены сената частью назначаются короною, частью избираются дворянствомъ изъ его же среды, при чемъ часть какъ тѣхъ, такъ и другихъ является несмѣняемой; кромѣ того, въ составъ сената входитъ еще синодъ. Изъ дворянъ же образуются губернскія и уѣздныя собранія, которымъ предоставляется право совѣщанія по всѣмъ общественнымъ дѣламъ и нуждамъ мѣстнаго характера, представленія о нихъ сенату и внесенія на разсмотрѣніе послѣдняго законопроектовъ общегосударствен-

наго значенія; въ этихъ же собраніяхъ происходятъ выборы сенаторовъ и чиновниковъ мѣстнаго управленія.

Еще одной ступенью выше Н. И. Панина стоитъ Радищевъ, внесшій, въ сравненіи со своими предшественниками, новыя сильныя ноты въ критику русской дѣяствительности. Писательскій талантъ А. Н. Радищева, развернувшійся въ особенности въ его «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» (1790 г.), въ названномъ сочиненіи останавливается съ одной стороны на изобличеніи произвола и непорядковъ въ администраціи и необезпеченности всего населенія въ своихъ элементарнѣйшихъ интересахъ отъ злоупотребленій агентовъ правительства вообще и узаконеннаго безправія подавляющаго большинства подъ гнетомъ крѣпостной зависимости въ частности, съ другой—дѣлаетъ призывъ къ общественному мнѣнію и самой власти стать на защиту попираемой въ жизни правды и справедливости. Причинами безотраднаго состоянія дѣйствительности онъ считаетъ неосвѣдомленность монархини и равнодушіе общества. Критику русской общественности онъ даетъ въ яркихъ тонахъ и образахъ, очень картинно выходитъ у него также выступленіе царя, прозрѣвшаго подъ вліяніемъ словъ проникшей въ его чертоги истины. Но какъ бы художественно и правдиво ни передавалъ Радищевъ ужасныя впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ наблюденій за русской жизнью, онъ въ извѣстномъ смыслѣ все-таки только скользитъ по ея поверхности, не производя анализа основамъ современнаго ему государственнаго строя Россіи, а предоставляя читателю сквозь призму нарисованныхъ имъ бытовыхъ сценъ дѣлать самому соотвѣтственные принципіальные выводы. Въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ не только Щербатову, но и Панину. Къ такому же заключенію приходимъ мы, когда обращаемся къ программной части книги Радищева, къ ея указаніямъ на средства, которыми возможно уврачевать недуги и болячки, изнуряющіе русскій государственный и народный организмъ. Повидимому, всѣ надежды автора въ ближайшее время сводятся къ бдительности прозрѣвшаго монарха, находящагося постоянно въ курсѣ дѣла, благодаря свободному дѣйствію печатнаго слова. Кромѣ того, у Радищева имѣются еще два проекта

дѣйствительныхъ реформъ, такъ сказать, для сравнительно близкаго и для очень отдаленнаго будущаго. Первый предусматриваетъ «постепенное введеніе нарушеннаго въ обществѣ естественнаго и гражданскаго равенства», такъ сказать, съ двухъ сторонъ—освобожденіемъ крестьянъ и отмѣною дворянскихъ привилегій. Эта задача входила, какъ намъ уже извѣстно, въ составъ абсолютистской идеи, и поэтому могла быть выполнена безъ ниспроверженія существующаго порядка вещей. Совершенно иначе дѣло обстояло со вторымъ проектомъ, осуществимость котораго представлялась Радищеву такой розовой мечтой, что онъ улавливалъ его самъ только въ самыхъ смутныхъ очертаніяхъ, какъ «соединеніе власти со свободой» по почину и примѣру самого будущаго идеальнаго государя. Въ виду изложеннаго, указанія Радищева не имѣли и не могли имѣть практическаго значенія для уразумѣнія и исправленія современной ему политической обстановки. Въ произведеніяхъ Радищева, какъ мнѣ кажется, съ этой точки зрѣнія публицистъ во всякомъ случаѣ сильно заслонялся художникомъ-гуманистомъ. Несравненно ближе всѣхъ своихъ современниковъ Радищевъ подошелъ къ реальной дѣйствительности въ пониманіи соціальнаго вопроса.

По свидѣтельству названнаго выше М. А. фонъ-Визина, Панинъ предполагалъ распространить политическія права, требуемыя имъ въ первую голову для дворянъ, со временемъ на другія сословія, при чемъ этому должно было предшествовать постепенное освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ пунктѣ Н. И. Панинъ расходился, не говоря уже о кн. Щербатовѣ, и со своей политической единомышленницей, кн. Дашковой, отвергавшей необходимость соціальной реформы, и, наоборотъ, близко соприкасался съ младшимъ своимъ современникомъ А. Н. Радищевымъ, въ публицистикѣ котораго вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права занимаетъ центральное мѣсто. Этотъ мудрый и справедливый актъ, по мысли обоихъ писателей, долженъ былъ исходить отъ самой власти. Но при этомъ Радищевъ указывалъ на неизбѣжность вмѣшательства самихъ крестьянъ, если апелляція государя къ инстинкту самосохраненія, экономическому расчету и чув-

ству человѣколюбія не побудитъ душе- и землевладѣльцевъ къ разумнымъ и своевременнымъ уступкамъ. Освобожденіе крестьянъ, по его мнѣнію, должно было еще сопровождаться надѣленіемъ ихъ землей въ личную собственность. Кромѣ того, Радищевъ, какъ уже было сказано, выдвигалъ необходимость упраздненія наслѣдственныхъ дворянскихъ привилегій, т.-е. общественныхъ отличій и преимуществъ, вытекавшихъ не изъ личныхъ заслугъ, а изъ случайныхъ условій рожденія.

Учитывая вышеприведенные недочеты практическаго и теоретическаго характера программы Радищева, исторія все-таки должна поставить ему въ большую заслугу, во-первыхъ, то, что онъ развернулъ чрезвычайно широко для своего времени, хотя, вѣроятно, и подъ вліяніемъ событій французской революціи, соціальную проблему, становясь, очевидно, на точку зрѣнія идеи безсословнаго общества. Далѣе, мы видимъ, что возможность политическихъ реформъ обусловливалась въ его глазахъ освобожденіемъ крестьянъ, при чемъ установленіе гражданскаго равенства должно было предшествовать всякимъ кореннымъ преобразованіямъ государственнаго строя. Наконецъ, Радищевъ, пожалуй, единственный изъ русскихъ людей того времени, громко высказалъ ту мысль, что вина за неустройство русской жизни падаетъ не на одно правительство, а раздѣляетъ съ нимъ эту вину и общество, безропотно терпящее или даже само творящее отрицательныя явленія этой жизни.

V. Развитіе государственнаго управленія.

Въ третьей главѣ мы пришли къ тому заключенію, что господство беззаконія въ русской дѣйствительности XVIII в. объясняется, кромѣ невысокаго культурнаго уровня какъ правителей, такъ и управляемыхъ, отсутствіемъ крѣпкихъ внѣшнихъ устоевъ для возможнаго существованія правового строя. Слѣдующая за ней глава была посвящена ознакомленію съ дѣятельностью самого общества, развиваемою имъ на разныхъ его ступеняхъ въ поискахъ за болѣе совершенными формами быта и государственнаго устройства.

При этомъ мы убѣдились, что какъ критическая, такъ и творческая мысль къ исходу XVIII вѣка стала правильно нащупывать почву, и что ей для воплощенія въ дѣйствительность недоставало только волевыхъ центровъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что сама власть въ XVIII вѣкѣ не совершала никакой организаціонной работы, или что эта работа совершенно не подвинула впередъ вопроса объ установленіи правильныхъ государственныхъ порядковъ въ Россіи. Какъ разъ въ послѣдующихъ главахъ намъ предстоитъ ознакомиться съ законодательной дѣятельностью русскаго абсолютизма XVIII в. (гл. VI), съ преобразованіями, которымъ подвергалась при немъ система государственнаго управленія (гл. V) и, наконецъ, съ его усиліями внести бо̀льшую устойчивость въ общественныя отношенія путемъ организаціи правящаго и владѣльческаго дворянскаго класса на защиту дѣйствующаго правопорядка (гл. VII).

Посвящая эту главу разсмотрѣнію механизма только государственнаго управленія, я суживаю свою тему до вопроса о центральномъ правительствѣ. Я считаю себя въ правѣ такъ поступать, потому что на его преобразованіяхъ можно съ достаточной ясностью прослѣдить, какъ организующая мысль законодателя медленно, но вѣрно поднималась до правильнаго пониманія принциповъ и задачъ управленія. Кромѣ того, въ противоположность мѣстному и областному строю, популяризація и сводка добытыхъ монографическими изслѣдованіями научныхъ данныхъ до сихъ поръ, по непонятнымъ причинамъ, не удостоивала должнаго, на мой взглядъ, вниманія указанной сложной области исторіи русскаго административнаго права. Наконецъ, согласно основной цѣли настоящей статьи, мнѣ нужно подвести нити внутренняго политическаго развитія Россіи въ исходѣ XVIII столѣтія къ тому мѣсту, съ котораго оно продолжалось въ слѣдующемъ вѣкѣ, реформа же М. М. Сперанскаго какъ извѣстно, фактически свелась именно къ созданію высшихъ и центральныхъ государственныхъ учрежденій.

Параллельно съ заимствованіемъ европейскихъ политическихъ идей, сообщившихъ русскому самодержавію внѣшній обликъ западнаго абсолютизма, совершалась также пересадка на родную почву иностранныхъ учрежденій. Начало

процесса усвоенія нами чужеземнаго правительственнаго аппарата было положено административною реформою Петра В., внесшею собою новую струю въ дѣло сближенія Россіи съ Западомъ. Но переустройству нашего управленія на европейскій ладъ предшествовалъ въ царствованіе Петра очень продолжительный періодъ, когда была сдѣлана попытка приспособить чисто-домашними средствами московскій приказный строй къ текущимъ нуждамъ государственной жизни, съ одной стороны не идя въ это время дальше заимствованія однихъ европейскихъ названій, съ другой—не останавливаясь передъ снесеніемъ стараго административнаго зданія до самыхъ его основаній. Это время, въ итогѣ расчистившее почву для насажденія болѣе совершенныхъ учрежденій, характеризуется двумя противоположными тенденціями сперва централизаціи, а затѣмъ крайней территоріализаціи управленія.

Въ продолженіе преобразовательныхъ мѣропріятій XVII вѣка Петръ началъ свою реформу съ упорядоченія приказнаго строя въ смыслѣ сосредоточенія дѣлъ по вѣдомствамъ и образованія спеціальныхъ учрежденій для новыхъ отраслей правительственной дѣятельности. Реформа коснулась сперва государственнаго хозяйства. Она выразилась въ учрежденіи Ратуши или Бурмистерской палаты въ 1699 г. и имѣла въ виду внести больше единства и простоты въ завѣдываніе казенными сборами и расходами. Появленіе Ратуши имѣло своимъ послѣдствіемъ совершенное прекращеніе существованія четырехъ областныхъ приказовъ чисто-финансоваго назначенія (Костромской, Устюжской, Галицкой и Владимирской четь), выдѣленіе финансовыхъ дѣлъ изъ вѣдомства четырехъ приказовъ со смѣшаннымъ кругомъ вѣдомства (Новгородскаго, Малороссійскаго, Смоленскаго и Посольскаго) и еще частичное лишеніе финансовой компетенціи трехъ другихъ приказовъ (Большого Дворца, Казанскаго и Разряднаго и пр.). Передача указанныхъ дѣлопроизводствъ въ новое центральное учрежденіе повела, однако, лишь къ частичному объединенію финансоваго управленія. Основанная въ 1704 г. Ижорская канцелярія, правда, поглотила остатки финансовой дѣятельности названныхъ приказовъ, не уступившихъ ея раньше Ратушѣ. Но самый фактъ

ея учрежденія для вѣдѣнія новыхъ источниковъ казенныхъ поступленій, напр., изъ соляной и табачной монополіи, явился новымъ препятствіемъ на пути къ полному упраздненію разрозненности въ завѣдываніи государственнымъ хозяйствомъ. Мало того, когда перипетіи Сѣверной войны до Полтавскаго сраженія выдвинули передъ Петромъ, какъ очередную задачу, идею—сдѣлать командующихъ отдѣльными арміями по возможности независимыми въ ихъ операціяхъ, то онъ для этого не задумался наложить руку на только что налаживавшееся единство государственной казны, «растаскать» вѣдомство Ратуши, по выраженію ея оберъ-инспектора Курбатова, децентрализировать ее созданіемъ ряда областныхъ кассъ. Всю эту коренную ломку Петръ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ оправдываетъ внезапно понятой имъ опасностью «заочнаго правленія», т.-е. соображеніемъ о преимуществахъ завѣдыванія дѣлами на мѣстахъ, а не издалека. Единственнымъ прочнымъ нововведеніемъ этого періода является Ближняя Канцелярія, съ которой начинается непрерывная исторія государственнаго контроля въ Россіи. Въ нее, «по его, великаго государя, именному указу, велѣно изо всѣхъ приказовъ и изъ Ратуши всякимъ окладнымъ и неокладнымъ приходамъ и расходамъ взносить мѣсячныя и годовыя вѣдомости»; но Ижорская канцелярія все же не обязана была отчетомъ передъ новымъ контрольнымъ вѣдомствомъ.

Еще менѣе успѣшно проводилась объединительная тенденція въ другой важнѣйшей области правительственныхъ заботъ, въ военномъ управленіи. Правда, по указу 23 іюня 1700 г. Иноземный и Рейтарскій приказы были соединены окончательно въ одинъ Военный приказъ. Но нѣсколько старыхъ приказовъ продолжали и теперь свое отдѣльное существованіе, перемѣнивъ только свое названіе (Пушкарскій на Артиллерійскій и Стрѣлецкій на Земскій), или закрѣпивъ его за собою (Преображенскій); нѣкоторыхъ, впрочемъ, и эта перемѣна не коснулась (сюда относятся Золотая и Оружейная палаты, а также одинъ областной приказъ, именно Сибирскій, завѣдывавшій гарнизонами сибирскихъ городовъ). Наконецъ, появились два совершенно новыхъ приказа, въ связи съ основаніемъ русскаго флота, Адмиралтей-

скій, руководящій дѣломъ кораблестроенія, и Военно-морской, долженствующій вѣдать личный составъ флота. Появленіе названныхъ новыхъ спеціальныхъ приказовъ имѣетъ отрицательное значеніе съ точки зрѣнія правильнаго устройства администраціи не только потому, что укрѣпляетъ практику разрозненнаго завѣдыванія однородныхъ предметовъ въ одной военной области: всѣ вновь учрежденныя вѣдомства содержались цѣликомъ или отчасти не только изъ созданныхъ для нихъ, но и приписанныхъ къ нимъ источниковъ дохода, чѣмъ опять вносилось значительное разстройство въ единство также и финансоваго вѣдомства.

Въ отрасляхъ и частяхъ управленія, ближе соприкасавшихся съ непосредственными нуждами и потребностями населенія, не произошло никакихъ измѣненій, и строй и взаимоотношенія соотвѣтственныхъ приказовъ остались въ прежнемъ видѣ.

Разрушеніе старыхъ административныхъ порядковъ, однако, не ограничилось своего рода интеграціей центральныхъ учрежденій. Это движеніе на полпути, еще до своего завершенія, было застигнуто обратнымъ процессомъ, склонявшимся къ тому, чтобы довести вторую заложенную въ характерѣ московской администраціи особенность, т.-е. ея территоріализацію, до своего логическаго конца. Консолидируя старые военно-финансовые округа, преобразуя ихъ въ губерніи и перемѣщая въ нихъ центръ тяжести управленія, Петръ почти расчленилъ государство на его составныя части. Разсматриваемая съ точки зрѣнія исторической преемственности, губернская реформа 1708 — 1711 гг. заключается именно въ томъ, что, если московское государство раньше администрировалось, судилось и облагалось въ Москвѣ по частямъ, то теперь эти части пріобрѣтали какъ бы полную автономію въ дѣлахъ управленія. Такой поворотъ былъ подсказанъ Петру ходомъ военныхъ дѣйствій. Послѣднія въ періодъ до Полтавскаго боя требовали предоставленія большей самостоятельности отдѣльнымъ военачальникамъ и, наравнѣ съ этимъ, постоянныхъ разъѣздовъ самого царя по различнымъ театрамъ войны, разлучавшихъ его подолгу со столицею и лишавшихъ возможности бдительнаго контроля за центральными учрежденіями. Любопытно, что подъ влія-

ніемъ событій значеніе функціонировавшей раньше системы стало тускнѣть въ глазахъ царя не только для переживаемаго критическаго момента. Какъ будто внезапно прозрѣвъ, Петръ мѣняетъ и принципіально свои взгляды на дѣло, не безъ искусства подбирая теперь аргументы въ пользу децентрализаціи... «А что напоминаешь, что въ разныхъ рукахъ не будетъ лучше», наставляетъ онъ въ 1709 г. начальника Ратуши, Курбатова, сторонника «единособраннаго правленія», «о томъ мы уже довольно разсуждали и нынѣшняго порядка не нашли хуже, гдѣ каждому курчанину близъ двадцати отписей надлежитъ взять, хотя по полушкѣ, итого 5 коп. Къ тому же, человѣку трудно за очи все разумѣть и править». Оказывается, стало-быть, что при децентрализаціи и процедура взиманія проще, и гарантій въ исправности поступленій больше. Легкость, съ которою у Петра передвигались, судя по его собственнымъ отзывамъ, точки зрѣнія на коренные вопросы государственнаго устройства, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что въ дѣйствіяхъ его было мало преднамѣренности и сознательности. Подготовка же и осуществленіе губернской реформы такъ же, какъ ея результаты, въ сопоставленіи съ выработаннымъ, такъ сказать, на ходу нѣкоторымъ общимъ планомъ новаго административнаго строя еще болѣе подтверждаютъ этотъ взглядъ. Но такъ какъ разсмотрѣніе этихъ вопросовъ мы принципіально исключили изъ нашего кругозора, задавшись цѣлью прослѣдить только судьбу центральнаго правительства, то мы остановимъ свое вниманіе на одномъ дѣйствіи, оказанномъ на его органы губернскою реформою 1708—11 г.

Это дѣйствіе, по просту говоря, было разрушительное, сводясь или къ перенесенію затронутыми реформою приказами своей дѣятельности изъ столицы въ новые областные центры, или, въ виду раздѣленія дѣлъ между губерніями, въ одномъ случаѣ къ полному закрытію приказа, въ другомъ—къ ограниченію компетенціи одной какою-нибудь губерніею. Перемѣною, такъ сказать, «мѣстожительства» реформа ограничилась для двухъ наиболѣе цѣльныхъ и живучихъ областныхъ приказовъ, Казанскаго и Сибирскаго; Ратуша, Большой Дворецъ, Помѣстный, Ямской и Земскій приказы испытали территоріальное сокращеніе вѣдомства,

превратившись изъ общегосударственныхъ учрежденій въ присутственныя мѣста Московской губерніи, а Ижорская канцелярія, нѣкогда игравшая съ Ратушею роль центральныхъ органовъ финансоваго управленія, понизилась до положенія петербургскаго губернскаго комиссарства. Сохранили свое обще - государственное значеніе четыре главныхъ приказа: Военный, Адмиралтейскій, Артиллерійскій и Посольскій. Остались въ старомъ независимомъ положеніи и безъ сокращеній, кромѣ группы патріаршихъ приказовъ (Казеннаго, Дворцоваго и Духовнаго), еще рядъ другихъ съ крупнымъ (напр., Монастырскій) или мелкимъ значеніемъ (Аптекарскій, Печатный и пр.), получившихъ всѣ названіе «непослушныхъ». Кромѣ разрушенія и преобразованія старыхъ вѣдомствъ, теряющихъ или суживающихъ свою компетенцію, въ это самое время развивается изъ очень скромныхъ началъ до общегосударственнаго значенія новое учрежденіе, сенатъ. Зародышемъ сената являлась такъ называемая боярская консилія, собиравшаяся въ помѣщеніи Ближней канцеляріи и поглотившая собою боярскую думу. При отъѣздѣ въ Прутскій походъ въ 1711 г. Петръ переименовываетъ консилію въ сенатъ, по аналогіи съ шведскимъ учрежденіемъ, которому Карлъ XII, покидая въ началѣ Сѣверной войны страну, поручилъ управленіе государствомъ. Сенату пришлось взять на себя задачу — связать вмѣстѣ дѣятельность отдѣльныхъ областныхъ управленій, занять по отношенію къ нимъ опустѣвшее мѣсто центральнаго правительства, включая сюда не только думу и приказы, но и государя. Но возложенную задачу сенатъ оказался не въ силахъ выполнить. Онъ не могъ ни направлять и руководить надлежащимъ образомъ администраціей, какъ это дѣлала боярская дума, ни разрѣшать сколько-нибудь удовлетворительно всю массу мелкихъ, текущихъ дѣлъ, которая поступала теперь непосредственно къ нему изъ областей, а еще въ недавнее время разрѣшалась четырьмя десятками приказовъ разныхъ спеціальностей и наименованій. Когда запутанность положенія дошла до сознанія самого Петра, она была для него равносильна убѣжденію въ невозможности упорядоченія правительственнаго механизма путемъ развитія исключительно доморощенныхъ

административныхъ традицій и въ необходимости обращенія за указаніями относительно элементовъ и средствъ реформы къ западнымъ сосѣдямъ.

Внѣшнія и внутреннія условія, въ которыхъ протекали преобразовательные опыты Петра Великаго во второмъ своемъ періодѣ, существенно различались отъ предшествующаго времени. Это наложило свою печать и на самый характеръ преобразованій. Послѣ лихорадочнаго состоянія, въ которомъ находилась страна до Полтавскаго боя, и выясненія сравнительно благополучнаго исхода Прутскаго похода, въ правительственныхъ кругахъ воцарилось болѣе спокойное настроеніе. Хотя военныя дѣйствія и продолжались съ неослабѣвающею энергіею, но за исходъ ихъ уже не могло быть серьезныхъ опасеній. Правительство могло съ большимъ спокойствіемъ духа останавливать свое вниманіе на положительныхъ задачахъ государственнаго строительства и, что самое главное, не было принуждено приноравливать свою творческую работу къ исключительнымъ и чрезвычайнымъ обстоятельствамъ военнаго времени. Рѣшительный поворотъ войны имѣлъ положительное значеніе еще въ другомъ отношеніи, обогативъ русскую жизнь болѣе глубокимъ и широкимъ знакомствомъ съ западно-европейскими политическими теоріями и административными порядками. Царь и его уполномоченные изъ личныхъ наблюденій, спеціальныхъ описаній и бесѣдъ съ иностранцами знакомятся съ порядками управленія многихъ европейскихъ странъ. Помимо этого, сама русская государственность вступаетъ въ непосредственное практическое соприкосновеніе съ новымъ міромъ идей и учрежденій во вновь захваченныхъ областяхъ. Поэтому главнѣйшія преобразовательныя мѣропріятія даннаго періода носятъ на себѣ признаки предварительнаго теоретическаго обсужденія и большей близости къ жизни. Все это внесло больше сознательности, планомѣрности и цѣлесообразности въ новую общую перестройку государственнаго управленія, почти отсутствующихъ въ предыдущихъ законодательныхъ распоряженіяхъ. Слѣды подготовки реформъ мы находимъ въ многочисленныхъ «доношеніяхъ», «меморіалахъ», «письмахъ», «предложеніяхъ», «прожектахъ» и «пунктахъ», авторами которыхъ были и ино-

странцы, и русскіе, а мѣстомъ скопленія — личный кабинетъ государя. Кромѣ записокъ, поданныхъ ихъ составителями въ разное время подъ вышеприведенными названіями, съ цѣлью оказать вліяніе на ходъ правительственныхъ реформъ, и извѣстныхъ теперь подъ собирательнымъ именемъ кабинетныхъ бумагъ Петра Великаго, свидѣтельствами о происхожденіи реформъ могутъ служить также официальные законодательные акты, «указы», «наказы», «регламенты», «патенты», «табели», «артикулы», издаваемые въ объясненіе подданнымъ значенія новыхъ мѣръ и въ собственное руководство вновь образуемымъ установленіямъ. Любопытно, что всякаго рода записки подавались и раньше, но съ извѣстнаго времени въ литературѣ проектовъ наблюдается одна все болѣе и болѣе усиливающаяся общая черта: они принимаютъ систематическій характеръ, сосредоточивая вниманіе на однихъ и тѣхъ же вопросахъ, которые разрабатываются весьма полно и обстоятельно.

Изъ иностранцевъ, вовлеченныхъ въ работу по внутреннему переустройству русскаго государства, долгое время Лейбницу неправильно приписывалось большое вліяніе на реформы Петра Великаго, въ частности, его считали прямымъ виновникомъ введенія коллегій въ Россіи. Теперь отъ этого мнѣнія слѣдуетъ отказаться, такъ какъ на основаніи данныхъ, добытыхъ исторической критикой, приходится или отвергнуть авторство Лейбница относительно письма, въ которомъ дается совѣтъ ввести коллегіальное устройство въ Россіи, или отнести это письмо къ такому времени, именно къ 1716 г., когда названная реформа уже была рѣшеннымъ дѣломъ и ни о какомъ вліяніи нѣмецкаго философа на принятіе этого рѣшенія уже рѣчи быть не могло. Къ названію будущихъ учрежденій и къ связанному съ нимъ представленію ухо и мысль Петра Великаго пріучились, благодаря встрѣчамъ и бесѣдамъ съ иностранцами, устнымъ и письменнымъ совѣтамъ, которые отъ нихъ поступали къ царю въ теченіе долгихъ лѣтъ. Окончательное рѣшеніе царя, какъ видно изъ его собственноручной записки «о коллегіяхъ къ соображенію» отъ 23 марта 1715 г., тоже состоялось подъ несомнѣннымъ вліяніемъ такого рода проекта, дошедшаго до насъ только въ переводѣ, какъ прод-

полагають, съ нѣмецкаго на русскій языкъ, не датированномъ и анонимномъ. Нѣкоторые ученые находятъ возможнымъ считать авторомъ проекта одного изъ виднѣйшихъ закулисныхъ дѣятелей Петровской реформы, бывшаго гольштинскаго чиновника Генриха Фика. Въ своей догадкѣ они исходятъ изъ тождества идей, проводимыхъ имъ впослѣдствіи на русской государственной службѣ, съ содержаніемъ упомянутаго безымяннаго предложенія. Сопоставляя, наконецъ, это предложеніе, довольно подробно излагающее шведскую коллегіальную систему, ея устройство и дѣятельность, съ вышеуказанной запиской самого царя, трактующей о томъ же предметѣ, мы убѣждаемся въ томъ, что, насаждая коллегіи въ Россіи, Петръ заимствовалъ ихъ ниоткуда, какъ именно изъ Швеціи. Рядъ вѣскихъ соображеній заставилъ Петра для задуманной реформы взять за образецъ шведскую администрацію. Швеція и Россія находились въ приблизительно одинаковыхъ естественныхъ и бытовыхъ условіяхъ, чѣмъ въ значительной мѣрѣ упрощалась пересадка новыхъ учрежденій на русскую почву. Вмѣстѣ съ тѣмъ шведскій строй управленія славился на всю Европу, которая приписывала не въ малой степени его внутреннимъ достоинствамъ возвышеніе этого маленькаго государства до положенія первоклассной державы. Наконецъ фактъ продолжительной и нелегкой войны съ Швеціей долженъ былъ внушить какъ правительству, такъ и обществу серьезный интересъ къ ея административнымъ порядкамъ, для близкаго ознакомленія съ которыми самый ходъ войны, въ свою очередь, предоставилъ много случаевъ, съ одной стороны, на прежней шведской территоріи, перешедшей въ русское управленіе, и съ другой—чрезъ плѣнныхъ обоихъ воюющихъ государствъ, русскихъ въ Швеціи и шведскихъ въ Россіи.

Послѣ рѣшенія принципіальнаго вопроса, однако, проходятъ еще два года въ собираніи подготовительнаго матеріала и обсужденіи проектируемой реформы въ общихъ чертахъ. Въ этой работѣ уже несомнѣнно виднѣйшую роль играютъ Фикъ, командированный Петромъ еще въ концѣ 1715 г. въ Швецію для изученія коллегіальнаго устройства, такъ сказать, на самомъ корню, и кромѣ него, еще другой иностранецъ, си-

левскій баронъ А. фонъ Люберасъ. Послѣдній повліялъ уже на самое осуществленіе реформы цѣлымъ рядомъ докладныхъ записокъ. Въ нихъ онъ представилъ исторію шведскихъ образцовъ тѣхъ учрежденій, которыя предполагалось ввести въ Россіи, указалъ на необходимыя измѣненія въ нихъ при этомъ перенесеніи на русскую почву и рекомендовалъ извѣстную постепенность и осторожность въ порядкѣ введенія ихъ, для избѣжанія путаницы въ дѣлахъ и внутреннихъ треній при встрѣчѣ со старою системою администраціи. Свои первыя соображенія Люберасъ представилъ, однако, только осенью (въ ноябрѣ) 1718 г., когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и то, вѣроятно, не лично царю, а одному изъ довѣренныхъ лицъ—Ягужинскому, Шафирову или Фику. Послѣдній же, раньше лично извѣстный Петру, окончилъ свою командировку уже въ 1717 г., и, послѣ добровольнаго устраненія Брюса отъ организаціи коллегій, руководство всѣмъ дѣломъ ихъ устроенія перешло въ его руки. Но такъ какъ осуществленіе реформы вслѣдствіе отсутствія Петра за границею, противно первоначальнымъ предположеніямъ, сильно затянулось, то мысли Любераса тоже могли оказать вліяніе на опредѣленіе внутренняго распорядка въ коллегіяхъ.

Матеріаломъ для реформы послужили, кромѣ шведскихъ уставовъ и совѣтовъ иностранцевъ, и данныя, полученныя отъ старыхъ учрежденій. Уже въ концѣ 1717 г. было установлено число коллегій и назначены ихъ президенты, но только въ слѣдующемъ 1718 году реформа получила надлежащее движеніе, были намѣчены ея руководящія идеи и закончена одна практическая сторона ея, а именно выработка штатовъ и окладовъ и подборъ служащихъ, а съ 1719 г. началось составленіе регламентовъ, выясняющихъ кругъ дѣятельности и порядокъ взаимоотношеній вновь образованныхъ учрежденій. Въ отношеніи постановки реформы на рельсы, важную роль сыграли «всенижайшій меморіалъ» Фика отъ 9 мая 1718 г., излагавшій краткую програму предстоящей работы, и два указа Петра отъ 28 апрѣля и 19 мая того же года, изъ коихъ первый давалъ основныя директивы введенія коллегій, удивительно сходныя съ воззрѣніями Любераса, а второй содержалъ мѣру, которая должна была въ одномъ частномъ отношеніи облегчить

практическое выполненіе перваго указа. «Меморіалъ» Фика предлагалъ приступить къ установленію «внѣшнихъ порядковъ», т.-е. штатовъ и окладовъ коллегій, съ одной стороны, и «регламентовъ, такожъ и инструкцій» для нихъ—съ другой, а такъ какъ «всѣ коллегіи касаются до губерній», то заодно, по его мнѣнію, также «потребно, чтобы правительство губернское на извѣстной мѣрѣ поставить». Предшествующій меморіалу царскій указъ (28 апр.), останавливаясь на одномъ вопросѣ о коллегіяхъ, намѣчалъ такой двоякій путь для ихъ устройства: «всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ на основаніи шведскаго устава сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ; и которые пункты въ шведскомъ регламентѣ неудобны, или съ ситуаціей сего государства не сходны, и оные ставить по своему разсужденію». Приноравливая новыя учрежденія къ «ситуаціи» русскаго государства, надо было, конечно, для нихъ использовать административный опытъ прошлаго. Это имѣлось въ виду вторымъ изъ упомянутыхъ указовъ (19 мая), согласно которому «для опредѣленія жалованья въ коллегіяхъ надлежитъ первое вѣдать, сколько во всѣхъ канцеляріяхъ, какъ государственныхъ, такъ и губернскихъ, жалованья, дабы по тому качеству и коллегіи устроить». Опредѣливъ общее направленіе реформы, Петръ указомъ отъ 12 іюня устанавливаетъ также этапы ея разработкѣ въ законодательномъ порядкѣ. «...А что перемѣнить и какимъ образомъ оному (т.-е. регламенту) быть,—пишетъ онъ,—оное, поставя, приносить въ сенатъ, одну коллегію по другой. А въ сенатѣ оныя спорныя дѣла рѣшить и ставить свое мнѣніе, и готовить тогда въ докладъ, гдѣ буду присутствовать, и ставить на мѣрѣ». Каждая коллегія, стало-быть, сама вырабатывала проектъ своего устройства, который, по обсужденіи въ сенатѣ въ присутствіи государя, поступалъ на утвержденіе послѣдняго. Всѣ вышеуказанныя директивы и мѣры въ дѣлѣ проведенія реформы свидѣтельствуютъ о томъ, что, заимствуя шведскія коллегіи, Петръ отнюдь не намѣревался слѣпо и механически копировать иностранные прообразы новыхъ центральныхъ учрежденій, а заранѣе предусматривалъ необходимость приспособить ихъ къ условіямъ и требованіямъ русской дѣйствительности. Кромѣ того, законодатель предо-

ставилъ нѣкоторый просторъ критическимъ и творческимъ порывамъ своихъ сотрудниковъ, внесшихъ, какъ мы увидимъ, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ коллегій и при оцѣнкѣ всей реформы, немаловажныя измѣненія и дополненія въ новый строй управленія въ сравненіи съ его заграничнымъ оригиналомъ.

Но при всѣхъ отступленіяхъ отъ шведской администраціи, реформа 1718 г. все-таки ничѣмъ не посягнула на самый коллегіальный принципъ управленія. Этотъ принципъ былъ усвоенъ Петромъ вполнѣ сознательно. Насколько велико было въ XVIII в. недовольство органами и порядками управленія въ отдѣльныхъ европейскихъ странахъ, настолько же сильна и непоколебима, напротивъ, была тамъ и вѣра въ исключительное значеніе хорошихъ, т.-е. благоустроенныхъ учрежденій для процвѣтанія государствъ и народовъ. Когда были выработаны коллегіальныя формы, всѣ правительства поспѣшили ихъ ввести у себя, какъ вѣрный залогъ порядка и благоденствія. Проникся этимъ убѣжденіемъ и Петръ. «Искусство до сего времени довольно доказало, читаемъ мы въ одномъ изъ поданныхъ царю проектовъ, что государства и земли въ лучшее состояніе приведены быть не могутъ иначе, какъ учрежденіемъ добрыхъ коллегій». И царь старался, напримѣръ, черезъ Ѳеофана Прокоповича въ духовномъ регламентѣ, всесторонне выяснить, какъ себѣ, такъ и обществу, всѣ преимущества и удобства коллегіальнаго порядка веденія дѣлъ передъ единоличной администраціей. Противопоставляя коллегіи приказамъ, авторъ названнаго регламента находитъ, что «президенты, или предсѣдатели (коллегій), не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи», (приказовъ), которые «дѣлали, что хотѣли», тогда какъ «въ коллегіяхъ президентъ не можетъ безъ соизволенія товарищевъ своихъ ничего учинить» и, стало-быть, въ нихъ «не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду»; далѣе, въ коллегіяхъ «извѣстнѣе взыскуется истина соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе «ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ»; наконецъ, «коллегіумъ не есть фракція (партія), на интересъ свой союзомъ сложившаяся», а «свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ

на правосудіе» и «не тако бо, яко же единоличный правитель, гнѣва сильныхъ боится». Коллегіальная форма, оказывается, гарантируетъ большую правильность рѣшеній, такъ какъ послѣднія являются результатомъ обсужденія предмета многими лицами, которыя, въ свою очередь, могутъ свои мнѣнія высказывать вполнѣ свободно. Перемѣны въ личномъ составѣ не нарушаютъ равномѣрнаго теченія дѣлъ, такъ какъ новички постепенно знакомятся съ кругомъ занятій своего вѣдомства и вакансіи замѣщаются старослужилыми членами. Вся работа протекаетъ въ условіяхъ широкаго взаимнаго контроля, благодаря чему очень облегчается предупрежденіе возможныхъ злоупотребленій. Наконецъ, обстановка, въ которой совершается дѣятельность правительства въ коллегіяхъ, увеличивая ея плодотворность, также сообщаетъ распоряженіямъ власти больше авторитетности и вызываетъ довѣріе къ нимъ со стороны подданныхъ. Однако, фактически коллегіи не оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ. Онѣ не подняли дѣла управленія на предполагаемую высоту. И это произошло — не касаясь причинъ, лежащихъ въ совершенно другой плоскости, а именно въ состояніи общества,—оттого, что, во-первыхъ, законодатель въ слѣпомъ увлеченіи коллегіальнымъ строемъ примѣнилъ его не только къ законосовѣщательнымъ и судебнымъ, но и къ административнымъ учрежденіямъ, и что, во-вторыхъ, съ введеніемъ коллегій реформа, какъ мы увидимъ, все-таки не могла считаться оконченною.

Кромѣ коллегіальнаго начала, какъ болѣе совершенной формы рѣшенія дѣлъ, непремѣннымъ условіемъ правильно устроенной государственной машины, съ точки зрѣнія абсолютизма, являлся бюрократическій составъ ея органовъ всѣхъ ступеней и назначеній. Но бюрократическій характеръ, принятый для новыхъ учрежденій въ проектахъ реформы ихъ составителями, Люберасомъ и Фикомъ, не былъ строго и послѣдовательно выдержанъ при осуществленіи ихъ на практикѣ. Правительство оказалось не въ состояніи совершенно обойтись безъ участія общественныхъ силъ въ дѣлахъ управленія. Оно должно было прибѣгнуть къ ихъ содѣйствію не только на мѣстахъ, но и въ центрѣ. Участіе земскихъ силъ на мѣстахъ выразилось въ учрежденіи долж-

ности выборнаго земскаго комиссара для сбора подушной подати, подъ контролемъ уѣзднаго общества, и въ даровании городамъ права самоуправленія, хотя правда, съ подчиненіемъ надзору воеводы. Но мало того, на той ступени общественнаго развитія, на которой пребывала петровская Россія, западно-европейскіе образцы строго бюрократическаго строя представились невыполнимыми и при устройствѣ центральнаго правительства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и участіе выборныхъ въ рядѣ законодательныхъ комиссій, трудившихся въ XVIII в. по призыву власти надъ упорядоченіемъ дѣйствующаго права, и самоограниченіе власти въ дѣлѣ назначенія лицъ на высшія государственныя должности. Для этой послѣдней надобности именно былъ созданъ особый органъ изъ назначенныхъ правительствомъ уполномоченныхъ отъ дворянства, въ количествѣ ста человѣкъ, изъ сенаторовъ, представлявшихъ въ своемъ лицѣ, вѣроятно, не только сенатъ, но и коллегіи, и, наконецъ, офицерства. Каждая изъ трехъ группъ выбирала изъ своей среды трехъ кандидатовъ на подлежащую замѣщенію должность въ томъ или другомъ центральномъ учрежденіи, а затѣмъ сводный кандидатскій списокъ подвергался окончательной баллотировкѣ въ общемъ собраніи всѣхъ 3-хъ группъ. Эта своеобразная избирательная коллегія, однако, настолько мало успѣла опредѣлиться, и по составу, и по компетенціи, что за нею даже не утвердилось какое-нибудь точное, соотвѣтственное ея главному и прямому назначенію названіе; неизвѣстно даже, не выполняла ли она при правительствѣ, помимо избирательныхъ, еще и совѣщательныхъ функцій по тѣмъ или другимъ вопросамъ. По главной составной части это учрежденіе принято называть коллегіей «ста дворянъ», а такъ какъ другой, сильный по своему удѣльному соціальному вѣсу составной элементъ его, офицерство, еще не успѣлъ обособиться отъ спеціально дворянскихъ интересовъ, то на него можно смотрѣть также какъ на проводника вліянія руководящаго общественнаго класса, дворянства, прежде всего на составъ, а чрезъ это и на самую распорядительную дѣятельность высшихъ учрежденій въ государствѣ. Но существованіе указанной сотенной коллегіи, конечно, даетъ намъ право говорить только о неподгото-

вленности абсолютной власти въ данный моментъ къ исключительному управленію страною, а отнюдь не о живучести земскихъ традицій въ широкихъ массахъ дворянства и о пробужденіи въ нихъ стремленій къ организованному политическому вліянію. Обращеніе правительства къ ихъ помощи было добровольное, а не вынужденное. Идея этой коллегіи, повидимому, не получила надлежащаго развитія въ самой практикѣ управленія еще при жизни своего творца, а затѣмъ была заглушена появленіемъ верховнаго тайнаго совѣта. Она вновь всплываетъ, какъ мы видѣли (гл. IV), въ шляхетскихъ проектахъ 1730 г., служа живымъ прецедентомъ для требуемыхъ ими дворянскихъ палатъ.

Новое устройство центральнаго правительства по окончаніи реформы представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Посольскій, военный и адмиралтейскій приказы были переименованы въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, военную и адмиралтейскую, съ установленіемъ, конечно, въ нихъ новыхъ формъ дѣлопроизводства. Болѣе сложной оказалась организація государственнаго и народнаго хозяйства. Завѣдываніе финансами раздѣлено между двумя вѣдомствами. Штатсъ-коллегія надзираетъ за всѣми государственными расходами, т.-е. составляетъ постатейныя росписи ихъ на каждую губернію и провинцію, производитъ ассигновки по нимъ, распоряжается перечисленіемъ излишковъ въ центральныя учрежденія и, въ предвидѣніи недостатка сборовъ, сносится съ камеръ-коллегіей. Послѣдняя, правящая также всѣми окладными и неокладными приходами, въ своемъ внѣшнемъ устройствѣ сохранила признаки старой территоріальной организаціи. Изъ ея пяти конторъ три, такъ называемыя «экономственныя», вѣдаютъ каждая исчисленіемъ и взиманіемъ податей, т.-е. прямыхъ налоговъ въ объемѣ третьей доли губерній и провинцій государства. Камеръ-коллегія и штатсъ-контора (вмѣстѣ съ юстицъ-коллегіей), представляли собою самыя главныя центральныя учрежденія по важности своей компетенціи для государства и близости своихъ функцій къ широкимъ слоямъ населенія. Въ подчиненіи у нихъ состоятъ почти всѣ органы провинціальной власти, отъ исполнительности которыхъ, въ свою очередь, зависитъ возможность правильной дѣятельности для пер-

выхъ. Обѣ финансовыя коллегіи долго не могли вступить въ отправленіе своихъ обязанностей, въ виду упорной недоставки «вѣдомостей» съ мѣстъ. «Зачатіе дѣйства по новому манеру» приходилось отсрочивать послѣдовательно съ 1719 до 1723 г., когда вступила въ силу выработанная на основаніи данныхъ отъ предыдущаго года новая государственная табель, «сколько гдѣ въ приходѣ, изъ чего и куда въ расходѣ и по какимъ указамъ», замѣнившая собою прежнюю роспись 1710 г. Причины такого замедленія заключались не только въ привычной волокитѣ мѣстныхъ властей, осложненной безпорядочнымъ состояніемъ губернской отчетности, но и въ образѣ дѣйствія центральнаго правительства, создавшаго проведеніемъ въ 1720 г. областной реформы совершенно новыя условія. Необходимость повторныхъ указовъ со стороны сената о присылкѣ свѣдѣній, отправленія имъ гвардейскихъ офицеровъ въ губерніи, которые должны были «непрестанно докучать» губернатора, предписаніе «ковать за ноги» неэнергичныхъ чиновниковъ «и на шеи наложить цѣпи», и случаи дѣйствительнаго заключенія подъ арестъ послѣднихъ,—всѣ эти понудительныя и карательныя мѣры свидѣтельствуютъ несомнѣнно о полномъ безсиліи власти въ этотъ переходный моментъ переустройства правительственнаго аппарата. Ревизіонъ-коллегія сформировалась, т.-е. образовала штаты и выработала свой регламентъ къ тому времени (1722), когда уже было рѣшено превращеніе ея изъ самостоятельнаго учрежденія въ одну изъ конторъ сената. Ей надлежало провѣрять дѣятельность всѣхъ коллегій на основаніи ежегодно подаваемыхъ ими счетныхъ выписокъ, съ правомъ, въ случаѣ надобности, производить также ревизію дѣлопроизводства въ самихъ коллегіяхъ по подлиннымъ документамъ. Но вслѣдствіе ея тѣсной связи съ финансовыми коллегіями она могла начать вести правильную общую отчетность лишь съ того момента, когда дѣятельность первыхъ вошла въ нормальную колею.

Такъ какъ состояніе финансовъ въ государствѣ обусловливается уровнемъ платежныхъ способностей населенія, а послѣднія зависятъ отъ степени производительности народнаго хозяйства, то для поднятія и развитія его силъ были устроены особыя вѣдомства, а именно бергъ-, коммерцъ- и

мануфактуръ-коллегіи. Между мануфактуръ- и коммерцъ-коллегіями должно было существовать тѣсное взаимодѣйствіе. Служа развитію промышленности, мануфактуръ-коллегія въ мѣрахъ, направленныхъ къ этой цѣли, должна была сообразоваться какъ съ «ситуаціею», т.-е. природою страны, ея естественными богатствами, такъ и съ условіями торговли, съ положеніемъ внутренняго и международнаго рынковъ, въ подчиненіи коихъ интересамъ русскаго производства, въ свою очередь, должна была видѣть свою задачу коммерцъ-коллегія. Несомнѣнно, однако, что организованное содѣйствіе, которое эти коллегіи должны были оказать двумъ важнымъ отраслямъ хозяйственнаго оборота народа, въ конечной своей цѣли было разсчитано на служеніе не столько частнымъ, сколько государственнымъ, фискальнымъ интересамъ. Регламенты обѣихъ коллегій, начавшихъ функціонировать въ 1720 г., были, вѣроятно, составлены Фикомъ, пользовавшимся для своей работы шведской инструкціей и проектомъ устава Любераса. Вліяніе меркантилизма въ данномъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ самая основа экономической жизни страны—сельское хозяйство, при данномъ положеніи вещей, оставляется законодательствомъ внѣ сферы постояннаго и спеціальнаго правительственнаго воздѣйствія. Правда, кромѣ характеризованныхъ коллегій, проектировались еще двѣ коллегіи — полиціи и экономіи, близко стоящія къ потребностямъ населенія. Въ вѣдѣніе первой, распадавшейся, въ свою очередь, на два отдѣленія, предполагалось отнести, съ одной стороны, заботы о путяхъ сообщенія и различныхъ статьяхъ городского благоустройства, съ другой—народное образованіе. Коллегія же экономіи должна была вѣдать какъ разъ регистрацію обработанныхъ и невоздѣланныхъ земель, изслѣдованіе причинъ запустѣнія пашенъ и обѣднѣнія населенія, лѣсоводство, скотоводство, рыболовство и т. п. Но эти учрежденія не увидѣли свѣта, имъ суждено было остаться только на бумагѣ, и предметы, въ нихъ намѣченные, были отданы въ вѣдѣніе общей администраціи.

Возстановленіе Ратуши подъ именемъ Главнаго магистрата является повтореніемъ старыхъ ошибокъ, частичнымъ отступленіемъ отъ усвоенной реальной системы завѣдыванія

дѣлами — въ пользу управленія сословными группами населенія, примѣнявшагося, на ряду съ территоріальнымъ распредѣленіемъ вѣдомствъ, въ московскомъ государствѣ. Правда, осуществить старые принципы въ ихъ чистомъ видѣ не удалось, такъ какъ городовые магистраты были заодно подчинены еще и камеръ-коллегіи, въ которую они посылали всѣ денежные сборы, и коммерцъ- и мануфактуръ-коллегіямъ, которыя регулировали частную торгово-промышленную дѣятельность въ чертѣ городской осѣдлости. Освобожденіе городовъ отъ сбора косвенныхъ налоговъ черезъ своихъ выборныхъ и за ихъ отвѣтственностью изъяло финансовую компетенцію изъ круга вѣдомства главнаго петербургскаго и мѣстныхъ магистратовъ. Послѣ этого у главнаго магистрата остались только судебныя функціи по отношенію къ посадскому сословію и контроль надъ веденіемъ общиннаго хозяйства въ городахъ. Въ 1727 г. онъ былъ закрытъ, особая подсудность городовъ отмѣнена, а ихъ администрація введена въ рамки губернскаго управленія. Живучесть территоріальнаго начала, въ свою очередь, сказалась въ образованіи малороссійской коллегіи, хотя самая наличность ея и постановка въ ней дѣла, въ сравненіи съ прежними порядками, можетъ разсматриваться и какъ шагъ впередъ на пути къ полной централизаціи финансоваго вѣдомства: вмѣсто упраздняемаго особаго гетманскаго управленія, стоявшаго внѣ контроля московской администраціи, теперь всѣми доходами и расходами края вѣдало подотчетное правительственному сенату мѣстное учрежденіе.

Характеръ не только сословнаго, но и самодовлѣющаго вѣдомства принялъ открывшій свою дѣятельность 14 февраля 1721 г. синодъ, сосредоточившій въ себѣ власть надъ духовенствомъ и разными видами церковныхъ вотчинъ «сборами и правленіемъ», при чемъ новое синодальное правительство получило въ камеръ-конторѣ свой центральный финансовый органъ, устроенный по образцу свѣтской камеръ-коллегіи, и въ «комиссарахъ синодальной команды», назначаемыхъ не въ епархіи, а въ провинціи, свою областную администрацію, параллельную камеръ-коллежскому управленію. Такъ, наравнѣ съ правительствомъ свѣтскимъ, имѣющимъ во главѣ сенатъ, создавалось особое духовное правительство, руководимое синодомъ. 10*

Появленіе коллегій не могло не отразиться на правительственномъ значеніи сената, призваннаго въ свое время замѣнить собою всѣ подвергшіяся разрушенію центральныя учрежденія въ государствѣ. Связь между коллегіями и сенатомъ сперва была установлена личная, назначеніемъ президентовъ коллегій къ присутствованію въ сенатѣ. Но съ точки зрѣнія взаимнаго приспособленія двухъ правительственныхъ системъ, только что введенной и прежде дѣйствовавшей, требовалось размежевать ихъ сферы дѣятельности и установить между ними объективныя іерархическія отношенія. Это приспособленіе идетъ въ направленіи возвышенія сената надъ коллегіями, становящимися его исполнительными и подотчетными органами. Указомъ 7 іюня 1721 г. повелѣвалось доставлять ежемѣсячныя и ежегодныя донесенія изъ всѣхъ коллегій и канцелярій въ сенатъ, дабы онъ всегда безъ справокъ былъ освѣдомленъ о веденіи дѣлъ въ подчиненныхъ ему учрежденіяхъ. Чтобы сдѣлать сенатъ совершенно независимымъ въ отправленіи своихъ контрольныхъ функцій, онъ получилъ свои постоянные личные органы для наблюденія за порядкомъ и закономѣрностью дѣйствій администраціи и судовъ въ новыхъ установленіяхъ прокуратуры и фискалата. Однако, внѣ надзора и руководительства сената оставались три главныхъ коллегіи: иностранная, военная и адмиралтейская. При такомъ положеніи не могло, конечно, считаться достигнутымъ объединеніе даже одного свѣтскаго правительства.

Подводя итоги только что разсмотрѣннаго нами строя управленія, приходится отмѣтить прежде всего неполноту реформы 1719 г. Ея незаконченность обнаруживается въ неопредѣленномъ положеніи, въ которомъ она оставляла законодательную власть въ государствѣ, въ отсутствіи спеціальнаго высшаго установленія для ея отправленія однимъ и тѣмъ же неизмѣннымъ порядкомъ. Эта функція должна была осуществляться не только сенатомъ, но и отдѣльными коллегіями, особенно первенствующими среди нихъ. Мало того, лишь въ 1716 г. послѣдовалъ указъ, въ силу котораго ни одно общее распоряженіе высшихъ правительственныхъ учрежденій не получало силы закона безъ санкціи государя. Въ названныхъ учрежденіяхъ законодательныя

права, кромѣ того, мѣшались съ чисто-исполнительными функціями. Курбатовъ, настаивавшій на созданіи особаго верховнаго учрежденія, при опредѣленіи предметовъ его вѣдомства, впадаетъ въ ту же ошибку. Онъ проектируетъ, какъ самъ выражается, «главнѣйшее правленіе» не только въ цѣляхъ «*составленія* поваго статута правъ россійскихъ», но и «крѣпчайшаго рода въ оныхъ коллегіяхъ во всемъ государствѣ *правленія* и *содержанія* непозыблемыя правды и страха», т.-е. возлагаетъ на предполагаемое учрежденіе рядомъ съ изданіемъ и кодификаціею дѣйствующаго законодательства, объединеніе и руководительство органовъ центральной администраціи и надзоръ за правомѣрностью ихъ дѣятельности. Мало того, въ его вѣдѣніе передаются, вмѣстѣ съ перечисленными выше государственными функціями, разныя мелкія финансовыя и полицейскія обязанности, какъ штрафы и конфискаціи ради умноженія кабинетной казны, строеніе госпиталей, дѣла о бѣглыхъ и т. п.

Кромѣ полной неопредѣленности въ отношеніи порядка законодательства, реформа не могла считаться законченной и въ сферѣ чистаго исполненія. Здѣсь отсутствовала возможность строгаго единства въ направленіи дѣлъ, вслѣдствіе неясности іерархическихъ отношеній центральныхъ учрежденій и не вполнѣ систематическаго и послѣдовательнаго распредѣленія между ними отдѣльныхъ областей народнаго труда и отраслей администраціи. Эти недостатки создавали, въ свою очередь, благопріятную почву для развитія междувѣдомственнаго соперничества и нежелательнаго возобладанія однихъ учрежденій надъ другими. На этихъ послѣдствіяхъ остановился Фикъ, предлагавшій, въ отличіе отъ своего русскаго товарища, не сосредоточеніе руководительства дѣлами въ одномъ главномъ мѣстѣ, а наоборотъ, раздѣленіе ихъ между нѣсколькими «высшими инстанціями». Изъ сената, который одинъ не можетъ завѣдывать всѣмъ, что стекается въ него изъ всѣхъ коллегій и канцелярій всего государства, слѣдуетъ, по его мнѣнію, образовать два учрежденія: «генералъ-юстицъ и полицейдиректоріумъ» и «генералъ-финанцъ-директоріумъ», между которыми должно быть раздѣлено завѣдываніе отдѣльными коллегіями, кромѣ, однако, коллегій военной, адмиралтей-

ской и иностранныхъ дѣлъ, имѣющихъ находиться въ вѣдѣніи тайнаго совѣта, и синода, удерживающаго значеніе самодовлѣющаго духовнаго правительства. Такимъ образомъ Финкъ надѣялся достигнуть недостающей стройности и единства администраціи, сводя ее къ четыремъ высшимъ инстанціямъ, а именно двумъ директоріямъ, тайному совѣту и синоду. Проблема раздѣленія основныхъ функцій государственной власти, законодательства, суда и управленія, не сознанная совсѣмъ еще Петромъ Великимъ, стояла, какъ мы увидимъ, неразрѣшенной передъ нашимъ обществомъ до самаго конца XVIII вѣка.

Если остановиться на коллегіяхъ, взятыхъ каждая въ отдѣльности, какъ особый типъ устройства исполнительныхъ органовъ центральной администраціи, то и тутъ мы наталкиваемся на несоотвѣтствіе дѣйствительныхъ результатовъ преслѣдуемой конкретной цѣли. Еще Петръ Великій самъ замѣтилъ безсистемность въ распредѣленіи дѣлъ между коллегіями и несовершенство ихъ внѣшнихъ порядковъ, но случайный характеръ интереса къ этимъ сторонамъ реформы и рекомендуемаго метода ихъ исправленія не соотвѣтствовали принципіальному значенію вопроса и размѣрамъ допущенныхъ ошибокъ. Увлекшись устройствомъ адмиралтейской коллегіи, Петръ принялъ въ немъ личное участіе. Вслѣдствіе этого она стала казаться ему такой совершенной, что въ 1722 г. онъ рекомендовалъ «во всѣхъ коллегіяхъ сдѣлать регламенты противъ адмиралтейской коллегіи, только, гдѣ потребно, имена перемѣнить, а анштальтъ, чтобы былъ весьма сходенъ во всѣхъ порядкахъ». Такимъ пересмотромъ нѣкоторыхъ основъ дѣятельности центральныхъ учрежденій Петръ надѣялся достигнуть необходимаго однообразія ихъ внѣшней организаціи. Еще въ болѣе упрощенномъ видѣ представлялась Петру другая задача — точнаго раздѣленія дѣлъ по ихъ роду, вполнѣ разрѣшимая, по словамъ того же указа, если «только оставлять въ тѣхъ коллегіяхъ» (т.-е. всѣхъ остальныхъ, не считая адмиралтейской, принятой за образецъ), тѣ дѣла, гдѣ такихъ (т.-е. касающихся адмиралтейской) нѣтъ». Въ дѣйствительности пересмотръ не обнаружилъ въ составѣ компетенціи гражданскихъ коллегій никакихъ адмиралтейскихъ дѣлъ, но зато, благодаря указан-

ной постановкѣ новой реформы совершенно стушевалось неудовлетворительное разрѣшеніе вопроса о размежеваніи компетенцій для всей массы невоенныхъ коллегій именно между собою. Такъ, напримѣръ, вотчинная коллегія сохранила очень важныя судебныя функціи, которыя вдобавокъ остались совершенно нерегламентированными. Еще хуже было положеніе вещей какъ разъ въ той сферѣ государственной дѣятельности, надъ техническимъ усовершенствованіемъ которой, въ цѣляхъ процвѣтанія фиска, такъ усиленно работала политическая мысль московскихъ законодателей и ихъ вѣрнаго наслѣдника. Именно въ дѣлѣ упорядоченія завѣдыванія финансами организаціонныя усилія дали наименѣе плодотворные результаты, особенно если сравнить ихъ съ количествомъ энергіи, потраченнымъ ради ихъ достиженія правительствомъ. Факты, подтверждающіе такое сужденіе, всѣ собраны лицомъ, близко стоявшимъ къ самому предмету критики, а именно, членомъ камеръ-коллегіи Ст. Кохіусомъ, и изложены имъ въ двухъ запискахъ, въ которыхъ, во-первыхъ, характеризуется господствующая раздробленность финансовой администраціи и, во-вторыхъ, дается картина состоянія одного ея спеціальнаго и наиболѣе важнаго вѣдомства, камеръ-коллегіи. Болѣе или менѣе значительною финансовою компетенціею пользовался цѣлый рядъ петровскихъ коллегій разныхъ спеціальностей: военная коллегія вѣдала новую, чрезвычайно доходную подушную подать, бергъ-коллегія — монетную и горную регалію, коммерцъ-коллегія — морскія таможенныя пошлины, мануфактуръ-коллегія — гербовую бумагу, и т. д. Но истинное представленіе о размѣрахъ хаоса получаешь изъ болѣе детальнаго знакомства съ положеніемъ дѣла въ спеціализировавшейся на нѣкоторыхъ видахъ прямыхъ и косвенныхъ государственныхъ сборовъ камеръ-коллегіи, которое даетъ нашъ авторъ, основываясь на опытѣ собственной службы. Оказывается, что камеръ-коллежскій регламентъ не даетъ, во-первыхъ, надлежащаго представленія о камерныхъ дѣлахъ, объ ихъ различіи по качеству, природѣ и свойству и вытекающемъ отсюда разнообразіи ихъ администраціи, распредѣленія и расчета, во-вторыхъ, поражаетъ отсутствіемъ какихъ-либо указаній о надлежащемъ канцеляр-

скомъ порядкѣ, которому должны слѣдовать въ отправленіи своей должности камерные чиновники, отъ высшаго до низшаго. Немудрено послѣ этого, что на практикѣ самимъ коллежскимъ чиновникамъ остались «неизвѣстными даже количество и названіе государственныхъ доходовъ, не говоря уже объ ихъ свойствѣ», что занятія въ коллегіи велись неправильно, отчего, напр., «за пять лѣтъ не было закончено ни одного счета», и соблюдался одинъ канцелярскій обрядъ. Такое запущенное состояніе отчетности свидѣтельствуетъ само по себѣ о слабости высшаго правительственнаго контроля, отмѣчаемой не только Кохіусомъ, но, какъ мы указали выше, и Курбатовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это доказываетъ также, какъ жестоко ошиблись Петръ Великій и его ближайшіе сотрудники, считая коллегіальное начало великою панацеею противъ произвола, безхозяйственности и лихоимства. Понадобились новыя и экстренныя мѣры въ смыслѣ иной комбинаціи существующихъ правительственныхъ орудій и созданія другихъ уже единоличныхъ органовъ, которые, однако, тоже не достигли желательной цѣли. Такъ, Петръ Великій, указомъ 7 іюля 1725 г., велѣлъ изъять оберъ-ревизіонъ контору изъ вѣдѣнія сената, и «учинить по прежнему коллегіею, дабы крѣпкое смотрѣніе было за приходами и расходами». Обратное распоряженіе въ слѣдующее царствованіе, указомъ 7 марта 1726 г., о томъ, чтобы «ревизіонъ-контору имѣть счетомъ въ полномъ вѣдѣніи въ сенатѣ» опять пріостановило исполненіе важной мѣры. До ея осуществленія испробовали цѣлесообразность другого предположенія Петра о постоянныхъ сенаторскихъ ревизіяхъ, нашедшаго себѣ уже въ XIX в. широкое примѣненіе въ нашей административной практикѣ въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Отправляя 8 февраля 1726 г. графа Матвѣева для ревизіи Московской губерніи, указъ оправдываетъ эту миссію ссылкою на опредѣленіе Петра, «чтобъ изъ сенаторовъ былъ одинъ, который бы объѣзжій былъ въ государствѣ во всѣхъ провинціяхъ, которымъ способомъ могло бы учиниться воровству пресѣченіе». Наконецъ, указомъ отъ 9 января 1727 г. была опять «учреждена» ревизіонъ-коллегія съ тѣмъ, чтобы она «обо всемъ состояніи ея дѣлъ помѣсячно въ верховный тайный совѣтъ рапорто-

вала и накрѣпко того смотрѣла, что не превосходитъ ли государственный расходъ приходу».

Переходя къ дальнѣйшей исторіи управленія въ XVIII в., мы можемъ сказать, что вся она вращается около двухъ проблемъ, поставленныхъ реформою Петра Великаго. Ощущается, во-первыхъ, потребность положить конецъ смѣшенію законодательства, суда и администраціи, допущенному указанною реформою, создавъ для этихъ цѣлей рядъ спеціальныхъ высшихъ учрежденій. Въ частности,—и это вторая проблема, требующая разрѣшенія,—петровскія административныя учрежденія грѣшили самымъ принципомъ, положеннымъ въ ихъ основаніе, такъ какъ на самомъ дѣлѣ коллегіальное начало должно считать наименѣе пригоднымъ для устройства органовъ съ распорядительными и исполнительными функціями. Эти погрѣшности петровской реформы обнаруживаются въ цѣлой вереницѣ смѣняющихъ другъ друга на протяженіи XVIII в. учрежденій, которыми ихъ создатели пытались разрѣшить совершенно невыполнимую задачу, т.-е. сосредоточить въ одномъ учрежденіи функціи различнаго характера, требующія притомъ діаметрально противоположной организаціи.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію дѣльнѣйшихъ, послѣпетровскихъ опытовъ учредительнаго характера русской административной исторіи, мы должны прежде всего остановить свое вниманіе на фактѣ поразительной неустойчивости нашихъ высшихъ учрежденій до самаго конца XVIII в. и отдать себѣ отчетъ въ причинахъ, вызвавшихъ названное явленіе. Дѣло въ томъ, что въ данномъ направленіи дѣйствовали еще другія причины, кромѣ отмѣченныхъ, при разборѣ коллегій, несовершенствъ петровской реформы, т.-е. ея неполноты, ея внутреннихъ противорѣчій, ея непомѣрной требовательности къ личнымъ качествамъ совершенно невышколеннаго въ профессіональномъ отношеніи русскаго чиновничества. Крупную роль въ данномъ случаѣ несомнѣнно сыграло также то, что вліяніе иностранной правительственной практики и теоретической мысли, непрерывнымъ, широкимъ потокомъ хлынувшее въ Россію съ начала царствованія Петра Великаго, не встрѣчало тамъ ни до ни послѣ него достаточно сильнаго противодѣйствія

въ разработанныхъ административныхъ порядкахъ и проясненномъ политическомъ сознаніи руководящихъ круговъ. Наконецъ, петровская реформа не создала учрежденія съ политическими задачами, которое должно было занять мѣсто упраздненной боярской думы и вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы свободный выходъ стремленіямъ не только старой аристократіи, но и формирующагося дворянскаго класса къ облеченному въ легальныя формы участію въ дѣлахъ управленія. Изъ разнообразныхъ и сложныхъ задачъ, возложенныхъ постепенно на сенатъ, политическая роль его осталась наименѣе опредѣленной, а составъ и традиціи дѣятельности не располагали его къ захвату указанной роли даже при слабыхъ преемникахъ Петра Великаго. Но рядомъ съ этимъ существовала, какъ извѣстно, потребность въ свободномъ проявленіи личнаго начала въ управленіи, не нашедшая себѣ удовлетворенія, благодаря коллегіальному устройству послѣдняго. Указанная потребность привела къ возникновенію, на ряду съ коллегіями, личныхъ органовъ власти, въ видѣ особыхъ «господъ министровъ» и ихъ совѣтовъ еще при Петрѣ Великомъ, какъ функціонировавшій на практикѣ тайный совѣтъ президентовъ военныхъ и иностранной коллегій. Какъ бы соединяя въ себѣ обѣ тенденціи, и стремленія общества къ политическому вліянію, и потребности административнаго механизма въ болѣе гибкихъ орудіяхъ, отдѣльныя личности изъ такъ называемыхъ министровъ, вслѣдствіе стеченія разныхъ обстоятельствъ, возвышались до исключительнаго положенія въ управленіи, становились временщиками. Объединенные же въ совѣтѣ, высшіе государственные сановники, особенно послѣ Петра Великаго, вступали въ борьбу съ сенатомъ за призракъ политической власти, которымъ онъ обладалъ, но все-таки никогда не умѣли облечь свои стремленія въ формы правового учрежденія, очистить себя даже въ лучшихъ случаяхъ отъ подозрѣнія въ узко-олигархическихъ притязаніяхъ.

Первымъ учрежденіемъ, занявшимъ въ системѣ управленія положеніе надъ сенатомъ, былъ верховный тайный совѣтъ. Появленіе новаго учрежденія, какъ таковаго, не было случайностью. Оно было подготовлено фактами административной практики и теоретическими построеніями еще времени

Петра Великаго. При немъ президенты «первыхъ» коллегій, военныхъ и иностранной (Меншиковъ, Апраксинъ и Головинъ), минуя сенатъ, совѣщались непосредственно съ государемъ, не только благодаря своему личному вліянію, но и въ силу важной роли, которую приходилось играть ихъ вѣдомствамъ въ чрезвычайныхъ условіяхъ времени. Съ этой стороны верховный тайный совѣтъ представлялъ собою лишь продолженіе или отвердѣніе въ болѣе законченныхъ формахъ прежнихъ совѣщаній высшихъ сановниковъ подъ руководствомъ самого монарха. Въ критическихъ отголоскахъ реформы, въ «предположеніяхъ» и «меморіалахъ», которые подавались иностранными и русскими совѣтниками, въ родѣ Любераса и Фика, Курбатова и др., настойчиво и, какъ мы видѣли, съ разныхъ точекъ зрѣнія доказывалась необходимость завершить преобразованія основаніемъ высшаго государственнаго учрежденія. Слухи о приготовленіяхъ, которыя дѣлались будущими активными участниками переворота 1730 г. для осуществленія такого учрежденія, и вѣсти объ обстановкѣ, въ которой созрѣвали ихъ намѣренія, нашли себѣ мѣсто въ донесеніяхъ иностранныхъ дипломатовъ при русскомъ дворѣ, напримѣръ, Лефорта и Кампредона.

Указъ 8 февраля 1726 г. объ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта не только опредѣлялъ его положеніе въ государствѣ, но также ставилъ его появленіе въ преемственную связь съ прежней практикой управленія. «Ея Величество изволила,—гласитъ указъ,—ради изображенныхъ въ томъ указѣ резоновъ» (о которыхъ у насъ будетъ итти рѣчь ниже) «учредить съ нынѣшняго времени при дворѣ Ея Величества, какъ для внѣшнихъ, такъ и для внутреннихъ государственныхъ важныхъ дѣлъ, верховный тайный совѣтъ, при которомъ Ея Величество сама присутствовать изволитъ». Позднѣйшимъ указомъ начала 1727 г. совѣту отводится то же мѣсто, въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ: «Мы сей совѣтъ учинимъ,—гласитъ онъ,—верховнымъ и при боку нашемъ ни для чего иного, только дабы оный въ семъ тяжкомъ бремени правительства во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ вѣрными своими совѣтами и безпристрастнымъ объявленіемъ мнѣній своихъ намъ вспоможеніе и облегченіе учинилъ». Очерчивая реальныя формы, въ которыхъ должны вылиться

«облегченіе» и «вспоможеніе», оказываемыя новымъ учрежденіемъ верховной власти въ несеніи правительственнаго бремени, указъ 8 февраля опредѣляетъ: «дабы обо всѣхъ дѣлахъ нашихъ и до государства нашего интересовъ касающихся напередъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ для общаго зрѣлаго сужденія предложено было, того ради и мы впредь никакихъ такихъ партикулярныхъ доношеній, о которыхъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ предложено и общее мнѣніе записано не было, ни отъ кого принимать не будемъ, развѣ кто имѣетъ доносить о такихъ дѣлахъ, которыя никому иному, кромѣ насъ самихъ, повѣрены быть не могутъ». Съ одной стороны, стало-быть, власть обязывалась не давать ходу частнымъ совѣтамъ до обсужденія ихъ въ призванномъ для этого верховномъ учрежденіи, а послѣднее — представлять на утвержденіе власти только дѣла, разрѣшенныя въ общемъ засѣданіи правильнымъ голосованіемъ. Далѣе, оказывается, что верховный тайный совѣтъ по существу не представляетъ собою ничего новаго. Тотъ же офиціальный актъ хочетъ только упорядочить и юридически оформить, что уже раньше имѣло мѣсто, какъ фактъ, какъ обыкновеніе. Изъ двухъ категорій общаго состава сената, «первые» сенаторы не только помогали «вторымъ» въ специфически «сенатскомъ правленіи», т.-е. рѣшеніяхъ по текущимъ дѣламъ администраціи, суда и законодательства, они еще «часто имѣли по должности своей, яко первые министры, тайные совѣты о политическихъ и другихъ важныхъ дѣлахъ»; нѣкоторые же изъ первыхъ сенаторовъ, сверхъ всего этого, «засѣдали президентами въ первыхъ коллегіяхъ, военныхъ и политической». Послѣдствіями такого совмѣщенія функцій являлись «въ первомъ и весьма нужномъ дѣлѣ» въ тайномъ совѣтѣ — «немалое помѣшательство», а въ сенатѣ «въ дѣлахъ продолженіе, оттого что они», т.-е. указанные члены его, «за многодѣльствомъ не могутъ чинить вскорѣ резолюціи на государственныя внутреннія дѣла». Реформа утверждала тайный совѣтъ, какъ особое учрежденіе, члены котораго исключительно должны были вѣдать «политическія и другія важныя дѣла», оставляя за сенатомъ его прежнія исполнительныя функціи въ области внутренняго управленія.

Въ такъ называемомъ «мнѣніи не въ указъ» верховный тайный совѣтъ уже самъ пытается опредѣлить свою юридическую природу, свое мѣсто и значеніе въ государствѣ. Положеніе совѣта опредѣляется тѣмъ, что въ немъ «Ея Величество президентство сама управляетъ», вслѣдствіе чего онъ «толь наименьше за особливое коллегіумъ, или инако почтенъ быть можетъ». Его назначеніе—служить «токмо Ея Величеству къ облегченію въ тяжкомъ ея правительства бремени». Стоя въ непосредственномъ отношеніи къ верховной власти, совѣтъ естественно является связующимъ звеномъ между нею и совокупностью правительственныхъ учрежденій. Онъ долженъ занять мѣсто, съ одной стороны, генералъ-прокурора сената, личнаго довѣреннаго органа, игравшаго указанную роль при Петрѣ Великомъ, согласно прямой волѣ законодателя, и съ другой, сановниковъ, такъ называемыхъ первыхъ министровъ, просто въ силу обстоятельствъ получавшихъ непосредственный доступъ къ верховной власти по дѣламъ завѣдываемыхъ ими частей управленія. Неудовлетворительность перваго способа сношеній заключалась въ недостаточной близости генералъ-прокурора къ самой административной практикѣ; сношенія же второго порядка, будучи въ виду своей неорганизованности также мало согласованными другъ съ другомъ, вызывали личные конфликты и замѣшательство въ дѣлахъ. Не страдая этимъ недостаткомъ, какъ учрежденіе коллективное и организованное, совѣтъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ то преимущество передъ сенатомъ, что не имѣлъ столь многочисленнаго состава, какъ послѣдній, отчего значительно облегчалось пополненіе его довѣренными лицами и приведеніе его въ дѣйствіе въ надлежащее время. Въ совѣтѣ, — вѣроятно такъ слѣдуетъ понимать неуклюжую фразеологію «мнѣнія» — всѣ дѣла будутъ скорѣе «отправляться и рѣшаться», чѣмъ сенатомъ, а исходя «болѣе, нежели отъ одного лица», т.-е. генералъ-прокурора или отдѣльныхъ гг. министровъ, «разсужденіе» совѣта въ большей чѣмъ прежде степени будетъ клониться «къ Ея Величеству безопасности и государства прирощенію». Наконецъ, указаннымъ порядкомъ «толь безопаснѣе высокимъ ея именемъ указы выходили», т.-е., пройдя черезъ совѣтъ,

правительственныя распоряженія въ глазахъ общества покрывались гораздо большимъ авторитетомъ. Но не одно упорядоченіе администраціи и обезпеченіе непрерывности дѣйствія на всѣхъ ея ступеняхъ предназначалъ своей задачей совѣтъ, — онъ домогался еще участія въ верховной власти во всѣхъ формахъ ея проявленія — управленіи, законодательствѣ и правосудіи. Опредѣляя вкратцѣ свою компетенцію, совѣтъ предполагалъ въ томъ же высказанномъ имъ «мнѣніи», что ему подлежатъ, во-первыхъ, всѣ дѣла иностранныя, а во-вторыхъ, всѣ тѣ, которыя до Ея Императорскаго Величества собственнаго высочайшаго рѣшенія касаются. Въ совѣтѣ, поэтому, должно было сосредоточиться «генеральное управленіе и надзираніе надъ всѣми коллегіями». Далѣе, совѣтъ полагалъ, что впредь «никакимъ указамъ прежде не выходить, пока оные въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись, протоколы не закрѣплены и Ея Величеству для всемилостивѣйшей аппробаціи не прочтены». Наконецъ, всѣ апелляціи на сенатъ и другія учрежденія подаются «къ Ея Императорскому Величеству и въ великомъ тайномъ совѣтѣ къ вящшему разсмотрѣнію и разсужденію». Соотвѣтственно изложенной программѣ, совѣтъ присвоилъ себѣ, кромѣ титула «верховный», еще названіе «правительствующаго», отнявъ послѣднее у сената и у синода, какъ «непристойное» въ ихъ новомъ положеніи.

Изъ офиціальныхъ источниковъ мы знакомимся только съ юридической и политической сторонами важнаго историческаго событія. Если мы хотимъ вскрыть пружины борьбы общественныхъ группъ за власть, нашедшей тоже свое разряженіе въ образованіи совѣта, то мы должны обратиться къ названнымъ выше иностранцамъ. Изъ ихъ донесеній мы узнаемъ, что сенатъ не удовлетворялъ не только, какъ учрежденіе, но своею правящею ролью въ государствѣ одинаково возбуждалъ противъ себя старую родовитую знать, не позабывшую свое былое политическое значеніе, и новое служилое дворянство, въ лицѣ своихъ верхнихъ слоевъ стремившееся къ углубленію своего вліянія. Съ этой стороны громадную важность пріобрѣталъ вопросъ о составѣ новаго учрежденія. Въ него вошли кн. Меншиковъ, гр. Апраксинъ, гр. Головкинъ, гр. Толстой, бар. Остерманъ, кн. Д. Го-

лицынъ, т.-е. титулованные выскочки въ немъ численно значительно преобладали надъ боярствомъ. (Въ царствованіе Петра II назначены были кн. В. Л. и А. Г. Долгорукіе, а въ промежутокъ времени между его смертью и воцареніемъ Анны Іоанновны, въ него вошли кн. М. М. Голицынъ и кн. В. Вл. Долгорукій). Обѣ группы вошли, однако, въ совѣтъ, съ совершенно противоположными намѣреніями,— боярство, чтобы ограничить власть императрицы, новые вельможи, чтобы ее, наоборотъ, укрѣпить, но каждая, при этомъ, преслѣдовала, конечно, свои групповые интересы. Въ депешахъ французскаго представителя Кампредона отъ 8 и 15 января уже ясно выступаетъ одинъ изъ лагерей, а именно боярство, и опредѣленно обрисовывается двоякое направленіе замышляемаго имъ удара, противъ выскочки Меншикова и существующей формы правленія. Въ отчетѣ о событіи, написанномъ послѣ 8 февраля, Кампредонъ высказывается уже опредѣленно, что «подъ видомъ желанія укрѣпить власть и правительство царицы, оно (т.-е. данное событіе), кажется, кладетъ новый камень того зданія, которое русскіе вельможи замыслили воздвигнуть незамѣтно, т.-е. усиленія ихъ власти и ихъ настоящаго и будущаго широкаго участія въ управленіи здѣшнею страною». Позднѣе Кампредонъ останавливается на выясненіи плановъ и роли другой части участниковъ, руководителей рядового дворянства, овладѣвшихъ идеями боярской партіи и давшихъ имъ при осуществленіи нѣсколько иную окраску. «Ловкій Толстой, — пишетъ онъ, — судьба коего, такъ же, какъ и Меншикова, зависитъ вполнѣ отъ положенія царицы, сумѣлъ извлечь существенную выгоду изъ этихъ явственныхъ признаковъ движенія. Предложивъ учрежденіе верховнаго совѣта, предсѣдательницей коего должна быть царица и совершенно равноправными членами — главные вельможи, онъ одновременно и укрѣпилъ власть государыни въ настоящемъ, и нѣкоторымъ образомъ удовлетворилъ партіи». 26 февраля 1726 г. Кампредонъ, вникая въ корень самаго событія и поэтому предвидя будущую эволюцію созданнаго имъ учрежденія, доноситъ своему правительству, что «дѣйствующій именемъ царицы совѣтъ сдѣлается затѣмъ въ сущности истиннымъ вершителемъ всѣхъ дѣлъ», именемъ

царицы онъ будетъ рѣшать всѣ важныя дѣла, станетъ отдавать приказанія всѣмъ прочимъ коллегіямъ». Наконецъ, отъ саксонца Лефорта мы узнаемъ, что съ Меншиковымъ сблизилась еще формировавшаяся при русскомъ дворѣ нѣмецкая группа, ради которой за оказанную ею поддоржку былъ проведенъ въ совѣтъ еще герцогъ Гольштинскій. Посредникомъ въ переговорахъ былъ извѣстный Фикъ.

Изъ двухъ тенденцій, съ которыми обѣ партіи вошли въ совѣтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше въ его дѣятельности стремленіе къ ограниченію самодержавной власти стало брать верхъ надъ ея укрѣпленіемъ. Изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, почему и при какихъ условіяхъ этотъ процессъ совершался, и каковы были его конечные результаты. Прежде всего, верховный тайный совѣтъ выразилъ тенденцію подняться выше офиціально отведеннаго ему положенія во внѣшнихъ формахъ своихъ сношеній съ императорской властью. Надежнымъ матеріаломъ для сужденія о характерѣ взаимоотношеній обѣихъ сторонъ являются журналы и протоколы засѣданій совѣта. Оказывается, что Екатерина I въ первый годъ существованія совѣта принимала личное участіе въ его засѣданіяхъ, но со второго полугодія случаи ея присутствія становятся замѣтно рѣже, а въ 1727 г. вплоть до своей кончины, 6 мая, она уже ни разу не была въ совѣтѣ. Въ слѣдующее царствованіе случаи присутствованія носителя верховной власти не достигаютъ въ общей сложности и десятка разъ за два съ половиною года: до паденія Меншикова Петръ II участвовалъ въ трехъ собраніяхъ, отъ паденія временщика до своей кончины не болѣе, чѣмъ въ шести. Кромѣ совмѣстныхъ засѣданій, практика установила еще другія формы общенія совѣта съ верховной властью: это былъ, во-первыхъ, докладъ, личный, отдѣльныхъ членовъ совѣта, или коллективный — совѣта въ полномъ составѣ, и, во-вторыхъ, именные указы верховной власти, сообщаемые ею совѣту къ исполненію. Конечно, и при императрицѣ Екатеринѣ I резолюціи на докладахъ ставились ею не самостоятельно, а подсказывались ей наиболѣе вліятельными членами совѣта, напр., Меншиковымъ. Число именныхъ указовъ императрицы невелико; касаются они всегда болѣе или менѣе второстепенныхъ дѣлъ и часто, хотя объ

этомъ въ нихъ не говорится, подвергаются предварительному обсужденію въ совѣтѣ. Оговорка 4 пункта указа 8 февраля, предполагающая возможность такихъ дѣлъ, которыя требуютъ непосредственнаго донесенія объ нихъ императорской власти, минуя совѣтъ, послужила лазейкой для открытаго нарушенія общаго правила. Возрастъ и праздный образъ жизни Петра II, внушаемый ему собственнымъ воспитателемъ Остерманомъ, вообще мало благопріятствовали развитію въ немъ дѣятельнаго интереса къ государственнымъ дѣламъ. При немъ исчезаютъ послѣдніе, даже внѣшніе, слѣды вліянія императорской власти на рѣшеніе совѣта. Въ докладахъ, напримѣръ, по поводу новыхъ назначеній при Екатеринѣ I, на ея усмотрѣніе представлялось нѣсколько кандидатовъ, теперь воля государя связывалась заранѣе указаніемъ лишь одного лица. Также устанавливается обычай отправленія такъ называемыхъ совѣтскихъ указовъ безъ подписи государя, за скрѣпою одного секретаря совѣта, на ряду съ чѣмъ число именныхъ указовъ самого государя быстро уменьшается.

Почти не интересуясь собственной внѣшней организаціей, отношеніемъ къ себѣ и другъ къ другу старыхъ учрежденій, совѣтъ въ своей дѣятельности, къ разсмотрѣнію содержанія которой мы теперь перейдемъ, совмѣщалъ двѣ тенденціи, юридическую и политическую, заключавшіяся, какъ намъ извѣстно, въ самыхъ условіяхъ его происхожденія и въ дальнѣйшемъ одинаково стремившіяся чрезъ него же утвердиться въ русской государственности. Изъ этихъ двухъ тенденцій первая, сводящаяся къ необходимости усовершенствованія правительственнаго механизма и административной техники, имѣла съ самаго начала наименьшее вліяніе на поведеніе совѣта, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше оттѣснялась, наоборотъ, второй, имѣвшей въ виду постепенный захватъ совѣтомъ не только первенствующей роли въ управленіи, но и верховнаго политическаго руководительства страною. Уже въ неофиціальномъ толкованіи своей компетенціи («мнѣніи не въ указъ») совѣтъ включилъ въ кругъ своего вѣдомства осуществленіе всѣхъ правъ, составляющихъ обычно принадлежность верховной власти. Начерченную программу совѣтъ дѣйствительно выполнилъ:

за время своего функціонированія онъ издавалъ законы, правилъ страною, творилъ судъ и расправу на правахъ учрежденія, стоящаго рядомъ съ носителемъ верховной власти или, вѣрнѣе, олицетворяющаго въ себѣ послѣднюю въ полномъ ея объемѣ.

Въ области чрезвычайной, устроительной дѣятельности наиболѣе осязательнымъ результатомъ является предпринятая и проведенная совѣтомъ перестройка центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Еще въ большей степени совѣтъ выступалъ творческо-регулятивнымъ факторомъ жизненныхъ процессовъ въ задуманномъ имъ пересмотрѣ Соборнаго Уложенія и составленіи новаго, для каковой цѣли имъ была учреждена кодификаціонная комиссія. Правда, и эта работавшая надъ созданіемъ новаго уголовнаго и гражданскаго законодательства комиссія выполнила свое порученіе только въ очень небольшой части. Но, констатируя это, не забудемъ, что для разрѣшенія указанной задачи исторія поставила совѣту меньшій срокъ, чѣмъ кому бы то ни было изъ законодателей XVIII вѣка.

Не выходя изъ предѣловъ текущаго законодательства, должно отмѣтить, что верховный тайный совѣтъ концентрировалъ въ своихъ рукахъ всю нормативную дѣятельность въ международныхъ отношеніяхъ, которая, какъ извѣстно, сводится къ заключенію договоровъ, политическихъ и коммерческихъ, съ другими государствами. Въ самомъ дѣлѣ, на засѣданіяхъ совѣта не только читаются «реляціи отъ министровъ россійскихъ», «аппробуются» инструкціи русскимъ посланникамъ и резидентамъ за границею и сочиняется отвѣтная нота Портѣ «о начатой негоціаціи съ Цесаремъ», т.-е. провѣряются и направляются текущія сношенія нашей дипломатіи съ иностранными правительствами. Въ совѣтѣ также обсуждаются и одобряются, напримѣръ, «проекты объ алліанціи съ королемъ прусскимъ и секретные артикулы», другими словами, вырабатываются условія трактатовъ, которые должны регулировать образъ дѣйствія Россіи и сосѣдней державы въ отношеніи другъ къ другу въ мирное и военное время.

Всѣ права нормативно-финансоваго характера осуществлялись тоже совѣтомъ въ полной мѣрѣ. Въ «мнѣніи»

своемъ совѣтѣ отмѣтилъ, что «новыя подати или иныя какія новыя учрежденія имѣютъ быть опредѣлены въ верховномъ тайномъ совѣтѣ». Въ исполненіе этого правила, совѣтъ отмѣняетъ взиманіе въ петербургскомъ портѣ «якорныхъ денегъ» впредь до разсмотрѣнія тарифа, а «конвойныхъ» и «убогихъ»—совершенно. Наоборотъ, онъ устанавливаетъ пошлины съ ввозимыхъ изъ-за границы табака и соли въ Выборгѣ. Указомъ 1 ноября 1727 г. повелѣно было «въ нашъ верховный тайный совѣтъ изъ сената, изъ синода и изъ коллегій и канцелярій и конторы о приходѣ и расходѣ денежной казны и провіанта подавать вѣдомости на вся мѣсяцы, объявляя именно откуда, что въ приходѣ и на какія дачи въ расходѣ и, конечно, тѣ вѣдомости подавать по прошествіи каждаго мѣсяца въ 3-й день». Всѣми центральными учрежденіями безъ исключенія, стало-быть, подаются ежемѣсячные отчеты о ихъ приходахъ и расходахъ непосредственно въ совѣтъ, для того, чтобы онъ могъ имѣть всегда полную картину о движеніи государственныхъ суммъ. Еще раньше, указъ 15 іюля 1726 г. строго предписывалъ, чтобы «отъ сего времени, какъ денегъ, такъ и товаровъ и другихъ вещей, безъ нашего указа, за собственноручнымъ нашимъ или всего верховнаго тайнаго совѣта подписаніемъ, кромѣ опредѣленныхъ окладныхъ дачъ, ни на какіе чрезвычайные расходы отнюдь не отпускать». Такимъ образомъ, установленіе новыхъ податей и налоговъ, какъ и отмѣна и замѣна прежнихъ, контроль надъ движеніемъ государственныхъ суммъ и разрѣшеніе чрезвычайныхъ кредитовъ всѣхъ видовъ, иначе всѣ отрасли финансоваго законодательства находятся въ полномъ вѣдѣніи верховнаго тайнаго совѣта. Проявилъ совѣтъ законодательныя функціи и въ области народнаго хозяйства обязательною нормировкою части возникающихъ на этой почвѣ сложныхъ и разнообразныхъ правовыхъ отношеній путемъ выработки соотвѣтственныхъ уставовъ, напримѣръ, вексельнаго, соляного, пошлиннаго и т. п. Усовершенствованіемъ, въ законодательномъ порядкѣ, почтовыхъ сношеній и образованіемъ «комиссіи о купечествѣ» совѣтъ непосредственно содѣйствовалъ развитію торгово-промышленнаго оборота въ странѣ. То, что всѣ эти дѣйствія вызывались преимуще-

ственно фискальными цѣлями, безусловно заслонявшими въ умѣ законодателя мысль о частныхъ интересахъ, не умаляетъ, конечно, реальнаго значенія проведенныхъ узаконеній для населенія и, тѣмъ менѣе, для роста политическаго значенія самого учрежденія, за которымъ мы въ настоящее время слѣдимъ.

Не мало заботъ положено было совѣтомъ на разрѣшеніе вопросовъ, касающихся устройства военнаго дѣла. При этомъ совѣтъ интересовался не только одной технической стороною его, внѣшнимъ содержаніемъ и развитіемъ боевыхъ качествъ созданныхъ Петромъ Великимъ регулярной арміи и флота. Совѣтъ подходилъ ко всѣмъ названнымъ вопросамъ и со стороны ихъ значенія для народнаго хозяйства, стремился согласовать требованія правильной государственной обороны съ условіями благосостоянія всѣхъ классовъ населенія. Этотъ принципъ выраженъ былъ еще Екатериною I въ прошедшемъ черезъ совѣтъ именномъ указѣ 9 января 1727 г., который повелѣвалъ «имѣть прилежное разсужденіе, какъ о сухопутной арміи, такъ и о флотѣ, чтобъ оные безъ великой тягости народной содержаны были». Но главнѣйшія законодательныя мѣры, направленныя къ выполненію указанной задачи по отношенію къ войску и населенію, были проведены лишь при Петрѣ II, послѣ паденія Меншикова, когда совѣтъ пріобрѣлъ полную самостоятельность и въ рѣшеніи военныхъ дѣлъ. Согласно этому принципу, были намѣчены къ осуществленію въ первую голову три практическія мѣры: 1) часть взноса подушнаго оклада деньгами ($^1/_2$—$^2/_3$) замѣнить уплатою провіантомъ и фуражемъ, т.-е. натурою, съ мотивировкой, что «крестьяне ничѣмъ такъ не скудны, какъ деньгами, и для платежа подушныхъ денегъ многіе принуждены хлѣбъ продавать за половину цѣны, а наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оный лучше родится»; 2) передать взиманіе подушныхъ денегъ и наборъ рекрутовъ отъ военнаго начальства въ руки воеводъ, въ виду «многихъ неудобностей» старой практики; 3) «ежели коньюнктуры допустятъ, то двѣ части офицеровъ и урядниковъ и рядовыхъ, которые изъ шляхетства, въ домы отпускать, а въ третью долю отпускать при полкахъ иноземцевъ и безпомѣстныхъ, отчего будетъ двойная при-

былъ», а именно, «жалованье ихъ въ казнѣ останется», и «деревни свои осмотрять и въ надлежащій порядокъ приводить станутъ». Указъ 28 февраля 1727 г. не только намѣтилъ, но и провелъ очень важную мѣру для содержанія въ добромъ порядкѣ» арміи «безъ измѣненныхъ расходовъ» путемъ измѣненія порядка расквартированія полковъ, именно выведеніемъ ихъ изъ «дистриктовъ», по которымъ они были разселены Петромъ, въ города. Такая перемѣна, какъ видно изъ мотивировки указа, обѣщала, по мнѣнію совѣта, «облегченіе для крестьянъ, выгоды для городовъ, и, наконецъ, ускореніе мобилизаціи войскъ въ случаѣ надобности». Необходимость улучшеній въ морскомъ вѣдомствѣ съ двухъ указанныхъ точекъ зрѣнія тоже привлекла къ себѣ вниманіе совѣта: были уничтожены «вальдмейстеры и ихъ конторы», чинившія народу несправедливые «великіе штрафы» за нарушеніе извѣстнаго, крайне стѣснительнаго запрещенія Петра Великаго относительно порубокъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ, и смягчены прежніе лѣсоохранительные законы (указъ 28 декабря 1726 г.). Въ слѣдующее царствованіе совѣтъ опредѣляетъ особымъ указомъ 8 апрѣля 1728 г. судостроительную программу для адмиралтейской коллегіи: готовить и дѣлать неослабно однѣ галеры, отказываясь отъ сооруженія большихъ судовъ, какъ фрегаты, и т. п.

Стремленіе воздѣйствовать на направленіе всѣхъ развѣтвленій частной и государственной жизни, и положительные успѣхи, это стремленіе сопровождавшіе, должны были чрезвычайно возвысить правительственный авторитетъ совѣта. Разрѣшеніе всѣхъ принципіальныхъ вопросовъ однообразнымъ законодательнымъ порядкомъ, указами, прошедшими черезъ совѣтъ, придавало всѣмъ общимъ распоряженіямъ правительства извѣстное единство и требуемую устойчивость, которыхъ они были, по необходимости, лишены раньше и позднѣе, при вторженіи въ сферу законодательства органовъ подчиненнаго управленія, какъ, напримѣръ, двухъ военныхъ коллегій. Въ этой концентраціи законодательнаго аппарата въ одномъ мѣстѣ состоитъ важная положительная заслуга совѣта въ дѣлѣ упорядоченія государственнаго механизма. Но верховный тайный совѣтъ не удержался при разрѣшеніи ставшей передъ нимъ исторической

задачи въ данныхъ рамкахъ. Онъ не ограничился возсозданіемъ совершенно разстроеннаго еще къ исходу московскаго государства законодательнаго аппарата. Дѣло шло даже не объ одномъ только предоставленіи общественнымъ силамъ постояннаго и, въ большей или меньшей долѣ, рѣшающаго участія въ законодательствѣ. Какъ видно изъ вышепомѣщеннаго обозрѣнія послѣдовательныхъ формъ отношенія совѣта къ императорской власти, тактика перваго клонилась, ни больше ни меньше, какъ къ отстраненію послѣдней отъ законодательной дѣятельности вообще, къ сосредоточенію ея во всѣхъ стадіяхъ, отъ начала до конца, въ одномъ совѣтѣ.

Въ сферѣ дѣйствія исполнительной власти, совѣтъ точно такъ же, съ одной стороны, проводя свою политическую тенденцію, вѣдалъ всѣ тѣ дѣла, которыя въ монархіяхъ осуществляются непосредственно самимъ государемъ, въ порядкѣ верховнаго управленія; съ другой стороны, ему приходилось выступать также въ роли своего рода комитета министровъ, собиравшаго въ своихъ рукахъ всѣ нити администраціи и осуществляющаго собою важное для нея личное начало. Согласно тому же «мнѣнію», «какъ сенатъ, такъ и всѣ прочія коллегіи, по обыкновенному до сего времени учрежденію и подчиненію въ совершенномъ такомъ дѣйствіи и власти, оставлены быть имѣютъ»... Оставляя неизмѣнной компетенцію старыхъ учрежденій въ предѣлахъ веденія и рѣшенія текущихъ дѣлъ ихъ круга вѣдомства, верховный тайный совѣтъ, однако, высказался въ пользу того, чтобы «каждому (изъ его членовъ) какой департаментъ или повытье дано было, о чемъ онъ предложеніе чинить имѣетъ, дабы прежде довольно обсудить: 1) потребно ли оное дѣло; 2) какъ оное лучше дѣлать, и въ томъ опредѣленіи учинить, дабы толь легче Ея Императорское Величество всемилостивѣйшую свою резолюцію принять и учинить могла». Раздѣленіе совѣта на департаменты, во главѣ съ отдѣльными членами-министрами, ставитъ каждаго изъ послѣднихъ въ положеніе не только докладчика по извѣстному роду дѣлъ, но и отвѣтственнаго руководителя цѣлаго вѣдомства. Такой проектъ, вѣроятно, былъ навѣянъ сознаніемъ неудобствъ, вытекающихъ для администраціи изъ

примѣненія къ ней мало гибкаго коллегіальнаго начала, и желаніемъ утвердить рѣшающее значеніе въ этой области, по крайней мѣрѣ, на высшей ступени ея, за единоличною властью. Такъ какъ «мнѣніе» въ этомъ пунктѣ (5), за неразработанностью вопроса, не получило санкціи Екатерины I, а совѣтъ, захваченный политическими стремленіями, не удосужился разъяснить его, какъ слѣдуетъ, то, хотя на практикѣ веденіе дѣлъ въ совѣтѣ само собою и распредѣлялось между отдѣльными членами, строгаго и неуклоннаго раздѣленія по внутреннимъ признакамъ въ немъ все-таки не существовало и, въ зависимости отъ перемѣнъ въ личномъ составѣ, внутри совѣта происходило постоянное перераспредѣленіе ролей по управленію отдѣльными вѣдомствами. Если бы тенденція связать коллегіи черезъ своихъ президентовъ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ получила въ немъ исключительное развитіе, то онъ, дѣйствительно, превратился бы, какъ указано выше, въ прообразъ комитета министровъ, призванный объединять и направлять одну правительственную дѣятельность. Разсмотримъ теперь вкратцѣ обѣ стороны поведенія совѣта, каждую въ отдѣльности.

Дѣятельность совѣта, въ роли нѣкотораго подобія комитета министровъ, поражаетъ своимъ разнообразіемъ и непосредственнымъ отношеніемъ къ практическимъ задачамъ управленія. Она сосредоточивалась на финансовыхъ, военныхъ и торгово-промышленныхъ вопросахъ, составлявшихъ, какъ извѣстно, главный кругъ правительственныхъ заботъ въ эпоху абсолютизма на этой стадіи его развитія. Перечислять относящіяся сюда отдѣльныя поощрительныя и ограничительныя распоряженія, для иллюстраціи этого положенія, я не буду, такъ какъ уже при обзорѣ законодательной дѣятельности совѣта было удѣлено достаточно вниманія тѣмъ же предметамъ. Для полноты характеристики надо только отмѣтить широкое, вопреки торжественному заявленію «мнѣнія», вмѣшательство совѣта во всѣ частности и мелочи текущей административной практики. Эта особенность въ дѣятельности совѣта обусловливалась не однимъ желаніемъ проявленія своего политическаго всемогущества, но и усвоеніемъ имъ теоріи полицейскаго государства, которая, вѣроятно, имѣла среди членовъ совѣта, иностранныхъ

и русскихъ, нѣкоторыхъ сознательныхъ приверженцевъ, какъ, напримѣръ, Дм. Голицына и Остермана. Преданные этой теоріи правители интересовались всѣми дѣлами, не различая между важными и неважными. Такъ, въ журналахъ совѣта мы находимъ указанія на то, что его члены разсуждали: о прибавкѣ лошадей въ станы при проѣздѣ государя изъ Петербурга въ Москву; о починкѣ въ Москвѣ конюшенныхъ дворовъ и о покупкѣ лошадей; о прикрѣпленіи скамейки къ кресламъ Ея Императорскаго Величества въ залѣ засѣданій совѣта и обивкѣ ея такимъ же бархатомъ, какъ и кресла; о выдачѣ кормовыхъ, по гривнѣ въ день, нѣкоему колоднику, Протопопову, посланному ради смотрѣнія и находу кладу въ Курскъ, а потомъ рудъ въ Сибири; о дѣланіи монеты новымъ штемпелемъ; объ отпускѣ средствъ на новую кровлю для Вознесенскаго монастыря и т. д. Всѣ дѣла, подобныя перечисленнымъ, могли быть, конечно, предоставлены разрѣшенію подчиненныхъ учрежденій безъ ущерба для государства, а вторженіе совѣта въ компетенцію другихъ вѣдомствъ только мѣшало наладиться какъ слѣдуетъ правильному соотношенію правительственныхъ органовъ.

Наоборотъ, очень важныя и отвѣтственныя функціи, непосредственно относящіяся къ области верховнаго управленія, бралъ на себя совѣтъ, когда присвоилъ себѣ право назначенія на высшія государственныя должности, а равно и увольненія съ нихъ, производства въ генеральскіе чины, военные и гражданскіе, пожалованія орденами, имѣніями и прочими служебными наградами и отличіями. Я выше указалъ, какъ это право развилось изъ простой рекомендаціи достойныхъ кандидатовъ въ прямое осуществленіе самой прерогативы. Такъ, въ журналѣ 11 марта 1726 года читаемъ, что послѣдовало представленіе «о назначенныхъ въ сенатъ прибавочныхъ трехъ человѣкахъ и о опредѣленіи въ мануфактуръ-коллегію прокурора Бибикова вице-президентомъ». Подъ 23 марта отмѣчается резолюція императрицы, назначившей изъ трехъ представленныхъ кандидатовъ въ сенаторы только двухъ, а Бибикова утвердившей въ должности вице-президента мануфактуръ-коллегіи. Были при императрицѣ Екатеринѣ I, хотя рѣдко, случаи объявленія

совѣту о состоявшемся уже назначеніи безъ его вѣдома, именнымъ указомъ, какъ, напримѣръ, съ новымъ рижскимъ губернаторомъ Чернышевымъ. Болѣе упрощенную процедуру мы наблюдаемъ при малолѣтнемъ Петрѣ II: въ журналѣ 14 мая 1727 г. говорится, что «было положено при общемъ собраніи разсуждать», между прочимъ, «о прибавкѣ въ сенатъ членовъ по росписи», а противъ этого указанія помѣчено и готовое рѣшеніе: «быть по росписи всѣмъ и доложить о томъ Ея Императорскому Величеству». Поэтому, когда генералъ-фельдмаршалу кн. М. М. Голицыну, командовавшему украинской арміей, было сообщено, что на Царицынской линіи главнымъ командиромъ назначается генералъ-лейтенантъ Чекинъ, а на его прежнее мѣсто переводится кн. Шаховской, то «его сіятельство» только «сказалъ, что въ томъ воля ихъ, господъ министровъ». Въ засѣданіи 12 іюня 1728 г. по аттестаціи, сдѣланной генералъ-фельдмаршаломъ кн. В. Вл. Долгорукимъ генералъ-лейтенанту Левашеву, было рѣшено: «послать къ нему кавалерію св. Александра и сверхъ того дать деревень дворовъ триста». Не малочисленны также примѣры выдачи жалованныхъ грамотъ на недвижимости и возвращеніе конфискованныхъ имѣній прежнимъ владѣльцамъ, на основаніи челобитныхъ или по собственному почину совѣта, и не по именнымъ, а совѣтскимъ указамъ, особенно при Петрѣ II. Такъ, канцлеръ гр. Головкинъ подалъ челобитную «о дачѣ ему данной на пожалованный ему островъ Каменный»; «повелѣно данную ту ему дать и о томъ написать указъ»; или совѣтъ, приводя въ исполненіе свое вышеприведенное постановленіе о награжденіи генералъ-лейтенанта Левашева, рѣшаетъ «Левашеву изъ Меншикова деревень пріискать до 200 дворовъ»; или, наконецъ, «Генингу деревню его, которая отдана Колтовскому, отдать ему».

Совѣтъ обезпечилъ себѣ также широкое вліяніе на ходъ правосудія въ государствѣ. Впрочемъ, и въ этой сферѣ дѣятельности, какъ и въ другихъ, совѣтъ соединялъ въ себѣ функціи, дѣйствительно приличествовавшія, въ извѣстныхъ условіяхъ, ему, какъ учрежденію, съ дѣйствіями, вытекавшими изъ его политическихъ притязаній. Онъ отправлялъ заодно обязанности, лежащія обыкновенно на высшемъ судеб-

номъ трибуналѣ, съ правами юрисдикціоннаго характера, которыя всегда и вездѣ составляютъ исключительную прерогативу носителя верховной власти, какъ высшаго блюстителя правды и справедливости въ странѣ. При этомъ совѣтъ опять не пытался сразу вполнѣ точно и всесторонне установить, на что, въ какой мѣрѣ и когда должно было простираться его властвованіе въ области правосудія, пользуясь обстоятельствами для того, чтобы широко раздвинуть рамки своей дѣятельности.

Въ «мнѣніи не въ указъ» совѣтъ выступаетъ, какъ высшая апелляціонная инстанція, устанавливая, что жалобы на сенатъ и первыя три государственныя, а, слѣдовательно надо полагать, на всѣ остальныя коллегіи, должны подаваться императрицѣ и совѣту, «къ вящшему разсмотрѣнію и разсужденію» о нихъ въ послѣднемъ. На этомъ совѣтъ, однако, не остановился въ своемъ самоопредѣленіи въ области отправленія функцій судебной власти. Такъ, совѣту принадлежало еще право ревизіи и утвержденія приговоровъ разныхъ учрежденій по такъ называемымъ политическимъ дѣламъ и другимъ тяжкимъ преступленіямъ, влекущимъ за собою смертную казнь или политическую смерть. Указомъ 8 ок. 1726 г. повелѣвалось «о винахъ» присужденныхъ къ такимъ наказаніямъ, «не чиня экзекуціи, подавать къ докладу Ея Императорскому Величеству въ верховный тайный совѣтъ краткіе экстракты». Въ слѣдующее царствованіе совѣтъ облегчаетъ себѣ трудъ, установивъ, что «о преступникахъ, которые являться будутъ не въ важныхъ дѣлахъ, чинить рѣшеніе по указамъ сената; а о важныхъ со мнѣніемъ докладывать» совѣту (5 января 1728 г.). Подъ дѣлами важными разумѣлись дѣла о такъ называемыхъ трехъ пунктахъ, «т.-е. первое, ежели кто за кѣмъ злое умышленіе на здоровье Ея Императорскаго Величества, второе объ измѣнѣ, третье о возмущеніи или бунтѣ». Много вниманія удѣлять этого рода дѣламъ пришлось совѣту лишь послѣ уничтоженія Преображенской канцеляріи, послѣдовавшаго указомъ 4 апрѣля 1729 г., когда онъ въ указанныхъ случаяхъ являлся первою и единственною инстанціею, исполняя обязанности какъ слѣдователя, такъ и судьи. По «неважнымъ» дѣламъ политическаго характера совѣтъ со-

строя, сдѣлавшая изъ него продолжателя и завершителя петровской реформы, какъ было выяснено, шла мимо тѣхъ крупныхъ проблемъ, которыя достались ему въ наслѣдство отъ названной реформы.

Укажемъ теперь, когда настала пора подвести итоги историческому поприщу верховнаго совѣта, лишь на тѣ причины, которыя ему помѣшали стать могучимъ рычагомъ по цѣлесообразному устроенію государственнаго механизма и свели все его значеніе къ роли ранняго показателя послѣдующаго рѣшенія относящихся сюда, основныхъ вопросовъ въ двухъ возможныхъ направленіяхъ въ началѣ XIX и XX вв. Среди этихъ причинъ на первое мѣсто надо поставить, какъ указывалось выше, двойственность положенія совѣта, съ яркимъ преобладаніемъ въ немъ тенденцій къ верховному господству въ странѣ и политическому руководительству ею надъ стремленіемъ къ органической работѣ вообще. Далѣе, совѣту пришлось дѣйствовать въ эпоху общей стихійной реакціи противъ реформы Петра Великаго, начавшейся еще при его жизни и сильной въ самомъ императорѣ; къ тому же реформы достались совѣту въ незаконченномъ видѣ, на распутьи между возвращеніемъ къ старинѣ и продолженіемъ избраннаго пути къ новымъ формамъ административнаго устройства. Въ моментъ своего зарожденія совѣтъ еще не вникъ въ свою государственную роль; когда же сознаніе послѣдней въ немъ, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ кн. Д. М. Голицына, пробудилось, было уже поздно, такъ какъ оборвалось самое его существованіе. Наконецъ, эта кратковременность существованія учрежденія, длившагося всего четыре года, отъ 8 февраля 1726 г. до 4 марта 1730 г., и внезапность его прекращенія, при отсутствіи вдобавокъ какихъ бы то ни было твердыхъ правовыхъ устоевъ государственной жизни въ Россіи XVIII в., тоже не могли благопріятствовать успѣшному въ творческомъ отношеніи правленію совѣта.

Итакъ, въ теченіе своего четырехлѣтняго существованія верховный тайный совѣтъ постепенно развилъ свое значеніе до предѣловъ дѣйствительнаго господства надъ всѣми дѣйствовавшими въ имперіи учрежденіями, по характеру своихъ отношеній къ самой императорской власти, быстро, по-

видимому, приближаясь къ олигархическому образу правленія. Въ моментъ смерти Петра II совѣтъ, наконецъ, готовился сдѣлать рѣшительный шагъ въ сторону кореннаго измѣненія государственнаго строя, путемъ «раздѣленія власти» между народомъ, т.-е. организованными извѣстнымъ образомъ правящими общественными слоями, и монархомъ, предварительно укрѣпивъ за собою юридически доминирующую позицію, которая фактически исподволь давно перешла въ его руки. Но «кондиціи», подписанныя Анной Іоанновной 28 января, были «разодраны» уже 25 февраля, императрица восприняла самодержавіе, а верховный тайный совѣтъ «отставленъ» и «для правленія вновь опредѣленъ правительствующій сенатъ». Однако, блестящій составъ и господствующая роль только что возстановленнаго сената быстро измѣняются. Наиболѣе выдающіеся сенаторы изъ бывшихъ членовъ прежняго совѣта, какъ оба Голицыныхъ и Долгорукихъ, вслѣдствіе естественныхъ враждебныхъ отношеній новаго правительства къ этимъ двумъ фамиліямъ, съ одной стороны, и Ягужинскій — въ силу личныхъ счетовъ съ Остерманомъ, съ другой, постепенно, добровольно или вынужденно, удаляются, а надъ сенатомъ, по указу 6 ноября 1731 г., становится новое учрежденіе — кабинетъ министровъ Его Императорскаго Величества, въ который были введены на первыхъ же порахъ Остерманъ, Головкинъ и Черкасскій. Если назначеніе вышеназванныхъ главныхъ руководителей и пособниковъ едва пріостановленнаго конституціоннаго переворота въ реформированный сенатъ должно разсматривать только какъ временную мѣру, которая должна была дать возможность торжествующимъ побѣдителямъ собраться съ силами, то столь быстро послѣдовавшая за этимъ окончательная расправа съ ними не представляетъ собою ничего удивительнаго и непонятнаго. Замѣна ихъ у кормила правленія опредѣленными лицами тоже никакихъ неясностей не порождаетъ, обрисовывая въ точности картину личныхъ отношеній, существовавшихъ въ тотъ моментъ при русскомъ дворѣ, и характеръ происходившей тогда на этой почвѣ борьбы за власть. Наоборотъ, безусловныхъ разъясненій требуетъ вопросъ, почему столь рекламированный сенатъ не удержался на предназначенной высотѣ, и вслѣд-

ствіе какихъ причинъ, на ряду съ его быстро послѣдовавшимъ вторичнымъ упадкомъ, образуется опять новое учрежденіе подъ названіемъ кабинета министровъ. По этому поводу надо сказать, что самое возвеличеніе сената было простымъ недоразумѣніемъ, такъ какъ практика правленія вскорѣ обнаружила несовмѣстимость режима фаворитовъ съ существованіемъ сильнаго своимъ личнымъ составомъ сената, который неминуемо долженъ былъ приступить къ реальному осуществленію своего правительственнаго значенія. Обезсиленный удаленіемъ однихъ и выдѣленіемъ въ новое учрежденіе другихъ своихъ видныхъ членовъ, сенатъ сталъ въ новое царствованіе пополняться, главнымъ образомъ, выслужившимися чиновниками, присутствіе которыхъ придавало сенату чисто-дѣловой характеръ. Кромѣ того, тѣ нужды государственнаго управленія и тѣ обстоятельства соціально-политической жизни, которыя привели въ свое время къ созданію верховнаго тайнаго совѣта, съ упраздненіемъ его болѣе не соединяются въ одномъ теченіи.

Первоначально «тайно содержимый» въ неоформленномъ видѣ, въ качествѣ личнаго секретаріата императрицы, кабинетъ министровъ, только по истеченіи болѣе полутора лѣтъ съ момента возникновенія, превращается въ офиціальное и постоянное государственное учрежденіе (ук. 18 ок. и 6 ноября 1731 г.). Въ составъ его первоначально вошли кн. Черкасскій, гр. Головкинъ и Остерманъ; послѣдній считался иниціаторомъ новаго учрежденія и долгое время былъ его дѣйствительнымъ руководителемъ. Указомъ 18 октября 1731 г., объявленнымъ только самимъ кабинетъ-министрамъ и сенату, опредѣлялись цѣль основанія новаго учрежденія и функціи его членовъ. Кабинетъ въ цѣломъ основывался «для порядочнаго отправленія всѣхъ государственныхъ дѣлъ, которыя къ собственному нашему, т.-е. императрицы, опредѣленію подлежатъ», министры же назначались въ кабинетъ, чтобы «обо всѣхъ дѣлахъ и обо всемъ прочемъ, что къ нашимъ интересамъ и пользѣ государства и подданныхъ нашихъ касатися можетъ, обстоятельно доносить и состоявшіяся наши резолюціи потому порядочно отправлять могли». Для выполненія поставленной задачи, въ теченіе слѣдую-

щихъ 24 лѣтъ, всѣ учрежденія, не исключая сената и синода, рядомъ указовъ, начиная съ указа 30 декабря 1731 г., обязывались представлять въ кабинетъ ежемѣсячные рапорты и реестры по движенію подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ. Полученныя свѣдѣнія являлись предметомъ сперва обсужденія въ самомъ кабинетѣ, а затѣмъ докладовъ императрицѣ, изъявленная же ею воля кабинетомъ доводилась до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, въ формѣ именныхъ указовъ, высочайшихъ повелѣній и собственноручныхъ резолюцій, предварительно изготовленныхъ въ самомъ кабинетѣ на основаніи предшествующихъ докладовъ. Если теперь сравнить кабинетъ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, то надо сказать, что между обоими учрежденіями и по идеѣ, и въ отношеніи условій ихъ возникновенія лежала громадная пропасть: съ появленіемъ кабинета, въ отличіе отъ его предшественника, не связаны были никакія групповыя вожделѣнія, около него не зарождались никакія политическія честолюбія, не сосредоточивались никакіе классовые инстинкты: онъ былъ дѣйствительно задуманъ только какъ лично довѣренный совѣтъ бывшей герцогини курляндской, неожиданно и при необычайныхъ условіяхъ вступившей на всероссійскій престолъ.

Исторію кабинета можно раздѣлить на три періода, изъ коихъ первые два приходятся на царствованіе Анны, а третій обнимаетъ время съ ея кончины до уничтоженія самаго кабинета при воцареніи Елизаветы; первые два періода, длившіеся каждый около пяти лѣтъ, отдѣлены другъ отъ друга указомъ 9 іюля 1735 г., расширившимъ полномочія кабинета до размѣровъ, существенно измѣнившихъ его внутренній обликъ.

Въ первую половину царствованія Анны кабинетъ выполнялъ три возложенныя на него функціи, не выходя изъ своей чисто-совѣщательной роли. Онъ довольно успѣшно служитъ цѣли выдѣленія верховнаго управленія изъ подчиненнаго, объединяетъ дѣятельность правительства и упорядочиваетъ законодательную процедуру. Хотя кабинетъ широко и сильно вліяетъ на всѣ стороны государственной жизни, онъ все-таки почти не измѣняетъ юридическихъ основаній другихъ учрежденій, въ томъ числѣ и сената, и факти-

чески не покушается на верховныя права императрицы. Такъ, сенатъ сохраняетъ право непосредственныхъ сношеній съ короной, прерванныхъ въ періодъ существованія верховнаго тайнаго совѣта: кабинетъ разсматриваетъ всѣ сенатскіе доклады, но поступаютъ они на имя императрицы и ею самою ставятся на нихъ тѣ или другія резолюціи. Но въ виду того, что сенату приходилось, въ силу возложенныхъ на кабинетъ обязанностей, «постоянно то исполнять тѣ или иныя порученія кабинета по доставленію разнаго рода справокъ и свѣдѣній, то отправлять, по приказамъ кабинета, указы, то объяснять, нерѣдко путемъ всеподданнѣйшихъ доношеній, причины медленности своего дѣлопроизводства» (А. Филипповъ), то, наоборотъ, требовать изъ кабинета разъясненія въ сомнительныхъ случаяхъ,—установившіяся на практикѣ отношенія между обоими учрежденіями ставили сенатъ въ подчиненное къ кабинету положеніе, отдавали и его подъ контроль и руководство кабинета. Точно такъ же, говоря словами А. Филиппова, «доминирующими законодательными и административными актами попрежнему являются именные указы, высочайше утвержденные доклады сената, а равно и указы самого сената», а съ примѣрами указной дѣятельности самого кабинета мы встрѣчаемся какъ съ довольно рѣдкими и даже единичными явленіями. Тѣмъ не менѣе, подавляющее большинство именныхъ указовъ и высочайшихъ повелѣній, не нося никакихъ внѣшнихъ слѣдовъ своего прохожденія черезъ кабинетъ, поскольку можно судить по архивнымъ описямъ этихъ актовъ, уже въ первые годы его дѣятельности фактически проходило черезъ него, почему на всѣхъ этихъ актахъ, т.-е. не только докладахъ сената, но и указахъ императрицы сказалось положительное вліяніе кабинета.

9 іюня 1735 г. послѣдовалъ знаменитый указъ, которымъ повелѣвалось «никакихъ нашихъ словесныхъ именныхъ указовъ, кромѣ тѣхъ, которые за подписаніемъ собственныя наши руки, или за руками всѣхъ трехъ нашихъ кабинетныхъ министровъ будутъ, не принимать и въ дѣйство не производить». Историкъ кабинета министровъ А. Филипповъ придаетъ этому указу столь важное значеніе, что датируетъ именно съ его появленія новый, второй періодъ въ жизни

названнаго учрежденія. Подобнаго рода оцѣнка вѣрна не только въ томъ случаѣ, если разсматривать данный указъ въ отношеніи юридической эволюціи самого кабинета, но и тогда, если взвѣшивать его отрицательное историческое значеніе для благополучнаго разрѣшенія задачи правильнаго устройства государственнаго управленія, и притомъ, съ точки зрѣнія важности таковаго для устойчивости правовой жизни во всей странѣ. Для того, чтобы пресѣчь или, вѣрнѣе, — судя по достигнутымъ скромнымъ результатамъ, — только ограничить злоупотребленіе словесными именными указами, потребовалось ни болѣе ни менѣе какъ формально уравнять волеизъявленія государыни и распоряженія кабинета, нарушая этимъ, подобно тому, какъ это было съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, права верховной власти. Если съ этимъ возвышеніемъ авторитета кабинета сопоставить содержаніе его компетенціи, обнимающей, какъ извѣстно, все, что относилось къ области непосредственной дѣятельности верховной власти, то нельзя не согласиться, что указомъ 9 іюня теоретически опять вносилось въ русскую политическую жизнь опасное начало двоевластія, соперничество двухъ равныхъ въ своихъ правахъ факторовъ: монарха, съ одной стороны, и на этотъ разъ бюрократической олигархіи — съ другой. Указъ совершенно не оговаривалъ, какія дѣла должны были восходить на утвержденіе императрицы, и для какихъ, наоборотъ, послѣдней инстанціей являлся кабинетъ, отдавая этотъ фундаментальный вопросъ на усмотрѣніе послѣдняго. Строя свои заключенія на актахъ кабинетскаго дѣлопроизводства, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, А. Филипповъ полагаетъ, что подпись императрицы ставилась лишь на важнѣйшихъ актахъ кабинета, контрассигнируемыхъ министрами; въ остальныхъ случаяхъ довольно было одной подписи послѣднихъ. Но перенесеніе на кабинетъ правъ самой верховной власти предшествовало установленію законодательнымъ путемъ, въ развитіе указа отъ 30 декабря 1731 г., ясныхъ отношеній между нимъ и органами подчиненнаго управленія, согласно новому положенію вещей. Только къ концу тридцатыхъ годовъ было юридически выяснено и укрѣплено положеніе кабинета снизу, признано за нимъ, какъ право, то вліяніе, которое онъ

силою вещей оказывалъ на государственное управленіе съ момента своего возникновенія, и на почвѣ закона опредѣлены его взаимоотношенія съ другими правительственными учрежденіями. Именно въ декабрѣ 1738 г. «Ея Императорское Величество изустно (черезъ министра А. П. Волынскаго) приказать изволила: ...всѣ поданныя доношенія и сообщенія изъ сената и изъ коллегій, и канцелярій, и конторъ, и комиссій, и изъ другихъ мѣстъ, разсматривать гг. кабинетъ-министрамъ и безъ всякаго продолженія; и по которымъ резолюціи потребны къ подписанію Ея Императорскаго Величества, оныя всѣмъ имъ, гг. кабинетъ-министрамъ, аппробовавъ, самимъ контрассигнировать такъ, какъ патенты, и потомъ Ея Императорскому Величеству докладывать и къ подписанію подносить». Свою чрезвычайную власть кабинетъ, если принять характеристику, сдѣланную его дѣятельности тѣмъ же Волынскимъ, использовалъ книзу, просто въ цѣляхъ механическаго стягиванія къ себѣ всѣхъ дѣлъ управленія и ихъ канцелярскаго разрѣшенія, подрывая работоспособность органовъ администраціи. «Мы, министры, — говоритъ названный свидѣтель, — хотимъ всю вѣрность на себя принять и будто мы одни дѣла дѣлаемъ и вѣрно служимъ. Напрасно намъ о себѣ такъ много думать: есть много вѣрныхъ рабовъ, а мы только что пишемъ и въ конфиденціи приводимъ, тѣмъ ревность и другихъ пресѣкнемъ, и натащили мы на себя много дѣлъ и не надлежащихъ намъ, а что дѣлать — и сами не знаемъ». А. Филипповъ, видимо, не соглашается съ приведенной характеристикой современника, находя, что «всегда разсматривать подробно и обстоятельно всѣ стекавшіяся въ канцеляріи разнообразныя дѣла, а затѣмъ давать по всѣмъ этимъ дѣламъ мотивированныя мнѣнія и рѣшенія, не было у кабинета ни времени, ни нужды»... «Кабинетъ, по его мнѣнію, слагалъ съ себя лишь тяжесть подготовительныхъ работъ, перелагая ее особенно на сенатъ, въ качествѣ центральнаго органа управленія, и оставлялъ за собою общее руководительство дѣлами, направляя ихъ по-своему и наблюдая за быстрымъ по возможности ихъ разрѣшеніемъ».

Третій періодъ въ жизни кабинета, обнимающій царствованіе Ивана Антоновича, не ознаменованъ никакими сколько-

нибудь замѣтными измѣненіями въ устройствѣ и компетенціи его: онъ является временемъ обнаруженія внутренняго безсилія и явнаго упадка этого учрежденія. Кабинетъ стремится теперь опереться не на одинъ собственный авторитетъ, источникъ котораго пресѣкся, а ищетъ себѣ подкрѣпленіе уже на сторонѣ, въ содѣйствіи другихъ учрежденій и лицъ. Важные акты, какъ манифестъ о кончинѣ Анны Ивановны, появляются «за подписаніемъ всего министерства и генералитета», титулъ регента утверждается за Бирономъ «собраніемъ кабинетъ-министровъ, св. синода, правительствующаго сената, генералъ-фельдмаршаловъ и прочаго генералитета». Въ регентство Анны Леопольдовны охарактеризованныя условія для кабинета не измѣнились. Сыгравъ при установленіи новаго режима вполнѣ пассивную роль, онъ воочію доказалъ свою слабость какъ государственная сила.

Во вторую половину царствованія Анны происходятъ также важныя перемѣны въ личномъ составѣ кабинета. Съ цѣлью создать противовѣсъ угрожающему вліянію Остермана, при незначительности третьяго члена, кн. Черкасскаго, по настоянію Бирона, еще въ началѣ 1735 г., послѣ смерти канцлера Головкина, на мѣсто послѣдняго въ кабинетъ вводится сильный характеромъ и знаніемъ дѣла, дважды бывшій генералъ-прокуроромъ, Ягужинскій. Когда умираетъ послѣдній, кабинетъ-министромъ на открывшуюся вакансію назначается А. П. Волынскій, обнаруживающій, однако, самостоятельность и честолюбіе, превысившія всѣ расчеты временщика: онъ вступаетъ въ борьбу не только съ Остерманомъ за вліяніе въ кабинетѣ, но и съ самимъ Бирономъ за фаворъ при дворѣ. Замѣстителемъ Волынскаго, казненнаго въ 1740 г. на основаніи хитро подведенной подъ него интриги, сталъ теперь извѣстный дѣятель слѣдующихъ двухъ царствованій, заклятый врагъ Остермана, А. П. Бестужевъ-Рюминъ. Въ кратковременное царствованіе младенца-императора Ивана Антоновича, послѣ сверженія Бирона и установленія регентства Анны Леопольдовны, креатура бывшаго фаворита, Бестужевъ-Рюминъ, выбываетъ изъ кабинета, и президентомъ его, со званіемъ перваго министра, становится гр. Минихъ. Утомленный непрерывной борьбой съ Остерманомъ за факти-

ческое преобладаніе, Минихъ, однако, очень скоро покидаетъ государственную службу. Душою и неоспоримымъ руководителемъ кабинета, при двухъ незначительныхъ членахъ его, старомъ князѣ Черкасскомъ и сынѣ бывшаго канцлера, гр. Головкинѣ, до начала новаго царствованія и уничтоженія самого учрежденія остается творецъ его, Остерманъ. Въ какой связи находятся описанныя перемѣны въ личномъ составѣ кабинета съ извѣстными намъ измѣненіями въ его положеніи, какъ учрежденія, въ первые два періода его существованія, пока не выяснено; въ третій періодъ не столько личныя отношенія внутри кабинета, сколько дворцовыя событія, происходящія внѣ его самого, повліяли, и притомъ рѣшающимъ образомъ, на судьбу кабинета.

Дѣлая сводку всего вышеизложеннаго, надо констатировать прежде всего тотъ фактъ, что кабинетъ, въ противоположность своему предшественнику, верховному тайному совѣту, и, не взирая на свое дѣйствительно высокое положеніе, въ теченіе своего десятилѣтняго существованія не дѣлалъ серьезныхъ попытокъ къ захвату политической власти въ странѣ. Одна изъ причинъ, почему кабинетъ не проявлялъ никакихъ политическихъ тенденцій, заключалась въ томъ, что между нимъ и императрицею Анной Ивановной стоялъ фаворитъ Биронъ, который по своему личному ничтожеству дѣлалъ излишнимъ противоположеніе себѣ могущественнаго учрежденія, тогда какъ Екатерина I должна была сознательно возвышать верховный тайный совѣтъ, ища въ немъ опору противъ чрезмѣрнаго честолюбія и силы временщика Меншикова. Другая причина аполитичности кабинета кроется въ немъ самомъ, въ стремленіяхъ и интересахъ, прямымъ выраженіемъ которыхъ онъ являлся. Въ расчеты ни гр. А. И. Остермана, ни выдвинувшей его или созданной имъ нѣмецкой придворной партіи не могло входить ограниченіе власти государыни въ пользу кабинета. Вліяніе и сила Остермана и стоявшихъ за нимъ круговъ общества покоились исключительно на личномъ расположеніи къ нимъ императрицы, съ одной стороны, и ея собственномъ значеніи — съ другой. Поэтому кабинетъ не заслонялъ собою фигуры императрицы передъ народомъ, а наоборотъ, свои дѣйствія старался прикрывать ея авторите-

томъ, совершалъ ихъ ея именемъ. Отдѣльные члены кабинета, не только Остерманъ, но и, напримѣръ, Волынскій играли очень важную политическую роль, но они не пытались сообщить и въ дѣйствительности не передавали ея самому кабинету, какъ учрежденію: все строилось на личныхъ отношеніяхъ между императрицею и отдѣльными министрами. Кабинетъ не расшатывалъ, а укрѣплялъ идею абсолютизма. Но, оставаясь въ рамкахъ существующаго политическаго строя, кабинетъ, въ качествѣ организованнаго начала, при наличности извѣстныхъ условій, могъ бы, конечно, проявить инціативу въ смыслѣ упорядоченія правительственнаго механизма путемъ выдѣленія верховнаго управленія изъ подчиненнаго, точнаго раздѣленія основныхъ функцій законодательства, администраціи, суда и надзора, и строгаго отграниченія другъ отъ друга вѣдающихъ эти области государственныхъ учрежденій. На самомъ дѣлѣ кабинетъ не выказалъ никакихъ творческихъ способностей и никакого новаторскаго рвенія, никогда не подымаясь изъ среды обыденныхъ текущихъ дѣлъ до высоты принципіальныхъ вопросовъ: онъ только правилъ и совсѣмъ не законодательствовалъ, далеко отставъ и въ этомъ отношеніи отъ верховнаго тайнаго совѣта. Остается еще рѣшить вопросъ, какъ проявилъ себя кабинетъ въ сферѣ текущихъ дѣлъ, изъ которой онъ не могъ выйти по обстоятельствамъ времени. По словамъ А. Филиппова, «при кабинетѣ никакой ломки учрежденій не происходитъ, всѣ остаются при своихъ должностяхъ, т.-е. уставахъ, правятъ дѣлами на прежнихъ основаніяхъ». Что же касается вмѣшательства кабинета, въ цѣляхъ объединенія правительственной дѣятельности, въ отправленія другихъ вѣдомствъ, то въ оцѣнкѣ значенія и этой стороны поведенія кабинета ближайшіе свидѣтели его расходятся, какъ мы видѣли, съ современнымъ изслѣдователемъ, не соглашающимся съ суровымъ приговоромъ первыхъ. Можно только сказать, что, если кабинетъ не выполнялъ этой своей роли вполнѣ умѣло, то и упущенія, имъ сдѣланныя, и ихъ отрицательные результаты не были сравнительно такъ велики, какъ это представлялось недоброжелателямъ кабинета. Слѣды, которые оставилъ по себѣ кабинетъ, какъ въ дурную, такъ и въ хорошую сторону, были одинаково непрочны.

Вступивъ на престолъ 25 ноября 1741 г., императрица Елизавета Петровна указомъ отъ 12 декабря того же года опредѣлила «кабинетъ, бывшій до сего времени, отставить, а правительствующему сенату имѣть прежде бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго рода дѣлъ на основаніи, учиненномъ отъ Петра Великаго, указомъ, обрѣтающимся и нынѣ въ сенатѣ». Мотивировалась необходимость данной реформы тѣмъ, что «порядокъ въ дѣлахъ правленія государственнаго внутреннихъ отмѣненъ во всемъ отъ того, какъ было при отцѣ и при матери нашей, происком нѣкоторыхъ»... измѣненъ сперва «вновь изобрѣтеннымъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ въ другой годъ владѣнія Екатерины I», а затѣмъ вторично нарушенъ «сочиненіемъ кабинета... въ другой годъ владѣнія Анны Ивановны». Такъ какъ послѣднее учрежденіе было «въ равной силѣ, какъ верховный тайный совѣтъ, и только имя перемѣнено», то и на этотъ разъ «многое упущеніе дѣлъ государственныхъ внутреннихъ всякаго званія, а правосудіе уже и весьма въ слабость пришло, какъ о томъ и сенатъ нашъ, подлиннымъ намъ своимъ докладомъ 3 декабря дня сего года объявилъ».

Относительно доклада, на который ссылается указъ 12 декабря, надо замѣтить, что, какъ видно изъ недавно найденнаго А. Филипповымъ подлинника его, онъ, во-первыхъ, былъ составленъ не сенатомъ, а особымъ собраніемъ, въ которое входили наличные кабинетъ-министры, генералитетъ и только нѣкоторые сенаторы, во главѣ съ генералъ-прокуроромъ, во-вторыхъ, опредѣленіе предмета занятій этого собранія принадлежитъ самой императрицѣ, повелѣвшей собранію еще наканунѣ его созыва, 2 декабря, имѣть разсужденіе какъ о сенатѣ, такъ и о кабинетѣ, и какому впредь правительству быть, и «о томъ о всемъ, разсмотря прежнія положенія, подать всеподданнѣйшее мнѣніе». Изъ журнальной же записи вышеозначеннаго собранія мы узнаемъ, что и содержаніе доклада было уже предрѣшено императрицей и объявлено собранію чрезъ генералъ-прокурора словеснымъ указомъ передъ открытіемъ засѣданія. На разрѣшеніе собранія ставились два вопроса: 1) «есть ли нужда быть впредь кабинету или нѣтъ», и 2) «не лучше ли, чтобы правитель-

ство возобновить на томъ фундаментѣ, какое оно было при жизни Петра Великаго и для того быть сенату въ такой силѣ, какъ оный въ то время былъ». При такихъ условіяхъ докладъ сената получалъ значеніе простой исторической справки въ пользу возвращенія ему утеряннаго выдающагося положенія. Вторая и третья части доклада, посвященныя критикѣ двухъ учрежденій, послѣдовательно соперничавшихъ съ петровскимъ сенатомъ, верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, проливаютъ свѣтъ и на скрытые мотивы, руководившіе причастными лицами при упраздненіи кабинета. Противъ кабинета выдвигались не одни принципіальные доводы, имѣвшіе цѣлью обрисовать его внутреннюю несостоятельность и политическую неблагонадежность. Можетъ-быть, собраніе было искренно убѣждено въ глубокомъ вредѣ, принесенномъ существованіемъ кабинета государству, или же просто давало волю накопившемуся среди его членовъ личному раздраженію. Но, во всякомъ случаѣ, сходясь съ императрицею въ желаніи его уничтоженія, оно для болѣе вѣрнаго успѣха своего намѣренія не останавливается передъ возбужденіемъ чувства личной обиды и у Елизаветы Петровны противъ обреченнаго на гибель учрежденія. Ставя оба враждебныхъ сенату учрежденія въ преемственную другъ съ другомъ связь, собраніе однимъ напоминаніемъ о «выключеніи въ свое время верховнымъ тайнымъ совѣтомъ изъ присутствія своего» Елизаветы Петровны, вопреки 4 пункту тестамента матери, направляетъ естественную злобу новой государыни также противъ мнимаго преемника совѣта, кабинета министровъ. Сближеніе представлялось тѣмъ болѣе легкимъ, что творецъ кабинета, гр. А. И. Остерманъ, былъ, какъ членъ верховнаго тайнаго совѣта, участникомъ въ умаленіи правъ двухъ царевенъ, Елизаветы и Анны Петровны. На самомъ же дѣлѣ нападки «доклада» били или черезъ цѣль, или мимо цѣли, и критерій, прилагаемый къ упраздняемому кабинету, не былъ выведенъ изъ стоящей на очереди принципіальной задачи — систематизаціи государственныхъ учрежденій и ихъ функцій. Уже отсюда можно сдѣлать заключеніе, что противники кабинета, послѣ уничтоженія его, сами не сумѣютъ разрѣшить указанной важной исторической задачи.

«Съ точки зрѣнія права,—говоритъ А. Д. Градовскій,—царствованіе Елизаветы Петровны было возможно полное возстановленіе временъ Петра со всѣми ихъ характеристическими особенностями». Наиболѣе характерной его чертой, съ указанной точки зрѣнія, является именно безраздѣльное господство сената въ управленіи, подобно тому, какъ это было въ петровскую эпоху. По словамъ названнаго ученаго, выходитъ даже, что «всякій, кто хочетъ познакомиться съ этимъ учрежденіемъ, каково оно должно быть по идеямъ Петра, долженъ обратиться ко времени Елизаветы Петровны». При самомъ вступленіи послѣдней на престолъ, указомъ отъ 25 ноября 1741 г., «къ отвращенію бывшихъ до сего времени непорядковъ въ правленіи государства», опредѣлялось: «Правительствующій нашъ сенатъ да будетъ имѣть прежде бывшую свою силу и власть въ правленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ». Одновременно къ присутствованію въ сенатъ было назначено 14 лицъ. Дѣйствительно, всѣ учрежденія центральнаго правительства, включая обѣ воинскія коллегіи, какъ и синодъ, не говоря объ органахъ мѣстной администраціи, вновь подчинялись сенату. Въ теченіе всего царствованія Елизаветы сенатъ держалъ всѣ части, по крайней мѣрѣ, гражданскаго управленія, подъ строгимъ и дѣйствительнымъ контролемъ, прибѣгая иногда прямо къ диктаторскимъ мѣрамъ. Но правленіе сената характеризуется А. Д. Градовскимъ еще иначе—какъ «управленіе важнѣйшихъ сановниковъ, собранныхъ въ сенатѣ». Изъ всѣхъ сановниковъ, имѣвшихъ мѣсто въ сенатѣ, особенно выигралъ руководитель его, генералъ-прокуроръ: ростъ сената сообщилъ и ему исключительное значеніе. Вслѣдствіе этого отъ возможности, по мнѣнію А. Градовскаго, образованія министерствъ, т.-е. самостоятельныхъ учрежденій съ особымъ кругомъ вѣдомства подъ руководствомъ и за отвѣтственностью единоличнаго главы, «Россія при Елизаветѣ Петровнѣ повернула назадъ къ петровскому сенату, основанному на системѣ порученій, которою держалась старая русская администрація,... и тѣсно связанному съ верховною властью лицомъ генералъ-прокурора». Ограничивалъ сенатъ также компетенцію судебныхъ мѣстъ, не разрѣшивъ приводить въ исполненіе приговоровъ, которые влекли за

собою для преступниковъ смертную казнь или политическую смерть, безъ сенатскаго указа, вслѣдствіе чего всѣ сколько-нибудь важныя уголовныя дѣла должны были поступать на ревизію сената. Признаковъ указно-законодательной дѣятельности внѣ сената мы тоже не наблюдаемъ. Но и законодательство, сосредоточенное въ сенатѣ, поднимается только въ вопросахъ гражданскаго общежитія на высоту принципіальныхъ рѣшеній, напримѣръ, въ уголовномъ судопроизводствѣ, въ области котораго пресловутымъ указомъ 1754 г., не ставшимъ, однако, какъ говоритъ А. Градовскій, никогда «органическимъ закономъ», была отмѣнена смертная казнь. Въ дѣлахъ правительственныхъ, наоборотъ, организаціонно-нормативная дѣятельность сената носитъ казусный характеръ. Нельзя сказать, что сенатъ относился совершенно безучастно къ новымъ потребностямъ развивающагося государства. Когда возникалъ новый вопросъ въ управленіи (напр., о размежеваніи государства), сенатъ образовывалъ спеціальныя комиссіи для этого дѣла. Но онъ никогда не возвышался до общегосударственныхъ преобразованій, такъ что извѣстныя намъ проблемы реформы правительственной организаціи совершенно не были подвинуты впередъ елизаветинскимъ сенатомъ. Возложенную на него задачу составленія новаго уложенія онъ тоже не выполнилъ. Неуспѣхъ его въ этомъ отношеніи объясняется, конечно, не только преимущественной концентраціей его вниманія на практическихъ предметахъ текущей жизни, но и тѣмъ, что въ наличномъ законодательствѣ были крупные пробѣлы, открываемые частными случаями и, стало-быть, для систематизаціи не былъ еще готовъ самый юридическій матеріалъ.

Насколько вообще выросъ сенатъ за царствованіе Елизаветы Петровны, можно судить по отзыву о немъ Екатерины II въ «секретнѣйшемъ наставленіи» ея генералъ-прокурору кн. Вяземскому. «Сенатъ, — пишетъ она, — установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ, почти все и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ». Приведенный отзывъ свидѣтельствуетъ о томъ, что сенатъ, повторяя ошибки прежнихъ учрежденій, тоже сосредоточилъ

въ себѣ отправленіе основныхъ задачъ государственной власти, вслѣдствіе чего изслѣдователю приходится только констатировать новое отдаленіе момента ихъ технической дифференціаціи по спеціальнымъ высшимъ учрежденіямъ. Можно еще предполагать, что эта кумуляція функцій опять сопровождалась также вторженіемъ въ непосредственныя права монархической власти въ области законодательства, управленія и правосудія.

Но создавшаяся отъ непомѣрнаго роста сената путаница въ правительственномъ механизмѣ была еще увеличена вотъ почему. Отдавая внутреннее управленіе въ полное распоряженіе сената, императрица сочла нужнымъ поручить иностранныя дѣла вѣдѣнію особыхъ лицъ (кн. Черкасскаго, Бестужева-Рюмина, гр. Головкина, кн. Куракина, Бреверга), составлявшихъ такъ называемую конференцію съ государственнымъ канцлеромъ во главѣ. Учрежденная въ томъ же 1741 г., одновременно съ возстановленіемъ сената въ его правахъ, конференція только въ 1756 г., по словамъ А. Д. Градовскаго, была поставлена въ рядъ съ другими высшими учрежденіями. Имѣются еще глухія свѣдѣнія о томъ, что приблизительно съ этого времени «ея вѣдѣнію подчинялись иногда и дѣла внутренняго управленія». Наше знакомство съ этимъ учрежденіемъ, его организаціей и государственной ролью, съ видоизмѣненіями, которымъ оно, быть-можетъ, подвергалось въ томъ и другомъ отношеніи, въ связи съ личными перемѣнами при дворѣ или подъ вліяніемъ какихъ-нибудь дѣловыхъ соображеній, въ общемъ не увеличилось со временъ Градовскаго и Соловьева, т.-е., по сравненію съ предшедствовавшими ему новообразованіями въ сферѣ государственнаго управленія, можно сказать, почти равно нулю. Въ частности, намъ совершенно неизвѣстно, какъ велика была конкуренція, дѣлаемая конференціей самому сенату, въ области внутренняго управленія, главнымъ образомъ, вѣроятно, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Безспорно, во всякомъ случаѣ, одно,—что появленіе новаго учрежденія и расширеніе имъ своей компетенціи за счетъ сената ничего не прибавило къ стройности и цѣльности системы управленія. То же топтаніе на мѣстѣ наблюдается, впрочемъ, и въ слѣдующихъ организаціонныхъ планахъ и попыткахъ нашей власти.

Петръ III при вступленіи на престолъ сперва рѣшилъ, что «отнынѣ никакого особливаго совѣта или конференціи не будетъ, а всѣ дѣла въ своихъ коллегіяхъ отправляться имѣютъ», но затѣмъ, подчиняясь доводамъ канцлера гр. Воронцова, относительно необходимости чрезвычайной бдительности въ виду наступившей въ «генеральныхъ дѣлахъ Европы кризѣ», возстановилъ прежнюю конференцію подъ названіемъ «совѣта при высочайшемъ дворѣ», изъ восьми лицъ. Новое учрежденіе выступаетъ съ той же компетенціей, что и его предшественница, но съ нѣсколько большими, чѣмъ она, формальными полномочіями. Будучи призвано въ первую голову обслуживать внѣшніе интересы страны, оно такъ же, какъ конференція, вѣдало, вѣроятно, кромѣ военныхъ дѣлъ, и иностранную политику, съ подчиненіемъ ему трехъ соотвѣтственныхъ коллегій. Потому, что указы, подписанные членами совѣта, приравнивались по силѣ дѣйствія къ именнымъ указамъ, можно еще предполагать, что совѣтъ входилъ и въ разсмотрѣніе дѣлъ внутренняго управленія, но прямыхъ доказательствъ въ пользу такого предположенія мы пока не имѣемъ.

Государственное строительство Екатерины II тоже выразилось прежде всего въ новообразованіи, въ извѣстномъ проектѣ гр. Панина объ учрежденіи императорскаго совѣта, долженствовавшаго замѣнить упраздненный ею совѣтъ низложеннаго супруга. Въ предыдущей главѣ мы пришли къ заключенію, что, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, нельзя усмотрѣть въ проектѣ какія-либо широкія политическія тенденціи у его иниціаторовъ. Предполагаемое устройство совѣта, какъ, впрочемъ, и новыя, послѣ неудачи съ его реализаціей, попытки обойтись комплектомъ петровскихъ учрежденій, относятся къ области реформы технической.

Приблизительно черезъ годъ послѣ гр. Панина, въ декабрѣ 1763 г., Екатеринѣ II былъ представленъ еще другой проектъ объ учрежденіи въ Россіи государственнаго совѣта, составленный фельдмаршаломъ Минихомъ, тоже по порученію императрицы и въ своихъ принципіальныхъ основаніяхъ совпадающій съ панинскимъ проектомъ. Проектъ Миниха не имѣлъ никакихъ практическихъ результатовъ. От-

носительно же дальнѣйшей судьбы проекта Н. И. Панина извѣстно слѣдующее. Найденъ вмѣстѣ съ манифестомъ и докладной запиской списокъ фамилій восьми сановниковъ, написанный рукою императрицы, подъ общимъ заголовкомъ «число сановниковъ», при чемъ въ особомъ абзацѣ трое изъ нихъ противопоставлены названіямъ департаментовъ: «внутренняго», «чужестраннаго» и «военнаго», а противъ «морского» фамилія отсутствуетъ. Далѣе, 11 февраля 1763 г. была созвана комиссія изъ значащихся въ названномъ спискѣ восьми сановниковъ, которой было поручено пересмотрѣть указъ о вольности дворянства, «для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство». 17 апрѣля того же года послѣдовалъ «указъ собранію, въ которомъ совѣтъ происходилъ о вольности дворянства», повелѣвающій ему разсмотрѣть вопросъ о раздѣленіи сената на департаменты. Выработавъ докладъ о правахъ благородныхъ, комиссія, однако, уклонилась отъ новаго порученія составить по этому предмету манифестъ и законопроектъ, «не знавъ подлинно и точно тѣхъ вольностей», которыми императрица захочетъ «великодушно пожаловать россійское дворянство». Комиссіонный же проектъ реформы сената былъ осуществленъ, не упоминая, однако, въ самомъ законодательномъ актѣ объ условіяхъ его происхожденія. Выработанный комиссіей, изъ которой, по предположеніямъ, долженъ былъ развиться будущій императорскій совѣтъ, этотъ актъ является вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ шагомъ въ преобразованіи центральнаго управленія Екатериною. Созданный же Екатериною въ 1768 г. императорскій совѣтъ не стоитъ ни въ какой преемственной и внутренней связи ни съ самой комиссіей, ни съ составленнымъ ею проектомъ. Онъ является, хотя и коллективнымъ, но только лично довѣреннымъ органомъ императрицы, чисто-совѣщательнаго характера, безъ опредѣленныхъ функцій и полномочій.

Недовольство императрицы дѣйствующимъ сенатомъ, отмѣченное выше, было вызвано тѣмъ, что онъ, во-первыхъ, не совладалъ со своими широкими полномочіями, что, далѣе, сосредоточивъ въ себѣ все управленіе, подорвалъ самостоятельность отдѣльныхъ коллегій, превратившихся въ простыя канцеляріи, и сдѣ-

лалъ почти невозможнымъ разграниченіе вѣдомствъ, и что, наконецъ, пользуясь дискреціонной властью, временами посягалъ на достоинство и прерогативы короны. Передъ Екатериною въ силу этихъ обстоятельствъ стояла опредѣленная задача. Эта задача свелась къ тому, чтобы ослабить и сузить правительственную роль сената. Для этого нужно было, по словамъ А. Градовскаго, «стѣснить до чрезвычайности его законодательную иниціативу, организовать административную власть особо отъ него и свести его на значеніе мѣста съ судебнымъ характеромъ». Вышеназванный актъ о новомъ устройствѣ сената ограничивался пока однимъ разряженіемъ дѣлъ внутри него самого. Для этого сенатъ былъ раздѣленъ на 6 департаментовъ, при чемъ въ первый, имѣющій во главѣ себя генералъ-прокурора, были выдѣлены всѣ дѣла по внутреннему управленію, финансамъ и народному хозяйству; второму поручались дѣла судебныя и межевыя; въ третьемъ сосредоточивались, кромѣ управленія окраинами, Малороссіей, Остзейскими провинціями и другими землями, управлявшимися на особыхъ правахъ, еще народное просвѣщеніе, пути сообщенія и полиція; четвертый вѣдалъ дѣла обѣихъ воинскихъ коллегій; наконецъ, два послѣднихъ имѣли одинъ административный, другой судебный характеръ, но съ ограниченнымъ, чисто-мѣстнымъ значеніемъ, функціонируя, въ отличіе отъ первыхъ четырехъ, не въ Петербургѣ, а въ Москвѣ. Изъ петербургскихъ департаментовъ первый, имѣя во главѣ себя генералъ-прокурора, а второй — оберъ-прокурора, для сената играли наиболѣе важную роль, два остальныхъ же превратились въ простыя мѣста переписки, потому что вѣдаемыя ими дѣла, какъ видно будетъ ниже, имѣли своихъ могущественныхъ представителей внѣ сената, а воинскіе вопросы — въ президентахъ соотвѣтственныхъ коллегій.

Однако, формально, не только первый департаментъ, но и весь сенатъ, какъ учрежденіе, заслоняется личностью генералъ-прокурора, къ которому поступаетъ всякое спорное дѣло, въ случаѣ несогласій въ департаментѣ, для предложенія его общему собранію, а въ случаѣ безплодности послѣдняго, для внесенія его на высочайшее усмотрѣніе. Далѣе, образовывается рядъ особыхъ коммиссій

для разработки спеціальныхъ вопросовъ и новыхъ постоянныхъ учрежденій со своимъ кругомъ вѣдомства, при чемъ и тѣ и другія тоже становятся внѣ зависимости отъ сената. Такъ, составленной по особому порученію комиссіи по разсмотрѣнію коммерціи россійскаго государства повелѣвается «быть въ единственномъ нашемъ вѣдѣніи и покровительствѣ». Вновь образованная коллегія экономіи по цѣлому ряду крупныхъ имущественныхъ статей, какъ, напр., въ управленіи духовными вотчинами, «по довѣренности нашей къ ней сама своей властью поступить имѣетъ», отчеты по своимъ дѣламъ представляя непосредственно императрицѣ и, только для вѣдома, сообщая ихъ сенату. Наконецъ, Екатерина усиливаетъ личное начало на всемъ протяженіи центральнаго управленія, поручая новыя и особо важныя дѣла отдѣльнымъ довѣреннымъ лицамъ изъ крупнѣйшихъ и близкихъ ей вельможъ, напримѣръ, народное просвѣщеніе — Бецкому, опекунство иностранныхъ колонистовъ — гр. Орлову, коммерцію — кн. Куракину, таможенные сборы — гр. Миниху, банковое дѣло—гр. Головкину, пути сообщенія—Муравьеву, межеваніе — гр. Панину. Всѣ указанныя мѣры, кромѣ явнаго умаленія правительственной роли сената, обнаруживаютъ, стало-быть, еще тенденцію «къ образованію, по словамъ А. Д. Градовскаго, отдѣльныхъ вѣдомствъ подъ управленіемъ лицъ, обязанныхъ императрицѣ непосредственною отчетностью, и въ то же время совершенно независимыхъ одно отъ другого и отъ сената». Но это стремленіе къ переходу отъ коллегіальнаго начала въ управленіи къ личному теряло въ своемъ значеніи, какъ перемѣна порядка администраціи, потому что не было дѣломъ рѣшительной и сознательной ломки, а подсказывалось временными удобствами и практическими соображеніями и, что самое главное, сопровождалось не разрывомъ съ системою порученій, а, напротивъ, ея укорененіемъ,—вмѣсто замѣны закономѣрно поставленными учрежденіями.

Дѣятельность сената въ области законодательныхъ вопросовъ и даже административныхъ распоряженій падаетъ и блѣднѣетъ. «Большинство указовъ за это время, — говоритъ Градовскій, — суть или именные, или сенатскіе, но состоявшіеся вслѣдствіе именныхъ, объявленныхъ сенату кѣмъ-

либо, обыкновенно генералъ-прокуроромъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ теряетъ исключительное право объявленія именныхъ указовъ. Непосредственное участіе верховной власти въ законодательствѣ, наоборотъ, возрастаетъ. Къ этого рода работамъ привлекаются разныя спеціальныя комиссіи бюрократическаго состава и даже общественныя силы въ формѣ Большой комиссіи 1767 — 1774 гг., съ которой раздѣляетъ труды, въ значительной мѣрѣ даже руководя ими, генералъ-прокуроръ, но опять-таки какъ носитель правительственной власти, сенатъ же въ цѣломъ остается въ сторонѣ отъ ея дѣятельности. Такимъ образомъ, законодательство съ этого времени прямо и рѣзко выдѣляется изъ круга вѣдомства сената, не находя себѣ, впрочемъ, пока особаго спеціальнаго органа.

Послѣ этого за сенатомъ оставалось одно наблюденіе за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона въ судѣ и управленіи и поддержка чрезъ это уваженія къ нему въ народѣ. Въ какія формы выливалась охранительная и контролирующая дѣятельность сената и какова была при этомъ роль генералъ-прокурора, на этомъ мы сейчасъ останавливаться не будемъ, такъ какъ для дѣйствительнаго выясненія этой стороны нужно было бы разсматривать вообще постановку у насъ дѣла высшаго надзора въ его историческомъ развитіи за весь XVIII вѣкъ.

Если центральное правительство было потрясено въ своихъ основахъ оборотомъ, который приняла реформа сената, прекратившая его коллегіальную дѣятельность и открывшая широкій просторъ въ управленіи старому приказному началу, то сознательная и теоретически продуманная реформа областныхъ учрежденій дезорганизовала его въ конецъ. Фактическая сторона новаго строя на мѣстахъ можетъ считаться достаточно извѣстною. Въ своемъ изложеніи мы коснемся только его характерныхъ особенностей въ ихъ отношеніи къ разложенію строя центральнаго правительства.

Уже въ 1764 г. губернаторская должность была освобождена отъ подчиненія коллегіямъ, подобно тому, какъ значеніе, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ было поднято освобожденіемъ ихъ отъ подчиненія сенату. Губернаторы были непосредственно подчинены императрицѣ и се-

нату, которымъ они представляли отчеты о своемъ управленіи. По «учрежденію о губерніяхъ» 1775 г. надъ губернаторами устанавливается еще власть генералъ-губернаторовъ или государевыхъ намѣстниковъ. Когда въ 1781 году, приступлено было къ введенію новаго областного строя, изъ сорока губерній составилось двадцать намѣстничествъ, приблизительно по двѣ губерніи на каждое намѣстничество. Намѣстнику подчинялись всѣ судебныя и административныя мѣста и лица въ губерніи, хотя фактически они и не подлежали никакому активному и прямому воздѣйствію съ его стороны, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему ввѣрялось всестороннее попеченіе о спокойствіи и благополучіи населенія края. Онъ, такъ гласитъ положеніе, «оберегатель Императорскимъ Величествомъ созданнаго узаконенія, ходатай на пользу общую и государеву, заступникъ утѣсненныхъ и побудитель безгласныхъ дѣлъ». Онъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы мѣстныя установленія не выходили изъ круга возложенныхъ на нихъ обязанностей и при ихъ отправленіи строго и точно руководствовались соотвѣтственными узаконеніями. Онъ долженъ вступаться за частныхъ лицъ, терпящихъ ущербъ отъ волокиты, и побуждать судебныя учрежденія своего намѣстничества къ скорѣйшему рѣшенію дѣлъ, но отнюдь не вмѣшиваясь въ ихъ производство. Несправедливое на его взглядъ рѣшеніе онъ можетъ исполненіемъ пріостановить, донося объ этомъ сенату, а когда найдетъ нужнымъ, верховной власти. Въ случаѣ, если намѣстническое правленіе найдетъ донесенія состоящаго при немъ губернскаго прокурора о замѣченныхъ имъ злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ основательными, онъ даетъ разрѣшеніе на преслѣдованіе виновныхъ должностныхъ лицъ судебнымъ порядкомъ. Историческія обстоятельства привели къ тому, что власть намѣстника выросла на практикѣ въ чрезвычайную должность, заслонявшую собою систему нормальныхъ, въ данномъ случаѣ мѣстныхъ установленій отъ высшаго центральнаго правительства и нарушавшую правильное теченіе ихъ дѣятельности. Это стало возможнымъ, конечно, прежде всего вслѣдствіе начавшагося, какъ мы видѣли, еще въ началѣ царствованія Екатерины внутренняго разстройства центральныхъ учрежденій, а уже на почвѣ этой дезорганизаціи послѣдовало то, что

можно назвать процессомъ удаленія учрежденій изъ столицы и перенесенія ихъ въ губерніи, съ характеромъ и последствіями котораго намъ предстоитъ ниже вкратцѣ познакомиться. Построеніе новой мѣстной администраціи и суда въ значительной степени на содѣйствіи общественныхъ силъ, въ свою очередь, дѣлало необходимымъ присутствіе сильнаго не только контролирующаго, но и организующаго и направляющаго начала въ губерніи. Неудача же Екатерины въ призывѣ къ общественной самодѣятельности, вслѣдствіе малосознательности, какъ мы увидимъ, даже наиболѣе передового слоя населенія, дворянства, еще болѣе способствовала превозмогающему значенію намѣстниковъ. А. Д. Градовскій въ своей монографіи «о генералъ-губернаторствахъ въ Россіи» приходитъ къ заключенію, что проведенная во всей строгости и послѣдовательности система намѣстничествъ — конечно, прибавимъ, на фонѣ всей совокупности историческихъ условій — могла довести страну до раздробленія на разрозненныя сатрапіи, подвергая серьезнѣйшей опасности единство государства.

Кромѣ сейчасъ характеризованныхъ областныхъ правителей, «учрежденіемъ о губерніяхъ» вводится на мѣстахъ великое множество установленій разнаго состава и назначенія, которыя должны были удовлетворить требованіямъ времени и русскаго общества въ приближеніи власти къ населенію. Самыми важными изъ нихъ, съ точки зрѣнія интересующаго насъ вопроса, были палаты казенная, гражданская и уголовная. Онѣ, по выраженію самого учрежденія, «ничто иное суть, какъ департаменты коллегій». Такъ, казенная и гражданская палаты составляютъ каждая соединенный департаментъ: одна — камеръ- и ревизіонъ-коллегій, другая — юстицъ- и вотчинной коллегій, а палата уголовная является какъ бы департаментомъ одной юстицъ-коллегіи. Принимая во вниманіе ихъ самостоятельность, можно сказать, что всѣ эти палаты были тѣми же коллегіями, цѣликомъ, со всѣми ихъ порядками и обязанностями, только во множественномъ числѣ перенесенными въ области, на мѣста. Ихъ дѣятельность объединяется и направляется намѣстникомъ и дѣйствующимъ при немъ намѣстническимъ правленіемъ. Въ новыхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ получили надлежащее развитіе всѣ

функціи государственной власти. Палатамъ въ соединенномъ присутствіи давалось право представлять о необходимости изданія новыхъ законовъ и пріостановленіи объявленныхъ указовъ. Административно-полицейская дѣятельность, а равно и правосудіе имѣли въ своемъ распоряженіи массу служащихъ ихъ цѣлямъ органовъ. Наконецъ, господство законности и порядка обезпечивалось отдачею ихъ подъ охрану самого «народа», организованныхъ общественныхъ силъ. Широкая и планомѣрная децентрализація управленія, съ которой мы сейчасъ ознакомились, имѣла своимъ послѣдствіемъ, по мѣрѣ введенія новыхъ губернскихъ учрежденій, уничтоженіе въ столицѣ именными указами важнѣйшихъ коллегій: начиная съ 1781 г., постепенно закрываются вотчинная, камеръ-, юстицъ- и экономическая коллегіи. Лишенный вслѣдствіе этого тѣхъ средствъ, чрезъ которыя онъ могъ вліять какъ на ходъ мѣстной жизни, такъ и на разрѣшеніе вопросовъ общегосударственнаго управленія, сенатъ въ общемъ своемъ присутствіи, олицетворяющемъ коллегіальное устройство, сосредоточивается на судебной дѣятельности, т.-е. на установленіи различныхъ способовъ толкованія и примѣненія закона.

Утрата правительственнаго значенія сенатомъ сопровождается, какъ мы уже имѣли случай выяснить, порученіемъ отдѣльныхъ отраслей гражданскаго управленія довѣреннымъ лицамъ, среди коихъ первое мѣсто принадлежитъ генералъ-прокурору. Являясь сильнѣйшимъ проводникомъ личнаго начала въ управленіи и раздѣляя по необходимости судьбу учрежденія, органомъ котораго онъ выступалъ, то-есть сената, генералъ-прокуроръ съ превращеніемъ сената изъ высшаго «правительствующаго» установленія въ высшую судебную инстанцію долженъ былъ стать министромъ юстиціи. Но пока разграниченіе вѣдомствъ опредѣлялось не родомъ занятій, а положеніемъ лицъ, завѣдывающихъ ими, и вмѣстѣ съ тѣмъ юридически не сложилось министерское начало, какъ правительственная система, отдѣльныя части управленія продолжали отдаваться въ непосредственное вѣдѣніе какъ его, такъ и другихъ вельможъ. Какъ именно мало эти чрезвычайныя должности пока готовились стать нормальными установленіями, какъ, наоборотъ, много въ

нихъ было элемента случайнаго, личнаго, однимъ словомъ, приказнаго, показываетъ слѣдующее любопытное мѣсто въ запискахъ статсъ-секретаря Храповицкаго, помѣченное 18 октября 1791 г. «Зубовъ, — пишетъ онъ, — ходилъ докладывать (императрицѣ) по бумагамъ изъ Безбородкиной канцеляріи и послать къ генералъ-прокурору письмо для свѣдѣній, что ему поручены всѣ дѣла графа Безбородко». Сообщивъ о фактѣ, онъ самъ недоумѣнно замѣчаетъ: «Но тутъ родится тотчасъ вопросъ: какія дѣла? когда объ нихъ опубликовано? Имѣлъ ли тогда право Безбородко объявлять именные указы?» Знаменитый генералъ-прокуроръ екатерининскаго времени, кн. Вяземскій, получилъ, какъ мы знаемъ, въ управленіе нѣсколько вѣдомствъ, но не потому, что это требовалось существомъ дѣла, а благодаря его личнымъ способностямъ и особому къ нему довѣрію императрицы. «Я должности его раздѣлю между четверыми», сказала Екатерина, по свидѣтельству того же Храповицкаго, когда въ 1790 г., съ потерею кн. Вяземскимъ по разнымъ причинамъ ея расположенія, передъ императрицею сталъ вопросъ объ отставкѣ нѣкогда всемогущаго сановника.

Если и вѣрно, что въ лицѣ Павла I на русскій престолъ вступилъ «недоброжелатель 34-лѣтняго правленія Екатерины II», какъ характеризуетъ Шильдеръ извѣстную стихійную вражду къ ея дѣятельности со стороны преемника, то этотъ взглядъ въ такой общей формѣ можетъ все-таки быть принятъ, лишь имѣя въ виду не столько дѣйствительныя мѣры императора и ихъ результаты, сколько общее направленіе его политики и, главное, именно тайныя внутреннія пружины ея. По крайней мѣрѣ, останавливаясь на дѣйствіяхъ императора Павла I относительно центральныхъ учрежденій, надо признать, что остается въ силѣ взглядъ, который былъ высказанъ о нихъ А. Д. Градовскимъ. Этотъ ученый находитъ, что въ указанной области Павелъ не только «успѣлъ осуществить и довести до конца всѣ почти предположенія Екатерины», но «и, кромѣ того, положить прочное основаніе тому порядку вещей, который характеризовалъ русскую администрацію до 1855 г. Общее очертаніе будущихъ министерствъ было готово». Въ послѣднихъ словахъ устанавливается значеніе царствованія Павла I, какъ

связующаго звена между двумя историческими эпохами въ дѣлѣ организаціи правительственной власти.

Дѣйствительно, съ виду какъ будто и возстановлены были коллегіи, фактически же возобновлены только должности президентовъ, такъ какъ послѣдніе стали вполнѣ независимыми, получали свое вѣдомство въ полное, подъ свою личную отвѣтственность, распоряженіе и право непосредственнаго доклада верховной власти. Въ знакъ совершившейся перемѣны они стали называться уже главными директорами, а нѣкоторые изъ нихъ получили даже титулъ министровъ: напр., генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ одновременно съ опубликованіемъ учрежденія объ императорской фамиліи былъ назначенъ министромъ удѣловъ, кн. Гагаринъ носилъ званіе министра коммерціи и т. д. Общая политика относительно сената, держась направленія предыдущаго царствованія, склонялась не только къ лишенію его послѣднихъ остатковъ прежняго административнаго значенія, сохранивъ за нимъ одинъ судебный характеръ, но и къ потерѣ имъ независимости въ послѣдней области. Для ускоренія дѣлопроизводства во второмъ департаментѣ часть его дѣлъ была передана въ четвертый, съ превращеніемъ его въ судебный, а кромѣ того, были учреждены три временные департамента. Три подписи на протоколахъ были признаны достаточными для приведенія въ исполненіе значащагося въ немъ рѣшенія. Въ отмѣну требованія единогласнаго рѣшенія былъ установленъ принципъ большинства для постановленій въ общихъ собраніяхъ. Въ довершеніе же всего государь объявилъ себя высшей апелляціонной инстанціей.

Павелъ I не былъ сторонникомъ правительственной децентрализаціи и общественнаго самоуправленія. Но онъ не успѣлъ за короткое время своего царствованія нанести серьезный ударъ выборному строю мѣстныхъ учрежденій въ коренной части имперіи. Зато личному антагонизму противъ направленія матери онъ далъ полное выраженіе своей политикой на окраинахъ, противодѣйствуя ихъ объединенію съ центромъ, въ разрѣзъ не только съ собственными внутренними наклонностями, но и съ нивеллирующими тенденціями вообще абсолютизма. «Возстановленъ былъ, — говоритъ Шильдеръ, — литовскій статутъ въ присоединенныхъ отъ

Польши губерніяхъ, введенъ снова въ употребленіе польскій языкъ въ сношеніяхъ съ этими губерніями; возстановлены въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Выборгской губерніи старинные уставы; изъяты нѣкоторыя области изъ-подъ дѣйствія общихъ законовъ имперіи». При нѣкоторой продолжительности этого царствованія, въ связи съ отсутствіемъ всякихъ коррективовъ въ прочныхъ общественно-правовыхъ традиціяхъ, характеризованная, субъективная, и потому искусственная политика могла привести къ саморазложенію всей системы управленія и къ водворенію въ Россіи настоящей правительственной анархіи, подобно той, которою естественно завершилось историческое развитіе стараго порядка въ области внутреннихъ политическихъ отношеній въ западноевропейскихъ странахъ.

Доведя обозрѣніе русскаго государственнаго управленія на протяженіи XVIII вѣка до конца, мы могли убѣдиться въ томъ, что перемѣны, которымъ оно подверглось за это время, или были внесены въ него непосредственно, или являлись неизбѣжнымъ слѣдствіемъ — въ началѣ и въ концѣ столѣтія — реформъ мѣстной администраціи. Принимая во вниманіе многократность и значительность этихъ перемѣнъ, намъ приходится считать характерной чертой русскаго государственнаго механизма XVIII вѣка его чрезвычайную неустойчивость. Дѣйствительно, мы наблюдаемъ, какъ сперва во главѣ правленія становятся послѣдовательно сенатъ, верховный тайный совѣтъ, кабинетъ, конференція. Затѣмъ вновь возвысившійся рядомъ съ послѣдней и, повидимому, въ результатѣ даже поборовшій ее, елизаветинскій сенатъ, систематически обезсиливаемый въ екатерининское царствованіе, тоже приходитъ въ упадокъ. Послѣ этого на самомъ верху государственнаго управленія образуется, такъ сказать, пустота, и корона, лишенная въ дѣлѣ осуществленія основныхъ функцій властвованія необходимыхъ организованныхъ средствъ, должна пробавляться личными и случайными услугами. При такихъ обстоятельствахъ правительственный аппаратъ, конечно, не могъ служить элементомъ устойчивости въ государствѣ, въ частности, быть оплотомъ противъ разъѣдающаго зла дворцовыхъ переворотовъ, потрясавшихъ основы всякаго правопорядка и правосознанія въ жизни народа.

Нѣсколько болѣе положительный результатъ дало развитіе государственнаго устройства за XVIII в. въ формальномъ отношеніи. Уже въ началѣ вѣка было ясно схвачено, хотя и къ исходу его еще далеко не проведено въ самой жизни, понятіе объ учрежденіи, какъ основанной, въ противоположность старому лично-приказному началу, на законѣ должности. Учрежденій въ Россіи за XVIII в. вообще было создано не мало. Они были расчленены на высшія и подчиненныя, центральныя и мѣстныя. Составъ и дѣятельность каждаго органа въ отдѣльности были опредѣлены особыми регламентами и уставами. Однако положеніе ихъ все-таки было довольно неясно и непрочно. Правда, въ основаніе устройства государственныхъ учрежденій и должностей была положена такъ называемая реальная система въ распредѣленіи между ними задачъ и обязанностей, и рецидивы въ сторону отправленія ихъ по территоріально-сословнымъ признакамъ, хотя и были, но являлись второстепенными въ сравненіи съ господствующею тенденціею. Но все же функціи и организація всѣхъ установленій подвергались частымъ и внезапнымъ измѣненіямъ, нарушалось правильное теченіе дѣлъ въ нихъ отъ постоянно и безпрепятственно врывающихся въ кругъ ихъ дѣлопроизводства стороннихъ вліяній, и даже сами эти установленія столь же легко исчезали, какъ и возникали.

Всѣ отмѣченныя колебанія въ общемъ строѣ государственнаго управленія и уклоненія отъ нормы прежде всего происходили оттого, что его отдѣльные органы, на самомъ дѣлѣ, держали себя — а иначе держать себя и не могли — не какъ исполнители точныхъ велѣній закона, а какъ послушныя орудія личной воли монарха, вѣрнѣе, скрывающихся за его спиною «случайныхъ людей», временщиковъ или фаворитовъ. Обусловливается это положеніе вещей, въ свою очередь, тѣмъ, что понятіе подзаконности самой монаршей власти при всей возможной реальной ея неограниченности было пока достояніемъ только немногихъ передовыхъ умовъ. Далѣе, безсиліе управленія имѣетъ свои глубокіе корни въ органическихъ недочетахъ петровской реформы, въ неполнотѣ состава созданныхъ ею учрежденій и въ неполномъ въ связи съ этимъ разграниченіи ихъ

компетенцій. Компетенція, напримѣръ, коллегій опредѣлялась довольно правильно по роду дѣлъ, хотя въ концѣ вѣка, вслѣдствіе политики Екатерины II, было нарушено равновѣсіе центральнаго управленія. Зато, правда, можно констатировать большой шагъ впередъ въ смыслѣ сознанія непригодности коллегіальной системы и необходимости замѣны ея въ администраціи началомъ лично-министерскимъ. Это министерское начало только не слѣдуетъ отождествлять, какъ это дѣлаетъ Б. Сыромятниковъ, съ началомъ приказнымъ, руководясь ихъ чисто-внѣшнимъ сходствомъ, какъ двухъ модификацій личнаго управленія, противополагаемаго коллегіальному строю. Еще А. Градовскій, говоря о «постепенно выдѣляющемся элементѣ личнаго управленія» конца XVIII вѣка, подчеркивалъ, что оно «основано уже не на старомъ приказномъ, а на министерскомъ началѣ». На самомъ дѣлѣ, различіе въ данномъ случаѣ громадное, принципіальное. Если личное управленіе въ приказахъ является выраженіемъ системы порученій, то министерскимъ оно становится лишь въ примѣненіи къ системѣ учрежденій. Но переходъ отъ коллегій къ министерствамъ, въ смыслѣ именно сочетанія личнаго и подзаконнаго управленія, къ исходу XVIII в. еще не совершился. Повторяемъ, можно только отмѣтить общее тяготѣніе времени къ новымъ формамъ правительственной организаціи. Несравненно хуже дѣло обстояло съ разграниченіемъ компетенціи существующихъ учрежденій съ точки зрѣнія основныхъ функцій и характера дѣйствія государственной власти. При Петрѣ Великомъ не только сенатъ, но и подчиненныя ему установленія были надѣлены частицами трехъ родовъ функцій—законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ. Единственнымъ успѣхомъ за цѣлое столѣтіе приходится считать дѣйствительное отдѣленіе юстиціи отъ администраціи на мѣстахъ и разгромъ сената, лишившагося своего исключительнаго положенія, какъ единственнаго высшаго учрежденія въ государствѣ. Наконецъ, на ряду съ органическими причинами, отрицательное вліяніе на развитіе цѣльной и устойчивой системы учрежденій имѣла въ первыя десятилѣтія послѣ Петра Великаго борьба группъ лицъ или партій, преслѣдовавшихъ чисто-или групповыхъ интересовъ.

Сравнительное изученіе высшихъ учрежденій, ихъ устройства, компетенціи и дѣятельности, показало намъ, какими средствами на протяженіи XVIII вѣка стремились въ Россіи разрѣшить важнѣйшія задачи по организаціи государственнаго управленія. При изложеніи политическихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ нарожденіе смѣняющихъ другъ друга учрежденій, передъ нами вскрылись и тѣ расчеты, которые иногда связывали для себя съ ихъ появленіемъ отдѣльные слои правящаго класса. Заканчивается же XVIII в. картиною борьбы, которую ведетъ сама абсолютная монархическая власть съ опасностью образованія, въ лицѣ сената, всемогущаго самодовлѣющаго бюрократическаго учрежденія, черпающаго свою силу уже не въ поддержкѣ тѣхъ или другихъ общественныхъ группъ, а въ себѣ самомъ, въ присущихъ ему широкихъ полномочіяхъ, въ фактѣ своего непосредственнаго и организованнаго вліянія на всѣ стороны жизни страны.

VI. Внѣшнее состояніе законодательства.

Желая внести начала законности въ жизнь общества и судебно-административную дѣятельность своихъ органовъ, правительство должно было сознавать необходимость прежде всего привести въ извѣстность и сдѣлать по возможности доступнымъ само дѣйствующее право. Изъ этого сознанія выросли какъ многочисленныя кодификаціонныя и законодательныя комиссіи, трудившіяся въ теченіе всего XVIII вѣка надъ обработкой и упорядоченіемъ національнаго права, такъ и разнообразныя попытки удовлетворить жизненную потребность въ юридическомъ образованіи населенія, ощущавшуюся сперва одними государствомъ въ политическихъ цѣляхъ, а затѣмъ и обществомъ въ частныхъ практическихъ интересахъ.

Озабоченная тѣмъ, чтобы новыя учрежденія дѣйствительно выполняли свои задачи и при отправленіи своихъ функцій держались данныхъ имъ въ руководство регламентовъ, уставовъ и инструкцій, власть для этого естественно должна была принять мѣры къ созданію класса

свѣдущихъ въ канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ и твердыхъ въ законоискусствѣ чиновниковъ. Эта подготовка давалась путемъ практическаго обученія — какъ выражаются офиціальные акты — «приказному порядку, знанію указовъ и правъ государственныхъ: уложенія и прочаго» въ присутственныхъ мѣстахъ, коллегіяхъ и сенатѣ подъ руководствомъ секретарей-повытчиковъ. Указанный способъ, примѣнявшійся давно въ отношеніи дѣтей приказныхъ, вводится, генеральнымъ регламентомъ 1720 г., для молодыхъ дворянъ и остается въ силѣ до 1763 г. Онъ представляетъ собою первый узкій каналъ, чрезъ который элементы гражданскаго воспитанія попадали въ дворянскую среду. На ряду съ такимъ обученіемъ дѣлаются различные опыты съ учрежденіемъ спеціально-юридическихъ школъ (школа подьячихъ 1721 и др.), съ введеніемъ преподаванія разныхъ отраслей права въ профессіональныхъ и общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ (корпусахъ, университетахъ на особыхъ факультетахъ). Но эти опыты не даютъ замѣтныхъ результатовъ, и Екатерина II возобновляетъ способъ практическаго обученія законознанію, только съ перенесеніемъ надзора за правильностью его веденія, по реформѣ губернскихъ учрежденій, изъ центра на мѣста. Немало стараній было теперь потрачено также на возможно цѣлесообразную постановку преподаванія юриспруденціи и пр. въ Московскомъ университетѣ, включеніемъ съ 1767 г. русскаго права въ число предметовъ, читаемыхъ на юридическомъ факультетѣ.

Со второй половины XVIII в. сознаніе важности просвѣщенія вообще и гражданскаго воспитанія въ частности начинаетъ пробуждаться и въ населеніи. Юридическое образованіе цѣнится не только передовыми умами, какъ Татищевъ, Щербатовъ и др., но какъ показываютъ пренія въ Большой комиссіи, и среднимъ интеллигентомъ, причемъ мѣриломъ, кромѣ утилитарныхъ соображеній, вскорѣ являются также мотивы общественнаго порядка. «Во всякомъ благоучрежденномъ правленіи, — возглашалъ ученый юристъ екатерининскаго времени С. Десницкій (1778), — выключая немногихъ, никому почти не дозволяется въ законопреступленіяхъ оправдывать себя незнаніемъ закона». Знаніе же законовъ,

разсуждалъ названный ученый, необходимо каждому, чтобы «другимъ не дать воспользоваться своимъ невѣдѣніемъ, да и самому по невѣдѣнію не впасть въ проступокъ». «Справедливо разумѣемая свобода, — говоритъ его современникъ, историкъ М. Щербатовъ, выдвигая положительную пользу юридическихъ знаній, — состоитъ въ правѣ дѣлать все то, что дозволено закономъ, а для этого знаніе закона необходимо». Умѣло пользоваться своими правами и быть въ состояніи уберечь себя отъ нарушенія чужихъ и, наоборотъ, отъ умаленія собственныхъ правъ третьими лицами — вотъ какія практическія выгоды, по мнѣнію упомянутыхъ писателей, даетъ знаніе отечественнаго законодательства. На ряду съ этимъ депутаты 1767 — 1774 г. и ихъ довѣрители проводятъ государственную точку зрѣнія, что каждое сословіе «знаніемъ своихъ правъ должно содѣйствовать общему благополучію». Для дворянина послѣднее требованіе получаетъ сугубое значеніе. «Дворянинъ въ деревнѣ своей, — заявляетъ С. Десницкій, вслѣдъ за депутатами, — сдѣланъ не только властелиномъ, но и судьею и отвѣтчикомъ, который, по россійскому закону, долженъ отвѣчать за поступки крестьянъ своихъ». Противоположность интересовъ отдѣльныхъ классовъ населенія, при условіи закрѣпленія ихъ раздѣльности въ положительномъ законодательствѣ, превращала знаніе сословныхъ правъ въ фактъ первѣйшей соціальной важности. Хорошее юридическое образованіе отвѣчало, конечно, также интересамъ государства, благопріятно отзываясь на личномъ составѣ учрежденій и ихъ дѣятельности. Оно получало тѣмъ большее значеніе, что въ общественномъ сознаніи пробивало себѣ дорогу совершенно новое понятіе статской службы, какъ самостоятельной и достойной уваженія отрасли государственной дѣятельности. Въ Большой комиссіи указывалось на то, что послѣдняя «какъ внутри отечества, такъ и при сношеніяхъ съ иностранными державами необходимо нужна, полезна и не безтрудна». Для ея отправленія «въ своемъ родѣ потребны такія знанія, о коихъ заранѣе думать должно», почему къ ней могутъ быть допущены только люди, «нарочно къ тому пріуготовленные». Реформа мѣстнаго управленія на выборныхъ началахъ и приближеніе всѣхъ его органовъ къ непо-

средственнымъ нуждамъ населенія сильнѣе прежняго вызывала потребность въ свѣдущихъ въ законахъ лицахъ. Въ связи съ предъявленіемъ къ гражданской службѣ новыхъ требованій была даже сдѣлана чрезвычайно повышенная оцѣнка ея сравнительному значенію для государства. М. Щербатову, находившему, что «когда внутри нѣтъ благоустройства и правосудія — непрочны тѣ побѣды», вторилъ крупный сановникъ изъ военныхъ П. И. Панинъ: «Что скорѣе безъ добрыхъ фельдмаршаловъ обойтись можно, нежели безъ первостатейныхъ министровъ». Впрочемъ, конечно, приведенныя мнѣнія не встрѣчали себѣ поддержки въ дѣйствительномъ крайне воинственномъ курсѣ официальной политики этого времени. Тѣмъ не менѣе, хорошо понимали — и это былъ уже доводъ государственно-политическій, — что положеніе самой власти становится гораздо легче и спокойнѣе, когда она имѣетъ дѣло съ юридически образованными подданными. Послѣдніе оказываются, такъ думали, не только болѣе надежными и спокойными, но и самостоятельными въ своихъ частныхъ дѣлахъ, а стало-бнть, и менѣе обременительными для правительства. Такимъ образомъ, глубокая вѣра XVIII вѣка въ всеисцѣляющую и непреложную силу знанія сказалась здѣсь въ представленіи объ абсолютной цѣнности одной изъ его отраслей, юриспруденціи, для рѣшенія центральной государственной проблемы всякаго времени, — «установленія правомѣрныхъ отношеній отдѣльныхъ группъ населенія другъ къ другу, да и правительственной дѣятельности на закономѣрныхъ основаніяхъ» (А. Лаппо-Данилевскій).

Въ какой, однако, малой степени достигались желаемые результаты, показываетъ, напримѣръ, характеристика, данная русской бюрократіи кн. Щербатовымъ. «Воззримъ на отечество наше,—писалъ этотъ публицистъ въ своемъ сочиненіи о дворянствѣ,—у насъ таковые... не имѣвъ... воспитанія, ниже знавъ грамматику и логику, начинаютъ съ простыхъ писцовъ свою службу и производятъ ее далѣе. Вся жизнь ихъ употреблена въ списываніе и напамяновеніе законовъ, не оставляя имъ ни малѣйшаго времени на разсмотрѣніе ихъ. И тако становятся весьма памятные на законы, но не искусные въ познаніи ихъ; не говорю уже

коль много страстей и пороковъ, не бывъ ограждены ни воспитаніемъ, ни наукою, съ младенчества пріобрѣтаютъ». Кромѣ приведеннаго отзыва, о степени пригодности чиновничества и о малоуспѣшности правительственныхъ мѣръ, уже примѣнительно къ политическому развитію общества, свидѣтельствуетъ «Комиссія о составленіи проекта новаго уложенія» (1767) г.). Изъ содержанія происходившихъ въ ней преній выясняется, какъ и слѣдуетъ ожидать, что среди членовъ Комиссіи дѣло обстояло плохо не только съ «искусностью» въ познаніи законовъ, но даже и съ простымъ внѣшнимъ «памятованіемъ» ихъ. По крайней мѣрѣ, А. С. Лаппо-Данилевскій, останавливаясь на этомъ предметѣ, приходитъ къ тому заключенію, что въ Большой комиссіи надо констатировать отсутствіе самыхъ «элементарныхъ знаній по части русскаго законодательства и очень малое знакомство съ общими началами права». Такъ какъ въ составѣ Комиссіи находились также нечиновныя лица, то указанный фактъ можетъ служить вѣрнымъ показателемъ низкаго уровня общественнаго воспитанія самого населенія въ его наиболѣе передовыхъ и активныхъ представителяхъ.

Если просвѣщеніе считалось лучшимъ проводникомъ, между прочимъ, началъ законности и правосознанія въ жизнь, то за наиболѣе дѣйственное средство для насажденія ихъ въ умахъ людей надо было, рядомъ съ живымъ словомъ, естественно, признать и печатную книгу, въ первую голову хорошо составленный кодексъ. Взглядъ XVIII вѣка на роль законодательства былъ очень высокій, въ своей исключительности, пожалуй, даже преувеличенный. Сложившись подъ впечатлѣніемъ дѣятельности всесильной и попечительной администраціи, онъ приписывалъ законодательству неограниченную творческую силу, не признавалъ существованія непреодолимыхъ для него препятствій въ дѣлѣ преобразованія и улучшенія людской жизни. Если пожеланія общества и стремленія лучшихъ государей того времени ограничивались задачами совершенствованія воспитанія и администраціи, то надежнѣйшимъ путемъ для этого представлялось именно законодательство. На очереди для послѣдняго стояло теперь созданіе разумнаго, справедливаго и общаго права, въ которомъ должны были сгла-

литься всѣ различія правовыхъ отношеній, вытекавшихъ изъ мѣстныхъ обычаевъ, сословныхъ привилегій и историческихъ преданій. Вмѣстѣ съ тѣмъ законодательство должно было не только воплощать въ себѣ духъ народа, въ зависимости отъ физическихъ и историческихъ условій его жизни, но и проявлять сущность этого духа въ сознаніи самого общества. Отводя законодательству, такимъ образомъ, двоякую, организаціонную и просвѣтительную, роль, западно-европейская политическая мысль XVIII ст. расходилась въ опредѣленіи того, кѣмъ эта благая роль должна быть выполнена: монархомъ въ союзѣ съ одними «философами» или въ сотрудничествѣ съ общественными силами.

Согласно указанному взгляду на вещи, въ Россіи дѣлаются попытки, особенно со второй половины XVIII в., обратить вниманіе публики на капитальные труды западно-европейской юридической литературы, какъ Монтескье, Беккарія, Блэкстонъ и др. Но изученіе и преподаваніе чужеземной юриспруденціи не могло вознаградить за тѣ непреодолимыя трудности, которыя дѣло утвержденія права въ жизни встрѣчало въ отсутствіи собраній памятниковъ и учебниковъ по исторіи россійскаго законодательства. Самую крупную брешь въ арсеналѣ средствъ для борьбы съ неунимавшимся беззаконіемъ составляло, конечно, само внѣшнее состояніе законодательства, не сведеннаго въ систему и, слѣдовательно, этимъ однимъ ставившаго громадныя препятствія его осуществленію на практикѣ. Дѣйствительно, неудовлетворительность Соборнаго Уложенія 1649 г. сказывалась чѣмъ дальше, тѣмъ больше, какъ съ формальной стороны, такъ и въ отношеніи содержанія. Накоплялся новый законодательный матеріалъ, который, хотя и измѣнялъ или дополнялъ частично или по существу прежде дѣйствовавшія нормы, тѣмъ не менѣе оставался внутренне несогласованнымъ съ послѣдними. Наоборотъ, само законодательство, въ виду отсутствія постояннаго и спеціальнаго для него органа, настолько отставало отъ жизни, что даже взаимныя отношенія отдѣльныхъ общественныхъ группъ трактовались различно нормами права и реальной дѣйствительностью. Но, кромѣ собиранія и систематизаціи старыхъ, уже существовавшихъ законовъ съ одной и ихъ переработки

съ другой стороны, XVIII в. и у насъ сталъ ставить себѣ цѣлью реформировать самую жизнь помощью узаконеній, вырабатываемыхъ мудрою и гуманною властью по указаніямъ справедливости и цѣлесообразности. Особенно широко распространилось сознаніе недостатковъ русскихъ законовъ и ставился вопросъ объ ихъ усовершенствованіи къ шестидесятымъ годамъ. Всѣ затрудненія въ судахъ и управленіи и вся дисгармонія интересовъ въ жизни, по мнѣнію людей того времени, происходили столько же отъ неизвѣстности и разнорѣчивости законовъ, сколько отъ ихъ количественнаго недостатка и внутренняго несовершенства. Отсюда естественно, всѣ заботы и труды правительства XVIII в. въ области законодательства вращались около двухъ задачъ: или составленія своднаго, или сочиненія новаго уложенія. Посмотримъ теперь, какъ эти задачи ставились и разрѣшались правительствомъ.

Петръ Великій въ теченіе 25 лѣтъ три раза принимался за выясненіе правовыхъ основъ русской жизни. При этомъ два раза исходной точкой его предположеній являлось Соборное Уложеніе 1649 г. Надъ пересмотромъ и исправленіемъ его трудилась сперва такъ называемая Палата объ уложеніи (1700—1703), состоявшая изъ 71 человѣка разныхъ чиновъ служилаго класса. Составленная этою палатою Новоуложенная книга представляла собою сводъ прежняго уложенія съ именными указами и новоуказными статьями, изданными въ промежутокъ времени отъ 1649 г. до 1700 г. Но такъ какъ палата не исполнила своей работы, какъ слѣдуетъ, допустивъ въ ней много пропусковъ, то Новоуложенная книга не была совсѣмъ обнародована. Особымъ указомъ на имя сената только тѣ изъ законодательныхъ актовъ сохраняли силу, которые были «учинены не въ перемѣну, но въ дополненіе уложенія». Вторая, сенаторская комиссія (1714—1717 г.) не повела дѣло успѣшнѣе своей предшественницы. Послѣ этихъ двухъ неудачъ Петръ намѣревается рѣшить стоящую передъ нимъ задачу въ еще болѣе сложныхъ условіяхъ. Въ параллель къ осуществляемой имъ въ то время коренной реформѣ государственнаго управленія по иностраннымъ образцамъ, примѣнительно къ потребностямъ русскаго общества, онъ задумы-

вает изданіе новаго уложенія, въ основу котораго долженъ быть положенъ шведскій кодексъ. Какіе виды на успѣхъ сулило это предпріятіе свода русскихъ законовъ со шведскими, когда еще не существовало системы русскаго законодательства, когда въ моментъ созрѣванія этого плана нельзя было сказать, что въ немъ являлось дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ, когда даже сведеніе стараго уложенія съ новоуказными статьями оказалось дѣломъ совершенно непосильнымъ для русскихъ кодификаторовъ! Вслѣдъ за пересадкой коллегій должно было, стало-быть, совершиться приспособленіе шведскаго кодекса къ русской жизни. Образованная для этой цѣли комиссія изъ трехъ иностранцевъ и пяти русскихъ за свое продолжительное существованіе (1720—1727 г.) изъ семи книгъ, которыя долженъ былъ обнимать проектъ новаго уложенія, составила только четыре, да и тѣ настолько неудовлетворительно, что онѣ опять не получили санкціи законодательной власти.

Верховный тайный совѣтъ, въ царствованіе Петра II, отказывается отъ мысли перенесенія въ Россію правовыхъ началъ, сложившихся въ совершенно иныхъ историческихъ условіяхъ, задается цѣлью созданія только свода русскихъ законовъ и для его выполненія обращается опять къ содѣйствію общества въ лицѣ представителей отъ дворянскаго сословія (1728—1730). Но планы совѣта не успѣли выйти даже изъ своей подготовительной стадіи, когда смѣна на престолѣ положила сперва имъ, а затѣмъ и совѣту внезапный конецъ. Дѣйствовавшая при Аннѣ Ивановнѣ комиссія, счетомъ пятая, по первоначально предполагавшемуся широкому примѣненію въ ней выборнаго начала, могла считаться чуть ли не возрожденіемъ стараго національнаго земскаго собора. Но полное равнодушіе общества къ призыву власти, явное уклоненіе его отъ выборовъ заставило правительство вновь поручить законодательную работу комиссіи, составленной изъ однихъ чиновниковъ. И въ постановкѣ задачи своей дѣятельности эта комиссія отъ мысли сочиненія новаго уложенія вернулась къ болѣе неотложной работѣ надъ составленіемъ своднаго уложенія, не прекращая, впрочемъ, занятій надъ первымъ и даже пытаясь освободить себѣ для этого время путемъ возложенія всего пред-

варительнаго труда по собиранію законовъ и составленію отдѣльныхъ сводовъ по каждой части управленія на коллегіи и судебныя мѣста. Если результаты дѣятельности комиссіи свелись, ко времени смерти Анны Ивановны, обрекшей комиссію на номинальное существованіе, къ выработкѣ «вотчинной» и «судной» главъ будущаго уложенія, то примѣръ и опытъ ея въ отношеніи организаціи законодательной работы не прошли безслѣдными.

Елизавстинская комиссія, сперва состоявшая изъ восьми назначенныхъ членовъ (1754 — 1766 г.), съ самаго начала пользовалась для разныхъ подготовительныхъ и спеціальныхъ законодательныхъ работъ услугами, кромѣ особыхъ комиссій, учрежденныхъ при каждой губернской канцеляріи, еще и 35 частныхъ комиссій по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, функціонировавшихъ въ этихъ послѣднихъ. Дѣятельность всѣхъ этихъ частныхъ и особыхъ комиссій была подчинена контролю общей комиссіи. По иниціативѣ самой общей комиссіи былъ повторенъ опытъ съ привлеченіемъ къ ея работамъ депутатовъ отъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и купечества. При этомъ была сдѣлана прямая ссылка на историческіе прецеденты и, слѣдовательно, проявлена тенденція воскресить практику участія въ законодательствѣ всесословнаго земскаго собора. Съ воцареніемъ Екатерины депутаты были распущены по домамъ (1763 г.), а сама елизаветинская комиссія, въ прежнемъ своемъ составѣ, дотянула свое внѣшнее существованіе почти до момента созыва такъ называемой Большой комиссіи (1767 г.). Своей задачею комиссія 1754—1766 гг. ставила разработку гражданскаго и уголовнаго уложеній, съ присоединеніемъ къ нему законовъ о правахъ состоянія. Въ этихъ рамкахъ она пыталась исполнить данное ей порученіе «сочинить законы ясные, всѣмъ понятные и настоящему времени приличные». Выполненный комиссіей проектъ уложенія вовсе не представляетъ собою простой сводъ прежде изданныхъ узаконеній. Нововведенія, которыя онъ дѣлаетъ или закрѣпляетъ, касаясь, главнымъ образомъ, юридическаго положенія отдѣльныхъ сословій, ихъ правъ и обязанностей, отношеній другъ къ другу и къ государственной власти,

принисываются вліянію выборныхъ представителей, принимавшихъ участіе въ составленіи проекта. Статьи, относящіяся до юридическаго быта населенія и отражавшія въ себѣ сословныя пожеланія правящей среды, въ виду неутвержденія уложенія властью,—остаются, однако, на бумагѣ и потому снова всплываютъ въ наказахъ депутатовъ екатерининской комиссіи, на этотъ разъ, конечно, съ измѣненіями, которыя были внесены въ общественно-политическіе идеалы дворянства освободительнымъ манифестомъ 1762 г.

Если условія, въ которыхъ протекала законодательная и кодификаціонная работа въ XVIII в., сильно разнились отъ той простой обстановки, въ которой создалось такъ называемое Соборное Уложеніе 1649 г., то особенно эту разницу должны были почувствовать дѣятели Большой комиссіи 1767 г. Углубилось прежде всего самое пониманіе того, какими причинами обусловливается несостоятельность имѣющагося въ наличности законодательства. Выражено было это пониманіе самой императрицею въ манифестѣ 14 декабря 1766 г., которымъ созывалась названная комиссія выборныхъ на предстоящую устроительную дѣятельность. Зло, оказывается, происходитъ, во-первыхъ, «отъ недостатка законовъ на многіе случаи и излишества ихъ на другіе», во-вторыхъ, «отъ несовершеннаго различенія между непремѣнными и временными законами», въ-третьихъ, оттого, что «разумъ, въ которомъ прежніе законы составлены были, чрезъ долгое время и частыми перемѣнами, а также и чрезъ пристрастные толки, сдѣлался теменъ и неизвѣстенъ», и, въ-четвертыхъ, «вслѣдствіе несходства прежнихъ временъ и обычаевъ съ настоящими». Сами депутаты повторяютъ нѣкоторые изъ указанныхъ критическихъ положеній, какъ напр., то, что въ Соборномъ Уложеніи «на многіе случаи недостаетъ предписаній, въ другихъ, наоборотъ, послѣдующими указами каждое дѣло умножено законами». Изъ ихъ круга выдвигается и совершенно новое соображеніе противъ стараго уложенія: оно де «начинается опредѣленіемъ наказаній за преступленія, но имѣетъ ли кто къ чему право, или чѣмъ кто обязанъ, о томъ тамъ умалчивается». Конечно, этотъ крупный недостатокъ не могъ быть устраненъ послѣдующими указами, въ виду ихъ разроз-

пенности, и ими, оказывается, «весьма многое случайно запрещено, но того трудно сыскать, по какому праву остальнымъ кто пользуется». Обращено было вниманіе также на то обстоятельство, что, противъ прежняго, не только сырого законодательнаго матеріала было гораздо больше, но и характеръ этого матеріала сталъ разнообразнѣе, что къ указамъ московскаго времени прибавились съ одной стороны уставы и регламенты, составленные по западно-европейскимъ образцамъ, съ другой — мѣстныя законодательства и нормы обычнаго права вновь присоединенныхъ областей. Въ виду этого, по словамъ Екатерины II, написаннымъ ею въ секретномъ наставленіи генералъ-прокурору кн. А. Вяземскому, предстояло не больше и не меньше, какъ «Малую Россію, Лифляндію (Балтійскія провинціи) и Финляндію (Выборгскую губернію) привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки къ лѣсу». Она же писала Вольтеру, что проектируемое уложеніе «должно служить для Азіи и для Европы».

Но независимо отъ количества и пестроты матеріала, осложнились также требованія и цѣли, съ которыми въ это время подходили къ дѣлу кодификаціи права. Кромѣ уничтоженія юридической черезполосицы, установленію формальной законности должно было содѣйствовать строгое разграниченіе понятій закона и административнаго распоряженія. Въ этомъ отношеніи Екатерина II шла по пятамъ своихъ предшественниковъ. Уже Петръ Великій дважды, въ 1714 и въ 1720 гг., приступая къ кодификаціи права, повелѣлъ различать между указами, «которые въ постановленіе какого дѣла изданы... по вся годы» и «временными» распоряженіями. По аналогичному поводу генералъ-прокуроръ кн. Трубецкой въ 1743 г. предлагалъ отличать указы «временные» отъ «принадлежащихъ до вѣчнаго опредѣленія». Екатерина II своей критикой еще ближе подошла къ недостаткамъ русскаго законодательства не только по формѣ, но и по содержанію. Она не только хотѣла все ввести въ одну систему, раздѣливъ временныя и на персоны данныя распоряженія отъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ законовъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ находила, что сами «существующіе законы мало соотвѣтствуютъ положенію имперіи вообще», «климату»

ся и «умопачертанію народа». Наказъ императрицы тоже пытается опредѣлить разграничительные признаки понятій закона и административнаго распоряженія. Подъ законами онъ понимаетъ «тѣ установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣниться», указами же онъ считаетъ «все то, по крайней мѣрѣ, со стороны содержанія. Не дѣлая этихъ случайно или на чью особу относящееся и можетъ со временемъ перемѣниться». Но приведенныя опредѣленія еще не заключаютъ въ себѣ никакого намека на то, чтобы положить конецъ внѣшнему смѣшенію главныхъ видовъ закона, основныхъ и обыкновенныхъ, если не по способу изданія, то, по крайней мѣрѣ, со стороны содержанія. Не дѣлая этихъ формальныхъ различій, Наказъ за то весьма точно и опредѣленно высказывается о цѣли законовъ и природѣ власти, объ ихъ общемъ призваніи охранять права гражданъ и интересы народа. «Въ чемъ цѣль самодержавія?» спрашиваетъ Наказъ и даетъ, затѣмъ, на поставленный вопросъ слѣдующій отвѣтъ. «Не въ томъ, чтобы лишить людей ихъ естественной свободы, но въ томъ, чтобы направить ихъ дѣйствія къ величайшему изъ всѣхъ благъ», т.-е. къ свободѣ. Въ свою очередь, «законы должны сколько возможно охранять безопасность каждаго гражданина въ частности». Въ этомъ Екатерина видитъ условіе политической свободы. «Свобода, — говоритъ она словами Монтескье, — есть право дѣлать все, что не запрещено законами». Къ этому опредѣленію, уже отъ своего имени, она прибавляетъ, что, съ другой стороны, «ничего не должно запрещать законами, кромѣ того, что можетъ быть вредно или каждому особенно, или всему обществу. Всѣ дѣйствія, не заключающія въ себѣ ничего такого (т.-е. вреднаго), нисколько не подлежатъ законамъ, которые установлены только съ цѣлью доставить наибольшее спокойствіе и пользу живущимъ подъ властью этихъ законовъ». На этомъ основаніи, заключаетъ императрица, «политическая свобода въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, вытекающее изъ мнѣнія, который каждый имѣетъ о своей безопасности; и для того, чтобы граждане имѣли эту свободу, нужно, чтобы правительство было таково, чтобы одинъ гражданинъ не боялся другого, но всѣ боялись бы одних законовъ». Такова точка зрѣнія Екатерины II. Не-

редовые умы изъ общества во многомъ сходились съ діагнозомъ императрицы, а кое-что въ положеніи вещей понимали даже лучше ея. Такъ, кн. М. Щербатовъ тоже высказывался въ томъ смыслѣ, что въ новомъ уложеніи надо «сообразить политическіе и гражданскіе законы съ божественными и естественными»,... «умоначертаніе народное съ расположеніемъ страны» и... «пользы народныя съ пользою государевою и государства». Его современникъ гр. Н. Панинъ, какъ намъ извѣстно, жаловался на отсутствіе «формы и порядка въ правительствѣ», требовалъ для Россіи правильнаго государственнаго устройства.

Сопоставляя всѣ эти отдѣльныя мнѣнія, касающіяся разныхъ сторонъ нашего законодательства XVIII в., мы приходимъ къ заключенію, что на этотъ разъ при изданіи новаго кодекса рѣчь шла, повидимому, о томъ, чтобы въ немъ отразить съ должною полнотою идею раціональнаго государства въ формѣ подзаконной монархіи. Въ этомъ вожделѣнномъ уложеніи должны были найти себѣ признаніе, на ряду съ обязанностями, и права населенія и фиксироваться законные предѣлы дѣятельности самой власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ новое уложеніе должно было получить силу на всемъ протяженіи государства, такъ что всѣ части его, безотносительно къ ихъ историческому прошлому, пользовались бы выгодами строгаго единообразія законовъ и установленій. Наконецъ, наиболѣе пылкіе мечтатели — а таковыми, какъ мы видѣли ранѣе, являлись и Екатерина II и ея сотрудники изъ бюрократіи и общества — связывали съ введеніемъ усовершенствованнаго законодательства надежды не на одно формальное упорядоченіе юридическихъ отношеній, но и на вполнѣ осязательныя блага для населенія, а именно водвореніе всеобщаго благоденствія въ странѣ.

Устроеніе Россіи помощью мудрыхъ законовъ Екатерина II предполагала совершить своею властью, пользуясь совѣтами сперва разныхъ европейскихъ знаменитостей, особенно изъ французскихъ просвѣтителей, какъ Вольтеръ, Дидро и др., а затѣмъ выборныхъ своего народа въ созванной ею въ 1767 г. Большой комиссіи. Эта комиссія является самымъ грандіознымъ опытомъ призыва народнаго представительства въ законодательной дѣятельности въ XVIII в.

Въ 1725 г. появляются въ законодательной комиссіи первые выборные отъ присутственныхъ мѣстъ, въ 1728 г. — отъ общества, но какъ въ этихъ, такъ и въ послѣдующихъ комиссіяхъ участвовали также назначенные члены. Комиссія 1767 г. тѣмъ и отличается, что она была составлена исключительно на выборныхъ началахъ. Этотъ способъ организаціи законодательства представлялъ собою дальнѣйшее развитіе недавнихъ историческихъ прецедентовъ, идеи земскихъ соборовъ, оплодотворенной знакомствомъ съ иностранной политической литературой, главнымъ образомъ, съ „Духомъ законовъ" Монтескье, и съ живымъ примѣромъ западно-европейскихъ представительныхъ учрежденій, въ особенности англійскаго парламента. Пруссія и Австрія, образовавшія для аналогичныхъ цѣлей учрежденія чисто бюрократическаго характера, въ вопросѣ о составѣ Комиссіи не оставили никакихъ слѣдовъ на мѣропріятіяхъ русской императрицы. Но послѣдняя устояла также противъ искушенія, въ которое старался ее ввести Дидро, посовѣтовавшій превратить Комиссію въ постоянное учрежденіе, надѣлить ее правомъ петицій и признать таковыя обязательными для власти въ случаяхъ, когда ихъ справедливость будетъ подтверждена фактомъ повторной подачи правительству. Еще въ другой связи (гл. III) были указаны причины, субъективныя и объективныя, которыя привели самое существованіе Комиссіи къ скромному и безславному концу. Но Большая комиссія выдѣлила изъ своей среды, по мѣрѣ надобности, рядъ частныхъ комиссій. Эти комиссіи занимались составленіемъ экстрактовъ—однѣ изъ законовъ, другія изъ наказовъ, привезенныхъ депутатами отъ своихъ избирателей, и мнѣній, поданныхъ ими самими въ Комиссіи. Весь этотъ матеріалъ былъ предварительно собранъ особой комиссіей сводовъ, дѣйствовавшей съ начала 1767 г., значитъ, еще до собранія депутатовъ, при „комисской архивѣ", и имѣвшей бюрократическій характеръ. Когда въ началѣ 1769 г. послѣдовалъ роспускъ Большой комиссіи, дѣятельность малыхъ не прекратилась, а стала только болѣе замкнутой. Номинально всѣ малыя комиссіи съ выборнымъ составомъ продолжали функціонировать послѣ ихъ офиціальнаго закрытія въ 1774 г. По крайней

мѣрѣ, упоминанія о нихъ, какъ о дѣйствующихъ учрежденіяхъ, встрѣчаются до самой смерти императрицы. На самомъ дѣлѣ это были, конечно, уже однѣ канцеляріи, состоявшія раньше при малыхъ выборныхъ комиссіяхъ и унаслѣдовавшія отъ нихъ важное дѣло приготовленія матеріаловъ для изданія уложенія, въ которомъ одинаково нуждалось и русское общество, и русское правительство того времени. Всѣ малыя комиссіи прошли указанную эволюцію.

Наибольшее реальное вліяніе на ходъ развитія русской государственности оказали тѣ изъ малыхъ комиссій, которымъ, какъ было указано выше, надлежало дѣлать своды изъ мнѣній и проектовъ, представленныхъ депутатами. Работы этихъ комиссій во многомъ опредѣлили послѣдующее, уже бюрократическое по формѣ и дворянское по направленію, законодательство Екатерины II въ его главнѣйшихъ памятникахъ — «учрежденіи о губерніяхъ» и «жалованныхъ грамотахъ». Наоборотъ, комиссіи, которыя составляли экстракты изъ законовъ, имѣли важное лишь въ принципіальномъ смыслѣ значеніе, именно съ точки зрѣнія исторической преемственности извѣстной юридической идеи. Онѣ своею дѣятельностью ближе всего подошли къ основной цѣли, къ дѣлу созданія общаго кодекса, служить которому призвана была Большая комиссія. Именно главная изъ малыхъ комиссій послѣдней категоріи, носившая названіе комиссіи «о порядкѣ государства въ силѣ общаго права», получила отъ государыни особое порученіе. «Сія комиссія,—читаемъ мы въ соотвѣтственной инструкціи,—по данному нами начертанію, имѣетъ два важные предмета: первый о властяхъ среднихъ, подчиненныхъ, зависящихъ отъ верховной и составляющихъ существо правленія; второй — распредѣленіе на части цѣлаго общества, для лучшаго соблюденія въ немъ порядка. Но приступить къ сему инако не возможно, какъ узнавъ прежде совершенно то, что въ государствѣ нашемъ теперь дѣлается въ разсужденіи обоихъ силъ предметовъ». Лишь по предварительномъ и «порядочномъ объясненіи всѣхъ этихъ вопросовъ касательно нынѣшняго состоянія государства во всѣхъ онаго частяхъ», комиссія, по мнѣнію Екатерины, можетъ «приступить къ обсужденію недостат-

ковъ и неудобностей, обрѣтающихся въ нынѣшнихъ правительствахъ и въ распредѣленіи частей цѣлаго общества по всѣмъ ихъ разнымъ предметамъ, смотря и на обширность россійской имперіи». Желая опредѣлить тотъ слѣдъ, который оставила по себѣ въ юридической жизни Россіи дѣятельность Большой комиссіи 1767—1774 гг., въ лицѣ принявшихъ ея наслѣдство малыхъ комиссій, послѣдній изслѣдователь вопроса, А. С. Лаппо-Данилевскій, приходитъ въ своемъ резюме къ тому выводу, что «комиссія для составленія сводовъ и комиссія о порядкѣ государства въ силѣ общаго права, вѣроятно, болѣе другихъ содѣйствовали послѣдующимъ работамъ надъ полнымъ собраніемъ и сводомъ законовъ». Правда, и эти комиссіи поставленной ими цѣли не достигли. Работа перешла въ неоконченномъ видѣ въ указанныя выше канцеляріи, гдѣ она, однако, «несмотря на всѣ препятствія продолжалась до тѣхъ поръ, пока не принесла давно ожидаемый, хотя и запоздалый плодъ». Свой трудъ, получившій названіе «Описанія внутренняго правленія россійской имперіи со всѣми законоположенія частями», указанныя канцеляріи выполнили, если и не при активномъ содѣйствіи, то, вѣроятно, не безъ вѣдома императрицы, подъ ближайшимъ надзоромъ ген.-прокурора кн. А. А. Вяземскаго. Сочинителями отдѣльныхъ главъ описанія являлись лица, служившія въ разныхъ канцелярскихъ должностяхъ по Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, въ которой они и прошли школу кодификаціонной техники. Весь трудъ былъ законченъ по частямъ въ теченіе времени отъ 1775—1783 гг.

Разсматриваемое со стороны содержанія, «Описаніе» даетъ обзоръ развитія нашего государственнаго строя, поскольку оно отразилось въ законодательствѣ, съ московскаго періода русской исторіи до момента составленія этого труда. При сравненіи «Описанія» съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ оказывается, что въ первомъ законодательство со временъ Соборнаго Уложенія и до начала восьмидесятыхъ годовъ XVIII в. представлено полнѣе, нежели въ послѣднемъ, хотя пропусковъ все-таки въ немъ немало. Оно даетъ одинъ сырой матеріалъ, и авторы сознательно воздерживаются отъ какихъ-либо прямыхъ разсужденій по его поводу. Только

благодаря тому, что узаконенія расположены въ хронологическомъ порядкѣ и по царствованіямъ, въ изложеніе вносится извѣстная система. Законы и указы не приводятся цѣликомъ и языкомъ подлинниковъ, а въ сухомъ и сокращенномъ пересказѣ, при которомъ авторы все же стремились по возможности придерживаться подлиннаго текста излагаемыхъ актовъ. Эти пріемы изложенія объясняются тѣмъ, что сборникъ преслѣдовалъ образовательныя цѣли. «Сочинители описанія, — говоритъ А. Лаппо-Данилевскій, — какъ видно, желали предложить читателямъ лишь болѣе общія нормы права, но лишали вмѣстѣ съ тѣмъ сборникъ конкретнаго жизненнаго содержанія». Опускались даже «мотивировки, объясняющія намъ генезисъ того или другого памятника». Очевидно, что одинъ перечень общихъ постановленій, вдобавокъ, при непривычкѣ читателей имѣть дѣло съ отвлеченными формулами права, какъ заключаетъ названный ученый, дѣлаетъ сборникъ мало пригоднымъ для достиженія поставленныхъ ему цѣлей. Но кромѣ сокращенія текстовъ, при отсутствіи какого-либо точнаго и неизмѣннаго критерія, всегда оказывающагося довольно произвольнымъ, описаніе страдаетъ еще фактическими пропусками и неточностями съ явно тенденціознымъ умысломъ. Такъ какъ «правленія, до внутреннихъ неустройствъ принадлежащія», согласно мнѣнію авторовъ, не должны были войти въ порядокъ описанія, то въ немъ совсѣмъ не нашли себѣ мѣста времена регентства Анны Леопольдовны и Бирона, а указы Петра III были причислены ко времени царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Это «исправленіе» исторіи, какъ было упомянуто въ III главѣ, не прошло даромъ и для Полнаго Собранія Законовъ, составленнаго 50 лѣтъ спустя.

Какую цѣнность, спрашивается, представляетъ собою «описаніе», если разсматривать его не съ точки зрѣнія его историко-юридической поучительности для любознательныхъ читателей, а какъ законодательный памятникъ въ узкомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Прежде всего нельзя отрицать того, что «описаніе» является наиболѣе полнымъ собраніемъ узаконеній, составленнымъ въ XVIII в. Оно содержало «столько главъ, сколько существо внутренняго въ

Россіи правленія главныхъ частей въ себѣ заключаетъ». Такихъ главъ оказывается 11: 1) о порядкѣ государства въ силѣ общаго права; 2) о правосудіи; 3) о народномъ просвѣщеніи; 4) о земскомъ и городскомъ благочиніи; 5) о почтахъ и большихъ дорогахъ; 6) о государственныхъ доходахъ; 7) о государственномъ изобиліи; 8) о торговлѣ; 9) объ учрежденіяхъ для содержанія въ добромъ порядкѣ сухопутныхъ и морскихъ силъ; 10) о правахъ и преимуществахъ государственныхъ родовъ и 11) о правахъ надъ вещами. Но историческое расположеніе указаній въ каждой главѣ, безъ подчиненія ихъ системѣ, вытекающей изъ юридическихъ свойствъ матеріала, и безъ различенія отмѣненныхъ законовъ отъ дѣйствующаго права, лишаетъ «описаніе» необходимыхъ признаковъ кодекса. Преслѣдуя двѣ совершенно разнородныя задачи, какъ созданіе общедоступнаго руководства по законовѣдѣнію и какъ установленіе правомѣрныхъ отношеній въ государствѣ, приведеніемъ въ извѣстность всего матеріальнаго права въ систематическомъ изложеніи, составители «описанія» не достигли ни одной изъ поставленныхъ цѣлей. «Описаніе, — говоритъ А. Лаппо-Данилевскій, — не простое собраніе законовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, но и не настоящій переработанный сводъ одного дѣйствующаго права».

Но эти внутренніе недостатки въ планѣ и исполненіи «описанія» были вскрыты только ученой критикой нашего времени. «Описанію» не пришлось выдержать никакого практическаго искуса, такъ какъ оно не увидѣло свѣта. Это зависѣло прежде всего отъ тѣхъ условій, въ которыхъ «описаніе» составлялось. Екатерина II врядъ ли интересовалась ходомъ и результатами работъ, если она только вообще была посвящена въ нихъ. Исходъ Комиссіи 1767 г. разубѣдилъ ее въ возможности сразу создать цѣлую систему новыхъ юридическихъ «нормъ». Вѣроятно, она также не надѣялась больше, что, даже въ случаѣ осуществленія этой системы, одного провозглашенія ея будетъ достаточно для того, чтобы поставить русскую жизнь на новыя основанія. Путемъ частныхъ реформъ, начатыхъ снизу, императрица намѣревалась теперь внести законность въ управленіе и отношенія поддан-

ныхъ. На этомъ пути важнѣйшими этапами представляются преобразованіе областного устройства (1775) и организація сословій (1785). Послѣ этого «изданіе сборника законовъ, въ значительной степени уже утратившихъ свою силу, становилось, если не излишнимъ, то во всякомъ случаѣ не столь необходимымъ, какъ прежде» (Л.-Д.). Отъ губернской реформы Екатерина ожидала болѣе, чѣмъ одного техническаго совершенствованія административной машины: она должна была, по ея словамъ, «приготовить и облегчить лучшее и точнѣйшее исполненіе издаваемыхъ впередъ полезнѣйшихъ узаконеній». А жалованныя грамоты являлись гражданскимъ уложеніемъ для всей свободной части русскаго общества, съ закрѣпленіемъ тѣхъ реальныхъ отношеній, которыя существовали внутри нея къ моменту опубликованія грамотъ. Далѣе, если въ глазахъ самой императрицы составленіе новаго кодекса потеряло свое острое жизненное значеніе, то ген.-прокуроръ кн. А. Вяземскій тоже сталъ охладѣвать къ предмету своихъ недавнихъ хлопотъ. Работы надъ «описаніемъ», лежавшія въ плоскости прежнихъ замысловъ Екатерины, съ перемѣною въ ея настроеніи, естественно, перестали прельщать и его, бывшаго въ первую голову царедворцемъ. Кромѣ того, положеніе кн. Вяземскаго, вслѣдствіе какъ чрезмѣрной самостоятельности, такъ и явной неискренности его по отношенію къ своей учительницѣ, настолько пошатнулось въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ, что онъ своимъ личнымъ вліяніемъ даже не могъ обезпечить надлежащаго успѣха руководимому имъ предпріятію: готовый экземпляръ «описанія» даже не былъ напечатанъ, остался рукописнымъ сборникомъ и былъ похороненъ въ бумагахъ сенатскаго дѣлопроизводства. Насколько вся работа, потраченная на составленіе «описанія», оказалась напрасной, можно судить по тому, что ни одной изъ послѣдующихъ комиссій «для составленія или собранія законовъ» не пришлось воспользоваться плодами этихъ работъ. Въ правительственныхъ сферахъ къ указанному времени реакціонное направленіе возобладало вообще въ такой мѣрѣ, что даже наличность общедоступнаго простого свода законовъ, носящаго вѣдь всегда охранительный характеръ, не говоря уже о новомъ либеральномъ уложеніи, пугало

воображеніе. «Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ А. Лаппо-Данилевскій,—несмотря на охранительный оттѣнокъ, предполагаемый сводъ долженъ былъ способствовать юридическому образованію русскихъ людей, благодаря которому на болѣе прочной основѣ могло бы создаться и общественное мнѣніе, отражаемое прессой». Между тѣмъ, послѣдовавшіе въ 1790 г. арестъ Н. Новикова и ссылка А. Радищева являются лучшими иллюстраціями отношенія власти къ пробужденію сознательной мысли въ русскомъ обществѣ. Наконецъ, голоса названныхъ и другихъ передовыхъ людей, стремившихся сосредоточить всеобщее вниманіе на внутренней жизни Россіи, за двадцатилѣтіе отъ 1770—1790 г. въ возрастающей мѣрѣ стали заглушаться увлеченіемъ той ролью, которую Россія въ царствованіе Екатерины II стала играть на политическомъ театрѣ Европы. А въ диеирамбахъ одописцевъ Екатерина находила опору для своихъ военныхъ предпріятій, усматривая въ нихъ, правильно или нѣтъ, подлинное выраженіе національнаго чувства. Событія французской революціи усилили интересъ Екатерины къ внѣшней политикѣ не только сами по себѣ, осложнивъ ея игру новыми факторами, комбинаціями и перспективами, но пріобрѣли, въ связи съ броженіемъ у нея дома, такое симптоматическое значеніе для нея, что сообщили ея внутренней политикѣ еще болѣе профилактическое и репрессивное направленіе.

Вотъ почему попытки законодательства и кодификаціи XVIII в., послѣднимъ отголоскомъ которыхъ является Коммисія 1767 — 1774 г. и «Описаніе внутренняго правленія Россійской имперіи», въ данномъ случаѣ не привели къ цѣли, несмотря на страстное желаніе правительства и общества обладать сводомъ дѣйствующаго права, считавшимся тогда важнѣйшею основою господства правомѣрныхъ отношеній въ странѣ. Мы знаемъ, что въ западно-европейскихъ континентальныхъ странахъ были воодушевлены тѣмъ же желаніемъ. Со второй половины XVIII в. въ Пруссіи и Австріи предприняты были кодификаціонныя работы, съ цѣлью покончить съ юридическою черезполосицею, господствовавшей въ обоихъ государствахъ. Пруссія получила въ 1794 г. полный сводъ подъ названіемъ «Общаго земскаго права», тогда какъ Австрія дождалась изданія гражданскаго и уго-

ловнаго уложенія только въ 1811 г. Во Франціи при Людовикѣ XVI тоже задумали приняться за кодификацію ордонансовъ и даже мечтали объ общемъ сводѣ французскихъ законовъ, но на самомъ дѣлѣ изъ этихъ предположеній ничего не вышло. Только революція, поставившая этотъ вопросъ рѣшительнымъ образомъ, и Наполеонъ, разрѣшившій его своимъ кодексомъ, дали воплощеніе и удовлетвореніе давнишнимъ мечтамъ французскаго общества. Франціи, значитъ, при старомъ порядкѣ пришлось довольствоваться въ своемъ гражданскомъ быту сборниками, хотя и кодифицированнаго, но не сходнаго въ разныхъ частяхъ государства и устарѣлаго по времени своей редакціи (XVI и даже XV в.) кутюмнаго права. Изъ приведенныхъ примѣровъ отсутствія единообразнаго права, однако, не слѣдуетъ дѣлать того вывода, что Россія XVIII в. будто бы находилась въ одинаковыхъ, въ формально-правовомъ отношеніи, условіяхъ съ главнѣйшими западными абсолютными монархіями. Затронутый фактъ былъ довольно ощутителенъ въ хозяйственной жизни для сосѣднихъ названныхъ западно-европейскихъ странъ, такъ какъ мѣшалъ ихъ свободному промышленному развитію и товарообороту. Но въ гражданскомъ быту и въ отношеніяхъ между подданными и властью его значеніе смягчалось болѣе высокими правами общества и тѣми правовыми традиціями, въ которыхъ это общество воспитывалось въ теченіе долгаго времени средневѣковымъ корпоративнымъ строемъ. Конечно, никакихъ подобнаго рода опоръ не находило правосознаніе русскихъ людей въ историческомъ прошломъ своего отечества. Но съ какой же другой, какъ только съ точки зрѣнія русской общественности оцѣнивается въ этомъ мѣстѣ сугубо острое значеніе указанной неудачи Екатерининскаго царствованія.

Причины, по которымъ обладаніе уложеніемъ оказалось для Россіи XVIII в. неосуществимой мечтой, лежали какъ въ недостаткахъ внѣшней организаціи всего дѣла, такъ и въ непреодолимыхъ органическихъ трудностяхъ, которыя встрѣчала его постановка съ принципіальной стороны. Эти трудности выступили наружу, когда правительство, оставивъ по необходимости намѣреніе ограничиться изданіемъ Новоуложенной книги (1700) или Свода законовъ (1714), за-

далось цѣлью составить Новое уложеніе, въ которомъ нужно было свести воедино и обобщить старыя нормы московскаго права съ новыми началами, вносимыми въ жизнь правительственными реформами. Законодательство, служившее матеріаломъ для кодификаторовъ XVIII в., «отличалось, — по словамъ А. Н. Филиппова,—какъ несслаженностью, несходствомъ, по происхожденію, тѣхъ памятниковъ права, которые должны были явиться первоисточниками «новаго» уложенія, такъ еще болѣе — разнохарактерностью тѣхъ принциповъ, которые лежали въ основаніи нормъ подлежащаго теперь обобщенію матеріала въ единомъ новомъ кодексѣ». Къ указаннымъ органическимъ трудностямъ, заключавшимся въ самомъ подлежащемъ кодификаціи матеріалѣ и отношеніи къ нему законодательной власти, присоединяются чисто внѣшнія обстоятельства, въ смыслѣ неудовлетворительнаго личнаго состава комиссій и принятаго въ нихъ распорядка работъ. На самомъ дѣлѣ, кругъ людей, которыми располагало правительство, былъ очень невеликъ, и, привлекая ихъ въ комиссіи, оно, стало-быть, сверхъ текущихъ занятій, обременяло ихъ новыми работами по сложному дѣлу систематизаціи и обновленія законодательства. Назначаемые, далѣе, правительствомъ къ этому дѣлу люди въ очень рѣдкихъ случаяхъ соединяли въ себѣ теоретическія знанія права съ практическимъ знаніемъ законовъ. Ожидать же дѣйствительной помощи изъ среды самого общества правительственные чиновники, какъ мы видѣли, не могли, по крайней мѣрѣ, до средины XVIII в., въ виду прямого уклоненія сословныхъ депутатовъ отъ участія въ комиссіи и ихъ неподготовленности къ роли свѣдущихъ лицъ. Несостоятельность комиссій имѣла, въ свою очередь, своимъ естественнымъ послѣдствіемъ неумѣніе установить технически правильный распорядокъ работъ, согласованный съ постепенно осложняющимися условіями и задачами кодификаціи. Комиссіи, говоритъ по этому поводу А. Н. Филипповъ, «то печатали манифесты о сочиненіи уложенія, не сочинивъ его, то приступали къ составленію свода законовъ или даже уложенія, не сдѣлавъ предварительно собранія законовъ, на которыхъ должно было основываться само уложеніе». Однимъ словомъ, работа начиналась, такъ сказать, не съ начала, а съ конца,

варьируя только въ зависимости оттого, гдѣ отдѣльныя комиссіи полагали исходную точку и конечную цѣль своей дѣятельности. Наконецъ, уже выше (гл. III) было отмѣчено, въ чемъ заключалась, если можно такъ выразиться, вина, съ одной стороны власти, съ другой — русскаго общества, что высокія теоретическія идеи Наказа не увидѣли своего практическаго осуществленія, не стали законодательными опредѣленіями.

VII. Личная свобода и общественная самодѣятельность.

Въ настоящей главѣ необходимо, хотя бы вкратцѣ, разобраться, какъ разрѣшался на русской почвѣ, согласно абсолютистской теоріи, вопросъ о правоотношеніяхъ между государствомъ и подданными. Для изображенія этихъ отношеній, основанныхъ на началахъ безусловнаго господства и подчиненія, мы возьмемъ одно дворянство. Это, во-первыхъ, не выведетъ насъ по данному частному вопросу за предѣлы той части свободнаго населенія, надъ которой оперируютъ всѣ три статьи даннаго коллективнаго труда, поскольку каждой необходимо ставить и обслѣдовать свои спеціальные вопросы примѣнительно къ извѣстной соціальной средѣ. Во-вторыхъ, и при такомъ суженіи нашего поля зрѣнія можно представить съ надлежащей полнотой положеніе началъ личной свободы и общественной самодѣятельности въ русской жизни XVIII в., въ началѣ вѣка совершенно подавленныхъ на всемъ его протяженіи и только со второй его половины реализуемыхъ, хотя и то лишь законодательнымъ путемъ и на однихъ верхахъ общественнаго строя.

Соціальный строй московскаго государства XVII в. носилъ тягловый характеръ. Тягло, лежавшее здѣсь на населеніи, было двоякое — служебное или податное. Оно расчленяло населеніе на классы, соотвѣтственно тѣмъ экономическимъ состояніямъ, на которые оно естественно диференцировалось по различію занятій. Но тягло связывало эти классы не столько съ государствомъ, сколько съ лич-

ностью государя. Всѣ жители Московскаго государства, говоритъ В. Ключевскій, «по отношенію къ царю считались холопами, дворовыми его людьми, или сиротами, безродными и безпріютными людьми, живущими на его землѣ». Указанное отношеніе получило свое яркое выраженіе въ извѣстной формулѣ Грознаго: «жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны же». Понятіе личной крѣпости представляло собою промежуточную стадію между договорнымъ началомъ, на которомъ въ удѣльныя времена строились взаимоотношенія князя-вотчинника и проживающаго въ его владѣніяхъ населенія, и идеею государственнаго подданства, утверждающагося въ нашемъ политическомъ быту въ теченіе XVII вѣка. Два ряда явленій способствовали этой замѣнѣ одного порядка правоотношеній другимъ: политика московскихъ царей, боровшихся съ практикой свободнаго «перехода» и «отъѣзда», и событія Смутнаго времени, которыя заставляли общество съ одной стороны выбирать себѣ государя, съ другой—оставаться подолгу совсѣмъ безъ государя, чѣмъ не только научили его отдѣлять другъ отъ друга нераздѣльныя для него понятія государства и государя, но и сознавать первое, какъ идею высшаго порядка по сравненію со второй. Семнадцатый вѣкъ завѣщалъ восемнадцатому все свободное населеніе въ состояніи государственной крѣпости: одинъ классъ, землевладѣльческій, былъ крѣпокъ службѣ, другой, торгово-промышленный—двору, третій, крестьяне,—землѣ, но всѣ три класса одинаково были прикрѣплены къ территоріи государства и къ его потребностямъ, а не къ лицу царя. При восшествіи на престолъ Анны Ивановны происшедшая перемѣна отношеній даже была подчеркнута второю изъ формулъ присяги, выработанныхъ верховниками: согласно ей, подданные присягали, кромѣ государыни, въ одномъ мѣстѣ текста присяги, «и государству», а въ другомъ—«отечеству», а также обѣщали охранять пользу и благополучіе послѣдняго. Но съ крушеніемъ замысловъ верховниковъ предано было забвенію и это скромное терминологическое новшество.

Дѣйствительно, новыя юридическія отношенія общества къ верховной власти еще долгое время не только не входятъ въ практику жизни и сознаніе людей, но даже не

получають внѣшняго признанія во взаимныхъ сношеніяхъ обѣихъ сторонъ. Какъ складывались эти сношенія на дѣлѣ, можно заключить изъ того, что одна изъ группъ конституціоннаго шляхетства въ 1730 г. мотивировала свое выступленіе тѣмъ, что ей стало не вмоготу «идолопоклоничать». А какъ близка была эта характеристика къ дѣйствительности, можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Мѣсто изъятаго Петромъ изъ употребленія слова «холопъ» въ первой половинѣ XVIII вѣка занимаетъ слово «рабъ», какъ въ судебномъ приговорѣ и законодательствѣ, съ одной стороны, такъ и въ обращеніяхъ лицъ, находящихся на государственной службѣ, къ своему начальству—съ другой. Въ ряду преступленій, за которыя въ 1727 году генералъ-полицмейстеръ Девьеръ былъ приговоренъ судомъ къ кнуту и ссылкѣ, значилось неоказаніе «рабскаго респекта» царевнѣ Аннѣ Петровнѣ тѣмъ, что онъ остался сидѣть въ ея присутствіи. Одинъ изъ верховниковъ кн. В. Л. Долгорукій былъ осужденъ за то, что, «не боясь Бога и страшнаго Его суда и пренебрегая должность честнаго и вѣрнаго раба, дерзнулъ» и т. д. Ограниченіе дворянской службы 25-лѣтнимъ срокомъ, по разъясненію указа 1743 г., касалось лишь тѣхъ дворянъ, «которые въ продолженіе 25 лѣтъ служили вѣрно и порядочно, какъ вѣрнымъ рабамъ и честнымъ сынамъ отечества надлежитъ...» Русскій посланникъ при вѣнскомъ дворѣ въ царствованіе Елисаветы Петровны писалъ: «рабски разсуждая, что въ послѣднемъ указѣ явно и повторительно предписано мнѣ выѣхать..., не могъ обратить вниманія на ихъ (австрійскихъ министровъ) внушенія: не мое рабское дѣло въ то вступаться, чего разсмотрѣніе ваше величество сами себѣ предоставить изволили». Фельдмаршалъ гр. Апраксинъ въ донесеніи о Гросъ-Егерсдорфскомъ сраженіи 1757 г. далъ объ арміи такую общую аттестацію: «Всѣ вашего императорскаго величества подданные во ввѣренной мнѣ арміи при семъ сраженіи всякій по своему званію такъ себя вели, какъ рабская должность природной ихъ государынѣ требовала». При Екатеринѣ II, какъ мы имѣли случай отмѣтить, слово «рабъ» было, въ свою очередь, замѣнено названіемъ «вѣрноподданнаго». Но, во-первыхъ, это произошло не сразу. Согласно

обряду выборовъ въ Большую комиссію 1767 г., населенію отдѣльныхъ округовъ предписывалось избирать человѣка, который окажетъ себя вѣрнымъ рабомъ Е. И. В.» и т. д. Сами избиратели въ своихъ наказахъ «съ рабскимъ подобострастіемъ» обращались къ верховной власти. Во-вторыхъ, отъ указанной терминологической реформы до фактическаго измѣненія содержанія отвѣчающихъ указанному новому термину юридическихъ отношеній было еще далеко. Наконецъ, это словесное нововведеніе коснулось только свободнаго населенія. Въ то время, какъ предѣльною точкою, до которой дошла государственная власть въ пониманіи своихъ отношеній къ среднимъ и высшимъ классамъ общества за XVIII в., является теоретическое признаніе за ними извѣстныхъ правъ, та же власть совсѣмъ отказывается отъ своихъ верховныхъ правъ и обязанностей по отношенію къ крѣпостнымъ, съ одной стороны называя ихъ помѣщичьими подданными, а съ другой — откровенно приравнивая практиковавшійся ихъ господами режимъ къ «тиранству».

Съ установленіемъ въ XVII в. понятія территоріальнаго подданства, т.-е. подчиненія данной массы людей опредѣленной мѣстной государственной власти, создается основа, на которой уже могутъ слагаться отдѣльныя сословія, т.-е. цѣлыя группы подданныхъ, различія между которыми вытекаютъ не только изъ ихъ обязанностей, но и правъ въ отношеніи самого государства. Въ Россіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, государству во многихъ случаяхъ принадлежала инипіатива установленія сословныхъ различій. Но и тогда, когда эти различія складывались, помимо государства, порождались и укрѣплялись реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, они вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, нуждались для своего проявленія въ санкціи государственнаго законодательства. Тягловая организація русскаго общества въ томъ видѣ, какъ она была создана въ старой Москвѣ потребностями устанавливающейся государственности, стала утрачивать свое значеніе по мѣрѣ того, какъ послѣдняя овладѣвала болѣе совершенными орудіями властвованія и пріемами управленія, выработанными западноевропейскимъ политическимъ искусствомъ. Усиленная до крайности Петровскою реформою, значитъ, передъ самымъ

годность, былъ при абсолютистскомъ строѣ вообще очень неустойчивъ, а въ эпоху сліянія государства и особы монарха въ теоріи права и практикѣ управленія, особенно при женскихъ правленіяхъ, даже подчасъ весьма своеобразенъ. Эти неустойчивость и своеобразіе въ примѣненіи самаго критерія обусловливались, конечно, тѣмъ, что монарху, какъ носителю государственной идеи, предоставлено было право пожалованія дворянскаго достоинства. Затѣмъ, существовала вѣдь фикція наслѣдственной передачи годности, которая, естественно, приводила къ потомственному обладанію вытекающими изъ нея выгодами и преимуществами матеріальнаго и юридическаго характера. Оба средства, примѣнявшіяся еще Петромъ Великимъ, однако, представляютъ собою только видимое противорѣчіе основному положенію о томъ, что источникомъ благородства является служба государству, такъ какъ по идеѣ благородство жаловалось только за государственную службу, а потомственный дворянинъ, въ свою очередь, обязывался къ пожизненному несенію ея въ силу таковою его званія. Въ фразеологіи манифеста 1762 г. и жалованной грамоты 1785 г. мы встрѣчаемся съ новой идейной волной западно-европейской сословности, хлынувшей на насъ во второй половинѣ XVIII вѣка. Освободительный манифестъ, называя новое узаконеніе «утвержденіемъ всероссійскаго престола», впервые объявляетъ дворянство опорою монархической власти. Но вмѣстѣ съ тѣмъ манифестъ не забываетъ указать на то, что вольность и свобода даруется дворянству не за что иное, какъ именно только «за его прошлыя службы», за то, что въ его средѣ «невѣжество перешло въ здравый разсудокъ». Грамота же 1785 г., вопреки исторической правдѣ, утверждаетъ, будто «дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей». Въ обоихъ случаяхъ мы, конечно, имѣемъ дѣло съ отголосками разсужденій Монтескье. Но если искать политическое значеніе манифеста и грамоты въ употребляемыхъ ими словахъ и оборотахъ, то важнѣе отмѣтить, что въ обоихъ терминъ «шляхетство» замѣненъ словомъ «дворянство». Кромѣ того, въ самомъ заголовкѣ «жалованной» грамоты подчеркивается дарственный характеръ дворянскихъ правъ. Ка-

ности правильнѣе, систематичнѣе, завѣщанное московскимъ государствомъ», въ другихъ... «создать изъ завѣщаннаго Москвою служилаго человѣка... благороднаго шляхтича-дворянина».

Уже само названіе шляхтича, съ прибавленіемъ опредѣленія «благороднаго», выдаетъ, съ какими, хотя и смутными, мыслями связывалось это переименованіе московскаго служилаго человѣка въ умѣ царя-преобразователя. Заимствованное изъ Польши, но производимое отъ нѣмецкаго Geschlecht, это названіе заключало въ себѣ указаніе на значеніе рода или, какъ у насъ раньше выражались, породы. Но эта реформа, долженствовавшая какъ бы замести слѣды происхожденія сословія изъ княжеско-царской дворни, имѣла только терминологическое, да и то, какъ мы увидимъ, скоропреходящее, значеніе. Даже самъ иниціаторъ реформы, безъ сомнѣнія, не отдавалъ себѣ отчета, къ чему, собственно, она его обязываетъ. На самомъ дѣлѣ, «понятіе о благородномъ дворянинѣ,—говоритъ вышеназванный ученый,—связывается (Петромъ Великимъ) не съ понятіемъ о происхожденіи «отъ благороднаго корени», а съ понятіемъ о службѣ государству. Такой благородный получаетъ и спеціальное воспитаніе и образованіе, потребныя для его благородной службы». Петръ Великій не только не укрѣпилъ и не возвеличилъ принципа происхожденія, а, напротивъ, явно подчинилъ его началу личной выслуги. Законъ, которымъ послѣднее было проведено въ жизнь, была знаменитая «табель о рангахъ», открывшая доступъ въ чиновную знать, а отсюда и въ дворянство, людямъ худороднымъ. «Мы для знатной породы,—гласитъ именемъ царя, п. 8 «табели»,—никому такого ранга не позволяемъ, пока они намъ и отечеству никакихъ услугъ не покажутъ, и за оные характера не получатъ». А въ другомъ случаѣ, разъясняя сенату признаки знатности, Петръ Великій даетъ недавней московской традиціи личной квалификаціи еще болѣе выпуклое опредѣленіе. «Знатное дворянство, — пишетъ онъ, — по годности считать». Установленіе строгой зависимости между годностью лица и занимаемымъ имъ въ жизни и глазахъ другихъ положеніемъ нельзя не признать справедливымъ. Правда, критерій, на основаніи котораго опредѣлялась эта

собственной шляхетской, дворянской чести». Наконецъ, третья ступень въ развитіи лично-правового состоянія дворянъ знаменуется тѣмъ, что они, при сохраненіи вышеуказанныхъ привилегій, освобождаются отъ тягла, обязательной службы и учебы, иначе говоря, пріобрѣтаютъ личную свободу. Такимъ образомъ, понятіе о свободной человѣческой личности на русской почвѣ, какъ и въ западно-европейской жизни, получаетъ мѣсто въ общественномъ строѣ сперва по отношенію къ одному сословію, представляющему очень небольшое меньшинство, именно, какъ дворянская привилегія. Это право на личную свободу было «даровано» дворянству манифестомъ Петра III отъ 18 февраля 1762 г., а затѣмъ подтверждено и болѣе подробно развито «жалованною грамотою» Екатерины II отъ 21 апрѣля 1785 г.

Какова же была та личная свобода, которую пріобрѣтало дворянство съ появленіемъ манифеста. Прежде всего, оказывается, тѣ двѣ повинности, служебная и образовательная, которыя лежали раньше на дворянахъ, теперь утрачиваютъ свой внѣшне-принудительный характеръ, становясь, однако, внутренне обязательными. И впредь все значеніе дворянства должно обусловливаться несеніемъ указанныхъ повинностей. Такъ, гласитъ манифестъ, «кои никогда и никакой службы не имѣли»,... яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать (?) всѣмъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ внушалось, «чтобъ никто не дерзалъ безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ». Вся суть новизны, строго говоря, сводилась къ тому, что, съ одной стороны, дворянству была предоставлена свобода выбора средствъ пріобрѣтенія знаній «внутри государства въ учрежденныхъ разныхъ училищахъ, или въ прочихъ европейскихъ державахъ, или въ домахъ своихъ чрезъ искусныхъ и знающихъ учителей». Изъ этой свободы, въ свою очередь, вытекала другая: получая особое, недоступное другимъ сословіямъ образованіе въ спеціально дворянскихъ школахъ, такъ называемыхъ «шляхетныхъ корпусахъ», дворянство несетъ

службу, какъ военную, такъ и гражданскую, уже съ извѣстныхъ чиновъ, пріобрѣтаемыхъ ими еще во время обученія, на школьной скамьѣ.

Оцѣнивая значеніе принудительной государственной службы для дворянства, надо признать, что для массы она являлась источникомъ образованія и нѣкоторой внутренней дисциплины. Эти ея выгоды первоначально сказались въ смыслѣ повышенія индивидуальнаго уровня каждаго дворянина въ отдѣльности. Поставленный, послѣ отмѣны мѣстничества въ 1682 г., съ одной стороны, и введенія табеля о рангахъ въ 1722 г.—съ другой, въ условія личнаго соревнованія при прохожденіи службы, служилый человѣкъ долженъ былъ напрячь всѣ свои силы для удовлетворенія ея требованіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стараться извлечь изъ нея какъ можно больше выгодъ и преимуществъ для своего личнаго и семейнаго благополучія. Но если служба была единственнымъ занятіемъ дворянъ, то она все-таки не составляла ихъ исключительнаго интереса. Вознагражденіе на низшихъ и даже на среднихъ ступеняхъ службы было недостаточно для обезпеченія дворянину соотвѣтственнаго его званію или чину существованія, тѣмъ болѣе, что предъявляемыя къ нему въ этомъ отношеніи требованія возрастали по мѣрѣ большаго знакомства съ укладомъ жизни благороднаго сословія на Западѣ. Особенно важную роль въ смыслѣ ускоренія этого знакомства сыграла семилѣтняя война, которая явилась для массы рядового дворянства, служившей въ арміи, своего рода нагляднымъ обученіемъ въ правилахъ дворянскаго обихода и чести. Забота объ увеличеніи доходности собственнаго хозяйства все настойчивѣе и шире врывалась въ его сознаніе. Это обстоятельство, въ связи съ реальными тягостями службы въ полку или канцеляріи и, пожалуй, еще въ большей мѣрѣ, съ психологически непріятнымъ фактомъ принужденія, и вселяли ему стремленіе выйти на волю, уѣхать въ деревню, поселиться въ родной усадьбѣ. Но благодаря освободительному манифесту дворянство не только заняло новое положеніе въ государствѣ, въ сравненіи съ другими общественными группами, но оно фактически распылилось, потерявъ свою прежнюю служебную организацію и не получивъ взамѣнъ ея никакой новой.

Екатерининское правительство, не имѣя возможности учесть въ свою пользу вышеуказанное нравственное значеніе манифеста, въ виду своей непричастности къ его изданію, вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло почувствовало на себѣ его первыя дѣйствія отъ внезапнаго оставленія большимъ количествомъ дворянъ государственной службы. Оно естественно должно было искать выхода изъ создавшагося труднаго положенія. Въ этихъ видахъ комиссія гр. Панина, работавшая надъ проектомъ объ императорскомъ совѣтѣ, получила лично отъ императрицы порученіе пересмотрѣть указъ о вольности дворянства, «для приведенія его содержанія въ лучшее совершенство». Комиссіи надлежало «между собою совѣтовать, какимъ отъ насъ особливымъ собственнымъ государственнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить въ потомки свои изъ нашей руки залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія», иначе, «учредить такія статьи, которыя бы наивящще поощряли ихъ (дворянъ) честолюбіе къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества». Въ комиссіи старикъ гр. Бестужевъ-Рюминъ ставилъ вопросъ о дворянскихъ свободахъ и привилегіяхъ очень широко. Онъ предлагалъ: не брать дворянина подъ караулъ безъ предварительнаго судебнаго приговора; освободить его отъ пытки и тѣлеснаго наказанія; обезпечить отъ конфискаціи имущества въ случаѣ осужденія; отъ крестьянъ и холопей не принимать никакихъ прошеній и доносовъ на господъ и не допускать въ свидѣтели; дозволить имѣть на судѣ защитника изъ дворянъ; представить безпредѣльную власть надъ крестьянами и крѣпостными людьми. Въ предупрежденіе того, «чтобъ уволенное отъ службы дворянство, живя въ своихъ деревняхъ, не проводило время во вредной праздности и безпечности», онъ предлагалъ также создать изъ дворянства привилегированное сословіе съ корпоративной организаціей и носителя выборной службы на мѣстахъ, но безъ вліянія на общегосударственное управленіе. Послѣднее предложеніе вполнѣ отвѣчало идеямъ Екатерины II, такъ какъ, не умаляя достоинства самодержавія, льстило честолюбію дворянъ и, не измѣняя духу освободительнаго манифеста, давало въ руки правительства средство для переложенія на нихъ тяжелаго бремени

мѣстной администраціи. Зато сама комиссія отнеслась несочувственно къ предложенію своего члена. До ея сознанія не дошло значеніе, какое проектируемая организація имѣла для сословныхъ интересовъ дворянства, не говоря уже о возможности использовать ее въ политическихъ цѣляхъ. Комиссія отвергла предложеніе Бестужева-Рюмина, въ виду содержащихся въ немъ, по ея мнѣнію, «стѣсненій дворянской вольности». Съ другой стороны, она не допускала никакихъ опасеній, что дворянство теперь можетъ опять «обратиться къ прежнему нерадѣнію о службѣ», и наоборотъ, даже подчеркивала, что «всякъ за милость признаваетъ, когда онъ только къ службѣ допущенъ». Согласно съ такимъ взглядомъ, комиссія отклонила также предложеніе гр. Воронцова, «чтобы различать между дворянами, тѣми, кои служить не будутъ, старыя и новыя фамиліи, отличностями». Она откровенно противопоставила ему принципъ, положенный въ основу табели о рангахъ, что «знатность по годности», т.-е. по чину считать надо. Что же касается личныхъ правъ дворянства, то объ отношеніи къ нимъ въ формулировкѣ Бестужева свѣдѣній не имѣется. Такимъ образомъ, вопросъ о положительномъ содержаніи дворянскихъ вольностей былъ поставленъ вскорѣ послѣ ихъ объявленія столичными дворянскими сферами вмѣстѣ съ правительствомъ, но не разрѣшенъ ими.

Независимо отъ исхода въ центрѣ, въ самихъ дворянскихъ массахъ на мѣстахъ долженъ былъ теперь произойти процессъ внутренняго перерожденія и сословнаго самоопредѣленія. Толчкомъ къ этому тоже послужилъ манифестъ 1762 г. «Дворянство перекочевало въ уѣзды, — говоритъ бар. С. Корфъ, рисующій указанный процессъ, — стали образовываться и нарастать мѣстные интересы, начинали чувствоваться общая связь и солидарность провинціальнаго общества». Отсюда, естественно, вытекала, по его мнѣнію, потребность въ организаціи этихъ вновь зарождающихся интересовъ; силою необходимости образовались уѣздныя дворянскія общества; нужно было дать имъ правильную организацію, установить ихъ положеніе въ общемъ государственномъ строѣ. Однако, то, что по всѣмъ предположеніямъ должно было произойти, на самомъ дѣлѣ не сбылось. Со-

вершенно неожиданно, какихъ-нибудь 3—4 года по выходѣ на волю, дворянству пришлось силою вещей отдать себѣ и обществу отчетъ въ томъ, насколько подвинулся впередъ процессъ его органическаго образованія, приступить къ тяжелой работѣ осмысливанія и формулированія своихъ нуждъ, желаній, стремленій и общественно-политическихъ идеаловъ въ радикально измѣнившихся для него условіяхъ жизни. Это испытаніе дворянству пришлось сдать на выборахъ въ Большую законодательную комиссію 1767 г., въ наказахъ, отъ избирателей съ мѣстъ и въ собственныхъ рѣчахъ депутатовъ въ самой Комиссіи.

Для характеристики дворянскихъ выборовъ, достаточно указать на два факта: во-первыхъ, многими уѣздами вовсе не были посланы депутаты въ Комиссію, во-вторыхъ, тамъ, гдѣ выборы были произведены, избранными оказались почти исключительно лица, состоявшія на государственной службѣ, военной или гражданской, т.-е. чиновники. Приведенные факты свидѣтельствуютъ, конечно, о томъ, что дворяне не оцѣнили по достоинству предоставленнаго имъ права представительства и еще не сознали обособленности своихъ интересовъ отъ бюрократіи. Возложеніе въ частности, этого представительства, главнымъ образомъ, на чиновниковъ, объясняется тѣмъ, что манифестъ о выборѣ депутатовъ еще засталъ громадное большинство дворянъ на службѣ. Вѣковое воспитаніе населенія въ духѣ произвола съ одной и чиноначалія съ другой стороны, тоже не способны были предрасположить даже правящій классъ общества въ пользу избранія своими уполномоченными въ Комиссію независимыхъ людей. Но какъ ни объяснять причины указаннаго поведенія дворянства, само это поведеніе служитъ яркимъ показателемъ состоянія этой среды въ моментъ призыва къ самостоятельной жизни. Болѣе полную картину объ этомъ предметѣ намъ даютъ непосредственныя заявленія самихъ дворянъ въ Комиссіи.

Мы уже ссылались на депутатскіе наказы и рѣчи, когда выясняли степень пониманія дворянствомъ какъ его соціальныхъ интересовъ, въ противоположность къ другимъ общественнымъ группамъ, такъ и неотложныхъ вопросовъ устройства русскаго государства того времени (гл. IV). По

тѣмъ же документамъ мы будемъ теперь судить о томъ, до какой высоты успѣло развиться въ рядахъ дворянства чувство независимости, его общее и сословное правосознаніе ко времени его массоваго выступленія въ 1767 г. Оттуда же мы почерпнемъ свѣдѣнія о томъ, добивалось ли оно и, если добивалось, то въ какихъ именно формахъ — возможности постояннаго и корпоративнаго общенія въ будущемъ, какъ средства воспитанія себя въ правилахъ общественности и огражденія своихъ правъ отъ умаленія со стороны государства и въ его пользу.

Прежде всего оказывается, что дворяне, вышедшіе на волю по манифесту 1762 г., вовсе не явились въ деревню въ качествѣ носителей правовой идеи, съ цѣлью укрѣпленія ея въ повседневномъ быту. По крайней мѣрѣ однодворцы Тамбовской губерніи горько жаловались въ наказѣ своему депутату въ екатерининской Комиссіи на то, что они, мелкіе люди, терпятъ большія и постоянныя обиды отъ сосѣдей-дворянъ. Единственнымъ средствомъ обузданія дворянскаго своеволія они считаютъ примѣненіе тѣлеснаго наказанія. Съ отмѣной этихъ наказаній, по ихъ мнѣнію, «благороднымъ отъ насилія воздержать себя по оказуемой имъ вольности впредь невозможно». Что Тамбовская губернія не представляла собою дурного исключенія изъ общаго правила, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже самъ депутатъ въ Комиссіи. «Но почтеннѣйшее собраніе,—говоритъ онъ въ своей рѣчи,—о другихъ губерніяхъ не отваживаюсь, а что жъ о Воронежской и Бѣлгородской, смѣло увѣряю: гдѣ бъ какое жительство осталось безъ притѣсненія и обидъ отъ благороднаго дворянства спокойно? Подлинно нѣтъ ни одного, что и въ представленіяхъ отъ общества доказывается». Впрочемъ, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для дворянъ затрагивается только въ немногихъ наказахъ, да и впослѣдствіи въ Комиссіи это требованіе не встрѣтило сколько-нибудь значительной поддержки въ представителяхъ дворянскаго сословія. Чувство собственнаго достоинства и сословной чести, столь естественное и привычное для любой западной аристократіи, конечно, не могло пробудиться въ русскомъ дворянинѣ въ столь короткій промежутокъ времени послѣ выхода изъ крѣпостной неволи. Обращаясь въ наказахъ къ верховной

власти, цѣлыя уѣздныя общества «съ рабскимъ подобострастіемъ преклоняли колѣна сердецъ своихъ и припадали къ освященнымъ стопамъ». Русское дворянство этихъ наказовъ было далеко отъ гордаго самосознанія феодальной аристократіи. Оно хотя и твердо помнило, что его «начатокъ не инымъ образомъ произошелъ, какъ отъ достопамятныхъ дѣлъ и заслугъ предковъ ихъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ открыто заявляло, что «вся слава и честь дворянства — жертвовать себя въ службѣ Ея Императорскому Величеству». Мало того, возможны были случаи, когда самосознаніе провинціальнаго дворянства опускалось ниже служилаго происхожденія и значенія его достоинства. Такъ нѣкоторые помѣщики не постѣснялись подписаться подъ наказами своимъ депутатамъ чиномъ «придворнаго лакея». Правда, на ряду съ этимъ во множествѣ наказовъ и затѣмъ въ преніяхъ Комиссіи раздаются жалобы на то, что «подлородные, съ полученіемъ оберъ- и штабъ-офицерскаго чина, не только присваиваютъ себѣ одному только древнему дворянству свойственное благородіе», но даже «природу свою за равную съ таковыми почитать стараются», причемъ жалобщики ходатайствуютъ о томъ, чтобы «благородіе имъ (т.-е. подлороднымъ) не приписывать». Но стоитъ только ближе присмотрѣться къ наказамъ, содержащимъ указанный протестъ противъ «затменія» настоящаго дворянства отъ разночинцевъ, какъ убѣждаешься въ томъ, что за нимъ скрываются не столько аристократическія претензіи, сколько чисто практическіе мотивы—не подпускать къ землевладѣнію, составлявшему исключительно дворянскую привилегію, новыхъ лицъ. Эти новыя лица были просто нежелательны и какъ покупатели земель, такъ какъ отъ ихъ наплыва неустанно повышались цѣны на послѣднія, и какъ сельскіе хозяева, выбившіеся въ люди своимъ трудомъ, и потому очень опасные для барина-помѣщика конкуренты. Такое погруженіе въ чисто матеріальные интересы должно служить для насъ объясненіемъ, почему дворянство этого времени такъ равнодушно къ личнымъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ, сословнымъ правамъ своимъ. Въ дальнѣйшемъ будетъ также видно, что и исключительная заботливость дворянъ объ ихъ матеріальныхъ интересахъ не послужила къ увеличенію его политическаго вѣса.

Всѣ наказы требуютъ узаконенія дворянскихъ собраній, ихъ періодическаго созыва для выбора воеводъ и судей съ одной и разныхъ сословныхъ должностныхъ лицъ, какъ предводителей, съ другой стороны. Но изъ всѣхъ 158 дворянскихъ наказовъ только седьмая часть, а именно 23, даютъ болѣе или менѣе разработанные проекты сословнаго управленія. Далѣе, большинство изъ нихъ опять-таки выставляютъ дворянскихъ выборныхъ, напр. предводителей, не только сословными, но и обще-административными органами, стремясь подчинить себѣ черезъ нихъ уѣздное управленіе. Тѣ, немногіе, которые не впадали въ эту ошибку, обособляя дворянское сословное управленіе отъ обще-государственнаго, все же предоставляли его представителямъ права государственной службы; не будучи въ состояніи отдѣлаться отъ обаянія чина. Наконецъ, всѣ безъ исключенія возлагаютъ на выборные органы, кромѣ надзора за всѣмъ обществомъ своего уѣзда и вѣдѣнія его сословныхъ дѣлъ, еще роль уполномоченныхъ ходатаевъ и защитниковъ дворянъ передъ властями; большинство же наказовъ, какъ мы знаемъ, требовало прямо активнаго участія дворянства въ самомъ направленіи администраціи. Основываясь на послѣднемъ фактѣ, бар. С. Корфъ приходитъ къ выводу, что въ сознаніи дворянства желаніе использовать свое корпоративное устройство для полученія вліятельнаго участія въ мѣстной администраціи перевѣшивало надъ стремленіемъ къ сословному управленію. Тенденція къ захвату въ свои руки мѣстнаго управленія и суда, по его же выраженію, объясняется стремленіемъ къ подчиненію себѣ этимъ кратчайшимъ путемъ другихъ сословій. Вмѣсто того, чтобы вырабатывать свою корпоративную организацію, которую, какъ оказывается, ни создать, ни понять въ ея значеніи дворянство, за исключеніемъ немногихъ уѣздныхъ обществъ, не было подготовлено къ моменту призыва въ Комиссію, оно предпочло сдѣлать орудіемъ своихъ сословныхъ интересовъ общеправительственный механизмъ, на основаніяхъ, которыя влекли за собою для него самого потерю его внутренней независимости.

Борьба между родовитыми и худородными людьми, дворянствомъ помѣстнымъ и служилымъ или чиновнымъ, на почвѣ вопроса о способахъ пріобрѣтенія благородства была

перенесена и въ самую Комиссію. Велась эта борьба по поводу обсужденія въ общемъ собраніи «проекта правамъ благородныхъ», сочиненнаго комиссіею о государственныхъ родахъ. Если Наказъ такимъ средствомъ единственно признаетъ «ревность по службѣ», то проектъ, наоборотъ, отвергаетъ всѣ пути, кромѣ «происхожденія отъ предковъ того имени» или пожалованія верховной властью. Но это не помѣшало проекту въ предпочтеніи чина породѣ зайти такъ далеко, чтобы требовать для служащаго дворянина первое мѣсто передъ не служащимъ. Не возражая противъ этого требованія, общее собраніе все-таки сочло нужнымъ подчеркнуть, въ противовѣсъ нѣкоторымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, принимаемымъ властью уже съ 1763 г., и по чисто психологическимъ соображеніямъ, — необходимость яснаго и точнаго установленія въ законѣ права дворянъ не служить. Въ самомъ проектѣ, во главѣ всѣхъ требованій, касающихся личныхъ правъ, поставлена статья, опредѣляющая, что «благородные всѣ суть люди свободные». Свобода дворянская, по разъясненію проекта, — понятіе многогранное. Она состоитъ изъ свободы «избирать по собственной своей склонности и благоизобрѣтенію такую службу, какую сами пожелаютъ, а также въ правѣ «изъ службы по законамъ увольненіе брать и, наконецъ, «совсѣмъ въ службу не вступать». Далѣе, для благородныхъ выговаривается свобода отъ тѣлеснаго наказанія, отъ личныхъ податей, отъ уплаты пошлинъ со всякаго рода сдѣлокъ, — затѣмъ право быть судимымъ равными себѣ, право выѣзда за границу для поступленія на иностранную государственную службу и безъ службы, съ увольненіемъ отъ подданства, право владѣнія деревнями и крѣпостными и т. д. Вопросы корпоративной организаціи и сословнаго самоуправленія, прошедшіе незамѣченными для подавляющаго большинства дворянскихъ избирательныхъ собраній, не встрѣтили защитниковъ и въ Комиссіи. Изъ пятидесяти статей, на которыя распадается проектъ, лишь три говорятъ объ уѣздныхъ дворянскихъ обществахъ, устанавливая для нихъ право: 1) съѣзжаться для обсужденія собственно-сословныхъ и общемѣстныхъ дѣлъ въ означенное время и опредѣленное мѣсто; 2) избирать членовъ въ земскіе судьи; 3) заводить училища для своихъ

дѣтей обоего пола. Этотъ индифферентизмъ объясняется, конечно, тѣмъ, что за пятилѣтіе свободнаго проживанія дворянъ въ помѣстьяхъ у нихъ не могли сложиться ясно сознанныя потребности и навыки общественности. Не придавая указаннымъ сторонамъ дѣла большого значенія, «депутаты,—по словамъ бар. С. Корфа,—его, очевидно, считали достаточно выясненнымъ наказами и предоставили его рѣшеніе всецѣло правительству».

Подводя итоги развитію дворянства съ момента выхода освободительнаго манифеста до призыва въ первый разъ къ общественной дѣятельности, мы констатируемъ, что за указанное пятилѣтіе (1762 — 1767) въ его сознаніи успѣла только обозначиться, хотя и очень рѣзко, необходимость выясненія и опредѣленія своихъ личныхъ правъ, далѣе, обособленія себя отъ другихъ общественныхъ группъ, съ довольно замѣтнымъ наклономъ въ сторону полной замкнутости, и, наконецъ, захвата готоваго правительственнаго аппарата для непосредственнаго удовлетворенія съ его помощью своихъ соціально-экономическихъ вожделѣній. Стремленіе же къ корпоративной организаціи и сословному управленію, вообще очень слабо выраженное, было въ корнѣ подорвано въ своемъ общественно-правовомъ значеніи тѣмъ, что служило только почвой для полученія участія въ государственной администраціи.

Двѣ единственныя, но зато ярко сказавшіяся тенденціи дворянства — сохраненіе своего экономическаго преобладанія и пристрастіе къ государственной службѣ—встрѣтили должную поддержку въ екатерининскомъ правительствѣ. Мы видимъ, какъ въ періодъ отъ 1767—1775 гг. силою вещей упрочивается или вновь создается рядъ дворянскихъ сословныхъ органовъ, какъ губернское предводительство дворянства, дворянская опека, дворянское собраніе и т. п. Но мы убѣждаемся также въ томъ, что правительство на эти органы, сразу же по ихъ появленіи, не только возлагаетъ, кромѣ охраны дворянскихъ интересовъ, и несословныя функціи по общей администраціи, но что именно послѣднія задачи большею частью толкали его на мысль создавать или утверждать тѣ или другія выборныя должности и учрежденія. Такъ дѣло обстояло съ предводителями дворянства, въ которыхъ прави-

тельство усмотрѣло прежде всего хорошихъ и надежныхъ помощниковъ своимъ губернаторамъ и воеводамъ, считаясь съ тѣмъ, что послѣднимъ «невозможно будетъ вездѣ усмотрѣть въ разсужденіи пространства». Въ аналогичныхъ условіяхъ существовали и дворянскія собранія, за которыми были признаны только однѣ избирательныя функціи. «Учрежденіе о губерніяхъ» 1775 г. совершенно не опредѣляло компетенціи различныхъ дворянскихъ выборныхъ органовъ въ области сословнаго управленія, чему надо искать объясненія не въ одномъ томъ, что подобнаго рода задача выходила за предѣлы содержанія даннаго законодательнаго акта, но и въ слабомъ развитіи общественности въ рядахъ самого дворянства, не только въ Комиссіи 1767 г., но и послѣ роспуска ея удѣлявшаго меньше всего вниманія вопросамъ своего корпоративнаго устройства. Основныя начала сословнаго управленія, кругъ дѣйствія отдѣльныхъ его органовъ и ихъ роль въ государствѣ мало опредѣлились и въ послѣдующее десятилѣтіе до 1785 г. При этомъ мы наблюдаемъ удивительное зрѣлище, какъ императрица тщетно старается направить ихъ развитіе по руслу, гарантирующему возможно большую независимость дворянскимъ учрежденіямъ и ограждающему представительные органы дворянства въ дѣлѣ выборовъ, обсужденія сословныхъ нуждъ, сношеній съ правительствомъ и т. д. отъ вмѣшательства и давленія администраціи. Эту политику, покровительствующую дворянской независимости, Екатерина развила въ своей указной дѣятельности за названный промежутокъ времени. Изъ нея особенно выдѣляются «Высочайшія резолюціи на докладные пункты генералъ-губернаторовъ» 1778 г. Согласно этимъ резолюціямъ, между прочимъ, генералъ-губернаторамъ предписывалось «не быть при собраніи и выборахъ, но оставить имъ (дворянамъ) въ выборахъ полную свободу», а самимъ дворянскимъ собраніямъ разрѣшалось «дѣлать представленія или жалобы именемъ общества черезъ депутатовъ». Послѣдняя изъ двухъ приведенныхъ статей особенно важна: она совершенно измѣняетъ характеръ дворянскихъ собраній, которыя изъ чисто и просто избирательныхъ должны теперь стать органами сословнаго управленія, выразителями коллективнаго мнѣнія и воли постоянныхъ и

опредѣленныхъ по составу и правомочіямъ мѣстныхъ общественныхъ союзовъ. Между тѣмъ, изъ среды самого дворянства политика императрицы не встрѣчаетъ никакой поддержки. Кн. М. М. Щербатовъ относится прямо скептически и къ искренности намѣреній либеральнаго законодательства, и къ практическому значенію его результатовъ. Онъ находитъ, что, во-первыхъ, «учрежденіе собраній дворянскихъ не есть истинное право», дарованное дворянству въ его интересахъ, а «орудія правительственныя, къ тому же, по его словамъ, не для разсмотрѣнія общей и частной пользы установленныя, а которыя сносятъ для угнетенія самихъ же ихъ», т.-е. дворянъ, и, во-вторыхъ, что «чинъ губернскаго предводителя унодлялся» подчиненіемъ его подъ власть намѣстниковъ, яко разрушающимъ преграду власти намѣстниковъ надъ дворянами». Большинство же дворянъ какъ разъ сочувствовало приравненію службы выборной къ службѣ государственной, между прочимъ, требуя установленія строгой іерархіи въ прохожденіи должностей перваго рода и смотря на нихъ, главнымъ образомъ, какъ на подготовительныя ступени къ дальнѣйшей служебной карьерѣ. Принимая во вниманіе послѣднее, нельзя, конечно, не согласиться съ выводомъ по этому поводу бар. С. Корфа, что независимость, которую видимо стремилась отстоять для дворянскаго сословія императрица, была невозможна при противодѣйствіи самого дворянства.

Какъ же, спрашивается, справилась дворянская масса на практикѣ съ тѣми новыми условіями, въ которыя развивающееся законодательство ставило ея жизнь на мѣстахъ? Получивъ манифестомъ 1762 г. свободу отъ государственной службы, дворяне стали усиленно отливать въ свои деревенскія усадьбы. Отливъ былъ настолько великъ, что въ 1773 г. Екатерина констатировала, что большинство живетъ въ своихъ помѣстьяхъ. Однако уже въ самомъ началѣ царствованія Екатерины II, какъ видно изъ предложенія канцлера гр. Бестужева-Рюмина 1763 г., нѣкоторые останавливались на мысли какъ разъ использовать своеобразный абсентеизмъ дворянства изъ столицы въ государственныхъ интересахъ, возложить на образуемыя изъ него мѣстныя сословныя общества часть заботъ по мѣстному управленію

и благоустройству. Испуганные, во-первыхъ, возможностью потери власти надъ крестьянами, вслѣдствіе упраздненія крѣпостной неволи, слухи о которомъ стали возникать съ появленіемъ самого манифеста о вольности дворянства въ 1762 г., и во вторыхъ, требованіемъ документально удостовѣрить право и размѣры своихъ земельныхъ владѣній, предъявленнымъ указомъ о государственномъ межеваніи 1765 г., дворяне въ своихъ избирательныхъ наказахъ и въ рѣчахъ своихъ представителей въ Коммиссіи 1767 г. стояли, какъ мы знаемъ, не столько за представленіе ихъ сословію корпоративнаго устройства, сколько за передачу въ его вѣдѣніе дѣлъ мѣстной администраціи. Когда, далѣе, въ 1775 г. учрежденіемъ объ управленіи губерній уѣздная администрація и судъ сдѣлались выборными и въ значительной мѣрѣ дворянскими, дворянство взглянуло на выпавшую на его долю роль даже не какъ на «новый видъ государственнаго служенія», а какъ на «хозяйственное удобство» (В. Ключевскій) отдѣльныхъ дворянъ-помѣщиковъ, имѣвшихъ каждый въ лицѣ новыхъ должностныхъ лицъ какъ бы своихъ постоянныхъ ходатаевъ и опекуновъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Ужасы же только что пережитой чумы и Пугачевщины должны были отбить у дворянъ послѣднюю охоту использовать свое положеніе на мѣстахъ для борьбы съ властью въ политическихъ цѣляхъ и, наоборотъ, подсказать мудрое рѣшеніе не портить своихъ отношеній съ правительствомъ. Къ предоставленной же имъ возможности широкой самодѣятельности дворяне отнеслись очень небрежно: уѣзднымъ предводителямъ приходилось часто отправлять нарочныхъ за неявившимися въ должномъ количествѣ дворянами, съ приглашеніемъ на собраніе, а нерѣдко, оставаясь въ единственномъ числѣ, вслѣдствіе недѣйствительности напоминаній, производить отъ себя назначенія на выборныя по закону должности. Если же собранія и происходили, то при выборахъ и рѣшеніяхъ очередныхъ дѣлъ невѣжественное большинство одерживало верхъ надъ малочисленнымъ культурнымъ меньшинствомъ.

Жалованной грамотѣ 1785 г. почти оставалось только закрѣпить создавшееся до него положеніе. Въ отношеніи чисто личныхъ правъ дворянина, она во-первыхъ «под-

верждаетъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу», т.-е. всѣ тѣ права, которыя были дарованы ему до манифеста 1762 г. включительно. Во-вторыхъ, грамота признаетъ за дворянствомъ рядъ новыхъ привилегій, которыя были формулированы его представителями въ Большой комиссіи 1767 г., между прочимъ, въ разобранномъ выше проектѣ о правахъ благородныхъ. Эти привилегіи — слѣдующія: 1) благородный не можетъ быть судимъ никѣмъ, «окромѣ своими равными»; 2) «тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго»; 3) «безъ суда не лишается благородный жизни, чести и имѣнія», да и лишеніе по суду можетъ состояться не иначе, какъ по внесеніи въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества. Разсматривая грамоту въ ея отношеніи къ дворянству, какъ цѣлому, надо отмѣтить, что съ фактической стороны она вноситъ мало новаго въ его жизнь. Зато она имѣетъ несомнѣнно громадное юридическое значеніе, ставъ въ этомъ отношеніи основой всего дальнѣйшаго развитія корпоративныхъ правъ дворянства и его сословнаго управленія. Характерной для нея чертой является введеніе въ избирательный цензъ требованія оберъ-офицерскаго чина. Чреватой послѣдствіями была глухая формулировка взаимоотношеній, устанавливаемыхъ между правительственными и сословными органами, дворянскими собраніями и мѣстными коронными властями. Въ силу извѣстныхъ статей за намѣстниками, т.-е. генералъ-губернаторами, признавалось право вносить свои представленія на обсужденіе собраній, а послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность ихъ уваженіе, не говоря уже о томъ, что мѣстной администраціи было предоставлено утвержденіе дворянскихъ выборовъ, напр., губернскаго предводителя изъ двухъ представляемыхъ собраніемъ кандидатовъ.

Элементы бюрократизаціи міросозерцанія дворянства и его сословнаго управленія, заложенные въ жалованной грамотѣ, получили, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, очень сильное развитіе, заглушивъ собою, несомнѣнно, имѣющіеся въ немъ юридическіе зачатки самоуправленія. Нельзя отрицать въ этомъ случаѣ нѣкоторой вины за самимъ за-

конодательствомъ Екатерины II, своею отрывочностью и незаконченностью вообще и неопредѣленностью редакціи жалованной грамоты въ существенныхъ пунктахъ въ частности очень способствовавшимъ указанному обороту дѣла. Тяжелымъ условіемъ для судебъ грамоты являлось то обстоятельство, что толкованіе ея началъ и ихъ осуществленіе на практикѣ уже не могли произойти подъ руководствомъ императрицы, отвлекаемой все въ большей и въ большей степени послѣ 1785 г. внѣшними политическими затрудненіями отъ вопросовъ внутренняго управленія. Органы подчиненнаго управленія, сенатъ и мѣстная правительственная администрація, на которыхъ, естественно, пала эта задача, конечно, мало были склонны себя ограничивать. Возникающая отсюда опасность еще увеличилась тѣмъ, что къ этому времени палъ уровень самой администраціи, сошли со сцены лучшіе представители екатерининскаго царствованія, какъ Сиверсъ, Чернышевъ, Разумовскій, Панинъ, уступивъ мѣсто Потемкинымъ и ихъ креатурамъ, которые наложили на данныя имъ полномочія печать или самовластія, или бездѣйствія. Наконецъ, пріуроченіе къ разнымъ выборнымъ должностямъ, кромѣ чисто сословныхъ функцій, еще и важныхъ обще-административныхъ и земскихъ обязанностей, и допущеніе прямого совмѣстительства выборной службы съ правительственной, по общему недостатку въ людяхъ, лишали, съ одной стороны исполнительные и представительные органы дворянства необходимой самостоятельности, включая ихъ, въ порядкѣ іерархической подчиненности, въ цѣпь государственнаго бюрократическаго управленія, съ другой—ослабляли ихъ зависимость отъ пославшихъ ихъ дворянскихъ обществъ, подрывая этимъ дѣйственную силу послѣднихъ.

Въ царствованіе Павла I произошли новыя крупныя перемѣны въ положеніи дворянства, отнявшія у его сословнаго управленія и тѣнь самостоятельности, сократившія его компетенцію и обезцвѣтившія въ конецъ его роль общественнаго противовѣса государственному абсолютизму и правительственному всевластію. «Облеченіе» въ дворянское званіе и «утвержденіе» въ немъ становится исключительной прерогативой верховной власти (4 декабря 1796). Въ отмѣну

освободительнаго манифеста 1762 г. устанавливается обязательность выборной службы, приравненной къ государственной (5 окт. 1799 г., 31 марта 1800 г.). Корпоративное объединеніе дворянства было пріостановлено, его сила противодѣйствія ослаблена упраздненіемъ губернскихъ обществъ, разбивкой ихъ на уѣздныя и установленіемъ поуѣздныхъ выборовъ (14 окт. 1799 г.). Дворянскимъ собраніямъ запрещалась подача коллективныхъ ходатайствъ высшему правительству. «Для соблюденія добраго порядка при дворянскихъ собраніяхъ» послѣднія должны были происходить въ присутствіи, т.-е. подъ контролемъ губернаторовъ (9 марта 1797 г.). Губернскимъ правленіемъ было дано «право замѣщать открывшіяся до новыхъ дворянскихъ выборовъ вакансіи по собственному усмотрѣнію» (20 іюля 1797 г.). Предводители дворянства могутъ отлучаться изъ своего уѣзда только съ разрѣшенія губернатора (28 іюля 1797 г.), получавшаго, такимъ образомъ, дисциплинарную власть надъ главнымъ органомъ сословія. Это правило, подобно введенной для городскихъ классовъ жителей въ 1798 г. паспортной системѣ, стѣсняло личную свободу передвиженія дворянъ. На ряду съ законодательной политикой, влекущей за собою угасаніе и омертвѣніе общественныхъ интересовъ въ дворянствѣ, императоръ своимъ личнымъ обращеніемъ преднамѣренно, какъ мы знаемъ, убивалъ въ немъ сознаніе личнаго достоинства и корпоративной сословной чести. «Онъ началъ бить дворянъ палкой,—говоритъ въ своихъ запискахъ А. М. Тургеневъ,—и лишь только поднялъ Павелъ Петровичъ палку на дворянъ, все, что имѣло власть и окружало его въ Гатчинѣ, начало бить дворянъ палками. Дворянская грамота, какъ и учрежденіе объ управленіи губерніи, лежали въ золотомъ ковчегѣ на присутственномъ столѣ Правительствующаго Сената, не бывъ уничтоженными, но неприкосновенными, какъ подъ спудомъ».

Какъ же отвѣчало само благородное сословіе на дѣятельность, разрушавшую лучшіе памятники государственнаго и общественнаго строительства екатерининскаго царствованія и выбивавшую юридическіе устои благополучія и дальнѣйшаго соціальнаго роста дворянства изъ-подъ собственныхъ ногъ послѣдняго? Оно въ лучшемъ случаѣ него-

довало и пряталось въ своихъ медвѣжьихъ углахъ, но протестовать въ той или другой формѣ никому и въ голову не приходило. Раздача государственныхъ крестьянъ въ собственность дворянамъ-помѣщикамъ, не умѣющимъ и не могущимъ отстаивать собственнаго достоинства и права, съ цѣлью сдѣлать ихъ отеческими полицмейстерами, т.-е. чѣмъ-то въ родѣ соціальной жандармеріи, принесла пользу власти — съ точки зрѣнія господства неограниченнаго произвола бюрократіи, но зато въ конецъ замутила правосознаніе дворянства. Отмѣчая неблагопріятныя стороны офиціальной обстановки, слѣдуетъ еще въ большей мѣрѣ помнить самое состояніе дворянской среды, которая все-таки при извѣстной высотѣ могла и должна была въ значительной степени ослабить отрицательное вліяніе вышеуказанныхъ факторовъ. Характеризуя вкратцѣ эту среду, мы, конечно, въ первую голову должны обратить вниманіе на крайнее невѣжество, въ которомъ пребывало, за малыми сравнительно исключеніями, все дворянское сословіе, его некультурность вообще и общественную неразвитость въ особенности.

Это состояніе дворянства объясняется двумя причинами. Одной изъ нихъ является служилый характеръ дворянства на фонѣ русской государственности, придававшей дворянской службѣ специфическую окраску. Въ результатѣ взаимодѣйствія этихъ двухъ факторовъ оказалось, что, по выраженію М. Богословскаго, «въ отношеніяхъ дворянства къ верховной власти было много навѣяннаго крѣпостнымъ правомъ». Привычка дѣйствовать по указкѣ правительства и смотрѣть изъ его рукъ, при отсутствіи всякихъ традицій поведенія болѣе высокаго порядка въ прошломъ, какими обладала западно-европейская аристократія феодальнаго происхожденія, — все это породило у насъ въ благородномъ сословіи особый видъ сервилизма, прямое подхалимство, подмѣченное еще людьми XVIII в., кн. Щербатовымъ и др. «Жившее же въ деревняхъ дворянство, по грубости своей и бѣдности, рѣдко даже бывавшее въ своихъ уѣздныхъ городахъ, съ нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвалъ чернью?—вопрошаетъ одинъ изъ современниковъ князя, Винскій.—И сія-то благородная чернь—восклицаетъ онъ далѣе,—будучи самая люд-

ная, составляла дворянскія собранія!» Другая причина морально-политическаго ничтожества дворянства заключается въ господствѣ крѣпостного права, вѣрнѣе, въ сохраненіи его для народа при роковомъ условіи дарованія свободы дворянству и происшедшимъ оттого усиленіи тлетворнаго вліянія народной неволи прежде всего на самихъ привилегированныхъ защитниковъ ея. Отъѣздъ дворянъ въ деревню, правда, сыгралъ очень важную роль, приковавъ на время вниманіе правительства къ самостоятельному значенію провинціи. Но онъ носилъ чисто временный характеръ, былъ вызванъ не сильными и постоянными жизненными интересами, а внезапной радостью дарованной свободѣ и столь же неожиданно сгустившимися надъ дворянскимъ благополучіемъ тучами, когда въ связи съ этимъ событіемъ повсюду начались крестьянскія волненія. Во всякомъ случаѣ не тяготѣніе къ независимой и практически полезной жизни, не активный интересъ къ сельскому хозяйству и стремленіе къ личному управленію своими имѣніями въ цѣляхъ интенсификаціи ихъ культуры и поднятія ихъ производительности руководило поведеніемъ рядовой дворянской массы послѣ 1762 г. Освободительный манифестъ даже не превратилъ русскихъ дворянъ изъ простыхъ баръ въ сознательныхъ аграріевъ-юнкеровъ, не облагородилъ ихъ нравственнаго облика даже съ узко-сословной точки зрѣнія. Не неся никакой обязательной работы и не имѣя никакихъ серьезныхъ заботъ, благодаря, съ одной стороны, освобожденію отъ государственной службы и съ другой—обезпеченію даровымъ подневольнымъ трудомъ,—русское дворянство не пріобрѣло въ своемъ новомъ положеніи ни иниціативы, ни охоты и умѣнья къ планомѣрной и самостоятельной дѣятельности. Новое положеніе «доставляло ему вредный досугъ для празднаго ума», но не воспитало въ немъ «выдержки и постоянства въ трудѣ». «Вотъ почему,—говоря словами Богословскаго,—помѣщичій классъ вышелъ еще менѣе работоспособнымъ, чѣмъ крѣпостное крестьянство».

Если, оцѣнивая непосредственные результаты акта 19 февраля 1861 г., его противники говорили, что онъ явился преждевременнымъ, то съ неменьшимъ, казалось, правомъ то же самое можно сказать и объ актѣ

18 февр. 1762 г. Однако не можетъ быть спора, что примѣненіе къ обоимъ важнѣйшимъ освободительнымъ актамъ русскаго абсолютизма на пути къ установленію гражданскаго равноправія двухъ единственно правильныхъ критеріевъ исторической необходимости и политической цѣлесообразности, приводитъ къ тому простому и ясному выводу, что неудовлетворительность результатовъ этихъ актовъ обусловливается на самомъ дѣлѣ не ихъ преждевременностью, а ихъ внутреннею неполнотою. За ту обстановку крайняго легкомыслія, въ которой получилъ свое офиціальное начало манифестъ 1762 г., и ту соціальную несправедливость, которую онъ узаконивалъ въ русской жизни, освобожденное дворянство расплатилось своею будущею хозяйственною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественно-политическою немощностью. Когда праздничное настроеніе улетучилось, и лучшую часть дворянства, какъ говоритъ бар. С. Корфъ, опять «потянуло обратно въ столицы, ко двору, къ цивилизаціи, къ власти, карьерѣ, наконецъ, къ роскоши и комфорту», противодѣйствіе на мѣстахъ самоуправству большихъ и малыхъ администраторовъ въ наполненныхъ малоимочнымъ дворянствомъ представительныхъ и выборныхъ органахъ всего сословія стало прогрессивно уменьшаться. Наконецъ, полное безправіе подавляющаго большинства населенія въ силу одного своего существованія страшно понижало общій тонъ правовой жизни въ странѣ. Если же, вдобавокъ, правительству въ государственныхъ интересахъ приходилось постоянно принимать мѣры пресѣченія и предупрежденія противъ чрезмѣрнаго «тиранства» дворянъ-помѣщиковъ въ ихъ отношеніяхъ къ закрѣпощенному крестьянству, не встрѣчая при этомъ поддержки даже въ офиціальныхъ органахъ благороднаго сословія, то, очевидно, отсюда можно сдѣлать лишь тотъ выводъ, что послѣднее далеко не было подготовлено къ тому, чтобы стать авторитетнымъ и сознательнымъ факторомъ въ борьбѣ за извѣстный правопорядокъ.

Заключеніе.

Господствующимъ фактомъ западно-европейской жизни XVIII в., когда мы вступили съ нею въ тѣсное и постоянное соприкосновеніе, несомнѣнно, является абсолютная монархія, отъ которой расходятся и въ которой сходятся, какъ въ своемъ центрѣ, всѣ стороны и процессы этой жизни. Поднавъ подъ вліяніе западно-европейской культуры въ началѣ XVIII вѣка, русская государственность стала заимствовать у нея столь оправдавшіе себя въ организаціонномъ отношеніи элементы политическаго абсолютизма, его идейныя основы, какъ и реальныя средства. Этотъ процессъ заимствованія и сопровождавшая его критика, такъ же, какъ частныя попытки приложенія идей и практическаго опыта абсолютизма къ русской дѣйствительности длятся весь XVIII в. Смѣняющій же его XIX в. представляется временемъ систематической работы надъ установленіемъ и развитіемъ у насъ абсолютной монархіи, использованіемъ всѣхъ ея творческихъ силъ для устроенія и освѣщенія жизни во всемъ многообразіи ея проявленій, на ряду съ каковымъ процессомъ начинается также раскрытіе несостоятельности идеаловъ и порядковъ того же абсолютизма для разрѣшенія осложнившихся вопросовъ развитаго быта и сознательнаго общества. Въ XVIII в. у насъ произошелъ идейный разрывъ съ вывѣтривнимся самобытнымъ русскимъ самодержавіемъ, уцѣлѣвшіе обломки котораго сознательными людьми отожествлялись съ понятіемъ «деспотичества». Противополагаемая этому деспотичеству абсолютная, какъ истинная, монархія представлялась въ законченномъ видѣ системою, при которой неограниченная по существу верховная власть осуществляетъ свою волю чрезъ организованныя закономъ учрежденія, ограждающія подданныхъ въ предоставленныхъ имъ государствомъ частныхъ, личныхъ и имущественныхъ, правахъ.

Въ какомъ же состояніи XIX в. унаслѣдовалъ отъ XVIII тотъ строительный политическій матеріалъ, изъ котораго ему суждено было возвести зданіе русской абсолютной монархіи? Еще въ началѣ царствованія Екатерины II

гр. Н. И. Панинъ открылъ первопричину всѣхъ недостатковъ, которыми страдала практика управленія, въ отсутствіи правильной организаціи правительства. Именно то обстоятельство, что не было, по его словамъ, «формы и порядка въ правительствѣ», дало возможность установиться наиболѣе худшему изъ воплощеній личнаго начала въ государственномъ устройствѣ — режиму «временщиковъ и куртизановъ», обратившему правительственныя учрежденія просто въ «безгласныя и никакого образа государственнаго не имѣющія мѣста». Если мы вспомнимъ высказанное Тюрго королю Людовику XVI мнѣніе, что Франція не имѣетъ никакого устройства (n'a pas de constitution), служившее для него отправной точкой при выработкѣ плана реформы, — если припомнить отзывъ министра Штейна въ 1808 г. о томъ, что Пруссіи, дожившей до Іенской катастрофы, недостаетъ прежде всего какой ни на есть правительственной организаціи (Regierungsverfassung), — и если сопоставить съ обоими приведенными сужденіями критику государственнаго строя Россіи, принадлежащую гр. Панину, то мы убѣждаемся, что всѣ абсолютныя монархіи Европы страдали однимъ и тѣмъ же политическимъ недугомъ, что вездѣ въ свое время — гдѣ раньше, гдѣ позже — этотъ недугъ былъ сознанъ передовыми государственными умами, и его устраненіе ясно и опредѣленно поставлено передъ совѣстью высшей власти.

Самое существо верховной власти, ея построеніе въ смыслѣ опредѣленія источника, характера и функцій ея не получило у насъ твердой юридической формулировки въ положительномъ законѣ до конца XVIII вѣка. Были выработаны отдѣльные составные элементы такой формулы, отчасти взаимно противоположные и исключающіеся, но выбрать подходящіе и однородные изъ нихъ и, сдѣлавъ выборъ, слить послѣдніе въ одинъ основной законъ, — это предстояло сдѣлать творческому государственному уму уже слѣдующаго, XIX вѣка, М. М. Сперанскому. Относительно обоснованія власти, правда, историческая или легитимистическая точка зрѣнія была уже оставлена, но между естественно-правовой и метафизически-религіозной выборъ еще сдѣланъ не былъ. Въ отношеніи абсолютнаго характера власти, ея неограни-

ченности, дѣло обстояло ясно уже довольно рано: зато порядокъ и сферы ея дѣйствія стали опредѣляться только къ исходу XVIII в., точно такъ же, какъ и начало преемства престола.

Крупнѣйшимъ и прочнымъ результатомъ внутренняго политическаго развитія Россіи XVIII в., кромѣ выработки составныхъ элементовъ будущей цѣльной юридической концепціи русскаго государственнаго строя, является созданіе правильнаго типа государственнаго учрежденія, какъ постояннаго и закономѣрно функціонирующаго органа власти, взамѣнъ прежней системы личныхъ порученій. Въ связи съ этимъ находится отдѣленіе другъ отъ друга разныхъ сторонъ государственнаго управленія, находившихся въ московскій періодъ въ состояніи полнаго смѣшенія. Въ XVIII в. судъ окончательно былъ отдѣленъ отъ администраціи областной реформою Екатерины II, которая вернулась къ принципамъ Петра Великаго, ставшимъ временной жертвой политической несознательности промежуточныхъ царствованій. Отправленіе правосудія въ государствѣ, взятое въ отдѣльности, къ исходу XVIII стол. въ смыслѣ организаціонномъ, было поставлено на твердыя основанія, а именно утвердился извѣстный инстанціонный порядокъ для рѣшенія судебныхъ дѣлъ, съ завершеніемъ его въ сенатѣ, какъ высшемъ неоспоримомъ блюстителѣ правды въ странѣ. Не такъ успѣшны были усилія по устроенію администраціи, такъ какъ всѣ попытки создать учрежденіе, долженствующее объединить въ себѣ руководство всѣми отраслями правительственной дѣятельности, не увѣнчались желанными результатами до конца вѣка. Такова же судьба дѣла законодательства, упорядоченіе котораго оказалось тоже превосходящимъ силы власти и общества. Выполненіе этихъ двухъ задачъ, въ области техники управленія, и составляетъ завѣты XVIII в., и въ этомъ мѣстѣ все его политическое строительство соприкасается съ государственными преобразованіями М. Сперанскаго въ первой третиXIX стол. Послѣдній включилъ, но, какъ извѣстно, безрезультатно, въ свой планъ реформы и осуществленіе идеаловъ, лежавшихъ въ основѣ движенія общественныхъ верховъ въ XVIII в., которое должно было

привести къ иному распредѣленію политическаго вліянія между населеніемъ и исторической властью. Долгій и скорбный политическій опытъ XIX в. показалъ, что только указанное перераспредѣленіе вліянія является дѣйствительнымъ средствомъ противъ неподобающаго значенія «личнаго начала» въ государственномъ управленіи и для удержанія послѣдняго въ рамкахъ строгой законности.

Но мало того, что для утвержденія законности въ жизни въ XVIII в. не было достаточныхъ гарантій въ соотвѣтственномъ устройствѣ органовъ осуществленія законовъ и контроля за ихъ исполненіемъ. Этотъ вѣкъ страдалъ беззаконіемъ еще и въ томъ смыслѣ, что нормы права, долженствовавшія регулировать всю совокупность отношеній, независимо отъ ихъ внутренняго содержанія, не были приведены въ извѣстность, были противорѣчивы и недостаточны. Раціоналистическая идея государства требовала полнаго согласованія его во всѣхъ частяхъ на основѣ строгаго единообразія дѣйствующихъ законовъ и установленій. Вотъ почему, на ряду съ правительственной организаціей, предметомъ вниманія сперва одной власти, а затѣмъ и общества, становится упорядоченіе законодательства. Сборникъ законовъ, являвшійся предметомъ чаянія цѣлаго ряда поколѣній и подготовленный дѣятельностью разнообразныхъ установленій, постоянныхъ, какъ, напр., сенатъ и коллегій, и чрезвычайныхъ, какъ кодификаціонныя коммиссіи, былъ составленъ, но предназначенной ему роли въ исторіи русской государственности онъ все же не сыгралъ. Многіе недостатки, которыми, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, отмѣчены Собраніе и Сводъ законовъ, составленные впослѣдствіи Сперанскимъ, объясняются тѣмъ, что послѣднему остался неизвѣстенъ наиболѣе зрѣлый плодъ кодификаціонныхъ работъ XVIII в. Другой же, не менѣе громкій и живой голосъ XVIII в., взывавшій къ творчеству права въ цѣляхъ преобразованія и улучшенія людской жизни и конкретизировавшійся въ требованіи Новаго уложенія, заглохъ уже въ самомъ началѣ XIX ст. безслѣдно.

Наконецъ, низкій морально-правовой уровень русскаго общества конца XVIII в., проявлявшійся въ качествахъ административнаго состава, въ традиціяхъ, наклонностяхъ

и интересахъ дворянскаго класса и въ господствѣ крѣпостного права, объясняетъ намъ, почему среди самихъ управляемыхъ нельзя было найти элементовъ, способныхъ стать проводниками началъ истинной государственности въ русской жизни того времени. Только путемъ внутренняго роста, культурнаго и экономическаго, всего населенія, при благожелательномъ и просвѣщенномъ содѣйствіи правительственной власти, умѣющей учитывать уроки исторіи, могли постепенно сложиться элементы и центры, необходимые для общественной самодѣятельности и воспитанія народнаго правосознанія. Ставъ отцомъ русской бюрократіи, М. М. Сперанскій, не сдѣлалъ, конечно, ничего, чтобы создать благопріятныя условія для воспитанія въ русскомъ обществѣ сознательной воли къ внутреннему самоопредѣленію.

Литература.

(Указаны только книги и статьи, использованныя при составленіи настоящаго очерка).

Гл. I. *М. Дьяконовъ.* Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси, т. I (Юрьевъ. 1907); *Его же.* Власть московскихъ государей (СПБ. 1889); *В. Ключевскій.* Курсъ русской исторіи, т. II. (М. 1906), т. III. (М. 1908); *П. Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры, ч. III, вып. I. (СПБ. 1901); *С. Платоновъ.* Къ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ (СПБ. 1905); *Н. Рожковъ.* Происхожденіе самодержавія въ Россіи (СПБ. 1906). *Н. Павловъ-Сильванскій.* Феодализмъ въ древней Руси (СПБ. 1907.)

Гл. II. *В. Грибовскій.* Памятники русскаго законодательства XVIII ст., вып. I. (СПБ. 1907); *И. Дитятинъ.* Верховная власть въ Россіи XVIII ст. (Статьи по исторіи русскаго права. СПБ. 1895); *М. Дьяконовъ.* Выдающійся русскій публицистъ XVIII ст. (Вѣстн. права 1904, кн. 34); *П. Милюковъ.* Очерки, см. выше; *В. Мякотинъ.* Дворянскій публицистъ XVIII в. (Изъ исторіи русскаго общества. СПБ. 1906); *М. Рейснеръ.* Общественнаго и абсолютное государство. (Сборн. ст. Государство и вѣрующая личность. СПБ. 1905); *Его же.* Разложеніе абсолютизма. (Сборн. ст. Политическій строй совр. госуд., т. I. М. 1905); *Ѳ. Тарановскій.* Политическая доктрина въ наказѣ имп. Екатерины II. (Сборн. ст. по исторіи русск. права, посвящ. Владимірскому-Буданову. Кіевъ. 1904).

Гл. III. *М. Богословскій.* Областная реформа Петра В., гл. I и II. (М. 1902); *Его же.* Бытъ и нравы русскаго дворянства въ первой половинѣ XVIII в. (Научное Слово 1904, кн. V, VI); *Его же.* Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. (М. 1905); *А. Брикнеръ.* Смерть Павла I, пред. В. Семевскаго (СПБ. 1906); *В. Гольцевъ.* Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в. (СПБ. 1896); *А. Градовскій.* Начала русскаго госуд. права, ч. I, кн. II. О преемствѣ верховной власти (Собр. соч. т. VII. 1901); *К. Waliszewski.* Le roman d'une impératrice. Cathérine II de Russie. (Paris. 1893, есть русск. перев.). *Его же.* Autour d'un trône. Catherine II de la Russie. (Paris. 1905); *Его же.* L'heritage de Pierre le Grand. (Paris. 1900, есть русск. перев.); *Его же* La dernière des Romonov. Elisabeth I Imperatrice de Russie. *Е. Тарле.* Паденіе абсолютизма (СПБ. 1907). (Paris. 1904); *Н. Дитятинъ.* См. гл. II; *Н. Карѣевъ.* Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вв. (СПБ. 1908); *Его же.* Исторія Западной Европы въ новое время, т. III. (СПБ. 1895); *П. Милюковъ.* Очерки, см. гл. II; *Р. Випперъ.* Екатерина II и просвѣтительныя идеи Запада. (Міръ Божій 1896, № 11); *В. Ключевскій.* Императрица Екатерина II. (Русская Мысль 1896, № 11); *А. Лаппо-Данилевскій.* Очеркъ внутренней политики импер. Екатерины II. (СПБ. 1897); *Н. Шильдеръ.* Императоръ Павелъ I. (СПБ. 1900).

Гл. IV. *Н. Фирсовъ.* Разиновщина (СПБ. 1907); *Его же.* Пугачевщина. (СПБ. 1909); *В. Глинскій.* Борьба за конституцію (СПБ. 1907); *С. Сватиковъ.* Общественное движеніе въ Россіи (1700 — 1895. Ростовъ н/Д. 1905); *П. Милюковъ.* Очерки, ч. III, вып. II (СПБ. 1903); *Его же.* Верховники и шляхетство. (Сборн. ст. Изъ исторіи русской интеллигенціи. СПБ. 1897); *Н. Павловъ-Сильванскій.* Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра В. (СПБ. 1897); *В. Якушкинъ.* Государст. власть и проекты государств. реформы въ Россіи (СПБ. 1906); *А. Алексѣевъ.* Легенда объ олигархическихъ тенденціяхъ верх. тайн. совѣта въ царствованіе Екатерины I (М. 1896); *А. Филипповъ.* Къ вопросу о верховномъ тайномъ совѣтѣ. (Русск. М., №№ 6 и 7); *Его же.* Правительственная олигархія послѣ Петра В. (Русская Мысль 1894, №№ 1, 8, 9); *М. Богословскій.* Дворянскіе наказы въ Екатерининскую коммиссію 1767 г. (Русск. Богатство 1903, №№ 6 и 7); *К. Бестужевъ-Рюминъ.* Біографіи и характеристики—для Татищева. (СПБ. 1882); *Д. Корсаковъ.* Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в.—для Волынскаго и др. (Казань. 1891); *М. Дьяконовъ—*для Щербатова (см. гл. II); *В. Мякотинъ—*для того же (см. гл. II); *Его же.* На зарѣ русской общественности—для Радищева (тамъ же); *Н. Чечулинъ.* Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II (Ж. М. Н. Пр. 1894 № 3); *В. Щегловъ.* Государ. Совѣтъ въ Россіи въ первый вѣкъ образов. и дѣятельн. (Яросл. 1903).

Гл. V. *А. Градовскій.* Высшая администрація Россіи XVIII в. и генералъ-прокуроры. (Собр. соч., т. I. СПБ. 1899); *Его же.* Историч. очеркъ учрежден. генералъ-губернаторствъ въ Россіи (тамъ же); *М. Богословскій.* Областная реформа Петра В., гл. III—VII. (М. 1902); *П. Милюковъ.* Государ. хозяйство Россіи въ первую четверть XVIII в. и реформа Петра В. (СПБ. 1905); *Б. Сыромятниковъ.* Происхожденіе и развитіе министерскаго начала въ Россіи. (Научное Слово 1903, кн. 8); *А. Филипповъ.* Исторія Сената въ правленіе

верховнаго тайнаго совѣта и кабинета, ч. I. (Юрьевъ. 1895); Кабинетъ министр. и его сравненіе съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. (Уч. записки Импер. Юрьевскаго университета 1898, № 1); Кабинетъ министровъ и прав. сенатъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ 1731—1741. (Сборн. правовѣд. и обществ. знаній, М. 1897); Новыя данныя о кабинетѣ министровъ имп. Анны Іоанновны. (Русская Мысль 1901, № 1, 4, 12); Докладъ импер. Елизаветѣ Петровнѣ о возстановленіи власти правител. сената (Ж. М. Н. Пр. 1897, № 2); Историческій очеркъ образованія министерствъ въ Россіи (Ж. М. Юстиціи 1902, №№ 11 и 12); *Щеглов*ъ см. гл. IV.

Гл. VI. *В. Латкинъ*. Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII ст., т. I. (СПБ. 1887); *Его же*. Учебникъ исторіи русскаго права. (СПБ. 1899); *А. Филиппов*ъ. Учебникъ исторіи русскаго права, т. I. (Юрьевъ. 1907); *И. Дитятинъ*. Екатерининская комиссія 1767 (см. гл. II); *А. Лаппо-Данилевскій*. Собраніе и сводъ законовъ Россійской имперіи, составленное въ царствованіе Екатерины II (Ж. М. Н. Пр. 1897, №№ 1, 3, 5, 12).

Гл. VII. *А. Градовскій*. Начала русск. государств. права, ч. I, кн. III—о подданствѣ и образованіи сословій въ Россіи. (Собр. соч., т. VII. СПБ. 1901); *И. Дитятинъ*. Когда и почему возникла рознь въ Россіи между „командующими классами" и „народомъ" (Статьи и т. д.); *Его же*. Къ исторіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 г. (тамъ же); *Его же*. Екатерининская комиссія 1767 г. (см. гл. II); *Н. Павловъ-Сильванскій*. Государевы служилые люди. Происхожденіе русскаго дворянства. (СПБ. 1898); *Бар. С. Корфъ*. Дворянство и его сословное управленіе 1762—1855 г.; *М. Богословскій*. Бытъ и нравы русскаго дворянства (см. гл. III).

II.

В. ЗОММЕРЪ.

Крѣпостное право и дворянская культура въ Россіи XVIII вѣка.

I.

«Самые термины—дворянство, дворянинъ—резюмируютъ всю исторію высшаго класса русскаго общества». Въ самомъ дѣлѣ, образовался этотъ классъ изъ придворныхъ и служилыхъ чиновъ княжескихъ и царскихъ и какъ въ зародышѣ своемъ онъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ «дворней», такъ ему за все время его существованія не было суждено сложиться въ самодовлѣющую, общественную силу. Людямъ этой среды идея кровнаго благородства была чужда въ моментъ пробужденія въ нихъ коллективнаго самосознанія и никогда позже они не сумѣли подняться до пониманія иного благородства, кромѣ того, которое даровалось путемъ акта пожалованія свыше и основывалось на службѣ верховной власти въ странѣ.

Положимъ, вся масса служилыхъ элементовъ была съ почину самой власти сорганизована въ привилегированную общественную группу, но аристократіей она отъ того не стала; не стала хотя бы по тому одному, что власть, давая служилому классу то ту, то другую организацію, дѣлала это всегда «согласно своимъ потребностямъ и примѣнительно къ своимъ интересамъ»...

Было время, когда княжеская «дворня» состояла изъ людей, служба которыхъ опредѣлялась наймомъ и договоромъ и потому являлась вольной службой вольныхъ людей. То было въ далекое время удѣльной Руси, вообще «не знавшей самой идеи политическаго подданства»; въ ней господствовали договорныя отношенія свободныхъ обыва-

телей удѣльно-княжескихъ территорій и все общество «дѣлилось на классы по роду услугъ, оказываемыхъ обывателями князю».

Въ удѣльную эпоху вольные княжескіе люди мало или даже вовсе не дорожили землей, находя себѣ болѣе чѣмъ достаточное обезпеченіе въ разнородныхъ служебныхъ занятіяхъ при князѣ. Правда, въ тѣ времена владѣніе землей и не могло давать сколько-нибудь значительнаго дохода: «слишкомъ первобытно было экономическое развитіе страны, слишкомъ примитивна система земледѣльческаго хозяйства, слишкомъ бродяче сельское населеніе».

Всю выгоду изъ такого пренебрежительнаго отношенія вотчинника къ землѣ извлекала масса тѣхъ людей, которыхъ земля непосредственно кормила.

Направленіе, въ которомъ развивалось общественное и экономическое положеніе сельскаго населенія, опредѣлилось еще тогда, когда впервые возникло понятіе частной земельной собственности. Сила жизненныхъ условій, создавшихъ это понятіе, обладала достаточной энергіей, чтобы воздѣйствіе ея на судьбы русскаго крестьянства обнаруживалось изъ вѣка въ вѣкъ.

Дѣло въ томъ, что, когда — приблизительно въ XI в. — земля впервые была оцѣнена въ качествѣ источника матеріальнаго благосостоянія и съ тѣмъ вмѣстѣ возникло понятіе частной земельной собственности, это послѣднее не могло не сказаться «примѣненіемъ къ землевладѣнію современныхъ рабовладѣльческихъ понятій». Господствовавшій тогда классъ городскихъ рабовладѣльцевъ сталъ сажать свою челядь на землю и смотрѣть на эту землю, какъ на свою собственность въ силу того «простого умозаключенія, что земля его, такъ какъ его люди, обрабатывающіе ее».

Въ обществѣ, въ которомъ вообще расцѣнка людей производилась на основаніи ихъ имущественнаго положенія, такое умозаключеніе имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ «перенесеніе рабовладѣльческихъ привычекъ и понятій и на вольнонаемныхъ работниковъ». Дѣйствительно, уже на почвѣ Кіевской Руси наблюдается сближеніе между

рабскимъ и свободнымъ сельскимъ населеніемъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, та легкость, съ которой свободный хлѣбопашецъ, смердъ, превращался въ полусвободнаго двороваго или ролейнаго (пашеннаго) закупа, а этотъ послѣдній въ обельнаго (полнаго) холопа, раба.

Перенесеніе центра русской жизни съ юга на сѣверо-востокъ не сопровождалось существенными перемѣнами въ экономическомъ и юридическомъ положеніи крестьянина (какъ по позднѣйшей терминологіи сталъ называться свободный смердъ — хлѣбопашецъ). Только, что на новыхъ мѣстахъ жительства сельское населеніе окончательно обособилось въ самостоятельный соціальный классъ: такое обособленіе его явилось лишь завершеніемъ процесса, первые признаки котораго наблюдались уже въ днѣпровской Руси и который на почвѣ Поволжья ускорился, главнымъ образомъ, благодаря тому, что «отливали сюда съ юга преимущественно сельскіе элементы, а туземное, финское населеніе представляло даже сплошь одну сельскую массу».

Своего рода вознагражденіемъ земледѣльческому населенію за его колонизаторскія заслуги явилось присвоеніе ему впервые значенія политической силы, оказавшейся достаточно солидной для разрушенія стараго общественнаго строя. Однако, что до будничной жизни, то крестьянинъ русскій и на новоселіи остался въ сущности тѣмъ же, чѣмъ былъ на недавно покинутомъ пепелищѣ. Подобно тому, какъ на югѣ смердъ былъ свободнымъ человѣкомъ, за которымъ даже суровый къ нему законъ признавалъ личныя и имущественныя права, такъ онъ и на новой родинѣ сохранилъ свою личную свободу, воплощавшуюся прежде всего въ право безпрепятственнаго передвиженія съ мѣста на мѣсто.

Не измѣнилось также отношеніе хлѣбопашца къ землѣ. Какъ въ свое время черноземныя и степныя богатства юга пошли въ раздѣлъ между князьями, княжими мужами (дружинниками и купцами) и церковными учрежденіями, а земледѣлецъ трудился надъ обработкой чужой земли, такъ и на новомъ мѣстѣ крестьянину пришлось довольствоваться скромнымъ положеніемъ арендатора черныхъ (государственныхъ), дворцовыхъ и боярскихъ (свѣтскихъ и церковныхъ)

земель, изъ которыхъ слагалась каждая удѣльно-княжеская вотчина.

Оказывается, что удѣльная Русь столь же мало знала крестьянина-собственника, какъ мало знало его то недавнее еще время, бывшее переходомъ отъ старины, признававшей землю «ничьей». Даже съемщику казенной, «черной» земли не удалось упрочить за собой полное право собственности на занятый имъ участокъ и, напротивъ, научился онъ ясно отличать право владѣнія землей отъ права пользованія ею. Надо думать, что сама по себѣ частая смѣна владѣльцевъ одного и того же участка, обусловленная кочевымъ характеромъ земледѣльческой культуры, препятствовала возникновенію и развитію крестьянской земельной собственности. Во всякомъ случаѣ неустойчивость экономическаго и съ тѣмъ вмѣстѣ шаткость юридическаго положенія крестьянства неизбѣжно вытекали изъ того основного факта, характеризующаго первую стадію въ развитіи этого общественнаго класса, что «крестьяне всѣхъ видовъ были безземельными хлѣбопашцами, работавшими на чужой землѣ». Если, такимъ образомъ, оказывалась непрочной матеріальная обезпеченность черносошнаго крестьянина, то тѣмъ болѣе шаткимъ являлось положеніе земледѣльца, сидѣвшаго на частновладѣльческой землѣ: на опытѣ убѣдиться въ этомъ ему пришлось, когда кореннымъ образомъ измѣнилось отмѣченное выше пренебрежительное отношеніе къ землѣ со стороны ея владѣльца.

По мѣрѣ того, какъ прогрессировало мельчаніе удѣловъ и обнищаніе ихъ князей, для слугъ послѣднихъ война и кормленіе дѣлались все болѣе ненадежной гарантіей матеріальнаго благосостоянія и съ тѣмъ вмѣстѣ землевладѣніе представилось имъ наиболѣе вѣрнымъ источникомъ таковаго. Одновременно въ умахъ служилыхъ людей зародилась смутная догадка о возможности извлеченія изъ земли силы, необходимой для превращенія всей массы служилаго населенія въ политически самостоятельное сословіе. Однако догадались объ этомъ служилые люди слишкомъ поздно: еще до нихъ князья-собиратели удѣльныхъ территорій оцѣ-

нили въ землѣ политическую силу первой величины; мало того, московскіе князья успѣли также существенно видоизмѣнить свои отношенія къ вольному дотолѣ служилому люду, прежде чѣмъ этому послѣднему удалось сплотиться и тѣмъ самымъ заставить власть считаться съ его притязаніями. Въ удѣльномъ княжествѣ распространенность договорныхъ отношеній исключала самую возможность возникновенія идеи политическаго подданства: теперь, въ выросшемъ на развалинахъ этихъ княжествъ, московскомъ государствѣ, договорныя отношенія вольныхъ слугъ къ князю замѣнились обязательными по закону.

Историческая необходимость къ такой метаморфозѣ въ отношеніяхъ власти и землевладѣльческаго служилаго класса заключалась въ самомъ процессѣ собиранія русской земли, совершавшемся не то стихійно, не то сознательно въ XIV и XV вв. На сѣверо-востокѣ князья были чуть ли не первыми осѣдлыми жителями; когда «одинъ князь, московскій поглотилъ всѣхъ остальныхъ, служилой массѣ только и оставалось пріобрѣсть постоянную осѣдлость» цѣной, хотя бы, утраты вольнаго характера службы. Впрочемъ, что до московскихъ князей, то энергичная ломка ихъ отношеній къ бывшимъ вольнымъ слугамъ, ихъ недавнимъ конкурентамъ по власти, являлась для нихъ актомъ сознательной воли; а внушена была имъ эта воля задачами государственнаго строительства, выдвинувшими на первый планъ потребность правительства въ вооруженной силѣ. Для удовлетворенія этой потребности оказалось далеко недостаточно мобилизаціи однѣхъ наличныхъ силъ старыхъ вольныхъ слугъ-вотчинниковъ. Превращая ихъ службу въ службу подневольную, правительство одновременно стало усиленно «прибирать» на государеву службу людей изъ всѣхъ слоевъ населенія, создавая новый типъ военно-служилаго человѣка, обязаннаго службой «помѣщика». Дѣло въ томъ, что въ цѣляхъ созданія достаточнаго войска, правительство пустило въ оборотъ тотъ земельный капиталъ, который оно во-время успѣло сосредоточить въ своихъ рукахъ; теперь оно использовало его для вознагражденія военной службы путемъ надѣленія служилыхъ людей земельными дачами на новомъ уже, отличномъ отъ вотчиннаго, «помѣстномъ»

правѣ. Дарованная человѣку на этомъ правѣ казенная земля находилась въ его временномъ и ограниченномъ пользованіи, при чемъ правительство взяло на себя какъ заботу о точномъ соразмѣреніи служебныхъ обязанностей новыхъ его слугъ съ величиной ихъ помѣстій, такъ равнымъ образомъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы помѣстная земля «изъ службы не выходила».

Въ виду того, что наборъ служилаго класса былъ тѣсно связанъ съ территоріальнымъ расширеніемъ московскаго государства, является вполнѣ естественнымъ, что наиболѣе усиленная раздача казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе имѣла мѣсто въ ту эпоху, которая въ жизни народа представляетъ полосу постоянныхъ войнъ; извѣстно вѣдь, что съ конца XV в. на азіатской границѣ шла непрерывная война, а на европейскомъ фронтѣ въ теченіе слишкомъ столѣтія «круглымъ счетомъ годъ воевали и годъ отдыхали».

Въ этотъ періодъ времени помѣстная система достигла наиболѣе широкаго территоріальнаго распространенія, а также окончательно опредѣлились ея юридическія формы. Мало того, помѣстное владѣніе не только сдѣлалось преобладающимъ типомъ земельнаго владѣнія вообще, но даже успѣло произвести разрушительное дѣйствіе на владѣніе вотчинное. Рядъ дальновидныхъ правительственныхъ мѣропріятій, клонившихъ къ стѣсненію права пріобрѣтенія вотчины и права распоряженія ими, роковымъ образомъ измѣнилъ юридическій характеръ вотчиннаго владѣнія. Вотчины перестали быть полной частной собственностью и стали владѣніемъ обязаннымъ и условнымъ.

Въ полную противоположность практикѣ удѣльной эпохи, когда положеніе служилаго человѣка не отражалось на его землевладѣніи, теперь служба оказалась тѣсно связанной съ землей; служебныя повинности стали распредѣляться на лица по землѣ, при чемъ единицей измѣренія этихъ повинностей, повидимому, признавалась дача въ 150 дес.: эта земельная норма поставляла въ государево войско одного ратника «на конѣ и въ доспѣхѣ» и являлась минимальнымъ вознагражденіемъ провинціальныхъ служилыхъ чиновъ. Правда, соблюдалась эта минимальная норма далеко не всегда и соблюдалась тѣмъ менѣе, чѣмъ больше развитіе

помѣстной системы истощало скопленный государствомъ фондъ казенныхъ земельныхъ богатствъ. Въ результатѣ неумѣренной мобилизаціи резервныхъ боевыхъ силъ (а въ составъ служилаго класса внесли свои вклады всѣ слои московскаго общества, не исключая даже духовенства) явилось созданіе уже въ XVI в. дворянскаго пролетаріата. Встрѣчалось немалое количество помѣстныхъ дачъ, размѣры которыхъ (10—30 дес. пахотной земли) приближались къ крестьянскимъ участкамъ; встрѣчались помѣщики, которые, не имѣя въ предѣлахъ своего владѣнія ни одного крестьянскаго двора, жили одними своими дворами — «однодворками».

Превращая вольнаго удѣльнаго землевладѣльца въ крѣпостного служилаго человѣка путемъ распространенія служебныхъ обязанностей съ помѣстій на вотчины, московское правительство сравнительно равнодушно относилось къ распространенію со стороны служилыхъ людей ихъ владѣльческихъ правъ въ обратномъ направленіи, съ вотчинъ на помѣстья. Со временемъ вошли въ обычай и завѣщаніе помѣстій и мѣна ихъ; помѣщикамъ было даже законодательнымъ путемъ предоставлено право продажи ихъ владѣній.

Правительство смѣло могло не препятствовать такому сліянію двухъ основныхъ типовъ дворянскаго землевладѣнія въ одну категорію недвижимыхъ имуществъ, разъ отсюда не вытекало посягательство на основной принципъ его аграрной политики, выразившійся въ безхитростной мысли, что кто владѣетъ землей, тотъ обязанъ службой государству. Въ самомъ дѣлѣ, мириться съ тѣмъ, что путемъ сліянія вотчинъ и помѣстій дворянское землевладѣніе столь много выигрывало въ юридическомъ отношеніи, московское правительство научилось съ тѣхъ поръ, что прошли его страхи за самодержавную полноту его власти.

Въ отношеніи этихъ страховъ знаменателенъ тотъ фактъ, что окончательное возведеніе юридической основы привилегированнаго положенія дворянства, а именно предоставленіе ему полнаго права собственности на землю хронологически совпало съ разрушеніемъ послѣдняго аристократическаго элемента, присущаго верхнему слою военно-служилаго класса. Такимъ элементомъ служило въ XVII в. единство

рода, погибшее вмѣстѣ съ уничтоженіемъ (1682) мѣстничества. Правда, это событіе имѣло болѣе символическое значеніе: фактически и представители боярской знати давно успѣли привыкнуть къ тому, что соціальное ихъ положеніе опредѣлялось службой и только службой, т.-е. той же мѣркой, подъ которую подходила вся вообще масса служилыхъ людей, расположенныхъ на ступеняхъ служебной іерархіи чиновъ думныхъ, столичныхъ, провинціальныхъ. Въ ихъ отношеніяхъ къ верховной власти не было существенной разницы между рюриковичемъ и рядовымъ боярскимъ сынкомъ: ихъ политическій вѣсъ былъ одинаковъ; служилая честь обоихъ измѣрялась жалованіемъ и все преимущество перваго заключалось въ его служебномъ положеніи при московскомъ дворѣ, преимущество тѣмъ болѣе относительное, чѣмъ менѣе московское правительство уважало даже служебныя права своихъ титулованныхъ слугъ. Не удивительно, что въ средѣ этихъ людей и слѣда не осталось тѣхъ честолюбивыхъ увлеченій, которыя одушевляли ихъ отцовъ и дѣдовъ, мечтавшихъ о томъ, чтобы сорганизоваться въ олигархически замкнутый правящій классъ съ обширными политическими прерогативами. Мечты эти такъ и остались мечтами, остались ими прежде всего, быть-можетъ, потому, что конфликтъ боярства и служилаго княжья съ властью «никогда не разрастался до размѣровъ политической борьбы и, напротивъ, всегда носилъ характеръ придворной вражды». Положимъ, тѣснота сцены, на которой происходила указанная борьба, далеко не была случайностью: ей не съ чего было раздвигаться, разъ въ представленіи самихъ спорющихъ сторонъ вопросъ о государственномъ порядкѣ (т.-е. истинная причина ихъ раздора) всегда заслонялся династическими спорами и интригами, бывшими у всѣхъ на глазахъ въ качествѣ осязаемыхъ поводовъ къ столкновеніямъ. Именно благодаря такому характеру конфликта въ моментъ его наиболѣе критическаго обостренія верховная власть могла сокрушить ненавистный ей идеалъ политическаго строя ударомъ, направленнымъ противъ лицъ, мечтавшихъ объ осуществленіи этого строя. Истребительное дѣйствіе самодержавно-опричнаго режима привело къ тому, что въ полвѣка вымерло большинство

старыхъ княжески-боярскихъ родовъ, тѣхъ самыхъ, которые воображали системой мѣстничества «оборониться отъ посягательствъ сверху и отмежеваться отъ вторженій снизу». Съ ихъ гибелью боярская знать лишилась своего стараго родословнаго ядра; остатки этой знати, физически разрозненные и политически отрезвленные, помирились съ своимъ побѣдителемъ на томъ, что, войдя въ военно-служилый классъ, какъ его верхній слой, они «выдѣлялись изъ него, какъ наиболѣе близкій къ престолу бюрократическій персонажъ». Въ итогѣ той аграрной революціи, каковой является опричнина Грознаго, получилось то распыленіе общественныхъ силъ, которому суждено было вѣками служить лучшей гарантіей долговѣчности самодержавно-бюрократической Россіи. Теперь власть могла спокойно опереться на компактную массу рядового дворянства: въ немъ было и достаточно атрофировано политическое честолюбіе и достаточно развита готовность къ подневольной службѣ. Легко мирясь съ положеніемъ «холоповъ» царскихъ, строго говоря, даже не зная другого, людямъ этой среды было вполнѣ къ лицу видѣть «волю Божію въ волѣ государевой» и окружить московскаго царя тѣмъ культомъ подобострастія и раболѣпства, зарожденіе котораго внимательные иностранцы наблюдали уже при отцѣ грознаго царя.

Въ процессѣ служебнаго закрѣпощенія дворянства играло первенствующую роль стремленіе власти къ осуществленію идеи политическаго подданства въ отношеніяхъ населенія и престола. Практически это стремленіе выразилось, между прочимъ, въ аграрной политикѣ правительства, всецѣло направленной къ скопленію въ его рукахъ матеріальныхъ средствъ къ уничтоженію всякаго конкурента по власти. Эволюція дворянскаго землевладѣнія со временъ собиранія Руси сама по себѣ исключаетъ сомнѣніе въ томъ, что для служилаго класса земельная собственность служила источникомъ его зависимости отъ центральной власти, а отнюдь не средствомъ къ политической его эмансипаціи. Однако помимо такого значенія коренного факта экономической исторіи дворянства, въ судьбахъ его наблюдаются явленія, которыя съ большей, пожалуй, ясностью обнаруживаютъ какъ сущность тенденцій, усвоенныхъ съ XV и даже XIV в.

сословной политикой московскаго правительства, такъ равнымъ образомъ основную черту этой политики — дальновидное коварство.

Оцѣнивъ въ землѣ первостепенную политическую силу, московскіе князья очень во-время приложили всѣ старанія къ тому, чтобы не допустить образованіе богатой родовой знати и позаботились о томъ, чтобъ поставить матеріальное благосостояніе высшаго класса въ зависимость отъ воли государя. Надѣленіе своихъ слугъ земельнымъ богатствомъ они сознательно связывали съ своими политическими видами и съ такой же сознательностью они примѣняли систему имущественныхъ конфискацій въ качествѣ средства борьбы съ политической неблагонадежностью этихъ слугъ. Со времени Ивана III власть вполнѣ прониклась убѣжденіемъ въ необходимости подчиненія себѣ служилыхъ людей не только въ политическомъ, но и въ имущественномъ отношеніи: по крайней мѣрѣ, правительственная практика съ полной недвусмысленностью обнаруживаетъ наличность такого убѣжденія. Въ началѣ XVI вѣка безпристрастный въ данномъ случаѣ свидѣтель-иностранецъ могъ констатировать тотъ фактъ, что Василій III сознательно и умышленно приводилъ бояръ въ бѣдность; а при сынѣ его систематическое разореніе высшей знати въ цѣляхъ политической дезинфекціи очага крамолы практиковалось съ вполнѣ циничной откровенностью. Въ это время разореніе знати было тѣмъ болѣе радикально, что въ эпоху казней и опалъ оно сопровождалось массовымъ истребленіемъ княжески-боярскихъ родовъ. Отъ ударовъ, понесенныхъ при Грозномъ, старинная русская знать такъ больше и не оправилась.

Процессъ физическаго вымиранія не остановился въ XVII в. Большинство богатыхъ и знатныхъ фамилій, украшавшихъ еще Котошихинскій списокъ ихъ, въ XVIII в. уже не существуетъ. Равнымъ образомъ прогрессировало въ теченіе XVII в. матеріальное оскудѣніе передового московскаго дворянства; своего рода итогъ результатамъ, достигнутымъ въ этомъ отношеніи XVI вѣкомъ, представляетъ списокъ служилыхъ владѣній отъ 1613 г.: въ немъ встрѣчаемъ еще много старыхъ знатныхъ родовъ, но мало крупныхъ имѣній; владѣльцами дѣйствительныхъ латифундій здѣсь

являются только кн. Мстиславскіе (с. 50.000 дес.) и кн. Трубецкіе (с. 25.000 дес.); напротивъ, цѣлая серія коренныхъ Рюриковичей и Гедеминовичей владѣетъ имѣніями сравнительно скромныхъ размѣровъ (5—7.000 дес.). Положимъ, что до процесса «обезземеленія» высшаго дворянства, то доля вины падаетъ, несомнѣнно, на самую знать: издавна установившійся при наслѣдованіи дѣлежъ недвижимости поровну не могъ не повлечь за собой исчезновеніе крупнаго землевладѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ захуданіе старыхъ знатныхъ родовъ. Однако пусть практиковавшіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе семейные раздѣлы содѣйствовали дворянскому оскудѣнію, все же его главнымъ виновникомъ являлась власть, образъ дѣйствій которой сообщилъ этому роковому процессу фатальный и эпидемическій характеръ. Во всякомъ случаѣ можно не иначе, какъ этимъ образомъ дѣйствій власти объяснить тотъ фактъ, что ко времени Петра среди мелкопомѣстнаго дворянства встрѣчается масса славныхъ именъ, носители которыхъ владѣли крошечными деревнями по нѣскольку десятковъ дворовъ.

Параллельно процессу пролетаризаціи и даже исчезновенія старой землевладѣльческой знати шолъ и въ сущности также завершился процессъ денаціонализаціи этого общественнаго слоя. Дѣло въ томъ, что какъ верховная власть рано вмѣшалась въ интимную жизнь своихъ слугъ въ роли вершителя ихъ судебъ, такъ она рано стала губительно вліять на этнографическій составъ служилаго класса. И въ этомъ послѣднемъ направленіи ея вліяніе было ничѣмъ инымъ, какъ беззастѣнчивымъ осуществленіемъ завѣта Грознаго, согласно которому «царь воленъ жаловать и казнить своихъ холоповъ». Именно результатомъ полнаго произвола власти въ возвышеніи и приниженіи своего служилаго персонала явился тотъ фактъ, что верхи русскаго дворянства чѣмъ дальше, тѣмъ больше представляли изъ себя странную этнографическую амальгаму. Для иллюстраціи того, какъ далеко уже наканунѣ XVIII в. зашелъ процессъ денаціонализаціи дворянства, достаточно сказать, что по офиціальной родословной книгѣ временъ Софіи основной корпусъ московскаго служилаго класса (ок. 950 фамилій) вмѣщалъ въ себѣ фамилій происхожденія великорусскаго

33%, польско-литовскаго 24%, нѣмецкаго и вообще западно-европейскаго 25%, татарскаго 17%.

Измѣнивъ кореннымъ образомъ этнографическій составъ верховъ русскаго общества, катастрофы, пережитыя дворянствомъ, фатально повліяли также на коллективную психику этого класса. Страхъ за существованіе нравственно надломилъ служилаго человѣка, а неувѣренность въ прочности матеріальнаго своего положенія научилъ его жадно пользоваться нечаянными благами; ему столько приходилось хлопотать о «деревпишкахъ», о разживѣ насчетъ казны, что мѣста не оставалось мечтамъ о политическихъ правахъ и не оставалось времени для выработки какихъ-либо общественныхъ идеаловъ. Уже въ началѣ XVIII в. жилка матеріализма до того сильно билась въ служиломъ человѣкѣ, что даже восходя на высоту престола, онъ прежде всего справлялся о выгодахъ, какія обѣщало сидѣніе на немъ: извѣстно, что Михаилъ Θеодоровичъ шелъ неохотно на царство до тѣхъ поръ, пока ему не было обезпечено его личное состояніе.

Время смуты и ликвидаціи ея наслѣдія было временемъ выступленія на историческую авансцену новой «аристократіи» и съ перваго же начала она засвидѣтельствовала свою политическую близорукость и свой сословный эгоизмъ. Верховной власти надлежало только чутко прислушиваться къ заявленіямъ этого эгоизма и она смѣло могла завершить безъ остатка закрѣпощеніе дворянства. Образъ дѣйствій правительства въ вопросѣ о дворянскомъ землевладѣніи не оставляетъ сомнѣнія въ чуткости слуха носителей власти: Дворянству XVII в. мало было сидѣть на земляхъ, фактически принадлежавшихъ ему на правѣ частной собственности. Оно издавна стремилось къ закрѣпощенію за нимъ той живой силы, безъ приложенія которой къ землѣ, земля оставалась мертвымъ капиталомъ. По отношенію къ этимъ стремленіямъ правительство долго оставалось глухимъ; только въ XVII в. оно сочувственно пошло имъ навстрѣчу.

Уже выше было замѣчено, что русское крестьянство познало съ перваго дня своего существованія всю тягость матеріальной необезпеченности и соціальной приниженности.

Тѣмъ болѣе цѣнной представлялась людямъ, входившимъ въ составъ этого класса, личная свобода, выражавшаяся въ правѣ поземельнаго договора съ владѣльцемъ земли и правѣ выхода или отказа. Правда, нѣкоторые элементы принудительной организаціи создались въ средѣ деревенскаго населенія уже въ начальный періодъ его существованія, но эта древнѣйшая форма прикрѣпленія крестьянъ была формой чисто податной. Создала эту тяглую организацію нужда государства въ деньгахъ, необходимыхъ ему для уплаты татарской дани: дѣло въ томъ, что для обезпеченія податной исправности плательщиковъ правительство не нашло иного средства, кромѣ возложенія на нихъ самихъ отвѣтственности за уплату дани и въ этихъ цѣляхъ связало ихъ въ тяглыя группы, «сотни». Записанные въ переписныя книги плательщики составили сословіе «письменныхъ, тяглыхъ» людей.

При всѣхъ перемѣнахъ, которыя съ теченіемъ времени испытала московская финансовая политика и которыя сводились къ видоизмѣненіямъ порядка обложенія и увеличенію размѣра и количества податей, сохранилась нетронутой основная черта этой политики, а именно предоставлялась раскладка налоговъ самимъ плательщикамъ и члены тяглой общины связывались круговой порукой.

Однако, рано познавъ тяглую общинную организацію, русское крестьянство долго очень не знало общиннаго землевладѣнія. Крестьянинъ вѣками свободно мѣнялъ свою пашню, выходилъ изъ общества и даже изъ крестьянства. Вплоть до XVI в. крестьянство вообще представляло не сословіе, а «вольное положеніе, особенность котораго составляло опредѣленнаго рода занятіе». Сами обязанности крестьянъ не имѣли сословнаго характера; ихъ источникомъ являлась земля и поземельное тягло падало, собственно, не на крестьянина-тяглеца, а на обрабатываемую имъ тяглую землю. Въ обязанности тяглой общины не входило вовсе хозяйственное распоряженіе общинной землей, а только соразмѣреніе тягла съ каждымъ тяглымъ участкомъ; самый участокъ оставался въ свободномъ распоряженіи его хозяина. Словомъ, податное прикрѣпленіе крестьянства состоялось на началахъ,

оставившихъ неприкосновенными и личную свободу человѣка и личную инициативу хозяина.

Съ возложеніемъ на крестьянство новой обязанности, содержанія всей массы военно-служилаго люда, такое прикрѣпленіе оказалось недостаточнымъ. Съ другой стороны, предоставленное — насколько это требовалось въ интересахъ фиска—сельскимъ обществамъ право распоряженія крестьянской землей и постепенное обособленіе крестьянства въ замкнутый общественный классъ воспитали въ немъ привычки и понятія, годныя въ качествѣ основы общиннаго владѣнія землей. Хозяйственная община съ принудительной разверсткой земли по наличнымъ рабочимъ силамъ и съ уравнительнымъ согласованіемъ платежей съ работоспособностью каждаго хозяйства наблюдается впервые на земляхъ крупныхъ владѣльцевъ и на нихъ только съ XVI в.; иначе говоря, создалась такая община тогда, когда владѣлецъ все больше сталъ входить въ роль хозяйственнаго попечителя своихъ крестьянъ; именно стороннее воздѣйствіе превратило общину изъ податной организаціи въ организацію хозяйственную и сдѣлало эту послѣднюю обычнымъ явленіемъ на владѣльческихъ земляхъ Великороссіи.

Въ созданіи того новаго вида крестьянской крѣпости, о которомъ только что упоминалось, правительство принимало мало активнаго участія; законодательству приходилось все больше санкціонировать соціально-экономическія явленія, создаваемыя самимъ ходомъ жизни; мало того, законодательство еще во второй половинѣ XVI в. ясно отличало поземельныя обязанности крестьянъ отъ тѣхъ личныхъ обязательствъ, которыми сопровождался заключаемый ими съ владѣльцами договоръ. Обыкновенно этотъ послѣдній вмѣщалъ въ себѣ смѣшанныя условія: главныя обязательства крестьянина заключались въ уплатѣ «главнаго дохода» денежнымъ оброкомъ или частью урожая, въ доставленіи разнаго рода припасовъ, требуемыхъ столовымъ обиходомъ владѣльца («мелкій доходъ»), въ принесеніи ему разныхъ «даровъ», всякихъ свадебныхъ, торговыхъ, судебныхъ «пошлинъ», а также различныхъ штрафныхъ сборовъ. Изъ всей этой смѣси крестьянскихъ повинностей съ теченіемъ времени

выдѣлились преимущественно двѣ: денежный или натуральный оброкъ и барщина-издѣлье.

Для крестьянъ, садившихся на частновладѣльческія земли, заключеніе договора и принятіе упомянутыхъ обязательствъ не влекло за собой никакихъ юридическихъ ограниченій. Что до правъ этихъ крестьянъ, то оба Судебника приравнивали ихъ къ черносошнымъ крестьянамъ; однако ко времени изданія второго Судебника, т.-е. къ серединѣ XVI в. фактически давно уже установилась существенная разница между этими двумя главнѣйшими группами сельскаго населенія.

Отношеніе самихъ же черносошныхъ крестьянъ къ землѣ, какъ къ объекту пользованія, а не предмету владѣнія, помогло правительству въ усвоеніи взгляда на этихъ крестьянъ, какъ на съемщиковъ казенной земли, лишенныхъ права свободнаго распоряженія своими участками. Отсюда былъ только шагъ одинъ къ стѣсненію свободы ихъ передвиженія и постепенному прикрѣпленію ихъ къ мѣсту поселенія и роду занятія. Средствомъ къ такому прикрѣпленію черносошнаго крестьянства послужила круговая порука и было оно ничѣмъ инымъ, какъ полицейской мѣрой, подсказанной фискальными интересами правительства.

Несравненно хуже сложилась въ тотъ же періодъ времени судьба частновладѣльческаго крестьянства, численность котораго неудержимо росла по мѣрѣ увеличенія площади помѣстной земли. Хозяйственный интересъ владѣльцевъ никакъ не мирился съ бродячестью сельскаго рабочаго населенія, и потому удержаніе его на мѣстахъ явилось ихъ естественнымъ стремленіемъ. Невмѣшательство правительства въ взаимныя отношенія помѣщика и крестьянина дало первому полную возможность принять всѣ мѣры къ закрѣпленію послѣдняго себѣ, а сама жизнь позаботилась о томъ, чтобы недостатка въ такихъ мѣрахъ онъ не ощущалъ.

Первая же связь, которую завязывала будничная практика жизни между помѣщикомъ и крестьяниномъ, могла оказаться и въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣйствительно оказывалась петлей на шеѣ крестьянина. Дѣло въ томъ, что заключеніе ими поземельнаго договора сопровождалось — обыкновенно, если не всегда — займомъ со стороны

нищаго-работника у владѣльца земли, на которую онъ садился: безъ ссуды деньгами, инвентаремъ, зерномъ крестьянинъ былъ лишенъ возможности обзавестись хозяйствомъ. Задолженность крестьянина и явилась непреодолимымъ препятствіемъ къ использованію имъ того права перехода, которымъ въ сущности исчерпывалась его личная свобода. По мѣрѣ того, что возрасталъ его долгъ, хотя бы просто путемъ накопленія процента съ него, улетучивалась надежда на легальный разрывъ съ кредиторомъ: крестьянину оставалось только «застарѣть» на барской землѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ быть признаннымъ даже со стороны столь невнимательнаго къ нему закона крѣпкимъ владѣльцу «по старинѣ».

Въ составѣ крестьянства всѣхъ категорій рано обозначались два слоя: осѣдлый—«старожильцевъ» и бродячій—«приходцевъ». На владѣльческихъ земляхъ въ положеніи первыхъ оказывались именно наиболѣе задолжавшіе крестьяне—«серебряники», неоплатные должники хозяина-кредитора. Въ рѣдкихъ только случаяхъ застарѣніе крестьянъ въ имѣніяхъ происходило подъ вліяніемъ тягла, такъ какъ, несомнѣнно, одной записи въ тягло было слишкомъ мало для прикрѣпленія приходцевъ къ мѣстамъ ихъ временнаго поселенія. А желать такого прикрѣпленія ихъ побуждалъ владѣльца прежде всего его хозяйственный интересъ: преслѣдуя его, онъ постепенно увеличивалъ ссуду («серебро») и неустойку за уходъ приходца не въ срокъ или неисполненіе имъ другихъ какихъ-либо обязательствъ; съ тѣмъ вмѣстѣ кредиторъ создавалъ для своего должника положеніе, въ которомъ послѣднему только оставалось «выбирать между безсрочно обязаннымъ крестьянствомъ и срочнымъ холопствомъ». Созданіе такой дилеммы было тѣмъ болѣе въ власти помѣщика, что задолженность крестьянина возникала далеко не только изъ займа, но и косвенно изъ нарушенія, часто вынужденнаго, того или другого условія подряда. Наконецъ изстари развивавшаяся власть владѣльца надъ крестьяниномъ открывала первому всегда возможность затруднить отказъ нанявшагося къ нему сельскаго работника взиманіемъ съ него лишнихъ пошлинъ, напр., «пожилого» за пользованіе избой, или обставить его жизнь и трудъ такими условіями, что даже сглаживалась юридическая раз-

ница между холопомъ и крестьяниномъ. Въ средѣ рабочаго населенія помѣстья появились со временемъ «кабальные холопы», какъ назывались несвободные до смерти господина люди; размножился въ ней классъ людей «заборныхъ», близкихъ по своимъ занятіямъ къ крестьянамъ: все новые типы подневольныхъ барскихъ слугъ, представлявшіе переходныя состоянія отъ полнаго холопства къ вольному крестьянству. Рано открылся путь владѣльческому произволу въ направленіи порабощенія личности крестьянина: уже въ XIV вѣкѣ московскіе князья даровали отдѣльнымъ вотчинникамъ право управленія и суда, а пассивность, обнаруженная властью по отношенію къ внутреннимъ распорядкамъ въ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, помогла сложиться условіямъ крестьянскаго существованія, усвоившимъ деревенскому быту всѣ черты позднѣйшаго крѣпостного права.

Впрочемъ, настало, наконецъ, время, когда правительство не только нашло поводъ къ вмѣшательству въ взаимныя отношенія владѣльцевъ и крестьянъ, но было даже вынуждено къ таковому самимъ ходомъ вещей. Случилось это, когда однимъ изъ послѣдствій успѣшной завоевательной политики московскаго государства явилась колонизаторская горячка, снова охватившая всю массу крестьянскаго населенія центральныхъ уѣздовъ Московской Руси.

Никогда не мирясь съ утратой своей свободы и давно найдя единственный выходъ изъ неволи въ побѣгѣ и вывозѣ, въ формы которыхъ выродился «легальный» выходъ съ отказомъ, крестьянство ударилось теперь въ массовое бѣгство въ вновь пріобрѣтенныя территоріи, въ московскую украину, въ бассейны Камы и Волги и, наконецъ, въ Сибирь.

Еще въ первой половинѣ XVI в. въ московскомъ центрѣ крестьянство сидѣло довольно плотно по многодворнымъ селеніямъ, на хорошихъ надѣлахъ въ 5—10 дес., съ ограниченнымъ количествомъ перелога и пустоши. Во второй половинѣ этого вѣка наблюдается сильное рѣдѣніе населенія центра и, въ очевидной связи съ этимъ явленіемъ, расширеніе лѣсной и переложной площади, количественное увеличеніе безынвентарнаго крестьянства, сокращеніе крестьянской запашки и увеличеніе барской пашни, обрабатываемой холопами и «задворными» людьми; временно здѣсь даже трех-

полка уступаетъ мѣсто болѣе экстенсивнымъ системамъ хлѣбопашества.

Объясняется такое оскудѣніе центра не столько истощеніемъ его природныхъ богатствъ, сколько усугубленіемъ финансоваго гнета и владѣльческой эксплуатаціи по отношенію къ сельскому населенію. Что до эксплуатаціи крестьянина со стороны владѣльца, то она была вызвана въ одинаковой, быть-можетъ, степени искусственнымъ развитіемъ помѣстной системы и нерадѣніемъ законодательства о регулированіи поземельныхъ отношеній владѣльцевъ и крестьянъ.

Словомъ, хронологически убыль крестьянскаго населенія въ центральной области Московской Руси не случайно совпала съ успѣхами ея наступательной политики на азіатской границѣ: «окраины верхней Оки, верхняго Подонья, средняго и нижняго Поволжья заселились именно на счетъ московскаго центра».

Скоро обнаружилось, однако, что правительство смотрѣло на доставшіяся ему громадныя территоріи вовсе не какъ на желанное убѣжище для бѣглаго крестьянства: оно цѣнило въ нихъ чрезвычайно кстати произошедшій приростъ того земельнаго капитала, который въ свое время помогъ ему создать боевую силу государства и который къ данному моменту былъ уже израсходованъ. Собравшись снова съ средствами, правительство использовало ихъ согласно старымъ традиціямъ, благодаря чему случилось такъ, что хотя развитіе помѣстной системы на окраинахъ «дикаго поля» и привело къ разрѣженію крестьянскаго двора въ центральныхъ уѣздахъ, характерныя черты помѣстной системы даже рѣзче проявились на просторѣ заокскихъ служилыхъ дачъ. Въ самомъ дѣлѣ, именно здѣсь преобладающимъ типомъ дворянскаго землевладѣнія явилось мелкое, почти пролетарское помѣстье; а также именно здѣсь обнаружилось, какъ нигдѣ, стремленіе владѣльца къ закрѣпленію поземельныхъ обязательствъ крестьянина личной, долговой его зависимостью. Насколько легко ему удавалось осуществленіе его крѣпостническихъ вожделѣній, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ болѣзненные процессы, наблюдаемые въ жизни крестьянства въ XVI и XVII вв.

Есть основаніе предполагать, что до XVI в. крестьянская барщина не была сильно развита; повидимому, ее исполняли преимущественно холопы; только во второй половинѣ XVI в. крестьянская барщина начинаетъ играть видную роль, при чемъ размѣры ея колеблются между 1—1$^1/_2$ дес. съ выти (=18—21—24 дес. въ трехъ поляхъ); въ это же время встрѣчаются также впервые случаи поглощенія всѣхъ обязанностей одной барщиной. Разумѣется, не приходится сомнѣваться, что то предпочтеніе, какое владѣлецъ начиналъ оказывать барщинѣ передъ оброкомъ, свидѣтельствовало объ ухудшеніи и матеріальнаго и юридическаго положенія крестьянина, ибо ясно, что опредѣленіе барщины допускало уже въ тѣ времена больше произвола, чѣмъ установленіе оброка. Впрочемъ, надо полагать, что въ раннюю пору развитія барщинной системы нормальной барщиной была барщина двухдневная.

Параллельно обремененію крестьянина усиленной барщиной шелъ ростъ оброчнаго оклада, достигшаго высокихъ нормъ уже на рубежѣ XVI и XVII вв.; по одному, относящемуся къ этому времени свидѣтельству, на десятину приходилось оброка по 11—22 р., включая сюда казенную подать, равную 1$^1/_2$ рублямъ.

Равнымъ образомъ наблюдается уже къ концу XVI вѣка наклонность къ сокращенію подворныхъ крестьянскихъ надѣловъ до 3—4$^1/_2$ дес., хотя нельзя не предупредить, что о малоземеліи крестьянства въ Московской Руси не слѣдуетъ создавать себѣ преувеличенныхъ представленій.

Однако рядомъ указанныхъ ухудшеній въ матеріальномъ положеніи крестьянства далеко не исчерпывалось крестьянское горе. Равнодушіе, обнаруженное властью по отношенію къ судьбамъ сельскаго населенія, естественно побуждало его думать о самозащитѣ и толкало на путь самопомощи толкало въ особенности тогда, когда въ вопросѣ о личной свободѣ крестьянина буква закона и дѣйствительная жизнь разошлись самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Самая сущность крестьянской свободы заключалась въ правѣ вольнаго перехода, правѣ тѣмъ болѣе цѣннымъ для крестьянства, что оно, несмотря на совмѣстныя усилія правительства и землевладѣльцевъ, не переставало быть тѣмъ

«жидкимъ» элементомъ, какимъ въ удѣльную старину были всѣ слои русскаго общества. На это право законъ долго не посягалъ. Древнѣйшія правительственныя ограниченія его относятся только къ XV в. и носятъ вполнѣ частный характеръ; впрочемъ, уже въ нихъ осенній Юрьевъ день фигурируетъ въ качествѣ срока для отказа: очевидно, хозяйственныя соображенія нормировали именно его. Общее законодательное постановленіе объ этомъ срокѣ нашло себѣ мѣсто въ обоихъ Судебникахъ, при чемъ упоминаніе о немъ даетъ законодателю поводъ къ обнаруженію своего взгляда на крестьянина-тяглеца: въ его глазахъ этотъ послѣдній, повидимому, остался юридически полноправнымъ лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ признанія со стороны законодателя возможности для крестьянина отказа съ логической необходимостью вытекало сохраненіе за нимъ самаго права отказа; съ такой же, казалось, необходимостью упоминаніе со стороны дѣйствующаго закона даннаго права предполагало возможность фактическаго использованія его.

Однако въ дѣйствительности этой возможности давно уже не существовало и съ тѣмъ вмѣстѣ право, ее предполагающее, давно уже было обращено въ юридическую фикцію. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого противорѣчія между закономъ и жизнью и въ то же время естественнымъ актомъ самозащиты со стороны крестьянства явилось вырожденіе вольнаго его перехода въ побѣгъ и свозъ.

Достаточно будетъ хотя бы указанія на хозяйственныя соображенія владѣльцевъ, заставлявшія ихъ желать скорѣйшаго осѣданія на мѣстахъ земледѣльческаго населенія, чтобы погоня владѣльцевъ за каждой парой рабочихъ рукъ представилась почти нормальнымъ явленіемъ въ сельско-хозяйственной практикѣ Московской Руси. Такая общая погоня за сельскимъ работникомъ создала между владѣльцами ту конкуренцію изъ-за крестьянъ, которая, всегда беззастѣнчивая, до крайности обострилась, когда, вмѣстѣ съ оскудѣніемъ центра съ середины XVI в., до крайности усилился спросъ на земледѣльческій трудъ. Началась какая-то дикая, азартная игра въ крестьянъ, то на явно незаконной, то на мнимо легальной почвѣ, игра, въ которой всѣ шансы выигрыша были, разумѣется, на сторонѣ многоземельныхъ помѣщиковъ.

Правительство было завалено исками о бѣглыхъ крестьянахъ. Отказывать въ нихъ оно не находило основанія, такъ какъ съ точки зрѣнія его собственныхъ интересовъ побѣгъ и свозъ являлись безусловно нежелательными явленіями: ими вѣдь въ корнѣ подрывалась исправность въ отбываніи повинностей какъ тяглыхъ сельскихъ обществъ, такъ и обязанныхъ службой мелкихъ владѣльцевъ. Съ другой стороны, правительство хорошо понимало, что удовлетвореніе всѣхъ требованій владѣльцевъ неизбѣжно поставитъ подъ вопросъ, даже сведетъ на нѣтъ такіе результаты крестьянской бродячести, которые вполнѣ согласовались съ видами власти — колонизацію степи и Поволжья.

Правительство остановилось на полумѣрѣ: указомъ 24 ноября 1597 г. оно, чувствуя себя слишкомъ обремененнымъ обиліемъ исковъ о бѣглыхъ, попыталось ограничить число ихъ, установивъ для нихъ пятилѣтнюю давность. Вопроса о правѣ перехода оно въ данномъ указѣ вовсе не касается и тѣмъ самымъ подтверждаетъ его. Однако теперь недомолвки въ этомъ больномъ вопросѣ были слишкомъ не къ лицу законодателю, и въ указахъ 1601, 1602, 1607 гг. онъ впервые ясно высказалъ свой взглядъ на него: путемъ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ законодатель, оказывается, стремился обезпечить военную годность среднихъ и мелкихъ служилыхъ людей и податную исправность тяглаго сельскаго населенія. Разореніе мелкопомѣстнаго провинціальнаго дворянства угрожало боевой силѣ государства, разбродъ тяглаго крестьянства наносило убытокъ непосредственно казнѣ: вотъ почему правительство спѣшило реагировать противъ частнаго закрѣпощенія крестьянъ, опредѣливъ законодательнымъ путемъ, «кому у кого дается право вывозить крестьянъ по соглашенію съ ними, но безъ согласія ихъ владѣльца».

Эти постановленія не оставляютъ сомнѣнія, что пока еще правительство считалось въ своей законодательной дѣятельности отнюдь не сословно-эгоистическими тенденціями служилаго класса: напротивъ, вооружаясь по искамъ владѣльцевъ противъ незаконнаго побѣга, оно настойчиво поддерживало гражданскій характеръ поземельныхъ сдѣлокъ между крестьяниномъ и владѣльцемъ.

Однако московское правительство недолго сумѣло удержаться въ крестьянскомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія государственнаго интереса. Впервые оно сошло съ нея, когда оно указомъ 9 марта 1607 г. превратило крестьянскій побѣгъ въ уголовное преступленіе, возложило розыскъ бѣглыхъ, причемъ независимо отъ заявленій частнаго иска, на областную администрацію и стало взыскивать штрафы за пріемъ бѣглаго крестьянина; словомъ, когда оно инцидентъ изъ будничной жизни частнаго хозяйства превратило въ вопросъ государственнаго порядка. Мало того, правительство прямо признало личное, а не поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, постановивъ, чтобы крестьяне, записанные въ писцовыя книги 159²/₃ гг., «были за тѣми, за кѣмъ они писаны». Рядомъ съ такимъ постановленіемъ только мало вѣсу могла имѣть оговорка, допускающая для исковъ 15-лѣтнюю давность и тѣмъ самымъ поддерживающая за крестьянскими поземельными договорами характеръ чисто гражданскихъ сдѣлокъ.

Повидимому, само правительство не отдавало себѣ отчета въ юридической путаницѣ и жизненныхъ противорѣчіяхъ, создаваемыхъ его законодательной непослѣдовательностью. Что до землевладѣльцевъ, то они, правда, не поняли всей сути указа 1607 г., но они во всякомъ случаѣ къ этому времени уже окончательно выяснили себѣ какъ мысль о необходимости прекращенія вывоза крестьянъ безъ согласія владѣльцевъ, такъ равнымъ образомъ и мысль о личной крѣпости крестьянина къ владѣльцу. При такой ясности взгляда и опредѣленности цѣлей на сторонѣ землевладѣльческаго класса противорѣчивость заявленій и дѣйствій правительства только помогла этому классу провести въ жизнь свои взгляды и осуществить на дѣлѣ свои стремленія. Такъ, именно въ это время владѣльцы открыли искомую юридическую норму для фактически давно существующей «вѣчности крестьянской»: дѣйствительно, внесеніе ими въ порядную грамоту условія, въ силу котораго самъ крестьянинъ отказывался прекратить когда-либо принимаемыя имъ обязательства, сообщало самымъ недвусмысленнымъ образомъ этой порядной значеніе личной крѣпости.

Свое отношеніе къ крестьянскому вопросу, достаточно выяснившееся въ законодательныхъ актахъ начала вѣка, правительство лишній разъ подтвердило въ Уложеніи 1649 г. Вся новость этого памятника заключается въ распространеніи прикрѣпленія на всѣхъ поселянъ «съ племенемъ вмѣстѣ», а также въ отмѣнѣ «урочныхъ лѣтъ» для исковъ о бѣглыхъ. Однако и здѣсь можно обнаружить стремленіе со стороны власти къ сохраненію за прикрѣпленіемъ его государственнаго характера: иначе съ какой стати было отличать крестьянскую крѣпость отъ крѣпости холопьей, а также признавать за крестьяниномъ нѣкоторыя личныя и имущественныя права. Впрочемъ, жизнь опять безпрепятственно перешагнула черезъ препятствія, поставленныя ей закономъ, и сдѣлать это ей было тѣмъ болѣе легко, что законъ опять страдалъ существенными недомолвками: такъ, напр., онъ игнорировалъ крестьянскую собственность, оставилъ безъ нормировки имущественныя отношенія крестьянина къ владѣльцу, даже не опредѣлилъ юридической сущности ихъ взаимныхъ отношеній. Эти недомолвки были всѣ приняты землевладѣльцами къ свѣдѣнію и руководству; не даромъ теперь онъ получилъ возможность развивать свою хозяйскую власть на формально законной почвѣ.

Дѣйствительно, отнынѣ накапливается въ современныхъ свидѣтельствахъ все больше данныхъ, убѣждающихъ въ превращеніи личности крестьянина въ объектъ частныхъ сдѣлокъ. Если бы онъ не сдѣлался таковымъ, конечно, не могла бы укорениться продажа и мѣна крестьянъ безъ земли, а также не вошли бы въ практику жизни ни переводъ крестьянъ въ дворовую прислугу, ни произвольное дробленіе крестьянской земли, ни переселеніе крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое; не могло бы равнымъ образомъ принять сколько-нибудь широкихъ размѣровъ вмѣшательство владѣльца въ частную и семейную жизнь его «подданныхъ»; наконецъ не могли бы владѣльцы научиться брать съ крестьянъ вмѣсто порядной грамоты «ссудную запись» съ обязательствомъ жить за господиномъ «вѣчно и безвыходно». Заведя рѣчь объ усвоеніи личности крестьянина типичныхъ чертъ, присущихъ любому объекту частной собственности, остается только замѣтить, что въ концѣ XVII в. болѣе $^3/_4$

всего количества крестьянскихъ дворовъ находились въ служилыхъ рукахъ: а именно 575.000 изъ общаго ихъ числа 750.000 (по даннымъ переписныхъ книгъ 1678—1679 гг.).

Признавая роковое значеніе, какое въ созданіи крестьянской неволи имѣла будничная практика сельской жизни, нельзя, однако, не признать, что правительство само содѣйствовало превращенію крестьянина если не въ «подданнаго» его господина, то въ холопа послѣдняго. На скользкій путь законодательнаго сближенія крестьянина и холопа правительство вступило сравнительно рано, еще тогда, когда оно въ XVI в. стало въ интересахъ фиска привлекать къ обложенію нѣкоторые разряды холоповъ. Эти мѣры сглаживали разницу въ положеніи раба и свободнаго человѣка въ податномъ только отношеніи: теперь правительство не ограничилось дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи, зачисливъ указомъ 1679 г. задворныхъ людей въ разрядъ людей тяглыхъ, но приняло также активное участіе въ отождествленіи крестьянина со всякаго вида частной собственностью владѣльца. Въ угоду царскому фавориту Матвѣеву правительство Алексѣя официально разрѣшило въ 1675 г. сдѣлки на крестьянъ безъ земли. Въ полномъ соотвѣтствіи съ основной тенденціей, присущей этой правительственной мѣрѣ, явно клонившей къ сліянію крестьянъ съ холопами, указы 1681—1682 гг. узаконили порядокъ, также установленный уже самой жизнью, согласно которому запись въ крестьянство должна была производиться въ Холопьемъ Приказѣ.

Такая податливость правительства въ сторону узко-сословныхъ интересовъ землевладѣльцевъ естественно разнуздывала эгоистическія вожделѣнія послѣднихъ. Теперь имъ ничто больше не мѣшало установить въ предѣлахъ ихъ владѣній тотъ порядокъ жизни, за время дѣйствія котораго названіе «крѣпостныхъ», въ старину приложимое только къ холопамъ, носилось съ одинаковымъ правомъ всѣмъ вообще владѣльческимъ крестьянствомъ. Должно-быть, уже въ XVI в. владѣлецъ фактически былъ судьей своихъ крестьянъ; по крайней мѣрѣ, памятники этого вѣка свидѣтельствуютъ объ «истязаніяхъ бичомъ» провинившихся крестьянъ. Въ XVII в. предоставленное владѣльцамъ право суда («кромѣ разбойныхъ и воровскихъ дѣлъ») явилось для

помѣщика неодолимымъ соблазномъ къ усвоенію имъ въ отношеніи его крестьянъ роли слѣдователя и судьи.

Такое вторженіе владѣльца въ область суда было для крестьянства тѣмъ болѣе роковымъ, что его право наказанія не ограничивалось никакими предѣлами. Въ помѣщичьихъ дворахъ устраивались уже въ XVII в. тюрьмы, встрѣчались кандалы, колодки, практиковалось битье кнутомъ и батогами, примѣнялись изысканныя московскія пытки.

Эти факты не оставляютъ сомнѣнія въ значеніи, какое имѣло въ разсмотрѣнный періодъ времени развитіе частнаго характера прикрѣпленія крестьянъ въ ущербъ первоначальному государственному закрѣпощенію ихъ. Именно благодаря усвоенію крестьянскимъ закрѣпощеніемъ частнаго характера крѣпостной бытъ сталъ превращаться въ крѣпостное право. По сравненію съ этой роковой метаморфозой въ жизни русскаго крестьянства терялъ всякое практическое значеніе тотъ фактъ, что законъ все попрежнему не ограничивалъ гражданскихъ правъ крестьянина: создавалось одно лишнее противорѣчіе въ богатой противорѣчіями Московской Руси — и только. Здѣсь важно установить, что еще наканунѣ XVIII вѣка отношенія владѣльца къ крестьянину приняли «форму неограниченной власти человѣка надъ человѣкомъ» и что въ положеніи холопской приниженности находилось громадное большинство сельскаго населенія допетровской Руси.

II.

Итакъ, всѣ данныя, необходимыя къ тому, чтобы крѣпостной бытъ, созданный жизнью, превратился въ крѣпостное право, санкціонированное закономъ, были налицо уже наканунѣ XVIII в. Фундаментъ дворянскихъ привилегій оказался къ этому времени прочно возведеннымъ; признаніе за крестьяниномъ гражданской правоспособности звучало ироніей законодателя. Крестьянинъ былъ фактически крѣпостнымъ человѣкомъ, отданнымъ властью на полный произволъ его господина; а этотъ послѣдній располагалъ уже во всей полнотѣ какъ правомъ на даровой трудъ крестьянина, такъ равнымъ образомъ правомъ собственности на землю.

Однако для того, чтобы формально сложившійся крѣпостной сословный строй вылился въ соціальную организацію художественной законченности, требовалось, чтобы жизнь или законъ или обѣ силы вмѣстѣ создали такія условія существованія милліоннаго народа, которыя представили бы идеальное сочетаніе безправія громаднаго большинства и привилегированности ничтожнаго меньшинства народа, иначе говоря, требовалось, съ одной стороны, раскрѣпощеніе дворянства отъ службы, а съ другой — полное торжество частнаго характера закрѣпощенія крестьянъ.

Какъ съ первыхъ дней историческаго существованія русскаго крестьянства, такъ и въ теченіе всего XVIII в. сама жизнь являлась творческой силой, создававшей судьбу крестьянства и опредѣлявшей соціально-экономическое развитіе этого класса населенія. Нельзя, однако, не признать, что съ начала этого вѣка правительство относилось къ положенію крестьянства съ меньшей, чѣмъ бывало раньше пассивностью, и, по крайней мѣрѣ, законодательство старалось не отставать отъ жизни.

Послѣднія десятилѣтія XVII в. смѣшали вопросъ о крестьянахъ съ вопросомъ о холопахъ и недоставало только, чтобы результаты этого смѣшенія были бы офиціально признаны закономъ. Рѣшительнымъ толчкомъ къ такому признанію ихъ со стороны законодателя послужила первая ревизія 1718—1727 гг.: она, главнымъ образомъ, опредѣлила составъ крѣпостного населенія.

Петру, постоянно нуждавшемуся въ военныхъ силахъ, а, слѣдовательно, и въ денежныхъ средствахъ, естественно было въ цѣляхъ умноженія этихъ послѣднихъ остановиться на признаніи души податной единицей и на привлеченіи къ обложенію наравнѣ съ крестьянами всей массы холоповъ, тѣмъ болѣе естественно, что эту мысль подсказывалъ весь ходъ развитія московской финансовой политики, издавна стремившейся къ взаимному сближенію казны и плательщика и къ расширенію круга государственныхъ тяглецовъ.

Рядъ узаконеній касательно ревизіи послѣдовательно и настойчиво суживалъ кругъ «избылыхъ, гулящихъ» людей, пока, наконецъ, указъ 19 января 1723 г. не постановилъ зано-

сить въ ревизскія сказки и класть въ подушный сборъ «всѣхъ служащихъ, какъ крестьянъ».

Очевидно, правительство Петра цѣнило въ сельскомъ населеніи одну лишь платежную силу, и потому не только не настаивало на юридическомъ различіи между холопомъ и крестьяниномъ, но въ интересахъ казны даже готово было усилить надъ послѣднимъ власть его господина, переложивъ отвѣтственность за исправную уплату казенныхъ податей съ крестьянъ на ихъ владѣльцевъ.

Возможно, что для Петра, столь глубоко проникнутаго сознаніемъ государственнаго интереса, конечной цѣлью его финансовой политики являлось отнюдь не приниженіе крестьянина на положеніе холопа, а, напротивъ, возвышеніе послѣдняго до уровня перваго. Такое предположеніе вполнѣ допустимо въ виду того, что признаніе холопа налогоспособнымъ членомъ общества сообщало ему извѣстный соціальный вѣсъ; однако фактическіе результаты сліянія холоповъ съ крестьянами въ податномъ отношеніи рѣшительно противорѣчили возможнымъ намѣреніямъ виновника этого сліянія. Дѣло въ томъ, что въ дѣйствительной жизни установленная указомъ 5 февраля 1722 г. отвѣтственность господъ за падавшія на ихъ ревизскія «души» подати легко могла поставить ихъ въ положеніе душевладѣльцевъ и съ тѣмъ вмѣстѣ отождествить крѣпостное состояніе съ холопствомъ, отжившимъ, какъ казалось, свой вѣкъ.

Правительственная погоня за плательщикомъ налоговъ неизбѣжно привела къ исчезновенію класса «гулящихъ» или «вольныхъ государевыхъ» людей. Ихъ поимка въ податныя сѣти велась тѣмъ болѣе энергично, что правительство не только не надѣялось на какую-либо пользу отъ «шатающихся» людей, но даже признавало въ нихъ вредный съ полицейской точки зрѣнія элементъ.

Однако такой взглядъ поставилъ власть въ необходимость создавать новые способы закрѣпощенія, уже не ограничиваясь постепеннымъ упраздненіемъ легальныхъ способовъ выхода изъ крѣпостного состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, согласно такой необходимости указы 1720—1723 гг. включили въ ревизскія сказки лишнихъ церковно-служителей, дѣтей бывшихъ поповъ, дьяконовъ, причетниковъ, а указъ 23 октября 1723 г.

создать крѣпость по воспитанію, постановивъ отдачу малолѣтнихъ (ниже 10 л.) неизвѣстнаго происхожденія на воспитаніе желающимъ для «вѣчнаго владѣнія».

Въ отношеніи распространенія крѣпостного состоянія на общественныя группы, до того свободныя отъ него, петровская практика создала печальный примѣръ: проникшись крѣпостническимъ духомъ, присущимъ этой практикѣ, послѣдующее законодательство положительно увлеклось заботой о томъ, чтобы «ни одинъ человѣкъ безъ положенія въ окладѣ не остался». Подтвердивъ и развивъ прежнія положенія о холопахъ, гулящихъ людяхъ, церковникахъ, дѣтяхъ церковно-служителей и отставныхъ солдатъ, пріемышахъ и незаконнорожденныхъ, послѣпетровскій законъ не только обязалъ каждаго изъ этихъ людей пріискать къ сроку помѣщика для приписки себя за нимъ, но даже призналъ правильной «приписку безъ желанія» и запретилъ жалобы на произвольную запись «въ неволю».

Если въ эпоху реформъ процессъ расширенія круга крѣпостныхъ отношеній получилъ новый рѣшительный толчокъ, то, съ другой стороны, это время было столь же мало минутой передышки въ будничной жизни крѣпостного крестьянства.

Извѣстно, какъ уже въ дореформенной Руси безпрепятственно усугублялось давленіе господской власти на трудъ и личность крестьянина. Петръ мало что сдѣлалъ для огражденія крѣпостного отъ помѣщичьяго произвола, тѣмъ болѣе мало, что подготовкой условій, способствовавшихъ установленію сословной привилегированности дворянства, Петръ косвенно даже содѣйствовалъ развитію крѣпостного права.

Утвердивъ всѣ лишенія правъ крестьянства, съ теченіемъ времени вошедшія въ жизнь, ревизія съ тѣмъ вмѣстѣ открыла возможность дальнѣйшему ихъ стѣсненію; а что возможность эта была использована заинтересованной стороной, объ этомъ въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ современники Петра и его наслѣдницъ, имѣющіе между собой столь мало общаго, какъ Посошковъ, Волынскій, Татищевъ.

Оставимъ крайности, до которыхъ могла доходить безконтрольная помѣщичья власть и, несомнѣнно, доходила,

вызывая побѣги крестьянъ и даже волненія среди нихъ: достаточно ознакомиться съ инструкціей, которую авторъ «экономическихъ записокъ» (1742 г.), Татищевъ, предлагалъ для руководства хозяину, чтобы убѣдиться въ полнотѣ не только хозяйственныхъ полномочій владѣльца. Оказывается, что послѣдній всегда могъ взять крестьянина къ себѣ во дворъ или оставить его на пашнѣ; могъ посадить его на барщину или, не освобождая его отъ мелкихъ натуральныхъ повинностей, наложить на него оброкъ; «лѣнивца» могъ онъ наказывать лишеніемъ дома его, отдачей его въ батраки «безъ заплаты», примѣненіемъ разнаго рода другихъ карательныхъ мѣръ; могъ онъ также женить и выдавать замужъ «неволей», могъ продавать и отдавать въ наемъ въ рекруты. Словомъ, трудно указать предѣлы, положенные владѣльческой эксплуатаціи «подданныхъ».

Правда, нельзя не признать, что отъ Петра не ускользнула склонность владѣльцевъ къ усиленію своей власти надъ крестьянствомъ, однако важнѣйшія его мѣры, направленныя къ предупрежденію развитія этого зла, остались — какъ впослѣдствіи не разъ признавали правительство и законъ — безъ надлежащаго осуществленія.

Петръ категорически призналъ правоспособность крестьянина въ дѣлѣ судебнаго иска и отвѣта, а также принятія на себя разнаго рода имущественныхъ обязательствъ. Подъ угрозой «штрафа» Петръ требовалъ, чтобы помѣщикъ имѣлъ хозяйственное попеченіе о своемъ старомъ и увѣчномъ людѣ, а также установилъ опеку надъ владѣльцами, разорявшими свои имѣнія и своихъ крестьянъ. Указомъ 5 марта 1721 г. Петръ предоставилъ крѣпостному человѣку свободу поступленія на военную службу, разрѣшилъ ему также записываться въ посады подъ условіемъ уплаты помѣщику обычнаго оброка. Наконецъ въ очевидныхъ цѣляхъ гуманнаго заступничества Петръ предписалъ знаменитымъ указомъ 5 апрѣля 1721 г. «пресѣчь продажу людямъ какъ скотовъ; а ежели невозможно будетъ, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями, а не врознь».

Однако тотъ же Петръ указомъ 1717 г. разрѣшилъ наемъ людей въ рекруты, а закономъ 1720 г., допустившимъ къ рекрутскому набору «купленныхъ людей», косвенно санкціо-

нировалъ ту торговлю людьми, которой суждено было въ недалекомъ будущемъ принять такіе ужасающіе размѣры. Тотъ же Петръ закономъ 1722 г. поставилъ въ зависимость отъ воли помѣщика отлучки подвластныхъ ему людей, а въ 1724 г. постановилъ, чтобы помѣщики отпускали своихъ крестьянъ не иначе, какъ съ срочнымъ письменнымъ видомъ. Наконецъ все тотъ же Петръ ввелъ въ офиціальную терминологію понятія «благородства» и «подлости», объ усвоеніи которымъ ихъ специфическаго содержанія также позаботилась ближайшая будущность...

Несмотря на сравнительное обиліе правительственныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью регулированіе взаимныхъ отношеній крѣпостного и его господина, все-таки границы власти послѣдняго остались безъ точнаго опредѣленія. А отнынѣ всякія недомолвки закона въ этомъ вопросѣ могли тѣмъ легче пагубно отразиться на крестьянскомъ бытѣ, что законъ 1722 г., возложившій на помѣщика обязанность взноса подушныхъ денегъ за его крестьянъ, фактически создалъ для послѣднихъ полную невозможность имѣть непосредственное сношеніе съ мѣстной администраціей. Будучи закрѣпощенъ къ лицу помѣщика, крестьянинъ пересталъ въ сущности быть крѣпкимъ землѣ, а изъ такой оторванности его отъ земли необходимо слѣдовала возможность владѣнія имъ со стороны того, кто платилъ за него подушную подать.

Мало того, ухудшенію юридическаго положенія крестьянства содѣйствовали и такіе законодательные акты, которые непосредственнаго отношенія къ этому классу населенія не имѣли. Такъ образованіе дворянской недвижимой собственности на основаніи законовъ 1714 и 1731 гг. само собой научило помѣщика смотрѣть на землю, какъ на собственность, владѣемую имъ независимо отъ службы, а на крестьянъ, населявшихъ эту землю, какъ на принадлежащую ему на правахъ собственности рабочую силу.

По мѣрѣ укорененія своего этотъ взглядъ долженъ былъ поставить и личность крестьянина и хозяйственное его положеніе въ зависимость отъ усмотрѣнія помѣщика, а послѣдняго расположить къ извлеченію всей возможной пользы изъ мускульной энергіи живого инвентаря его хозяйства. Что въ такомъ направленіи развивалась хозяйственная практика

помѣстнаго дворянства, объ этомъ сохранилось достаточное количество современныхъ свидѣтельствъ.

Въ интересахъ барскаго хозяйства авторъ «экономическихъ записокъ» совѣтуетъ, напр., точнѣйшую регламентацію крѣпостного труда и, предлагая примѣрную програму сельскаго рабочаго дня, рекомендуетъ предоставленіе крѣпостному отдыха въ часы полуденнаго зноя на томъ основаніи, что вѣдь слѣдуетъ «и всякій скотъ на жаръ не пускать, а держать въ хлѣвахъ». Или другой примѣръ: Посошковъ зналъ «такихъ безчеловѣчныхъ дворянъ, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ ни единаго дня, еже бы ему что сработать»; зналъ онъ также многихъ помѣщиковъ, хозяйственнымъ принципомъ которыхъ являлась поговорка: «Крестьянину не давай обрасти, но стриги его, яко овцу, догола»; и если, быть-можетъ, такіе хозяева представляли не слишкомъ частыя исключенія, то, по свидѣтельству того же Посошкова, было общимъ правиломъ, что помѣщики налагали на своихъ крестьянъ «бремена неудобоносимыя».

Впрочемъ, въ петровскую эпоху, когда шляхетство отличалось отъ массы подлаго населенія не столько правами, сколько повинностями, положеніе послѣдней еще не могло усвоить характеръ соціальной несправедливости. Это случилось въ наступившую послѣ смерти Петра переходную эпоху, когда дворянство получило возможность оказывать вліяніе на мнимо-самодержавное законодательство и съ тѣмъ вмѣстѣ обнажить свой сословный эгоизмъ въ дѣлѣ практическаго осуществленія традиціоннаго своего взгляда на мужика, какъ на частную собственность владѣльца обрабатываемой имъ земли.

Голый перечень законодательныхъ мѣръ касательно крестьянъ за періодъ времени отъ Петра до Екатерины нагляднѣе всего рисуетъ усугубленіе крестьянскаго безправія, хронологически совпавшее съ ростомъ сословныхъ привилегій дворянства.

Въ 1726 г. у крестьянъ было отнято право свободно, безъ помѣщичьяго пропуска, уходить на промыслы. Въ 1729 г. постановлено негодныхъ къ службѣ и никѣмъ не принятыхъ гулящихъ людей ссылать въ Сибирь на поселеніе. Въ 1730 г.

крестьяне лишены права пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, въ 1731 г. — права вступать въ подряды и откупа; кстати было лишній разъ подтверждено, что платежъ казенныхъ податей возлагается на отвѣтственность владѣльцевъ, при чемъ власть обязывалась «вспомогать» имъ по ихъ требованію. Въ 1732 г. помѣщики получили офиціальное разрѣшеніе переселять своихъ крѣпостныхъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Въ 1734 г. крестьяне лишились права заводить суконныя фабрики, въ 1739 г. — права покупать людей для поставки взамѣнъ себя рекрутъ. Въ томъ же 1739 г. было постановлено, «за кѣмъ деревень нѣтъ, за тѣми ни за кѣмъ въ подушный окладъ никого не писать»: а такъ какъ къ этому времени право владѣть деревнями уже стало превращаться въ сословную привилегію дворянства, то данный указъ логически наводилъ на мысль о принадлежности одному только дворянству права владѣнія населенными имѣніями. Этотъ указъ, дѣйствительно, представляетъ усовершенствованное осуществленіе того принципа, намекъ на который содержитъ впервые законъ 1730 г. и который на практикѣ сводится къ суженію круга лицъ, обладающихъ правомъ владѣнія землей и крѣпостнымъ человѣкомъ.

Въ 1741 г. восшествіе на престолъ Елизаветы дало власти поводъ порвать свою послѣднюю связь съ милліонами крѣпостного населенія: крестьянство было освобождено отъ вѣрноподданнической присяги, и съ тѣмъ вмѣстѣ помѣщикъ «окончательно заслонилъ своихъ людей и крестьянъ отъ государства».

Въ 1742 г. крестьяне были лишены права самовольнаго поступленія въ военную службу, и всѣ люди, записанные въ теченіе первыхъ ревизій въ крѣпостное состояніе лишены права доказывать незаконность записки; тогда же было постановлено, чтобы каждый, оставшійся «безъ положенія», былъ записанъ въ солдаты, или ссылаемъ въ Оренбургскій край на поселеніе, или отданъ въ работу на казенные заводы.

Съ 1746 г. законодательство стало рѣшительно ограничивать право владѣнія крѣпостными людьми, обращая его въ привилегію самаго малочисленнаго класса населенія. Естественно, что отнынѣ, при дѣйствіи правила, требовавшаго, чтобы никто безъ положенія въ окладѣ не остался,

предложеніе на пріемъ въ крѣпость стало превышать соотвѣтствующій спросъ и закрѣпощеніе при любыхъ условіяхъ стало чуть ли не милостью.

О томъ, насколько хорошо правительство усвоило типично-сословный принципъ, въ силу котораго недвижимыя имѣнія и ихъ крѣпостное населеніе сосредоточивались во владѣніи высшаго привилегированнаго класса, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ та настойчивость, съ которой законодательство при каждомъ удобномъ случаѣ проводило этотъ принципъ въ жизнь: такъ онъ находитъ себѣ лишнее подтвержденіе въ межевой инструкціи 1754 г. и въ указахъ 1758, 1762 гг., окончательно предоставившихъ право владѣнія недвижимымъ имуществомъ потомственнымъ дворянамъ и лицамъ, дослужившимся до оберъ-офицерскихъ чиновъ, а также разрѣшившихъ безземельнымъ представителямъ этой среды покупать крестьянъ, селя и записывая ихъ на нанятой землѣ.

Въ 1747 г. получило формальную санкцію право, признанное закономъ въ сущности еще въ концѣ XVII в.: помѣщики получили разрѣшеніе продавать своихъ крестьянъ и дворовыхъ кому угодно для отдачи въ рекруты, съ обязательствомъ платить подушныя деньги за проданныхъ. Эта послѣдняя оговорка лишній разъ обнаруживаетъ отношеніе власти къ массѣ владѣльческаго крестьянства: власть, повидимому, не прочь отдать крѣпостныхъ въ полное распоряженіе ихъ господъ, лишь бы гарантировать себѣ бездоимочное поступленіе въ казну слѣдуемыхъ съ нихъ платежей. Въ этой послѣдней цѣли правительство не разъ напоминало помѣщикамъ о возложенныхъ на нихъ финансовыхъ функціяхъ; отсюда также объясняется его мнимая заботливость о нуждахъ крестьянства, ставившая въ обязанность владѣльцамъ прокормленіе крестьянъ въ голодные годы, сѣменное вспомоществованіе имъ въ случаѣ неурожая и недопущеніе ихъ до нищенства. Однако, вниманія со стороны владѣльцевъ къ этимъ требованіямъ и напоминаніямъ правительство напрасно добивалось: и немудрено, разъ само оно не только освободило помѣщика отъ наказаній за податныя недоимки, но даже перенесло на него то главнѣйшее отношеніе, въ которомъ крѣпостные стояли къ государству. Сознавъ

невозможность настоять на томъ, что его ближайшимъ образомъ интересовало, правительство утратило последній остатокъ сколько-нибудь живого участія къ судьбамъ крѣпостной массы. Пожалуй, только такимъ абсолютнымъ безучастіемъ къ нимъ можно будетъ объяснить хотя бы упомянутый законъ 1747 г. или признаніе помѣщика судьей надъ его крестьянами или чудовищный законъ 1760 г., предоставившій владѣльцамъ право «по желанію ссылать своихъ крестьянъ и дворовыхъ въ Сибирь на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты»; законъ этотъ, впрочемъ, оговаривался, что принимать на поселеніе должно людей не старше 45 лѣтъ и годныхъ къ работѣ, при чемъ женатыхъ слѣдовало отправлять вмѣстѣ съ женами, тогда какъ дѣтей помѣщикъ могъ оставлять у себя; если же, разъяснялъ законъ, помѣщикъ отправитъ и ихъ вмѣстѣ съ родителями, то за малолѣтнихъ, до 15-лѣтняго возраста, онъ получаетъ извѣстное вознагражденіе, а за мальчиковъ съ 15 лѣтъ — рекрутскія квитанціи. Правда, авторъ этого закона оправдывался колонизаціонными цѣлями, преслѣдуемыми будто бы правительствомъ, но въ виду безсилія правительства въ осуществленіи какихъ бы то ни было, не только благихъ начинаній, мотивировка новаго законодательнаго акта плохо маскировала именно чудовищную сущность его...

Законодательная дѣятельность правительства въ теченіе 3—4 десятилѣтій, истекшихъ послѣ смерти Петра, даетъ возможность безошибочно установить основные моменты пережитой за это время соціальной эволюціи. На поверхности жизни наблюдается прежде всего два процесса, идущіе параллельно другъ другу и находящіеся между собой въ очевидной родственной связи. Рядомъ съ расширеніемъ круга общественныхъ группъ, состоящихъ въ крѣпостной неволѣ, идетъ суженіе круга лицъ, обладавшихъ правомъ владѣнія землей и крѣпостнымъ человѣкомъ. Путемъ этихъ двухъ процессовъ окончательно нарушалось равновѣсіе общественныхъ силъ, двигавшихъ жизнь русскаго народа и государства; а съ точки зрѣнія какъ государственнаго интереса, такъ равнымъ образомъ и народнаго блага это послѣднее явленіе представлялось тѣмъ болѣе гибельнымъ, что оно не то обусловливалось, не то сопровождалось тѣмъ основ-

нымъ фактомъ, который характеризуетъ всю соціальную жизнь страны въ данную эпоху, а именно — постепеннымъ превращеніемъ милліоновъ людей въ частную собственность привилегированнаго меньшинства.

Съ изданіемъ манифеста 18 февраля 1762 г., даровавшимъ всему благородному россійскому дворянству вольность и свободу, окончательно стушевался и забылся государственный характеръ закрѣпощенія владѣльческихъ крестьянъ. Владѣніе крѣпостнымъ человѣкомъ лишилось отнынѣ даже того сомнительнаго оправданія, будто оно служило вознагражденіемъ за всѣ тягости обязательной службы, носимой землевладѣльческимъ сословіемъ служилыхъ дворянъ.

Къ тому же 1762 г. относится начало въ исторіи русскаго государства «философской эры»: лѣтомъ этого года воцарилась Екатерина II.

На первые годы (1762—1766) новаго царствованія пришлось производство III ревизіи, обнаружившей, что крѣпостные крестьяне составляли около 45% всего населенія Великороссіи и Сибири (въ послѣдней ихъ было ничтожное количество). Крѣпостныхъ душъ мужескаго пола числилось здѣсь 3.786.771; по сравненію съ данными II ревизіи (1743—1746 гг.) оказывается, что за послѣдніе двадцать лѣтъ численность крѣпостного крестьянства, возросла на 343.488 душъ. Въ виду такого быстраго пополненія крѣпостного состоянія прежде всего, конечно, спрашивается, каковымъ оказалось отношеніе правительства Екатерины къ этому роковому процессу. Его источникомъ при вступленіи Екатерины на престолъ служили, кромѣ рожденія отъ крѣпостныхъ родителей, бракъ съ крѣпостнымъ или крѣпостной, записка за кѣмъ-либо въ подушный окладъ согласно желанію записываемаго и безъ него, закрѣпощеніе военно-плѣнныхъ, раздача взятыхъ въ плѣнъ бунтовщиковъ, покупка восточныхъ инородцевъ и, наконецъ, пожалованіе верховной властью населенныхъ земель.

Для ограниченія названныхъ источниковъ крѣпостного состоянія Екатерина приняла всего только нѣсколько частныхъ мѣръ; съ другой стороны, способовъ прекращенія крѣ-

постной зависимости она за все время своего царствованія вовсе не касалась; даже назначеніе размѣровъ выкупа изъ крѣпостной неволи осталось при ней попрежнему предоставленнымъ усмотрѣнію и доброй волѣ владѣльцевъ. Екатерина вполнѣ удовлетворилась тѣмъ, что указами 1775, 1780, 1783 гг. обезпечила крѣпостному, вышедшему или отпущенному на волю, сохраненіе его свободы и упразднила нѣкоторые способы установленія крѣпостной зависимости. Такъ, рядомъ указовъ за время 1763—1783 гг. было уничтожено старое «средство» путемъ записки за кѣмъ-либо въ подушный окладъ «вѣчно укрѣплять» безмѣстныхъ церковниковъ, незаконнорожденныхъ и пріемышей. Такъ, указы 1770—1781 гг. доставили военноплѣннымъ возможность цѣной принятія православія избавляться отъ крѣпостной зависимости. Такъ, наконецъ, указы 1763, 1764 гг. отмѣнили дѣйствіе правила «по рабѣ холопъ» въ случаѣ брака на крѣпостной питомца воспитательнаго дома и академіи художествъ; указъ 1780 г. нѣсколько расширилъ сферу дѣйствія названныхъ указовъ; тогда какъ обратное правило «по холопу раба» подверглось ничтожному ограниченію въ пользу воспитанницъ воспитательнаго дома.

Ясно, что освободительное дѣйствіе упомянутыхъ указовъ должно было быть крайне ограничено: сколько-нибудь существенныхъ перемѣнъ въ составѣ крѣпостного населенія они во всякомъ случаѣ произвести не могли. Однако, мало того, что Екатерина почти ничего не предприняла для созданія того «третьяго рода» людей, объ отсутствіи котораго въ странѣ она такъ сожалѣла: именно ей приходится поставить въ вину, что русскій народъ изъ году въ годъ терпѣлъ значительную убыль въ людяхъ, пользовавшихся «естественной вольностью».

Съ Петра основнымъ вознагражденіемъ за службу стало служить жалованіе, причемъ правительство по бѣдности своей казны нерѣдко прибѣгало къ установленію легальныхъ взятокъ, «акциденцій»—доходовъ служащихъ съ производимыхъ ими дѣлъ. Однако традиція помѣстій оказалась сильной, и только въ 1736 г. помѣстныя дачи за службу были окончательно запрещены. Впрочемъ, раздача послѣднихъ вышла изъ употребленія только, чтобы уступить мѣсто

однородной съ ней по типу служебной наградѣ — пожалованію населенныхъ имѣній.

Уже Петромъ жаловались не чети пашни и копны сѣнокоса, а крестьянскіе дворы; при его преемникахъ объектомъ пожалованія явились крестьянскія «души», а въ бѣлорусскихъ губерніяхъ — крестьянскія «головы».

Въ 37-лѣтній періодъ отъ смерти Петра до воцаренія Екатерины было, такимъ образомъ, роздано около 500.000 душъ обоего пола. Въ 34 года своего царствованія Екатерина пожаловала въ награду за службу, въ знакъ признательной милости за исключительныя услуги престолу, а также «для увеселенія» своихъ фаворитовъ около 800.000 об. п. Иначе говоря, благодаря одной только системѣ пожалованій крѣпостное состояніе росло при Екатеринѣ ежегодно на 23.400 душъ. Къ слову будь сказано, что въ послѣдніе годы XVIII вѣка владѣльческое крестьянство черпало изъ того же источника ежегодно свѣжія силы въ количествѣ 120.000 душъ обоего пола: дѣло въ томъ, что Павломъ было роздано въ частныя помѣщичьи руки около 550.000 душъ обоего пола.

Такая истинно царская щедрость въ расходованіи народныхъ силъ за счетъ народной свободы обезпечивала милліонной массѣ крѣпостного крестьянства приростъ изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе вполнѣ достаточный для восполненія той убыли, которую нанесла ей секуляризація церковнаго землевладѣнія (1763), приравнявшая около милліона сельскаго крѣпостного населенія къ государственнымъ крестьянамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по даннымъ IV ревизіи (1781—1783) оказалось въ той же Великороссіи съ Сибирью крѣпостныхъ мужского пола 5.092.869 душъ, а въ V ревизіи (1794—1796) ихъ было насчитано 5.700.465 душъ. Въ первомъ случаѣ, т.-е. въ началѣ 80-хъ годовъ, въ Великороссіи крѣпостные крестьяне составляли 56,1% всего крестьянскаго населенія, а десять лѣтъ спустя, наблюдается ничтожное пониженіе этой цифры до 55,8%. Едва ли замѣтно убавятся тѣни на картинѣ народнаго горя, рисуемой этими цифрами, если въ общій счетъ включить Сибирь, въ которой на все крестьянское населеніе приходилось ничтожное количество крѣпостныхъ. При такомъ счетѣ отношеніе крѣпостного крестьянства ко всей крестьянской массѣ дастъ

для III ревизіи—52,9%
для IV ревизіи—53,3%
для V ревизіи—53,1%

Странная на первый взглядъ устойчивость этого процента объясняется весьма просто и весьма печально тѣмъ, что грандіозныя пожалованія Екатерины производились не въ Великороссіи, а въ губерніяхъ, пріобрѣтенныхъ отъ Польши, и въ Малороссіи.

Впрочемъ, густоту крѣпостного населенія болѣе наглядно рисуютъ процентныя отношенія, въ какихъ крѣпостное крестьянство находилось ко всей крестьянской массѣ въ отдѣльно взятыхъ великорусскихъ губерніяхъ. Такой расчетъ обнаруживаетъ, что въ 80-хъ годахъ (IV рев.) въ общей массѣ, крестьянской массѣ, крѣпостные крестьяне составляли:

въ Калужской губ. » Смоленской губ. » Тульской губ.	80—83%
» Ярославск. губ. » Рязанской губ. » Петербург. губ. » Костромск. губ. » Псковской губ.	72—76%
» Нижегор. губ. » Орловской губ. » Владимир. губ. » Московск. губ. » Тверской губ.	64—69%
» Новгородск. губ. » Пензенск. губ.	51—55%
» Тамбовск. губ. » Курской губ.	45—47%
» Воронежск. губ. » Вологодск. губ.	34—37%
» Олонецкой губ.	6%

Если самый фактъ массовой раздачи населенныхъ имѣній плохо мирится съ гуманными взглядами на крѣпостного человѣка и задачи власти въ области соціальнаго строитель-

ства, высказывать которые давали Екатеринѣ поводъ ея литературно-законодательные проекты и упражненія, то въ тѣмъ болѣе непримиримомъ противорѣчіи съ этими взглядами находились мѣры, принятыя ея правительствомъ въ отношеніи крестьянскаго вопроса въ Малороссіи. И врядъ ли эти мѣры могли найти себѣ достаточное оправданіе въ томъ, что почва для ихъ дѣйствія была подготовлена всѣмъ ходомъ мѣстной общественной жизни, или въ томъ, что онѣ имѣли въ виду интересы фиска и уничтоженіе провинціальной автономіи Малороссіи.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предшествовавшей политической эволюціи Украйны явилось раннее зарожденіе въ ней закрѣпощенія сельскаго населенія, аналогичнаго въ своемъ развитіи съ тѣмъ, которое наблюдалось въ Великороссіи. Сущность этого процесса и здѣсь заключалась въ систематическомъ стѣсненіи крестьянскаго перехода, которое въ результатѣ своемъ ставило посполитыхъ крестьянъ въ положеніе «вѣчнаго подданства» владѣльцамъ земли.

Въ томъ, насколько глубоко сословно-крѣпостническія тенденціи малороссійскаго шляхетства проникли въ область мѣстнаго законодательства, не оставляютъ сомнѣнія положенія генеральной канцеляріи 1727 и 1759 гг., а также универсалъ гетмана Разумовскаго 1760 г. Что до послѣдняго, то владѣльцы послѣдняго имѣли полное основаніе толковать его въ смыслѣ «ордера о переходѣ подданныхъ съ подъ владѣльца въ другое владѣніе».

Основныя начала закрѣпощенія, развитыя въ названныхъ актахъ, вполнѣ были усвоены правительствомъ Екатерины. Это было ему тѣмъ болѣе съ руки, что эти начала близко роднились съ тѣми порядками и условіями общественной жизни, которыя были у него на глазахъ.

Указу 1763 г., повелѣвшему «всѣмъ пребывать по ихъ собственнымъ желаніямъ спокойно безъ всякой высылки и безъ наималѣйшаго утѣсненія», еще не чужда нѣкоторая двусмысленность и даже игривость; но уже въ 1770 г. малороссійская коллегія категорически признала бѣглыми и подлежащими возвращенію на прежнія жилья всѣхъ посполитыхъ, сошедшихъ съ мѣстъ безъ письменныхъ свидѣтельствъ, а указъ 1783 г. окончательно закрѣпостилъ

владѣльческое крестьянство Малороссіи и Слободской Украйны.

Объ уничтоженіи въ Россіи всякаго «самопроизвольнаго поселянъ переселенія» позаботился уже преемникъ Екатерины. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Павелъ запретилъ (указомъ 1796 г.) переходъ крестьянъ въ губерніяхъ Екатеринославской, Вознесенской, Кавказской, Таврической, а также на Дону и на полуостровѣ Тамани.

Такимъ образомъ въ эпоху русскаго «просвѣщеннаго абсолютизма» не только не остановился ростъ крѣпостного состоянія въ коренной Россіи, но крѣпостное право даже успѣло распространиться за ея предѣлами на всемъ пространствѣ Европейской Россіи.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ фактомъ и матеріальное положеніе владѣльческаго крестьянства не извлекло пользы изъ теоретическаго либерализма Екатерины, позволившаго ей прійти къ заключенію, что «русскій крестьянинъ въ сто разъ счастливѣе и достаточнѣе французскаго крестьянина», и утѣшиться мыслью, что «лучшей судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной».

Дѣло въ томъ, что за исключеніемъ указовъ 1766 и 1771 гг. изслѣдователи екатерининскаго законодательства напрасно ищутъ хоть одинъ новый законъ, въ которомъ регулировались бы отношенія между помѣщиками и крестьянами; а эти два указа, запретившіе совершеніе купчихъ на взрослыхъ крѣпостныхъ за 3 мѣсяца до рекрутскаго набора и продажу людей безъ земли при конфискаціи имѣній и продажѣ ихъ съ аукціона, сами по себѣ имѣли второстепенное значеніе и, сверхъ того, мало повліяли на житейскую практику, всегда умѣвшую обходить ихъ требованія.

Такое упорное игнорированіе со стороны власти и закона участи милліоновъ людей обезпечивало крѣпостному быту, и безъ того прочно укоренившемуся въ деревнѣ и въ барской усадьбѣ, пышный расцвѣтъ.

О «безпрекословности данниковъ» помѣщика прежде всего свидѣтельствуетъ усилившаяся во второй половинѣ XVIII в. эксплуатація крестьянскаго труда. На владѣльческихъ земляхъ еще въ дореформенную эпоху установилось господство двухъ хозяйственныхъ системъ, барщинной и

оброчной, причемъ тогда уже опредѣлилась сравнительная льготность послѣдней, нѣсколько оберегавшей крестьянина отъ помѣщичьяго произвола и дававшей самоуправленію крестьянской общины нѣкоторое реальное значеніе.

Въ виду капитальнаго значенія, какое въ будничной жизни деревенскаго населенія имѣло примѣненіе той или другой системы хозяйства, важно установить, что въ разсматриваемое здѣсь время въ коренной Россіи общая численность оброчныхъ крестьянъ значительно уступала численности крестьянъ барщинныхъ (44%—56%), и что тамъ, гдѣ благодаря свойствамъ почвы хозяйство представлялось малодоходнымъ, владѣльческіе крестьяне облагались преимущественно оброкомъ, тогда какъ тамъ, гдѣ земля отличалась плодородіемъ, преобладала барщинная система. Дѣйствительно, на 55% оброчныхъ крестьянъ въ 13 нечерноземныхъ губерніяхъ приходятся 26% ихъ въ 7 черноземныхъ губерніяхъ; съ другой стороны, 74% барщиннаго крестьянства въ черноземной полосѣ соотвѣтствуютъ въ полосѣ нечерноземной 45%. Надо сказать, что время мало колебало основное процентное отношеніе, иллюстрирующее развитіе въ коренной Россіи оброчнаго и барщиннаго труда; даже тотъ одинъ процентъ, на который увеличилась численность оброчнаго крестьянства къ XIX в. (46,3%—47,6%), признается историкомъ русскаго крестьянства (Семевскій) фиктивнымъ прогрессомъ.

Установляя фактъ несомнѣннаго преобладанія барщинной системы надъ оброчной, нельзя не замѣтить, что верховная власть столь мало знакома съ дѣйствительными условіями экономической жизни въ странѣ, что устами Екатерины рѣшалась утверждать, будто «всѣ деревни почти на оброкѣ».

Приведенныя выше цифры, съ достаточной убѣдительностью опровергающія это смѣлое утвержденіе «матери отечества», являются ничѣмъ инымъ, какъ показателемъ стремленія помѣщика къ безубыточному приспособленію своего хозяйства къ тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, въ какія оно было поставлено самой природой, — стремленія его къ обезпеченію себѣ максимальной ренты съ недвижимаго капитала по возможности независимо отъ фактической стоимости и доходности его.

Однако умѣніе помѣщика извлекать всю выгоду изъ дарового крестьянскаго труда, пожалуй, даже ярче иллюстрируютъ цифры, свидѣтельствующія о развитіи барщины въ отдѣльныхъ великорусскихъ губерніяхъ. Барщинные крестьяне составляли во всей массѣ крѣпостного крестьянства

въ Курской губ.	92%
» Тульской губ.	92%
» Рязанской губ. . .	81%
» Тамбовской губ. . .	78%
» Орловской губ. . .	64%

Въ черноземной полосѣ только въ Воронежской и Пензенской губерніяхъ оброчное крестьянство численностью превышало крестьянство барщинное, составляя въ первой 64%, во второй 52% всей крѣпостной массы. Объясняется это явленіе преобладаніемъ въ названныхъ двухъ губерніяхъ крупнаго землевладѣнія, создающаго для крестьянства въ общемъ болѣе льготныя условія существованія.

Въ нечерноземной полосѣ въ общемъ преобладала оброчная система, оказывать предпочтеніе которой побуждалъ владѣльцевъ простой хозяйскій расчетъ, подсказывавшій сокращеніе барской запашки и увеличеніе дохода съ крѣпостного труда путемъ совмѣщенія хлѣбопашества съ отхожимъ промысломъ. При наличности такого расчета неудивительно, что большинство нечерноземныхъ губерній дало по отношенію ко всей массѣ крѣпостного населенія высокій процентъ оброчнаго крестьянства, а именно:

Костромская губ.	85%
Вологодская губ.	83%
Нижегородская губ.	82%
Ярославская губ.	78%
Олонецкая губ.	66%
Калужская губ.	58%
Тверская губ.	54%

Пожалуй, цифровыя данныя касательно распространенности оброчной и барщинной системъ хозяйства въ нечерноземной полосѣ даже съ большей очевидностью обнаруживаютъ корыстныя соображенія, побуждавшія владѣльцевъ либо

облагать крестьянъ оброкомъ, либо сажать ихъ на барскую пашню. Въ этомъ отношеніи любопытно отмѣтить именно тѣ губерніи, въ которыхъ, вопреки общему правилу, численность оброчныхъ крестьянъ или почти равнялась численности крестьянъ барщинныхъ, или даже значительно отставала отъ послѣдней; такъ, напр., во всей крѣпостной массѣ оброчные крестьяне составляютъ

въ	Петербургской губ. . . .	51%
»	Московской губ.	36%
»	Смоленской губ.	30%
»	Псковской губ.	21%

На повѣрку оказывается, что московскіе помѣщики переводили своихъ крестьянъ на барщину съ тѣмъ, чтобы тѣ натурой удовлетворяли потребностямъ домашняго обихода своихъ господъ, жившихъ зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ «на дачѣ» въ своихъ подмосковныхъ вотчинахъ. Что до другихъ трехъ губерній, то преобладаніе въ нихъ барщинной системы объясняется широкимъ развитіемъ мелкопомѣстнаго землевладѣнія въ этихъ мѣстностяхъ: повидимому, создаваемый этимъ послѣднимъ типъ помѣщика страдалъ отсутствіемъ хозяйственнаго розмаха и коммерческой предпріимчивости, и потому хозяйничалъ по традиціонному шаблону, малодоходному для него и разорительному для его крестьянъ.

Въ виду того тѣснаго соотношенія, въ какомъ находилось крестьянское благополучіе съ той или другой хозяйственной практикой владѣльца, важно установить, въ какомъ отношеніи между собой находились въ Великороссіи XVIII в. крупное, среднее и мелкое землевладѣніе. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ первый знатокъ исторіи крестьянства въ екатерининскую эпоху рѣшается путемъ сопоставленія данныхъ, относящихся къ 70-мъ годамъ XVIII в. и 30-мъ годамъ XIX в., вывести заключеніе, что во всей массѣ дворянъ-помѣщиковъ мелкопомѣстные владѣльцы, имѣвшіе менѣе 20 душъ, составляли 59%, средніе владѣльцы, имѣвшіе отъ 20 до 100 душъ, — 25%, крупные владѣльцы, имѣвшіе болѣе 100 душъ, — 16%. Это заключеніе, правда, сопровождается оговоркой, что изъ небольшого процента, выпавшаго на долю крупныхъ землевладѣльцевъ, отнюдь не слѣдуетъ пред-

положеніе о сосредоточеніи въ ихъ рукахъ небольшой части всѣхъ помѣщичьихъ земель. На вопросъ о томъ, въ какомъ количествѣ крѣпостные крестьяне распредѣлялись по рукамъ разнаго типа владѣльцевъ, тотъ же историкъ рѣшается высказать лишь осторожную догадку, что во владѣніи крупныхъ помѣщиковъ (болѣе 100 душъ) было 80% всего крѣпостного населенія, въ рукахъ среднихъ помѣщиковъ (20—100 душъ)—15%, въ рукахъ мелкихъ помѣщиковъ (менѣе 20 душъ)—5%.

Нельзя не замѣтить, что данная классификація типовъ землевладѣнія, включающая въ одну категорію владѣльца сотни душъ и владѣльца десятковъ тысячъ душъ, не даетъ ни малѣйшаго представленія о размѣрахъ, какихъ въ XVIII в. достигало крупное землевладѣніе на Руси. Потому здѣсь умѣстна будетъ справка, далеко не полная, о богатѣйшихъ собственникахъ въ Великороссіи въ изучаемую эпоху, причемъ кстати будетъ сказать, что крѣпостная Русь вела счетъ земельному богатству не на десятины, а на души. Гр. П. Б. Шереметеву принадлежало слишкомъ 60.000 д. м. п.; къ слову будь сказано, что шереметевское состояніе единственное, создавшееся на почвѣ «пунктовъ» 1714 г. (правда, въ этой семьѣ принципъ единонаслѣдія осуществлялся естественнымъ путемъ). Гр. К. Г. Разумовскому принадлежало 45.000 д. Столько же принадлежало семьѣ кн. Голицыныхъ. Братья Орловы владѣли около 30.000 д. По 25.000 д. было въ рукахъ гр. А. С. Строганова и двухъ братьевъ Нарышкиныхъ. Впрочемъ, и эти цифры не даютъ вполнѣ вѣрнаго представленія о колоссальныхъ земельныхъ богатствахъ русскихъ крезовъ XVIII в.: онѣ возрастутъ до 100 и больше тысячъ душъ, если перейти за предѣлы Великороссіи, на почву вновь пріобрѣтенныхъ территорій, или хотя бы Малороссіи, земли которой въ цѣляхъ пожалованій подверглись со стороны Елизаветы и Екатерины систематическому расхищенію...

Предположеніе большой льготности положенія оброчнаго крестьянства опирается прежде всего, конечно, на большую его матеріальную обезпеченность. Въ самомъ дѣлѣ, въ оброчныхъ имѣніяхъ вообще не было барской запашки, и въ пользованіи крестьянъ была какъ вся пахотная земля, такъ и всѣ

луга. Въ барщинныхъ вотчинахъ одну треть всей пахотной земли занимала барская запашка и остальныя двѣ трети предоставлялись въ пользованіе крестьянъ.

Попытка опредѣлить приблизительную величину надѣла на крестьянскую душу привела къ заключенію объ относительно-достаточной земельной обезпеченности крѣпостного крестьянства въ концѣ XVIII в. Соотвѣтствующій расчетъ на всѣ 20 великорусскихъ губерній обнаружилъ, что на душу приходилось тогда въ оброчныхъ имѣніяхъ: 13,9 дес., въ томъ числѣ 3,8 дес. пашни; въ барщинныхъ имѣніяхъ: 7 дес., въ томъ числѣ 4,3 дес. пашни, изъ которыхъ 2,9 дес. находились въ пользованіи крестьянъ. Нѣкоторая индивидуализація этихъ цифръ, получающаяся отъ той же операціи надъ данными отдѣльно взятыхъ 13 нечерноземныхъ и 7 черноземныхъ губерній, мало видоизмѣняетъ ихъ сущность. Оказывается, что въ нечерноземной полосѣ на душу приходилось въ оброчныхъ имѣніяхъ: 14 дес., въ томъ числѣ 3,7 дес. пашни; въ барщинныхъ имѣніяхъ: 11,5 дес., въ томъ числѣ 4 дес. пашни, изъ которыхъ 2,5 дес. находились въ пользованіи крестьянина. Въ черноземной полосѣ на душу приходилось въ оброчныхъ имѣніяхъ: 10 дес., въ томъ числѣ 4,5 дес. пашни; въ барщинныхъ имѣніяхъ: 8,8 дес., въ томъ числѣ 4,6 дес. пашни, изъ которыхъ 3,1 дес. находились въ пользованіи крестьянина. Дѣйствительно, эти цифры не оставляютъ сомнѣнія въ подлинности того важнаго факта, что въ концѣ XVIII в. въ крестьянскомъ пользованіи находился солидный запасъ земель. Однако врядъ ли приходится оговариваться, что несомнѣнная достаточность душевого крестьянскаго надѣла не позволяетъ оптимистическаго заключенія о степени матеріальнаго благосостоянія сидѣвшаго на этихъ десятинахъ крестьянина.

Если что, то только детальное обнаруженіе повинностей, несомыхъ крестьяниномъ за предоставленную ему землю, можетъ создать сколько-нибудь вѣрное представленіе о матеріальныхъ условіяхъ его существованія.

Среди этихъ повинностей самое скромное мѣсто занимаетъ казенная подать, не превышавшая въ теченіе почти всего XVIII в. своего первоначальнаго 70-копеечнаго размѣра, и только въ 1794 г. поднявшаяся до 1 рубля съ души. Харак-

терной, слѣдовательно, чертой государственнаго обложенія являлась его устойчивость въ предъявляемыхъ къ плательщику требованіяхъ, т.-е. особенность, которою менѣе всего отличались денежные сборы, взыскиваемые въ личную пользу владѣльцами крѣпостныхъ крестьянъ. Соблюденіе этой пользы составляло главную заботу, первую задачу хозяйственной практики помѣщика, но такого рода задача была знакома и государству, и потому любопытно сравнить образъ дѣйствій государства и помѣщика въ дѣлѣ огражденія и тѣмъ и другимъ хозяйственнаго его интереса.

Дѣло въ томъ, что уже Петръ провелъ тотъ принципъ, что крестьянское населеніе, не принадлежащее никакому владѣльцу, принадлежитъ государству, и согласно этому принципу обложилъ казенныхъ крестьянъ сверхъ подушной подати дополнительнымъ «оброчнымъ» сборомъ въ 40 коп.

Въ виду того, что прямые налоги далеко не удовлетворяли финансовымъ потребностямъ государства, составляя въ началѣ XVIII в. всего половину, а въ концѣ его только треть всѣхъ доходовъ казны, правительство въ своихъ поискахъ новыхъ источниковъ денежныхъ средствъ, между прочимъ, позаботилось о повышеніи «оброчной» подати, взимаемой съ государственнаго крестьянства. Послѣ Петра нѣсколько увеличенный казенный «оброкъ» взыскивался до 1768 г. въ размѣрѣ 1 рубля, съ 1768—1783 — въ размѣрѣ 2 рублей, а въ 1783 г. поднялся на 3 рубля.

Въ умѣніи извлекать изъ крестьянскаго труда всю безъ остатка выгоду частное землевладѣніе далеко превзошло землевладѣніе государственное. Имѣется основаніе предполагать, что въ петровскую эпоху общій уровень владѣльческихъ доходовъ былъ почти вдвое менѣе подушной подати въ казну, а уже въ 1760-хъ годахъ средній размѣръ денежнаго оброка, взимаемаго въ пользу помѣщика съ оброчныхъ крестьянъ, равнялся 1—2 р. съ души. Не останавливаясь въ своемъ ростѣ, оброкъ поднялся въ 1770-хъ годахъ до 2—3 р., въ 1780-хъ годахъ до 4 р., въ 1790-хъ годахъ до 5 р. Здѣсь нельзя не подчеркнуть, что рѣчь идетъ о средней величинѣ крестьянскаго оброка, отклоненія отъ которой безпрепятственно допускались. Такъ, извѣстна одна вотчина въ Московскомъ уѣздѣ, которая въ началѣ 60-хъ годовъ, будучи

государственной, платила оброку по 1 р. 1 к. съ души, а въ концѣ того же десятилѣтія, ставъ къ этому времени частновладѣльческой, была обложена оброкомъ и натуральными поборами на сумму почти 5 р. съ души. Сохранилось также извѣстіе, что въ 80-хъ годахъ «въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, лежащихъ поблизости столицъ и судоходныхъ рѣкъ, оброчные помѣщики получали до 10 р. съ души». Случаи взиманія непомѣрнаго оброка являются, разумѣется, лишними доказательствами безграничности помѣщичьяго произвола; въ общемъ, однако, надо сказать, что какъ самый ростъ оброка, такъ и темпъ этого роста отнюдь не носятъ характера случайности. Дѣло въ томъ, что повышеніе нормъ оброка находилось въ болѣе или менѣе точномъ соотвѣтствіи съ повышеніемъ цѣнъ какъ на населенныя имѣнія, т.-е. на самихъ крѣпостныхъ, такъ и на хлѣбъ. Въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ XVIII в. средняя цѣна четверти ржи подымалась изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе съ 1 р. 33 к., на 1 р. 72 к., на 2 р. 85 к., на 3 р. 82 к. Иначе говоря, для покрытія оброка съ каждой души нужно было продать съ каждой души въ 1760-хъ годахъ нѣсколько болѣе 1 четверти ржи, а въ періодъ времени 1770—1800 гг.— около 1½ четверти ржи. Отсюда слѣдуетъ, что въ процессѣ вздорожанія цѣнъ на хлѣбъ наблюдается лишь небольшая замедленность по сравненію съ параллельно идущимъ процессомъ возрастанія крѣпостного оброка. Подобнаго же рода соотвѣтствіе обнаруживается между размѣромъ крестьянскаго оброка и стоимостью крѣпостного человѣка. Оказывается, что при продажѣ крестьянъ съ землей душа оцѣнивалась въ 1760-хъ годахъ въ 30 р., въ 1780-хъ годахъ—въ 70—100 р., въ 1790-хъ годахъ—въ 200 р. Сопоставленіе этихъ цифръ съ соотвѣтствующими по времени цифрами оброка позволяетъ заключить, что денежный оброкъ съ души чаще всего составлялъ 5% стоимости этой души.

Выше уже было замѣчено, что произволъ помѣщика могъ свободно проявляться въ чрезмѣрномъ повышеніи оброка; но если подобнаго рода злоупотребленія встрѣчались въ видѣ болѣе или менѣе частыхъ исключеній изъ общаго правила, то вполнѣ обычнымъ явленіемъ въ хозяйствѣ оброчныхъ вотчинъ приходится признать обложеніе крестьянъ помимо

оброка разными натуральными повинностями, чаще всего подводной повинностью и обязанностью поставлять въ экономію «столовые припасы», аналогичные «мелкому доходу» добраго стараго времени. Въ рѣдкихъ очень случаяхъ наложеніе добавочныхъ поборовъ сопровождалось нѣкоторой сбавкой денежнаго оброка; обыкновенно такой ихъ зачетъ въ оброкъ не производился, и являлись они самостоятельнымъ видомъ эксплуатаціи оброчн..г. крестьянства.

Свѣдѣнія о практиковавшихся во второй половинѣ XVIII в. поборахъ натурой позволяютъ сдѣлать приблизительный переводъ ихъ на деньги. Оказывается, что при всей гадательности такого расчета можно предположить, что стоимость различныхъ сверхоброчныхъ работъ, подводной повинности и припасовъ натурой составляла одну треть нормальнаго оброка, а отсюда получается, что всѣхъ вообще сборовъ съ оброчныхъ крестьянъ приходилось съ души въ 1760-хъ годахъ около 2 р., въ 1770-хъ годахъ — 3 р. 50 к., въ 1780-хъ годахъ — 5 р., въ 1790-хъ годахъ — 7 р. Эти цифры невольно напоминаютъ, что въ тотъ же періодъ времени государство удовлетворилось постепеннымъ повышеніемъ казеннаго оброка съ 1 р. на 3 р. съ души.

Впрочемъ, и эти цифры создаютъ только относительно вѣрное представленіе о степени обремененности оброчнаго крестьянства въ пользу его владѣльцевъ. Дѣло въ томъ, что какъ не было предѣла денежному оброку, такъ равнымъ образомъ и взносы натурой вполнѣ зависѣли отъ доброй воли хозяина, и извѣстно не мало случаевъ, гдѣ стоимость ихъ равнялась величинѣ самаго оброка.

Однако нѣтъ никакой надобности въ обобщеніи частныхъ проявленій помѣщичьей алчности, чтобы убѣдиться въ несостоятельности тѣхъ предположеній, на которыя легко могъ навести отмѣченный выше фактъ земельной обезпеченности крѣпостного крестьянства. Нѣтъ этой надобности уже по тому одному, что сравненіе всей суммы повинностей оброчныхъ крестьянъ съ находящимися въ ихъ пользованіи земельными надѣлами обнаружило, что они съ каждой десятины своего надѣла платили въ 1760-хъ годахъ около 20 к., въ 1770-хъ годахъ — 35 к., въ 1780-хъ годахъ — 50 к., въ 1790-хъ годахъ — 70 к. Иначе говоря, отягощеніе крестьянской земли

прогрессировало въ такой мѣрѣ, какая не находила себѣ ни малѣйшаго оправданія ни въ подъемѣ земледѣльческой культуры, ни въ общемъ экономическомъ развитіи страны. Въ этомъ отношеніи любопытно отмѣтить, что въ тотъ же періодъ времени 1760—1800 гг. налогъ на землю увеличился въ $3^1/_2$ раза, тогда какъ цѣнность главнаго ея продукта, ржи, возросла всего только въ $2^1/_2$ раза.

Какъ бы шатко ни было положеніе оброчныхъ крестьянъ, зависящихъ въ достаточной мѣрѣ отъ «прихотей» ихъ господъ, все же оно должно быть признано сноснымъ по сравненіи съ тѣми условіями, въ какихъ изо дня въ день протекала жизнь крестьянъ, состоявшихъ на барщинѣ. По отношенію къ послѣднимъ эксплуатація помѣщика могла положительно не знать себѣ границъ, въ виду той «непроницаемости имѣнія для власти и закона», какая установилась вмѣстѣ съ окончательнымъ упраздненіемъ государственнаго характера крестьянской крѣпости.

Въ самомъ дѣлѣ, закономъ даже не былъ опредѣленъ максимальный предѣлъ барщиннаго труда, а постановленіе Уложенія 1649 г. о соблюденіи воскреснаго и праздничнаго отдыха было настолько хорошо забыто, что потребовалось напоминаніе о немъ со стороны императора Павла. Предшествовавшія ему правительства отмалчивались въ этомъ больномъ вопросѣ съ такой настойчивостью, что даже «секретно» ничего не сдѣлали для предупрежденія произвольнаго рѣшенія его одною изъ заинтересованныхъ въ немъ сторонъ.

По свидѣтельствамъ, отнюдь не пользующимся абсолютной авторитетностью, всего обычнѣе было требованіе со стороны владѣльца съ крестьянина половины его рабочаго времени; однако, что «издревле положенная половинная работа» врядъ ли была общепринятой въ барщинныхъ вотчинахъ, можно заключить хотя бы изъ того, что отступленія отъ нея даже офиціальные источники признаютъ очень частыми. Впрочемъ, изъ признанія трехдневной барщины нормальной вовсе еще не слѣдуетъ, что она можетъ считаться умѣренной, каковой ее, повидимому, считали современники. Дѣло въ

томъ, что въ среднемъ, какъ выше было замѣчено, по всей Великороссіи на каждую душу мужского пола приходилось сравнительно съ размѣромъ барской запашки вдвое больше надѣльной пашни: такимъ образомъ изъ признанія трехдневной барщины обычной и умѣренной слѣдуетъ, что въ лучшемъ случаѣ половина рабочаго времени крестьянина жертвовалась на господскую пашню, вдвое меньшую той, которая была предоставлена въ пользованіе ему самому.

Однако нельзя также удивляться, что хозяйственная практика, ограничивавшаяся «половинной работой» крѣпостного, представлялась помѣщикамъ умѣренной, а двухдневная самимъ крестьянамъ идеаломъ существованія, если сохранилось слишкомъ достаточное количество свидѣтельствъ о существованіи владѣльцевъ, заставлявшихъ крестьянъ «безпрестанно на себя работать», пока не убранъ весь господскій хлѣбъ, другихъ, «чрезмѣрно употреблявшихъ крестьянъ для собственныхъ своихъ работъ», еще другихъ, крестьяне которыхъ работали на своихъ господъ «по 4 и даже по 5 дней», и наконецъ такихъ, что заставляли крестьянъ работать на себя «ежедневно, даже по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ».

Словомъ, наложеніе на барщинныхъ крестьянъ «работъ, частенько выступающихъ изъ способности человѣческой», являлось зломъ настолько общимъ и глубоко укоренившимся, что и трехдневная барщина удовлетворяла, казалось, требованіямъ гуманности, а со стороны крестьянъ не вызывала «ни жалобъ ни роптанія».

Чрезмѣрное отягощеніе крестьянъ барщиной наблюдается чаще всего въ малоземельныхъ мѣстностяхъ. Именно въ нихъ практиковалась, за недостаткомъ земли, система обращенія части крестьянъ въ «затяглыхъ» или «излишнихъ», «ходившихъ въ работы постороннія изъ найму и приносившихъ домой для награжденія недостатковъ и на всѣ домашнія надобности деньги». Случалось также, что подобнаго рода насильственный разрывъ всякой связи между крестьяниномъ и землей сопровождался переводомъ крестьянъ на «мѣсячину»: въ этихъ случаяхъ «у крестьянъ отнимали всю землю, скупали у нихъ по назначенной помѣщикомъ цѣнѣ весь ихъ скотъ, заставляли ихъ работать всю недѣлю на

барщинѣ, а чтобы они не умирали съ голода, или кормили ихъ по одному разъ въ день на господскомъ дворѣ, или давали имъ мѣсячный провіантъ». Надо, однако, сказать, что, въ общемъ, въ Великороссіи совершенное обезземеленіе крестьянъ было рѣдкимъ явленіемъ; участилось оно, правда, къ концу XVIII в., благодаря тому полному торжеству, какое доставила крѣпостному праву правительственная практика Екатерины. Напротивъ, въ Малороссіи хищническія стремленія дворянства, направленныя къ обезземеленію крестьянъ, обнаружились рано и осуществились въ широкихъ размѣрахъ: такъ, уже къ концу 1760-хъ годовъ въ одномъ уѣздѣ Черниговской губерніи безземельные крестьяне составляли 40,7% всего сельскаго населенія, въ другомъ уѣздѣ той же губерніи — 46,2%.

Какъ воля помѣщика опредѣляла количество барщинныхъ дней, такъ равнымъ образомъ отъ его же усмотрѣнія зависѣла и самая продолжительность рабочаго дня. Нѣтъ возможности, разумѣется, сколько-нибудь детально выяснить эту сторону крѣпостной жизни, но нѣкоторый свѣтъ проливаетъ на нее тотъ фактъ, что когда въ 1780 г. ораніенбаумскіе и ямбургскіе помѣщики попытались войти въ частное между собой соглашеніе относительно размѣра дневного труда барщиннаго крестьянина, они предполагали заставлять его работать въ апрѣлѣ и сентябрѣ по 11 — 13 часовъ въ сутки, а въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ по 14 — 16 час.

Трудно также сказать, преобладала ли въ барщинныхъ вотчинахъ поденная система, или она чаще замѣнялась назначеніемъ опредѣленнаго урока на каждое тягло (въ черноземныхъ губерніяхъ 2½, въ нечерноземныхъ 2 рев. души). Примѣненіе послѣдняго типа барщины, несомнѣнно, должно было являться болѣе желательнымъ для крестьянъ, если бы годовой урокъ въ одну десятину въ полѣ (на тягло) могъ считаться сколько-нибудь установившимся; все дѣло, однако, въ томъ, что онъ не былъ таковымъ и часто задавался въ увеличенномъ вдвое и даже больше размѣрѣ. Обременительной становилась поурочная система и въ томъ случаѣ, когда крестьянину разрѣшалось приниматься за обработку и уборку своего поля не ранѣе, какъ по окончаніи имъ всѣхъ барскихъ работъ.

Казалось бы, что господское «здѣлье» на пашнѣ представляло само по себѣ непосильный трудъ, однако имъ далеко не исчерпывались всѣ повинности барщинныхъ крестьянъ: какъ оброчный крестьянинъ, такъ и онъ былъ обязанъ — и даже въ большей степени — къ отправленію самыхъ разнообразныхъ «издѣльныхъ» работъ. Среди нихъ наиболѣе видное мѣсто занимаютъ опять-таки поборы натурой и подводная повинность, бывшая однимъ изъ главныхъ видовъ зимней барщины.

Кстати нельзя также не замѣтить, что успѣхи промышленности въ странѣ окупались усугубленіемъ крестьянской неволи: винокуреніе, горнозаводство, мануфактурная индустрія создали новые виды барщины, принимавшіе сплошь и рядомъ характеръ чудовищной эксплуатаціи человѣческаго труда и не менѣе чудовищнаго надругательства надъ человѣческой личностью. Фабрика работала — только иногда въ двѣ смѣны — въ теченіе 230 — 280 дней; а вознаграждался каторжный трудъ на ней или ничтожной задѣльной платой, или небольшимъ земельнымъ надѣломъ, который обрабатывалъ на себя фабричный рабочій въ теченіе свободныхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Казалось бы, «несносность бремени», носимаго барщиннымъ крестьяниномъ, сдѣлалась, въ особенности со времени появленій новыхъ варіантовъ крѣпостного труда, вполнѣ очевидной. Между тѣмъ правительство попрежнему оставалось глухимъ и нѣмымъ, пока въ 1797 г. не разрѣшилось извѣстнымъ указомъ 5 апрѣля объ обязательности трехдневной барщины. Впрочемъ, редакція высочайшаго предписанія была достаточно туманной, чтобы усвоить ему отнюдь не практическое, а только принципіальное значеніе.

Историкъ крестьянства XVIII в. подвелъ итогъ всѣмъ повинностямъ и поборамъ, какимъ обыкновенно подвергался барщинный крестьянинъ. Въ основу произведеннаго имъ расчета положена барщина трехдневная, а переводъ — разумѣется, очень условный — цѣнности труда и повинностей на деньги произведенъ при помощи казенной таксы, опредѣлявшей на горныхъ заводахъ поденный заработокъ коннаго и пѣшаго работника (зимой — 6 и 4 коп., лѣтомъ — 10 и 5 коп.). Указанная сложная операція обнаружила, что цѣнность труда

и повинностей съ одной ревизской души равнялась въ 1760-хъ годахъ 7—8 р., въ 1790-хъ годахъ 14—16 р., т.-е. обнаружила, что вся сумма повинностей барщинныхъ крестьянъ была въ началѣ екатерининской эпохи по меньшей мѣрѣ втрое, а въ концѣ ея вдвое больше всѣхъ матеріальныхъ тяготъ, лежавшихъ на оброчномъ крестьянствѣ.

Приведенныя выше справки о денежныхъ и натуральныхъ повинностяхъ, лежавшихъ на крѣпостномъ крестьянствѣ, не оставляютъ сомнѣнія, что къ концу XVIII в. скопилось слишкомъ достаточно этихъ повинностей, чтобы сдѣлать ихъ бремя «несноснымъ». Оно тѣмъ болѣе являлось таковымъ, что благодаря матеріальной порабощенности крѣпостного человѣка самыя интимныя сферы его существованія не оставались внѣ воздѣйствія сторонней воли и власти: гнетъ чужой злой воли, чужой деспотической власти крестьянинъ испытывалъ на каждомъ шагу—и въ хозяйствѣ своемъ и въ семейной жизни у домашняго очага.

Уже въ дореформенной Руси подготовилось перерожденіе крестьянской общины изъ организаціи податной въ организацію хозяйственную. Въ теченіе XVIII в. этотъ процессъ завершился, при чемъ новый типъ общины получилъ особенно широкое распространеніе въ центральной области, гдѣ было больше всего крѣпостныхъ крестьянъ. Дѣло въ томъ, что общинное землевладѣніе въ извѣстной мѣрѣ обезпечивало хозяйственную и податную исправность крѣпостного населенія, составлявшую первую заботу правительства и землевладѣльцевъ. Мало того, послѣднимъ она доставляла ту выгоду, что крестьянскія общества платили за мертвыя души вплоть до новой ревизіи. Наконецъ, всегда было удобнѣе взыскивать казенныя подати, повинности въ пользу помѣщика, платежи за людей, взятыхъ въ дворовые или проданныхъ въ рекруты, а также деньги на покупку послѣднихъ, имѣя дѣло не съ единичной личностью, а съ крестьянскимъ міромъ. Потому нерѣдко помѣщики даже способствовали развитію коллективнаго землепользованія съ связанными съ нимъ періодическими уравнительными передѣлами. Въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ они даже усвоили нѣкоторые фискальные

пріемы, выработанные еще старой правительственной практикой: такъ, при взысканіи оброка, доставлявшагося обыкновенно въ два срока, они примѣняли къ плательщикамъ его круговую поруку. Естественно, что община тѣмъ менѣе являлась продуктомъ органическаго процесса въ отношеніяхъ хлѣбопашца къ землѣ, чѣмъ болѣе она являлась результатомъ искусственнаго воздѣйствія на жизнь и трудъ крестьянина со стороны власти и землевладѣльца; она по необходимости обнаружила въ своей дальнѣйшей эволюціи явные слѣды крѣпостническихъ началъ, проникавшихъ жизнь народа изъ вѣка въ вѣкъ.

Въ XVIII в., увидѣвшемъ полный расцвѣтъ именно этихъ крѣпостническихъ началъ, власть общины, какъ хозяйственная, такъ и юридическая, не могла не быть ничтожной. На частновладѣльческихъ земляхъ примѣненіе той или другой системы разверстки земли опредѣлялось въ зависимости отъ хозяйственнаго интереса помѣщика. У громаднаго большинства крѣпостного крестьянства практиковалась не подушная, какъ у государственныхъ крестьянъ, а потягольная разверстка земли въ виду того, что практика научила помѣщиковъ считать этотъ послѣдній способъ болѣе уравнительнымъ для крестьянъ, и потому болѣе выгоднымъ для себя. Всего чаще въ составъ одного тягла входили мужъ и жена, но встрѣчались также иныя комбинаціи въ сочетаніи взрослыхъ работниковъ и работницъ.

Равнымъ образомъ было предоставлено усмотрѣнію помѣщика рѣшеніе вопроса о наступленіи тягольнаго совершеннолѣтія и срока для снятія тягла. Разныя рѣшенія этого вопроса позволяютъ сдѣлать то общее наблюденіе, что помѣщики настойчиво стремились къ расширенію возрастныхъ предѣловъ: во второй половинѣ XVIII в. таковыми являются въ большинствѣ случаевъ 15—17-лѣтній и 60—65-лѣтній возрасты. Извѣстно, что въ 1770-хъ годахъ само правительство признало эти возрасты предѣльными, но извѣстно также, что это иногда не мѣшало налагать тягло на 14-лѣтнихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, иначе говоря, женить дѣтей, и не снимать его съ 70-лѣтнихъ стариковъ.

Вся земля и всѣ угодья вотчины принадлежали безъ остатка помѣщику. Онъ опредѣлялъ, какіе ихъ участки и

статьи отходятъ въ пользованіе крестьянъ. Земельные надѣлы получали всѣ домохозяева, несущіе тягло; иногда также женщины-вдовы. Распредѣленіе надѣльныхъ долей и полосъ совершалось по жребію. Выгоны оставлялись въ нераздѣльномъ пользованіи крестьянъ, а пашни, сѣнокосы и приусадебныя земли подвергались отъ времени до времени общимъ и частнымъ передѣламъ. Производились послѣдніе въ цѣляхъ принудительнаго согласованія земельныхъ участковъ и наличныхъ рабочихъ силъ, представлявшихъ изъ себя вѣчно колеблющуюся величину. Общіе передѣлы производились въ разныхъ мѣстностяхъ въ разные сроки, иногда только во времена ревизій; въ нихъ страсть владѣльца къ наживѣ проявлялась далеко не въ такой степени, какъ въ частныхъ передѣлахъ, бывшихъ однимъ изъ существенныхъ пріемовъ помѣщичьей эксплуатаціи; въ нечерноземной полосѣ «перекладка душъ» совершалась даже ежегодно передъ наступленіемъ новаго года.

Во всѣхъ этихъ земельныхъ операціяхъ, вліявшихъ роковымъ образомъ на благосостояніе крестьянъ, властную роль игралъ отнюдь не крестьянскій міръ, а хозяинъ-помѣщикъ. Имѣется достаточное количество документальныхъ доказательствъ, что при желаніи послѣдній всегда могъ ограничить передѣлы, установить новый способъ земельной разверстки, увеличить или уменьшить общее количество крестьянской надѣльной земли, лишить отдѣльныхъ крестьянъ ихъ надѣла съ превращеніемъ ихъ въ дворовыхъ, наконецъ могъ отнять у крестьянъ всю землю и съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожить самую крестьянскую общину.

Столь же фиктивны, какъ въ области хозяйственной жизни, были полномочія общины въ отношенія ея юридическихъ функцій. Оно и не могло быть иначе, разъ сельскій сходъ, органъ крестьянскаго самоуправленія, состоялъ изъ лицъ, которымъ даже относительно движимаго ихъ имущества не было гарантировано неотъемлемое право собственности. Въ лучшемъ случаѣ это имущество представляло изъ себя «собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ, равносильнымъ закону», а при такомъ отождествленіи обычая и закона сама логика русской жизни требовала, чтобы при случаѣ первый оказывался столь же

безсильнымъ, каковымъ постоянно являлся второй. Впрочемъ, нѣтъ даже надобности въ бездоказательной ссылкѣ на логику жизни: что въ жизни крѣпостного, несомнѣнно, могло имѣть и дѣйствительно имѣло мѣсто лишеніе его всего достоянія, объ этомъ недвусмысленно свидѣтельствуетъ хотя бы упоминаніе въ помѣщичьихъ «уложеніяхъ» о конфискаціи крестьянскаго имущества въ качествѣ карательной и исправительной мѣры.

Крестьянскій сходъ могъ имѣть значеніе, если гдѣ-либо, то развѣ только въ оброчныхъ вотчинахъ. Здѣсь хоть сколько-нибудь обнаруживалась дѣятельность и воля міра въ выборѣ сельскихъ властей, въ производствѣ земельныхъ передѣловъ, въ участіи въ вотчинномъ судѣ, въ раскладкѣ тяголъ и оброка, податей и рекрутской повинности. Однако съ самоуправленіемъ эта дѣятельность имѣла мало что общаго: помимо того, что на сходѣ крестьяне пользовались лишь совѣщательнымъ голосомъ — и этотъ голосъ не могъ громко звучать тамъ, гдѣ подателя его сама жизнь превратила въ безсловесное существо. Очевидно, и, будучи на сходѣ, крестьянинъ не могъ не помнить, что весь онъ во власти человѣка, позвавшаго его туда. При такомъ соотношеніи силъ обѣихъ сторонъ, участвовавшихъ на сходѣ, получалось всегда, что помѣщикъ могъ все сдѣлать безъ міра, а міръ ничего вопреки волѣ барина или его замѣстителя. Были господа, которые, подобно В. Г. Орлову или Д. М. Голицыну, или А. С. Строганову, не мѣшали механизму крестьянскаго самоуправленія свободно функціонировать, но то были рѣдкія исключенія, лишь подтверждающія общее правило, что въ глазахъ помѣщика этотъ механизмъ имѣлъ единственно ту цѣну, что благодаря ему значительно упрощалось управленіе имѣніемъ и получалась возможность путемъ устройства на крестьянскія средства продовольственныхъ магазиновъ свалить на плечи самихъ же крестьянъ единственную о нихъ заботу, къ какой законъ обязалъ помѣщика, а именно заботу о вспомоществованіи крестьянамъ въ случаяхъ неурожаевъ и прокормленіи ихъ въ голодные годы.

Въ такой же степени, въ какой вліяніе помѣщика проникало въ сферу общественной жизни крестьянина, оно обнимало всѣ стороны личной жизни послѣдняго, являясь

здѣсь уже прямымъ посягательствомъ на человѣческое достоинство крѣпостного.

Въ сущности это вліяніе сводилось къ «регламентаціи всей жизни» крестьянина со дня рожденія его до послѣдняго его вздоха, но особенно сильно ощущалось оно имъ въ дни событій житейскихъ первой для человѣка важности. Даже въ вопросѣ брака крѣпостной не пользовался свободой рѣшеній и дѣйствій: безъ согласія своего господина онъ не могъ ни самъ жениться, ни выдать дочь замужъ, ни въ предѣлахъ вотчины, ни внѣ ея. Давнишній петровскій указъ, запрещавшій принужденіе къ браку, былъ забытъ, повидимому, самимъ правительствомъ, а время научило смотрѣть на этотъ вопросъ иными глазами, чѣмъ какими смотрѣлъ на него Петръ. Дѣло въ томъ, что современники Екатерины сумѣли открыть въ принужденіи къ браку «богоугодное дѣло, черезъ которое сохранятся нравы и удалятся пороки». Отъ усвоенія этого взгляда было недалеко до буквальнаго исполненія требованія къ «добрымъ, просвѣщеніе разумѣющимъ экономамъ» заботиться о «размноженіи рода человѣческаго» съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ они «стараются разводить племя отъ скотины и птицъ». Въ подтвержденіе того, что эти циничныя слова не остались словами, достаточно упомянуть о томъ засвидѣтельствованномъ фактѣ, что въ помѣщичьей средѣ нашлось не малое количество «добрыхъ экономовъ», устроившихъ для крѣпостныхъ женщинъ особую барщину.

Однако, не касаясь здѣсь помѣщичьяго разврата, нельзя не замѣтить, что бракъ крѣпостныхъ составлялъ для ихъ господъ предметъ особыхъ попеченій и прежде всего потому, что имъ затрагивался ихъ хозяйскій интересъ. Уже упоминалось о случаяхъ сочетанія бракомъ почти дѣтей единственно въ цѣляхъ увеличенія комплекта тяглецовъ; такіе случаи являлись, конечно, исключеніемъ, но рѣдкій помѣщикъ не усчитывалъ того ущерба, который получался для него отъ воздержанія отъ брака его крѣпостныхъ — разумѣется, съ тѣмъ, чтобы принять соотвѣтствующія мѣры. Приказы Суворова, напр., его приказчикамъ полны распоряженій о женитьбѣ; гр. В. Г. Орловъ требовалъ отдачи замужъ съ 20 лѣтъ и женитьбы съ 25 лѣтъ подъ угрозой

ежегоднаго штрафа въ 25 и 50 руб. Денежные штрафы взыскивались также въ голицынскихъ имѣніяхъ съ невышедшихъ до 18 лѣтъ замужъ дѣвушекъ; однажды, когда владѣлецъ счелъ себя вынужденнымъ пригрозить отдачей замужъ «по сходству лѣтъ и состоянію домовъ», крестьяне его вотчинъ поторопились выдать замужъ до 400 дѣвушекъ въ одинъ рождественскій мясоѣдъ.

Любопытно, что современное духовенство стояло, въ лишнее доказательство своей некультурности, за сохраненіе вліянія помѣщиковъ на браки ихъ крѣпостныхъ, иначе говоря, стояло за сохраненіе порядка, бывшаго, казалось бы, для XVIII в. явнымъ анахронизмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, наказъ, которымъ снабдилъ св. синодъ своего депутата въ комиссію 1767 г., живо напоминаетъ брачное право, дѣйствовавшее столѣтія назадъ въ дни младенчества народа...

Помимо того, что помѣщики часто взыскивали разнаго рода поборы по случаю женитьбы своихъ людей, выходъ крѣпостной дѣвушки замужъ на сторону всегда былъ связанъ съ уплатой ея господину «выводныхъ денегъ». Право душевладѣльца на эти деньги было признано правительствомъ, но высшей ихъ мѣры правительство не опредѣлило; въ виду послѣдняго обстоятельства нынѣ является крайне затруднительнымъ вывести изъ извѣстныхъ цифръ выводныхъ денегъ среднюю ихъ норму. Были — только и можно сказать — помѣщики, которые подъ жестокимъ наказаніемъ вовсе запрещали выводъ отъ себя вдовъ и дѣвушекъ; были такіе, которые удовлетворялись рублемъ и тремя рублями въ возмѣщеніе убыли, понесенной женскимъ населеніемъ ихъ владѣнія; большинство, кажется, сторговывалось съ молодыми на 20 — 100 рубляхъ; были, наконецъ, аферисты, которые, спекулируя на дѣвушкахъ-невѣстахъ, выигрывали сотни и даже тысячи рублей. Впрочемъ, суть, конечно, не въ этихъ цифрахъ, а въ томъ замаскированномъ ими фактѣ, что вмѣшательство владѣльца въ интимную жизнь крѣпостного вызывалось ничѣмъ инымъ, какъ разно осуществляемымъ стремленіемъ къ извлеченію наибольшей выгоды изъ той рабочей силы, которую представляла каждая крѣпостная «душа».

До сихъ поръ шла рѣчь о той эксплуатаціи, которую создало крѣпостное право по отношенію къ труду большинства сельскаго населенія. Она вполнѣ оправдывала ссылку на «ничѣмъ неограниченную помѣщичью власть», встрѣчающуюся въ запискѣ, поданной консервативнымъ сановникомъ либеральной императрицѣ съ цѣлью побудить власть къ вмѣшательству въ взаимныя отношенія между помѣщиками и ихъ крестьянами.

Однако можно даже забыть о барскомъ произволѣ въ области хозяйственной эксплуатаціи крѣпостного труда, если оставить деревню и уйти съ поля съ тѣмъ, чтобы проникнуть за ограду барской усадьбы, на господскій дворъ, въ самый домъ помѣщика. Здѣсь крѣпостное право приняло «всѣ атрибуты неограниченной власти человѣка надъ человѣкомъ», подъ гнетомъ которой влачилъ изо дня въ день свое жалкое существованіе «дворовый» человѣкъ, этотъ истинный парій крѣпостной Руси.

Дворовые, т.-е. люди, оторванные отъ земли для исполненія работъ на господскомъ дворѣ, а также для услуженія въ барскомъ домѣ, составляли въ средѣ крѣпостного населенія довольно значительный классъ. Численность этого класса съ теченіемъ времени только возрастала благодаря страсти русскаго дворянства къ многолюдной дворнѣ, страсти, производившей на современниковъ-иностранцевъ впечатлѣніе своего рода психологическаго курьеза. Къ той странности, что «у русскаго дворянина въ 5 и 6 разъ болѣе слугъ, чѣмъ у лицъ равнаго съ нимъ положенія въ западной Европѣ», заграничнымъ гостямъ приходилось скоро приглядѣться: дѣло въ томъ, что въ богатыхъ домахъ гости эти сплошь и рядомъ встрѣчали дворню въ 150—200 человѣкъ, а во дворцахъ такихъ вельможъ, какъ Орловъ, Разумовскій и имъ подобныхъ магнатовъ даже въ 300—500 человѣкъ. Въ нѣкоторыхъ голицынскихъ имѣніяхъ дворовые составляли 10% всего крѣпостного населенія вотчины; у помѣщиковъ средней руки нерѣдко 7—9%; даже изъ мелкихъ мелкіе помѣщики держали по нѣскольку человѣкъ слугъ и дворовыхъ работниковъ.

Чѣмъ болѣе къ русскому дворянству прививался вкусъ къ европейской роскоши, тѣмъ многочисленнѣе и разнооб-

разнѣе становился штатъ его домовой прислуги. Помимо людей, дѣйствительно необходимыхъ въ сложномъ обиходѣ большого хозяйства, этотъ штатъ вмѣщалъ въ себѣ представителей уже вовсе лишнихъ профессій и неожиданныхъ спеціальностей, напр., астрономовъ, геодезистовъ, поэтовъ, богослововъ. О массѣ такихъ спеціалистовъ, какъ кухенщрейберы, мундшенки, скороходы, форейторы, «свисы» — швейцары, «гусарскіе командиры» и т. п., нечего и говорить. Увеличенію числа дворовыхъ содѣйствовали нерѣдко эстетическія наклонности дворянъ-помѣщиковъ, приводя къ устройству крѣпостныхъ театровъ и оркестровъ и даже къ «культивированію истинныхъ дарованій» людей подлой породы для «невиннаго веселія» благородныхъ господъ.

Обширная дворня, безъ которой не обходилось ни одно помѣщичье хозяйство, представляется одной изъ наиболѣе страшныхъ язвъ крѣпостного строя не только потому, что рекрутировалась эта дворня изъ среды все того же крѣпостного крестьянства, но и потому еще, что содержаніе ея, а также уплата за дворовыхъ подушныхъ денегъ и другихъ поборовъ въ пользу государства ложились лишнимъ бременемъ на крестьянъ.

Впрочемъ, прежде всего возмущаетъ противъ этого крѣпостническаго института, разумѣется, участь самихъ дворовыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, даже въ домахъ относительно хорошихъ господъ дворовый переставалъ быть живымъ человѣкомъ и превращался въ живой инвентарь, вся цѣль и весь смыслъ существованія котораго сводились къ шаблонному исполненію какой-нибудь одной изъ сотни функцій, приводившихъ въ движеніе сложной механизмъ домоваго порядка.

Лучшей иллюстраціей этого механизма въ дѣйствіи могутъ служить тѣ письменные наказы домовымъ управляющимъ, въ которыхъ заботливые хозяева точнѣйшимъ образомъ регламентировали жизнь и службу своихъ дворовыхъ людей. Эти распоряженія дѣйствительно предусматривали всѣ подробности обязанностей послѣднихъ: не забыты даже наставленія относительно уборки комнатъ, доклада о гостяхъ, подачи блюдъ за столомъ, замораживанія и согрѣванія винъ,

кую печь опредѣленное количество полѣнъ; наконецъ извѣстно, что состарѣвшихся людей предполагалось устраивать въ богадѣльняхъ...

Картина жизни, которую рисуютъ эти отрывочныя свѣдѣнія, удручающе печальна. Для полноты ея слѣдуетъ только прибавить, что авторы подобнаго рода «учрежденій»—инструкцій не только наивно вѣрили, что они своихъ слугъ «такъ ведутъ, чтобы тѣ любили ихъ», но въ сущности имѣли даже полное основаніе любоваться на себя. Въ самомъ дѣлѣ, много ли было такихъ господъ, которые въ своихъ попеченіяхъ о нуждахъ двороваго люда доходили до устройства лазаретовъ, больницъ, богадѣленъ; и не больше ли было такихъ расчетливыхъ хозяевъ, которые, стараясь сбыть съ рукъ негоднаго для службы калѣку или старика, «дарили» имъ волю или за безцѣнокъ продавали ихъ.

Упоминаніе о случаяхъ продажи увѣчныхъ и дряхлыхъ крѣпостныхъ, отъ времени до времени обращавшихъ на себя вниманіе екатерининскаго правительства, само собой вводитъ въ ту область жизни крѣпостной Руси, въ которой злая воля господъ безнаказанно творила уголовныя преступленія...

Къ тѣмъ многоразличнымъ способамъ, которыми располагали многоземельные владѣльцы для извлеченія доходовъ изъ своего крѣпостного капитала, издавна принадлежало переселеніе крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое. Въ годъ воцаренія Екатерины упразднилось послѣднее препятствіе, стѣснявшее хоть сколько-нибудь злоупотребленія въ частно-переселенческой практикѣ: вмѣсто требуемой указомъ 1724 г. подачи челобитной въ камеръ-коллегію отнынѣ достаточно было простого заявленія о переводѣ крестьянъ или въ земскій судъ или мѣстному податному агенту. Тѣмъ усиленнѣе стало отнынѣ практиковаться массовое переселеніе крестьянъ и тѣмъ болѣе открылась возможность въ этомъ дѣлѣ къ широкимъ злоупотребленіямъ, возможность, въ достаточной мѣрѣ использованная хотя бы при колонизаціи Новороссіи.

Надо полагать, что въ большинствѣ случаевъ сама необходимость покинуть насиженное мѣсто и освоиться съ но-

выми условіями жизни и труда, гибельно отражалась на хозяйствѣ переселенцевъ, но, конечно, переселеніе крестьянъ цѣлыми семьями или даже деревнями не могло выродиться въ такое вопіющее зло, какое было создано правомъ помѣщика на продажу, на отдачу въ залогъ и закладъ, на включеніе въ приданое и пр. своихъ крестьянъ. Продажа крестьянъ безъ земли и даже въ розницу производилась давно (указъ 1674 г.), и развитію ея не помѣшалъ петровскій указъ сенату (1721 г.) о недопущеніи такого рода сдѣлокъ. Мало того, разрѣшенная Петромъ (1720 г.) покупка людей для отдачи въ рекруты создала бойкій торгъ людьми во время рекрутскихъ наборовъ. Всѣ мѣры Екатерины, направленныя къ ограниченію торговли людьми, свелись къ упомянутымъ указамъ 1766 и 1771 гг. и именно въ ея царствованіе развилась до послѣднихъ предѣловъ купля-продажа крѣпостного товара, притомъ много по винѣ самаго правительства, которое легко мирилось съ обхожденіемъ со стороны душевладѣльцевъ ограничительныхъ постановленій. Въ этомъ отношеніи не лишенъ печальной знаменательности тотъ фактъ, что торгъ людьми замѣтно усилился послѣ знаменитой комиссіи, руководствовавшейся «выкраденнымъ» у Монтескье наказомъ.

Сама жизнь скоро убѣдила душевладѣльцевъ въ томъ, что розничная торговля людьми много выгоднѣе оптовой, а коммерческій расчетъ побуждалъ ихъ не забывать жизненныхъ уроковъ. Въ случаяхъ оптовой продажи, т.-е. продажи крестьянъ цѣлыми имѣніями, съ землей, выручалось за душу въ 1760-хъ годахъ 30 р., въ 1780-хъ годахъ 70—100 р., въ 1790-хъ годахъ — 200 р. Меньшую выгоду обѣщала продажа за разъ значительнаго количества крестьянъ безъ земли «на вывозъ»: извѣстенъ случай, относящійся къ самому концу вѣка, когда подобнаго рода сдѣлка была заключена по оцѣнкѣ каждой души лишь въ 100 р. Крупная нажива, напротивъ, могла получиться при продажѣ людей поодиночкѣ; насколько крупная, о томъ свидѣтельствуетъ хотя бы даже офиціальная, установленная правительствомъ стоимость рекрута; она принималась въ 1760-хъ годахъ въ 120 р., въ 1780-хъ годахъ — въ 360 р., въ 1790-хъ годахъ — въ 400 р. Положимъ, болѣе высокая оцѣнка рекрута въ порядкѣ вещей: годный

въ службу человѣкъ представлялъ самъ по себѣ крупную рабочую силу; кромѣ того, вмѣстѣ съ нимъ отдавалась его жена; наконецъ, до новой ревизіи онъ не исключался изъ подушнаго оклада, и потому его доля оброка и работъ падала на остальныхъ крестьянъ. Однако приведенныя цифры далеко не знаменуютъ предѣльной стоимости рекрута. Если уже въ 1750-хъ годахъ удавалось выигрывать на рекрутѣ отъ 150—180 р., то не удивительно, что въ концѣ 1780-хъ годовъ случалось продавать рекрута за 400 р. и дороже, а въ 1790-хъ годахъ за рекрута платили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 700 р. Большія, иногда баснословныя деньги наживались также при продажѣ людей, обученныхъ какому-либо искусству или мастерству. Пожалуй достаточно вѣрное представленіе о размѣрѣ, какихъ могли достигать эти деньги, даютъ газетныя публикаціи о продажѣ крѣпостныхъ («Моск. Вѣд.» 1793: плотникъ съ женой и дочерью—500 р.; поваръ съ женой-прачкой—700 р.; садовникъ съ женой и сыномъ—1.000 р.), а также извѣстный фактъ покупки Потемкинымъ у Разумовскаго рогового оркестра за 40.000 р., по 800 р. за каждаго музыканта.

Однако картина, создаваемая этими краснорѣчивыми цифрами будетъ далеко не полная, если не противопоставить имъ другихъ, выражающихъ минимальныя цѣны, за которыя «души» переходили изъ рукъ одного владѣльца въ руки другого. До закона 1771 г. крѣпостной человѣкъ особенно понижался въ цѣнѣ, должно-быть, въ случаяхъ продажи имѣнія съ молотка, но приводимая въ этихъ случаяхъ оцѣнка крѣпостного была, очевидно, слишкомъ условной, чтобы быть принятой здѣсь въ соображеніе. Впрочемъ, сохранились купчія изъ болѣе поздняго времени съ настолько низкими цѣнами крѣпостного мужчины (6—10 р.), что является предположеніе объ умышленной сбавкѣ ихъ въ цѣляхъ пониженія слѣдуемыхъ за сдѣлку казенныхъ пошлинъ. Но если въ данномъ случаѣ является умѣстнымъ сомнѣніе въ подлинности сообщаемыхъ цифръ, главнымъ образомъ, потому, что средняя стоимость взрослаго крестьянина могла до извѣстной степени считаться установленной, то къ многочисленнымъ извѣстіямъ о куплѣ-продажѣ женщинъ и дѣвушекъ нельзя относиться иначе, какъ

съ довѣріемъ. Оказывается, что дѣвушкамъ случалось мѣнять своихъ владѣльцевъ за 33, 25, 10, 7, 5, даже за $2^1/_2$ р. Эти цифры тѣмъ болѣе характерны, что цѣна на тотъ же товаръ могла доходить до нѣсколькихъ сотенъ и даже тысячъ рублей: требовалось только, чтобы на предложеніе былъ соотвѣтствующій спросъ, а такъ какъ въ данномъ случаѣ спросъ опредѣлялся личными вкусами покупателя, то стоимость предлагаемаго товара вполнѣ зависѣла отъ умѣнья продавца извлекать изъ этихъ вкусовъ наибольшую для себя выгоду. Всегда въ цѣнѣ были, должно-быть, художественные таланты и физическая красота, но все зависѣло именно отъ спроса: одному приходилось продавать дѣвушекъ-невѣстъ по 25 р., другой выручалъ за борзого щенка 3.000 р. Сопоставленіе двухъ послѣднихъ коммерческихъ операцій обнаруживаетъ во всей наготѣ цинизмъ и мерзость, въ которые впадалъ человѣкъ, вѣкъ свой жившій въ атмосферѣ крѣпостного права; при помощи его можно измѣрить всю глубину нравственнаго паденія, наблюдаемаго въ жизни общества, выросшаго на почвѣ этого права. Этой жизни было вполнѣ къ лицу торговля людьми на ярмаркахъ, на рынкахъ, на базарахъ, подвозъ барками живого товара въ столицу, экспортъ его при посредствѣ комиссіонеровъ-армянъ за границу — въ Турцію, Персію; тѣмъ менѣе приходится удивляться, что эта жизнь производила «негодяевъ, которые дарили крѣпостныхъ въ видѣ взятокъ», и за ломбернымъ столомъ выигрывали и проигрывали живыхъ людей.

Во времена Екатерины было, дѣйствительно, свыше «узаконено покупать и продавать крестьянъ, какъ скотину»; естественно, что сами крестьяне, живя изо дня въ день подъ сѣнью этого неписаннаго закона, усвоили соотвѣтствующій ему взглядъ на себя. Въ архивѣ русской культуры врядъ ли найдется помятникъ, производящій болѣе угнетающее впечатлѣніе, нежели актъ, составленный по требованію мануфактуръ-коллегіи вологодскими крестьянами въ самый канунъ новаго XIX вѣка. Онъ содержитъ оцѣнку, которую авторы его произвели самимъ себѣ: выше 40 р. они, оказывается, своего брата не цѣнятъ; такова стоимость взрослаго работника; дряхлыхъ стариковъ и старухъ они оцѣниваютъ въ 30—50 коп.; цѣна ребенку по ихъ расчету—гривенникъ...

Безнадежное уныніе рождаютъ въ читателѣ эти голыя цифры, которыя на вѣсъ мѣди переводятъ «стоимость» человѣческой души. А вѣдь безнадежность этого унынія усугубляется тѣмъ фактомъ, что такая расцѣнка человѣческихъ душъ, до дѣтскихъ включительно, на копейки и рубли была подсказана мужику свыше: ее можно найти въ указѣ 1760 г., который, обѣщая помѣщикамъ вознагражденіе за дѣтей, оставленныхъ ими ссылаемымъ въ Сибирь родителямъ, оцѣнивалъ мальчиковъ до 5 лѣтъ въ 10 р., отъ 5 до 15 лѣтъ въ 20 р., а дѣвочекъ вдвое дешевле. Суть дѣла та же, только такса повыше.

Правда, цитированный только что указъ принадлежалъ правительству Елизаветы, отъ котораго трудно было ожидать почина въ дѣлѣ согласованія русскаго законодательства съ требованіями европейской цивилизаціи. Болѣе удивительно, что съ этимъ указомъ примирился философскій либерализмъ Екатерины. Однако мало того, что отъ него не спѣшила отречься только что вступившая на престолъ ученица Вольтера, она указомъ 1765 г. подтвердила постановленія 1760 года и даже позволила помѣщикамъ «людей своихъ (т.-е. дворовыхъ), по продерзостному состоянію заслуживающихъ наказанія, отдавать въ каторжныя работы и брать ихъ обратно по своему усмотрѣнію». Послѣдней оговоркой упразднялось единственное оправданіе предоставленію со стороны власти частнымъ лицамъ невѣроятныхъ по своей полнотѣ карательныхъ полномочій: въ самомъ дѣлѣ, могла ли быть рѣчь о заселеніи путемъ ссылки Сибири, если правительство обязывалось «безпрекословно отдавать» невольныхъ колонистовъ «по первому требованію» ихъ бывшихъ господъ. Для характеристики автора новаго указа надо замѣтить, что, рѣшаясь на еще большее расширеніе и безъ того широкой помѣщичьей власти, онъ одновременно съ этимъ указомъ (1765 г.) запретилъ крѣпостнымъ подачу лично себѣ челобитныхъ на ихъ господъ. Когда потребовалось болѣе энергичная мѣра для предупрежденія соприкосновенія власти съ милліонами ея подданныхъ, Екатерина не задумалась принять и ее. Въ 1767 г. былъ изданъ указъ, который, подъ угрозой кнута и

ссылки (разумѣется, съ зачетомъ въ рекруты) на вѣчную каторгу въ Нерчинскъ, запрещалъ, какъ незаконную, всякую жалобу крѣпостныхъ людей на своихъ господъ, поданную даже въ низшую инстанцію. Любопытно, что прогрессивное правительство Екатерины, въ мотивировкѣ своего постановленія, не брезгало ссылкой на Уложеніе царя Алексѣя. Въ виду возможности для этого правительства опираться въ своей законодательной практикѣ на архаичныя правовыя нормы дореформенной Руси, теряетъ всякое значеніе тотъ фактъ, что сама эта ссылка его оказалась совершенно неосновательной: 120 лѣтъ назадъ запрещались крѣпостному человѣку отнюдь не жалобы на притѣсненія со стороны его господина, а доносы на послѣдняго и «извѣты про государское здоровье, или какое измѣнное дѣло». Впрочемъ, важно здѣсь, конечно, не обнаружившееся при случаѣ невѣжество сената, а важенъ новый моментъ въ исторіи развитія крѣпостного права. Отнынѣ верховная власть отдавала крѣпостного человѣка въ полную волю его господина и одновременно отнимала у перваго всѣ законные способы искать защиты, уже не говоря управы противъ господскаго произвола.

Кстати здѣсь будетъ умѣстно исчерпать — по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ его проявленіяхъ — екатерининское законодательство въ области крестьянскаго вопроса.

Въ 1775 г. изданіе «Учрежденій о губерніяхъ» дало поводъ правительству, между прочимъ, повелѣть намѣстникамъ «быть заступниками утѣсненныхъ и побудителями безгласныхъ дѣлъ». Это повелѣніе по необходимости свелось къ платоническому пожеланію: слишкомъ уже оно носило характеръ общаго мѣста, да и слишкомъ было много въ екатерининской Руси намѣстниковъ, которые, будучи сами профессіональными утѣснителями, имѣли на своей собственной совѣсти не мало безгласныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, не говоря о практической безполезности подобнаго рода правительственныхъ заявленій, приходится даже сомнѣваться въ искренности ихъ. Дѣло въ томъ, что въ томъ же 1775 г. правительство, уже раньше разрѣшившее помѣщикамъ сдачу крѣпостныхъ, въ видѣ наказанія имъ, въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ, предоставило

душевладѣльцамъ право помѣщенія провинившихся дворовыхъ и крестьянъ въ смирительные дома. Почти насмѣшкой звучитъ оговорка указа, въ силу которой пользоваться этимъ правомъ помѣщику можно было только подъ условіемъ внесенія платы за содержаніе усмиреннаго преступника.

Двадцать лѣтъ Екатерина успѣла благополучно процарствовать, прежде чѣмъ глазамъ правительства «открылось такое злоупотребленіе, что нѣкоторые владѣльцы, отвергнувъ весь стыдъ, въ удовлетвореніе своего корыстолюбія стали отпускать не малымъ числомъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ» на волю, т.-е. на произволъ судьбы. Открытіе это побудило правительство обѣщать въ 1782 г. «принять пристойныя мѣры» въ случаѣ повторенія подобныхъ злоупотребленій. Разумѣется, это обѣщаніе не было исполнено: все значеніе даннаго сенатскаго указа заключалось развѣ только въ томъ, что встрѣчающіяся въ немъ слова о потерѣ частью дворянства всякаго стыда могутъ быть съ неменьшей основательностью отнесены къ автору ихъ.

Забывчивость правительства въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе знаменательна, что въ другихъ оно обнаруживало необычайную памятливость: о силѣ дѣйствія указа 1767 г. оно напомнило въ 1781 г., а указъ 1765 г., въ дѣйствіи своемъ временно пріостановленный въ 1773 г., былъ имъ вновь подтвержденъ въ 1787 г.

Такое законодательное рвеніе врядъ ли требовалось съ тѣхъ поръ, что жалованная грамота 1785 г., утвердившая всѣ права дворянъ-помѣщиковъ на землю и крѣпостныхъ людей, лишило послѣднихъ всѣхъ поводовъ, предлоговъ и надеждъ на законный выходъ изъ неволи.

Со времени изданія этого акта являлись въ сущности совершенно излишними офиціальныя опроверженія слуховъ объ освободительныхъ поползновеніяхъ правительства, какія понадобились было въ 1762, 1766, 1767 годахъ, когда подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ манифеста о вольности дворянской, мужицкая логика внушила крѣпостному крестьянству наивную вѣру въ близость часа и его свободы. Однако, повидимому, правительству представлялись недостаточными энергичныя мѣры, принятыя къ искорененію этой вѣры: указъ 1792 г., постановившій совершеніе купчихъ на

крестьянъ «такъ, какъ на прочее недвижимое имѣніе», окончательно утвердилъ въ законодательствѣ точку зрѣнія, сравнившую крѣпостныхъ людей съ прочимъ домашнимъ скарбомъ. Именно эта точка зрѣнія сквозитъ въ каждомъ словѣ павловскаго манифеста 1797 г., явившагося послѣднимъ законодательнымъ актомъ, проникнутымъ духомъ полнаго отрицанія за крѣпостнымъ крестьяниномъ элементарныхъ правъ человѣка.

Очеркъ екатерининскаго до убожества безсодержательнаго законодательства въ области крестьянскаго вопроса можетъ какъ нельзя лучше служить фономъ для картины, изображающей современное ему хожденіе по мукамъ крѣпостного крестьянства. Именно въ эпоху «просвѣщеннаго абсолютизма» въ Россіи эти муки достигли крайняго своего напряженія, перейдя въ отношеніи силы производимаго ими впечатлѣнія ту норму, съ превышеніемъ которой уже притупляется способность души и нервовъ къ воспріятію болевыхъ ощущеній.

Здѣсь въ цѣляхъ характеристики крѣпостного права и быта достаточно будетъ мимоходомъ приглядѣться къ той дѣйствительности, которая создавалась на почвѣ растлѣвающаго народный организмъ закона, и съ своей стороны растлѣвающе дѣйствовала на авторовъ его.

Побудительной будто бы причиной къ изданію указа 1760 г. служила, какъ извѣстно, забота правительства о колонизаціи Сибири. Первоначально ссыльныхъ отправляли въ Енисейскую, потомъ въ Тобольскую губерніи; къ 1772 г. въ нихъ было поселено 20.515 душъ, въ томъ числѣ 9.716 женщинъ и дѣтей. Эти цифры далеко отстаютъ отъ дѣйствительнаго количества сосланныхъ помѣщиками крѣпостныхъ: изъ офиціальныхъ источниковъ извѣстно, что только 1/4 посельщиковъ доходила до мѣстъ назначенія, притомъ большинство «въ тяжкихъ болѣзняхъ»; остальная масса гибла въ пути, что и не могло быть иначе въ виду тѣхъ истиннокаторжныхъ условій, какими былъ обставленъ самый транспортъ несчастныхъ піонеровъ русской «культуры» въ Сибири. Именно эта чудовищная смертность среди переселен-

цевъ, ставшая извѣстной центральному правительству во всякомъ случаѣ не позже 1768 г., вызвала въ 1773 г. сенатское распоряженіе «никого на поселеніе не принимать впредь до указа». Хотя изданіе этого указа послѣдовало только въ 1787 г., однако на практикѣ ссылка на поселеніе отъ помѣщиковъ возстановилась уже въ 1775 г.

Въ постановленіяхъ 1760 г. былъ оговоренъ предѣльный возрастъ (45 лѣтъ) для людей, подлежащихъ ссылкѣ: въ дѣйствительности онъ столь же мало соблюдался, какъ мало соблюдались другого рода скромныя стѣсненія помѣщичьяго произвола. Сибирской администраціей засвидѣтельствовано, что ссылалось изъ году въ годъ много стариковъ, больныхъ, малолѣтнихъ. Мало того, ею же было обнаружено, что большая часть ссыльно-каторжныхъ вовсе не была собственностью отдатчиковъ, а была пріобрѣтена послѣдними по дешевой цѣнѣ въ промежутки времени между рекрутскими наборами съ единственной цѣлью сбыть ихъ въ Сибирь въ зачетъ рекрутъ. Такимъ образомъ съ вѣдома власти законъ 1760 г. превратился въ рукахъ помѣщиковъ въ орудіе выгодныхъ финансовыхъ операцій, какимъ однимъ они уже располагали подъ видомъ права на сдачу крѣпостныхъ въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ.

И ссылка въ Сибирь и отдача внѣ очереди въ рекруты являлись мѣрами наказанія, къ примѣненію которыхъ помѣщики были закономъ уполномочены. Впрочемъ, въ отношеніи карательной власти душевладѣльцевъ надо сказать, что фактически она не знала предѣловъ: если по буквѣ закона они не пользовались правомъ жизни и смерти надъ своими крѣпостными, то на повѣрку оказывается, что даже это право было узурпировано ими. По крайней мѣрѣ, примѣненіе помѣщиками въ ихъ слѣдовательской практикѣ пристрастныхъ допросовъ, являвшихся сплошь и рядомъ квалифицированной смертной казнью, было вполнѣ обычнымъ явленіемъ въ дѣятельности вотчиннаго суда.

Много свѣта на эту дѣятельность проливаютъ тѣ «пункты», «положенія» инструкціи, которыми, въ виду отсутствія официальнаго уложенія о наказаніяхъ, нерѣдко регулировалась ее самозванные законодатели. Составлялись эти частные кодексы обыкновенно крупными владѣльцами оброч-

ныхъ вотчинъ для руководства ихъ управляющимъ, приказчикамъ, старостамъ. Въ нихъ помѣщикъ ополчается противъ лѣности, пьянства, озорничества, воровства, разбоя, словомъ, всѣхъ видовъ проступковъ и преступленій, какіе только можно было предусмотрѣть. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ точно опредѣляетъ мѣры наказаній за прогульные дни, за ругань «непечатными словами», за кражу, за «бой безъ знаку», за членовредительство и пр. Что до наказаній, то они свидѣтельствуютъ о достаточной строгости и изобрѣтательности любительскаго суда: среди нихъ встрѣчаются увѣщаніе словами, денежные штрафы, вычеты изъ жалованія, тѣлесныя наказанія обливаніемъ, розгами (розга, очень распространенная въ Малороссіи и Прибалтійскомъ краѣ, вошла въ употребленіе въ Великороссіи только въ екатерининскую эпоху), батогами, плетьми, заковка въ желѣзо, надѣваніе ошейника, рогатины, колодокъ, бритье половины волосъ на головѣ и бороды, арестъ на хлѣбѣ и водѣ, заключеніе въ цѣпь на опредѣленное количество дней, конфискація имущества, сдача въ рекруты безъ жребія, ссылка въ отдаленную деревню или на фабрику, наконецъ, даже церковное покаяніе.

Нетрудно, конечно, догадаться, что данный перечень содержитъ въ себѣ далеко не всѣ карательные пріемы, которые измышлялись тысячами судей съ цѣлью наказанія и устрашенія десятковъ, можетъ, сотенъ тысячъ подсудимыхъ, однако всю неполноту его можетъ обнаружить только ближайшее знакомство съ каждодневной практикой крѣпостного суда. Впрочемъ, достаточно вспомнить о беззащитности жертвы и безнаказанности судьи, чтобы имѣть налицо всѣ данныя, необходимыя для созданія типа палача-добровольца, палача-артиста, не знающаго удержу своей мстительной фантазіи.

Въ одномъ отношеніи упомянутыя инструкціи должны быть признаны изъ двухъ золъ меньшимъ: въ области, въ которой легче всего могъ разыграться личный произволъ, ими устанавливалось нѣчто въ родѣ организованнаго судопроизводства и утверждалась нѣкоторая классификація преступленій и нѣкоторая градація наказаній. Другой вопросъ, конечно, насколько точно соблюдались всѣ содержащіяся въ

инструкціяхъ правила представителями помѣщичьей власти на мѣстахъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ допускаетъ только предположенія и догадки, разумѣется, пессимистическія, хотя бы въ виду той безконтрольности, которою обыкновенно пользовались приказчики, бурмистры, старосты, и того простора, который представлялся инаціативѣ и усмотрѣнію этихъ лицъ самимъ текстомъ преподанныхъ имъ руководствъ. Насколько широкъ былъ этотъ просторъ можно заключить изъ словъ перваго знатока крѣпостного быта, утверждающаго, что въ лучшемъ даже случаѣ замѣстителямъ помѣщиковъ въ оброчныхъ вотчинахъ «въ сущности предоставлялось балансировать между слабостью и тиранствомъ, между слѣпотой и скотообразностью».

Въ подобнаго рода уложеніяхъ не нуждались — на бѣду ихъ крѣпостнымъ — помѣщики, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, слѣдовательно, преимущественно владѣльцы барщинныхъ крестьянъ. Потому расправа надъ послѣдними творилась отдѣльно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, измѣняясь «сообразно съ расположеніемъ духа и характеромъ господина»; а вѣдь господа, желавшіе, подобно А. С. Строганову, «быть для своихъ людей болѣе отцомъ, нежели господиномъ», были наперечётъ въ обществѣ, въ которомъ собственноручная расправа превратилась «просто въ потребность жизни».

Въ самомъ дѣлѣ, безъ преувеличенія можно сказать, что въ помѣщичьей жизни побои вошли въ программу будничнаго дня: именно нормальный домашній бытъ помѣстнаго дворянства оправдываетъ утвержденіе, что «если дворянство въ умственномъ отношеніи мало возвышалось надъ своимъ крѣпостнымъ людомъ, то въ нравственномъ оно стояло много ниже его». Картина этого нормальнаго быта производитъ на потомство кошмарное впечатлѣніе, даже большее, чѣмъ всѣ ужасы уголовщины, нашедшіе себѣ мѣсто въ томъ скорбномъ листѣ, въ каковой превратилась исторія крѣпостного права наканунѣ XIX в. Эти ужасы все же исключенія, не подлежащія обобщеніямъ, а та картина свидѣтельствуетъ о гнусности, вошедшей въ плоть и кровь массы людей, принадлежащихъ къ «культурной» общественной средѣ. И вѣдь этой гнусности даже невѣжествомъ не оправдаешь — въ ней равнымъ образомъ повинны и сѣдые недоросли, и люди,

тронутые образованіемъ, и даже славные представители верховъ современной интеллигенціи.

Эпидемичность рукоприкладства притупила всякое чувство мѣры. Бьютъ за кражу и за опрокинутую солонку, за пьянство и за пережаренную курицу, за драку и за недоборъ ягодъ, за коллективный протестъ вышедшей изъ повиновенія дворни и за требованіе ключей, когда уже «почивать легли». Палка, розга, «ѣзжалый» кнутъ — самыя обычныя «исправительныя мѣры». Обыкновенно наказаніе производилось на конюшнѣ, чтобы стоны и крики жертвъ барскаго гнѣва не оскорбляли слуха господъ; но сколько было любителей собственноручныхъ расправъ! Ихъ было особенно много среди женщинъ. Барыни обрѣзаютъ косы, бьютъ башмакомъ по лицу, запускаютъ булавки въ плечи и руки своей женской прислуги. Пинки, пощечины, зуботычины были милостью тамъ, гдѣ судья сѣкъ и сажалъ людей на цѣпь, «такъ какъ не любилъ слишкомъ много драться», тамъ, гдѣ съ людьми обращались «хуже, чѣмъ со скотами», тамъ, гдѣ наказаніе безпрепятственно переходило въ систематическое мучительство. Извѣстны случаи, когда одинъ помѣщикъ въ горячечномъ бреду «ни съ того ни съ сего» подвергалъ тѣлесному наказанію до единаго всѣхъ своихъ дворовыхъ; когда другой «царапалъ кошечками» (ременныя семихвостныя съ узлами плети) своихъ слугъ, сообразивъ, что оно «и больно и не опасно» — стоитъ только послѣ экзекуціи завертывать истерзаннаго въ теплыя шкуры барановъ; когда еще другой жегъ углями подошвы ногъ двороваго за то, что тотъ утопилъ барскихъ щенковъ, которыхъ его женѣ было велѣно выкормить грудью. Положительно приходится признать, что изобрѣтательность всевластныхъ господъ помѣщиковъ граничила почти съ геніальностью: одинъ черноземный Соломонъ приказалъ — подъ угрозой 5.000 розогъ — провинившуюся дѣвушку «именемъ и отчествомъ не звать, а звать всѣмъ трусихой и лживицей».

Кстати нельзя не замѣтить, что въ то время, когда благородное дворянство съ такимъ успѣхомъ развивало инквизиторскіе таланты, присущіе всякому на волю выпущенному некультурному человѣку, въ то самое время Екатерина находила, что «наши нравы не ухудшаются». Впрочемъ, все,

конечно, зависитъ отъ точки зрѣнія, а съ извѣстной точки зрѣнія доля истины была и въ этихъ словахъ: Россія временъ Екатерины была настолько «полна всякой мерзости», что дѣйствительно трудно было представить себѣ дальнѣйшее «ухудшеніе» нравовъ. Вѣдь то было время, когда уголовные преступники ходили на свободѣ, мало того, дослуживались до титуловъ и почестей. О томъ, сколько преступленій остались безъ наказанія, сколько было скрыто вопіющихъ дѣлъ, именно «безгласныхъ дѣлъ», позволяетъ догадываться тотъ фактъ, что въ теченіе трехъ слишкомъ десятилѣтій екатерининскаго царствованія помѣщиковъ и помѣщицъ, взявшихъ на свою совѣсть жизнь замученныхъ ими людей, подверглись суду и наказанію всего только 20 человѣкъ.

Можно вѣрить, что въ помѣщичьихъ застѣнкахъ «кровь лилась за малѣйшіе проступки, часто по одному своенравію» господъ, когда теряешь счетъ тѣмъ документально засвидѣтельствованнымъ случаямъ, въ которыхъ господа «олицетворяли въ себѣ понятіе о всевозможныхъ неистовствахъ и гнусностяхъ». М. Ѳ. Каменскій, александровскій графъ и фельдмаршалъ, проломилъ на глазахъ свидѣтелей-гостей двумъ крѣпостнымъ головы объ печь. Княг. Козловская разорвала горничной своей, вложивъ ей пальцы въ ротъ, губы до ушей; она же натравливала собакъ на привязанныхъ къ столбамъ нагихъ людей, а экзекуціи въ конюшнѣ заставляла производить мужчинъ надъ женщинами, а надъ мужчинами женщинъ и дѣвушекъ; впрочемъ, нерѣдко эти послѣднія экзекуціи производились ею же самой. Княг. Салтыкова, супруга воспитателя Александра, держала крѣпостного парикмахера 3 года въ клѣткѣ, чтобы скрыть ношеніе ею парика. Генеральша Эттингеръ до смерти засѣкла крестьянина, подговорившаго другого къ побѣгу...

Вообще надо думать, что тѣлесное наказаніе кнутомъ и розгой часто равнялось смертной казни: дѣло въ томъ, что число ударовъ, полагаемыхъ въ наказаніе доходило до невѣроятныхъ цифръ—1.000, 5.000, 10.000, 17.000, при чемъ авторитетныя свидѣтельства обнаруживаютъ случаи примѣненія высшихъ нормъ наказанія. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ принимались мѣры предосторожности во избѣжаніе смертнаго исхода истязанія; правда, менѣе изъ страха

передъ отвѣтственностью, сколько въ силу хозяйскаго расчета, дорожившаго въ каждой жертвѣ солидной рабочей силой.

Выше такихъ соображеній была, оказывается, московская помѣщица Дарья Салтыкова, знаменитая Салтычиха. Чаще всего ее приводило въ изступленіе нечистое мытье бѣлья и половъ; въ припадкахъ гнѣва она приказывала: «Бейте до смерти, я никого не боюсь, никто ничего сдѣлать мнѣ не можетъ!» Не безъ основанія Салтыкова годами пребывала въ увѣренности своей безнаказанности: 21 разъ возбуждалось дѣло противъ нея и всякій разъ прекращалось безъ какихъ-либо для нея послѣдствій. Большинство ея преступленій относится къ елизаветинскому времени, и только въ конецъ 1763 г. жалобамъ ея крѣпостныхъ былъ данъ законный ходъ, при чемъ, однако, въ исполненіи указа 1762 г., податели челобитной подверглись публичному наказанію плетьми. Шесть лѣтъ тянулось дѣло; обвинялась подсудимая въ убійствѣ 75 человѣкъ; однако юстицъ-коллегія поддержала обвиненіе только въ 38 случаяхъ, оставила въ подозрѣніи въ убійствѣ 26 человѣкъ, оправдала по 11 случаямъ. Любопытны рѣшенія властей по этому дѣлу: юстицъ-коллегія присудила Салтыкову къ отсѣченію головы; сенатъ призналъ достаточной карой наказаніе кнутомъ и ссылку въ Сибирь; наконецъ Екатерина, послѣ двукратнаго смягченія сенатскаго приговора, постановила лишить Салтыкову дворянства, назвавъ ее Д. Николаевой, выставить ее на часъ на эшафотѣ съ надписью «мучительница и душегубица» и содержать ее пожизненно въ подземной тюрьмѣ женскаго монастыря. Во время производства слѣдствія по этому дѣлу нѣкоторые сообщники Салтыковой подвергались на ея глазахъ пыткѣ для «устрашенія» главной обвиняемой, достаточно, казалось бы, доказавшей свою нечувствительность къ человѣческимъ страданіямъ. Восемь этихъ сообщниковъ, въ томъ числѣ священникъ, погребавшій завѣдомо замученныхъ людей, были приговорены къ наказанію кнутомъ и къ пожизненной каторгѣ въ Нерчинскѣ. Наконецъ обвиненіе противъ властей, производившихъ, по признанію юстицъ-коллегіи, «дѣло съ явнымъ въ пользу Салтыковой потворствомъ», было признано недоказаннымъ.

массы мнимо-новыя вѣянія въ области сословнаго законодательства. Такъ, напр., годъ, въ которомъ манифестъ Петра III породилъ столько слуховъ о близкомъ освобожденіи крестьянъ, ознаменовался для того времени внушительнымъ по своимъ размѣрамъ крестьянскимъ волненіемъ, охватившимъ въ центральныхъ губерніяхъ слишкомъ 50.000 человѣкъ. Равнымъ образомъ годъ созыва екатерининской коммиссіи «учинился примѣчателенъ убіеніемъ многаго числа господъ отъ ихъ подданныхъ». Вообще въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины крѣпостной народъ доставилъ много безпокойства правительству; въ теченіе его въ 30 слишкомъ вотчинахъ приходилось силой усмирять крестьянъ; въ одной Московской губерніи за 6 лѣтъ (1764 — 1769 гг.) погибли отъ рукъ своихъ крѣпостныхъ 21 помѣщикъ и 9 помѣщицъ не считая 5 случаевъ неудачныхъ покушеній на убійство.

Было ясно, что ссылка — въ манифестѣ Екатерины 1762 г. — на «божеское узаконеніе», будто бы требовавшее сохраненіе крѣпостного права, не дѣйствовала на психику крѣпостной массы: понадобилось болѣе убѣдительное вразумленіе ея — общія правила для руководства начальниковъ военныхъ отрядовъ, посылаемыхъ для усмиренія крестьянскихъ бунтовъ. Для наставленія начальниковъ карательныхъ экспедицій военная коллегія выработала подробную инструкцію, въ которой, между прочимъ, устанавливалось желательное, въ случаѣ столкновеній, соотношеніе между силами возставшихъ и ихъ усмирителей: на сотню первыхъ полагалось полсотня рядовыхъ съ пушкой.

При такомъ неравенствѣ силъ служебное усердіе исполнителей «правилъ» неизбѣжно превращало усмиреніе крестьянскихъ мятежей въ кровавыя побоища. Что до наказаній, которымъ подвергались десятки и сотни участниковъ бунта и зачинщиковъ его, то они часто диктовались согласно желанію пострадавшихъ помѣщиковъ: естественно, что въ этихъ случаяхъ крестьяне испытывали всю мѣру гнѣва и мести своихъ господъ.

Съ 1770 г. крестьянскія волненія затихли на нѣсколько лѣтъ. Казалось, народъ вооружился терпѣніемъ и ждалъ, что оправдается слухъ о предполагаемомъ изданіи благо-

пріятнаго для него закона; вопросъ о таковомъ былъ будто возбужденъ еще въ законодательной комиссіи конца 1760-хъ годовъ.

Слухъ оказался ложнымъ, а затишье оказалось затишьемъ передъ бурей Пугачевщины. При всей своей стихійности это грандіозное народное движеніе явилось въ достаточной степени порожденіемъ сознательной ненависти рядового казачества и крѣпостного крестьянства противъ общаго ихъ врага — дворянства и бюрократіи. Вся крѣпостная Россія была пугачевской, не даромъ всѣ прокламаціи Пугачева подчеркивали антидворянскіе мотивы.

Расчетъ военной коллегіи оказался ошибочнымъ: потребовалась мобилизація не карательныхъ сотенъ, а цѣлыхъ армій подъ начальствомъ Бибиковыхъ и Суворовыхъ. Пожаръ былъ залитъ моремъ крови; вслѣдъ за дикой оргіей крестьянской мести насталъ чередъ дворянъ торжествовать не менѣе дикую побѣду...

Отнынѣ Екатерина могла сравнительно спокойно царствовать: казалось, сила была сломлена, которая могла бы помочь народу «взять себѣ волю». Дѣйствительно, въ оставшіеся Екатеринѣ лѣтъ двадцать жизни крестьянскіе бунты нарушали ея покой — по разу въ годъ: съ 1774 по 1796 гг. извѣстны волненія крѣпостныхъ только въ 20 вотчинахъ 18 помѣщиковъ.

Въ свое время у Екатерины хватило легкомыслія въ ея «литературно-политической болтовнѣ» съ французскими корреспондентами обратить въ шутку всю Пугачевщину. Екатерина не успѣла сомкнуть глазъ, какъ возникли крестьянскія волненія въ 31 губерніи. Озаренный ихъ кровавымъ заревомъ сошелъ въ могилу «окаянный», какъ пророчески окрестилъ его Дмитрій Ростовскій, XVIII вѣкъ.

III.

«Время лихое, шатаніе великое и въ людяхъ смута... Внутри страны происходятъ ужасы; никогда еще преступленія не были такъ наглы; безнаказанность и дерзость дошли до крайняго предѣла».

Въ этихъ строкахъ подъ однѣ ковычки подведены слова, сказанныя разными людьми въ разное время, но по внутреннему содержанію до того тождественныя, что непредупрежденный читатель съ трудомъ повѣритъ, что многоточіе, разъединяющее эти цитаты, знаменуетъ промежутокъ времени въ слишкомъ 100 лѣтъ.

«Лихое время» жалуется въ 1682 г. старшій современникъ Петра Желябужскій—«ужасы происходятъ» будто вторитъ ему Растопчинъ въ письмѣ другу отъ 1796 г.

Конечно, на первый взглядъ кажется страннымъ, что въ оцѣнкѣ русской жизни спѣлись люди конца XVII и XVIII в., но стоитъ только измѣрить разстояніе, пройденное русскимъ народомъ на пути культурнаго прогресса отъ начала къ концу XVIII столѣтія, чтобы понять, почему современнику Екатерины пришлось повторить жалобы современника Петра.

Говоря о культурномъ развитіи народа, прежде всего, конечно, имѣешь въ виду успѣхи, сдѣланные имъ въ области просвѣщенія и нравственнаго усовершенствованія. Къ началу XVIII в. о такихъ успѣхахъ не приходится много распространяться: иностранцы, посѣщавшіе въ тѣ времена Москву, недоумѣвали, «что именно составляетъ главную черту характера русскаго народа—жестокость ли, невоздержанность или распутство», и не скупились на сообщеніе такихъ возмутительныхъ фактовъ изъ жизни двора и общества, что это недоумѣніе ихъ представляется вполнѣ естественнымъ и основательнымъ. Правда, невольно является мысль, что въ этой иллюстраціи русскаго быта слишкомъ сгущены краски, что въ авторахъ печальной повѣсти изъ русскаго прошлаго имѣешь дѣло съ пришедшими съ чужой стороны недоброжелательными наблюдателями и пристрастными судьями русскихъ порядковъ и нравовъ; однако такой скептицизмъ оказывается неумѣстнымъ: изъ устъ своихъ людей до насъ доходитъ исповѣдь, не оставляющая мѣста самымъ скромнымъ иллюзіямъ—въ запискахъ Желябужскаго положительно не прерываются извѣстія о чудовищныхъ преступленіяхъ и, пожалуй, еще болѣе чудовищныхъ наказаніяхъ.

Допетровская Русь дожила до «нравственнаго банкротства», но она и не могла не дожить до него; слишкомъ ужъ былъ слабъ и блѣденъ тотъ лучъ знанія, который едва проникалъ сквозь мракъ невѣжества, тяготѣвшій надъ русской землей. Въ самомъ дѣлѣ, что бы не говорили апологеты древней Руси о достигнутой ею высокой ступени культурнаго развитія, для разоблаченія неосновательности ихъ оптимистическаго взгляда на роль школы и образованія въ московскую эпоху достаточно указанія на «весь контекстъ явленій русской культуры», противорѣчащій всей аргументаціи въ пользу такого взгляда. Впрочемъ, историческая наука располагаетъ убѣдительными доказательствами, подтверждающими безотрадное признаніе автора «Очерковъ русской культуры», что «вся допетровская наука массы ограничивалась часословомъ и псалтыремъ», иначе говоря, что наука, проникшая въ массу народа, была лишена истинно просвѣтительнаго содержанія. Однако мало того, что само по себѣ убого просвѣтительное значеніе этой науки: легко представить, до чего ничтожна сила дѣйствія ея на народную массу, если извѣстно, что въ періодъ времени отъ 1678 — 1689 гг. часословъ и псалтырь расходились ежегодно въ 1.500 — 3.000 экземплярахъ, т.-е. въ лучшемъ случаѣ дѣлались достояніемъ одного изъ 5 — 10.000 русскихъ людей. Разумѣется, въ дѣйствительности отношеніе счастливыхъ обладателей этихъ просвѣтительныхъ пособій ко всей массѣ населенія было гораздо болѣе неблагопріятно, такъ какъ главнымъ ихъ потребителемъ былъ не частный человѣкъ, а церковь.

Положимъ, такое равнодушіе къ печатному слову было слишкомъ въ порядкѣ вещей: изысканія о степени распространенности начальныхъ элементовъ образованія въ Россіи наканунѣ петровской реформы обнаружили, что тогда простая грамотность была случайностью. Насколько мало даже въ концѣ XVII в. «механическая хитрость» чтенія и письма являлась необходимымъ образовательнымъ средствомъ, видно хотя бы изъ того, что весь ежегодный спросъ со стороны 16 милліоновъ населенія на букварь выражался въ болѣе чѣмъ скромной цифрѣ—2.000 экземпляровъ; о такомъ же повальномъ невѣжествѣ народа свидѣтельствуютъ

тотъ фактъ, что первой русской грамматикѣ Смотрицкаго, увидѣвшей свѣтъ въ 1648 г., пришлось ждать слишкомъ 70 лѣтъ до выхода вторымъ изданіемъ.

Свѣтской школы допетровская Русь вовсе не знала. Грамотный человѣкъ являлся величайшей рѣдкостью не только въ средѣ простонародья. Своимъ умѣніемъ «по книгамъ брести» этотъ человѣкъ былъ обыкновенно обязанъ «мандрованнымъ дьякамъ», странствующимъ учителямъ—«мастерамъ», въ свое время постигшимъ грамоту столь же случайнымъ образомъ, какъ случайно она давалась ихъ ученикамъ. Понятно, что при такомъ способѣ распространенія элементарнѣйшихъ знаній, и объемъ знаній и методъ обученія оставались традиціонными изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Лишнимъ доводомъ въ оправданіе представленія о русскомъ народѣ какъ о сѣрой безграматной массѣ служитъ умственное состояніе духовенства. Казалось бы, для этого класса общества грамотность должна была являться необходимой принадлежностью профессіи; извѣстно, однако, что даже XVIII в. не удалось добиться поголовной грамотности православнаго духовенства и пришлось ограничиться вытѣсненіемъ безграмотной его братіи изъ центра на окраины, изъ города въ село. Что же говорить о болѣе раннихъ временахъ? Впрочемъ, они сами не молчатъ, а, напротивъ, громко свидѣтельствуютъ о невѣжествѣ громаднаго большинства народныхъ пастырей: на протяженіе двухъ послѣднихъ дореформенныхъ вѣковъ нѣтъ собора, который не жаловался бы на безграмотность священнослужителей и не предлагалъ бы мѣръ для искорененія этого зла. Однако зло такъ и не было искоренено: допетровской церкви едва было по силамъ созданіе приходской школы, преслѣдовавшей чисто профессіональныя цѣли обученія, при чемъ практической пользы отъ нея получалось до крайности мало. Она не только не отвѣчала общественной потребности въ начальномъ образованіи, но даже не удовлетворяла собственно церковной нуждѣ въ грамотныхъ людяхъ. Учебный курсъ ея свелся къ «четью-пѣтью церковному», а задачей ея стало подготовленіе причетниковъ, кое-какъ умѣвшихъ «брести по чернилу». Повидимому, умѣніе педагоговъ временъ Сто-

главаго Собора «натаскивать кандидатовъ въ священство прямо съ голоса, минуя хитрую науку грамоты», не было секретомъ и для «мастеровъ» XVII в., и долго еще русской церкви оставалось ждать появленія на ея каѳедрахъ «ученаго попа»-семинариста.

«Допетровская церковь — темное царство», а будучи таковымъ, она, конечно, не могла просвѣтительно воздѣйствовать на свѣтское общество. Попытки къ тому были, положимъ, и въ Москвѣ, и въ Новгородѣ, и въ Троицкой лаврѣ, но онѣ столь мало мѣняли общее положеніе дѣла, что замѣчаніе Маржерета въ началѣ XVII в. не потеряло справедливости и къ концу его: «Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, но, впрочемъ, и этимъ занимаются немногіе».

Правда, съ конца XV в. Московская Русь открылась болѣе значительному вліянію византійской культуры, а немногимъ позже также культуры западно-европейской, и, несомнѣнно, эти вліянія оставили свои слѣды. Однако мало того, что эти слѣды представляютъ каплю знанія въ морѣ невѣжества, они врядъ ли могутъ быть отнесены въ приходъ русскаго просвѣщенія: «унаслѣдованная Москвой византійская мудрость давно уже отжила свой вѣкъ, а явившіяся ей на смѣну европейскія знанія, равнымъ образомъ, уже успѣли утратить кредитъ у себя на родинѣ». Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь черпались эти знанія изъ средневѣковыхъ латинскихъ энциклопедій XIII — XV вв., и были они лишь по недоразумѣнію приняты за послѣднее слово науки: естественно, что дни этой псевдонауки были сочтены съ момента прорубки окна въ Европу, сдѣлавшей невозможными подобныя недоразумѣнія.

Однако признаніе сомнительной цѣнности новыхъ знаній не позволяетъ отрицать услуги, оказанной ими уму русскаго человѣка. Пусть этотъ послѣдній по-своему рѣшалъ квадратуру круга, зная изъ всѣхъ видовъ низшей математики одну только ариѳметику; пусть онъ, помирившись, скрѣпя сердце, съ закономѣрностью движеній планетъ, продолжалъ настаивать на томъ, что движутся онѣ не «животными звѣрями», а ангелами Божіими; пусть онъ, съ опаской оглядываясь на аптеку, какъ на очагъ вольнодумства, шелъ къ

нѣмцу-врачу за покупкой на вѣсъ золота чудодѣйственнаго «единорогова рога»; пусть онъ, прослышавъ объ открытіи Америки, попрежнему съ невозмутимымъ спокойствіемъ упирался ногами въ непоколебимую земную твердь; пусть; все же и для него существовала Америка, и для него открылись тайны мірозданія, и онъ нашелъ дорогу къ иностранцу-врачу: въ немъ мысль проснулась, а кругомъ него господствовало отсутствіе ея. Спрашивается только, много ли было такихъ «образованныхъ» людей, а также спрашивается, переродилась ли ихъ нравственная личность, благодаря пробужденію въ нихъ не столько любознательности, сколько любопытства, а также усвоенію ими скудныхъ обрывковъ византійской и западной образованности?

Картина русскихъ нравовъ на рубежѣ XVII и XVIII вв.— хотя бы та самая, о которой выше упоминалось,—дастъ на этотъ вопросъ отрицательный отвѣтъ. Но если знанія, имѣвшія хоть нѣкоторую претензію на научность, не препятствовали нравственному оскудѣнію болѣе образованныхъ элементовъ московскаго общества, какія требованія въ этомъ отношеніи можно предъявить къ истинно-сѣрой массѣ, которая въ объясненіи явленій природы и роли человѣка въ ней не знала удержу своей фантазіи, вѣря съ трогательно-дѣтской наивностью и въ четырехъ китовъ-атлантовъ, и въ «ангельскую быстроту», пригодившуюся Творцу на сотвореніе прародителя Адама? Очевидно, что при такомъ бездѣйствіи ума, такой праздности мысли сѣрый человѣкъ не могъ не стать беззащитной жертвой своихъ инстинктовъ и страстей.

Предположивъ самую тѣсную связь между народной моралью и тѣмъ капиталомъ просвѣтительныхъ элементовъ, который въ каждое данное время является достояніемъ какъ всей массы, такъ, равнымъ образомъ, передовыхъ общественныхъ группъ, любопытно опредѣлить ростъ этого капитала въ теченіе изучаемаго здѣсь XVIII в.

Что до исторіи русской школы, какъ высшей, такъ и низшей, то, несомнѣнно, она ведетъ начало свое отъ Петра Великаго: просвѣщеніе и грамотность дореформенной Руси создались помимо школы; только, что необходимость ея

сознавалъ уже XVII в.: горькій опытъ въ дѣлѣ церковной реформы заставилъ ощутить само правительство потребность въ просвѣщеніи. Однако изъ того, что цѣнить просвѣщеніе научила практическая нужда, неизбѣжно вытекалъ утилитарный взглядъ на школу, ея назначеніе и ея роль въ жизни государства и общества: учрежденіе богословской профессіональной школы въ Москвѣ, славяно-греко-латинской академіи, явилось осуществленіемъ этого взгляда.

Дореформенный взглядъ на цѣль образованія былъ унаслѣдованъ и всецѣло усвоенъ Петромъ, вся правительственная дѣятельность котораго свидѣтельствовала о томъ, что о возбужденіи и удовлетвореніи потребности въ общемъ образованіи онъ заботился менѣе всего. Но съ сохраненіемъ стараго взгляда на задачу школы коренныемъ образомъ измѣнились цѣли, преслѣдуемыя петровской педагогикой. Если попрежнему отъ школы требовалась техническая выучка для профессіональныхъ надобностей, то теперь имѣлась въ виду не корректура церковныхъ книгъ, а нужды государства, подсказываемыя преобразованіемъ арміи и флота. Изъ этого слѣдуетъ, что программа петровской школы была столь же случайна, какъ случайна была программа ея предшественницы, но что въ то же время она болѣе отвѣчала задачамъ всякаго начальнаго преобразованія.

Петръ сознавалъ, что успѣшность его реформы въ зависимости отъ степени распространенности въ массѣ населенія основныхъ математическихъ и словесныхъ познаній, и предполагалъ покрыть страну — въ цѣляхъ насажденія этихъ знаній въ народѣ — цѣлой сѣтью элементарныхъ школъ, цифирныхъ и епархіальныхъ. Въ дѣлѣ осуществленія этого плана Петру нельзя отказать въ энергіи и послѣдовательности: за 6 лѣтъ, отъ 1716—1722 гг., были открыты 42 цифирныя школы; съ 1721 г. стали открываться епархіальныя школы и къ концу царствованія чуть ли не каждый (теперешній) губернскій городъ имѣлъ по двѣ школы, одну свѣтскую и одну духовную. Однако на повѣрку этотъ на первый взглядъ блестящій результатъ просвѣтительныхъ попеченій правительства представляетъ ничтожный шагъ впередъ, сдѣланный русскимъ народомъ на пути изъ тьмы невѣжества на свѣтъ просвѣщенія.

Какъ узко-утилитаренъ ни былъ взглядъ царя на науку и знаніе, современное Петру общество не доросло и до такого взгляда. Пополнять вновь открытыя школы пришлось путемъ насильственной вербовки, при чемъ вскорѣ обнаружилась оригинальная конкуренція между обѣими школами, свѣтской и духовной. Между ними возникла борьба изъ-за учениковъ, кончившаяся тѣмъ, что епархіальная школа отбила у цифирной большую часть ея питомцевъ: отъ обученія въ послѣдней пришлось освободить какъ дѣтей духовныхъ, рекламированныхъ духовной школой, такъ и дѣтей посадскихъ и купеческихъ, отцы которыхъ отдавали прилавку и ремеслу рѣшительное предпочтеніе передъ школьной скамьей; кончилось тѣмъ, что свѣтская школа рекрутировала весь контингентъ своихъ учениковъ исключительно изъ дѣтей приказныхъ.

Цифирныя школы начали пустовать и закрываться; къ 1727 г. ихъ уцѣлѣло всего 28; навербовано въ нихъ было первоначально около 2.000 учениковъ, но дѣйствительный комплектъ не превысилъ цифры 500; 1.500 учениковъ были или насильно перетянуты епархіальной школой, или самовольно бросили ученье, или, наконецъ, были исключены изъ школы.

Впрочемъ, разгромъ цифирной школы объясняется не только независящими отъ нея причинами: она была обречена на гибель самой постановкой въ ней учебнаго дѣла. Въ будничной практикѣ этой школы не было ничего, что могло бы привлечь симпатіи къ ней населенія, и, напротивъ, было слишкомъ много, что должно было отвратить отъ нея. Къ особенностямъ новой школы, отвращавшимъ отъ нея обслуживаемое ею общество, принадлежалъ прежде всего усвоенный ею принудительный характеръ обученія, вытекавшій изъ правительственнаго взгляда на ученіе, какъ на своего рода службу государству, добросовѣстное отбываніе которой вознаграждалось жалованіемъ, а за уклоненіе отъ которой (за «нѣты») взыскивались штрафы. Отвращать отъ школы должна была также грубость педагогической техники, признававшей пріемами воспитательнаго воздѣйствія и битье батогами, и сажанье на цѣпь, и де-

журство въ классѣ отставного гвардейскаго солдата съ хлыстомъ «для унятія крика и безчинства».

Такъ цифирная школа умирала медленной естественной смертью; дожила она до 1744 г., когда послѣднія ея жалкіе остатки—всего 8 школъ—были соединены съ основанными лѣтъ за 10—12 до того гарнизонными школами при полкахъ. Эти послѣднія заимствовали учебную программу покойной цифирной школы, обогативъ ее лишнимъ спеціальнымъ предметомъ (солдатской экзерциціей) на дѣлѣ лишь отодвинувшемъ на задній планъ общеобразовательные предметы, грамотность и ариѳметику.

Печальная судьба, выпавшая на долю петровской цифирной школы, сама по себѣ съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ о ничтожности значенія, какое можетъ быть усвоено ей, какъ органу элементарнаго образованія. Къ такому же отрицательному выводу приводитъ оцѣнка ея внутренней организаціи и жизни. Царившая въ ней казарменная атмосфера, неопредѣленность преслѣдуемыхъ ею задачъ, практиковавшаяся ею болѣе чѣмъ курьезная система образованія, все это вмѣстѣ взятое не позволяетъ не сомнѣваться въ томъ, что на самомъ дѣлѣ цифирная школа вовсе даже не была разсадникомъ просвѣщенія.

Не была таковымъ и другая петровская школа, епархіальная, не была, правда, по другимъ причинамъ.

Находясь въ вѣдомствѣ адмиралтействъ-коллегіи, цифирная школа получала своихъ учителей изъ морской академіи, стоявшей, что до подготовки преподавательскаго персонала, далеко не на высотѣ своего призванія. Напротивъ, въ судьбу епархіальныхъ школъ государственная власть не вмѣшивалась, предоставивъ наблюденіе за ними мѣстнымъ преосвященнымъ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого порядка было то, что сплошь и рядомъ духовныя школы возникали и падали съ перемѣнами на архіерейскихъ каѳедрахъ. Однако, несмотря на этотъ роковой недостатокъ, епархіальная школа проявила гораздо больше устойчивости и жизнеспособности, чѣмъ ея свѣтская соперница, успѣвъ количественно опередить ее за первыя 6 лѣтъ своего существованія: въ 1727 г. насчитывались 46 епархіальныхъ школъ, а въ нихъ учениковъ 3.056, изъ которыхъ убыло ничтожное

количество въ 239 учениковъ. Такое успѣшное развитіе епархіальной школы наблюдается и дальше, но пошло оно не на пользу широкихъ массъ свѣтскаго общества, а на удовлетвореніе настоятельной нужды самой церкви на первыхъ порахъ хотя бы въ грамотныхъ, а потомъ и «ученыхъ» кандидатахъ въ священство.

Если еще имѣется основаніе предполагать, что въ первой половинѣ XVIII в. духовная школа, воспитывавшая тогда немалое количество дворянскихъ, солдатскихъ и даже крестьянскихъ дѣтей, больше цѣнилась какъ общеобразовательное, чѣмъ какъ профессіональное учебное заведеніе, то уже къ серединѣ вѣка опредѣлился ея сословный и съ тѣмъ вмѣстѣ узко-профессіональный характеръ. Такое превращеніе духовныхъ школъ, доживших до екатерининскаго времени въ количествѣ все той же полсотни, явилось вполнѣ въ порядкѣ вещей. Оно было связано съ расширеніемъ учебной программы школы и осложненіемъ ея внутренней организаціи, но дѣло народнаго образованія извлекло изъ этого прогресса прямой выгоды столь же мало, сколь мало ея оно извлекло изъ петровской епархіальной школы въ первыя десятилѣтія ея существованія, когда она, какъ сказано, обслуживала болѣе широкій кругъ русскаго общества. Уже черезчуръ скудна была духовная пища, предлагаемая ею тогда, и черезчуръ ужъ примитивенъ и грубъ былъ педагогическій режимъ, установившійся въ ней. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи она мало въ чемъ отличалась отъ свѣтской школы, а что до выполняемой ею программы преподаванія, то установлено, что въ большинствѣ случаевъ она ограничивалась грамматикой и риторикой и даже нерѣдко исчерпывалась выучкой грамоты и письма. По авторитетному мнѣнію автора «Очерковъ русской культуры», убогая цифирная школа по уровню знаній даже опережала въ нѣкоторыхъ случаяхъ школу духовную. Накопецъ услуга, оказанная епархіальной школой населенію коренной Россіи, представится совершенно ничтожной, если обратить вниманіе на количественное распредѣленіе учениковъ по 46 епархіальнымъ школамъ въ 1727 г.: оказывается, что изъ обучавшихся въ нихъ 2.827 учениковъ почти половина, 1.331, приходится на долю ма-

лороссійскихъ епархій, т.-е. оказывается, что собственно въ Великороссіи свѣтская школа опередила духовную не только по уровню знаній, но и по общему числу учениковъ. Такимъ образомъ попытка Петра создать элементарную школу не удалось: народъ, какъ былъ, такъ и остался безъ средствъ къ образованію, и, что важнѣе всего, остался безъ нихъ почти до самаго конца XVIII в.

Если кто-либо могъ съ полнымъ равнодушіемъ относиться къ судьбамъ начальной школы, то прежде всего благородное шляхетство, даже провинціальное: вѣдь цифирная школа предназначалась не для него; его дѣтямъ былъ даже формально запрещенъ доступъ какъ въ нее, такъ позже и въ гарнизонную школу. За объясненіемъ такого запрета не далеко ходить: все дѣло въ томъ, что вѣдь оставаться въ провинціи дворянству не полагалось. Правда, ему еще меньше полагалось погрязать въ невѣжествѣ, только что въ предъявленномъ ему требованіи образоваться и намека не было на пробужденіе въ немъ стремленія къ умственному развитію, а шла рѣчь о пріобрѣтеніи имъ опредѣленныхъ техническихъ навыковъ и прикладныхъ знаній.

Въ самомъ дѣлѣ, разъ профессіональная выучка была введена въ школьныя рамки и стала разсматриваться какъ своего рода обязательная служба, то военная школа не могла не сдѣлаться повинностью высшаго класса общества и съ тѣмъ вмѣстѣ эта школа должна была сдѣлаться школой узкосословной, дворянской. Именно въ такомъ направленіи и эволюціонировали петровскія техническія учебныя заведенія: морская академія и инженерная школа сдѣлались заведеніями исключительно дворянскими съ переводомъ ихъ въ Петербургъ, притомъ первая — доступнымъ только для достаточныхъ дворянъ; равнымъ образомъ, еще при Петрѣ подготовился, а послѣ него окончательно утвердился сословный характеръ артиллерійской школы; наконецъ, послѣднее военно-учебное заведеніе этого періода—сухопутный шляхетскій корпусъ— съ самаго открытія (1733 г.) своего предназначалось исключительно для дворянъ.

Кто интересуется вопросомъ, содѣйствовала ли школа перевоспитанію общества, тому будетъ въ высокой степени

безразлично, оказалась ли военная школа XVIII в. въ качествѣ профессіональнаго учебнаго заведенія на высотѣ своего призванія, иначе говоря, будетъ безразлично, отвѣчалъ ли требованіямъ современнаго военнаго искусства тотъ офицерскій контингентъ, который рекрутировался изъ питомцевъ этой школы. Ему, напротивъ, чрезвычайно важно будетъ провѣрить, насколько дѣйствительность оправдывала претензію дворянской школы на формировку «образованнаго» человѣка.

При такой постановкѣ вопроса его разрѣшеніе много облегчится, если предварительно уяснить себѣ, что именно обозначало на языкѣ того времени самое понятіе «образованный человѣкъ». Надо сказать, что оно нашло себѣ исчерпывающее опредѣленіе въ классическомъ предписаніи Петра «младымъ отрокамъ всегда говорить на иностранныхъ языкахъ, какъ для того, чтобы пріобрѣсти въ нихъ навыкъ, такъ и съ тѣмъ, чтобы можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ отличать». Что и говорить, такое мѣрило образованности и наглядно и удобопонятно, но установленія иного нельзя ждать отъ человѣка, который, и ставъ преобразователемъ, оставался сыномъ своего времени, и, не доросши до сознательнаго отношенія къ заимствованной культурѣ, полагалъ требованія новой «людскости» въ перемѣнѣ манеръ и модъ и въ развитіи вкуса къ европейскому комфорту.

Задачей будущаго являлась переоцѣнка культурныхъ цѣнностей, входившихъ съ почину Петра въ обиходъ жизни русскаго передового общества. Такая переоцѣнка оказалась не по плечу военной дворянской школѣ: ея неспособность усвоить и пропагандировать иное отношеніе къ западной цивилизація дѣлаетъ понятнымъ, почему именно культурная внѣшность положила рѣзкую грань между «благородствомъ» и «подлостью».

Почти одновременно опредѣлился и сословный характеръ военной дворянской школы и особый кругъ знаній, приличиствующихъ спеціально шляхетству. Въ программѣ кадетскаго корпуса, обнимавшей 22 предмета, первое мѣсто занимали иностранные языки, танцы и фехтованіе. Повидимому, эта программа пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу

кадетамъ. Въ 1733 г. изъ 245 русскихъ воспитанниковъ корпуса обучались нѣмецкому языку 237, танцамъ — 110, французскому языку — 51, фехтованію — 47, геометріи — 36, исторіи — 28, верховой ѣздѣ — 20, русскому языку — 18, географіи — 17, юриспруденціи — 11. Если со временемъ произошла какая-либо перемѣна въ спросѣ на духовную пищу, то развѣ только та, что съ перемѣной царствованія нѣмецкій и французскій языки помѣнялись ролями въ качествѣ необходимаго признака хорошаго тона. Что фехтованіе и верховая ѣзда привлекали такъ мало любителей, объясняется единственно тѣмъ, что совершенство въ этихъ искусствахъ пріобрѣталось и внѣ корпуснаго манежа.

Въ приведенной таблицѣ, пожалуй, особенно знаменательна послѣдняя цифра: она характеризуетъ равнодушіе дворянства къ тѣмъ отраслямъ знаній, усвоеніе которыхъ, необходимое для гражданской службы, было бы особенно желательно въ интересахъ умственнаго развитія подрастающаго поколѣнія, а именно равнодушіе къ наукамъ юридическимъ, политическимъ и экономическимъ. Въ этомъ равнодушіи рельефно обнаруживается традиціонная уже оцѣнка знаній съ чисто практической точки зрѣнія: отъ гражданской, «приказной» службы дворянство систематически уклонялось, предоставивъ ее «крапивному сѣмени»; а что до «высшихъ градусовъ» этой службы, то благородное шляхетство хорошо знало, что они составляютъ его сословную монополію.

Такъ совершилась расцѣнка заимствованныхъ культурныхъ элементовъ въ зависимости отъ совершенно условныхъ соображеній. Правда, послѣднія имѣли свое основаніе въ томъ, что вліяніе западной культуры было по необходимости слишкомъ долго болѣе матеріальнымъ, нежели идейнымъ, и потому самый процессъ заимствованія сдѣлался фатальнымъ образомъ искусственнымъ и подражательнымъ. Однако отъ признанія неизбѣжности такого результата само положеніе дѣла ничуть не мѣняется: результатомъ дѣйствія такихъ условныхъ соображеній было отклоненіе дворянской военной школы далеко въ сторону отъ тѣхъ путей, слѣдуя которымъ школа создаетъ истинно-образованнаго человѣка — человѣка съ чуткимъ сердцемъ и мыслящимъ умомъ.

Дворянская военная школа съ своей стороны много содѣйствовала закрѣпленію за европейской культурной внѣшностью значенія соціальнаго признака привилегированнаго сословія, вовсе не заботясь о пробужденіи въ своихъ питомцахъ сознательнаго отношенія къ самимъ себѣ и къ окружающей ихъ печальной дѣйствительности. Не удивительно потому, что новая культурная среда сумѣла обойтись безъ какого-либо міровоззрѣнія безконечно долгое время: въ ней окончательно возобладало «свѣтское житіе», и всѣ помыслы ея были направлены къ постиженію въ возможномъ совершенствѣ хитрыхъ правилъ «житейскаго обхожденія».

Объ этомъ рвеніи благороднаго шляхетства къ усвоенію внѣшняго лоска, всѣхъ знаній, привычекъ, вкусовъ, необходимыхъ въ обиходѣ свѣтской жизни ярче всего свидѣтельствуетъ рѣдкій, исключительный для того времени успѣхъ практическихъ руководствъ хорошаго тона: «Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію» разошлось въ теченіе 50 лѣтъ (1717—1767 гг.) въ пяти изданіяхъ; а однородное по содержанію произведеніе аббата Бельгарда «Совершенное воспитаніе дѣтей, содержащее правила о благопристойномъ поведеніи молодыхъ знатнаго рода и шляхетскаго достоинства людей» разошлось въ теченіе 30 лѣтъ (1747—1778 гг.) въ трехъ изданіяхъ.

Такая популярность названныхъ книгъ представляется дѣйствительно исключительной, въ особенности если имѣть въ виду, что само «зерцало» съ высоты своего авторитета наставляло читателей, «не прилѣпляться много къ читанію книгъ», но этотъ успѣхъ былъ обезпеченъ воспитаннымъ въ читателѣ «зерцала» и «правилъ» аббата стремленіемъ къ идеалу «придворнаго человѣка», стремленіемъ, воспитаннымъ въ немъ съ малыхъ лѣтъ, еще на школьной скамьѣ.

Положимъ, при такихъ условіяхъ нельзя вмѣнять въ вину «младому шляхтичу», что онъ по мѣрѣ приближенія къ указанному ему идеалу умственно слѣпъ и нравственно хирѣлъ, но въ такомъ случаѣ поиски причинъ, создавшихъ въ типѣ дворянина XVIII в. преобладаніе отрицательныхъ качествъ, неизбѣжно приводятъ, между прочимъ, къ чрезвычайно низкой оцѣнкѣ услугъ, оказанныхъ дѣлу русскаго просвѣщенія со стороны дворянской военной школы: въ са-

момъ дѣлѣ, поглощенная заботой о внѣшней полировкѣ своихъ питомцевъ, о преподаніи имъ кодекса свѣтской жизни, эта школа забыла о задачахъ нравственнаго и умственнаго ихъ совершенствованія.

Впрочемъ, при оцѣнкѣ просвѣтительной роли дворянской школы недостаточно указать на одностороннее пониманіе ею взятой на себя культурной миссіи, а слѣдуетъ имѣть въ виду, что, какъ ни была относительна приносимая ею польза, извлечь ее изъ «своей» школы могло только столичное дворянство. Дѣйствительно, много ли дѣтей рядового провинціальнаго дворянства попадало въ столичныя учебныя заведенія! Часть ихъ усваивала требуемыя закономъ знанія въ частныхъ пансіонахъ или подъ руководствомъ доморощенныхъ гувернеровъ, а большинство должно было проходить практическую «школу» въ гвардіи. О достоинствахъ этой послѣдней школы мы освѣдомлены изъ устъ компетентнаго современника ея, признавшаго гвардейскую службу «сущимъ ядомъ и отравой для дворянъ»; что жъ до внѣшкольнаго воспитанія дворянскихъ недорослей, все равно, имѣло ли оно мѣсто дома или въ пансіонѣ, то надъ нимъ сатира и комедія второй половины XVIII вѣка произнесли уничтожающій приговоръ.

Словомъ, провинціальное дворянство было фактически лишено даже тѣхъ скромныхъ образовательныхъ средствъ, которыми располагало его петербургская и московская родня, что не могло не отразиться роковымъ образомъ на дальнѣйшихъ судьбахъ его. Когда требованія «свѣтскаго житія» давно уже успѣли войти въ нормы жизни столичнаго дворянства, бытъ его меньшей братіи все еще сохранялъ слѣды «прежняго свинства». А если извѣстно, какъ медленно усваивалась массою провинціальнаго дворянства культурная европейская внѣшность, если засвидѣтельствовано, что человѣкъ, постигшій премудрость «зерцала» и программы корпуса, представлялся по сравненію съ этой массой чудомъ учености и свѣтскости, то съ тѣмъ вмѣстѣ и не приходится ли и въ болѣе позднихъ поколѣніяхъ благороднаго шляхетства искать признаковъ сколько-нибудь существеннаго культурнаго прогресса?

Нѣтъ сомнѣнія, что въ отношеніи просвѣтительныхъ начинаній государства побудительной силой для послѣдняго являлись его эгоистическіе и формальные запросы къ наукѣ и вообще къ образованію. Тѣмъ болѣе умѣстенъ вопросъ, насколько въ самомъ обществѣ назрѣла потребность въ общеобразовательной школѣ, преслѣдующей чисто педагогическія цѣли.

Въ дѣлѣ выясненія этой потребности позволяетъ сдѣлать любопытныя заключенія судьба первыхъ учебныхъ заведеній, знаменующихъ новое теченіе въ постановкѣ школьнаго вопроса. Прежде всего необходимо отмѣтить, что поворотъ къ такому новому теченію совершился съ почину власти, а не общества. Мало того, въ наукѣ существуетъ мнѣніе (Милюковъ, «Очерки»), согласно которому начало общеобразовательной школы слѣдуетъ отнести еще къ концу петровской эпохи и иниціативу къ созданію ея поставить въ заслугу самому Петру. Что толчкомъ къ учрежденію первыхъ общеобразовательныхъ учрежденій послужило желаніе скорѣйшаго изобрѣтенія perpetuum mobile, разумѣется, не умаляетъ этой заслуги.

Годъ спустя послѣ смерти Петра открылись (1726 г.) двери новыхъ храмовъ науки — университета и гимназіи, учрежденныхъ при де-сіансъ-академіи.

Для выясненія своевременности открытія этихъ учебныхъ заведеній, а также степени ихъ жизнеспособности, достаточно будетъ отрывочныхъ даже справокъ касательно хода занятій и постановки учебнаго дѣла въ нихъ.

Аудиторію 17 первыхъ, выписанныхъ изъ-за границы профессоровъ составляли 8 выписанныхъ изъ Германіи студентовъ: оно, впрочемъ, и не удивительно — вѣдь университету приходилось ждать, по крайней мѣрѣ, перваго выпуска гимназіи. Однако время шло, а профессорамъ приходилось попрежнему сопровождать объявленіе своихъ курсовъ осторожной оговоркой: «Если найдутся слушатели». Но послѣдніе не находились, несмотря на то, что университетское начальство прибѣгало къ системѣ «обязательныхъ» слушателей, а правительство по-своему заботилось о полнотѣ аудиторій, то путемъ учрежденія стипендій и открытія (1747 г.) общежитія для казенно-коштныхъ студентовъ, то

путемъ принудительнаго набора ихъ изъ абитуріентовъ лучшихъ семинарій. Всѣ эти попеченія о преуспѣяніи университета были напрасны: лекціи читались съ частыми и продолжительными перерывами и, наконецъ, прекратились въ 1753 году.

Однако нельзя не замѣтить, что для тогдашней Россіи университетъ являлся предметомъ роскоши, спросъ на который могъ заявиться развѣ только въ исключительномъ случаѣ нарожденія Ломоносова, и что потому ему только и можно было поставить самый печальный прогнозъ съ перваго же дня его существованія.

Иначе, казалось бы, обстояло дѣло съ гимназіей, задачей которой являлось распространеніе средняго образованія, и судьба ея дѣйствительно служитъ краснорѣчивымъ показателемъ подготовленности общества въ отношеніи осуществимости школьной реформы.

Въ первый годъ своего существованія гимназія насчитывала 120 учениковъ, въ третій — 26: оказалось, что за три года «былъ израсходованъ весь запасъ дѣтей школьнаго возраста», и пришлось для пополненія классовъ прибѣгать къ экстреннымъ и искусственнымъ мѣрамъ отъ казенныхъ стипендій (въ 1760 г. число ихъ возросло до 60) и до насильственной вербовки включительно (изъ среды солдатъ, мастеровыхъ и даже крѣпостныхъ).

Вскорѣ опредѣлился составъ учениковъ гимназіи: шляхетскій корпусъ перетянулъ къ себѣ дворянскихъ дѣтей, и университетской гимназіи пришлось рекрутировать свой комплектъ учениковъ изъ среды среднихъ классовъ общества. Съ тѣмъ вмѣстѣ, однако, было поставлено подъ вопросъ само существованіе учебнаго заведенія, такъ какъ, съ одной стороны, среднее сословіе являлось слишкомъ ненадежнымъ поставщикомъ добровольныхъ учениковъ, съ другой стороны, и тѣ его дѣти, которыя находили дорогу въ гимназію, сплошь и рядомъ ограничивались прохожденіемъ или низшихъ классовъ только, или даже какого-нибудь одного предмета гимназической программы. При такихъ условіяхъ слишкомъ понятно также, почему университетъ всегда нуждался въ слушателяхъ-гимназистахъ и приходилось выручать его

московской духовной академіи и двумъ-тремъ передовымъ семинаріямъ.

Изъ сказаннаго нельзя не вывести заключенія, что въ Россіи временъ Анны и Елизаветы не только не насталъ еще часъ для насажденія средняго образованія, но даже не скоро можно было ожидать пробужденія въ обществѣ потребности въ истинномъ просвѣщеніи. Однако нельзя также по справедливости не признать, что для роли проводника истиннаго просвѣщенія школа новаго типа мало годилась. Дѣло въ томъ, что постановка въ ней учебнаго дѣла грѣшила противъ элементарныхъ требованій педагогики даже того времени, близко роднясь съ отвратительной системой воспитанія, примѣнявшейся въ начальной цифирной школѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь ученикъ отнюдь не являлся объектомъ воспитательнаго воздѣйствія, и учебное заведеніе превращалось въ своего рода смирительный домъ, въ которомъ самозванные педагоги не столько учили своихъ питомцевъ уму-разуму, сколько «выбивали дурь изъ ихъ головъ» при помощи розги, палки и голодовки.

Впрочемъ, если даже духъ времени обязываетъ къ снисходительному отношенію къ упрощеннымъ методамъ обученія и воспитанія, все же не измѣнится у потомства отрицательный взглядъ на заслуги петровской гимназіи въ дѣлѣ насажденія просвѣщенія,—не измѣнится по той простой причинѣ, что гимназія эта очень скоро измѣнила завѣтамъ своего учредителя: усвоенное имъ къ концу жизни болѣе широкое пониманіе педагогическихъ идеаловъ оказалось ей не по плечу, и съ предначертанныхъ ей новыхъ путей она очень скоро сбилась на торную дорожку, протоптанную дворянской школой въ направленіи къ утилитарнымъ цѣлямъ, поставленнымъ себѣ русской педагогикой еще въ дореформенную эпоху. Въ учебной программѣ, со временемъ усвоенной петровской гимназіей, ясно отразилось вліяніе шляхетскаго корпуса; иначе, если не этимъ вліяніемъ, какъ объяснить включеніе въ гимназическую программу такого общеобразовательнаго предмета, какъ фортификація, или предоставленіе французскому языку 14 недѣльныхъ уроковъ, или сравненіе по числу уроковъ танцевъ и русскаго языка, на долю которыхъ было отведено по 6 недѣльныхъ часовъ.

Такое безпомощное подчиненіе гимназіи сословной профессіональной школѣ имѣетъ настолько капитальное значеніе, что по сравненіи съ нимъ едва заслуживали вниманія даже вопіющіе недостатки дѣйствовавшей въ ней системы преподаванія. Въ самомъ дѣлѣ, что въ томъ, что слухъ преподавателя нѣмецкаго языка ничуть не оскорблялся «противнымъ и не вразумительнымъ» въ устахъ учениковъ произношеніемъ иностранныхъ словъ, что въ томъ, что ариѳметику преподавалъ невѣжественный студентъ, а геометрію — танцмейстеръ — вѣдь была же надежда, что студентъ доучится и что танцмейстеръ сойдетъ съ каѳедры на паркетъ. Словомъ, недостатки въ дѣлѣ преподаванія были временные; напротивъ, закравшееся въ жизнь гимназіи несогласіе между дѣйствительностью и самымъ скромнымъ идеаломъ обѣщало превратиться въ хроническое зло. До поры до времени во всякомъ случаѣ это несогласіе оказалось именно таковымъ.

Спустя два года по прекращеніи лекцій въ академическомъ университетѣ, на смѣну безславно погибшему товарищу явился университетъ московскій (1755 г.). Учрежденіе послѣдняго представляется новой попыткой власти «размножить науки въ имперіи». Если это «размноженіе» наукъ понимать въ смыслѣ распространенія общаго образованія, то ознакомленіе съ соображеніями, которымъ университетъ былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ, приводитъ къ заключенію, что даже о самой сущности общаго образованія правительство имѣло лишь очень смутное представленіе. Строго говоря, университетъ и учрежденныя при немъ двѣ гимназіи преслѣдовали, согласно видамъ правительства, цѣли аналогичныя тѣмъ, которыми опредѣлялась дѣятельность петербургскихъ сословныхъ учебныхъ заведеній.

Поступающій въ университетъ получалъ шпагу и вмѣстѣ съ ней дворянство; ученіе зачитывалось ему въ военную службу; успѣшное окончаніе имъ курса вознаграждалось оберъ-офицерскимъ чиномъ. При такомъ положеніи дѣла трудно отличить, гдѣ кончалось попеченіе правительства на пользу «возрастанія наукъ» и гдѣ начиналась его забота

о пополненіи кадровъ профессіональныхъ слугъ государства.

Что до подготовительныхъ къ университету учебныхъ заведеній, то самый фактъ учрежденія двухъ гимназій, одной для дворянъ, другой для разночинцевъ, вполнѣ, правда, согласовывался съ направленіемъ, въ какомъ шло развитіе соціальной структуры Россіи, но въ то же время ясно свидѣтельствовалъ, какъ далеко еще было правительству и обществу до сколько-нибудь здраваго пониманія задачъ, преслѣдуемыхъ школой. О томъ же свидѣтельствовали разнаго типа программы, положенныя въ основу дѣятельности обѣихъ гимназій. Въ программѣ ея дворянской параллели не трудно обнаружить ту своеобразную расцѣнку знаній, которая выше наблюдалась въ профессіональной дворянской школѣ и которая въ лучшемъ случаѣ иностраннымъ языкамъ отводила первое мѣсто въ предметномъ расписаніи «пристойныхъ шляхетству наукъ». Напротивъ, дѣтей изъ «подлаго» званія гимназія обучала преимущественно искусствамъ: обращеніе особеннаго вниманія на музыку, пѣніе, живопись, а также на разнаго рода техническія знанія объясняется тѣмъ, что предполагался переводъ окончившихъ гимназію учениковъ въ отдѣленную отъ университета академію художествъ.

Елизаветинской гимназіи посчастливилось нѣсколько болѣе, чѣмъ петровской: единственной въ своемъ родѣ она не осталась. Въ 1758 г. была открыта по ея образцу гимназія въ Казани, однако на томъ и остановилось осуществленіе грандіознаго плана Ив. Ив. Шувалова, мечтавшаго покрыть всю Россію сѣтью начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Насколько утопична была мысль университетскаго попечителя, заботившагося о доставленіи всему дворянству возможности воспитываться въ общеобразовательной школѣ, видно изъ того, что для дворянства и двухъ имѣющихся гимназій оказалось даже слишкомъ. Благородное шляхетство продолжало, по словамъ директора казанской гимназіи, обнаруживать «непростительное о дѣтяхъ своихъ нерадѣніе», предпочитая «воспитывать ихъ въ деревняхъ своихъ безъ учителей и въ грубости». Нѣтъ основанія предполагать въ этихъ словахъ пристрастный приговоръ лично заинтере-

сованнаго человѣка, если многіе годы спустя послѣ произнесенія ихъ, дѣлается извѣстнымъ изъ устъ передового представителя дворянскаго сословія, что дворянство «почитаетъ невѣжество своимъ правомъ». Равнымъ образомъ и наука констатировала, что со времени своего раскрѣпощенія дворянство надолго устранилось отъ пользованія общественной школой.

Объясняется это явленіе, конечно, невѣжествомъ большинства, хотя могло быть, что иногда, напротивъ, даже требовательность отвращала людей отъ гимназіи, сочетавшей гуманные педагогическіе принципы съ варварскими пережитками старой системы воспитанія. Какъ бы то ни было, русское общество вполнѣ могло, какъ оказывается, обходиться безъ средняго образованія даже въ третьей четверти XVIII в.

Отсюда предрѣшалась печальная судьба московскаго университета въ начальной, полувѣковой періодъ его существованія. Имѣя въ продолженіе многихъ десятилѣтій очень мало слушателей, онъ и этими немногими былъ обязанъ не столько гимназіи, сколько духовнымъ академіямъ и семинаріямъ. Изъ этой бѣды не выручала его и система казенныхъ стипендій, наградъ и жалованій, которая въ широкихъ размѣрахъ практиковалась правительствомъ какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіяхъ. Въ 1764 г. уступка медицинской коллегіи 25 студентовъ оказалась бы равносильной опустѣнію университета; въ 1767 г. командировка требуемыхъ екатерининской комиссіей 18 студентовъ низвела бы число студентовъ-юристовъ до 4. Были годы, когда на юридическомъ (1765 г.) и медицинскомъ (1768 г.) факультетахъ числился одинъ студентъ. Впрочемъ, въ университетѣ обстояло одинаково печально какъ съ ученіемъ, такъ и съ преподаваніемъ. До середины 1760-хъ годовъ приходилось на юридическій и медицинскій факультеты по одному профессору. Возвращеніе молодыхъ русскихъ ученыхъ изъ заграничныхъ командировокъ нѣсколько увеличило профессорскую коллегію въ численности, но новой струи въ жизнь университета и оно не внесло: да и могла ли быть рѣчь вообще о новой струѣ въ совмѣстной работѣ профессора и студента, пока питейный домъ съ успѣхомъ конкурировалъ съ университетской аудиторіей?

Признавая столько же цѣлью, сколько и результатомъ пропаганды истиннаго просвѣщенія нравственное и умственное усовершенствованіе человѣка, приходилось вплоть до третьей четверти вѣка отмѣчать въ просвѣтительной дѣятельности правительствъ XVIII в. неуспѣхъ за неуспѣхомъ. Съ тѣмъ болѣе оптимистическими ожиданіями привѣтствуешь наступленіе эпохи, въ которую, по увѣреніямъ ея панегиристовъ, мертвое тѣло Россіи обрѣло живую душу.

Заведя рѣчь объ этой эпохѣ, прежде всего необходимо замѣтить, что въ это прославленное время впервые вошли въ соприкосновеніе русская семья и русская школа, и съ тѣмъ вмѣстѣ на смѣну одному педагогическому идеалу, библейскому, явился другой — гуманитарный. Вся программа, ведущая къ осуществленію перваго, исчерпывалась безхитростнымъ наставленіемъ «не щадить жезла, сокрушать ребра, не играть и не смѣяться съ дѣтьми». Правда, еще допетровская Русь познала другой типъ воспитанія, типъ евангельскій — гуманный и любовный; на практикѣ, однако, семья не только продолжала держаться стараго, но послѣднему удалось даже пережить петровскую реформу. Мало того: усматривая слѣды этого стараго идеала въ воспитательныхъ системахъ, практиковавшихся въ школѣ XVIII в., нельзя не признать, что кругъ дѣйствія его даже расширился.

Основныхъ теоретическихъ положеній, которыми руководствовалась старомосковская семья въ своей педагогической практикѣ, не такъ много, но они, тѣмъ болѣе, вразумительны: вся суть ихъ сводилась, строго говоря, къ наставленію дѣтей на путь истины при помощи желѣзной дисциплины и къ вселенію въ юношескія души суевѣрнаго страха передъ книжной мудростью.

Конечно, въ XVIII в. теоретическая формулировка педагогическихъ идеаловъ была иная, чѣмъ въ домостроевскія времена; несомнѣнно также, что благотворное дѣйствіе времени сказалось въ средствахъ и пріемахъ практическаго ихъ осуществленія. При всемъ томъ, однако, семья XVIII в. носила явныя черты наслѣдственности, и въ жизни ея легко обнаружить дѣйствіе прадѣдовскихъ правилъ, т.-е. правилъ, которыя проводили въ весь укладъ повседневной жизни

тлетворный духъ, въ свое время смолоду впитанный ея дѣдомъ и прадѣдомъ.

Здѣсь не мѣсто анализировать проявленія этого духа внѣ дѣтской и классной комнаты. Достаточно будетъ обосновать обвиненіе его въ тлетворности слѣдующей мимоходомъ высказанной мыслью: пока былъ живъ старый педагогическій идеалъ, до тѣхъ поръ воспитатель оставался добровольцемъ-палачомъ, ребенокъ—беззащитной жертвой, а дѣтская не переставала быть царствомъ «плача и рыданія». Человѣкъ съ малыхъ лѣтъ росъ въ атмосферѣ дикаго произвола, полнаго неуваженія къ человѣческой личности, безнаказаннаго торжества наглой силы надъ слабостью: его нервы притуплялись, его сердце черствѣло, его умъ угасалъ. Съ выходомъ изъ дѣтской въ жизнь наставалъ его часъ кланяться въ ноги сильнымъ міра сего, топтать въ грязь человѣческое достоинство слабѣйшаго брата, равнодушно смотрѣть на слезы, что слезы, на кровь кругомъ него,—словомъ, наставалъ его чередъ быть по примѣру отца и дѣда холопомъ и господиномъ въ одномъ лицѣ... Пока жива была домостроевская семья, до тѣхъ поръ была обезпечена устойчивость соціальному строю, основанному на почвѣ крѣпостного права и съ тѣмъ вмѣстѣ проникнутому тлетворнымъ духомъ узаконенной соціальной несправедливости.

Роковая связь между состояніемъ семьи и общимъ культурнымъ уровнемъ народа вошла, наконецъ, въ сознаніе власти, вошла въ него отчасти благодаря отрицательнымъ результатамъ ея просвѣтительной дѣятельности въ 1750-е и 1760-е годы. Почувствовавъ отвращеніе къ «звѣрообразному и неистовому въ словахъ и поступкахъ» среднему русскому человѣку, Екатерина задалась мыслью посредствомъ школы создать новую семью, увѣренная, что конечнымъ результатомъ предполагаемой педагогической реформы будетъ дарованія ея подданнымъ «новаго бытія» и даже созданіе «новаго рода» русскихъ людей.

Очевидная противоположность между старымъ домостроевскимъ и новымъ гуманитарнымъ идеалами не оставляетъ сомнѣнія въ непримиримости между собой какъ

теоретическихъ взглядовъ и предположеній, служащихъ основой для этихъ идеаловъ, такъ равнымъ образомъ и воспитательныхъ системъ, рекомендуемыхъ для успѣшнаго выполненія поставленныхъ ими задачъ. Дѣйствительно, зародившись въ Европѣ въ эпоху возрожденія, гуманитарный идеалъ исходилъ изъ «уваженія къ правамъ и свободѣ личности и устранялъ изъ педагогики все, что носило характеръ насилія и принужденія». Съ тѣмъ вмѣстѣ, однако, приравненіе души ребенка бѣлой доскѣ, мягкому воску привело новую педагогику къ признанію себя всесильной: она была увѣрена, что въ ея власти писать на этой доскѣ, лѣпить изъ этого воска все, что ей угодно, лѣпить хотя бы «новую породу людей». Именно увѣренность въ этой послѣдней возможности побудила Екатерину къ организаціи новой, идеальной школы, которой надлежало, по мысли ея основательницы, не столько учить, сколько воспитывать.

Такое пониманіе задачъ, преслѣдуемыхъ педагогикой, неизбѣжно вело къ своеобразному рѣшенію школьнаго вопроса — къ разрыву между школой и семьей, къ созданію закрытыхъ учебныхъ заведеній. Дѣло въ томъ, что осуществленіе мечты, воодушевлявшей императрицу, представлялось возможнымъ единственно подъ условіемъ радикальнаго и своевременнаго предупрежденія всякаго сторонняго вмѣшательства въ педагогическій экспериментъ, производимый въ школѣ новаго типа, вовлекшей вполнѣ логично въ сферу дѣйствія своего и русскую женщину. Послѣдняя сдѣлалась даже предметомъ особенно заботливаго вниманія со стороны творцовъ новой породы людей.

Педагогическій экспериментъ не удался: всѣ успѣхи школьной реформы ограничились открытіемъ въ академической гимназіи и шляхетскомъ корпусѣ отдѣленій для малолѣтнихъ дѣтей отъ 4—5 лѣтъ и учрежденіемъ при Смольномъ монастырѣ двухъ женскихъ институтовъ, закрытыхъ учебныхъ заведеній для благородныхъ дѣвицъ и мѣщанокъ.

Сама жизнь забраковала фантастичную теорію и скоро очень охладила реформаторскій энтузіазмъ Екатерины; умѣрить его было тѣмъ болѣе легко, что всѣ «старанія о произведеніи благонравія и успѣховъ» не могли не остаться

тщетными въ виду недостатка въ воспитателяхъ, способныхъ къ приложенію подобнаго рода стараній.

Впрочемъ, дѣло русскаго просвѣщенія мало проиграло отъ неудачи, постигшей широкую затѣю императрицы, мало хотя бы потому одному, что воспитаніе будущихъ родоначальницъ новой породы людей «болѣе состояло въ томъ, чтобы играть комедіи, нежели исправлять сердце, нравы и разумъ». Но что важнѣе гораздо: русское общество только выиграло оттого, что Екатеринѣ не удалось провести въ жизнь свои педагогическіе принципы. Они были гуманны, несомнѣнно, и въ томъ ихъ неоспоримое достоинство, но они всего менѣе были просвѣтительны съ той точки зрѣнія, которая въ истинномъ просвѣщеніи усматриваетъ путь, который ведетъ человѣка къ свободѣ. Все дѣло въ томъ, что въ заимствованную у Запада педагогическую программу Екатерина внесла поправку, благодаря которой отъ всей программы повѣяло мертвящимъ духомъ крѣпостничества. Достаточно будетъ одной цитаты изъ педагогическихъ экспромптовъ императрицы, чтобы уловить специфическій ихъ ароматъ: идеально воспитанному юношѣ приказано поливать сухое дерево; съ воловьимъ терпѣніемъ льетъ и льетъ онъ воду на хворость, годный для растопки, льетъ и приговариваетъ, «кто повелѣваетъ, тому и разсуждать, а наше дѣло слушаться, исполняя слово повелѣнное съ покорностью, безропотно, не разсуждая того»...

Кстати не мѣшаетъ напомнить, что повиноваться «безропотно, не разсуждая», въ совершенствѣ умѣли почти всѣ 50% населенія екатерининской Россіи.

Лѣтъ черезъ 15—20 послѣ фантастичной попытки осчастливить Россію новой породой людей вопросъ народнаго образованія снова серьезнымъ образомъ озаботилъ Екатерину. Къ этому времени отъ прежнихъ педагогическихъ увлеченій въ ней и слѣдовъ не осталось, а примѣръ Пруссіи и Австріи успѣлъ научить ее цѣнить болѣе скромныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и легче осуществимыя цѣли просвѣти-

тельной дѣятельности власти. Очередной задачей такой дѣятельности признается ею систематическое распространеніе начальнаго образованія и реформа самаго учебно-воспитательнаго дѣла. Съ начала 1780-хъ годовъ она приступаетъ къ созданію первой русской общеобразовательной школы, заручившись въ лицѣ рекомендованнаго ей Іосифомъ II серба Янковича де Миріево содѣйствіемъ крупной организаторской силы. Согласно его плану, положенному въ основу «устава народныхъ училищъ» (1786 г.), предполагалось учрежденіе учебныхъ заведеній трехъ типовъ: малыхъ — двухклассныхъ, среднихъ — трехклассныхъ, главныхъ — четырехклассныхъ. Всѣ они выгодно отличались отъ прежнихъ школъ и въ преслѣдуемыхъ ими цѣляхъ, и въ образовательной ихъ программѣ, и, наконецъ, въ постановкѣ въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла.

Самый фактъ преобладанія въ новыхъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ и попыткахъ правительства заимствованныхъ у Запада педагогическихъ принциповъ съ достаточной убѣдительностью свидѣтельствуетъ объ отказѣ отъ стараго утилитарнаго взгляда на науку и знанія вообще. Отъ преподаванія излюбленныхъ предметовъ шляхетства новыя школы рѣшительно отказались, ограничившись главнѣйшими общеобразовательными предметами и заботой объ основательномъ ихъ усвоеніи. «Не ставя своей задачей воспитанія въ собственномъ смыслѣ», новая школа все же не оставляла вовсе безъ вниманія и этихъ задачъ: безусловно изгнавъ тѣлесныя наказанія, она заботится о поддержаніи классной дисциплины и моральномъ усовершенствованіи ученика путемъ нравственнаго на него воздѣйствія. Наконецъ приняты были мѣры къ обезпеченію новой школѣ преподавательскаго персонала, стоящаго на высотѣ своего призванія, а также къ снабженію ея всѣми учебными пособіями, требуемыми новыми педагогическими методами.

Изъ сказаннаго будто слѣдуетъ, что школьная реформа 1780-хъ годовъ обладала всѣми данными, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи современнаго общества, а въ потомствѣ вызвать сожалѣніе о постигшей ее неудачѣ. Съ той точки зрѣнія, съ которой здѣсь оцѣниваются просвѣтительныя попеченія правительства, такое сожалѣніе врядъ ли можетъ

представиться умѣстнымъ: все дѣло въ томъ, какую цѣну придавать недостаткамъ, присущимъ послѣдней школьной реформѣ XVIII в.

Однимъ изъ существенныхъ дефектовъ старой системы преподаванія являлось полное обособленіе другъ отъ друга ученика и учителя, ихъ взаимная другъ другу ненужность: первый вслухъ твердилъ заданный урокъ, а послѣдній тѣмъ спокойнѣе занимался своимъ дѣломъ, чѣмъ большій шумъ царилъ въ классѣ. Теперь, напротивъ, и преподаватель вышелъ изъ своей безтолковой, пассивной роли и у учениковъ составилось иное понятіе о классномъ порядкѣ и школьной дисциплинѣ; окончательнаго, однако, разрыва съ педагогическими традиціями стараго времени не произошло. Главное въ преподаваніи составляетъ и нынѣ не живое слово учителя, а мертвая буква учебника, текстъ котораго долженъ быть усвоенъ всѣмъ классомъ въ почти буквальной точности. Такому назначенію учебниковъ—быть выученными на память—вполнѣ соотвѣтствовало ихъ содержаніе: это или безсвязный наборъ голыхъ фактовъ (по географіи, исторіи, закону Божію), или коллекція бездоказательныхъ аксіомъ (по математическимъ и естественно-историческимъ наукамъ). Учебникъ ни на минуту не выпадаетъ изъ рукъ ни учителя ни ученика, и послѣдняя его страница полагаетъ предѣлъ мудрости и того и другого. Отсюда одинъ только выводъ: новая школа служила совершенно въ духѣ стараго времени усвоенію извѣстной суммы формальныхъ знаній, а отнюдь не умственному развитію своего питомца; но съ тѣмъ вмѣстѣ становится очевидной негодность этой школы въ качествѣ орудія для распространенія истиннаго просвѣщенія въ широкихъ слояхъ русскаго общества.

Впрочемъ, услугу, оказанную екатерининской реформой дѣлу русскаго просвѣщенія, можно измѣрить и, не отклоняясь въ сторону спорнаго, быть-можетъ, вопроса о достоинствахъ и недостаткахъ для своего времени австрійской школьной системы: надежнымъ мѣриломъ въ отношеніи оцѣнки этой услуги могутъ служить свѣдѣнія о судьбахъ новой школы въ первыя два десятилѣтія ея существованія.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что, создавъ новыя учебныя заведенія, правительство сложило съ себя заботу о ихъ

дальнѣйшей судьбѣ. Содержаніе главныхъ училищъ было возложено на приказы общественнаго призрѣнія; что до среднихъ, то сочли возможнымъ обойтись и безъ нихъ; а открытіе малыхъ училищъ было предоставлено почину мѣстныхъ городскихъ думъ.

Тяготясь содержаніемъ училищъ, думы и приказы сумѣли выйти изъ затруднительнаго положенія: послѣдніе сократили траты на школу до минимума, а первыя ухитрились оставлять ее совсѣмъ безъ средствъ. Такая матеріальная необезпеченность народныхъ училищъ сама по себѣ создавала печальныя условія для ихъ существованія; но она была только однимъ изъ многихъ факторовъ, отрицательное дѣйствіе которыхъ испытала на себѣ школьная реформа. Поиски этихъ вредныхъ стороннихъ вліяній заставляютъ рисовать бытовыя картины, хорошо знакомыя еще изъ начала бывшаго уже на исходѣ XVIII в.: здѣсь мѣстныя власти закрываютъ существующую школу стараго типа, чтобы не пустовала школа, вновь открытая; тамъ онѣ черезъ полицію забираютъ дѣтей въ училище; въ третьемъ мѣстѣ онѣ «силою своей власти» записываютъ учениковъ въ народную школу. Дворянство, среди котораго не было возможности вести подобнаго рода пропаганду науки, брезгаетъ народной школой; дѣти купцовъ, мѣщанъ, солдатъ, составлявшіе огромное большинство ея учениковъ, довольствуются прохожденіемъ низшихъ классовъ, дававшихъ имъ достаточную подготовку для продолженія отцовскаго занятія или для приказной службы.

Еще печальнѣе обстояло дѣло съ малыми училищами въ уѣздныхъ городахъ. Среди населенія этихъ послѣднихъ былъ, повидимому, весьма распространенъ взглядъ на школу, наивно выраженный козловскимъ купцомъ, смотрителемъ мѣстнаго училища: онъ находилъ, что вообще всѣ училища вредны и что «оныя полезно повсемѣстно закрыть». Господство такого взгляда выясняетъ, почему малыя училища, если и не повсемѣстно, то въ очень многихъ мѣстахъ, едва открывшись, снова закрывались за недостаткомъ учениковъ.

Изъ сказаннаго получилась картина хорошо знакомая: чтобы дорисовать ее, достаточно привести нѣкоторыя цифры современной школьной статистики съ той оговоркой, что послѣдняя обнимаетъ вообще всѣ учебныя заведенія, о какихъ сохранились свѣдѣнія, и правительственныя и частныя. Эти цифры не оставляютъ сомнѣнія въ скромности той роли, которая въ исторіи русскаго просвѣщенія выпала на долю екатерининской школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ эти цифры наглядно показываютъ, какимъ замедленнымъ шагомъ двигалось русское общество на пути культурнаго прогресса.

Въ періодъ времени отъ 1782—1800 гг. прошли школу 164.145 мальчиковъ и 12.595 дѣвочекъ, при чемъ большая часть послѣднихъ приходилась на обѣ столицы.

Въ 1800 г. всѣхъ училищъ было 350, всѣхъ учащихъ—790, всѣхъ учащихся—19.915.

Принимая населеніе Россіи въ 1790 г. равнымъ 26 милліонамъ, получается, что на рубежѣ XVIII и XIX вв. 1 учащійся приходился на 1.573 души.

Эти цифры слишкомъ краснорѣчивы, чтобы онѣ нуждались въ комментаріяхъ: онѣ свидѣтельствуютъ, что въ теченіе всего XVIII в. народная масса, какъ была, такъ и осталась внѣ всякаго культурнаго воздѣйствія школы.

Къ тому же безотрадному выводу приводятъ данныя другого рода статистики, той, которая на безстрастномъ языкѣ голыхъ цифръ повѣствуетъ о мѣстѣ, какое нужды просвѣщенія занимали въ попеченіяхъ правительства о народномъ благѣ.

Въ 1701 г. расходы на народное образованіе составляли 0,14% всего бюджета, въ 1725 г.—3%, въ 1764 г.—0,15%, въ 1794 г.—1,28%. Рядомъ съ этими цифрами нельзя не поставить другихъ, которыя, съ одной стороны, опредѣляютъ вѣсъ и цѣну первыхъ, только что цитированныхъ, съ другой стороны, позволяютъ измѣрить заслуги передъ русскимъ народомъ Петра и Екатерины.

Расходъ на дворъ составляли въ 1701 г. 4% всего бюджета, въ 1725 г.—3,7%, въ 1764 и 1794 гг.—9% всего бюджета.

Въ этихъ цифрахъ содержится нѣмой приговоръ: спрашивается, во что превращаются въ сопоставленіи съ ними всѣ мечты о «новой породѣ» людей?

коллекція ихъ раздѣлила судьбу тѣхъ сотенъ экземпляровъ старыхъ учебниковъ, которыя залежались въ синодальной типографіи: они пошли на обложки новыхъ книгъ. Эта печальная судьба пособій «по художествамъ, цивилисъ, милитарисъ и тому подобнымъ» показываетъ, насколько ясно уже въ петровское время опредѣлился литературный вкусъ русскаго читателя; о томъ же свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что изъ всѣхъ произведеній, печатавшихся «амстердамскими литерами», т.-е. новой гражданской печатью, распродавались только указы, мѣсяцесловы и переводныя «умильныя повѣсти».

Самъ преобразователь, повидимому, не отдавалъ себѣ отчета въ той услугѣ, какую могла принести «потѣшная» книга его же собственнымъ начинаніямъ: могла, но не оказала въ дѣйствительности. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы можно было безъ вниманія пройти мимо петровской беллетристики, переводной и оригинальной. Все дѣло въ томъ, что эта беллетристика «ввела въ русскую литературу сентиментальный элементъ», отсутствіе которой такъ болѣзненно ощущалось въ русской жизни, и тогда и еще много позже. Въ людяхъ того времени было такъ много «смуты и шатанья», потому что въ нихъ было столь мало любви, а въ «пріятныхъ и любезныхъ исторіяхъ», о которыхъ разсказывала новая книга, центральное мѣсто занимала именно любовь. Съ появленіемъ этой книги въ старомосковскомъ домѣ, въ одной изъ стѣнъ его пробивалось какъ бы свое «окно въ Европу». Передъ читателемъ повѣстей о романтическихъ похожденіяхъ благородныхъ рыцарей и прекрасныхъ королевенъ открывался цѣлый міръ новыхъ чувствованій и душевныхъ переживаній; ни самъ онъ ихъ дотолѣ не испытывалъ, ни встрѣчаться съ ними въ общеніи съ другими людьми ему не приходилось. Впервые, въ душѣ русскаго человѣка «отводился уголокъ идеализму», но отсюда было безконечно далеко до нравственнаго перерожденія этого человѣка въ массѣ. На людяхъ первой половины XVIII в. не замѣтно, чтобы въ нихъ чувство, облагороженное чтеніемъ, облагораживающе дѣйствовало на ихъ поступки, и спрашивается только, могли ли вообще обнаружиться сколько-нибудь видимые слѣды воздѣйствія на читающую публику пе-

чатнаго слова, если въ первыя десятилѣтія XVIII в. печаталось ежегодно по 12 книгъ, а въ послѣднія пять лѣтъ жизни Петра — по 36 книгъ.

Если въ этихъ цифрахъ нельзя не видѣть отрицательнаго отвѣта на вопросъ, являлась ли литература начала XVIII в. въ качествѣ просвѣтительной силы положительной величиной, то скромность ея участія въ движеніи общества на пути прогресса за время между Петромъ и Екатериной, является уже совершенно очевидной: въ первый же годъ послѣ смерти Петра количество ежегодно печатаемыхъ книгъ пало до 7, а къ концу 1750-хъ годовъ оно повысилось до 23. Очевидно, книга не могла входить въ активное плодотворное соприкосновеніе съ жизнью, разъ жизнь почти не предъявляла спроса на нее. Впрочемъ, и помимо цифровыхъ свидѣтельствъ, слишкомъ соблазняющихъ къ одностороннимъ заключеніямъ, имѣется достаточно основанія отрицать за литературой этого времени значеніе образовательнаго средства.

Литература середины XVIII в. — плоть отъ плоти русской жизни въ эту эпоху. То было время, когда грубо-эгоистическіе мотивы съ полной беззастѣнчивостью руководили дѣйствіями какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ равнымъ образомъ и передовыхъ общественныхъ группъ; то было время, когда польза, доставляемая новой культурой, цѣнилась ровно постольку, поскольку извлекалось изъ нея комфорта и житейскихъ «увеселеній»; наконецъ, то было время, когда дворъ, относившійся къ литературнымъ произведеніямъ въ теченіе почти всей первой половины вѣка лишь съ снисходительной терпимостью, вошелъ въ роль мецената. Всѣ эти явленія не могли не наложить своей печати на литературные вкусы времени и съ тѣмъ вмѣстѣ на характеръ самой литературы, ея форму и содержаніе. Положимъ, сохранившійся въ ней «умильный» элементъ все попрежнему приходится болѣе всего по вкусу читающей публики, но кругъ этой послѣдней значительно суживается въ виду того, что нынѣ литература ставитъ своей задачей служеніе запросамъ, предъявляемымъ къ ней со стороны небольшого сравнительно, привилегиро-

Впрочемъ, здѣсь эти статистическія данныя использованы не въ цѣляхъ уличенія правительства въ небреженіи первымъ, казалось бы, требованіемъ народнаго блага, а съ тѣмъ, чтобы до нѣкоторой степени выяснить странное, на первый взглядъ, совпаденіе сужденій о состояніи Россіи лицъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга сотнею слишкомъ лѣтъ. Спрашивается, могло ли оно иначе быть: вѣдь тотъ мракъ невѣжества, въ которомъ жилъ первый изъ нихъ, Желябужскій, едва-едва прояснился ко времени земного странствія другого, Растопчина, и слѣдовательно, по сравненію съ началомъ XVIII в. культурный уровень въ концѣ его никакъ не могъ представлять сколько-нибудь значительнаго подъема. Смѣнилось нѣсколько поколѣній, но было бы напрасно искать существенной разницы въ нравственномъ закалѣ сына, отца и дѣда: нѣтъ этой разницы, такъ какъ нѣтъ видимой разницы въ умственномъ развитіи давно покойнаго дѣда и внука, только-только вступившаго въ жизнь.

Словомъ, время шло, а жизнь застоялась, и застоялась она прежде всего потому, что лучъ свѣта, скраденный русскимъ Прометеемъ не проникалъ — ни вглубь ни вширь — въ открывшіяся передъ нимъ огромныя пространства мрака. Его лучшій проводникъ — школа, но русская школа XVIII в. сама не сумѣла уловить его: не ей же было передавать его дальше.

Однако, школа является столь же мало единственнымъ піонеромъ культуры, сколь мало она представляетъ изъ себя единственное образовательное средство: таковыми служатъ на ряду съ ней литература и театръ, печать и непосредственное общеніе съ людьми высшей культуры.

Заведя рѣчь о просвѣтительной роли, выпавшей въ XVIII в. на долю книги, журнала, сцены, нельзя не оговориться, что здѣсь не мѣсто изученію этого вопроса съ точки зрѣнія исторіи изящной литературы: здѣсь слѣдуетъ опредѣлить пригодность названныхъ образовательныхъ средствъ въ цѣляхъ внесенія въ обиходъ русской жизни новыхъ общественныхъ и личныхъ идеаловъ, а также требуется установить сферу дѣйствія этихъ орудій прогресса; иначе го-

воря, здѣсь весь вопросъ въ томъ, достаточно ли было въ литературѣ и публицистикѣ XVIII в. просвѣтительныхъ элементовъ, необходимыхъ для переоцѣнки въ глазахъ русскаго «интеллигента» идеала новой «людскости».

Извѣстное дѣло, чѣмъ настойчивѣе пробуждаются въ той или другой общественной средѣ духовные интересы, тѣмъ болѣе диференцируется эта среда въ зависимости отъ литературныхъ вкусовъ отдѣльныхъ группъ и даже отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ составъ ея. Въ дореформенной Руси такое разслоеніе читающей публики едва только намѣчалось: въ ней преобладалъ одинъ типъ читателя—любителя душеспасительнаго чтенія. Если къ исходу XVII в. наблюдалось появленіе читателя новаго типа, не чуждаго интереса къ занимательному чтенію, то нельзя не замѣтить, что на первыхъ порахъ этотъ интересъ какъ будто не рѣшался открыто заявить о себѣ, а также, что пошедшая ему навстрѣчу переводная повѣствовательная литература явно щадила своего читателя, считалась съ угрызеніемъ совѣсти его. Чтобы не вводить читателя въ соблазнъ и искушеніе, эта литература старательно наряжала присущій ей легкомысленный элементъ въ овечью шкуру духовно-нравственной назидательности, и, надо признать, что этотъ маскарадъ производился опытной рукой.

Только въ эпоху Петра интересъ къ занимательному чтенію свѣтскаго характера безбоязненно выступилъ наружу и даже съ нѣкоторой настойчивостью заявилъ о своемъ правѣ на существованіе. Петръ былъ, конечно, радъ найти лишняго читателя лишней книги; однако, никогда и ни въ чемъ не забывая о ближайшихъ цѣляхъ дѣятельности своей, Петръ хлопоталъ о томъ, чтобы въ рукахъ читателя была именно та книга, которая такъ или иначе служила осуществленію именно этихъ цѣлей. По распоряженію императора казенныя типографіи въ избыткѣ поставляли на книжный рынокъ переводные учебники по прикладнымъ наукамъ и искусствамъ. Однако сбыта они себѣ не находили и скоро превратились въ макулатуру. Чтобы избавиться отъ нея, академія надумала въ 1740-хъ годахъ обязать всѣхъ чиновниковъ къ тратѣ пяти рублей изъ каждой сотни жалованія на покупку петровскихъ изданій; однако надо полагать, что академическая

Въ разсматриваемую здѣсь эпоху наиболѣе распространеннымъ типомъ романовъ былъ «романъ съ приключеніями» и «восточныя повѣсти». Въ предпочтеніи, какое оказывалъ имъ читатель, сказалась страсть послѣдняго къ романическому сюжету, сложной интригѣ и экзотической сценѣ дѣйствія. Положимъ, эту страсть воспитала въ немъ сама жизнь, столь бѣдная внутреннимъ содержаніемъ и внѣшними впечатлѣніями, но литература стала играть на стрункахъ этой страсти, не зная ни мѣры, ни удержу и нимало не заботясь о расширеніи предѣловъ, въ которыхъ книга могла бы удовлетворить и уму, и чувству, и фантазіи читателя. Но такое угодливое служеніе книги запросамъ скорѣе инстинкта, чѣмъ сознанія русскаго интеллигента, привело ее къ полному разрыву съ русской жизнью, и привело къ нему съ роковой неизбѣжностью. Русскій интеллигентъ превратился въ обитателя двухъ міровъ, одного — крѣпостной Россіи, другого — сказочнаго Ельдорадо. Возможно, что книга, чтеніе которой переносило человѣка въ этотъ другой, идеальный міръ, вліяла благотворно на умъ и чувство его, но объектомъ воздѣйствія книги все же, какъ была, такъ и оставалась область однихъ воображаемыхъ ощущеній, испытывать которыя въ будничной, реальной жизни читателю никогда не приходилось. Подъ гипнозомъ книги читатель переживалъ «нѣжныя и сладостныя» ощущенія, познавалъ «изрядныя и и благородныя чувства», проникалъ въ «тайности человѣческаго сердца», виталъ въ «далекихъ, невѣдомыхъ» странахъ, облитыхъ свѣтомъ фантазіи: словомъ, жилъ въ мірѣ чудесъ. А дочитавъ послѣднюю страницу романа, читатель возвращался въ тотъ міръ дѣйствительности, въ которомъ во образѣ человѣка на волѣ ходили, какъ жалуется одна петровская челобитная, «львы пожирающіе, зміи ехидные и волки свирѣпые». И вѣдь совершалъ читатель этотъ переходъ безпрепятственно, какъ ни въ чемъ не бывало: въ самомъ дѣлѣ, пропасть между обоими мірами была до того бездонна, а переходъ изъ одного міра въ другой до того стремителенъ, что читатель невольно дѣлался жертвой своего рода оптическаго обмана и, не смущаясь, шагалъ черезъ эту пропасть безъ малѣйшаго головокруженія, — шагалъ, даже пропасти не замѣчая никакой. Какъ ни невѣроятенъ

этотъ фактъ, сомнѣваться въ немъ не приходится: мы не имѣемъ никакого основанія не вѣрить «торжественному признанію Болотова», что «чтеніе романовъ произвело для него безчисленныя выгоды и пользы»; по его словамъ, сердце его «отъ многаго чтенія ихъ исполнилось столь нѣжными и особыми чувствованіями», что онъ «примѣтно ощутилъ въ себѣ великую перемѣну и самого себя точно какъ переродившимся»; онъ сталъ смотрѣть на «всѣ происшествія въ свѣтѣ какими-то иными и благонравнѣйшими глазами и все сіе вперяло въ него нѣкое отвращеніе отъ грубаго и гнуснаго общества и сообщества съ порочными людьми». Повторяемъ, не вѣрить этимъ словамъ нельзя, но тѣмъ болѣе нельзя не сопоставить съ ними признанія того же Болотова, какъ онъ своего проворовавшагося столяра, «посѣкши немного, посадилъ въ цѣпь въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потомъ повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ, дабы оно было ему тѣмъ чувствительнѣе; нельзя также въ цѣляхъ должнаго освѣщенія «торжественнаго признанія» не констатировать того факта, что упомянутый столяръ, вновь попавшись въ кражѣ, «удавился, боясь, чтобы ему не было за то какого истязанія»...

Допустимъ, что «признанія», писанныя той же рукой, которая сегодня истязала, а завтра перелистывала страницы чувствительной повѣсти, заключаютъ въ себѣ психологическую загадку, разгадкой которой можетъ служить развѣ только широкая натура русскаго — и не только русскаго — человѣка: во всякомъ случаѣ можно цитировать именно эти признанія въ подтвержденіе предположенія ничтожности облагораживающаго воздѣйствія романа на русскую жизнь. Если, что до Болотова, плоды чтенія можно усмотрѣть въ томъ, что онъ «никогда не любилъ драться слишкомъ много, и если кого и сѣкалъ, будучи приневоленъ къ тому необходимостью, то сѣкалъ очень умѣренно, и отнюдь не тираническимъ образомъ, какъ другіе», то вѣдь неизвѣстно еще, много ли было Болотовыхъ въ средѣ читателей-душевладѣльцевъ, и много ли было въ ней «другихъ». А такъ какъ болѣе вѣроятно количественное преобладаніе этихъ послѣднихъ, то нельзя не прійти къ тому заключенію, что по отношенію къ среднему русскому человѣку второй половины

XVIII в. вся «польза» отъ чтенія литературныхъ произведеній въ сущности отождествлялась съ «забавой», которую онъ извлекалъ изъ нихъ. Въ лучшемъ случаѣ эти произведенія служили читателю развлеченіемъ въ часы досуга, и спрашивается только, могло ли оно быть иначе, если сами авторы увѣряли свою наивную публику, что міръ фантазіи самъ по себѣ и самъ по себѣ міръ дѣйствительности, иначе говоря, что идеалы ни къ чему не обязываютъ реальную жизнь.

Какъ извѣстно, читатель искалъ въ романѣ помимо пользы и забавы еще «пристойное къ свѣтскому житію нравоученіе»: что его онъ находилъ въ избыткѣ, это не подлежитъ сомнѣнію. Если мы выше на слово вѣрили чистосердечному мемуаристу эпохи Екатерины, то, тѣмъ болѣе, нѣтъ основанія подозрѣвать его въ неискренности и самохвальствѣ, если онъ говоритъ, что путемъ чтенія романовъ онъ «нечувствительно узналъ и получилъ довольное понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, какъ люди въ томъ и другомъ государствѣ живутъ и что у нихъ тамъ водится», а также, «что самая житейская свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ сдѣлался ему гораздо знакомѣе передъ прежнимъ». Итакъ, сомнѣнія нѣтъ, что романъ съ успѣхомъ пріучалъ къ «нѣкоторой изящности нравовъ» на первыхъ порахъ благородное шляхетство, а со временемъ и подлое мѣщанство, но съ тѣмъ вмѣстѣ литературное произведеніе превращалось въ руководство «хорошаго тона», опускалось на уровень «Зерцала» и «Правилъ» аббата Бельгарда. Литература, учившая читателя стать «придворнымъ человѣкомъ» и «не быть подобнымъ деревенскому мужику», несомнѣнно, имѣла свои заслуги въ европейской Азіи, но являлась она проводникомъ культурной внѣшности, а отнюдь не носительницей западной культуры.

Такой взглядъ на культурную роль романа въ сущности предрѣшаетъ вопросъ о томъ, насколько литература вообще могла считаться культурной силой въ общественной жизни XVIII в. Романъ былъ въ это время наиболѣе популярнымъ и наиболѣе распространеннымъ типомъ литературныхъ произведеній, и разъ сфера его дѣйствія оказывалась

столь ограниченной, а результаты этого дѣйствія лишь относительно цѣнными, то можно съ большой степенью вѣроятности предположить, что культурная роль иныхъ видовъ литературнаго творчества можетъ, въ отношеніи культурнаго прогресса передового русскаго общества, приниматься въ расчетъ еще въ гораздо меньшей степени.

Находя себѣ выраженіе преимущественно въ области беллетристики, литературное творчество XVIII в. въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ вдохновлялось еще сценой. Первый театръ возникъ въ Россіи — если не считать «дѣйства», развлекавшія дворъ Алексѣя, и нелѣпаго балагана въ петровской «комедійной храминѣ» — къ концу первой половины XVIII в. Возникъ онъ съ почину двора, считавшаго придворную сцену необходимымъ аксессуаромъ культурной европейской обстановки. Впрочемъ, дворъ императрицы Анны находилъ вкусъ только въ оперѣ и балетѣ, и дебютировавшіе въ послѣднемъ кадеты могли, по компетентному отзыву своего танцмейстера, съ успѣхомъ соперничать съ любымъ спеціалистомъ въ области хореографическаго искусства. При Елизаветѣ вкусы перемѣнились, но корпусъ и при ней остался на высотѣ своего призванія: какъ при Аннѣ онъ поставлялъ двору идеальныхъ танцоровъ, такъ теперь онъ въ 2—3 года обучилъ шляхетскимъ наукамъ любителей-«комедіантовъ» братьевъ Волковыхъ. Вмѣстѣ съ ними кончили курсъ человѣкъ десять кадетъ-актеровъ, отданныхъ на выучку въ корпусъ изъ придворной капеллы, и весной 1757 г. ими было «дано первое представленіе для народа вольной трагедіи за деньги». Однако особаго пристрастія къ сценическимъ удовольствіямъ петербуржецъ того времени не обнаружилъ: для пополненія театра зрителями пришлось сперва прибѣгнуть къ раздачѣ мѣстъ по чинамъ, потомъ подпиской подъ штрафомъ 50 р.; однако, зрительный залъ какъ былъ, такъ и оставался пустымъ и театръ пришлось закрыть. Вновь открыться ему суждено было только въ 1780-хъ годахъ. Въ первопрестольной, гдѣ первый театръ открылся въ томъ же 1757 году, ему посчастливилось нѣсколько больше: исторія московскаго театра можетъ, по

крайней мѣрѣ, похвалиться непрерывностью. Но и только; дѣло въ томъ, что въ теченіе XVIII в. московское общество никогда не колебалось, кому отдать предпочтеніе, театру или возникшимъ въ одно время съ нимъ Англійскому Клубу и Благородному Собранію. Когда въ 1780-хъ годахъ театръ только начиналъ, благодаря перемѣнѣ репертуара, дѣлать полные сборы, «вторники» Благороднаго собранія, эти съѣзды всей страны отъ вельможи до мелкаго дворянина «изъ провинціи», уже давно гремѣли славой на всю дворянскую Русь.

Только что было вскользь упомянуто, что за послѣднія десятилѣтія XVIII в. театръ однажды пережилъ въ своемъ развитіи рѣшающій судьбу его моментъ: то было, когда классическая трагедія уступила мѣсто бытовой пьесѣ. Рѣшительное предпочтеніе, которое зритель отдалъ послѣдней, несомнѣнно, свидѣтельствовало о томъ, что изъ русскаго интеллигента, по крайней мѣрѣ, не было въ конецъ вытравлено простое здоровое чувство, естественно влекущее человѣка отъ фальсификаціи жизни къ реальной дѣйствительности. Положимъ, наличность въ немъ этого чувства однажды уже обнаружилась, а именно, когда шелъ споръ о пальмѣ первенства между ломоносовской одой и сумароковской трагедіей: однако пусть трагедія была «самой жизнью» по сравненію съ лирикой офиціальныхъ пѣснопѣвцевъ, все же и она была порожденіемъ того же ложно-классическаго направленія въ литературѣ, которое, — что до театра, — воздвигло китайскую стѣну между сценой и жизнью. Держалась стѣна эта нерушимо до конца 1770-хъ годовъ, иначе говоря, до конца 70-хъ годовъ и рѣчи быть не можетъ о какомъ-либо культурномъ воздѣйствіи сцены на жизнь: слишкомъ ужъ далеко и высоко было живому «человѣку» въ партерѣ до воскресшаго изъ мертвыхъ «героя» на подмосткахъ, тѣмъ болѣе, что и герой-то былъ замогильнымъ привидѣніемъ безъ плоти, безъ крови и безъ живой души.

Бытовая пьеса ввела сцену въ соприкосновеніе съ жизнью, и любопытно, что театръ сдѣлался потребностью культурной жизни съ тѣхъ поръ, что сцена стала публику трогать до слезъ и смѣшить до обморока. Впрочемъ, здѣсь важнѣе установить, что въ глазахъ историка русской культуры за-

слуга бытовой пьесы исчерпывается такимъ сближеніемъ сцены и жизни. Дѣло въ томъ, что новый репертуаръ театра дѣйствовалъ на зрителя въ томъ же направленіи, въ какомъ романъ просвѣщалъ своего читателя, съ той только разницей, что бралъ онъ свои сюжеты изъ области, которую оригинальный русскій романъ использовалъ лѣтъ 30 и больше спустя. Другими словами, какъ романъ читался, такъ пьеса смотрѣлась съ тѣмъ, чтобы читатель и зритель научались «искуснѣе любиться». Такимъ образомъ бытовая пьеса только содѣйствовала развитію той «чувствительности», которая для своего времени, несомнѣнно, имѣла извѣстную цѣну, какъ «марка истинной образованности; но въ то же время эта пьеса, принципіально признававшая своей сферой дѣйствія одно лишь воображеніе, отнюдь не содѣйствовала искорененію той двойственности въ душѣ русскаго человѣка, которая при случаѣ позволяла ему, какъ, напр., пензенскому помѣщику Струйскому, быть сентиментальнымъ поэтомъ и мучителемъ своихъ крестьянъ. Наконецъ цѣну бытовой пьесы не могутъ поднять ни самый выборъ сюжетовъ ни, равнымъ образомъ, проводимая ею тенденція. Положимъ, авторы ея перестали брезгать сюжетами изъ народнаго быта, но сколько-нибудь правдиваго изображенія этого быта напрасно будешь искать въ нарисованныхъ ими на сценѣ картинахъ. Въ этихъ картинахъ деревня положительно облита солнцемъ счастья, и неудивительно, что, согрѣтый лучами его, забитый парень превратился въ сіяющаго jeune premier, грязная босоножка въ очаровательную ingénue и что оба они нашли досугъ и время въ совершенствѣ пройти науку, «какъ искуснѣе любиться». Мало того, одинаково чудодѣйственнымъ оказалось солнце счастья и по отношенію ко всей массѣ односельчанъ «Миловзора» и «Прелесты»: въ хорѣ жизнерадостныхъ пейзановъ самый опытный глазъ не узнаетъ сѣраго мужичья, а въ пѣсняхъ его самый тонкій слухъ не уловитъ ни единой меланхолической нотки... Входить въ подробный анализъ жизни, рисуемой бытовой пьесы, здѣсь не мѣсто, да и не стоитъ труда; не стоитъ не только потому, что избытокъ въ ней неестественныхъ ситуацій и приторныхъ чувствъ наводитъ нестерпимую скуку, а потому, что жизнь, изображаемая ею, не реальная дѣйствительность, а красивая

декорація. Этотъ элементъ декоративности, въ такой чрезмѣрной дозѣ присущій пьесамъ типа «Деревенскаго праздника», «Розана и Любимы», «Судьбы деревенской» и имъ подобныхъ, только больше роняетъ бытовую пьесу въ глазахъ историка русской культуры: отводя глаза зрителя отъ явленій, представлявшихъ язвы современной жизни, бытовая пьеса XVIII в. только больше усыпляла и безъ того дремлющую совѣсть его.

Однако надо сказать, что вредное дѣйствіе, производимое на психику публики комической оперой, комедіей нравовъ и прочими пьесами того же калибра, даже не ограничивалось усыпленіемъ совѣсти русскаго интеллигента. Дѣло въ томъ, что въ рѣчахъ дѣйствующихъ въ этихъ пьесахъ лицъ задѣвались струны, на звуки которыхъ въ душѣ зрителя рождался слишкомъ легко сочувственный откликъ; мало того, игра на этихъ струнахъ чувствуется даже въ самомъ дѣленіи персонажей на положительные и отрицательные типы. Оказывается: что иностранецъ — то злодѣй; а если случалось, что въ Злорадовыхъ и Змѣядовыхъ течетъ своя родная кровь, то непремѣнно одно изъ двухъ: или они невинныя жертвы нерусскаго воспитанія, развращающаго общенія съ чужестранцами, или они негодяи со дня рожденія, отъ природы, т.-е. опять-таки невинныя жертвы злой мачехи-судьбы. Выводъ изъ такого распредѣленія ролей подсказывался самъ собой; слишкомъ уже сквозила основная тенденція автора и слишкомъ ужъ были грубы пріемы, при помощи которыхъ онъ проводилъ ее: дѣйствіе на сценѣ научало зрителя самодовольно сознавать себя кровнымъ «русакомъ», а, что до вопроса о господствѣ на Руси зла надъ добромъ, то всю вину сваливать съ больной головы на здоровую. Отсюда былъ, конечно, только шагъ одинъ къ злорадному смѣху надъ западничествомъ, а дальше и къ ненависти къ западной культурѣ и европейцу вообще. Положимъ, самими авторами бытовыхъ пьесъ признавалось, что и послѣ вычета того зла, которымъ матушка Россія была обязана нѣмцу и французу, оставался извѣстный остатокъ, въ которомъ грѣшны родные сыны ея — русаки, но сами же авторы торопились успокоить встревоженную совѣсть зрителя увѣреніемъ, что если и было на русской землѣ кой-какое

самородное зло, то быть ему, повидимому, Самъ Богъ велѣлъ, противъ котораго — извѣстное дѣло — не пойдешь.

Казалось бы, только недоставало этой проповѣди націонализма и консерватизма, чтобы окончательно увѣриться въ сомнительности услугъ, оказанныхъ театромъ XVIII в. дѣлу культурнаго прогресса: спасаетъ его репутацію въ глазахъ изслѣдователя русской общественности появленіе къ концу вѣка на сценѣ одной разновидности бытовой пьесы — обличительной комедіи. Въ самомъ дѣлѣ, эта послѣдняя обѣщаетъ вознаградить его за то разочарованіе, какое доставило ему знакомство съ родственными ей типами драматической литературы разсматриваемой здѣсь эпохи. Въ обличительной комедіи дѣйствительная, будничная жизнь впервые вышла изъ-за кулисъ и обнаружилась на яркомъ свѣтѣ рампы во всей своей безобразной наготѣ. Дѣйствующія въ ней лица — живые типы современности: не узнать въ нихъ своихъ двойниковъ зрители въ залѣ никакъ, казалось, не могли; а съ тѣмъ вмѣстѣ являлась надежда, что, наконецъ, ихъ умъ и сердце выйдутъ изъ состоянія мертвой уравновѣшенности, что они усомнятся въ самыхъ основахъ своего убогаго міросозерцанія, что они всѣмъ существомъ своимъ испытаютъ то смятеніе души, ту панику сознанія, которыя единственно обѣщаютъ возможность нравственнаго обновленія падшему человѣку.

Нѣтъ сомнѣнія, что самый фактъ постановки на русской сценѣ обличительной. комедіи свидѣтельствуетъ о наступленіи именно того процесса въ народномъ организмѣ, симптомы котораго столько времени напрасно искались здѣсь. Въ самомъ дѣлѣ, если предметомъ нашихъ исканій былъ первый шагъ со стороны средняго русскаго человѣка на путь нравственнаго оздоровленія всего его, отравленнаго ядомъ крѣпостничества, существа и если надежнымъ симптомомъ этого акта воли и сознанія мы признавали критическое отношеніе къ самому себѣ и къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности, то нельзя отрицать, что именно такое отношеніе сказалось въ типахъ, дѣйствіяхъ и рѣчахъ, нашедшихъ себѣ мѣсто въ обличительной комедіи, иначе говоря, нельзя отрицать, что съ появленіемъ на сценѣ фонви-

зинскихъ героевъ пришло время, когда въ мертвое тѣло Россіи стала влагаться живая душа.

Впрочемъ, на этихъ страницахъ приходится ограничиться признаніемъ, что съ постановкой обличительной комедіи на сцену русскаго театра впервые проникла живая струя: оздоравливающее дѣйствіе этой струи на жизнь внѣ стѣнъ театра не подлежитъ нашему наблюденію. Да и врядъ ли въ данную эпоху такое оздоравливающее дѣйствіе сцены на жизнь имѣло мѣсто въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ. Зритель, который, будучи уже вполнѣ сложившимся человѣкомъ, смотрѣлся въ подставленное ему со сцены зеркало, былъ слишкомъ наивенъ, чтобы догадаться, кого онъ видитъ предъ собой; и, что важнѣе, онъ былъ слишкомъ крѣпокъ нервами, чтобы проникнуться отвращеніемъ къ тому уродству жизни, которое въ лицѣ его двойника, выставлялось къ позорному столбу. Чтобы его пронять, мало было нравственнаго тока, производимаго фонвизинской сатирой: она рождала смѣхъ и только, а отъ смѣха до слезъ безконечно далеко до смѣха сквозь слезы. Да и то сказать — самому Фонвизину слишкомъ ужъ было далеко до того, чтобы образумить публику классической репликой, брошенной со сцены въ зрительный залъ: «Чему смѣетесь — надъ собой смѣетесь!»

Послѣднее замѣчаніе имѣетъ отношеніе къ обличительной пьесѣ вообще. Ихъ авторы хорошо сознавали, что для ихъ публики одного обличенія далеко недостаточно, а что ей надо прежде всего — читать мораль. Русскій драматургъ-сатирикъ конца XVIII в. охотно принялъ на себя роль моралиста, однако принялъ онъ ее, какъ оказывается, съ тѣмъ, чтобы идеализировать московскую старину.

Съ насъ здѣсь достаточно знать, что тезисъ фонвизинскаго резонёра, будто, «искореняя предразсудки, мы воротимъ съ корня добродѣтель», составлялъ заднюю мысль всѣхъ тогдашнихъ драматурговъ, чтобы въ нашихъ глазахъ почти обезцѣнилось значеніе обличительной комедіи въ качествѣ культурно-воспитательной силы. Вѣдь не можемъ же мы не знать, въ чемъ заключалась самая сущность какъ дѣдовскихъ предразсудковъ, такъ равнымъ образомъ и дѣдовской добродѣтели.

Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, все благотворное дѣйствіе и этого типа драматическаго творчества на современное общество сводилось почти на-нѣтъ. Что же до упомянутыхъ выше достоинствъ, присущихъ обличительной комедіи, то съ признаніемъ ихъ здѣсь констатировалась возможность и вѣроятность превращенія этой комедіи въ цѣнное и мощное орудіе культурнаго прогресса — когда-нибудь, со временемъ и во всякомъ случаѣ далеко за чертой положенныхъ данному очерку хронологическихъ предѣловъ.

Выше уже вскользь упоминалось, что въ цѣляхъ пропаганды идейныхъ цѣнностей западной цивилизаціи XVIII вѣкъ располагалъ помимо элементарныхъ, испытанныхъ Европой, средствъ, школы и литературы, еще однимъ новымъ орудіемъ, выкованнымъ самимъ Западомъ не такъ уже давно — періодической печатью.

Переходя къ вопросу о томъ, какъ это орудіе было использовано въ Россіи временъ Елизаветы и Екатерины, слѣдуетъ начать съ предупрежденія, что самый терминъ «періодическая печать» въ примѣненіи къ первымъ русскимъ журналамъ легко можетъ создать совершенно ложное о нихъ представленіе. Если не считать выходившихъ въ теченіе цѣлаго почти десятка лѣтъ (1755 — 1764 гг.) университетскихъ «Ежемѣсячныхъ Сочиненій», сотрудничество въ которыхъ составляло обязательную—(за годовое жалованіе въ 100 — 150 р.) — службу студентовъ, то остальные журналы 1750-хъ и 1760-хъ годовъ въ большинствѣ случаевъ считали полугодовое существованіе вполнѣ нормальнымъ и полагали вполнѣ въ порядкѣ вещей лѣтніе каникулы въ виду отъѣзда изъ города, «какъ издателя, такъ и тѣхъ, кои подписались брать журналъ».

Сами названія этихъ журналовъ («Праздное Время», «Свободные Часы», «Невинное Упражненіе», «Полезное Увеселеніе») чистосердечно выдаютъ и происхожденіе ихъ и скромныя цѣли, которыми задавались ихъ редакторы и сотрудники. Эти журналы рождались въ томъ или другомъ кружкѣ добрыхъ знакомыхъ и служили литературнымъ запросамъ и интересамъ даннаго одного кружка: у кор-

пусной молодежи — свой журналъ, у университетской — свой, у столкнувшихся на жизненномъ пути товарищей по школѣ — свой. Каждый изъ этихъ журналовъ отражалъ коллективный литературный вкусъ людей, въ кругу которыхъ онъ читался. Въ одномъ преобладали темы отвлеченно-этическія; другой заполнялъ свои страницы произведеніями эротической поэзіи; въ третьемъ вниманіе сосредоточивалось на вопросахъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ русской дѣйствительности. Почти всѣ они нравоучительны по содержанію и тону, при чемъ содержаніе черпалось ими изъ англійскихъ и нѣмецкихъ журналовъ, даже если авторъ статьи пытался иллюстрировать то или другое явленіе родной жизни. Оригинальны въ нихъ только стихи — все больше модные тогда любовные романсы.

Очевидно, рѣчи быть не можетъ о томъ, чтобы эти журналы, расходившіеся по рукамъ знакомыхъ и пріятелей редакціи, существеннымъ образомъ вліяли на развитіе общественной мысли. Мало того, время показало, что даже для лицъ, принимавшихъ активное участіе въ изданіи ихъ, писательская дѣятельность отнюдь не являлась своего рода общественной службой, возлагавшей на носителей ея извѣстныя нравственныя обязательства; напротивъ, въ ихъ глазахъ журналистика представлялась именно «невиннымъ упражненіемъ и полезнымъ увеселеніемъ въ свободные часы празднаго досуга». Когда пришло время перейти отъ словъ къ дѣлу, они и слову и дѣлу предпочли молчаніе: это было, когда почти всѣ любители-журналисты 1750-хъ и 1760-хъ годовъ вошли въ составъ екатерининской Коммиссіи и когда они, отказавшись отъ активной пропаганды принциповъ, недавно исповѣдуемыхъ ими на страницахъ журналовъ, въ лучшемъ случаѣ не присоединяли своихъ голосовъ къ хору защитниковъ сословныхъ привилегій дворянства.

Однако, какъ бы скептически мы не относились къ періодической печати елизаветинскаго времени, нельзя не отмѣтить, что качественный анализъ ея произведеній обнаруживаетъ нѣкоторое превосходство московской журналистики надъ журналистикой петербургской. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ идейное движеніе, о наличности котораго свидѣтельствуетъ даже самая скромная проба пера, оказалось бо-

лѣе серьезнымъ, чѣмъ въ Петербургѣ. Въ московскомъ журналѣ и эротическій элементъ находилъ себѣ сравнительно мало мѣста, и съ большей сознательностью воспринималась въ немъ чужая мысль, которой и онъ, правда, былъ обязанъ большей частью своего матеріала; въ немъ, наконецъ, мѣстами сквозило то сатирическое настроеніе, которому суждено было составить отличительную черту русской публицистики въ екатерининскую эпоху.

Коснувшись вопроса о роли и судьбахъ періодической печати въ послѣднюю четверть XVIII в., мы тѣмъ самымъ вступили въ область литературной дѣятельности Новикова и Екатерины. Вся дѣятельность и самодержавной императрицы и скромнаго литератора протекла подъ знаменемъ европейскихъ идей, и потому оцѣнка этой дѣятельности будетъ произведена въ другомъ мѣстѣ настоящей книги. Тамъ будетъ, между прочимъ, рѣчь итти о той коллизіи, которая произошла между названными представителями европейскихъ идей, при чемъ психологической причиной этой коллизіи окажется тотъ важный фактъ, что для одного изъ нихъ эти идеи явились благодарнымъ матеріаломъ для дилетантскихъ упражненій пытливаго и просвѣщеннаго ума, а другой призналъ служеніе имъ святымъ дѣломъ своей жизни. Здѣсь упоминается объ этой коллизіи, поскольку она можетъ выяснить и опредѣлить степень воздѣйствія передовой публицистики на современное русское общество.

Новиковъ — первая жертва, которую русская періодическая печать принесла на алтарь народнаго блага; съ новиковскихъ журналовъ начинается тотъ нескончаемый мартирологъ, который представляетъ изъ себя исторія этой печати въ Россіи.

Въ своемъ пониманіи задачъ періодической печати Новиковъ-журналистъ поднялся высоко надъ общимъ уровнемъ современныхъ ему издателей листковъ, въ томъ числѣ и своего державнаго коллеги по профессіи. Онъ первый пересталъ писать «единственно только для одного увеселенія и употребленія въ пользу скучныхъ часовъ празднаго времени» и первый, признавъ задачей своей писательской дѣятельности защиту слабыхъ противъ сильныхъ, «подлыхъ» про-

тивъ «благородныхъ», сумѣлъ соединить въ одномъ лицѣ журналиста и общественнаго дѣятеля.

Защитой «свободы» перомъ, внесшимъ въ журналистику ярко демократической тенденціи, Новиковъ далеко опередилъ свое время и потому казался призваннымъ къ тому, чтобы дать новое направленіе «народному умоначертанію». Однако, становясь на путь служенія «общему благу», Новиковъ перебивалъ дорогу Екатеринѣ, давно убѣжденной, что понимаетъ «общее благо» она одна и что одна она стремится къ осуществленію его. Съ Новиковымъ она разошлась уже въ самомъ вопросѣ о задачахъ публицистики и роли писателя въ обществѣ; не мудрено потому, что вопросъ о сущности «общаго блага» явился для нихъ спорнымъ въ еще большей степени.

На взглядъ Екатерины литературѣ надлежало оставаться въ сторонѣ отъ общественной жизни; если книга и журналъ и должны, между прочимъ, служить «исправленію нравовъ, то это служеніе должно имѣть цѣлью совершенствованіе только личныхъ моральныхъ отношеній и личнаго уклада жизни. Согласно пониманію императрицы публицисту и писателю не должно быть дѣла до вопросовъ, составляющихъ будто монополію законодателя и правителя, а слѣдуетъ ему быть просвѣщеннымъ собесѣдникомъ и гуманнымъ наставителемъ читателя, быть миротворцемъ въ случаѣ недоразумѣній въ семьѣ, быть посредникомъ между отцами и дѣтьми, быть вдохновителемъ влюбленныхъ и руководителемъ молодежи на жизненномъ пути. Словомъ, у Екатерины имѣлся очень опредѣленный идеалъ «добросердечнаго» писателя, къ которому Новиковъ подходилъ всего менѣе. «Дурныя шутки», къ которымъ онъ прибѣгалъ для иллюстраціи печальной правды русской жизни, оскорбляли ея эстетическій вкусъ; его «меланхолическія письма» раздражающе дѣйствовали ей на нервы; затронутый имъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ между «подлостью» и «благородствомъ» она настойчиво игнорировала и не только съ точки зрѣнія редактора «Всякой Всячины».

Напротивъ, въ полную противоположность Новикову, Екатерина озабочена внушеніемъ читателямъ журнала душеспасительной истины, «что ихъ долгъ, какъ христіанъ и

согражданъ, велитъ имъ имѣть повѣренность и почтеніе къ установленнымъ для ихъ блага правительствамъ... наипаче тогда, когда всякій изъ нихъ признаться долженъ, что можетъ быть никогда и нигдѣ какое бы то ни было правленіе не имѣло болѣе попеченія о своихъ подданныхъ, какъ царствующая надъ ними монархиня».

Повидимому, монархиня эта была искренно озабочена политическимъ воспитаніемъ своихъ подданныхъ и для этой цѣли заручилась въ лицѣ оборотня-редактора «Всякой Всячины» содѣйствіемъ публициста, проникнутаго ея же взглядами и стремленіями. Однако коронованнымъ журналистомъ предполагалось, что вся русская публицистика будетъ держаться въ границахъ, намѣченныхъ съ его легкой руки; онъ ожидалъ, что представители періодической печати проникнутся всѣ до одного сознаніемъ своего «христіанскаго и гражданскаго» долга, заключавшагося въ прославленіи положительныхъ сторонъ русской жизни и въ отказѣ отъ критики тѣхъ золъ и недостатковъ, отъ которыхъ эта жизнь хронически страдала.

Противоположность взглядовъ Екатерины и Новикова на дѣло, которому они оба служили, вела ихъ съ логической необходимостью къ литературной полемикѣ, а дальше она вела, правда, уже безъ этой необходимости, къ трагическому конфликту между безсильнымъ печатнымъ словомъ и всесильной самодержавной властью.

Этотъ конфликтъ имѣетъ далеко не только принципіальное значеніе, и представляетъ онъ далеко не только біографическій интересъ: отъ того или иного исхода его зависѣла просвѣтительная сила, какую смогло бы обнаружить нарождившееся въ лицѣ Новикова общественное мнѣніе въ Россіи.

Литературная полемика между Екатериной и Новиковымъ, неизбѣжная сама по себѣ, должна была со временемъ только обостриться въ виду той настойчивости, съ которой первая предлагала журналамъ «не касаться къ порокамъ», а второй сосредоточивалъ все свое вниманіе на соціальной темѣ. Разумѣется, исходъ борьбы былъ предрѣшенъ съ перваго же начала; слишкомъ были неравны силы спорющихъ сторонъ. Вся сила одной коренилась въ личномъ мужествѣ и стойкости убѣжденій; другая всегда могла не только

административной карой зажать роть своему литературному оппоненту, но при желаніи могла сгноить его самого въ шлиссельбургскомъ казематѣ.

Намекнувъ на конечный исходъ литературной дѣятельности Новикова, слѣдуетъ и на страницахъ даннаго очерка замѣтить, что въ полемикѣ съ Екатериной Новиковъ обнаружилъ и стойкость убѣжденій и личное мужество. Правда, нелитературные пріемы борьбы, къ которымъ прибѣгалъ его врагъ, заставили его пойти на уступки и компромиссы, выработать своеобразный «эзоповскій» языкъ, кутать въ аллегоріи запретныя мысли, надѣть «личину оптимизма», даже для отвода глазъ поступить въ ряды «пропагандистовъ націоналистическихъ теорій»; однако и личная судьба Новикова и вся его просвѣтительная дѣятельность свидѣтельствуютъ, что въ противномъ лагерѣ не переставали видѣть въ немъ защитника «свободы» и строителя «замковъ въ воздухѣ», иначе говоря, признавать въ немъ достойнаго представителя тѣхъ именно европейскихъ идей, которыя единственно могли вдохнуть жизнь въ мертвое тѣло петровской Руси.

Полицейско-бюрократическій режимъ, утвердившійся въ Россіи во вторую половину екатерининскаго царствованія, обезпечивалъ невозможность оживленія народнаго организма стороной отъ власти. Между тѣмъ по мѣрѣ укорененія въ Екатеринѣ взгляда на реформу, какъ на личное ея дѣло, росла въ ней антипатія ко всякому непрошенному конкуренту въ дѣлѣ осуществленія «общаго блага» и прежде всего, конечно, къ Новикову. Отсюда понятно, что пропаганда европейскихъ идей представлялась власти «дерзновеніемъ»; понятно также, что, въ виду доступности для власти всѣхъ средствъ къ пресѣченію всякаго рода дерзновеній, такая пропаганда не могла принять сколько-нибудь значительныхъ размѣровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, новиковскіе журналы умирали черезъ годъ-два, умирали «противъ своего желанія, по обстоятельствамъ». Только успѣлъ Новиковъ воспользоваться разрѣшеніемъ заводить частныя типографіи для созданія, въ цѣляхъ идейной агитаціи, Типографской Компаніи, какъ правительство поторопилось взять свое разрѣшеніе назадъ.

Надъ первыми проблесками общественнаго мнѣнія, пытавшагося руководить мыслью и совѣстью сколько-нибудь широкихъ круговъ, Екатерина смѣялась, какъ надъ «дѣтскими игрушками и шалостями, противъ которыхъ нужна лишь розга»; но стоило вожакамъ московской интеллигенціи на живомъ дѣлѣ будить и развивать соціальное самосознаніе или организовать общественныя силы въ цѣляхъ осуществленія практическихъ предпріятій, чтобы принужденный смѣхъ уступалъ мѣсто или демонстративной пассивности, равносильной скрытому противодѣйствію, или переходилъ въ негодованіе, которое въ вопросѣ о средствахъ воздѣйствія было слишкомъ изобрѣтательно, чтобы удовлетвориться наказаніемъ розгой.

Такая перемѣна въ настроеніи императрицы наблюдалась, когда Новиковъ попытался при содѣйствіи своихъ читателей создать частную общеобразовательную школу, когда онъ хлопоталъ объ организаціи книжнаго дѣла въ провинціи, наконецъ, когда онъ въ тотъ голодный годъ (1787 г.), въ который Екатерина израсходовала слишкомъ 10 милліоновъ рублей на свою знаменитую экскурсію въ Крымъ, сплотилъ съ небывалымъ успѣхомъ общественныя силы на почвѣ частной благотворительности.

Всѣ эти эпизоды изъ жизни и дѣятельности Новикова достаточно ярко иллюстрируютъ тѣ внѣшнія затрудненія, съ которыми ему приходилось бороться. Свидѣтельствуя о рѣдкой энергіи человѣка и беззавѣтной преданности его дѣлу жизни своей, эти эпизоды дадутъ біографу Новикова богатый и благодарный матеріалъ для оцѣнки значенія, принадлежавшаго въ области общественныхъ движеній личному почину и личному труду единичнаго дѣятеля.

Иными представляются тѣ же моменты на взглядъ историка русской культуры: и этотъ послѣдній признаетъ, разумѣется, подвижническій трудъ Новикова цѣннымъ вкладомъ въ капиталъ культурныхъ цѣнностей, накопленныхъ русскимъ обществомъ въ наслѣдіе XIX вѣку; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ трудъ представится ему каплей добра въ цѣломъ морѣ зла.

Дѣло въ томъ, что, проходя отнюдь не равнодушно мимо такихъ явленій, какъ увеличеніе числа подписчиковъ «Мо-

сковскихъ Вѣдомостей» за время завѣдыванія университетской типографіей Новиковымъ, съ 800 до 4.000; или обогащеніе, благодаря одному Новикову, книжнаго рынка около 440 новыми книгами; или пробужденіе, стараніями все того же Новикова, интереса къ книгѣ въ глухой и нѣмой дотолѣ провинціи, изслѣдователь русской общественности все же не будетъ въ состояніи забыть тѣ симптомы застоя мысли и атрофіи чувства, какіе имъ пришлось наблюдать въ среднемъ русскомъ человѣкѣ при изученіи просвѣтительной роли школы, театра и беллетристики. Мало того, въ достаточности этихъ симптомовъ его лишній разъ убѣдятъ показанія «барометра общественныхъ настроеній и культурныхъ вѣяній», иначе говоря, книгоиздательской статистики.

По сравненію съ предыдущими десятилѣтіями 1760-ые годы представляютъ въ исторіи русскаго книгоиздательства моментъ оживленія: число ежегодно издаваемыхъ въ эти годы книгъ равняется 105; медленно возрастая, эта цифра къ 1780-мъ годамъ поднимается на 197; девятое десятилѣтіе было временемъ, когда въ издательскомъ дѣлѣ могла проявиться общественная иниціатива: именно она довела количество ежегодно печатаемыхъ книгъ до 366; съ закрытіемъ частныхъ типографій эта цифра пала до 299, а къ концу вѣка опустилась до 233.

Надо полагать, что эти голыя цифры сами по себѣ могутъ уберечь отъ оптимистической оцѣнки той просвѣтительной роли, какая въ эпоху «просвѣщеннаго абсолютизма» выпала на долю печатнаго слова. Тѣмъ менѣе мѣста останется оптимизму, если провѣрить, какого рода культурную почву могъ создать печатный матеріалъ въ 8.000 слишкомъ книгъ, увидѣвшихъ свѣтъ въ теченіе всей второй половины XVIII в. На повѣрку оказывается, что большая ихъ часть удовлетворяла дѣловымъ потребностямъ, нуждамъ школы и стариннымъ вкусамъ къ духовно-нравственному чтенію; 40% книгъ обращалось къ любителямъ свѣтской беллетристики. Такимъ образомъ оставался лишь ничтожный процентъ на долю книги, создававшей того читателя, со стороны котораго дѣятели типа Новикова могли разсчитывать на сочувствіе и пониманіе. Вся масса среднихъ людей оставалась внѣ сферы вліянія этихъ дѣятелей, а съ тѣмъ вмѣ-

стѣ оставалась чуждой пропагандируемымъ ими европейскимъ идеямъ.

Средній русскій человѣкъ, а только о немъ здѣсь рѣчь идетъ, въ лучшемъ случаѣ возвысился къ концу вѣка на тотъ уровень культурнаго развитія, на который поднялись школа, въ которой онъ воспитывался, романъ, который онъ читалъ, и театръ, въ которомъ онъ развлекался: и весь вопросъ въ томъ, могъ ли умственно прозрѣть и нравственно переродиться человѣкъ, испытавшій на себѣ воздѣйствіе данной школы, данной сцены и книги?

IV.

Предположеніе, что средній русскій человѣкъ конца XVIII вѣка страдалъ умственной слѣпотой и нравственной тупостью, не ново для читателя настоящаго очерка. Это предположеніе утверждалось въ немъ по мѣрѣ его ознакомленія съ основными теченіями въ области педагогики и литературы, театра и публицистики и выясненія результатовъ, достигнутыхъ дѣйствіемъ такихъ первостепенныхъ образовательныхъ средствъ, каковыми являются школа и сцена, книга и періодическая печать.

Правда, случалось, что передъ читателемъ открывались просвѣты въ лучшее будущее, но отсюда вовсе еще не получалась для него возможность болѣе оптимистическаго взгляда на умственное и нравственное состояніе въ концѣ XVIII в. даже верхняго слоя русскаго общества: въ его глазахъ человѣкъ, принадлежащій къ такъ называемой культурной средѣ, являлся — и притомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе — всего менѣе человѣкомъ культурнымъ, т.-е. человѣкомъ, одушевляемымъ въ своей жизни и дѣятельности сколько-нибудь положительными идеалами.

Устойчивость такого впечатлѣнія знаменательна сама по себѣ; однако, чѣмъ безотраднѣе выводы, получаемые изъ анализа русской общественности, тѣмъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ скептическомъ къ нимъ отношеніи. Необходима тщательная провѣрка этихъ конечныхъ выво-

довъ, а такъ какъ единственно надежной провѣркой можетъ служить сама жизнь, то здѣсь, естественно, возникаетъ вопросъ о бытѣ и нравахъ той соціальной среды, которой привычка усвоила лестное наименованіе «культурной».

Приступая къ характеристикѣ этой именно среды, слѣдуетъ съ первыхъ же словъ оговориться, что въ ней были люди «отлично воспитанные, получившіе здравыя понятія объ обязанностяхъ гражданина, о правахъ человѣка и о благахъ, изъ того истекающихъ». Однако дѣло въ томъ, что эти люди «держали себя въ тиши и дали, не выражая, не сообщая своихъ идей и не обмѣниваясь ими съ большинствомъ. Тѣсно сплотившись между собой, образованные кружки эти рѣзко выдѣлялись впередъ надъ остальной массой населенія, соприкасаясь съ ней только внѣшнимъ образомъ. Среди русскаго народа они являлись оазисами, въ которыхъ сосредоточивались лучшія умственныя и культурныя силы — искусственные центры съ своей особой атмосферой, въ которыхъ вырабатывались изящныя, глубоко-просвѣщенныя личности. Но эти люди вращались только между собой и оставались безъ всякаго непосредственнаго вліянія на все то, что находилось внѣ ихъ тѣснаго немногочисленнаго кружка».

Повторяемъ, такіе люди были и писавшій эти строки (декабристъ Каховскій) былъ однимъ изъ нихъ. Не будь ихъ, не будь созданныхъ ими искусственныхъ центровъ истиннаго просвѣщенія и истинной культуры — намъ пришлось бы повторить слова фельдмаршала Миниха: «русское государство управляется Самимъ Богомъ, иначе невозможно объяснить себѣ, какимъ образомъ оно можетъ существовать». Существованіе русскаго государства по сей день объясняется именно тѣмъ, что рядомъ съ «большинствомъ», о которомъ глухо упоминалось выше, жило меньшинство, которое, при всей скромности наличныхъ силъ его, избавило Провидѣніе отъ необходимости вмѣшательства въ судьбы Россіи.

Анализъ умственнаго и нравственнаго состоянія массы среднихъ людей обнаружитъ всю заслугу, принадлежащую

въ дѣлѣ спасенія репутацію родного народа «искусственнымъ центрамъ лучшихъ его людей»; съ тѣмъ вмѣстѣ попытка такого анализа сведется, въ концѣ-концовъ, къ установленію степени цивилизаціи, достигнутой въ теченіе столѣтія петровскихъ и екатерининскихъ реформъ передовымъ классомъ русскаго общества.

Начнемъ съ внѣшнихъ условій жизни «культурныхъ дикарей» конца XVIII в.: знакомство съ ними создастъ въ читателѣ настроеніе, необходимое для пониманія тѣхъ интимныхъ явленій, которыя составляли обиходъ русской жизни слишкомъ вѣкъ тому назадъ...

«Кто былъ въ Москвѣ, тотъ былъ въ Россіи», говаривали въ эти далекія времена. Въ самомъ дѣлѣ, поскольку Россія совмѣщала въ себѣ всѣ только возможныя крайности и противорѣчія, постольку Москва являлась отраженіемъ ея. Этими противорѣчіями нельзя не поразиться, стоитъ только перейти черту этого «большого села съ господскими усадьбами», или переступить порогъ одного изъ барскихъ домовъ. У хозяевъ этихъ домовъ положительно страсть какая-то ко всему нелѣпо-грандіозному; ихъ строители, повидимому, соперничали въ погонѣ за роскошью и въ изяществѣ вкуса», но вкусъ ихъ сомнителенъ, а понятіе о роскоши представляетъ нѣчто особенное: «На каждомъ шагу встрѣчаешь великолѣпіе рядомъ съ нищетой; подъ внѣшнимъ блескомъ кроется, если присмотрѣться только, азіатская неряшливость и неопрятность». Широко живутъ люди въ этихъ домахъ, въ которыхъ господскимъ комнатамъ даже счетъ теряешь: огромныя залы имѣются въ нихъ, множество гостиныхъ и въ то же время нѣтъ иногда жилыхъ покоевъ для самихъ хозяевъ и ихъ семьи. О внутреннемъ убранствѣ этихъ помѣщеній никто не думаетъ и ничей глазъ не оскорбляется той нелѣпой смѣсью стараго быта съ новымъ — европейскимъ, какою является вся обстановка этихъ гостиныхъ и залъ. «Полъ въ нихъ покоробился, на стѣнахъ ободрались обои, въ безпорядкѣ разставлена потертая мебель, обитая линялымъ ситцемъ; и тутъ же развѣшаны картины лучшихъ художниковъ, по угламъ красуются мраморныя статуи, всюду обиліе бронзы, золота, серебра».

Пройдешь по анфиладѣ пустыхъ парадныхъ комнатъ, отражаясь въ зеркалахъ со всѣхъ сторонъ и даже вверхъ ногами въ зеркальныхъ потолкахъ, скользнешь мимоходомъ взглядомъ по пестрой обстановкѣ ихъ — и знаешь, что хозяева дома цѣнятъ въ жизни только ея показную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, встрѣтишь въ одной изъ этихъ комнатъ самого хозяина и увидишь предъ собой ходячій иконостасъ: на немъ всѣ блестящія доспѣхи, которыми щедрая Фелица награждала за вѣрную службу ей. Онъ до того привыкъ изображать изъ себя «алмазное видѣніе», что даже въ опочивальнѣ своей, надѣвъ халатъ и туфли, «непремѣнно останется при лентѣ и звѣздѣ». Страсть къ знакамъ отличія нерѣдко принимала карикатурныя формы; такъ, вся Москва знала параличомъ разбитую старуху-фрейлину, которая въ табельные дни, прежде чѣмъ позволить вывезти себя къ гостямъ, украшала себя орденомъ св. Екатерины.

Чѣмъ богаче и знатнѣе были владѣльцы московскихъ дворцовъ, тѣмъ безграничнѣе было ихъ самодурство, тѣмъ успѣшнѣе они подражали жизни двора, изображая изъ себя владѣтельнихъ особъ. Они заводили свой штатъ гофмаршаловъ, камергеровъ, фрейлинъ, статсъ-дамъ; своимъ «подданнымъ» они устраивали офиціальные пріемы по всѣмъ правиламъ мелочно-строгаго церемоніала. Ихъ домъ былъ переполненъ людомъ, составлявшимъ ихъ свиту и личную прислугу, и, несмотря на то, въ немъ находилось еще достаточно мѣста для всякихъ нянь, мамъ, турчанокъ, калмычекъ, наскоро крещенныхъ и тѣмъ болѣе наскоро воспитанныхъ, а часто также для геркулесовъ-араповъ и скрюченныхъ карлицъ, для дуръ и профессіональныхъ шутовъ.

Дикая обстановка, которой вполнѣ соотвѣтствовала до дикости нелѣпая жизнь, протекавшая въ ней. Впрочемъ, могло ли оно быть иначе въ городѣ, бывшемъ «пристанищемъ для всѣхъ, кому дѣлать нечего, какъ свое богатство расточать, въ карты играть, ѣздить со двора на дворъ».

Въ самомъ дѣлѣ, отставная столица жила въ свое удовольствіе. Живя ея жизнью, дворянство на дѣлѣ доказывало, насколько правъ былъ современникъ, утверждавшій, будто изъ всѣхъ своихъ правъ оно преимущественно пользовалось свободой отъ труда. Утренніе визиты — въ тѣ времена раз-

гонъ визитеровъ начинался съ 11 часовъ утра,—званые обѣды, вечера, рауты, театры, балы, маскарады — вотъ времяпрепровожденіе лучшаго типа московскихъ людей. Званые обѣды обставлялись множествомъ причудливыхъ церемоній: за столомъ часами священнодѣйствовали. Не даромъ Москва славилась хлѣбосольствомъ; оно достигло въ ней чудовищныхъ размѣровъ: состоянія проматывались на обѣды и ужины; богатые дома знатныхъ вельможъ превращались въ «поварскія собранія», посѣщаемыя гостями, которыхъ хозяева даже въ лицо не знали.

Къ гуляньямъ на городскихъ бульварахъ, въ Кремлѣ, въ загородныхъ садахъ свѣтскій человѣкъ готовился задолго. Здѣсь русскій парижанинъ могъ показать себя во всемъ блескѣ; здѣсь стоило щегольнуть знаніемъ англійскихъ привычекъ, поразить тысячи глазъ экипажемъ, выѣздомъ, ливреей егеря на запяткахъ, нарядомъ красавца-кучера: именно здѣсь, гдѣ каждый встрѣчный могъ по количеству запряженныхъ цугомъ лошадей опредѣлить и чинъ и санъ особы въ ландо. А показать товаръ лицомъ Москва умѣла: «Наполовину въ ней ничего не дѣлалось; отличаться, такъ отличаться — подавай золоченыя колеса, сафьянную красную сбрую съ золотымъ наборомъ; подавай лошадей — тигровъ и львовъ съ гривой ниже колѣнъ,—такихъ лошадей, чтобы кофе просили».

Очнувшись послѣ лѣтней спячки, Москва отдавалась бѣшеному вихрю веселья, будто желая наверстать потерянное время. Въ ней ежедневно бывало 40 — 50 баловъ, на которыхъ играло около полуторы тысячи крѣпостныхъ музыкантовъ. Увлекшаяся танцами молодежь устали не знала: случалось въ теченіе трехъ недѣль побывать на 15 и больше балахъ, и находились любители, которые, чтобы не упустить вечера, по нѣскольку сутокъ проводили безъ сна. Въ памяти у всѣхъ участниковъ оставались балы Благороднаго Собранія, являвшіеся для многихъ «исходными днями браковъ, семейнаго счастья, блестящей будущности». Въ бальной залѣ молодой человѣкъ изъ общества «учился любезничать, влюбляться, чинопочитанію и почитанію старости»; въ ней онъ пріобрѣталъ аттестатъ на свѣтскость и аристократич-

ность, полагавшіяся въ знаніи французскаго языка и въ совершенствѣ въ танцахъ.

Какъ однихъ изъ московскихъ богачей разорялъ культъ ѣды, такъ другихъ страсть къ театру. Въ Москвѣ было 20 театровъ, на подмосткахъ которыхъ подвизались крѣпостные актеры. Каждая такая труппа представляла цѣлый капиталъ; талантливые актеры стоили тысячи рублей: шестилѣтняя дѣвочка, очаровательно танцовавшая качучу, перешла съ своими родителями-актерами изъ рукъ одного любителя въ руки другого за имѣніе въ 250 душъ. Декораціи, костюмы стоили невѣроятныхъ денегъ; за постановку балетовъ, обстановочныхъ пьесъ въ родѣ «Халифа Багдадскаго» платили десятки тысячъ рублей.

Для москвича, принадлежавшаго къ свѣту, было немыслимо прожить день, не побывавъ часъ-другой въ театрѣ, а всѣ эти любительскіе театры, которые такъ неотразимо привлекали его, «походили на полоумную затѣю». Почему-то зрители особенно цѣнили игру безъ суфлера; въ ложѣ хозяина можно было при случаѣ увидѣть цѣлую коллекцію плетокъ, которыми самозванный режиссеръ орудовалъ за кулисами, если имъ были замѣчены за тѣмъ или другимъ актеромъ погрѣшности противъ текста роли...

Жизнь въ деревнѣ, разумѣется, не представляла того разнообразія, какимъ отличалась программа столичнаго дня; но самый укладъ жизни оставался все тотъ же и въ ней, только что люди, погруженные въ мелкіе домашніе интересы, довольствовались и болѣе скромными развлеченіями и забавами, при чемъ эти послѣднія отождествлялись съ самой цѣлью существованія одинаково какъ въ столичномъ свѣтѣ, такъ и въ деревенской глуши. Съ другой стороны, прелести жизни въ деревнѣ свидѣтельствовали о той же неразвитости эстетическаго чувства и той же некультурности въ запросахъ къ жизни, какія характеризовали людей и жизнь въ наиболѣе культурныхъ центрахъ.

Домъ и хозяйство любого помѣщика средней руки — полная чаша: вѣдь честь дома полагается въ томъ, чтобы на славу принять, напоить, накормить. Неожиданные гости никогда не должны застать хозяевъ врасплохъ.

Дворянинъ-провинціалъ тянется за своимъ столичнымъ собратомъ рѣшительно во всемъ. Если удивить гостя онъ ничѣмъ не можетъ, то онъ радъ похвастаться раскрашенными дугами, коренниками и хороводами. И его домъ полонъ празднаго люда; кромѣ дворни, и у него имѣется хоть одна-другая «увеселительная прислуга». За столомъ у него мирно умѣщается рядомъ съ гувернеромъ-нѣмцемъ приживальщикъ, состоящій въ роли шута; рядомъ со старухой-колдуньей чопорно возсѣдаетъ француженка-мадамъ.

Послѣдняя становилась къ концу вѣка все больше необходимымъ членомъ семьи; дѣло въ томъ, что подражаніе французскимъ модамъ и обычаямъ со временемъ проникло въ самые отдаленные уголки Россіи. Маніей подражанія великой націи заражались люди съ самыми ограниченными средствами; въ какія-нибудь тульскія или смоленскія захолустья выписывались изъ столицъ «тальянскія картины рыхвалеевой (рафаэлевой) работы»; въ глуши деревни красавицы щеголяли «серьгами писиграмовой работы», ситцевыя платья свои обшивали «барабанными» (брабантскими) кружевами, а свое бѣлье душили «духами аламбре».

Впрочемъ, были и такіе помѣщичьи дома, въ которыхъ комнаты были безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, а стѣны украшались картинами кисти домашняго маляра. Въ такихъ домахъ предоставлялся полный отдыхъ уму и сердцу, и потому не удивительно, что въ нихъ царила скука, сонливость и обжорливость. Жизнь въ нихъ мало отличалась отъ жизни крѣпостныхъ, развѣ что заглянетъ къ ихъ хозяевамъ отецъ-благочинный, единственный интеллигентъ въ округѣ, или случайно заѣхавшій купецъ сбудетъ съ рукъ у ихъ крыльца «полпуда-пудъ романовъ».

Въ этихъ провинціальныхъ захолустьяхъ общенія съ внѣшнимъ міромъ почти вовсе нѣтъ. Оно и понятно: вѣдь въ уѣздные города почта заходитъ разъ въ недѣлю, а тамъ, смотришь, письма и газеты мѣсяцами залеживаются у неаккуратнаго почтмейстера.

Въ такихъ медвѣжьихъ углахъ молодой дворянинъ сидитъ дома въ недоросляхъ до 20 и больше лѣтъ, пока не придетъ время женить его. Тогда родитель записываетъ свое дѣтище въ нижній земскій судъ, и «вмѣстѣ съ празднова-

ніемъ коллежскаго регистратора играется свадьба. А тамъ дальше молодая чета только и мечтаетъ о томъ, чтобы вернуться въ отчій домъ, гдѣ ихъ ожидаетъ истинное «царствіе небесное». Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть для человѣка успокоительнѣе и питательнѣе, какъ «восемь разъ покушать и три раза въ сутки соснуть». Вѣкъ проживается сытно и тихо; бываетъ, «какъ сквозь сонъ слышно про Бѣлокаменную», а про нѣмецкій городъ чиновниковъ, Петербургъ, почти вовсе не слыхать: и были же люди, которые въ этой жизни «находили свой рай земной, свою счастливую Аравію».

Бѣдное провинціальное дворянство благополучно, какъ видно, обходилось безъ какихъ бы то ни было образовательныхъ средствъ; не даромъ еще въ началѣ XIX вѣка встрѣчалось въ армейскихъ полкахъ не мало малограмотныхъ и даже безграмотныхъ офицеровъ. Однако, что говорить о дворянскомъ пролетаріатѣ, если все вообще дворянство, и среднее и высшее, оправдывало язвительное замѣчаніе современнаго іерарха: «Науки мысленныя у насъ еще не въ модѣ; да и вообще о всѣхъ вообще наукахъ твердятъ Иппократово слово: «Наука — трудное, долгое дѣло, а жизнь коротка».

Спрашивается, что же представляла изъ себя жизнь, которою такъ дорожили? Устами другого современника приходится отвѣтить, что драгоцѣнная эта жизнь носила «отпечатокъ жестокости и цинизма», что наполняло ее «вино, карты, званые обѣды», что все блаженство человѣка, живущаго ею, заключалось въ томъ, чтобы «для его удовольствія всегда были карты, гончія, зайцы, водки, пироги, шуты, балалаечники, плясуны да цыганскія пѣсни»...

Впрочемъ, этотъ жизненный идеалъ былъ вполнѣ къ лицу человѣка, въ которомъ «не было души — истиннаго просвѣщенія и любви къ общему благу». Слѣдуетъ только въ его оправданіе сказать, что со дня рожденія ему во всей его жизни ни разу не случалось имѣть дѣло ни съ просвѣщеніемъ такимъ, ни съ такого рода любовью.

Каждый матеріально хоть сколько-нибудь обезпеченный глава дворянской семьи предпочиталъ давать дѣтямъ своимъ домашнее воспитаніе; однако отецъ и мать свои родительскія обязанности считали исчерпанными наймомъ къ дѣтямъ

гувернеровъ и гувернантокъ; отецъ успокаивался на томъ, что у него «лучшій аббе за сыномъ ходитъ», а мать устранялась отъ участія въ воспитаніи дочери на основаніи вполнѣ резоннаго соображенія: «Для чего же я мадамъ держу?» Естественно, что такіе отцы и матери съ распростертыми объятіями приняли тѣхъ эмигрантовъ-французовъ, которые тысячами безпошлинно выгружались въ Кронштадтѣ и пріѣзжали въ Россію съ спеціальной цѣлью—«pour se faire outschitels des enfants». Они заняли мѣста въ дворянскихъ семьяхъ; служа въ нихъ образцомъ свѣтскости, они явились «образователями ума и сердца» дворянской молодежи и — за исключеніемъ очень немногихъ — оправдали приговоръ современнаго наблюдателя, что «принесли они съ собой все, что было гнуснаго, сквернаго и преступнаго на родинѣ ихъ». Большинство самозванныхъ педагоговъ было грубо необразованно; «языкамъ они учили безъ грамматики, числамъ и измѣреніямъ безъ доказательствъ», не удивительно, что со временемъ ихъ воспитанники «не могли на русскомъ языкѣ написать двухъ строкъ, умѣя, правда, краснорѣчиво говорить по-русски непечатныя слова». Тѣмъ болѣе впрокъ шла другая наука, которую изучала дворянская молодежь подъ руководствомъ эксъ-маркизовъ и виконтовъ, — наука романовъ, каламбуровъ и скабрезныхъ анекдотовъ.

Нерѣдко дворянскихъ подростковъ отдавали въ столичные пансіоны для пополненія образованія, которому дома былъ положенъ такой солидный фондъ. Содержателями этихъ пансіоновъ были тѣ же эмигранты обоего пола, только худшаго еще типа. «Сколько тогда сгубили дѣтей въ пансіонахъ, — жаловались впослѣдствіи: — мальчики въ 10—11 лѣтъ пили мертвую чашу и знали всѣ продѣлки разврата». Что до воспитанія дѣвушекъ въ женскихъ пансіонахъ, то оно въ неменьшей степени было въ большинствѣ случаевъ «самымъ безнравственнымъ»; вѣдь случалось, что въ этихъ «вертепахъ» открывался «бѣглыми, наглыми француженками постыдный торгъ честью русской женщины».

Впрочемъ, строго говоря, этими пансіонами давалось ихъ питомцамъ именно то, что потомъ требовалось съ нихъ въ жизни. Въ свѣтѣ считалось «дурнымъ тономъ, чтобы дѣвушка подходила къ столу, на которомъ лежали газеты и

Для удовольствія знатнаго патрона «мелкотравчатый» гость не прочь совершить воздухоплавательный эксперименть, повиснувъ на крылѣ вѣтряной мельницы; другой позволяетъ себя протащить подо льдомъ изъ проруби въ прорубь. Самыя дикія выходки хозяина приводятъ въ восторгъ его гостей; онъ смѣло можетъ приказать обмазать любого изъ нихъ дегтемъ, вывалять въ пуху и подъ звуки барабана провести по самой людной улицѣ деревни; равнымъ образомъ ничѣмъ не рискнетъ чиновный самодуръ, если зашьетъ гостя въ медвѣжью шкуру и чуть не затравитъ его собаками — сойдетъ и эта звѣрская шутка, развѣ только пострадавшій будетъ судомъ искать возмѣщенія убытковъ, ссылаясь на порванный кафтанъ и истрепавшійся парикъ; о томъ, что въ немъ оскорбили человѣка и дворянина, онъ даже не догадается.

Впрочемъ, эта послѣдняя мысль столь же мало придетъ въ голову оскорбителю, столь же мало по той простой причинѣ, что при случаѣ, когда человѣкъ, посильнѣй его, оскорбитъ, унизитъ, нравственно уничтожитъ его самого, онъ, въ свою очередь, обнаружитъ полное отсутствіе не то что сознанія собственнаго достоинства, а хотя бы самолюбія и обидчивости.

Въ самомъ дѣлѣ, не дешевой цѣной русское дворянство купило блестки европейской цивилизаціи: «грубость нравовъ въ немъ уменьшилась, чтобы оставленное ею мѣсто наполнилось хамствомъ и лестью». Наука «быть придворнымъ человѣкомъ» создала нѣсколько поколѣній пресмыкающихся другъ передъ другомъ людей. Эти люди начинали свою карьеру съ того, что обращали на себя высочайшее вниманіе своимъ мастерствомъ въ «летучемъ вальсѣ», или тѣмъ, что ловко и кстати подымали платокъ, оброненный фаворитомъ императрицы. А дальше они легко и смѣло поднимались по лѣстницѣ служебныхъ и свѣтскихъ почестей, цѣпляясь другъ за друга и чутьемъ находя свое мѣсто въ томъ мірѣ интригъ и сплетеній, въ которомъ, по признанію компетентнаго судьи, «ихъ умъ и совѣсть были на сильномъ опытѣ».

Не даромъ, повидимому, они проживали вѣкъ свой въ царствѣ лести и хамства, въ которомъ завѣдомо обманывае-

мые мужья дружили съ «болванчиками» своихъ женъ, и люди «въ случаѣ» за обѣденнымъ столомъ безнаказанно трепали рюриковичей за георгіевскіе кресты «Je connais ma nation et je l'ai traité, comme il mérite», сказалъ однажды князь Тавриды въ оправданіе своего нагло-надменнаго обращенія съ людьми, и нельзя сказать, чтобы онъ плохо зналъ если не націю, то дворянскую среду, если изъ устъ свидѣтелей милыхъ шалостей Потемкиныхъ и Зубовыхъ слышишь увѣреніе, что «преклонялись передъ послѣдними не изъ подлости, а по уваженію къ выбору государыни, по той религіозной преданности, которую всѣ къ ней ощущали». Кажется, дальше въ холопскомъ подобострастіи человѣку некуда идти: въ концѣ вѣка русскій дворянинъ оказался на одномъ уровнѣ съ тѣмъ архимандритомъ, который лѣтъ 50 назадъ «клапялся матушкѣ-царицѣ, объемля ножки ея, яко самого Христа». Не удивительно, что для массы благороднаго дворянства выраженіе лакейскихъ чувствъ стало положительно потребностью: они «рабски» просятъ и «рабски» благодарятъ; сами въ генеральскихъ чинахъ они за ленты и ордена цѣлуютъ руку юному фавориту-гвардейцу. Въ свое время они ходатайствовали передъ Петромъ III соорудить ему золотую, что золотую — брильянтовую статую; а лѣтъ 5 спустя, они уже увлекаются «анатоміей качествъ» вдовы покойнаго своего благодѣтеля. Пройдетъ еще время, и они не найдутъ иного способа хвалить Екатерину, какъ принижая передъ ней великаго Петра, и никто изъ нихъ даже не почувствуетъ всей недостойности этого пріема.

Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина имѣла достаточно основанія на вопросъ, въ чемъ основная черта русскаго національнаго характера, не задумываясь отвѣтить: «въ образцовомъ послушаніи». Въ свою очередь императрица менѣе всего была расположена къ искорененію въ русскомъ человѣкѣ склонности къ такому послушанію, а предложенная ею замѣна въ офиціальной челобитной формулѣ словечка «рабъ» словечкомъ «вѣрноподданный» разумѣется ничуть не мѣняла сущности отношеній между челобитчикомъ и носителемъ верховной власти.

Конечно, сущность отношеній не мѣнялась, однако потомкамъ, производящимъ, въ свою очередь, анатомію ка-

чествамъ русскаго дворянства конца XVIII в., нельзя не напомнить словъ, сказанныхъ однимъ изъ представителей этого сословія: «Наше время, торжественно провозглашаемое вѣкомъ просвѣщенія и философіи, едва ли въ извѣстномъ смыслѣ не носитъ въ себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія; наше полупросвѣщеніе, наше ложное воспитаніе, нашъ эгоизмъ и развращеніе нашихъ нравовъ, развиваемое правительствомъ въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ, успѣли бы заглушить въ насъ всякую искру патріотизма, если бы онъ не восторжествовалъ вопреки правительству»...

Обвиненіе, взводимое современнымъ пессимистомъ на правительство, имѣло достаточно основанія: на повѣрку слишкомъ часто оказывается, что источникомъ той заразы, которая отравляла народный организмъ, являлись по преимуществу власть-имущіе люди, т.-е. именно правительство.

Русскаго мужика сама жизнь уже давно убѣдила, что «спина его не его, а барская»; но и самъ баринъ имѣлъ достаточно основанія сомнѣваться въ принадлежности ему въ нераздѣльную собственность той или другой части его тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, съ точки зрѣнія принципа личной неприкосновенности положительно нѣтъ разницы между выпоротой на конюшнѣ деревенской бабой и фрейлиной ея величества, проученной розгой за карикатуру на Потемкина; нѣтъ разницы между помѣщичьимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, составленномъ для руководства приказчика или старосты, и конфиденціальной инструкціей Екатерины московскому главнокомандующему «сѣчь публично черезъ полицію» фрондирующихъ обывателей «для воздержанія ихъ отъ вранья»; нѣтъ, наконецъ, разницы между кровавыми экзекуціями, практиковавшимися для искорененія ложныхъ слуховъ въ народѣ и наказаніемъ генеральской жены, заподозрѣнной въ распространеніи оскорбительныхъ для императрицы сплетенъ: на основаніи собственноручнаго ордера Екатерины провинившуюся генеральшу извлекли изъ бальной залы, свезли въ Тайную Экспедицію, тамъ «слегка тѣлесно наказали» и бережно доставили обратно на маскарадъ.

Положимъ, жалованную грамоту изъ рукъ Екатерины русскій дворянинъ получилъ, но цѣлость и невредимость его членовъ не была ему обезпечена ни до ни послѣ 1785 г. Послѣ этого года начальникъ Тайной Экспедиціи получилъ даже возможность открыть секретъ, какъ добиться признанія отъ благородной жертвы его: для этой цѣли требовалось только «хватить ее палкой подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ и даже повыскакаютъ».

Повидимому, слишкомъ даже былъ правъ пессимистъ конца вѣка, находившій, что «въ извѣстномъ смыслѣ» вѣкъ Екатерины носилъ въ себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія. При случаѣ сама власть нарушала основныя требованія личной и соціальной морали — потому нельзя не возложить и на нее отвѣтственность за нравственное уродство «глупыхъ подданныхъ» ея и не приходится слишкомъ удивляться, что уродство это вмѣщало въ себѣ и мракобѣсіе и изувѣрство и очерствѣніе души.

Впрочемъ, до извѣстной степени неизлѣчимость нравственныхъ дефектовъ, присущихъ русской «культурной» средѣ конца XVIII в., являлась также слѣдствіемъ распространенности въ ней мнѣнія о существованіи въ родномъ народѣ двухъ породъ людей и той традиціонной монополизаціи «благородства» въ пользу одной изъ нихъ, которая въ людяхъ «бѣлой кости» естественно развивала нравственную неразборчивость и небрезгливость: разъ имъ самый актъ появленія на свѣтъ обезпечивалъ патентъ на благородство, то съ какой стати имъ было въ жизни нравственно дисциплинировать себя. Да они, повидимому, и не считали себя къ тому обязанными: не задумываясь, они нарушаютъ честное слово, обдаютъ площадной руганью гостя, женщину; имъ ничего не стоитъ празднаго любопытства ради перлюстрировать письма, не платить по карточнымъ долгамъ; «вооруженные наѣзды» ихъ другъ на друга — обычное явленіе; они не брезгаютъ ни грабежомъ, ни корчмествомъ, ни профессіональнымъ шулерствомъ; а сколько ихъ имѣло дѣло съ судомъ и все больше за взятки, грабежи, буйство, воровство...

«И въ рукахъ такихъ людей,—въ ужасѣ и отчаяніи восклицаетъ современникъ,—былъ судъ, была вся администрація», была—нельзя не прибавить—судьба милліоновъ «подлыхъ» людей. Гдѣ рѣчь идетъ о «такихъ людяхъ»,—тамъ, очевидно, о какихъ-либо общественныхъ идеалахъ говорить не приходится. Въ самомъ дѣлѣ, историческая наука уже отмѣтила, что въ общемъ заявленія дворянства въ комиссіи 1767 года ниже шляхетскихъ воззрѣній въ 1730-хъ годахъ и предупредила, что содержательность нѣкоторыхъ дворянскихъ наказовъ не должна вводить въ заблужденіе въ виду того, что авторы ихъ принадлежатъ къ ничтожному числомъ меньшинству. Такое суженіе общественныхъ идеаловъ, проникновеніе ихъ духомъ сословнаго эгоизма и классоваго эксплуататорства съ теченіемъ времени только прогрессировало. Впрочемъ, иначе оно и быть не могло, такъ какъ этотъ печальный процессъ являлся неизбѣжнымъ послѣдствіемъ бюрократизаціи дворянства и того распыленія общественныхъ силъ, которымъ такъ своевременно занялась верховная власть. Созданная этой же властью корпоративная организація дворянства отнюдь не противорѣчила такой основной тенденціи правительственной практики. Свои права дворянство поняло—(при чемъ ошибочнымъ такое пониманіе признать нельзя)—какъ новый видъ службы: отсюда уже недалеко было до приравненія службы по выборамъ къ коронной службѣ, а дальше къ признанію первой низшимъ видомъ послѣдней. Прошло немного времени и дворянство научилось пренебрегать заштатной службой по выборамъ, уклоняться отъ избранія въ сословно-дворянскія должности, предоставляя ихъ въ видѣ милости бѣднымъ провинціаламъ, или, еще чаще, замѣщая ихъ «бракованными людьми» изъ своей среды; мало того, случалось, что на вакантныя мѣста опредѣлялись чиновники.

Тѣмъ болѣе привлекательной представлялась дворянству служба правительственная; оно сплошь ударилось въ погоню за чиномъ, признавая именно въ немъ, и въ немъ прежде всего, основу своей сословной силы. Спросъ далеко отсталъ отъ предложенія: уже конецъ XVIII вѣка знаетъ жалобу на обиліе «ненужныхъ чиновниковъ»; однако уже тогда сумѣли найти выходъ изъ затрудненія: для всѣхъ этихъ

никому не нужныхъ агентовъ власти изобрѣли название «чиновниковъ, состоящихъ при разныхъ должностяхъ», и, на томъ успокоившись, продолжали плодить ихъ сотнями на каждую губернію.

Смѣло можно сказать, что петровская табель отождествила дворянство съ бюрократіей: чиновникъ былъ тѣмъ же дворяниномъ въ мундирѣ, дворянинъ — тѣмъ же чиновникомъ въ халатѣ. Язвительное замѣчаніе англійскаго туриста, посѣтившаго Россію въ первой четверти XVIII в., оказалось печальнымъ пророчествомъ: въ Россіи «не было джентльменовъ, а только капитаны и майоры, ассессоры и регистраторы».

Въ рукахъ этой арміи дворянъ-чиновниковъ и чиновниковъ-дворянъ весь правительственный механизмъ, вся мѣстная общественная жизнь. Мы знаемъ уже насколько чисты были эти руки, но все же слѣдуетъ приглядѣться къ тому, что представлялъ изъ себя русскій дворянинъ въ качествѣ общественнаго дѣятеля и оффиціальнаго агента власти. Въ этихъ роляхъ съ него снято достаточное количество портретовъ, въ сходствѣ которыхъ съ оригиналомъ врядъ ли приходится сомнѣваться. Цѣлую коллекцію такихъ портретовъ представляетъ любая картина дворянскихъ собраній, писанная съ натуры любительской русской современныхъ мемуаристовъ.

Въ этихъ собраніяхъ «царитъ пьянство, буянство, собираніе бабъ, пляска, скачка и всякія гадости и безпутства». Рѣдко случается, чтобы выборы происходили «безъ драки, шума и самыхъ крупныхъ скандаловъ». На нихъ съ циничной откровенностью высказывались распущенность нравовъ, господствовавшая въ дворянской средѣ, полная разрозненность между сочленами ея, ихъ своеволіе и грубый эгоизмъ. «Кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ, никогда ни одно дѣльное дѣло на нихъ предлагаемо не было»; здѣсь налицо своеобразная нумерація людей по карману и чину, по родословной и связямъ; здѣсь наизнанку низменность мотивовъ, руководящихъ всѣми этими людьми какъ въ личной жизни, такъ равнымъ образомъ и въ общественной ихъ дѣятельности. Нравственной щепетильности они не знаютъ: безъ малѣйшаго колебанія они будутъ клеветать и ябедничать, пойдутъ въ шпіоны и доносчики. Они даже «не съѣхались

на выборы» — ихъ привезъ одинъ кто-нибудь изъ мѣстныхъ крезовъ; онъ и является хозяиномъ собранія; его окружаетъ стая покорныхъ подручниковъ; всѣ дѣла рѣшаются согласно его волѣ и капризу; сами выборы идутъ согласно его указаніямъ; за стаканъ пунша, за порцію травничка благородные избиратели кладутъ шаръ кому угодно. Впрочемъ, какъ имъ не быть угодливыми до послѣдней степени: вѣдь съѣзжаются на выборы по большей части дворяне, «ищущіе не пользы общественной, а лишь удовлетворенія своихъ личныхъ, корыстолюбивыхъ видовъ»; а на службу идутъ лишь тѣ, которые «готовы переносить всѣ непріятности и униженія, угождать лицамъ, имѣвшимъ голосъ, связи, богатство,—тѣ, которые готовы на всѣ несправедливости, лишь бы нажиться отъ промышленниковъ, купцовъ, бѣглыхъ и воровъ»...

«Что такое наше дворянство», спрашивалъ въ 1801 году гр. П. А. Строгановъ въ присутствіи императора Александра и самъ же отвѣчалъ: «это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и по своему духу самое тупое». Обвинить Строганова въ сгущеніи красокъ, въ излишнемъ пессимизмѣ врядъ ли кто найдетъ основанія.

Равнымъ образомъ нельзя будетъ обвинить въ преувеличеніи другого современника, который на вопросъ, что дѣлаютъ въ Россіи, лаконически отвѣтилъ: «крадутъ».

Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи крали всѣ, отъ приказной строки до генералъ-прокуроровъ и директоровъ Государственнаго Банка; десятки современныхъ голосовъ хоромъ свидѣтельствуютъ, что «пушокъ — на рыльцѣ всѣхъ». Столичная и провинціальная администрація, весь судебный персоналъ отличались произволомъ и лихоимствомъ. Указы, направленные къ искорененію этихъ золъ, не дѣйствуютъ, какъ въ свое время, въ 1760-хъ годахъ, не подѣйствовала публикація именъ должностныхъ лицъ, наказанныхъ за взятки, ничего что среди нихъ на первомъ мѣстѣ красовались имена губернатора, вице-губернатора и «ока государева» — прокурора. Впрочемъ, указы и не могли не оставаться мертвой буквой, разъ очевидно было, что издаются они больше для очистки совѣсти правительства. Вся бѣда заключалась въ томъ, что именно полнѣйшая безнаказанность

«разжигала въ служебномъ мірѣ алчность и усиливала страсть къ лихоимству». Не даромъ говорили, что «важнѣйшее зло въ Россіи — безстрашіе; вездѣ грабятъ, а кто, спрашивается, наказанъ?! На грабителей пальцемъ открыто указываютъ, но это нисколько не мѣшаетъ давать имъ чины и ленты».

«Губернскія правленія съ губернаторомъ во главѣ почти повсемѣстно помойныя ямы; судъ низкій и подлый передъ человѣкомъ съ уважительнымъ голосомъ, дерзкій передъ бѣднѣйшимъ и всегда неукротимый и жадный въ своихъ поборахъ». Такое отношеніе къ дѣлу являлось даже слишкомъ въ порядкѣ вещей тамъ, гдѣ все чиновничество сверху донизу «знало одну заботу о соблюденіи бумажнаго порядка и извлеченіи изъ службы матеріальныхъ выгодъ». Что до способовъ наживы, то въ изысканіи ихъ чиновничество это обнаруживало удивительную изобрѣтательность: подумать только, сколько народу кормилось хотя бы дѣлами о мертвыхъ тѣлахъ и дорожной повинности! Можно ли вообще удивляться, что путемъ злоупотребленій по службѣ составлялись состоянія, если знаешь со словъ современника, что «на важнѣйшія должности назначались люди, завѣдомо порочные, коихъ безчестіе служило о нихъ предисловіемъ и рекомендаціей». Можно ли удивляться, что, если въ комъ изъ этой стаи хищниковъ просыпалась совѣсть, она скоро успокаивалась соображеніемъ: «Богъ милосердъ!..»

Довольно, все равно не исчерпать «всей мерзости, которой была полна Россія наканунѣ XIX вѣка; объ избыткѣ ея даетъ смутное представленіе признаніе хорошо освѣдомленнаго современника, утверждавшаго, будто «на всемъ пространствѣ громаднаго царства найдутся едва ли два-три человѣка, чтобы приносить пользу и постановить преграду безпорядкамъ». Естественно, что такія наблюденія наводили автора этихъ словъ на мысли, останавливаясь на которыхъ онъ «просто содрогался». Дѣйствительно, болѣе вдумчивому человѣку было съ чего падать духомъ и содрогаться, въ особенности, если онъ зналъ — а какой вдумчивый человѣкъ не зналъ этого! — что въ глазахъ русскаго дворянина «всѣ обязанности по отношенію къ отечеству сводились къ чиновничьей службѣ». Исполненіе благороднымъ русскимъ дво-

рянином этой единственной его обязанности позволяеть потомству догадаться, откуда родилось въ началѣ новаго вѣка страшное слово: «Въ Россіи нѣтъ стыда».

«Анатомія качествамъ» средняго русскаго дворянина, обнаружившая въ душѣ его отсутствіе даже чувства стыда, врядъ ли можетъ оставить сомнѣніе въ томъ, что дворянство конца XVIII в. являлось менѣе всего культурной общественной средой. Вмѣстѣ съ устраненіемъ этого сомнѣнія стало ясно, что въ воспитаніи громаднаго большинства людей этой среды самую капитальную роль играла не школа, не книга, вообще не какое-либо изъ европейскихъ средствъ просвѣщенія, а обстановка, которая окружала ихъ изо дня въ день, и атмосфера, въ которой они жили весь свой вѣкъ. Эта обстановка только могла умственно калѣчить людей, а въ этой атмосферѣ имъ только можно было нравственно задохнуться.

Къ такому заключенію привела характеристика быта и нравовъ русскаго дворянства сто слишкомъ лѣтъ назадъ, несмотря на то, что здѣсь въ кругъ силъ, опредѣлившихъ широту его умственнаго горизонта и сумму нравственныхъ его понятій, не была введена та одна, разрушительное дѣйствіе которой роковымъ образомъ проникало всѣ явленія русской жизни. Однако, помимо того, что много выше шла рѣчь объ этой силѣ, здѣсь намѣренно обойдено молчаніемъ участіе крѣпостного права въ созданіи той обстановки, въ которой росло и жило русское дворянство. Намѣренно по той простой причинѣ, что было не въ цѣляхъ даннаго очерка сбиваться съ пути психологическаго анализа на путь уголовнаго слѣдствія, и тѣмъ болѣе не въ цѣляхъ его вдаваться въ область соціальной патологіи, задачей которой явится, между прочимъ, изученіе дворянина-крѣпостника.

Съ другой стороны, самый фактъ обращенія милліоновъ людей въ «крещеную собственность» предполагаетъ дѣйствіе въ народномъ организмѣ именно тѣхъ соціальныхъ и индивидуальныхъ недуговъ, предположеніе которыхъ побудило къ исполненію предлагаемаго здѣсь «анатомическаго опыта». Послѣдній оправдалъ діагнозъ, констатировавъ, что русское

дворянство было повально поражено умственной свѣтобоязнью и нравственной близорукостью.

Такой результатъ анализа умственныхъ и душевныхъ качествъ людей высшаго слоя русскаго общества подводитъ вплотную къ соціологической проблемѣ о взаимоотношеніяхъ—(въ роли причины и слѣдствія)—реальнаго факта и отвлеченной идеи и съ тѣмъ вмѣстѣ онъ вводитъ въ кругъ вопросовъ, которые, муча совѣсть немногихъ «лучшихъ» людей того времени, оказались неразрѣшимой загадкой для всѣхъ ихъ, исключая одного единственнаго — Радищева.

Однако здѣсь, среди окружающихъ насъ среднихъ людей, думать нельзя о томъ, чтобы подняться на высоту одинокой мысли путешественника изъ Петербурга въ Москву. Дѣло въ томъ, что вѣдь по отношенію къ массѣ среднихъ людей даже просто гуманное слово, раздававшееся то въ томъ, то въ другомъ «искусственномъ центрѣ», оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Извѣстно, что со стороны этой массы вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права встрѣтилъ съ перваго его появленія энергичный и дружный протестъ. Въ лучшемъ случаѣ по плечу среднему дворянину оказывался классическій по своей наивности взглядъ на упраздненіе крѣпостного права, признающій его возможнымъ только тогда, когда Россія «многонародна будетъ столько, какъ Галанское королевство, попы такъ грамотны будутъ, какъ попы иноземческіе, дворяне такіе остропомы, какъ англійскіе и французскіе, а крестьяне будутъ знать букварь и больше повиноваться страху Божію». Надо, впрочемъ, сказать, что только взглядъ человѣка «неграматикальнаго и отроду никакихъ исторій не читавшаго», каковымъ чистосердечно признаетъ себя авторъ цитированныхъ словъ, могъ выражать отношеніе къ крѣпостному праву столь же неграматикальнаго и столь же мало читавшаго русскаго благороднаго дворянства.

Что попытка мысленно пожить жизнью «культурнаго» человѣка конца XVIII в., войти въ кругъ его интересовъ, проникнуться его нравственными понятіями вселяетъ въ современнаго человѣка отвращеніе, негодованіе и ужасъ,— это слишкомъ естественно. Но нѣтъ сомнѣнія, что тѣ же чувства испытывали болѣе чуткіе люди и сто лѣтъ назадъ:

иначе мы не слышали бы отъ нихъ признанія, что «кровь ихъ цѣпенѣетъ, и мятется ихъ духъ».

Печальна была судьба немногихъ людей, въ души которыхъ запали тѣ «сырыя идеи», которымъ суждено было перeродить русскаго человѣка въ далекомъ только будущемъ: среди нихъ сильные волей и умомъ гибли въ непосильной борьбѣ съ «чудищемъ облымъ и озорнымъ», а болѣе слабые сходили съ ума, или самоубійствомъ спасались изъ міра печалей и слезъ. У одного изъ этихъ послѣднихъ предъ самой смертью вырвался крикъ отчаянія, звенящій въ ушахъ каждаго, кто столѣтіе спустя анализируетъ жизнь культурной среды наканунѣ XIX вѣка:

«Отвращеніе къ нашей русской жизни есть то самое побужденіе, принудившее меня рѣшить самовольно мою судьбу»...

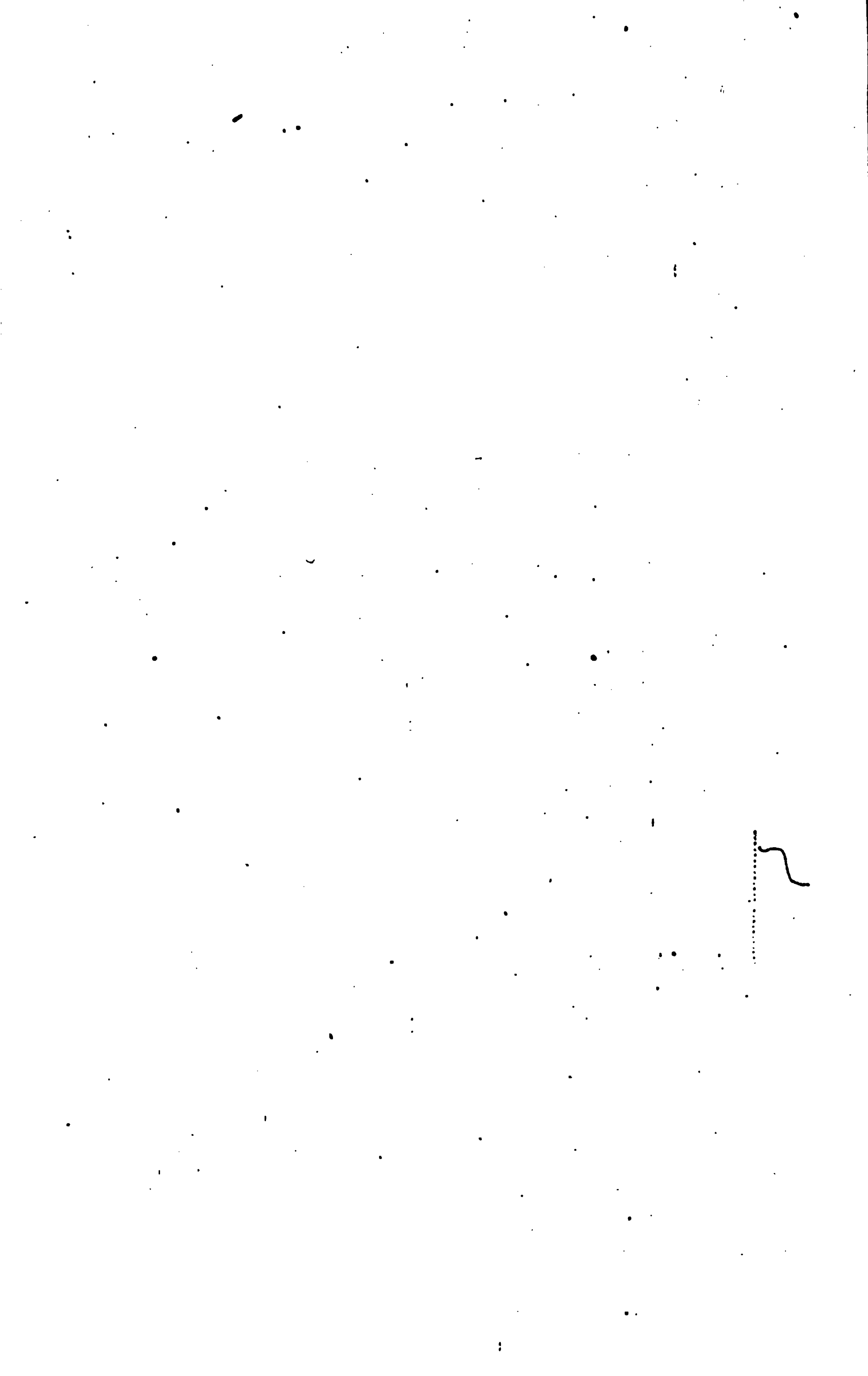
Библіографія.

Ключевскій. Курсъ русской исторіи. *Ключевскій*. Боярская дума древней Руси. *Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры. *Милюковъ*. Верховники и шляхетство. *Семевскій*. Крестьяне въ царствованіе Екатерины II. *Лаппо-Данилевскій*. Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи. (Сборникъ „Крестьянскій строй". Томъ I). *Бѣляевъ*. Крестьяне на Руси. *Платоновъ*. Очерки по исторіи смуты. *Якушкинъ*. Очерки по исторіи русской поземельной политики. *Карновичъ*. Замѣчательныя богатства въ Россіи. *Романовичъ-Славутинскій*. Дворянство въ Россіи. *Корфъ*. Дворянство и его сословное управленіе. *Корсаковъ*. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в. *Богословскій*. Дворянскіе наказы въ Екатерининскую комиссію („Русск. Бог." 1897). *Гольцевъ*. Законодательство и нравы въ XVIII в. *Владимірскій-Будановъ*. Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в. *Каллашъ*. Очерки по исторіи школы и просвѣщенія. *Дубровинъ*. Русская жизнь въ началѣ XIX в.

III.

А. ЛИПОВСКІЙ.

Итоги русской литературы XVIII вѣка.

Идейные итоги русской литературы XVIII вѣка.

Общій характеръ вѣка. Секуляризація мысли. Роль литературы.

Съ XVIII вѣка справедливѣе всего начинать новую исторію Россіи. Въ этомъ именно вѣкѣ стали ясно обнаруживаться зародыши идей, развитыхъ въ XIX вѣкѣ, и стремленія, которыя впослѣдствіи охватили широкія массы и являются до нѣкоторой степени современными и для насъ.

Какъ бы ни развилась техника, въ области собственно духовной, наше время во многихъ отношеніяхъ является реставраціоннымъ, поскольку живъ еще произволъ и невѣжество массъ и всѣ злоупотребленія, вытекающія изъ подобныхъ условій. Все еще приходится жить, какъ и въ XVIII вѣкѣ, протестомъ противъ религіозныхъ суевѣрій и ханжества, противъ обскурантизма въ мышленіи. Историкъ, ищущій внутренней закономѣрности въ области такъ называемой «духовной» культуры, неизбѣжно будетъ отдавать предпочтеніе главному, существенному и пропускать мелкое, случайное. Въ чрезвычайно многогранномъ XVIII в. онъ остановится не на формахъ и частностяхъ, даже не на психологіи отдѣльныхъ личностей, а на томъ, что составляетъ особое направленіе, характеръ вѣка, его живую мысль и дѣятельное чувство. Съ этой точки зрѣнія XVIII в. можно назвать «освободительнымъ» и «философскимъ», поскольку «освобожденіе отъ предразсудковъ является первымъ шагомъ къ философіи». Не даромъ Радищевъ, за-

кончивающій это плодотворное и живое столѣтіе, патетически обращался къ нему: «О незабвенное столѣтіе! радостнымъ смертнымъ даруешь истину, вольность и свѣтъ. Мощно, велико ты было, столѣтіе!»

Въ XVIII в. впервые было провозглашено освобожденіе мысли въ Россіи и началось культурное движеніе и просвѣтительная пропаганда, хотя и въ узкомъ масштабѣ практическаго примѣненія. «Вся Россія яко отъ сна пробудилась», говоритъ живой свидѣтель начала XVIII в. Въ затхлой атмосферѣ «старины» повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ и молодымъ. Такимъ лучомъ свѣта, пронизавшимъ мракъ русской дѣйствительности, были идеи и идеалы новыхъ людей, вкусившихъ западно-европейской жизни и просвѣщенія. Эти идеи, безспорно, опередили вѣкъ, имъ не суждено было тотчасъ осуществиться, многое отъ XVIII в. осталось и для насъ благими пожеланіями, но онѣ безпокоили умы, тревожили мирный сонъ, двигали впередъ. Безъ этихъ идей, конечно, Россія могла бы еще долго оставаться въ состояніи «небытія», какъ любили выражаться историки петровскаго времени про предшествующую эпоху.

XVIII в. ввелъ Россію въ кругъ европейскаго умственнаго движенія. Правда, это общеніе носило вначалѣ сильно подражательный характеръ; вліяніе Западной Европы принималось разнообразными путями, въ разныхъ размѣрахъ и дѣйствовало далеко не одинаково. Не все европейское, чѣмъ порою у насъ такъ восхищались, было истиннымъ благомъ. Но подражательность была логически необходима и неизбѣжна въ виду нашей культурной молодости и отсталости, и чѣмъ скорѣе мы хотѣли войти въ круговоротъ европейскихъ идей, тѣмъ больше мы должны были заимствовать: некогда было остановиться и выбрать, сознательно усвоить и приступить къ самостоятельной работѣ. Пусть мы плыли по теченію, безъ руля и компаса; нельзя, однако, допустить, чтобы продолжительная работа мысли не привела въ концѣ къ желанію опредѣленнѣе выяснить свое міросозерцаніе, сблизить его съ дѣйствительностью и осуществить его въ жизни. Какъ бы ни были неполны и неглубоки результаты вѣка, его цивилизующее значеніе неоспоримо. Сближеніе съ Западомъ не только освѣжило насъ,

но и способствовало развитію нашей самостоятельности, переходу — черезъ скептицизмъ и критику XVIII в. по отношенію ко всѣмъ вопросамъ жизни — отъ узкаго націонализма, отгораживанія себя отъ всѣхъ и вся, къ національному творчеству жизни, не только не отрицающему, но непремѣнно предполагающему общечеловѣческія впечатлѣнія и гуманныя воззрѣнія. Въ этомъ смыслѣ XVIII в. можетъ быть названъ «промежуточнымъ періодомъ въ развитіи нашего общественнаго самосознанія».

Трудъ усвоенія и переработки европейскаго творчества, дѣло просвѣтительной пропаганды взяла на себя наша литература.

Литература въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей всегда была откликомъ на явленія жизни, служила выясненію общественныхъ мнѣній и желаній. Ничто изъ широкой области человѣческихъ судебъ не чуждо литературѣ, причемъ мы имѣемъ въ виду не простое воспроизведеніе вседневной и часто плоской дѣйствительности, а преображеніе ея въ благородномъ смыслѣ путемъ выработки лучшаго сознанія, живыхъ идеаловъ, которые бы руководили общею жизнью, служили живымъ возбужденіемъ къ лучшему. Духъ критики и анализа, отличающій XVIII в., отражается и на литературѣ — въ романахъ и повѣстяхъ, въ трагедіи и комедій, въ сатирѣ и журнальныхъ статьяхъ, въ научно-популярныхъ сочиненіяхъ. Часто въ литературномъ образѣ мы находимъ заимствованную съ запада идею, самое произведеніе облечено въ чужую форму — тѣмъ не менѣе оно можетъ быть значительнымъ для русской жизни. Не эстетики мы ищемъ въ русской литературѣ XVIII в. Собственно художественная русская литература начинается, можетъ-быть, только съ Жуковскаго. Въ XVIII в. мы перенимали съ Запада всѣ роды поэтическаго творчества, но въ этомъ перениманіи не было ни художественнаго смысла, ни поэзіи: все сводилось къ механическому примѣненію извѣстныхъ правилъ, рѣдко-рѣдко взрывъ страсти, живой образъ, свѣжій отпечатокъ природы. Главное: разсудокъ — обличающій и поучающій. Нѣтъ надобности жалѣть, что литература, выразительница передовой интеллигенціи страны, такъ мало была пригодна для «забавы», что она отражала лишь «борьбу». Когда-

нибудь, при иныхъ формахъ общественной жизни, и литература приметъ болѣе гармоническій характеръ. Въ XVIII в. художественная форма была лишь средствомъ для проведенія въ жизнь, въ страшный мракъ жизни, просвѣтительныхъ идей. Большое и трудное было это дѣло, благодаря угнетающимъ условіямъ русской дѣйствительности: деспотизму и невѣжеству. Сколько примѣровъ, какъ полное жизненныхъ силъ умственное движеніе слабѣетъ, обезличивается, а его представители лишаются возможности свободно говорить, уходятъ въ себя, подавленные, разочарованные, а иногда настолько потрясенные ужасомъ жизни, что оканчиваютъ сумасшествіемъ или самоубійствомъ! Гдѣ же тутъ говорить о забавѣ? Сущность русской литературы — страданіе, слезы, хотя бы и прикрытыя порой смѣхомъ.

1.

До-петровская Русь. Европеизованіе Россіи. Пути европеизованія. „Казенная дума". Сотрудники Петра В. Дѣятельность Θеофана Прокоповича. Критика и проекты Посошкова. „Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ" и „Духовная" Татищева. Сатиры Кантемира. Литературное движеніе въ Елизаветинскую эпоху. Ломоносовъ. Сумароковъ.

Россія XVIII вѣка является и противоположностью, по общему своему характеру, и вмѣстѣ продолженіемъ, на основаніи закона органическаго развитія, Россіи XVII в. Отсюда — отмѣчаемая историками двойственность настроенія русскаго общества, особенно въ первой половинѣ XVIII в.: подъ слоемъ «новаго» часто продолжала жить характерная «старина». Въ чемъ же она заключалась?

Прежде всего — въ подавленіи всякой личной инициативы и самодѣятельности. Въ предыдущихъ главахъ мы уже видѣли, какую роль въ этомъ отношеніи сыгралъ нашъ государственный строй. Еще бѣднѣе, еще угрюмѣе покажется намъ картина «старины», если мы представимъ себѣ скудость образовательныхъ средствъ. Въ XV — XVII вв. было, конечно, не мало «грамотныхъ» среди всѣхъ классовъ населенія; были «ученые», въ родѣ Ивана Грознаго и его сына, князя Курбскаго, боярина Тучкова, князя Токмакова въ XVI в. или князя Шаховского, князя Катырева-Ростовскаго, муромскаго губного старосты Дружины Осорьина въ XVII в.: были «училища», вѣрнѣе школы грамоты, въ ко-

торыхъ учили только читать и писать: азбука, часословъ, псалтирь, иногда апостолъ, со второй половины XVI в. коегдѣ грамматика, ороографія да статьи изъ азбуковника. Но не было образованности. Немного прибавила и школа по жестокому образцу (со схоластикой, внѣдрявшейся при помощи розогъ) юго-западной Руси. Для народной массы она ничего не дала. Высшій же и средній классъ населенія, который ею пользовался, не могъ ею удовлетвориться. Понятно, какъ узко должно быть міросозерцаніе, вырабатывавшееся при такихъ условіяхъ. Преобладало вліяніе церкви и религіи, не духъ и сущность ея, а внѣшній обрядъ, форма. Вся довольно обширная литература наша до XVIII в. обязана своимъ происхожденіемъ почти всецѣло одному учительному сословію — духовенству. Единственными центрами и разсадниками просвѣщенія были монастыри. Главная задача такой литературы будетъ, конечно, проповѣдь аскетизма, по усвоенной нами византійской традиціи, и борьба съ ересями. Свѣтскому элементу, живой мысли не пробиться въ безвыходный кругъ священнаго писанія и церковнаго преданія. Но и эти довольно ограниченные интересы недоступны для массы, чуждой и полемики съ латинствомъ и прямо не понимавшей чужой проповѣди. Къ тому же большинство духовенства не могло быть «учительнымъ» по своему невѣжеству, грубости и своекорыстію. Отъ религіи остается, такимъ образомъ, одинъ обрядъ; она подмѣняется грубыми предразсудками и суевѣріями. Вся пытливость народнаго ума уходитъ, въ лучшемъ случаѣ, въ ереси: онѣ разоблачаютъ церковное неустройство, отстаиваютъ права человѣка. Еретикамъ «заграждаютъ уста» и еще тѣснѣе смыкаютъ кругъ разсужденій. Умственный застой узаконяется. Старые обычаи священны. Новое — богоотметно. Освящается косность, невѣжество. Наука объявляется виновной въ ересяхъ. Подобное «средневѣковье» долго жить не могло. Къ концу XVII в. оно уже начало терять свою власть надъ умами, истощаться. Несостоятельность его становилась очевидной не только для высшихъ классовъ, но и для значительной массы народа. Аресты, истязанія не останавливаютъ «церковныхъ мятежниковъ». Число ихъ растетъ. Расколы, секты, ереси заставляютъ искать выхода. А тутъ

присоединяется и другой врагъ вѣры — «иноземцы», вліяніе которыхъ на религіозное сознаніе русскихъ людей, начинаясь съ XV в. (Новгородъ), идетъ вплоть до XVIII в. (характерное дѣло Тверитинова). Приходится разставаться съ своимъ высокомѣріемъ и нетерпимостью къ наукѣ. Уже «предшественники» Петра Великаго — Максимъ Грекъ, Котошихинъ, Крижаничъ — указываютъ на необходимость учиться. Но у кого же? Не у «поганыхъ» же «псовъ» нѣмцевъ?! Остаются два исхода — Византія и Малороссія, гдѣ въ то время, подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ условій, зарождалась латино-польская образованность. И въ Москвѣ появляются представители греческой и латинской «науки». Та и другая очень мало отвѣчали дѣйствительнымъ задачамъ науки и русской жизни, но все же это появленіе «ученыхъ» въ Москвѣ вызвало броженіе, въ которомъ пока много стихійнаго: старое сталкивается съ новымъ, новыя направленія (византійское и латинское) борются между собою, но новое скоро объявитъ рѣшительную войну застою и узости, обнаружитъ порывъ къ настоящей наукѣ и болѣе широкимъ общечеловѣческимъ идеаламъ. Такъ еще до Петра Великаго потребности жизни вызвали умственное движеніе, толкнули Россію съ пути азіатской исключительности и замкнутости къ европейскому космополитизму и просвѣщенію. Многое зависѣло отъ рѣшенія вопроса, кто будетъ теперь главнымъ наставникомъ Россіи: Римъ ли, съ своими іезуитами и схоластикой, или тѣ народы, которые упорно боролись противъ перевѣса Рима, Габсбурговъ, Испаніи, т.-е. англичане, голландцы, нѣмцы, — народы, умственное и политическое развитіе которыхъ въ эпоху реформаціи было выраженіемъ всесторонняго прогресса человѣчества. Рѣшеніе этого вопроса принадлежало, по всѣмъ условіямъ нашей государственной жизни, царю. Петръ Великій предпочелъ учиться у новой Европы. Въ характерѣ этого рѣшенія было много личнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ плылъ по теченію.

Европеизованіе Россіи было давно намѣчено нашей исторіей. Лишь благодаря выдающимся дѣятелямъ, съ такой нетерпѣливой и страстной энергіей, какъ Петръ Великій, Ломоносовъ, Екатерина Великая,—XVIII в. выдѣляется какъ

особая эпоха въ жизни народа, отмѣчаемая сближеніемъ съ Западомъ, съ его наукой и литературой. На самомъ дѣлѣ, зародыши его — связи съ чужими землями и заимствованія — гораздо дальше. Русская жизнь издавна испытывала такія вліянія съ разныхъ сторонъ: съ востока, изъ Византіи, отъ славянъ. Эти вліянія въ соединеніи съ мѣстными элементами и составляли «старину». «Новое», освобождающее — было съ Запада. Съ нимъ мы сталкивались волей-неволей. Къ нему вело прежде всего распространеніе русскихъ границъ: присоединеніе единовѣрной, но болѣе образованной Малороссіи, пріобрѣтеніе прибалтійской окраины, выславшей къ намъ немало полезныхъ дѣятелей и плѣнныхъ, присоединеніе Финляндіи, откуда къ намъ шла въ XVII в. протестантская пропаганда. Улучшеніе путей сообщенія, сухопутныхъ и водяныхъ (каналы), ускоряло сообщеніе съ Европой. Созданіе новыхъ городовъ, въ родѣ Одессы, увеличивало число оконъ и дверей, которыми врывается въ Россію европейскій воздухъ. Наши города начинаютъ европеизоваться и благодаря появленію въ нихъ иностранцевъ. Послѣднихъ у насъ цѣлыми отрядами приглашали на службу государства. Промышленныя предпріятія (оружейные заводы, кожевенные, стеклянные и пр.) привлекаютъ иноземныхъ купцовъ: образуются колоніи и слободы иностранцевъ въ Архангельскѣ, Москвѣ, позже — въ Петербургѣ, Одессѣ. Перепись 1665 г. показала въ составѣ Нѣмецкой слободы въ Москвѣ военныхъ иноземцевъ (отъ полковника до прапорщика) 142 двора, военныхъ дѣлъ мастеровъ (пушечнаго, ружейнаго), придворныхъ мастеровъ (золотого и серебрянаго дѣла, часовщиковъ, сѣдельника, портныхъ, живописца) — 20 дворовъ, лѣкарей и аптекарей, переводчиковъ, торговыхъ иноземцевъ — 23 двора, стряпчаго, пастора и др.—всего 204 двора (домовладѣльцевъ), не считая квартирантовъ. Съ теченіемъ времени за купцами, техниками и военными появляются въ Россіи иностранцы на службѣ въ коллегіяхъ, профессора, учителя, которые и сами открываютъ вольные пансіоны для русскихъ дѣтей. Родственныя связи царствующихъ домовъ также привлекаютъ въ XVIII в. не мало иностранцевъ въ Россію. Еще болѣе, можетъ-быть, имѣло значенія непосредственное знакомство

русскихъ съ Западомъ, и не ошибался Котошихинъ, говоря, что русскіе боятся посылать своихъ дѣтей въ иныя государства, ибо, «узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили». Дѣйствительно, изъ 15 посланныхъ при царѣ Борисѣ молодыхъ людей для обученія за границу вернулся одинъ; другіе, можетъ-быть, разсуждали, какъ Хворостининъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ, что «на Москвѣ людей нѣтъ, все народъ глупый, жить ему не съ кѣмъ». Ѣздили русскіе за границу и съ дипломатической цѣлью еще въ XVI и XVII в. Не миновала насъ и западная книга въ захожихъ и переводныхъ повѣстяхъ всѣхъ оттѣнковъ и развѣтвленій, въ драмѣ, стихахъ и наукѣ. Культурное вліяніе этихъ столкновеній русскаго міра съ западно-европейскимъ несомнѣнно, но обнаруживается оно болѣе ясно при Петрѣ Великомъ, который даетъ болѣе усиленный, лихорадочно-спѣшный темпъ этому сближенію съ Западомъ. Молодежь отправляютъ на Западъ цѣлыми партіями: въ 1697 году — 28 человѣкъ въ Италію (Венецію), 22 въ Голландію и Англію, 1703 — 16 опять въ Голландію, гдѣ число «школьниковъ» русскихъ оказалось настолько значительнымъ, что къ нимъ опредѣлили особаго надзирателя, 1719 — 30 въ разныя мѣста для обученія медицинѣ и т. д. Поѣхалъ за границу, какъ извѣстно, и самъ Петръ Великій. Несмотря на разныя нареканія за покровительство «еретикамъ» и т. п., Петръ привлекаетъ иностранцевъ къ сотрудничеству въ дѣлѣ преобразованія; такъ, напримѣръ, онъ нуждался для дипломатическихъ переговоровъ въ Паткулѣ и Остерманѣ, для военныхъ дѣлъ — Огильви и Рённе, и въ отношеніи къ земледѣлію и промышленности, наукамъ и искусствамъ, даже въ нравахъ и обычаяхъ и въ области государственныхъ учрежденій Петръ Великій считалъ иностранцевъ полезными и образцовыми наставниками. Увеличивается при Петрѣ В. число западныхъ книгъ въ русскомъ переводѣ, при чемъ переводъ уже дѣлается не съ польскаго, а съ подлинника, и содержаніе — не изящная литература и историческія повѣсти, а политическія сочиненія и техническіе учебники и т. п. Переводится сочи-

ненiе Пуффендорфа, разъясняющее обязанности и права личности, «естественныя» вольности, и другое сочиненiе его же, поучающее религiозной вѣротерпимости и свободѣ совѣсти. Создается, наконецъ, и русская журналистика, какъ бы наивна она ни была первое время. Примѣръ уваженiя къ наукѣ Петръ Великiй подаетъ какъ бесѣдами въ кружкѣ избранныхъ, такъ и въ сношенiяхъ съ европейскими учеными (напримѣръ, съ Лейбницемъ). Европеизованiе Россiи всѣми названными путями должно было имѣть серьезныя послѣдствiя, составить, дѣйствительно, «эпоху» въ русской жизни. Началось, конечно, съ влiянiя быта, обстановки высшей культуры: «изба» превращается въ «палаты», появляются новаго фасона столы, кресла, зеркала, часы, картины, гравюры; потомъ идутъ подражанiя въ роскоши польскихъ и нѣмецкихъ костюмовъ; далѣе «галантность» обхожденiя и прiятность препровожденiя времени. Русскiе, очутившись за границей, прежде всего поражались внѣшней стороной культуры: въ описанiяхъ русскихъ путешественниковъ того времени не мало мѣста отводится внѣшности городовъ, театровъ, садовъ, чистотѣ улицъ, порядку и благоустройству; не пропускаютъ вниманiемъ они и обходительность европейскаго обращенiя, иное, чѣмъ на Руси, положенiе женщины; благотворительныя и просвѣтительныя учрежденiя; наконецъ, «плезиры». На этомъ удивленiи психологическiй процессъ не оканчивается. Русскiе люди начинаютъ размышлять, сравнивать и различать сходное и несходное, что дѣлали уже и до Петра Котошихинъ и Крижаничъ. А потомъ — началась и критика, безпощадная критика своихъ домашнихъ порядковъ, сознанiе ихъ негодности и мысль о замѣнѣ ихъ новыми, заимствованными съ Запада. Новые порядки и техническiя усовершенствованiя заводились во всѣхъ областяхъ. Перемѣны были довольно существенныя. Конечно, дѣло не обошлось безъ крайностей: путешествiе за границу становится «страстью»; въ заимствованномъ много ненужнаго и не зрѣлаго, карикатурнаго и смѣшного; часто перемѣна оказывалась внѣшней «позолотой», подъ которой жила азiатчина; наконецъ, довольно узкiе были предѣлы распространенiя новой культуры — дворъ, высшее чиновничество, столичное и лишь отчасти

провинціальное дворянство. Но работа мысли оказалась для всего русскаго общества. Самомнѣнію «старины» нанесенъ сильный ударъ. Она еще подниметъ свою голову, но только на время; ей не ожить, ибо въ обществѣ, его нѣдрахъ, начиналась самостоятельная сознательная жизнь и идейное движеніе, многіе уже пошли дальше простого заимствованія и стали разбираться въ русской дѣйствительности съ новыхъ точекъ зрѣнія.

Наиболѣе полнымъ и типичнымъ представителемъ новыхъ стремленій былъ самъ Петръ Великій. «Во всей европейской исторіи, — говоритъ историкъ Ключевскій, — я не знаю другого государя, который бы въ такой степени былъ руководителемъ своего народа, такъ хорошо чувствовалъ и понималъ его насущныя потребности и такъ много сдѣлалъ для ихъ удовлетворенія». Въ исторіи русскаго просвѣщенія, въ его раннемъ періодѣ, не должно удивляться, что во главѣ преобразованія становится власть, а не общественное мнѣніе. Еще Крижаничъ въ XVII в. говорилъ: «Казенная дума есть одинъ изъ наипотребнѣйшихъ промисловъ для русскаго народа. Въ иныхъ земляхъ и народахъ могло бы быть сіе казенное думанье излишне, т.-е. тамъ, гдѣ людство само по себѣ и отъ природы своей есть быстраго разума, домысливо, работливо, заботливо; а въ семъ русскомъ преславномъ государствѣ казенныя думы никакъ не лишни, но всячески корыстны и потребны: ибо нашего народа люди суть коснаго разума, и неудобно сами что выдумаютъ, аще имъ ся не покажетъ». Петръ Великій и взялъ на себя инипіативу реформы, сдѣлался душою всѣхъ предпріятій въ области внѣшней политики, всѣхъ перемѣнъ внутри государства. Процессъ преобразованій требовалъ со стороны народа большихъ пожертвованій, сопровождался часто очень крутыми мѣрами, походившими на терроръ революціоннаго періода. И тайно и явно— въ открытыхъ сопротивленіяхъ и возмущеніяхъ — народъ протестовалъ противъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ проступковъ Петра. Но послѣдній не отступалъ передъ задачей созданія «новой» Россіи на мѣстѣ «старины», не смущался тѣмъ, что подмѣтили уже его современники: «нашъ монархъ на гору аще самъ десять тянетъ, а подъ

гору милліоны тянуть, то какъ дѣло его споро будетъ?» Но дѣло его было дѣло русскаго народа; послѣдній только не вполнѣ понималъ свое благо. Поэтому царь-воспитатель долженъ былъ, проводя реформы, объяснять ихъ смыслъ и значеніе — самъ и черезъ своихъ сотрудниковъ. И престолъ царскій и церковная каѳедра одинаково превращались порой въ органы публицистики. Главныя идеи Петра Великаго — необходимость западно-европейской «науки» въ широкомъ смыслѣ и распространеніе «свѣтскаго» міросозерцанія. Петръ Великій былъ истиннымъ представителемъ просвѣщеннаго абсолютизма (хотя этотъ терминъ и вводится позже), считавшаго успѣхи въ области внѣшней политики и безусловную монархическую власть лишь орудіями для достиженія главной цѣли: развитія богатства и образованія народа. «Старина», съ своимъ патріархальнымъ укладомъ, аскетическимъ идеаломъ, боязнью науки, не давала возможности развитія, живой личности было въ ней тѣсно, и Петръ Великій встряхнулъ застоявшуюся жизнь во всѣхъ углахъ, вывелъ новое поколѣніе на широкое поприще общечеловѣческаго просвѣщенія, на просторъ научнаго знанія. Въ этомъ — смыслъ его реформы. Абсолютистъ въ политикѣ, Петръ внесъ государственное начало и въ жизнь церкви учрежденіемъ «святѣйшаго синода». Петръ не скрылъ своего побужденія «оградить отечество отъ мятежей и смущенія, каковые происходятъ отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной, но, удивляемый великой честію и славою высочайшаго пастыря, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или и большій, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство... Когда же народъ увидитъ, что соборное правительство установлено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, то пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ» (Духовный Регламентъ). Однако дальше этого не шли притязанія Петра Великаго въ церковно-религіозной области. Онъ и самъ былъ не очень строгъ въ исполненіи внѣшнихъ обрядовъ и религіозныхъ церемоній и другимъ предоставлялъ свободу «пещись о блаженствѣ души своей». Терпи-

мый къ иностраннымъ исповѣданіямъ, онъ и гражданамъ своимъ объявлялъ: «надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ». Главное для Петра Великаго было въ томъ, чтобы церковь не мѣшала насажденію науки, отъ которой Петръ Великій ждалъ великихъ благъ. Петръ Великій самъ учился многому и другимъ внушалъ необходимость учиться. Онъ заводилъ училища для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ, приспособляя ихъ къ насущнымъ потребностямъ государства, думалъ даже объ учрежденіи академіи наукъ: «въ семъ единомъ умъ его обращался, како бы кратчайшій и способнѣйшій путь изобрѣсти, чтобы завести науки и людей своихъ елико мощно скорѣе обучити». Чтобы расширить кругъ идей въ русскомъ обществѣ, Петръ Великій долженъ былъ воспользоваться печатью. Книгопечатаніе при немъ достигаетъ довольно значительныхъ размѣровъ. Онъ заботится о переводѣ книгъ не только техническаго содержанія, но и болѣе широко-научнаго. «Удивительна, — говоритъ Пыпинъ, — та ревность и мѣткость, какія вносилъ Петръ Великій въ свои книжные труды». Онъ самъ дѣлалъ выборъ книгъ для перевода, поправлялъ переводы, заботясь и объ языкѣ и даже внѣшности книги. Не даромъ Лейбницъ, слѣдя за дѣятельностью Петра Великаго на пользу просвѣщенія страны, называлъ его «благодѣтелемъ человѣчества». Но одинъ, несмотря даже на свою героическую энергію, онъ «облагодѣтельствовать» Россію не могъ. Онъ нуждался въ сотрудникахъ для своего большого дѣла, все разраставшагося. Не всѣ наличные элементы, какіе могли бы служить его дѣлу, одинаково поддались его вліянію, но все даровитое и живое отозвалось на его призывъ. Прежде всего Петръ сталъ искать опоры въ представителяхъ тогдашняго духовенства, ученикахъ кіевской академіи, уже высылавшей въ Москву не мало «культуртрегеровъ». Петръ Великій хотѣлъ прежде всего воспользоваться церковной каѳедрой для защиты и пропаганды своихъ стремленій и начинаній, для устнаго и публичнаго обсужденія общественныхъ и государственныхъ вопросовъ. Онъ хотѣлъ секуляризовать мысль и обратить проповѣдь въ публицистику. И онъ приглашаетъ въ Москву «къ проповѣданію способныхъ» изъ кіевлянъ, прежде всего Стефана Яворскаго. Но онъ

ошибся въ расчетѣ. Кіевляне были люди ученые, начитанные, могли составить, по латино-польскому образцу, искусныя проповѣди, но они были схоласты. Въ ихъ проповѣдяхъ нѣтъ органической связи, живой убѣждающей мысли: одна мертвая сухая форма, наполненная тропами, фигурами, символами. Тонкости схоластики, «риторическая рука», притчи и «прилоги», по всѣмъ правиламъ искусства проповѣдничества, могли погубить и умъ, и талантъ. И дѣйствительно, Стефанъ Яворскій былъ во власти рутины. Онъ сочинялъ панегирики Петру Великому, но былъ чуждъ духа его реформъ. Впрочемъ, можетъ-быть, Стефанъ Яворскій не годился въ сотрудники и по своимъ клерикально-консервативнымъ взглядамъ: онъ былъ сторонникъ патріаршества, высокой роли духовенства, врагъ протестантизма и всего легкомысленнаго отношенія Петра Великаго къ обрядамъ и «старинѣ». По душѣ Петру Великому былъ другой человѣкъ — Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Любопытны уже самые отзывы современниковъ, русскихъ и иностранцевъ, объ этомъ ближайшемъ сотрудникѣ Петра Великаго. Онъ былъ «образованнѣйшій» (академикъ Байеръ), «въ наукѣ философіи новой и богословіи толико ученъ, что въ Руси прежде равнаго ему не было» (Татищевъ, то же и фонъ-Гавенъ, Кингъ), «краснорѣчіемъ столь великій, что нѣкоторые ученѣйшіе люди почтили его именемъ Россійскаго Златоустаго» (Н. И. Новиковъ). Самая біографія Ѳеофана Прокоповича показываетъ, какъ рано онъ почувствовалъ чисто петровскую жажду знанія, стремленіе расширить свой умственный кругозоръ; съ какой страстью онъ рѣшается на далекое путешествіе въ чужую страну за наукой и какъ самостоятельно и критически относится къ этой наукѣ. Возвратившись на родину, въ скромной роли преподавателя, онъ обнаруживаетъ свои свойства и симпатіи. Несмотря на схоластицизмъ католической науки, которую онъ изучалъ въ коллегіи св. Аѳанасія въ Римѣ, онъ вырабатываетъ въ себѣ сильный скептицизмъ, критическое отношеніе къ авторитетамъ и особенную вражду къ схоластической рутинѣ. Если къ этому прибавить его способность къ злой и мѣткой насмѣшкѣ, то невольно вспомнятся люди эпохи реформаціи. Ѳеофанъ Прокоповичъ преподавалъ піитику.

риторику, философію, богословіе — и во всѣхъ этихъ предметахъ старался стать на самостоятельный путь, очищая курсы отъ схоластическихъ измышленій и предразсудковъ, поддерживавшихся разными авторитетами, и вводя знакомство съ дѣйствительными источниками и критикой. Въ обязанности преподавателя названныхъ теоретическихъ курсовъ входило и практическое примѣненіе рекомендуемыхъ правилъ. Упражненія Ѳеофана Прокоповича и въ этомъ родѣ весьма характерны. Въ 1705 году онъ написалъ «трагикомедію» подъ заглавіемъ: «Владимиръ, славянороссійскихъ странъ князь и повелитель, отъ невѣрія тмы въ свѣтъ евангельскій приведенній Духомъ Святымъ». Человѣкъ живой и чуткій къ современности, наблюдательный и острый, онъ не могъ итти слѣдомъ за драматургами-панегиристами съ ихъ символическимъ и аллегорическимъ стилемъ. Въ его трагикомедіи интересны и выборъ сюжета — борьба между свѣтскою и духовною властью,—и сліяніе трагическаго и комическаго элементовъ драмы, и, наконецъ, что особенно важно, его взглядъ на духовенство, который потомъ такъ настойчиво будетъ проводить Ѳеофанъ Прокоповичъ въ согласіи съ мыслью реформатора Петра. Какъ во Франціи Вольтеръ и другіе «философы» выводили на сцену жрецовъ всякихъ языческихъ религій съ цѣлью écraser l'infâme, такъ и здѣсь духовная власть представлена жрецами (кое-гдѣ, впрочемъ, прямо называются попы и монахи). Въ именахъ этихъ жрецовъ уже обнаруживаются ихъ свойства: обжорство (Жериволъ), пьянство (Піаръ), лакомство (Куроядъ) и т. п. Ѳеофанъ Прокоповичъ писалъ, по обязанности, и проповѣди, но не слѣдовалъ въ нихъ «фабрикѣ испорченнаго краснорѣчія». «Въ развитіи основной мысли — по справедливому замѣчанію Самарина — нѣтъ натяжки; нѣтъ усилія отыскать чего-нибудь неожиданнаго, новаго и труднаго; рѣже попадаются неумѣстныя повѣствованія и цитаты; описаній, аллегорій, символическихъ образовъ и риторическихъ фигуръ гораздо менѣе; драматизма и элемента комическаго почти вовсе не встрѣчается. Наконецъ, изложеніе очищено отъ всего грубаго, рѣзкаго, оскорбительнаго». Чувствуются правдивость тона и искренность. Ѳеофанъ Прокоповичъ сочинялъ и стихи, смыслъ которыхъ ясенъ изъ самыхъ темъ:

«По поводу суда надъ Галилеемъ» и др., въ которыхъ онъ является поклонникомъ новой европейской науки. Въ духовенствѣ такъ могъ говорить только тотъ, кто, по представленію людей того времени, былъ зараженъ «лютерской и кальвинской» ересью; нашлись и обвинители Ѳеофана Прокоповича, тѣмъ болѣе, что стремленія и мудрствованія протестантскаго оттѣнка были уже не новостью въ Москвѣ XVIII в. Но они не поняли, что Ѳеофанъ Прокоповичъ, напоминая своимъ раціонализмомъ, проповѣдью свободнаго критическаго отношенія къ наукѣ и жизни германскихъ реформаторовъ, стоялъ не на религіозной почвѣ, а на политико-общественной, борясь съ предразсудками и мракобѣсіемъ, отрицая не православіе, а старую теорію о первенствѣ духовенства въ обществѣ, этого класса, изобрѣтавшаго всегда «оковы для разума» (Радищевъ). Ѳеофанъ Прокоповичъ совершалъ до нѣкоторой степени, какъ представитель духовенства, актъ самоотреченія, но тѣмъ больше онъ служилъ дѣлу Петра Великаго. Петра Великаго и Ѳеофана Прокоповича сближала одинаковая вражда къ «папежскому духу» въ духовенствѣ, стремленіе послѣдняго къ преобладанію. Церковь не была только чисто духовнымъ учрежденіемъ, только лишь собраніемъ вѣрующихъ; она всегда была въ то же время и гражданскимъ учрежденіемъ, съ обширной сферой юридическихъ правъ и обязанностей, обширнымъ вліяніемъ почти во всѣхъ общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ того времени, съ богатымъ землевладѣніемъ. Наша церковь опиралась на старину и народныя массы, не только не устраняя темныя стороны народной вѣры, но какъ бы поддерживая «чудеса» и всякія суевѣрія. Все это было не по нутру Петру Великому, который поэтому предпочелъ «лютерскую» тенденцію «папежской». Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ съ нимъ въ согласіи и на церковной каѳедрѣ явился публицистомъ, горячимъ защитникомъ и истолкователемъ реформы въ западно-европейскомъ духѣ и обличителемъ и врагомъ приверженцевъ «старины», особенно «богослововъ». Не обходилось безъ крайностей: его отзывы о Германіи иногда страдаютъ чрезмѣрной восторженностью («Германія, яко же глаголютъ, первая царица есть Европы, въ ней же толь преславныя и пребогатыя суть

провинцій, толь прекрѣпкіи и прекрасныи градове, толь веселыя поля и поселенія ихъ, толь частыя премудрыхъ ученій академіи, толь преизрядныя художества и остроумніи художники. Сію аще кто видитъ, царствъ всѣхъ знамя, странъ всѣхъ матерь видитъ. Въ Германіи аще кто приходитъ, познаваетъ чинное общенароднаго правительства устроеніе, обычаевъ доброту, разума и бесѣды сладость, познаваетъ храбрость, науку и остроуміе»); съ другой стороны, ставъ на сторону своего правительства, онъ долженъ былъ оправдывать гоненіе и «розыскъ» по отношенію къ царевичу Алексѣю, вступать въ компромиссы съ Бироновщиной и т. п. Положеніе Өеофана Прокоповича между двухъ «становъ» въ то время нельзя не назвать трагическимъ, и намъ понятно его горестное восклицаніе: «О главо, главо! разума упившись, куда ся преклонишь?» Но пока жилъ, онъ боролся. Лучшимъ истолкователемъ Петра Великаго относительно положенія церкви въ государствѣ явился Өеофанъ Прокоповичъ въ своемъ произведеніи «Духовный Регламентъ», написанномъ, по порученію царя, для духовной коллегіи (синода).

Являясь плодомъ борьбы, этотъ памятникъ носитъ скорѣе литературный, чѣмъ законодательный характеръ: многіе его параграфы представляютъ живую и талантливую сатиру на современное автору духовенство. «Пастыри и учители, еще такъ недавно имѣвшіе рѣшительное вліяніе на ходъ русской жизни, представлялись теперь грубыми, безнравственными невѣждами и ханжами, проповѣдниками лжи и нелѣпости, обирающими народъ и препятствующими его просвѣщенію изъ-за удовлетворенія своихъ корыстныхъ стремленій, по привычкѣ къ тунеядству; мало того, они представлялись главными возмутителями общественнаго и государственнаго спокойствія, мятежниками, которые ради страсти къ «сквернoприбытству» не остановятся передъ бунтомъ, убійствомъ и прочими злодѣйствами» (Морозовъ). Положительная часть заключала рядъ нравоученій. Цѣль учрежденія коллегіи — лучшее достиженіе истины и справедливости; общая задача — искорененіе суевѣрій, учительство, особенно проповѣдь, надзоръ за низшимъ духовенствомъ. Въ особомъ «Прибавленіи къ регламенту» Петръ, устами Өеофана Прокоповича, далъ выходъ своему нерасполо-

женію, недовѣрію, даже ненависти къ монахамъ, какъ тунеядцамъ, которымъ при случаѣ ничего не стоитъ сдѣлаться бунтовщиками «подъ предлогомъ блага церкви». Распоряженія относительно монастырей и монаховъ достаточно строги. Умъ Ѳеофана Прокоповича былъ, собственно говоря, свѣтскій, и положительныя мѣры, имъ предлагавшіяся противъ всякихъ золъ, заключались преимущественно въ распространеніи знаній — будетъ ли итти рѣчь о почитаніи иконъ, мощей, св. мѣстъ, аскетическихъ подвиговъ и добровольнаго мученичества или о болѣе сложныхъ явленіяхъ, какъ расколъ. Ѳеофану Прокоповичу, какъ и Петру Великому, былъ свойственъ духъ вѣротерпимости — это видно и изъ указовъ Петра Великаго, подготовлявшихся Ѳеофаномъ, и изъ проповѣдей послѣдняго объ отношеніяхъ къ иноземцамъ, о бракахъ съ иновѣрцами, о власти церкви и пр. Обсуждая реформы Петра Великаго не только церковныя, но и общегосударственныя, Ѳеофанъ Прокоповичъ являлся истиннымъ ходатаемъ о всенародной пользѣ — объ «умаленіи народныхъ тяжестей», «обезпеченіи своей всякому чести и имѣнія цѣлости», о правдѣ въ судахъ («если не будетъ въ судѣхъ тлетворныя страсти и злодѣйственныхъ взятковъ»). Стоитъ прочесть надгробное слово Ѳеофана Прокоповича Петру Великому, — этотъ общій выводъ изъ всѣхъ прежнихъ похвальныхъ словъ и проповѣдей Ѳеофана, — чтобы почувствовать, что не одни личныя соображенія создали эту вдохновенную рѣчь, а искреннее глубокое уваженіе къ создателю новой Россіи.

Главный результатъ дѣятельности Петра Великаго и его ближайшаго сотрудника — и по времени, и по таланту, и по энергіи — Ѳеофана Прокоповича въ области духовной культуры — во-первыхъ, крутой переворотъ въ области церковно-религіозной и, во-вторыхъ, защита разума и насажденіе реальныхъ знаній. Правда, въ томъ и другомъ отношеніи на первомъ планѣ были интересы государства и самого правительства, преобладалъ технически-утилитарный взглядъ на вещи, не было широкой идейной подкладки въ мѣропріятіяхъ, но важенъ былъ первый рѣшительный шагъ, который бы разбудилъ мысль. А она была разбужена въ довольно широкихъ массахъ: стоитъ лишь пересмотрѣть до-

вольно обширную литературу проектовъ, возникшихъ въ періодъ преобразованій.

Типичнымъ представителемъ особой партіи сторонниковъ Петра Великаго является крестьянинъ Посошковъ, «простецъ и мизирный рабичищъ», какъ онъ себя называетъ. Еще въ 1704 году онъ подводитъ итогъ старому порядку на Руси въ «Доношеніи о исправленіи всѣхъ неисправъ»: «Аще кто восхощет умными очима воззрѣти на житіе наше православно-россійское и на вся поведѣнія и дѣла наша, то не узрит ни во единой какой-либо вещи здраваго дѣла. Въ началѣ вѣра наша благочестивая аще и правая, и яко солнце во вселенней сіяющая, паче всѣх развратившихся вѣр, обаче забрала около ея нѣт, ниже пастырей бодрых, и того ради мнози волцы, от пустыни приходяща, стаду Христову касаются и терзают. И аще б и забрала твердаго не было, а пастыри б были бодры и крѣпки, то бы узрѣв волка, грядуща до стада Христова, не допустили, и либо его поразили, или вспять возвратили. Днесь же мы вси не токмо от самых волков, но и от малейших волченят оборонитися не можем. Во всем духовенстве и иночестве прямого, здраваго дѣла нѣт. Ни во церквах прямого порядка не обрящеши, ниже во чтеніи и пѣніи, ниже во гражданском, ниже в поселянском, ни в воинском, ни в судейском, ни в купецком, ни в художном (ниже в самых скитающихся по улицам нищих), и не вѣм таковаго дѣла или вещи какой, еже б пороку в ней не было. Нѣсть в нас цѣлости от главы и даже и до ногу, и живем мы всѣм окрестным государствам в смѣх и в поношеніе. Вмѣняют они нас вмѣсто мордвы, а и чють что и не правда их, понеже везде у нас худо и непорядошно». Исходя изъ сознанія (единственно на основаніи здраваго ума) такой печальной дѣйствительности и побуждаемый какъ своей «презѣльной горячностью» къ общему благу, такъ и все развивающейся дѣятельностью Петра Великаго, онъ, несмотря на преклонный возрастъ (ему уже было около 70 лѣтъ), къ тому же занятый «многосуетными» промышленными дѣлами, работаетъ надъ «Книгой о скудости и богатствѣ», предназначаемой лично для самого государя. Здѣсь Посошковъ является первымъ смѣлымъ и самоотверженнымъ, по тогдашнимъ условіямъ

жизни, общественнымъ дѣятелемъ и мыслителемъ. Самый стимулъ къ сочиненію — «общее благо», способность, несмотря на «неученость», подняться до высшихъ общественныхъ интересовъ — дѣлаютъ Посошкова новымъ человѣкомъ въ противоположность, напримѣръ, такимъ борцамъ XVI — XVII вв., какъ кн. Курбскій или протопопъ Аввакумъ, защищавшимъ классовые или религіозные интересы. Въ своей книгѣ Посошковъ говоритъ, главнымъ образомъ, о всенародномъ обогащеніи и истребленіи всякой неправды и неисправностей. Посошковъ хорошо знаетъ русскую дѣйствительность, и его примѣры всякаго рода недостатковъ и злоупотребленій взяты непосредственно изъ жизни. Особенно велико зло неправосудія: «а наши судьи нимало людей не берегут, и тѣм небреженіем все царство в скудость приводят». А людей надо беречь, особенно крестьянъ: «понеже крестьянское богатство — богатство царственное». Хуже знаетъ Посошковъ иностранцевъ (да и откуда?), да и мѣшаетъ ему вполнѣ понять ихъ еще живая московская традиція: «всѣ их житейскіе уставы добры, кромѣ вѣры». Для него все же главная наука «какъ жить душеполезно». А какъ тутъ жить православному человѣку — среди почти язычества массы, расколовъ, ересей, распространявшихся приказныхъ и горожанъ, «свѣтскаго житія» дворянства, въ которомъ нѣтъ уже ничего «евангельскаго»? Какъ человѣкъ разсуждающій, онъ врагъ фетишизма, требуетъ осмысленія обрядовъ «вѣрою и разумѣніемъ», отъ евангельскаго чтенія — «вниманія и богомыслія», высказывается противъ особаго поклоненія чудотворнымъ иконамъ («Богъ ни краски, ни древо, ниже художество прославляетъ»), жалуется на отсутствіе добрыхъ пастырей... Но все это, хоть и напоминаетъ отдаленно требованія европейскаго XVIII в. — «чувства», «гуманности», «нравственности» — все же прогрессивно въ старомъ московскомъ духѣ. Мысль тутъ еще не секуляризовалась. Менѣе убѣдительны, чѣмъ критика жизни, и совѣты Посошкова по вопросамъ общественнымъ. Въ цитированномъ выше «Доношеніи» Посошковъ какъ будто предлагаетъ Петру Великому избрать «для исправленія Руси» такъ сказать диктатора: «избрать на такое дѣло разумнаго и желательнаго человѣка и власть имѣющаго

таковую, чтоб ему никто из великихъ людей противен не был, но и духовнаго чина на его б волю слагалися». Въ лучшемъ случаѣ, это та же «казенная дума». Да и совѣтъ лишній для Петра Великаго! Позже, узнавъ дѣятельность Петра Великаго, Посошковъ уже не говоритъ о диктаторѣ. Нужна радикальная реформа, какой-то «новый регулъ» взамѣнъ «древнихъ уставовъ», но какой, «какое бы прямое правосудіе устроити» — Посошковъ не знаетъ: «мой умъ не постигаетъ сего». Чувствуя безсиліе диктатора и страха наказанія, равно какъ и нравственныхъ совѣтовъ, онъ приходитъ, можетъ-быть, по наитію земской старины, къ логически правильному выводу: необходимо «народосовѣтіе», «многонародный совѣтъ», «самый вольный голосъ народа».

Въ иной сферѣ мыслилъ, чѣмъ Посошковъ, хотя тоже возбужденный реформою Петра Великаго, В. Н. Татищевъ.

По словамъ его біографа К. Бестужева-Рюмина, онъ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей XVIII в. и. «уступая Ломоносову силою творческаго генія, тѣмъ не менѣе, долженъ занять равное съ нимъ мѣсто въ исторіи русскаго развитія. Естествоиспытатель Ломоносовъ стремился возвести къ общему философскому единству ученіе о природѣ; историкъ и публицистъ Татищевъ стремился съ своей стороны найти общее начало человѣческаго общежитія и человѣческой нравственности. Менѣе самостоятельный въ этомъ отношеніи (многое имъ усвоено отъ его европейскихъ учителей), онъ, однако, не теряетъ своего значенія относительно общества, среди котораго жилъ и на которое могъ и долженъ былъ имѣть дѣйствіе». Вся ученая и литературная дѣятельность Татищева могла бы быть сгруппирована около «Разговора двухъ пріятелей о пользѣ науки и училищъ», несомнѣнно, одного изъ важнѣйшихъ произведеній русской литературы XVIII в., въ которомъ, помимо ума, дарованій, многостороннихъ знаній автора, особенно цѣнно стремленіе «обнять однимъ взглядомъ всю многообразную область европейской науки, передъ которою онъ поставленъ впервые лицомъ къ лицу, уяснить себѣ ея общность и взаимную связь ея частей, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать возможность ея перенесенія къ намъ, въ Россію».

Какъ по складу своего ума и характера, такъ и по многимъ стремленіямъ Татищевъ напоминаетъ Петра Великаго и «птенцовъ его гнѣзда», но, можетъ-быть, только болѣе принципіальнаго. Прежде всего, онъ тоже скептикъ и раціоналистъ, въ родѣ Ѳеофана Прокоповича, близко къ «вольнодумцамъ», завзятый врагъ папистовъ и властолюбія церковно-служителей. Все, противъ чего боролся Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ-то: внѣшнее пониманіе религіи, приверженность къ обряду, колдовство, суевѣріе, ложныя чудеса и т. п., а также предосудительное поведеніе духовенства (корысть, любоначаліе, гордость и т. п.) — было предметомъ вражды и Татищева. Въ признаніи многихъ недостатковъ, какъ въ русской жизни вообще, такъ и русской церкви въ частности, Татищевъ сходился и съ Посошковымъ. Но была и существенная разница, объясняемая тѣмъ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ все-таки духовное лицо, Посошковъ — крестьянинъ, а Татищевъ — дворянинъ. Менѣе зависимый по своему положенію, воспитанный на началахъ европейской науки, Татищевъ могъ быть болѣе послѣдовательнымъ въ своей враждѣ къ теократическому обскурантизму, въ отрицаніи «старины», въ защитѣ «свѣтскаго житія». Татищевъ старается внушить своему фиктивному собесѣднику въ «Разговорѣ», что «естественный законъ» человѣческой природы есть такой же «божественный законъ», какъ и тотъ, который записанъ въ священномъ писаніи, и между ними нѣтъ и не можетъ быть противорѣчій, какія могутъ быть только между «естественнымъ» (или тоже «божественнымъ») и церковнымъ закономъ, — потому что этотъ есть «не божескій, а самовольный человѣческій», наравнѣ съ «закономъ гражданскимъ». Отсюда логически вытекаетъ, во-первыхъ, требованіе полной вѣротерпимости, и, во-вторыхъ, право свободнаго изслѣдованія и необходимость свѣтской науки, для «знанія правилъ естественнаго закона», т.-е. того, «что человѣку полезно и нужно, и что вредно и не нужно». Авторъ «Разговора» предполагаетъ возраженія противъ науки, главнымъ образомъ, съ двухъ сторонъ, — религіозной и политической, — и отвѣчаетъ на нихъ рѣшительнымъ опроверженіемъ. На древне-русскія «сумнѣнія» можно сказать, что и изъ священнаго писанія иногда из-

мышляютъ ересь, а затѣмъ, сами святые отцы «другихъ языковъ и многіе — философіи научены были». «И къ познанію Бога и къ пользѣ человѣка нужная философія не грѣшна; только отвращающая отъ Бога вредительна и губительна... Запрещающіе оную учить суть или самые невѣжды, не вѣдущіе, въ чемъ истинная философія состоитъ, или злоковарные нѣкоторые церковно-служители и для утвержденія ихъ богопротивной власти и пріобрѣтенія богатствъ вымыслами, чтобы народъ былъ неученый и ни о коей истинѣ разсуждать имущій, но слѣпо бы и раболѣпно ихъ разсказамъ и повелѣніямъ вѣрили, наиболѣе же всѣхъ архіепископы римскіе въ томъ себя показали и большой трудъ къ приведенію и содержанію народовъ въ темнотѣ и суевѣріи прилагали... да и у насъ патріархи власть надъ государи искать не оставили». На возраженіе «политическое», якобы «въ государствѣ чѣмъ народъ простѣе, тѣмъ покорнѣе и къ правленію способнѣе, а отъ бунтовъ и смятеній безопаснѣе; и для того науки распространять за полезное не почитаютъ», Татищевъ отвѣчаетъ, что въ Россіи, какъ и въ Турціи, бунтовала именно безграмотная «подлость», а не цивилизуемое теперь дворянство и что для «государства» полезнѣе умные и ученые люди. «Несмысленный и неискусный самъ себѣ вредъ и бѣды неразумѣніемъ начинаетъ и производитъ; совѣтамъ разумныхъ вѣрить неспособенъ, а глупымъ и вредительнымъ совѣтамъ послѣдуетъ, да и обрѣсти умнаго друга не въ состояніи; онъ умному служителю полезное повелѣвать и опредѣлить не знаетъ. Коль же паче трудность и вредъ происходитъ, когда глупыхъ служителей имѣетъ». Наука же усиливаетъ и умъ разумнаго: «разумный человѣкъ черезъ науки и искусства отъ вкоренившихся въ его умъ примѣровъ удобнѣйшую понятность, твердѣйшую память, острѣйшій смыслъ и безпогрѣшное сужденіе пріобрѣтаетъ, а черезъ то всякое благополучіе пріобрѣсти, а вредительное отвратить способенъ есть». Отстранивъ возраженія противъ пользы науки, Татищевъ указываетъ, какія науки нужно изучать, при чемъ для насъ здѣсь интересна защита образованія за границей «къ наученію способныхъ и надежныхъ людей», въ виду недостатковъ нашего домашняго воспитанія и училищъ. Въ

томъ же «Разговорѣ» и въ особомъ сочиненіи «Экономическія записки» характерно отношеніе Татищева къ крѣпостнымъ. «Дворянинъ», хотя и просвѣщенный, не можетъ смотрѣть на крестьянъ иначе какъ «по-отечески». Онъ стоитъ за школы, больницы для крестьянъ, противъ «ненасытныхъ желаній» обогащенія помѣщиковъ, но — «шляхтичъ всякій *по природѣ* судья надъ своими холопи и рабами и крестьяны». Освобожденіе крестьянъ, видно, слишкомъ расходилось съ сословными традиціями. Въ политическомъ отношеніи онъ былъ монархистъ. Въ сочиненіи: «Исторія россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, неусыпнымъ трудомъ черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная», тамъ, гдѣ говорится о древнемъ правительствѣ русскомъ, Татищевъ исчисляетъ разные способы правленій (по Монтескье) и приходитъ къ признанію необходимости монархіи для Россіи, «гдѣ великія области, открытыя границы, а наипаче гдѣ народъ ученіемъ и разумомъ не просвѣщенъ, и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія, въ должности содержится». Тамъ же «наслѣдственный государь имѣетъ власть престолъ поручить, кому за благо разсудитъ». Впрочемъ, полной искренности въ сужденіяхъ Татищева не могло быть, потому что не было свободы. «Духовная» Татищева показываетъ, что онъ зналъ, не мало претерпѣвъ «невинныхъ поношеній и бѣдъ», какъ осторожно надо говорить объ «общей пользѣ».

При Петрѣ Великомъ родился и духовно сложился, но послѣ него выступилъ на литературное поприще А. Д. Кантемиръ. Петръ Великій далъ сильный толчокъ нашей государственной и національной жизни, и не мудрено, что интересы общественные стали впереди эстетическихъ: для настоящей поэзіи еще не наступило время. Даже поэты по натурѣ впадаютъ въ дидактизмъ. Кантемиръ дѣлается такимъ же обличителемъ недостатковъ русской жизни, какъ и его старшій современникъ Ѳеофанъ Прокоповичъ: у нихъ много сходнаго не только въ духѣ, но и въ темахъ, даже въ выраженіяхъ. Новымъ элементомъ въ сатирѣ Кантемира является французское вліяніе, которому предстоятъ особенныя побѣды еще впереди. Это расширеніе круга международнаго культурнаго общенія могло способствовать выработкѣ

идеала на общечеловѣческой основѣ. Уже въ первой сатирѣ Кантемиръ осмѣиваетъ враговъ науки: Критона «съ четками въ рукахъ», ханжу, вздыхающаго о доброй старинѣ и сѣтующаго, что «дѣти наши въ церкви соблазну библію честь стали, толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину, мало вѣры подая священному чину»; далѣе — невѣжественнаго дворянина Сильвана, недовольнаго тѣмъ, что науки не даютъ матеріальной прибыли; веселаго гуляку и кутилу Луку, который, «трижды рыгнувъ», подпѣваетъ, что «наука содружество людей разрушаетъ»; Медора, нарождающійся типъ щеголя, перенявшаго однѣ только внѣшнія стороны европейской цивилизаціи: «Медоръ тужитъ, что черезчуръ бумаги исходитъ на письмо, на печать книгъ; и ему приходитъ, что не въ чемъ ужъ завертѣть завитые кудри; не смѣнитъ на Сенеку онъ фунтъ доброй пудры». Однимъ словомъ, во всѣхъ классахъ общества пренебреженіе къ наукѣ: «наука ободрана, въ лоскутахъ обшита; изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита» и т. п. Отсюда глубокая грусть сатирика, ибо невѣжество «всѣхъ золъ матерь». Любопытна характеристика безыменныхъ типовъ цѣлыхъ общественныхъ положеній въ той же сатирѣ. «*Епископомъ* хочешь быть?—уберися въ рясу, сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата, клобукомъ покрой главу, брюхо бородою, клюку пышно повели везти предъ тобою, въ каретѣ раздувшися, когда сердце съ гнѣву трещитъ, всѣхъ благословлять нудь праву и лѣву». Или, «хочешь ли *судьею* стать? — вздѣнь перукъ съ узлами, брани того, кто проситъ съ пустыми руками, твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ, спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ. Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы иль естественный законъ, иль народны правы, плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околёсну, налагая на судей ту тяжесть несносну, что подьячимъ должно лѣзть на бумажны горы, а судьѣ довольно знать крѣпить приговоры». Все это живые типы, изображеніемъ которыхъ занимались какъ до Кантемира, такъ особенно послѣ него. Разныхъ вопросовъ современности касается Кантемиръ и въ слѣдующихъ своихъ сатирахъ. Вторая сатира написана «на зависть и гордость дворянъ

злонравныхъ», чтобы, какъ самъ Кантемиръ объясняетъ, «обличить тѣхъ дворянъ, которые, будучи лишены всякаго благонравія, однимъ благородіемъ тщеславятся и, сверхъ того, завидуютъ всякому благополучію другихъ, кои чрезъ свои труды изъ низшаго въ знатное достоинство происходятъ». Порою эти обличенія звучатъ очень смѣло и предвѣщаютъ борьбу за равенство и свободу, которой ознаменуется вторая половина вѣка. «Та жъ и въ свободныхъ и въ холопяхъ течетъ кровь, та же плоть, тѣ жъ кости» — доводъ и журналовъ Новикова противъ «дворянъ злонравныхъ». Третья сатира Кантемира прямо посвящена Ѳеофану Прокоповичу, «которому сила высшей мудрости свои тайны всѣ открыла», и даетъ типы разныхъ страстей и пороковъ человѣческихъ: скупость, мотовство, любопытство, лицемѣріе и ханжество, лесть и угодничество, тщеславіе, пьянство, гордость, зависть и т. п. Близко задѣваетъ дѣйствительность своего времени пятая сатира, особенно, гдѣ рѣчь идетъ о временщикахъ: «болваномъ Макаръ вчерась казался народу, годенъ лишь дрова рубить или таскать воду; никто ощупать не могъ въ немъ ума хоть кроху, углемъ чернымъ всякъ пятналъ совѣсть его плоху. Улыбнулося тому жъ счастье Макару, и сегодня временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится, всякъ уму наперерывъ чудну въ немъ дивится, сколь пользы отъ него царство ждать имѣетъ!.. Зависть мучитъ между тѣмъ многихъ, коимъ мнится себѣ то пристойнѣе мѣсто, и трудится не одинъ Макара сбить съ чужого мѣста... Макаръ скоро поскользнулся на льду скользкомъ; день его свѣтлый столь минулся спѣшно, сколь спѣшно насталъ». Среди обличеній нетрудно уловить въ сатирахъ Кантемира и положительный идеалъ. Въ седьмой сатирѣ онъ говоритъ о необходимости новаго воспитанія для новыхъ людей, у которыхъ общіе интересы выше личныхъ; заботясь о «добрыхъ правахъ», онъ не меньше обращаетъ вниманія и на науку, чѣмъ нѣсколько отличается отъ дѣятелей екатерининской поры. Провести этотъ идеалъ въ жизнь могъ, по мнѣнію Кантемира (какъ раньше Ѳеофана, а позже — Ломоносова), монархъ въ родѣ Петра Великаго. Въ честь послѣдняго Кантемиръ началъ было даже писать

«Петриду». Свой личный идеалъ, какъ писателя, Кантемиръ опредѣляетъ такъ: чистая совѣсть, безпристрастіе, безкорыстіе, изученіе нравовъ, умѣнье отличить вредъ отъ пользы и притомъ «писать осторожно», ибо «когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю». Писателей XVIII в. не приходится слишкомъ индивидуализировать: ихъ темы принадлежатъ скорѣе эпохѣ, чѣмъ имъ лично; лишь къ концу XVIII в. обнаруживается нѣкоторая диференціація общественнаго мнѣнія. Кантемиръ лишь лучшій сынъ своего времени.

Хотя Ѳеофанъ Прокоповичъ, а затѣмъ Кантемиръ, потомъ и Ломоносовъ писали хвалебныя оды въ честь русскихъ царей и царицъ, ожидая отъ нихъ покровительства просвѣщенію, но всѣ наши правители между Петромъ I и Екатериной II немного сдѣлали для просвѣщенія и въ частности для литературы: они скорѣе подавляли ея развитіе. Процессъ «европеизованія» нашего совершался до нѣкоторой степени безсознательно, а потому и разногласно и медленно, но все-таки совершался, преимущественно въ средѣ дворянской. Въ елизаветинскомъ поколѣніи уже замѣтны успѣхи «людскости», общежитія, науки литературы. Развивается постепенно и самая форма поэтическаго творчества. Въ ней много еще фальшивыхъ аккордовъ, но «она же приготовила кадры для воспріятія народныхъ и общественныхъ элементовъ, которые сдѣлали нашу поэзію Русской» (Веселовскій). «Нѣмецкое вліяніе смѣняется французскимъ, грубость нравовъ и воззрѣній понемногу смягчается, отдѣльныя лица усваиваютъ европейскую утонченность обращенія, привыкаютъ къ удобствамъ культурной жизни, увлекаются западными идеями, проникаются болѣе широкими и безкорыстными идеалами» (Каллашъ). Въ петровское время преобладало утилитарно-техническое обученіе, безидейный реализмъ. Но рядомъ съ обученіемъ идетъ и воспитаніе. Проявляется интересъ къ литературѣ, наставницѣ нравовъ. Образцомъ служитъ французская литература. Ея форма и отчасти содержаніе условны. Но это было неизбѣжной ступенью къ реализму и, наконецъ, отвѣчало требованіямъ извѣстной соціальной среды. Будетъ время, когда литература сдѣлается общественной потребностью и силой, пока же она культивируетъ утонченныя удовольствія сердца. Отвѣ-

чая спросу, увеличивается литература романовъ, повѣстей, любовныхъ пѣсенъ и пр. Елизавета Петровна даетъ Академіи Наукъ изустный указъ «стараться переводить и печатать на русскомъ языкѣ книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ бы польза и забава соединены были съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ». Давалъ богатую пищу воображенію, содѣйствовалъ развитію чувствительности и театръ. При Петрѣ Великомъ не удалось ему упрочиться. Позже посѣщеніе театра становится моднымъ, привычнымъ, даже потребностью. Процвѣтаетъ особенно трагедія, наиболѣе дѣйствующая на чувство; въ рамкахъ ложнаго классицизма, драматурги изображаютъ любовную интригу, осложненную невѣроятными препятствіями. Елизаветинскій театръ тоже вѣха въ исторіи нашей драмы по пути къ бытовой пьесѣ, комедіи типовъ и обличительной. Нельзя пропустить въ исторіи нашего общественнаго развитія и періодической печати эпохи Елизаветы Петровны. Здѣсь слѣдуетъ прежде всего признать заслуги Академіи Наукъ, которая, несмотря на всѣ препятствія, положила начало научной дѣятельности въ Россіи, побудила къ книжному издательству (примѣръ впослѣдствіи для Новикова и Голикова), заботилась о переводахъ съ иностраннаго, наконецъ, подала примѣръ публицистической и журнальной дѣятельности. Въ изданіяхъ Миллера («С.-Петербургскія Вѣдомости», «Примѣчанія» къ нимъ, «Ежемѣсячныя Сочиненія») уже отражаются интересы времени: и «польза» (распространеніе научныхъ познаній) и «увеселеніе» (нравоучительныя притчи, сны, повѣсти, оригинальныя и переводныя, но безъ «персональныхъ указаній»). Пробивалась уже и сатирическая струя, но первоначально скованная аллегорической формой. Молодежь, обучавшаяся въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ и въ качествѣ добровольцевъ сотрудничавшая въ журналахъ Миллера, стала издавать свой журналъ. Ея «добрыя намѣренія» и «невинныя упражненія», конечно, не встрѣчали препятствій, но таково ужъ было время, что сознаніе невольно чертило сатиру. Въ журналѣ кадетъ: «Праздное время, на пользу употребленное» рядомъ съ темами отвлеченно-этическими («разсужденіе о нравоученіи и натурѣ человѣческой суть

наилучшіе способы для приведенія ума нашего къ совершенству и для сысканія точнаго понятія о себѣ самомъ, слѣдовательно, и для освобожденія нашихъ душъ отъ пороковъ и невѣжества и предразсужденій, которымъ они подвержены») встрѣчаются вопросы, съ которыми мы познакомимся изъ сатирическихъ журналовъ екатерининскаго времени: о дозволеніи сатиры, характеристика дворянина и т. п. Еще болѣе мѣста удѣлено сатирѣ въ журналѣ Сумарокова «Трудолюбивая Пчела»: обличая взяточничество, крючкотворство, модныхъ петиметровъ, онъ еще ближе становится къ русской дѣйствительности (см. «Епистола къ неправеднымъ судьямъ», Письма «о нѣкоторой заразительной болѣзни», «о думномъ дьякѣ, который съ меня взялъ пятьдесятъ рублевъ», «къ подьячему, писцу или писарю, то-есть къ таковому человѣку, который пишетъ не зная того, что онъ пишетъ», «О копистахъ» и др.). Передъ самымъ вступленіемъ на престолъ Екатерины II издавался журналъ Хераскова: «Полезное увеселеніе» — съ серьезной нравственной тенденціей. Много отвлеченнаго, безпредметнаго, но зато и болѣе идеальнаго, чѣмъ въ петровскую эпоху, какъ будто русская мысль развивается, дѣйствительно, по діалектическому методу: безидейный реализмъ Петра I, безпредметный идеализмъ елизаветинскаго поколѣнія и сближеніе реальности съ идеей въ послѣдующее время. Отличительная черта литературы елизаветинской поры — ограниченные предѣлы ея распространенія. «Публики» еще почти нѣтъ, а есть литературные «кружки». Чтобы обогатить содержаніемъ науки и литературы національную жизнь, нуженъ былъ трудъ многихъ поколѣній. Хорошо и то, если елизаветинское поколѣніе не было безплоднымъ. Этимъ оно обязано двумъ такимъ писателямъ, какъ Ломоносовъ и Сумароковъ: въ ихъ дѣятельности уже видно сознательное отношеніе къ просвѣщенію и жизни Европы и нуждамъ Россіи.

Въ натурѣ Ломоносова много петровскаго: умъ, смѣтливость, трудолюбіе, преслѣдованіе пользы Россіи. Но для него «наука была уже не одной технической выучкой, не отрывочнымъ спеціальнымъ знаніемъ, беззаботнымъ о логическомъ развитіи своихъ основаній, а, напротивъ, знаніемъ,

которое освѣщалось философской мыслью и становилось поэтому цѣлымъ міровоззрѣніемъ. Именно въ этомъ смыслѣ онъ первый вносилъ въ умственную жизнь русскаго общества и въ русскую литературу великое благотворное начало, которое одно могло стать основой дальнѣйшаго здраваго развитія и въ той же области знанія и въ области самой поэзіи, — начало сознательной работы мысли, которая уже тѣмъ самымъ становилась любовью къ просвѣщенію и стремленіемъ служить этимъ просвѣщеніемъ своему обществу и народу». Ломоносовъ боготворилъ Петра Великаго именно за то, что «Петръ Великій открылъ для русскаго народа ту область науки, съ помощью которой человѣкъ только и можетъ достигнуть высоты своего умственнаго и нравственнаго достоинства. Это возвышенное, и единое истинное, представленіе о наукѣ въ первый разъ было высказано на русскомъ языкѣ Ломоносовымъ, и въ этомъ была основная господствующая черта новаго міровоззрѣнія, которое должно было стать содержаніемъ новаго періода умственной жизни русскаго общества: съ этимъ наступалъ послѣдній конецъ нашихъ среднихъ вѣковъ» (Пыпинъ). Для Ломоносова наука была выше беллетристики. Поэтому въ его одахъ напрасно искать поэзіи. Исключеніе, пожалуй, представляютъ мѣста, гдѣ онъ касается интимныхъ религіозныхъ чувствъ или говоритъ о природѣ, о наукѣ, о будущемъ Россіи. Герои Ломоносова тѣ, кто покровительствуетъ миру и просвѣщенію. Его благо — благо русскаго народа. Въ этомъ отношеніи не малый интересъ представляютъ письма Ломоносова и записки его мыслей, «простирающихся къ приращенію общей пользы»: о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа, о истребленіи праздности, о исправленіи нравовъ и о большомъ народа просвѣщеніи, о исправленіи земледѣлія, о лучшихъ пользахъ купечества, о лучшей государственной экономіи, о сохраненіи военнаго искусства во время долговременнаго мира и т. д. «Главнымъ дѣломъ» Ломоносовъ полагаетъ первый изъ названныхъ вопросовъ: «сохраненіе и размноженіе россійскаго народа, въ чемъ состоитъ величество, могущество и богатство всего государства, а не въ обширности тщетной безъ обитателей. Божественное дѣло и мило-

сердыя и человѣколюбивыя нашея монархини кроткаго сердца достойное дѣло избавлять подданныхъ отъ смерти, хотя бы нынѣ по законамъ и достойны были. Сіе помилованіе есть явное и прямо зависящее отъ ея материнскія высочайшія воли и повелѣнія. Но много есть человѣкоубивства и самоубивства, народъ умаляющаго, коего непосредственно указами, безъ исправленія или совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ обычаевъ и еще нѣкоторыхъ подъ именемъ узаконеній вкоренившихся, истребить невозможно». И далѣе Ломоносовъ говоритъ о необходимости установленія болѣе равныхъ браковъ, разрѣшенія четвертаго и пятаго брака, брака для вдовыхъ священниковъ, ограниченія монашества, устройства воспитательныхъ домовъ, распространенія медицинскихъ знаній, борьбы съ вредными суевѣріями народа, облегченія крестьянской тяготы, поощренія иммиграціи иностранцевъ и т. п. Многія мѣры Екатерины II какъ будто исполнены по плану Ломоносова.

Сумароковъ, о журналѣ котораго уже упоминалось, извѣстенъ, кромѣ того, своей драматической дѣятельностью и стихами; велика заслуга его и въ практическомъ установленіи русскаго театра, за что его и называли въ свое время «отцомъ россійскаго театра». Хотя его трагедіи и комедіи, какъ и драматическія произведенія его ученика Княжнина, часто лишь подражаніе французскимъ образцамъ, но въ нихъ есть не мало здоровыхъ мыслей и морали, есть и указанія на современные недостатки русскаго общества. Въ трагедіяхъ Сумарокова есть громкія лирическія тирады, которыя, собственно, и составляли весь эффектъ, напримѣръ: «О боги, для чего между себя безъ спора даете скипетры вы смертнымъ безъ разбора и, тщася на земли неправду истреблять, даете часто власть невинныхъ погублять» или: «не для ради того даются скипетры въ руки, чтобъ смертнымъ горести содѣловать и муки... Не для ради себя имѣешь царскій санъ: для пользы онъ тебѣ богами данъ» или: «когда ты въ варварствѣ стремишься зрѣть успѣхи, такъ знай, не царски то, разбойничьи утѣхи» или: «богами на главу твою вложенъ вѣнецъ, чтобъ былъ народнаго ты счастія творецъ; а ты свободу днесь изъ душъ искореняешь, и добродѣтель вонъ ты съ нею выгоняешь; какъ скоро человѣкъ

въ неволю попадетъ, съ свободой честности не мало пропадетъ, начнетъ передъ царемъ онъ быти лицемѣренъ: невольникъ никогда не можетъ быти вѣренъ». Рисуя идеалъ народнаго правителя, Сумароковъ прояснялъ обществу и идею истиннаго образованія и сознаніе общественнаго долга; гдѣ преобладали личные интересы, тамъ такая проповѣдь не была излишней. Комедіи Сумарокова могутъ быть названы скорѣе сатирой: нѣтъ художественныхъ «типовъ», есть только обличительныя рѣчи и замѣчанія дѣйствующихъ лицъ, въ родѣ: «Вѣмъ, Господи, яко плутъ и бездушенъ есмь, и не имѣю ни къ Тебѣ ни къ ближнему ни малѣйшія любви» и т. п. Осмѣиваются злоупотребленія, невѣжество — старое и новое («модницы» и «франты»), высказываются иногда очень либеральныя мысли и объ отношеніи сословій. Рисуя въ стихахъ для одного хора (къ превратному свѣту) заморскіе порядки, авторъ подчеркиваетъ: «съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ, деревень на карты тамъ не ставятъ». Протестуетъ Сумароковъ противъ тѣхъ порядковъ, гдѣ «людьми скотины обладаютъ», и въ сатирѣ «о благородствѣ», напоминающей вторую сатиру Кантемира. Къ сожалѣнію, не всегда либералы XVIII в. были послѣдовательны: очень трудно было отказаться отъ своей привиллегированности, еще труднѣе отказаться отъ вѣры въ «просвѣщенный деспотизмъ» и пойти своимъ путемъ дѣйствительнаго выясненія народныхъ нуждъ. Но почва подготавливалась. Эпоха между смертью Петра I и вступленіемъ на престолъ Екатерины II, несмотря на всѣ колебанія, свойственныя переходной порѣ, не утратила лучшихъ петровскихъ традицій: ненасытимой жажды познанія, живого обмѣна съ Западомъ. Не мало внесено было въ русскую жизнь за это время облагораживающихъ понятій. По свидѣтельству барона Брейтеля, бывшаго французскимъ посланникомъ въ Россіи, при Елизаветѣ многіе молодые русскіе дворяне получали образованіе свое въ Женевѣ и возвращались, «наполнивъ умъ и сердце республиканскимъ духомъ». «Не нужно было, — продолжаетъ онъ же, — особенно близкаго знанія Россіи, чтобы замѣтить, до какой степени всѣ умы увлекаются свободой». Отъ переводовъ, подражаній и заимствованій постепенно переходили къ самостоятельному творчеству. Росъ реализмъ. Росло само-

сознаніе. Стоило одухотвориться ему высокими началами человѣчности, провозглашенными французской философіей XVIII в., стоило только почувствовать освобожденіе мысли, чтобы снова все заликовало, воспрянули всѣ сердца, какъ въ началѣ вѣка. Екатерина II при вступленіи на престолъ и въ первые годы царствованія раздѣлила восторги, которые когда-то вызывалъ Петръ I. Одинъ критикъ-философъ называетъ русской національной чертой — оптимистическій фатализмъ. Дѣйствительно, мы слишкомъ вѣримъ, что судьба насъ устроитъ, и немного намъ надо, самый маленькій просвѣтъ, чтобы за нимъ уже видѣть восходящее солнце.

2.

Европейское просвѣщеніе XVIII в. и его представители. „Вольтерьянство" въ Россіи. Литературная дѣятельность императрицы Екатерины II: Наказъ, педагогическіе труды, публицистика, комедіи. Дворянскія тенденціи. Щербатовъ. Попытка національной теоріи. Болтинъ. Философскія и политическія идеи въ русскомъ романѣ и повѣсти XVIII в. Сатирическіе журналы 1769 — 1774 гг. Новиковъ и Шварцъ. Масонство въ Россіи. Комедія Фонвизина. Оды Державина. Радищевъ.

Непосредственное общеніе Россіи съ Западной Европой, получившее такой толчокъ при Петрѣ Великомъ, не только не прекратилось съ его смертью, но, несмотря на разныя неблагопріятныя условія, продолжало развиваться, обогащая и оплодотворяя русскую литературу освободительными идеями и тѣмъ содѣйствуя перевоспитанію общественному.

Западная Европа переживала въ то время одну изъ рѣдкихъ въ исторіи человѣчества эпохъ по богатству мыслей во всѣхъ областяхъ человѣческаго знанія и жизни. «Просвѣщеніе» XVIII в. служило какъ бы расширеннымъ продолженіемъ «Эпохи Возрожденія». Та же необыкновенная разносторонность умовъ, горячій энтузіазмъ въ борьбѣ съ застоявшейся мыслью, стремленіе къ свободѣ. Новое умственное движеніе, возникши въ Англіи, гдѣ для этого было болѣе благопріятныхъ условій, нашло всюду въ Европѣ болѣе или менѣе готовую почву для своего развитія. Но особая заслуга въ развитіи и распространеніи «просвѣщенія» остается за Франціей. Англичане стояли слишкомъ еще на отвлеченной высотѣ, недоступной массамъ. Французы,

благодаря подвижности своей натуры, воспріимчивости, особымъ условіямъ своей культуры, напримѣръ, свѣтскости, любви къ краснорѣчію и т. п., явились главными посредниками въ международномъ идейномъ общеніи. Пусть, какъ говорятъ нѣкоторые историки, мало оригинальности во французской «философіи XVIII в.», нѣтъ твердыхъ научныхъ основъ, а самые-де представители этой философіи—мелкія и слабыя натуры, безъ творческаго генія, открывающаго новые законы, безъ глубокой любви къ истинѣ, заставляющей непрерывно и сосредоточенно мыслить, наконецъ, безъ того нравственнаго героизма, который исключаетъ тщеславіе, неискренность, корыстолюбіе, распущенность и т. п. Пусть все это и многое другое будетъ справедливо, все-таки заслуга французскихъ философовъ-просвѣтителей неизмѣрима въ пробужденіи интереса къ общественнымъ вопросамъ и къ улучшенію всѣхъ сторонъ жизни. Нельзя винить ихъ за то, что они носятъ черты всѣхъ проповѣдниковъ. Они *вѣрятъ* въ разумъ, долженствующій охватить, разсудить и устроить міръ; они часто *не знаютъ мѣры* въ отрицаніи, какъ раньше, можетъ-быть, не знали мѣры въ преклоненіи передъ извѣстными порядками; они *повторяются* и вполнѣ сознательно: «буду повторяться — говоритъ Вольтеръ — пока міръ не исправится»; наконецъ, они *не для себя* прежде всего читаютъ, размышляютъ, пишутъ, а для общества, для блага человѣчества. Философія превращается въ своего рода патріотизмъ. Вначалѣ эта проповѣдь была невиннымъ салоннымъ разговоромъ. «Все казалось тогда такимъ невиннымъ въ этой философіи, которая оставалась замкнутою въ сферѣ чистыхъ умозрѣній и въ самыхъ смѣлыхъ своихъ выходкахъ никогда не искала ничего другого, кромѣ мирнаго упражненія ума» (Морелле). Но по мѣрѣ распространенія разными путями (книга, театръ и т. д.) все въ низшіе и низшіе слои населенія, гдѣ иго «стараго режима» реально чувствовалось, эта философія пріобрѣтала боевой характеръ и, формулировавъ народныя стремленія, явилась предвѣстницей великой революціи.

Первые и самые тяжелые удары выпали на долю религіи. Теологическая точка зрѣнія, изгонявшая природу и дѣйствительность, объявлена несостоятельной. Всѣ болѣе или менѣе

видные вожди XVIII в. занимаются физикой и естествознаніемъ и въ человѣческой исторіи видятъ такую же естественную вещь, какъ и во всякой другой. Не могло не возмущать «разумъ» философовъ XVIII в. и то обстоятельство, что католическая церковь все еще продолжала играть могущественную роль въ свѣтскихъ дѣлахъ. Всякая положительная религія была объявлена суевѣріемъ. Духовенство вызывало ненависть и насмѣшки. Взамѣнъ прежней церкви болѣе послѣдовательные поставили разумъ и природу (матеріалисты, атеисты); другіе избрали «простую и разумную религію» — деизмъ, съ чистымъ обожаніемъ Верховнаго Существа, которое гдѣ-то внѣ міра и надъ міромъ и не вмѣшивается въ человѣческія дѣла; третьи дѣлали еще уступки преданію, признавая, изъ соображеній нравственнаго характера, какое-то потустороннее возмездіе. Одновременно съ требованіями реформы религіи и церкви, измѣнялись и взгляды на нравственность и семейныя отношенія, на самое воспитаніе подрастающихъ поколѣній. Въ этой области философами XVIII в. высказано особенно много гуманныхъ идей, напоминаніе которыхъ полезно было бы и въ настоящее время. Человѣкъ, его природа — мѣра вещей. Онъ самъ творецъ собственнаго достоинства. Отсюда — защита личной и общественной свободы, равноправія половъ, уваженіе къ низшимъ классамъ, бѣднякамъ и несчастнымъ. Предметъ воспитанія — «человѣкъ» съ его разнообразными способностями; путь — упрощенное наглядное обученіе, ближе къ природѣ, съ возможно бо́льшимъ предоставленіемъ воспитываемому самостоятельности и самодѣятельности. Настала очередь и за реформой государства: во второй половинѣ XVIII в. во Франціи всѣ занялись политикой, салоны превратились въ маленькіе генеральные штаты, у всѣхъ на языкѣ: свобода и равенство, восхваленіе древнихъ республикъ, проповѣдь новыхъ общественныхъ порядковъ, основанныхъ на договорѣ короля съ націей, на справедливости, законахъ, на развитіи мирныхъ подвиговъ; и при этомъ жестокая критика всякихъ злоупотребленій. «Сломайте плотины — созданія тираніи и рутины — и освобожденная природа пойдетъ снова своей прямой и здоровой походкой, и человѣкъ окажется, безъ всякихъ усилій съ его стороны,

не только счастливымъ, но и добродѣтельнымъ». Такимъ образомъ всѣ прежніе авторитеты — религіи, нравственности и обычаевъ, государства — были низвержены господствующей философіей вѣка и на мѣсто ихъ водворились новые принципы: разума, человѣческой природы и естественныхъ правъ. «Итакъ — говоритъ Кондорсе (Тэнъ, 308) — наступитъ, наконецъ, такой моментъ, когда солнце освѣтитъ на землѣ лишь свободныхъ людей, не признающихъ надъ собой никакихъ другихъ повелителей, кромѣ собственнаго разума; когда тираны и рабы, попы и ихъ глупыя лицемѣрныя орудія будутъ существовать только въ исторіи да на театрахъ; когда ими будутъ заниматься лишь для того, чтобы пожалѣть объ ихъ жертвахъ и объ одураченныхъ ими людяхъ, чтобы ужасъ, внушаемый ихъ безразсудными и жестокими дѣяніями, поддерживалъ въ людяхъ полезную бдительность, и чтобы умѣть различать и задушать подъ тяжестью разума первые зародыши суевѣрія и тиранніи, если бы они осмѣлились когда-нибудь появиться на свѣтъ».

Деспотизмъ резонирующаго разума требовалъ уничтоженія всѣхъ преданій, измѣненія всѣхъ порядковъ. Вмѣсто настоящаго изслѣдованія дѣйствительности была разрушительная атака противъ нея. Вотъ почему было мало конкретнаго и реальнаго въ просвѣтительной философіи XVIII в., много «общаго», космополитическаго. Этотъ недостатокъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма благопріятнымъ для распространенія французскихъ идей въ другихъ странахъ Европы. Кромѣ того, указанное обстоятельство достаточно объясняетъ отсутствіе настоящей художественности въ литературѣ XVIII в.: въ лирикѣ нѣтъ поэтическаго чувства, въ драмѣ — психологической глубины; всюду разсужденіе и дидактика. Нѣкоторое исключеніе представляютъ комедіи Бомарше и романы, которые, благодаря гибкости и свободѣ формы, готовы принять всякія идеи.

Болѣе полное и яркое выраженіе идей XVIII в. во Франціи мы находимъ у Вольтера, Монтескье, Дидро и Руссо.

Вольтеръ — общепризнанный вождь вѣка, занимающій центральное мѣсто среди проповѣдниковъ новой мысли, великій насмѣшникъ, отъ проницательнаго взгляда котораго не могло укрыться ничего ложнаго. Одинаково удивительны

его многосторонность, плодотворность и «ловкость» въ популяризаціи разума. Зато и вліяніе Вольтера въ свое время неизмѣримо: онъ дѣйствительно былъ барометромъ общественнаго настроенія въ Европѣ и правилъ умами. Въ прозѣ и поэзіи, въ драмахъ и романахъ, въ историческихъ сочиненіяхъ и памфлетахъ, въ своей перепискѣ и другихъ видахъ творчества Вольтеръ, не стѣсняясь повтореніемъ, ведетъ борьбу съ суевѣріями и ложными предразсудками. Въ «Эдипѣ» онъ обнаруживаетъ интриги жрецовъ; въ «Генріадѣ» — вредъ религіозныхъ войнъ, религіознаго фанатизма католическихъ монаховъ; въ «Магометѣ» — деспотизмъ, соединяющій въ однѣхъ рукахъ свѣтскую и духовную власть и для этого убивающій у людей свободную мысль и сознаніе личнаго достоинства; въ «Гебрахъ» разграничиваетъ тронъ и алтарь, государство и вѣру; въ «Скиѳахъ» прославляетъ простоту религіознаго культа; всюду — подъ покровомъ иностранныхъ культовъ — осмѣиваются недостатки римской церкви въ ея прошломъ и настоящемъ, вредное вліяніе духовенства на государей, кровавые подвиги инквизиціи, жертвы іезуитскаго ордена и зло монастырей. Въ романахъ и повѣстяхъ, какъ и въ драмахъ, Вольтеръ стремится осмѣять какой-нибудь изъ господствующихъ недостатковъ и прославить разумъ, этотъ единственный свѣточъ его жизни. Вольтеръ слишкомъ хорошо видитъ всѣ несообразности и нелѣпости жизни, всю условность «культуры», неправды церкви, государства, международныхъ отношеній (войны), чтобы «прикрашивать» жизнь. Онъ пишетъ «Кандида», въ которомъ столько же насмѣшки, сколько и отчаянія, безвыходности для разума, не находящаго счастья на землѣ: мотивъ для XVIII в. не исключительный. Можно впередъ угадать, что и историческія сочиненія Вольтера будутъ скорѣе «лѣтописью преступленій и бѣдствій», чѣмъ свидѣтельствомъ прогресса въ человѣчествѣ. «Письма» Вольтера пріучали мыслить — и не въ однѣхъ только отвлеченныхъ сферахъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить Вольтера, нужно имѣть въ виду, что Вольтеръ упростилъ и популяризовалъ величайшія открытія и гипотезы цѣннаго въ научномъ отношеніи вѣка и обнаружилъ множество положительныхъ и даже техническихъ свѣдѣній.

Если Вольтеръ убилъ религію, то Монтескье нанесъ смертельный ударъ, въ сознаніи общества, старому деспотически-монархическому режиму, приведшему Францію къ войнѣ, голоду, тяжелымъ налогамъ и прочимъ бѣдствіямъ. Монтескье былъ юристомъ эпохи и въ своихъ сочиненіяхъ старался разъяснить сущность, условія и гарантіи государственнаго строя въ Англіи, введеніе котораго считалъ необходимымъ и во Франціи. Тонкій умъ Монтескье сказался и въ «Персидскихъ письмахъ» — сатирѣ на французское правительство и администрацію, какъ и на другія стороны французской жизни; и въ «Размышленіяхъ о величіи и упадкѣ римлянъ»—гдѣ Монтескье намѣренно подчеркиваетъ любовь римлянъ къ свободѣ, труду, ихъ патріотизмъ и дисциплину; и въ «Духѣ законовъ». Въ этомъ сочиненіи сосредоточено все умственное богатство Монтескье. Нѣтъ здѣсь, можетъ-быть, строгой философской систематичности, но масса «политическихъ» мыслей, по своей глубинѣ и мѣткости, сдѣлала эту книгу настольною для правителей, какъ самодержавныхъ, такъ и демократическихъ.

Дидро и его главные сотрудники по «Энциклопедіи» (энциклопедисты) представляютъ уже слѣдующее за Вольтеромъ и Монтескье поколѣніе борцовъ за разумъ противъ наслѣдственныхъ предразсудковъ,—поколѣніе, которое, «какъ горячая печь, не печетъ, а сжигаетъ все, что въ нее поставятъ». Дидро, по характеристикѣ Тэна, «вулканъ въ непрерывномъ изверженіи и переполненный черезъ край идеями всякаго порядка и всякаго рода». Въ романахъ, драмахъ, опытахъ, комментаріяхъ и особенно въ бесѣдѣ, о которой мы и представить не можемъ по печатнымъ произведеніямъ, Дидро съ головокружительной фейерверочной быстротой развиваетъ самыя смѣлыя идеи вѣка — атеизмъ; отрицаніе отвлеченной морали, взятой внѣ интересовъ общества; матеріализмъ, опирающійся на опытъ и наблюденія естественныхъ наукъ; и притомъ — живое сочувствіе человѣку, желаніе работать для его блага. Дидро училъ, что «человѣческая природа хороша, что міръ Божій прекрасенъ и что зло лежитъ внѣ человѣческой природы и Божьяго міра, что зло есть послѣдствіе дурного образованія и дурныхъ учрежденій».

Дидро былъ душою «Энциклопедіи» (Dictionnaire Encyclopédique), этой «грозной машины, воздвигнутой противъ духа, вѣрованій и учрежденій прошлаго»; былъ душою общества, которое, по обвинительному акту, «составилось съ цѣлью поддерживать матеріализмъ, разрушать религію, внушать независимость и питать развращенность нравовъ». Для «старому режиму» была опасна «Энциклопедія», въ цѣломъ рядѣ статей обнаружившая злоупотребленія всякаго рода: тираническую колоніальную систему управленія и гнусную торговлю невольниками, безразсудство, разорительность и безчеловѣчіе господствовавшей системы налоговъ, продажный судъ и жестокое уголовное законодательство, феодальныя привиллегіи и пр. и пр.

Руссо — «женевскій гражданинъ», идеализировавшій швейцарскую свободу и кое-что унаслѣдовавшій отъ фанатизма Кальвина; «полупомѣшанный мудрецъ», по выраженію Карлейля,—опрокинулъ міръ съ противоположной матеріалистамъ точки зрѣнія. Онъ исходитъ изъ впечатлѣній личной жизни, требованій своего сердца. Наравнѣ съ разумомъ заявляетъ свои права чувство, это главное оружіе Руссо противъ современнаго состоянія религіи, воспитанія, обычаевъ, государственныхъ порядковъ. Ученіе Руссо увлекаетъ лиризмомъ изложенія, искренняго и съ темпераментомъ; смѣлостью нападковъ на плоды человѣческой «культуры»; радикализмомъ политико-соціальнаго построенія. Основная мысль Руссо: «природа создала человѣка счастливымъ и добрымъ, но общество развращаетъ его и дѣлаетъ несчастнымъ», «общество и природа относятся какъ зло къ добру», «надо вернуться къ природѣ», «вернуть человѣку доброту, свободу и счастье первобытнаго человѣка». Давъ жестокую критику общества и неравенства, какъ основного зла, Руссо сдѣлалъ попытку теоретическаго построенія новаго міра: «Эмиль» сталъ евангеліемъ воспитанія, «Общественный договоръ» — основой новѣйшей демократіи. Руссо утвердилъ права природы и естественныхъ условій жизни въ дѣлѣ воспитанія противъ искусственности и безпредметности схоластическаго образованія. Возродивъ такимъ образомъ человѣка, Руссо вводитъ его въ семью, не въ «модную» семью, а гдѣ есть дѣйствительно сердечный союзъ всѣхъ

ея членовъ. Наконецъ, онъ дѣлаетъ человѣка и семьянина гражданиномъ свободнаго государства, направляемаго общей волей, безъ всякихъ комиссаровъ, единственно на основаніи договора. Отсюда требованіе равенства, всеобщаго голосованія, борьба съ собственностью и другія черты послѣдующаго соціализма. Было въ ученіи Руссо много утопическаго и несостоятельнаго (особенно въ ученіи о государствѣ), противорѣчиваго и недостаточно продуманнаго (напримѣръ, проповѣдь самодѣятельности въ воспитаніи рядомъ съ продолжительной опекой воспитателя Эмиля и пассивностью послѣдняго), даже нелѣпаго (извѣстно изреченіе Руссо: «человѣкъ, который размышляетъ, существо развращенное», или связь нравственности съ религіей), но, въ конечномъ счетѣ — движеніе, вызванное Руссо въ литературѣ и обществѣ, какъ и другими философами XVIII в., несмотря на всѣ ихъ недостатки, было плодотворно для человѣчества, и распространеніе этихъ идей въ Россіи было больше добромъ, нежели зломъ.

Доказательствъ увлеченія въ Россіи французскими философами XVIII в. можно бы привести не мало. Княгиня Дашкова въ «Запискахъ» говоритъ, что до 15-лѣтняго возраста она уже прочла сочиненія Бейля, Вольтера, Монтескье, Гельвеція, что книгу послѣдняго «О духѣ» она прочитала два раза, чтобы глубже вникнуть въ смыслъ ея философіи. Также охотно читалъ «Вольтеровы насмѣшки», «Руссовы опроверженія», «Систему природы» Гольбаха и И. В. Лопухинъ. Русскіе вельможи, бывая за границей, посѣщали французскихъ философовъ (А. М. Бѣлосельскій у Вольтера) или предлагали имъ свои помѣстья въ Россіи (графы Орловы, Григорій и Владиміръ, К. Г. Разумовскій). Понятно, какъ увлекалась новыми идеями русская молодежь, учившаяся за границей (Ушаковъ, Радищевъ, Кутузовъ и другіе «лейпцигскіе студенты»). Дома читали въ оригиналахъ (въ рѣдкой дворянской библіотекѣ не было французскихъ книгъ) и въ переводахъ. Тамбовскій помѣщикъ Рахманиновъ переводилъ и печаталъ сочиненія Вольтера въ своей типографіи; директоръ казанской гимназіи Веревкинъ собирался переводить «Энциклопедію»; переводческой дѣятельностью занимались Харламовъ, Башиловъ Тузовъ, Козельскій. Въ силу безотчетнаго увле-

ченія, иногда не знали, что переводить, и, конечно, на ряду съ крупнымъ пускали въ обращеніе ничтожное и случайное.) Кромѣ переводовъ цѣликомъ, изъ французскихъ писателей дѣлались извлеченія и сборники подъ заглавіемъ: «Духъ Вольтера», «Духъ Руссо», «Духъ Гельвеція». На мысляхъ французскихъ философовъ воспитывались даже кадеты; они были предметомъ разговоровъ и разсужденій въ обществѣ; по Монтескье читали лекціи въ Московскомъ университетѣ; наконецъ, отраженіе идей вѣка мы находимъ въ нашей литературѣ; даже писатели такъ называемаго національно-самобытнаго направленія идутъ путемъ обрусенія иноземныхъ образцовъ философіи и литературы. Мотивы увлеченія русскихъ европейскими идеями и результаты его такъ изображаются историкомъ Соловьевымъ: «Въ однихъ вліяніе прочитаннаго не было сильно: знакомство съ литературою служило имъ для внѣшнихъ только цѣлей, для наведенія лоска; обычное въ переходныя времена двувѣріе, поклоненіе новымъ богамъ безъ покинутія старыхъ видимъ и здѣсь; въ другихъ, отрицательное направленіе модной французской литературы поколебало религіозныя и нравственныя убѣжденія; въ третьихъ, произошла борьба, окончившаяся рано или поздно торжествомъ религіозныхъ убѣжденій; четвертые съ наслажденіемъ читали блестящія остроуміемъ произведенія отрицательной литературы, не слѣпо имъ вѣрили, но находили много правды, и успокаивались тѣмъ, что отрицалось не свое, а чужое, нападки сыпались на католицизмъ, католическое духовенство. Наконецъ, какъ обыкновенно бываетъ, при господствѣ извѣстнаго направленія, переходящемъ большею частію въ деспотизмъ и употребляющемъ своего рода терроръ, мало находится людей, которые бы прямо высказали свои убѣжденія, свое неодобреніе господствующему направленію, неодобреніе тому или другому его представителю; такъ и въ Россіи въ описываемое время люди и несочувствующіе, напримѣръ, Гельвецію, съ уваженіемъ отзывались о его книгѣ; не хотѣлось явиться обскурантомъ, казалось, что, давши неодобрительный отзывъ о знаменитой книгѣ, тѣмъ самымъ дѣлают выходку вообще противъ просвѣщенія». Больше всего у насъ увлекались Вольтеромъ (его сочиненія

даже списывались въ рукописи), благодаря его способности говорить обо всемъ и легко и остроумно. Для тогдашняго русскаго общества, при его малой просвѣщенности, больше всего подходила наивная философія, произносящая свои рѣшенія a priori, какъ чистые постулаты. Привлекала въ немъ наше дворянство, занятое удовольствіями и забавами, и значительная приправа непристойности. О практическихъ результатахъ извѣстнаго ученія думали мало и, несмотря на призывъ философовъ «все уничтожить и вновь сдѣлать», продолжалъ господствовать деспотизмъ, безъ всякаго участія общества въ управленіи, рабство народныхъ массъ, невѣжество и злоупотребленія. Между идеями и дѣйствительностью было безмѣрное разстояніе и его не спѣшили заполнить, а когда нѣкоторые, о которыхъ рѣчь ниже, поставили вопросъ ребромъ, большинство объявило «реакцію». Подобнаго рода «вольнодумство» общества (рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ лицахъ) не безъ основанія называется «вольтеріанствомъ». Это не настоящій атеизмъ, матеріализмъ, политическій радикализмъ, а легкое насмѣшливое отношеніе ко всѣмъ самымъ тревожнымъ и существеннымъ вопросамъ человѣческой природы, нравственности и общественной жизни. Нѣкоторая польза, впрочемъ, была и отъ этого «вольтеріанства»: стали менѣе нетерпимы въ религіи, менѣе легковѣрны въ наукѣ и менѣе довѣрчивы въ политикѣ.

Выдающуюся роль въ распространеніи европейскаго просвѣщенія въ Россіи второй половины XVIII в. сыграла императрица Екатерина II какъ по своему положенію, такъ и по таланту.

Французскіе философы XVIII в. много надѣялись на властителей въ распространеніи просвѣщенія. «Философія,— говорилъ Д'Аламберъ, — избѣгая блеска и парада, имѣетъ полное право на уваженіе людей, какъ ихъ просвѣтительница. Простота и скромность запрещаютъ ей цѣнить самое себя: пусть эту услугу окажутъ ей или, вѣрнѣе, цѣлому свѣту властители народовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что разумъ, несмотря на всѣ препятствія, восторжествуетъ рано или поздно: обязанность царственнаго покровительства — ускорить моментъ торжества. Величайшее счастье народа состоитъ въ томъ, чтобы тѣ, которые имъ управляютъ, пре-

бывали въ согласіи съ тѣми, которые его просвѣщаютъ». Екатерина II отчасти въ законодательной и особенно въ литературной дѣятельности старалась быть въ согласіи съ философами, и если не все выходило у нея такъ, какъ ей совѣтовали, вина лежитъ въ условіяхъ русской жизни и въ личномъ характерѣ императрицы-философки. «Господинъ Дидро! — признается сама Екатерина, — я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума; но со всѣми вашими великими началами, которыя я понимаю отлично, хорошо писать книги, а плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ: она гладка, послушна вамъ и не представляетъ препятствій ни воображенію, ни перу вашему; между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе бумаги». Эти слова были сказаны Екатериной, когда она уже начинала разочаровываться въ практическомъ приложеніи философскихъ идей; позже она еще дальше пойдетъ и станетъ прямо во враждебное отношеніе къ освободительному движенію; но въ началѣ царствованія она «не лишена чувства восхищенія произведеніями генія», «сочиненія Вольтера пріучаютъ ее мыслить», она, какъ дочь своего вѣка, зачитывается философами: «книга Монтескье, — говоритъ она, — мой молитвенникъ». У нея «республиканская душа» или «душа Брута съ чарами Клеопатры» (по выраженію Дидро). «Свобода — душа всѣхъ вещей. Безъ тебя все мертво» — заноситъ она въ свои Записки. Несмотря на то, что точка зрѣнія Екатерины II мѣнялась, она всю жизнь интересовалась европейской мыслью, вела дѣятельную переписку съ философами, приглашала ихъ въ Россію, оказывала имъ немалую матеріальную поддержку и, какъ казалось вначалѣ, искренне хотѣла примѣнить результаты философской и политической мысли XVIII в. къ устройству русской жизни, сдѣлавъ, конечно, какъ пчела, извѣстный выборъ. Литературная дѣятельность Екатерины служитъ тому доказательствомъ: въ ней императрица видитъ часть своей государственной службы. Ея «разсудокъ и человѣколюбіе» отражаются прежде всего въ Наказѣ,

составленномъ въ руководство комиссіи, учрежденной въ 1766 году для созданія новаго уложенія. Правда, въ этомъ Наказѣ она «обобрала» Монтескье (почти половина статей Наказа является переводомъ изъ «Духа законовъ»), Беккарія («О преступленіяхъ и наказаніяхъ»), Вольтера и прочихъ философовъ (въ общемъ, по подсчету Н. Д. Чечулина, изъ числа 507 ст., содержащихся въ первыхъ 20 главахъ, заимствовано 407; а по объему заимствовано не менѣе четырехъ пятыхъ); недостаетъ этому изложенію вѣры императрицы, единства общей идеи, ясности отдѣльныхъ положеній, что заставляетъ предполагать въ императрицѣ нѣкоторую двойственность; тѣмъ не менѣе, Наказъ вводилъ въ общественное сознаніе (но въ практику еще) цѣлый рядъ идей, которыя раньше могли бы сойти за государственныя преступленія. Какъ бы девизомъ новаго строя является человѣколюбіе. «Всякъ долженъ самому себѣ сказать: я человѣкъ; ничего, чему подвержено человѣчество, я чуждымъ себя не почитаю». «Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, владѣлецъ или земледѣлатель, рукодѣльникъ или торговецъ, праздный хлѣбоядца или прилежаніемъ и раченіемъ своимъ подающій къ тому способы, управляющій или управляемый — все есть человѣкъ». «Несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены установлять жестокіе законы». «Приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы въ гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями». «Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими». «Петръ I узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. Въ первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно». Гуманность подсказывала и осужденіе рабства, какъ учрежденія, и уничтоженіе жестокихъ и нелѣпыхъ пытокъ, и провозглашеніе свободы слова (различіе преступныхъ дѣйствій отъ словъ) и совѣсти. «Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ —

запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ». «И нѣтъ подлинно иного средства кромѣ разумнаго, иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою неотвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблудшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду». «Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утупая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ». Признавъ драгоцѣннѣйшія права личности, императрица хотѣла установить и отношенія между властью и населеніемъ на живомъ началѣ взаимнаго довѣрія, а общій порядокъ — на закономѣрномъ повиновеніи. «Государственная вольность въ гражданахъ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью; а чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобы одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ однихъ законовъ». «Общая задача монархіи—народное благо и главное — распространеніе просвѣщенія и приведеніе въ совершенство воспитанія». «Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами». «Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту къ трудолюбію и чтобы они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научати пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкореняти въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ: однимъ словомъ всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми въ свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ».

Вопросъ о воспитаніи, важный и основной, не оставлялъ Екатерину II и послѣ изданія Наказа.

Какъ въ философіи и политикѣ, такъ и въ своихъ педагогическихъ взглядахъ Екатерина II шла за Западомъ и проводила идеи Монтеня, Локка, Руссо, Базедова и другихъ. Безыдейному практическому профессіональному образованію въ духѣ Петра Великаго теперь противополагается новое воспитаніе, которое должно было создать новую породу людей. Для этого устраиваются «воспитательныя училища для обоего пола дѣтей», Бецкому поручается составленіе всякихъ докладовъ и проектовъ («Докладъ императрицѣ о воспитаніи юношества обоего пола», «Проектъ или планъ воспитательнаго дома въ Москвѣ»), выписываются учителя изъ-за границы (Янковичъ де-Миріево); наконецъ, сама императрица, кромѣ приведенной выше статьи изъ Наказа, пишетъ, съ частной цѣлью (для руководства при воспитаніи внуковъ), но общаго характера, «Инструкцію» Н. И. Салтыкову. Задача воспитанія кратко формулируется: «здравое тѣло и умонаклоненіе къ добру». Для перваго нужны — простота, умѣренность во всемъ (одежда, пища, сонъ, движенія), трудъ; «умонаклоненіе къ добру» заключается въ развитіи нравственныхъ качествъ — доброе сердце, тихій нравъ, учтивость въ обхожденіи, снисхожденіе ко всѣмъ людямъ... «чтобы вкоренялась въ душахъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобы не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, въ умѣ, основанномъ на размышленіи, въ здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ». Такое «умонаклоненіе къ добру», согласно съ идеями вѣка, ставится выше знанія: сперва нужно вкоренить «добродѣтели и добронравіе», а «прочее пріидетъ ко времени»; «качество разума не занимаетъ первой степени въ достоинствахъ человѣческихъ; оно украшаетъ оныя, а не составляетъ». Что касается способа внѣдренія добра, то «хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженіе хулы достойному, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіи добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу, а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе. Никакое наказаніе

обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно». Для популяризаціи своихъ идей Екатерина II прибѣгала и къ художественной формѣ — аллегорической сказки, сатиры, драмы, и другихъ къ тому же поощряла своимъ покровительствомъ, указами о вольныхъ типографіяхъ, образованіемъ «комиссіи для перевода съ иностранныхъ языковъ на русскій» и т. п. Разница въ томъ, что она сама сумѣла соблюсти «умѣренность» и «осторожность», а ея «глупые и неблагодарные» сограждане потребовали слишкомъ многаго. Идеалъ Екатерины II какъ писательницы опредѣляется нѣкоторыми пунктами ея «Завѣщанія» въ «Быляхъ и Небылицахъ»: «скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ», «веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ», «гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку», «глубокомысліе окутать ясностью, а полномысліе легкостью слога, дабы всѣмъ сносными учиниться», «стихотворческія изображенія и воображенія не употреблять, дабы не входить въ чужія межи». Въ сказкѣ о царевичѣ Февеѣ Екатерина II прославляетъ благоразумное воспитаніе, основанное на простотѣ и естественности; въ сказкѣ о царевичѣ Хлорѣ указываетъ путь къ «розѣ безъ шиповъ», т.-е. къ добродѣтели: «иные думаютъ достигнуть косыми дорогами, но никто не достигнетъ окромѣ прямою дорогою; счастливъ же тотъ, который чистосердечно твердостію преодолѣваетъ всѣ трудности того пути». Невѣжество и пороки Екатерина II думала исправлять не только нравоученіемъ сказокъ, но и сатирой. Цѣль изданія «Всякой Всячины», въ которой несомнѣнное участіе принимала императрица, — «показать, первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе — открыть дорогу тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя ихъ; и третье — говорить русскимъ о русскихъ и не представлять имъ умоначертаній, кои оные не знаютъ». Главными предметами ея обличенія были злоупотребленія въ сферѣ дѣйствующаго законодательства и преимущественно грубость нравовъ и невѣжество. Еще невиннѣе была сатира Екатерины II въ «Быляхъ и Не-

былицахъ» (печатались въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова»), откуда намѣренно было изгнано все, «что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить могущее и плачь разогрѣвающія драмы». Словами «словоохотнаго дѣдушки», «веселаго и проказливаго» двоюроднаго братца и др. осмѣиваются самолюбіе, чванство, тщеславіе и безвкусное щегольство, пристрастіе къ французскимъ нравамъ и языку и пр. Екатерина II оставила намъ болѣе десятка комедій. Предметъ изображенія — бытовыя черты русской жизни, служившія темой для всѣхъ русскихъ сатириковъ, начиная съ Кантемира. Вотъ главные пороки русскаго общества въ лицѣ дѣйствующихъ лицъ комедіи «О время!»:—Ханжахина, своей скупостью, ханжествомъ, пристрастіемъ къ старинѣ напоминающая и Критона Кантемировой сатиры и Простакову изъ комедіи Фонвизина; Чудихина, не менѣе суевѣрная, которая постоянно носитъ съ собою въ узелкахъ четверговую соль, росной ладанъ и разные корешки, на которыхъ нашептано, а также вмѣшивается въ чужія семейныя дѣла; Вѣстникова, «взбалмочная вѣстовщица» и модница. Положительная мораль комедіи: вредъ суевѣрій, необходимость образованія и для женщины, защита правительственныхъ начинаній, при чемъ честолюбивая императрица не упускаетъ случая и противопоставить свое прежнимъ временамъ: «въ прежнія времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычокъ, чтобъ меньше онъ пустого бредилъ; а нынѣ благодарить вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ этакія бредни». Но при этомъ любопытно и добавленіе: «Разумно бы и съ нашей стороны было, если бъ мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбыточныхъ затѣй и новостей воздерживали». Къ чему можетъ привести забвеніе этого правила показываютъ комедіи: «Недоразумѣнія» и «Разстроенная семья осторожками и подозрѣніями». Въ связи съ названной комедіей «О время!» стоитъ комедія «Именины г-жи Ворчалкиной». Героиня какъ бы дополняетъ родственные ей типы комедіи «О время!»; ея дочь — образецъ русской précieuse ridicule, жеманница и модница, любительница баловъ и театровъ; изъ мужскихъ типовъ выдѣляются — Фирлюфюшковъ, фатъ и враль, имѣющій нѣчто общее и съ Иванушкой Фонвизина и Репетиловымъ Грибоѣдова; Геркуловъ и Спесовъ, которые чванятся

происхожденіемъ, а не имѣютъ той «чести» дворянской, чтобы не мотать; есть и благородные резонеры. Нѣкоторыя комедіи Екатерины («Шаманъ сибирскій», «Обманщикъ», «Обольщенный») написаны потому, что, какъ она сама признается въ письмѣ къ Гримму, «слѣдовало хорошенько потормошить духовидцевъ (т.-е. масоновъ), которые начинаютъ подымать носъ». Она не видѣла или не хотѣла видѣть хорошихъ сторонъ нашего масонства и осмѣяла шарлатанство, невѣжество и фантазерство «иныхъ» масоновъ.

Благотворные результаты литературной дѣятельности императрицы Екатерины II, какъ и ея политическихъ реформъ, могли сказаться, главнымъ образомъ, на томъ классѣ, который монополизировалъ новую культуру, — на дворянствѣ. Оно получало права и привиллегіи, его просвѣщали, въ немъ, порицая недостатки, воспитывали особую честь. Можно прослѣдить документально, насколько внимательной оказалась императрица къ тѣмъ потребностямъ, которыя высказало дворянство въ *наказахъ* депутатамъ «Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія». Дворянство называетъ себя опорой престола, стремится къ объединенію въ корпорацію, проситъ подтвердить старыя привиллегіи и даровать новыя льготы. Дворяне должны быть освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній, отличены въ военной службѣ, они имѣютъ исключительное право владѣть землями и крестьянами, для нихъ нужны измѣненія въ судопроизводствѣ, учрежденіе банковъ, правилъ о межеваніи, открытіе училищъ и пр. и пр. Екатерина II, несомнѣнно, стремится къ тому же закрѣпленію сословій, даруя лицу права его «состоянія», пока оно въ этомъ состояніи находится, и содѣйствуя развитію хозяйственныхъ занятій, отличавшихъ сословія. Считая за дворянами привиллегіей служить во славу самодержавнаго правленія и хозяйничать въ своихъ имѣніяхъ, она даруетъ имъ особую грамоту, способствуетъ организаціи дворянскаго самоуправленія и принимаетъ рядъ мѣръ для поднятія экономическаго благосостоянія сословія. Воспитаніе и въ школѣ и путемъ литературы казалось Екатеринѣ II не малымъ средствомъ для той же цѣли — политической формировки русскаго общества. Она не ошиблась. Толчокъ, данный ею русской мысли, возбудилъ общественное самосознаніе. Но тогда какъ одни пошли за ней, проводя тѣ же дворянскія тенден-

ціи и связанную съ ней «національную» или, что то же — «охранительную» теорію, другіе ушли далеко впередъ, разорвавъ фиктивную гармонію между «властью» и общественнымъ мнѣніемъ. Къ первымъ принадлежатъ Щербатовъ, Болтинъ, Фонвизинъ, Державинъ; ко вторымъ Новиковъ и особенно Радищевъ.

Литературно-публицистическая дѣятельность Щербатова была вызвана какъ знакомствомъ съ умственнымъ движеніемъ на Западѣ, такъ и общимъ оживленіемъ русской жизни при Екатеринѣ II: явились новыя служебныя обязанности, запрашивались мнѣнія, требовались проекты. Въ области религіи прежняя нетерпимость и исключительность церкви шла въ разрѣзъ съ интересами самого правительства, поэтому уже съ Петра Великаго идетъ борьба съ суевѣріями, формализмомъ обрядовъ, притязаніями церкви на свѣтскую власть. Щербатовъ въ этомъ отношеніи послѣдователь Вольтера и исповѣдуетъ чистый деизмъ, не связывающій нравственную природу человѣка догматами и обрядами. Преслѣдуя и въ религіи государственные интересы («нынѣ царствующая императрица, послѣдовательница новой философіи, конечно, знаетъ, до коихъ мѣстъ власть духовная должна простираться. и изъ предѣловъ ее не выпустить»), Щербатовъ не противъ тѣхъ ограниченій и излишнихъ повинностей, которыя наложены на раскольниковъ, ибо раскольники «несумнительно опасны для правительства». Въ вопросахъ политическихъ Щербатовъ склоненъ къ тому типу политической организаціи, которую Монтескье называетъ «монархіей безъ деспотичества». Для блага народа, по мысли Щербатова, нужно самовластье, но основанное на правосудіи, законности. Охранять законы долженъ «совѣтъ именитѣйшихъ людей» нѣчто въ родѣ сената. Щербатовъ отвергаетъ «химеру равности состояній» и старается всячески обосновать дворянскую тенденцію, такъ что заслуживаетъ отъ историка эпитетъ «суроваго и страстнаго критика русской жизни екатерининской поры съ точки зрѣнія дворянскихъ интересовъ» (Мякотинъ). Щербатовъ считаетъ благородство дворянъ потомственнымъ, ихъ значеніе для государства великимъ и потому требуетъ отъ правительства такихъ привиллегій для дворянства, корпоративныхъ и имущественныхъ, что не удовлетворяется и жалованной

грамотой 1785 года, критикуя въ ней и обязанность дворянина служить съ низшихъ чиновъ, и характеръ дворянскихъ собраній, и нѣкоторое смѣшеніе сословій и т. п. Соотвѣтственно увеличенію льготъ дворянскихъ, Щербатовъ уменьшилъ бы права другихъ сословій: городской классъ не долженъ имѣть чиновъ, владѣть крестьянами, выбирать столько судей, сколько намѣчено въ грамотѣ городамъ; крестьяне должны быть подъ крѣпостной опекой дворянства, хотя послѣднее не должно убивать и пытать ихъ, продавать въ розницу, истощать. Принадлежа къ умѣреннымъ либераламъ своего времени, Щербатовъ не могъ идеализировать *тогдашняго* дворянства и въ сочиненіяхъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», «Письмо къ вельможамъ, правителямъ государства» въ самомъ заглавіи высказалъ свою мысль и показалъ, къ кому она относится. Среди вельможъ «исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ Божію и гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, рабслѣпство и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать и удовольствовать свои хотѣніи». Не менѣе достается вельможамъ, какъ правителямъ, которые при безмѣрной власти, тайнѣ своихъ дѣйствій и крайнемъ малоуміи и корыстолюбіи, только вредны, а не полезны народу. Положительные совѣты «возвышаться добродѣтелями», «направлять теченіе вещей къ лучшему благоустройству», «принять духъ благородный, духъ твердости и любви отечества» и т. п. напоминаютъ тѣ нравоученія, съ которыми обращалась къ дворянству и императрица.

Въ стремленіяхъ «многопонимавшей и многодумавшей» Екатерины II можно найти зародыши идей, получившихъ большую опредѣленность и обоснованность у ея современниковъ. Къ числу ихъ надо отнести интересъ къ русской исторіи и попытки созданія національной теоріи, наподобіе позднѣйшаго славянофильства.

Такимъ «родоначальникомъ славянофильства» является Болтинъ, отлично знакомый съ западной наукой, пережившій увлеченіе Бейлемъ, Вольтеромъ, Монтескье, Руссо, съ большой эрудиціей въ русской исторіи и большимъ здра-

вымъ смысломъ. Онъ написалъ «Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка» (1788 г.) и «Критическія примѣчанія» на исторію Щербатова. «Слѣдя за Леклеркомъ, Болтинъ всецѣло изучилъ русскую исторію съ тѣмъ, чтобы защитить ее, произнести надъ нею благопріятный приговоръ; слѣдовательно, книга Болтина есть первый трудъ по русской исторіи, въ которомъ проведена одна основная мысль, въ которомъ есть одинъ общій взглядъ на цѣлый ходъ исторіи; у него перваго видимъ попытку смотрѣть на исторію какъ на науку народнаго самосознанія, отыскать живую связь между прошедшимъ и настоящимъ, задать вопросъ объ отношеніи старины къ новому, уяснить ходъ русской исторіи, не похожей ни на какія другія» (Соловьевъ). Не сходя съ почвы строгой фактичности, Болтинъ сопоставляетъ русскую исторію съ исторіей другихъ народовъ и съ полнымъ убѣжденіемъ говоритъ: «Вы (европейцы) называете насъ варварами, но вотъ вамъ примѣры изъ собственной вашей исторіи и быта, что прозвище это пристало вамъ гораздо болѣе, нежели намъ. Несмотря на то, мы не обзываемъ васъ варварами. Не давайте же и намъ несвойственнаго намъ имени и не отрицайте той очевидной истины, что мы и вы, и русскій народъ и его западные братья, одинаково способны къ умственному и политическому развитію; и вы и мы—европейцы по крови и по духу». Но, конечно, чтобы насъ уважали другіе, мы сами должны уважать свое достоинство и перестать быть рабами другихъ, особенно французовъ. «Въ смѣлыхъ и правдивыхъ укорахъ, — говоритъ Сухомлиновъ, — выходившихъ изъ круга людей, подобныхъ Новикову и Болтину, слышится не слѣпая ненависть къ иностранцамъ, а горячая любовь къ Россіи и сознаніе духовныхъ силъ русскаго народа. Не говорите съ чужого голоса, а работайте собственною мыслью; дорожите своимъ нравственнымъ достоинствомъ, и не жертвуйте имъ изъ подражанія западнымъ образцамъ,—вотъ сущность проповѣди Новикова и Болтина, обращенной ими къ современному русскому обществу. И Новиковъ и Болтинъ, осуждая и осмѣивая слѣпое и жалкое подчиненіе чужеземному игу, ратовали за умственную и нравственную самостоятельность русскаго народа, за сохраненіе въ немъ добрыхъ началъ, потеря которыхъ была бы для него пол-

нымъ несчастьемъ. Дорожа лучшими преданіями народной жизни, они не могли помириться съ ихъ утратою и истребленіемъ подъ наплывомъ иностранныхъ обычаевъ, безсознательно усваиваемыхъ нашимъ обществомъ». «Съ тѣхъ поръ, — говоритъ Болтинъ въ одномъ изъ Примѣчаній, — какъ юношество свое стали мы посылать въ чужіе края и воспитаніе ихъ ввѣрять чужестранцамъ, нравы наши совсѣмъ перемѣнилися; съ мнимымъ просвѣщеніемъ насадилися въ сердцахъ нашихъ новыя предубѣжденія, новыя страсти, слабости, прихоти, кои предкамъ нашимъ были неизвѣстны: погасла въ насъ любовь къ отечеству, истребилася привязанность къ отеческой вѣрѣ, обычаямъ и пр.; итакъ, мы старое позабыли, а новаго не переняли, и, ставъ непохожими на себя, не сдѣлалися тѣмъ, чѣмъ быть желали. Сіе все произошло отъ торопливости и нетерпѣнія; захотѣли сдѣлать то въ нѣсколько лѣтъ, на что потребны вѣки; начали строить зданіе нашего просвѣщенія на пескѣ, не сдѣлавъ прежде надлежащаго ему основанія». И въ основномъ воззрѣніи на необходимость «постепенности» въ реформахъ, и въ осужденіи нравовъ высшаго общества, и далѣе въ признаніи религіи большой государственной силой, а единодержавія лучшей формой государственнаго правленія—Болтинъ сходится со Щербатовымъ и съ еще болѣе раннимъ предшественникомъ Татищевымъ. Въ отношеніи къ крестьянскому вопросу, непрерывно обсуждавшемуся въ литературѣ второй половины XVIII в., подъ давленіемъ ли Запада или самихъ фактовъ русской жизни, Болтинъ якобы повторяетъ слово Руссо: «прежде должно учинить свободными души рабовъ, а потомъ уже тѣла... дабы учинить ихъ достойными вольности (сего великаго и божественнаго дара) и способными къ снесенію ея».

Переходя отъ публицистики императрицы, напоминающей своего рода манифесты, и отъ теоретическихъ разсужденій историковъ Щербатова и Болтина къ явленіямъ, болѣе подходящимъ подъ опредѣленіе «литературы» (романъ и повѣсти, журнальная сатира, комедіи, оды и др.), мы встрѣтимся въ сущности съ тѣми же темами, но въ иной, можетъ-быть, формѣ и не всегда въ томъ же освѣщеніи.

Въ XVIII в. въ Россіи романъ былъ главнѣйшимъ литературнымъ родомъ, наиболѣе любимымъ и самымъ по-

пулярнымъ. Историкъ русскаго романа и повѣсти XVIII в. (В. В. Сиповскій) опредѣляетъ общее число романовъ, считая каждое изданіе, 1175, въ томъ числѣ 159 оригинальныхъ, остальные — переводные; сколько же надо бы прибавить къ этому числу романовъ въ оригиналахъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ! Время наибольшаго распространенія романовъ въ русскомъ обществѣ—первая половина царствованія Екатерины II, когда ея просвѣтительная дѣятельность такъ возбуждающе дѣйствовала на жизнеспособность русскаго общества; съ 90 годовъ идетъ замѣтный упадокъ романа да и вообще книги въ Россіи, не безъ вліянія политики «просвѣщеннаго абсолютизма», закрывшаго вольныя типографіи, разгромившаго Новиковское дѣло, осудившаго на сожженіе книги Радищева, Княжнина и т. д. Строго говоря, перерыва въ исторіи романа на Руси не было и ее нельзя начинать съ XVIII в., но въ это время измѣнился характеръ романа. Тогда какъ романъ такъ называемый авантюрный спустился въ низшіе слои общества, усилилось значеніе романа психологическаго. Имъ настолько увлекались, что въ журналахъ «Живописецъ» и «Трутень» стали посмѣиваться. Были романы худые и хорошіе, но воспитательное значеніе ихъ неоспоримо: они пріохочивали къ чтенію, на основаніи ихъ читатели строили свое міросозерцаніе, развивали свои политическія, философскія и нравственныя убѣжденія. Отъ романовъ многіе, какъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ Болотовъ, переходили и къ серьезному чтенію. Критики того времени отмѣчаютъ такія любопытныя явленія: «Подъ вліяніемъ романовъ, съ нѣкотораго времени у дворянъ губерніи нашей произошла чудная перемѣна въ мысляхъ и правилахъ. Многіе молодые люди и пожилые вдовцы женятся на бывшихъ своихъ челядинкахъ и наемницахъ». Или вотъ выводъ другого критика изъ чтенія романовъ: «Мнѣ весьма удивительно то, какъ многіе сыны божественной Россіи думать могутъ, что у насъ нѣтъ высокихъ душъ, обширныхъ умовъ, нѣжныхъ чувствованій въ людяхъ незнатныхъ, или простѣе сказать, въ людяхъ низкаго состоянія». Интересны самыя предисловія переводчиковъ и авторовъ романовъ съ 1751—1800 гг., обнаруживающія несомнѣнный ростъ общественнаго сознанія. Прежде всего, переводчики держатся простой русской рѣчи,

«простоты слога», «простого и нехитросплетеннаго слога», «какимъ мы межъ собой говоримъ» и такимъ образомъ указываютъ более правильный путь для развитія русской литературной рѣчи, чѣмъ то сдѣлалъ Карамзинъ. Цѣль переводовъ—«желаніе услужить современникамъ», «служить обществу посильнымъ трудомъ», «быть въ пользу или утѣшеніе». Восхваляется характеръ новыхъ романовъ, въ противоположность прежнимъ (авантюрнымъ), «въ которыхъ нѣтъ ничего кромѣ роскошныхъ приключеній и соблазнительныхъ описаній». Въ новыхъ романахъ дается изображеніе «бытія вещественнаго», того, что «въ самомъ дѣлѣ возможнымъ быть кажется», того, «сколь великое беретъ участіе внѣшній механизмъ тѣла въ перемѣнахъ внутреннихъ способностей» (вотъ какъ матеріалистическія ученія могли проникать къ намъ въ XVIII в.); «изображаются въ нихъ нравы человѣческіе, ихъ добродѣтели и немощи; показываются отъ разныхъ пороковъ разныя бѣдствія въ примѣрахъ, то причиняющихъ ужасъ, то соболѣзнованіе и слезы извлекающихъ; и между цѣпью наистройнѣйшимъ порядкомъ совокупленныхъ приключеній наставленія къ добродѣтели полагаются». Есть книги, написанныя «для подражателей добродѣтели вольности и благополучія рода человѣческаго» и мѣтящія еще выше: «злоупотребленія самодержавной власти и нѣкіе доводы, къ укрощенію сего страшнаго рода правленія служащіе, кажутся лучше всего быть приличными къ изображенію государя восточныхъ странъ». Конечно, много похвалъ отъ переводчиковъ Вольтеру за «острыя мысли, тонкую критику и разумныя наставленія». Послѣ сказаннаго неудивительно, что и въ оригинальныхъ русскихъ романахъ и повѣстяхъ XVIII в. будутъ проводиться тѣ же философскія и политическія идеи, что и на Западѣ, хотя не съ такой яркостью и силой. Въ повѣсти «Жизнь нѣкотораго мужа» (1780 г.) мы встрѣчаемъ жестокія нападки на узость, нетерпимость и тупость человѣка до-петровской Руси, раскольника-начетчика, исполненнаго суевѣрій, ведущаго борьбу за осьмиконечный крестъ, усы, бороду и т. п. Въ другихъ повѣстяхъ прославляется разумъ человѣческій («необходимо все изслѣдовать, ничему не вѣрить, все освѣщать свѣтомъ знанія»), «уставы природы», которые выше «установъ человѣческихъ», и тутъ же

рядомъ раздаются голоса разочарованія и даже отчаянія, заставляющаго идеализировать смерть. Такое безотрадное настроеніе изображаетъ, напримѣръ, Дмитріевъ-Мамоновъ въ «Дворянинѣ-философѣ» (1769 г.). Міръ кажется ему созданнымъ изъ прихоти. Человѣкъ, мнящій себя перломъ созданія, въ сущности ничтоженъ. Чернь, трудящаяся безъ сознанія, ведущая войну, рабствующая у немногихъ, достойна презрѣнія; съ другой стороны — корысть, самолюбіе, обманъ... Можно бы уйти въ деревню, по совѣту Руссо. Но и тамъ «жизнь — суета, жизнь — сонъ» (Чулковъ «Русскія сказки», Эминъ «Непостоянная фортуна» и др.). «Благополучіе человѣка не что иное, какъ мечта и привидѣніе» (Чулковъ, «Пересмѣшникъ»). Часто какъ на спасеніе авторы указываютъ на смерть. «Вольтерьянство», впрочемъ, встрѣчало и оппозицію. Очень часто Парижъ въ русскихъ романахъ является то Вавилономъ, то Сибарисомъ, то островомъ Анаѳы; русскій «вольтерьянецъ» представляется развратителемъ молодежи, такъ, напримѣръ, Развратинъ въ романѣ Измайлова «Евгеній» привыкъ считать за смѣшные предразсудки и нелѣпыя мнѣнія — богопочитаніе, честность и добродѣтели, кои отмѣчаютъ человѣка отъ животнаго: они были въ его глазахъ химерою, свойствами, приличными однимъ простолюдинамъ; тотъ же Развратинъ указываетъ, что любовь къ родителямъ смѣшна: «если они дали тебѣ жизнь, — говоритъ онъ, — то не съ намѣреніемъ, но среди взаимнаго своего наслажденія».

Изъ вдохновителей нашихъ романистовъ въ политическомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ Фенелону, романъ котораго «Приключенія Телемака, сына Улиссова» былъ извѣстенъ въ оригиналѣ и распространился въ 9 изданіяхъ и 5 переводахъ, и не только печатно, но и въ рукописяхъ. Фенелонъ изображаетъ всѣ отрицательныя стороны самовластья, называя его «бичомъ», «злодѣемъ», «тираномъ», посылая его «въ адъ», нападаетъ на помощниковъ царя, придворныхъ, «все расхищающихъ», «льстецовъ», «лицемѣровъ», и противополагаетъ идеалъ добраго царя, любящаго народъ и защищающаго его, устанавливающаго хорошіе законы и свободу слова, врага смертной казни и т. д. Къ числу особенно ревностныхъ проводниковъ идей Фенелона относится Херасковъ, бывшій въ 1778 г. курато-

ромъ Московскаго университета и много сдѣлавшій для просвѣщенія и литературы русской во второй половинѣ XVIII в. Въ романахъ «Нума», «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ»— исторія либерализма не одного только Хераскова, но и многихъ людей XVIII в. Въ «Нумѣ» (1768 г.) Херасковъ изображаетъ добродѣтельнаго и мудраго монарха, казнитъ злоупотребленія судей, правителей и вельможъ, нападаетъ на войну, славитъ законъ и просвѣщеніе; въ «Кадмѣ и Гармоніи» (1786 г.) Херасковъ попрежнему лелѣетъ идеалъ царя — мудраго отца и друга народа, онъ врагъ войны, врагъ рабства («невольниковъ имѣти не хощу, но, пріемля отъ васъ оныхъ, разрѣшу ихъ узы и учиню ихъ сотрудниками токмо моими, рабъ не долженъ принадлежать мудролюбцу и права человѣчества не дозволяютъ намъ лишать свободы нашихъ ближнихъ»), но уже есть и слѣды масонства; въ «Полидорѣ» (1794 г.) «вольность» уже не обольщаетъ (стоитъ вспомнить Карамзина: «ахъ, щастливыя времена! вы, видно, для однихъ сказокъ»), но неизмѣнны условія счастья — правосудіе и просвѣщеніе. Другой романъ, примыкающій къ Фенелонову, Ѳ. Эмина: «Приключенія Ѳемистокла». Авторъ тоже исходитъ изъ критики неустройства государства, вслѣдствіе безобразнаго веденія дѣлъ, мздоимства, покровительства богатымъ, и противополагаетъ идеальный порядокъ, при которомъ нѣтъ благородныхъ, великъ хлѣбопашецъ, процвѣтаетъ торговля. Не находя въ дѣйствительности матеріала для идеальнаго строя, авторы часто рисуютъ утопическое государство «добрыхъ дикарей» (П. Львовъ), «дулѣбовъ» (Чулковъ), «вольныхъ зельтовъ, у которыхъ законы основаны на правахъ естественныхъ» (Нѣкая Россіанка) и т. п.

Недовольство настоящимъ и желаніе лучшаго характерны не для однихъ романовъ и повѣстей. Эти настроенія проникаютъ всюду.

Сатирическимъ направленіемъ особенно проникнуты литературные журналы 1769—1774 гг. Ихъ много было въ это время, больше 20, и каждый изъ нихъ существовалъ недолго, потому что авторы-издатели часто мѣняли, для разнообразія, заглавія — маски своихъ журналовъ. Такъ Новиковъ послѣдовательно издавалъ: «Трутень» (1769—1770 гг.), «Живописецъ» (1772—1773 гг.), «Кошелекъ» (1774 г.). Русская журналистика, возникшая нѣкогда по почину не-

многихъ (академикъ Миллеръ, Сумароковъ) и для «избранныхъ», во время Екатерины II, какъ свидѣтельствуетъ современникъ, «попала на вкусъ мѣщанъ, простыхъ людей, которые не знаютъ иностранныхъ языковъ». Она получала широкое распространеніе благодаря доступности темы—освѣщеніе подлинной дѣйствительности русской жизни—и ясности цѣли, которую преслѣдовалъ этотъ родъ литературы: защита слабыхъ противъ сильныхъ, «подлыхъ» противъ «благородныхъ». Тогдашній читатель не бѣжалъ дидактики, а скорѣе искалъ ее, желая уяснить себѣ добро и зло и другіе вопросы нравственности и жизни. Русскій критикъ 60-хъ годовъ XIX в. былъ недоволенъ сатирическими журналами за сто лѣтъ назадъ, потому что много было «словъ», «легкаго описанія», «чувства», желанія итти слѣдомъ за правительствомъ и его реформами, а не впереди; сатира-де нападала не на зло, а на злоупотребленія, не хотѣла видѣть связи всѣхъ частныхъ беззаконій съ общимъ механизмомъ тогдашней организаціи государства и отъ ничтожнѣйшихъ улучшеній ожидала громадныхъ слѣдствій; оттого, по мнѣнію критика, такая безплодность и безсиліе этой литературы и вмѣсто ожидавшихся результатовъ—«тайная экспедиція, уничтоженіе вольныхъ типографій, пытки, крѣпостное право, иностранные учителя, бумажныя деньги, рекрутскіе наборы, безработица, взяточничество». Критикъ правъ, говоря о разладѣ между литературою и жизнью; правъ, указывая на главное зло—«отсутствіе общей силы закона», но онъ не правъ, обвиняя во всемъ литературу; она тутъ не виновата. Ея лучшіе представители всегда отстаивали высокій нравственный и общественный идеалъ и дали примѣры достойной независимости убѣжденій. Въ частности въ сатирическихъ журналахъ, особенно Новиковскихъ, «многія блюда приготовлены очень солоно и для нѣжныхъ вкусовъ благородныхъ невѣждъ горьковато». Починъ въ журналистикѣ названнаго времени сдѣлала сама императрица «Всякой Всячиной» по образцу англійскаго «Спектатора», но какъ далеко ушли отъ нея другіе авторы по тону и направленію! «Всякая Всячина» объявила за правило «не цѣлить на особъ, но единственно на пороки» и при этомъ: «не называть слабостей пороками, хранить во всякомъ случаѣ человѣколюбіе и не думать, чтобъ людей совершенныхъ найти можно было,

и для того просить Бога, чтобъ намъ далъ духъ кротости и снисхожденія». Иныхъ воззрѣній другіе журналы: «Я того мнѣнія, — говоритъ Правдолюбовъ въ «Трутнѣ»,— что слабости человѣческія достойны сожалѣнія, однакожъ не похвалъ, и никогда того не думаю, чтобы на сей разъ не покривила своею мыслью и душою госпожа ваша прабабка («Всякая Всячина»), давъ знать, что похвальнѣе снисходить порокамъ, нежели исправлять оные». Про ту же «Всякую Всячину» «Смѣсь» говорила: «Бабушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ блажной даетъ имъ послабленіе (или она уже выжила изъ ума). Она говоритъ, что подьячихъ искушаютъ, и для того они берутъ взятки; а это такъ на правду походитъ, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и велитъ имъ дѣлать злое», а «Адская Почта», защищая прямоту, говоритъ: «Ругательства нигдѣ не годятся, но прямо описывать пороки и называть вора воромъ, разбойника разбойникомъ, кажется, дѣло справедливое». Не въ одномъ тонѣ, но и въ направленіи журнальной сатиры можно замѣтить прогрессъ въ смыслѣ яркости красокъ и строгости требованій отъ жизни, сравнительно съ сатирой Кантемира, Сумарокова, Екатерины II. Теперь уже не скрываются отрицательныя стороны крѣпостного права, и все настойчивѣе раздаются голоса въ защиту порабощеннаго народа, требованія улучшенія крестьянскаго быта, ограниченія помѣщичьей власти. Въ «Копіяхъ съ отписокъ крестьянъ къ помѣщику» и «Копіи съ помѣщичья указа крестьянамъ», помѣщенныхъ въ «Трутнѣ», мы находимъ изображеніе такихъ жестокостей и «нещаднаго» выколачиванья съ крестьянъ недоимки, что правъ авторъ предисловія къ этимъ «Копіямъ»: «вы изъ того усмотрѣть можете, какъ худые помѣщики надъ крестьянами данную власть употребляютъ во зло, и что такіе господа едва ли достойны быть рабами у рабовъ своихъ, а не господами». А въ «Отрывкѣ изъ путешествія въ ***, И. Т.», помѣщенномъ въ «Живописцѣ», изображены такія картины, которыя напоминаютъ уже «Путешествіе» Радищева, хотя послѣднее написано почти черезъ 20 лѣтъ послѣ «Отрывка». «Бѣдность и рабство повсюду встрѣчалися со мною въ образѣ крестьянъ. Непаханныя поля, худой урожай хлѣба возвѣщали мнѣ, какое помѣщики тѣхъ мѣстъ о земледѣліи прилагали раченіе. Маленькія покры-

тыя соломой хижины изъ тонкаго заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшія адоньи хлѣба, весьма малое число лошадей и рогатаго скота подтверждали, сколь велики недостатки тѣхъ бѣдныхъ тварей, которыя богатство и величество цѣлаго государства составлять должны. Не пропускалъ я ни одного селенія, чтобы не разспрашивать о причинахъ бѣдности крестьянской. И слушая ихъ отвѣты, къ великому огорченію, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами тому были виною. О человѣчество! тебя не знаютъ въ сихъ поселеніяхъ. О господство! ты тиранствуешь надъ подобными себѣ человѣками. О блаженная добродѣтель, любовь къ ближнему! ты употребляешься во зло: глупые помѣщики сихъ бѣдныхъ рабовъ изъявляютъ тебя болѣе къ лошадямъ и собакамъ, а не къ человѣкамъ! Съ великимъ содраганіемъ чувствительнаго сердца, начинаю я описывать нѣкоторыя села, деревни и помѣщиковъ ихъ. Удалитесь отъ меня ласкательство и пристрастіе, низкія свойства подлыхъ душъ: истина перомъ моимъ руководствуетъ». Эта истина о деревнѣ «Разоренной», о страданіяхъ и плачѣ дѣтей, вопіетъ къ человѣчеству и «премудрости, сидящей на престолѣ» и до сего дня; къ чести русской литературы служитъ ея непрестанная забота о соціальной справедливости и равенствѣ, на ряду съ требованіями улучшенія собственно государственнаго порядка. Безотрадная картина службы въ екатерининское время не скрылась отъ вниманія сатириковъ: пренебреженіе къ закону, произволъ, казнокрадство и взяточничество — любимая тема нашей литературы. Сама императрица во «Всякой Всячинѣ» напечатала 12 заповѣдей подьячимъ: не бери взятокъ; не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго; не сотвори крючковъ; не обходися грубо съ людьми; но говори челобитчикамъ: завтра; не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей; не давай никому наставленій въ ябедѣ; не напивайся пьянъ; чеши всякій день голову, ходи чисто по своей возможности, безъ щегольства; покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ и др. Изображеніе подобныхъ пороковъ въ сатирическихъ журналахъ обыкновенно ставится въ связь съ общей картиной нравовъ. Сатира на нравы у насъ вообще представляетъ большое богатство и разнообразіе красокъ: очевидно, обиленъ былъ матеріалъ жизни. «Формація этого

общества только что начиналась. Новые элементы его были въ полномъ броженіи и въ ожиданіи устоя проявлялись шумно, между тѣмъ старые упорствовали и, въ свою очередь, волновались. Рядомъ съ поклоненіемъ самымъ дурнымъ сторонамъ и формамъ устарѣлыхъ нравовъ, встрѣчалось безусловное увлеченіе всѣмъ новымъ, какъ бы оно ни было пошло и нелѣпо». Съ одной стороны — суевѣріе, ханжество; съ другой — атеизмъ, цинизмъ. Такое настроеніе отразилось и въ русской журналистикѣ. «Нападая на невѣжество, предразсудки, ханжество, ябеду, взяточничество, грубость обычаевъ, она не щадила нравовъ петиметровъ и щеголихъ, слѣпого поклоненія всему французскому, безплодныхъ шатаній по чужимъ краямъ, нелѣпыхъ модъ, стихоманіи, мотовства, легкомыслія и другихъ пороковъ, занесенныхъ изъ-за границы и распространившихся благодаря жалкому воспитанію» (Логиновъ).

Сатирики не щадятъ ни деревни, ни города, ни простыхъ, ни знатныхъ. «Живописецъ» въ «Письмахъ къ уѣздному дворянину Ѳалалею Трифоновичу» ярко изображаетъ крайнее невѣжество, суевѣрія и ханжество, жадность, дикій произволъ въ семьѣ, праздность, казнокрадство и лихоимство, обманъ, жестокость къ крестьянамъ. «Трутень» такъ опредѣляетъ придворныхъ: «кто одѣвается по модѣ, низко кланяется, говоритъ ласково и учтиво, часто улыбается, всѣмъ обѣщаетъ, рѣдкому исполняетъ, въ глаза всякаго хвалитъ, а за глаза бранитъ; проживаетъ больше, чѣмъ получаетъ, и всему на свѣтѣ завидуетъ». Щеголи и щеголихи особенно типичны вышли, можетъ-быть, благодаря тому, что ко времени Екатерины II образъ ихъ уже сложился и яснѣе опредѣлился: у нихъ свой взглядъ на жизнь, свои обычаи, свой языкъ. Позолоту они заимствовали изъ Франціи или Англіи, а невѣжество, моральная распущенность, конечно, свои.

Причину многихъ бѣдъ сатира видѣла въ дурномъ воспитаніи, ввѣрявшемся иноземнымъ гувернерамъ и гувернанткамъ, и въ страсти путешествовать за границей, безъ подготовки и безъ цѣли. Что за воспитатели были русскаго юношества, свидѣтельствуетъ, напримѣръ, такой офиціальный документъ, какъ указъ 1755 г. объ открытіи Московскаго университета: «иные родители, не имѣя знанія въ наукахъ или

по необходимости, не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Потому-то Новиковъ въ «Трутнѣ» и оповѣщаетъ читателей: «На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бурдо корабль: на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, по разнымъ дѣламъ, касавшимся до чести ихъ, приведены были до такой крайности, что для пріобрѣтенія золота вмѣсто Америки принуждены были ѣхать въ Россію. Они во своихъ разсказахъ солгали очень мало: ибо, по достовѣрнымъ доказательствамъ, они всѣ природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и должностяхъ третьяго рода. Многіе изъ нихъ въ превеликой жили ссорѣ съ парижскою полиціей, и для того она, по ненависти своей къ нимъ, сдѣлала имъ привѣтствіе, которое имъ не полюбилось... и ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей... Любезные сограждане! Спѣшите нанимать сихъ чужестранцевъ для воспитанія вашихъ дѣтей. Поручайте немедленно будущую подпору государства симъ побродягамъ, и думайте, что вы исполнили долгъ родительскій, когда наняли въ учители французовъ, не узнавъ прежде ни званія ихъ ни поведенія». Послѣ этого не покажется преувеличеніемъ, что Фонвизинъ сдѣлалъ Вральмана кучеромъ. Учитель изъ бывшихъ кучеровъ выведенъ еще раньше въ комедіи Екатерины II: «Вѣстникова съ семьей». Конечно, ни нравственнаго ни умственнаго воспитанія такіе учителя дать не могли: въ лучшемъ случаѣ, они обучали любезности, умѣнью одѣваться, ловкости въ танцахъ. Эти качества, впрочемъ, русскіе молодые люди могли получать и путешествіями за границей. Большинство изъ нихъ, совершенно неподготовленное, привозило изъ-за границы «только извѣстія, какъ тамъ одѣваются, пространное дѣлаютъ описаніе всѣмъ увеселеніямъ и позорищамъ того народа: но рѣдкій изъ нихъ знаетъ, на какой конецъ путешествіе предприниматься должно. Я почти ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ, чтобы сдѣлали они свои примѣчанія на нравы того народа, или

на узаконенія, на полезныя учрежденія и проч., дѣлающее путешествіе толико нужнымъ. Мнѣ это совсѣмъ не нравится: лучше совсѣмъ не ѣздить, нежели ѣздить безъ пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества» («Трутень»). И такихъ «молодыхъ русскихъ поросятъ, которые ѣздили по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума и которые, объѣздивъ съ пользою, возвратились уже совершенными свиньями, желающіе могли видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города» («Трутень»). Ихъ можно было отличить по роскоши въ костюмахъ, завитымъ волосамъ, пудрѣ, румянамъ и т. п. Ихъ можно узнать и по безобразной смѣси иностранныхъ и русскихъ словъ и оборотовъ: «Mon coeur Живописецъ! клянусь, что я всегда фелитирую твои листы безъ всякой дистракціи». Третій сатирическій журналъ Новикова «Кошелекъ», главнымъ образомъ, былъ посвященъ осмѣянію «чужебѣсія», а вмѣстѣ съ тѣмъ внушенію положительныхъ идеаловъ уваженія къ своему родному, изученія своего отечества... Все болѣе и болѣе чувствовалось, что авторъ какъ бы неудовлетворенъ своей сатирой: или онъ не могъ бы сказать такъ, какъ хотѣлъ, или не вѣрилъ въ благой результатъ. «Пишешь все пустое!» съ тоской говоритъ «Живописецъ». И вотъ въ дѣятельности Новикова открывается другая сторона.

Новиковъ является типичнѣйшимъ общественнымъ дѣятелемъ, стремившимся къ общему благу, сознательнымъ и принципіальнымъ защитникомъ просвѣщенія массъ, цѣнившимъ въ литературѣ большую нравственную силу, какъ немногіе изъ его современниковъ. И въ сатирическихъ журналахъ онъ не думалъ только смѣшить, какъ часто дѣлала Екатерина II, а стремился къ созданію общественнаго мнѣнія, котораго не было до того времени въ Россіи; и оставивъ сатиру, въ которой стала дозволена лишь «веселая и легкая критика», онъ принялся за серьезное и новое въ общественномъ смыслѣ дѣло — книгоиздательство. Самъ себя воспитавшій благодаря самодѣятельности, серьезной вдумчивости въ прошлое и настоящее русской жизни, Новиковъ хотѣлъ, чтобы и сограждане его имѣли «свѣдѣнія о своихъ прародителяхъ»: «похвально любить и отдавать справедливость достоинствамъ иностранныхъ; но стыдно презирать своихъ соотечественниковъ, а еще паче и гнушаться оными». Въ

1772 г. Новиковъ издаетъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ», въ которомъ съ большой любовью и трудомъ собираетъ извѣстія о русскихъ писателяхъ «изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ и словесныхъ преданій». Сочиненіе это интересно не въ одномъ библіографическомъ отношеніи, но и какъ выраженіе идей Новикова о важности и пользѣ образованія. Съ 1773 г. стала появляться «Древняя россійская Вивліоѳика», своего рода матеріалы для исторіи, географіи и этнографіи Россіи. Цѣлью изданія служило «начертаніе нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали великость духа ихъ, украшеннаго простотою». Новиковъ такимъ образомъ подготовлялъ будущаго Карамзина, но русское общество не было подготовлено къ подобному чтенію и не поддержало изданія. Въ томъ же году вышла «Древняя россійская идрографія» по 6 спискамъ... «паче всего для обличенія несправедливаго мнѣнія тѣхъ людей, которые думали и писали, что до времени Петра Великаго Россія не имѣла никакихъ книгъ окромѣ церковныхъ, да и то будто только служебныхъ». Дань Новикова увлеченію древне-русской стариной, которую по простотѣ онъ противополагаетъ ложной современной образованности, заканчивается его изданіями 1776 г.: «Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артемона Сергіевича Матвѣева», «Скиѳская исторія стольника Андрея Лызлова» и «Повѣствователь древностей россійскихъ» (ч. I). Отчасти къ этимъ изданіямъ могутъ быть отнесены 22 №№ «С.-Петербургскихъ Ученыхъ Вѣдомостей» 1777 г., въ которыхъ Новиковъ старался создать ученую литературную критику и исторію русской литературы. Но и эта дѣятельность Новикова не удовлетворила, ибо онъ искалъ «души», живого идеала жизни. Тутъ онъ «неожиданно попалъ» въ масонство и еще болѣе неожиданно встрѣтился, чтобы уже не разлучаться, съ «нѣмчикомъ» Иваномъ Егоровичемъ Шварцемъ. Друзей соединяло, несмотря на нѣкоторую разницу въ темпераментахъ (Новиковъ былъ практичнѣе, Шварцъ — горячѣе) общее стремленіе къ нравственному самоусовершенствованію и желаніе служить русскому народу, съ одной стороны, содѣйствуя его просвѣщенію путемъ открытія училищъ, изданія полезныхъ книгъ, заведенія типографій и книжныхъ лавокъ,

приготовленія учителей и вообще молодежи за границей, а съ другой, — устраивая для того же народа больницы, аптеки, благотворительныя общества. И, какъ рѣдко бываетъ на Руси, планы и проекты Новикова и Шварца получили широкое практическое осуществленіе и вызвали не мало дѣятелей и послѣдователей. Новиковъ въ 1779 г. арендовалъ университетскую типографію и въ одинъ годъ издалъ столько книгъ, сколько издано было ею въ 24 прежніе года. Въ массѣ городовъ открыты книжныя лавки. Шварцъ основалъ при университетѣ «Переводческую семинарію», въ которой работали члены имъ же образованнаго «Собранія университетскихъ питомцевъ». Въ 1782 году открывается уже «Дружеское ученое общество» съ задачами: печатаніе разнаго рода книгъ, преимущественно учебныхъ, и разсылка ихъ по училищамъ; распространеніе въ обществѣ разныхъ полезныхъ знаній и особенно содѣйствіе успѣхамъ тѣхъ наукъ, въ которыхъ русскіе мало упражнялись: греческаго и латинскаго языковъ, знанія древностей, свѣдѣній о природѣ; занятія филологическою или переводческою семинаріей и вообще поощреніе къ образованію молодыхъ даровитыхъ людей. Черезъ два года «Дружеское ученое общество» было преобразовано въ «Типографическую компанію», сохранивъ, однако, прежнія цѣли и, пожалуй, усиливъ филантропическую дѣятельность: нельзя, напримѣръ, забыть широко организованную этимъ обществомъ помощь голодающимъ въ Москвѣ въ 1787 году.

Вопросъ о характерѣ изданій (книгъ и журналовъ), а также о постановкѣ воспитанія былъ, естественно, наиболѣе существеннымъ для Новикова и Шварца. Въ этомъ вопросѣ главный смыслъ ихъ дѣятельности. Обыкновенно историки пріурочиваютъ ихъ взгляды къ ученію масонства, распространившагося въ Россіи во вторую половину XVIII в. Первая русская такъ называемая «Великая ложа» была открыта въ С.-Петербургѣ въ 1772 году гроссмейстеромъ И. П. Елагинымъ, по англійскому образцу; кромѣ того, у насъ были и другія формы масонства въ зачаточныхъ ступеняхъ: шведское (Куракинъ, Гагаринъ), рейхельское, берлинское (розенкрейцерство), послѣдователемъ котораго былъ и Шварцъ.

По существу своему, масонство, ученіе спиритуалистическое, близкое къ мистицизму, противоположно «вольтерьянству», основанному на матеріализмѣ, и даже распространилось, можетъ-быть, какъ реакція «духу вѣка»; непосредственно гуманитарное содержаніе французскаго просвѣщенія XVIII в. — исканіе справедливости, понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, вѣротерпимость, требованіе законности — были общеприняты, но въ борьбѣ между вѣрою и разумомъ масонство отдаетъ предпочтеніе первой. Въ содержаніи масонства есть какъ свѣтлыя положительныя, такъ и темныя отрицательныя стороны. Глубоко таящееся на днѣ масонства вѣчное и высокое филантропическое чувство вело къ признанію человѣческаго достоинства, къ проповѣди взаимной любви и помощи, всяческой терпимости — религіозной, національной, сословной, побуждало къ нравственному самоусовершенствованію и исканію идеала. Вотъ какъ опредѣляетъ цѣль его одинъ опытный масонъ: «Масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей ко взаимной любви и помощи. Оно никого не ненавидитъ и не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе; искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей; споспѣшествовать всѣми силами общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда». Какъ особое ученіе масонство способствовало и выработкѣ цѣльнаго міровоззрѣнія, обнимающаго Бога, міра и человѣка. Здѣсь начинаются уже недостатки ученія, превращающагося въ свѣтскій монашескій орденъ, требующій аскетическаго отреченія отъ міра, съ его радостями и привязанностями, отъ плоти — жилища сатаны, и идеализирующій смерть. Много отжившаго «средневѣковаго» и въ выдуманной исторіи ордена отъ Адама, и въ склонности къ

«тайнымъ» наукамъ (алхимiи вмѣсто химiи, магiи вмѣсто физики, астрологiи вмѣсто астрономiи, теософiи вмѣсто философiи и пр.), и въ исканiи скрытаго гдѣ-то во внутренности земли философскаго камня, являющагося всеобщимъ лѣкарствомъ или панацеей; тутъ есть даже какъ будто внутреннее противорѣчiе, ибо чисто нравственное духовное ученiе стремится къ отысканiю камня съ чисто матерiальнымъ свойствомъ превращенiя грубыхъ металловъ въ благородные. Не менѣе дикимъ и нелѣпымъ должно признать стремленiе масонства къ внѣшней обрядности и пышнымъ церемонiямъ, къ чиноначалiю и дисциплинѣ. Въ Россiи «тайныя» ученiя масонства, борьба «системъ», обрядность были восприняты наивно и поверхностно и не играли существенной роли, и насмѣшки Екатерины II надъ «шаманами сибирскими» и «обманщиками», т.-е. масонами, были выраженiемъ скрытаго недовольства другой стороной русскаго масонства, въ которой сказалось пробужденiе нравственной самодѣятельности русскаго общества. Масонство, какъ особое ученiе, пало бы само собой, вслѣдствiе указанныхъ уже существенныхъ его недостатковъ, но русскiе масоны должны были пострадать отъ руки русскаго правительства, испугавшагося «организацiи» масоновъ и увидѣвшаго въ ихъ широко-просвѣтительной дѣятельности покушенiе на свои права. Русскiе масоны были прежде всего идеалистами, стремившимися познать мiръ и себя и приблизиться къ нѣкоторому образу совершенства и искавшими средствъ къ такому усовершенствованiю нравственности и къ развитiю самопознанiя. Много заблуждались русскiе масоны, но вмѣстѣ съ тѣмъ многiе изъ нихъ являютъ примѣры сильныхъ и независимыхъ характеровъ, что само по себѣ уже имѣетъ моральное значенiе, особенно при низкомъ уровнѣ нашего общества. Къ болѣе виднымъ русскимъ масонамъ-писателямъ должно отнести столь осмѣяннаго за свою «Россiаду» Хераскова, Новикова и Шварца съ друзьями. Перiодъ критики и сатиры они всѣ уже пережили. Теперь для нихъ настало время проповѣди непорочности и чистоты сердца, хотя тутъ и скажется разница между ними въ отношенiи къ реальной дѣйствительности, будутъ пассивные и активные. Херасковъ въ журналѣ «Полезное увеселенiе» училъ о добродѣтели, называлъ пороки «слабостями», видѣлъ «счастiе человѣка въ

спокойной совѣсти»; въ комедіи «Безбожникъ» изображалъ нравственное паденіе человѣка отъ дурного воспитанія, а въ комедіи «Ненавистникъ» — начало самосознанія и самообвиненія; въ своемъ эпосѣ Херасковъ проводилъ ту же идею нравственнаго улучшенія человѣка: въ «Россіадѣ» можно найти много примѣровъ торжества добродѣтели надъ зломъ, доказательствъ тщеты земного блеска; въ поэмѣ «Владиміръ» изображается человѣкъ, который «странствуетъ путемъ истины, срѣтается съ мірскими соблазнами, впадаетъ во мраки сомнѣнія, борется и, наконецъ, преодолѣваетъ себя». Этотъ религіозно-мистическій или масонскій смыслъ имѣли и лекціи Шварца по исторіи философіи. Различая разные роды познанія, онъ говорилъ о познаніи полезномъ, необходимомъ для человѣка: «оно научаетъ насъ истинной любви, молитвѣ и стремленію духа къ вышнимъ понятіямъ. Къ симъ-то послѣднимъ познаніямъ человѣкъ стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей — гражданинъ». Того же характера масонское ученіе и Лопухина, который отгораживалъ русское масонство отъ западнаго опредѣленіемъ: «нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система нашà, что Христосъ — начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и будущей». Въ «Запискахъ о своей жизни» Лопухинъ разсказываетъ, что «члены масонскаго общества упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ науки, содержащимся въ Библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, — науки, открывающей начало всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ». Для руководства къ такому «моральному перерожденію» въ христіанскомъ духѣ Лопухинъ написалъ «Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ», присоединивъ его впослѣдствіи къ сочиненіямъ: «Духовный рыцарь, или ищущій премудрости» и «О внутренней церкви». Къ раннимъ сочиненіямъ Лопухина относится написанное имъ въ оправданіе своего масонства, такъ какъ раньше Лопухинъ былъ тоже «вольтерьянецъ»,

«Разсужденіе о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и опроверженіе ихъ вредныхъ правилъ». Менѣе замѣтенъ духовный переломъ въ Новиковѣ, такъ что относительно нѣкоторыхъ его изданій существуетъ разногласіе — масонскія они или нѣтъ (Незеленовъ и Пыпинъ объ «Утреннемъ Свѣтѣ»), а въ его біографіи, при всемъ ея внѣшнемъ разнообразіи, видятъ строгую послѣдовательность, органичность развитія, единство благороднаго нравственно-общественнаго настроенія. Въ отличіе отъ масоновъ, пассивно, «на словахъ» воспринимавшихъ нравственное ученіе ордена и весьма мало думавшихъ о борьбѣ со зломъ міра и о водвореніи началъ равенства, терпимости, взаимопомощи, Новиковъ явился представителемъ именно дѣятельнаго идеализма. Въ нравственномъ перерожденіи общества онъ видѣлъ силу масонства, нашелъ примиреніе внутренняго разлада, мучившаго лучшихъ людей XVIII в. Вмѣстѣ со Шварцемъ и друзьями онъ думалъ направить общественныя силы на благотвореніе и на распространеніе въ массѣ истиннаго просвѣщенія. Не религіозный, а политическій и соціальный вопросъ постепенно выдвигался въ ихъ дѣятельности, какъ неизбѣжный результатъ, правда, сначала въ духѣ Руссо или современнаго намъ Льва Толстого, но съ теченіемъ времени въ болѣе и болѣе конкретныхъ формахъ: не даромъ ставятъ рядомъ «по общественному настроенію», несмотря на разницу исходныхъ точекъ, Новикова и Радищева. Отраженіе «масонскихъ» идей Новикова, Шварца и др. можно найти въ журналахъ Новикова: «Утренній Свѣтъ» (издавался въ 1777 году съ благотворительной цѣлью, въ пользу основанія въ С.-Петербургѣ первоначальныхъ училищъ для бѣдныхъ и сиротъ), «Московское Изданіе» (1781), «Вечерняя Заря» (1782), «Прибавленіе къ Московскимъ Вѣдомостямъ» (1783 и 1784), «Покоящійся Трудолюбецъ» (1784 и 1785). Въ этихъ журналахъ есть переводы и оригинальныя статьи по разнымъ вопросамъ. Общій характеръ опредѣляется подборомъ статей, отвѣчающихъ настроенію авторовъ-издателей. Статей масонскихъ, въ узкомъ смыслѣ, излагающихъ исторію, таинства, символы масонства, немного: въ «Утреннемъ Свѣтѣ» — о терапевтахъ и ессеяхъ, которыхъ масоны считали своими предшественниками, описаніе одного мистическаго рисунка

«храма природы и премудрости», письмо о связи масонства съ древними мистеріями; въ «Московскомъ Изданіи» — объ «алхимистскихъ адептахъ» въ статьѣ «Празднаго времени упражненіе» и о преемствѣ ордена съ Адама въ статьѣ «Состояніе человѣка передъ грѣхопаденіемъ»; въ «Вечерней Зарѣ» — «Предувѣдомленіе къ читателямъ» объясняетъ «гіероглифъ» самаго названія журнала, изложеніе «египетскаго» ученія, якобы основы масонства; въ «Покоящемся Трудолюбцѣ» дань масонству можно видѣть въ статьѣ о каббалѣ. Больше статей въ этихъ журналахъ посвящено борьбѣ съ скептически-матеріалистическимъ направленіемъ вѣка въ защиту духовности и безсмертія человѣческой души. Противъ «вольнодумцевъ и невѣрующихъ» выдвигается цѣлый арсеналъ доказательствъ богословскаго характера. Для обоснованія нравственности и самопознанія авторы обращаются къ философіи, логикѣ, психологіи. Наука и знаніе не отрицаются («Утренній Свѣтъ»), развитіе науки, вмѣстѣ со свободой и огражденіемъ права собственности, считается даже необходимымъ условіемъ благосостоянія и могущества народа («Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ»), но она должна быть, главнымъ образомъ, направлена на самопознаніе, «къ совершенному разрѣшенію оной загадки: на какой конецъ человѣкъ родится, живетъ и умираетъ, и ежели онъ при учености своей злое имѣетъ сердце, то достоинъ сожалѣнія и со всѣмъ своимъ знаніемъ есть сущій невѣжда, вредный самому себѣ, ближнему и цѣлому обществу». Идеализмъ авторовъ неизбѣжно носитъ отвлеченный характеръ «свободы и блаженства въ себѣ»; встрѣчается сентиментально-идиллическое прославленіе природы, но все земное — богатство, величіе, власть — представляется тщетнымъ и суетнымъ; смерть восхваляется какъ благо. Съ этой холодной высоты резонирующаго разума, безъ той теплоты чувства, которой бы мы могли ожидать отъ нравственно настроенныхъ людей, высказано не мало общественно-полезныхъ идей о вредѣ и нелѣпости войны, поединковъ, о необходимости образованія женщинъ и равенствѣ ихъ въ бракѣ; политическіе взгляды масоновъ не отличаются особенной опредѣленностью, но и передъ ними рисуется возвышенный идеалъ государя, они прославляютъ законъ, осмѣиваютъ льстецовъ государя, плутовъ-

подьячихъ и всяческое неправосудіе; противъ «рабства» разсѣяно не мало замѣчаній филантропическаго свойства («какая нужда! какая печаль!»), но «Письмо къ другу», помѣщенное въ «Покоящемся Трудолюбцѣ», напоминаетъ прежняго издателя «Живописца». Съ сердечной горестью глядитъ авторъ письма на крестьянъ:

Они, работою и зноемъ утомлены,
. . . .
Трудятся для себя, но болѣе для насъ,
Отдохновенія едва ль имѣютъ часъ:
Кровавый потъ они, трудяся, проливаютъ
И пищу нужную для насъ приготовляютъ.
Для нашей роскоши, для прихоти своей
Мы мучимъ не стыдясь, подобныхъ намъ людей;
Съ презрѣньемъ нѣкоимъ на ихъ труды взираемъ,
Гордяся лѣностью, ихъ силы изнуряемъ;
Не помнимъ и того, что на одинъ конецъ
Равно готовитъ всѣхъ, и насъ и ихъ, Творецъ.
Какъ роскошь я мою трудомъ ихъ измѣряю,
Почтенье къ нимъ храню, къ себѣ его теряю.
Неужъ-то будетъ вѣкъ одна для нихъ чреда
Для пользы нашей жить, а намъ для ихъ вреда?
Не можетъ быть того! Творецъ сіе исправитъ,
Унизитъ гордость въ насъ, ихъ выше насъ поставитъ.
. . . .
О гордость! корень зла и всѣхъ грѣховъ вина,
Причина варварства и рабства — ты одна!

Особенный интересъ въ названныхъ журналахъ представляютъ статьи о воспитаніи, «источникъ благополучія и несчастія народовъ». Такъ, въ статьѣ, вѣроятно, Шварца, въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ», дана цѣлая «система», пожалуй, не уступающая Локку. Побудительнымъ мотивомъ къ пересмотру вопроса о воспитаніи является безотрадная картина нравовъ: разсѣянная и легкомысленная жизнь, модничанье (кокетки и франты), пристрастіе къ чужому и пр. Задача воспитанія — «сдѣлать дѣтей благополучными и приготовить хорошихъ гражданъ». Для выполненія такой задачи нужны хорошіе воспитатели,

«подпора всего добра»; ихъ нужно строго выбирать, но, выбравъ, уважать. Они, довѣряя уму, нравственному чувству и волѣ дѣтей, будутъ воспитывать ихъ физически, согласно съ требованіями гигіены и медицины, нравственно, но не одно сердце, а и разумъ, ибо, по мнѣнію автора, воля и умъ тѣсно связаны, истинная нравственность основывается на логическомъ мышленіи и знаніяхъ. Особенно цѣнна эта мысль о равноправности воспитанія и образованія въ XVIII в. и еще въ масонскомъ журналѣ! Заслуживаетъ вниманія и наставленіе о религіозномъ воспитаніи не путемъ зубренія трудныхъ и непонятныхъ молитвъ, обрядовъ и т. п., а приближеніемъ къ природѣ, чтеніемъ евангелія, предчувствіемъ тайны міра.

Послѣ сдѣланнаго нами обзора идейнаго содержанія русской литературы XVIII в. не остается чрезвычайныхъ темъ, ни особой новизны въ ихъ освѣщеніи даже для такихъ людей, какъ Фонвизинъ, Державинъ, Радищевъ. Они даютъ лишь итоги, вмѣсто разбросаннаго и случайнаго нѣчто цѣльное, въ болѣе или менѣе художественной, прочувствованной формѣ; «чужое», благодаря внутренней переработкѣ, становится уже «своимъ».

Фонвизинъ избралъ родъ литературы, которому наиболѣе прилично названіе нравоучительнаго. Слава Фонвизина и до сего дня зиждется на комедіяхъ: «Бригадиръ» (1766) и «Недоросль» (1782), и напрасно онъ не послушался совѣта князя Потемкина послѣ представленія «Недоросля»: «умри, Денисъ, или больше уже ничего не пиши». Остальныя сочиненія, дѣйствительно, или перепѣвы мотивовъ первыхъ комедій, или старческое брюзжанье склонившагося къ мистицизму былого «вольтерьянца». Картина нравовъ, нарисованная Фонвизинымъ, намъ уже знакома. Въ «Бригадирѣ» она изображена легко и насмѣшливо, въ «Недорослѣ» — глубже и трагичнѣе. «Въ семействахъ Простаковыхъ,—говоритъ Вяземскій,—трагическія развязки нерѣдки. Архивъ уголовныхъ дѣлъ нашихъ можетъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, его одушевляющая, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло». Серьезную сторону комедіи «Недоросль» под-

черкиваетъ и историкъ Ключевскій, говоря: «герои Недоросля вовсе не забавны, а нетерпимы», «смѣхъ въ театрѣ смѣняется тяжелымъ раздумьемъ по выходѣ изъ него», «прошли забавныя положенія людей, но люди остались и снова могутъ встрѣтиться». Въ «Бригадирѣ» представлены комическія стороны обоихъ поколѣній: стараго и новаго. Бригадиръ — «военный человѣкъ, а притомъ и кавалеристъ, не столько иногда любитъ жену свою, сколько лошадь», способный «разомъ ребра два выхватить» у сына, начитанный лишь въ военныхъ артикулахъ. Совѣтникъ — «бывалъ судьей: виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду», также говаривалъ, «что взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой», въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ онъ готовъ продать и Бога, напоминая своимъ кощунствомъ и ханжествомъ мольеровскаго Тартюфа, только погрубѣе. Бригадиршѣ — «скучны всѣ тѣ рѣчи, отъ которыхъ нѣтъ никакого барыша», она «за рубль рада вытерпѣть горячку съ пятнами» и притомъ необыкновенно сварлива: «Бригадиръ до женитьбы не вѣрилъ, что и чортъ есть; однакоже, женяся, скоро повѣрилъ, что нечистый духъ экзистируетъ». Совѣтница представляетъ другую разновидность вѣка: она не хозяйка-скопидомка, а щеголиха, считающая всѣ правила нравственности за предразсудки, обожающая Иванушку, «французскаго повѣсу». Если причина порока бригадировъ, совѣтниковъ и бригадиршъ — невѣжество, отсутствіе образованія, то Иванушки — плодъ дурного воспитанія. Избалованный сначала дурой-матерью, потомъ учившійся въ пансіонѣ какого-то французскаго кучера, наконецъ, заканчивавшій образованіе на парижскихъ бульварахъ, Иванушка не могъ, конечно, «украсить голову снутри». Нѣкоторые критики хотѣли видѣть въ карикатурномъ изображеніи петиметровъ, щеголихъ, французоманіи какъ бы противоположеніе идеальной древне-русской простотѣ, семейственности и т. д. Но картина семейства Простаковыхъ въ «Недорослѣ» исключаетъ возможность какой-либо идеализаціи «старины»: это какіе-то выродки старой Руси, совершенно незатронутые петровской реформой. Главное дѣйствующее лицо комедіи, Простакова, стало нарицательнымъ

именемъ для глупости и злости; самъ авторъ называетъ ее «презлою фуріей, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома»; злая и безчеловѣчная къ однимъ, низкая и трусливая въ отношеніи къ другимъ, она какъ будто все цѣнное для нея въ жизни сосредоточила на Митрофанушкѣ, но какъ гнусна эта эгоистическая нѣжность къ сыну и какъ низменны ея понятія о томъ, что нужно человѣку! Мужъ Простаковой безпомощное существо, «уродъ», «рохля», по грубому выраженію его жены, то «въ столбнякѣ» стоитъ, то «поретъ такую дичь, что просишь у Бога опять столбняка». Братъ Простаковой, Скотининъ, грубъ, какъ бригадиръ, крайне невѣжественъ и пошлъ въ своей привязанности къ свиньямъ. Митрофанушка — достойный плодъ «злонравія» семьи. Онъ прямо отвратителенъ, особенно въ сценѣ съ учителями и въ заключительныхъ словахъ къ матушкѣ: «да отвяжись! какъ навязалась»... И таково-то благородное россійское дворянство, надѣленное правами и привиллегіями, призванное устраивать русскую жизнь на началахъ самоуправленія и гуманнаго обращенія съ подвластными крестьянами, цвѣтъ общества по уму и образованію! Какая злая насмѣшка! Къ сожалѣнію, не карикатура. Сатирикъ долженъ былъ подойти къ самому корню зла: къ крѣпостному праву, и онъ намѣтилъ, но, по цензурнымъ условіямъ того времени, не могъ показать во всей рѣзкости живые результаты «режима». Мы достаточно слышимъ о безчеловѣчномъ обращеніи со слугами, видимъ же на сценѣ непокорнаго, озлобленнаго «холопа» Тришку и вѣрную забитую рабу Еремѣевну. Комедія, можетъ-быть, выиграла бы, если бы была построена на антитезѣ безотвѣтственности и самодурствѣ однихъ и приниженности другихъ, какъ впослѣдствіи изобразилъ Островскій свое «темное царство». Но Фонвизинъ умалилъ и художественное и общественное значеніе своей комедіи, сведя ее къ уроку для дворянства. Дворянскія тенденціи екатерининскаго времени, видно, не чужды были и ему. Основныя идеи и идеалы автора выражены въ благородныхъ лицахъ комедій: Добролюбовъ и Софья—въ «Бригадирѣ», Милонъ, Софья, Правдинъ и Стародумъ—въ «Недорослѣ». Говорятъ о блѣдности этихъ лицъ, о резонерствѣ. Но гдѣ же было взять живые идеалы? Въ переходныя эпохи, когда сознаніе еще не успѣло претво-

риться въ жизнь. благородные герои всегда будутъ походить на моралистическіе манекены, и это обстоятельство не должно имъ ставиться въ особую фальшь. Что же «проповѣдуетъ» авторъ устами излюбленныхъ героевъ? Для этого достаточно прислушаться къ рѣчамъ Стародума. Для пониманія этого нарицательнаго имени можно припомнить, что въ 1788 году Фонвизинъ хотѣлъ издавать журналъ «Стародумъ» или «Другъ честныхъ людей» съ цѣлью преслѣдовать всевозможные пороки общества: казнокрадство, взяточничество и праздность чиновниковъ, высокомѣріе и произволъ сильныхъ людей, придворныхъ, ихъ пустоту и мотовство, современную распущенность нравовъ, невѣжество, суровость къ крестьянамъ дурныхъ помѣщиковъ... Таковъ Стародумъ и въ комедіи. Человѣкъ своего вѣка, онъ согласуетъ свои совѣты съ указаніями западно-европейской философіи, называя, а чаще скрывая своихъ вдохновителей. «Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ», говоритъ Стародумъ о Фенелонѣ. Главное — нравы, добродѣтель. «Имѣй сердце, имѣй душу и будешь человѣкъ во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы. Безъ души просвѣщеннѣйшая умница—жалкая тварь. Невѣжда безъ души звѣрь». «Воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства. Отъ дурного воспитанія всѣ несчастныя слѣдствія». Стародумъ «желалъ бы, чтобы при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ—благонравіе. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу». Основа добродѣтели, по Стародуму, честность, честь. Съ нею сопрягается исполненіе долга передъ отечествомъ, истинное счастье семейное, характеръ отношеній къ себѣ подобнымъ. Быть «благонравнымъ» выгодно, «какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлой выслугой и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми». Это достижимо, конечно, при идеальномъ государѣ. «Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Крестьянинъ, который плоше всѣхъ въ

деревнѣ, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ». «Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ, въ чемъ его истинная слава, тамъ человѣчеству не могутъ не возвращаться его права; тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно». Трудно не узнать въ подобныхъ тирадахъ философскихъ и политическихъ идей вѣка, просачивавшихся въ русскую литературу всякими способами; невольно сопоставляются рѣчи Стародума съ статьями Наказа. Прежде всего Стародумъ обращается съ своими нравоученіями къ дворянству, его хочетъ воспитать, надъ его недостатками больше всего грустить. «Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ, — подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!» При дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ Стародумъ увидѣлъ, что «между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, что въ большомъ свѣтѣ водятся премелкія души и что съ великимъ просвѣщеніемъ можно быть великому скареду». «Въ этой сторонѣ по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе... Двое, встрѣтясь, разойтиться не могутъ. Одинъ другого сваливаетъ, и тотъ, кто на ногахъ, не поднимаетъ уже никогда того, кто на земли». Такъ Фонвизинъ, а раньше Екатерина, Щербатовъ и другіе, несмотря на сердечное влеченіе къ дворянству, долженъ былъ рисовать, изъ чувства справедливости, печальную картину своего рода «оскудѣнія» господствующаго сословія.

Фонвизинъ, благодаря свойству своего ума, спокойнаго и насмѣшливаго, благодаря европейскому образованію, болѣе былъ способенъ къ анализу жизни, чѣмъ Державинъ, человѣкъ воображенія. Державина можно назвать «пѣвцомъ екатерининскаго вѣка» не за лѣтопись побѣдъ и завоеваній, успѣховъ нашей гражданственности, наукъ и промышленности, не за описаніе блестящихъ и пышныхъ праздниковъ вельможъ и т. п., а за выраженіе тѣхъ чувствъ и настроеній, какія переживали современники Екатерины II. «Было какое-то очарованіе, которымъ жилъ тогда русскій народъ, — говоритъ Хомяковъ; — было восторженное настроеніе, без-

мѣрно далеко отстоящее отъ нынѣшняго унынія и, очевидно, слишкомъ высокое и напряженное, чтобы удержаться на этой высотѣ». Это ощущеніе, наиболѣе присущее, конечно, дворянскому классу, и передалъ Державинъ въ своихъ одахъ, и въ этомъ одна изъ главныхъ причинъ его необыкновеннаго успѣха. На первомъ планѣ сама Екатерина II, равно плѣнявшая умъ и личными качествами и дѣятельностью. Богоподобная «Фелица» — идеализація дѣйствительной императрицы, характерная для людей XVIII в. Мы узнаемъ отсюда идеалъ монарха. Отъ него требуется простота и любезность въ обращеніи, твердость и мужество характера, уваженіе человѣческаго достоинства подданныхъ и сознаніе законныхъ правъ человѣка, дѣятельность на благо народа. За императрицей идутъ ея сподвижники, наперсники у трона, совѣтодатели въ войнѣ и мирѣ: Потемкинъ, Румянцевъ, Суворовъ и другіе. Державинъ поетъ ихъ «великія дѣла», счастіе и славу. Но имъ далеко до обожествленной царицы, которая остается единственной и одинокой среди придворныхъ по своимъ высокимъ качествамъ. Увлекаемый идеаломъ правителя — истиннаго друга народа, а, можетъ-быть, и побуждаемый сатирическимъ направленіемъ русской литературы XVIII в., Державинъ внесъ въ свои оды элементъ сатиры и съ той же энергіей и искренностью, съ какой воспѣвалъ царицу, порицалъ ея царедворцевъ за чрезмѣрную любовь къ пустымъ удовольствіямъ, праздность, пустоту жизни. Особенность Державинской сатиры не въ содержаніи, а въ формѣ, въ томъ лирическомъ воодушевленіи, которое не знаетъ скучнаго однообразія и незамѣтно мѣняетъ тона. Его сатира является то грозной филиппикой и гремитъ на порокъ проклятіемъ раздраженной и негодующей души, то слезою тронутаго сердца, оплакивающаго заблужденіе; то ядовитою насмѣшкою ума, оскорбленнаго глупостями вседневной жизни; то шуткой добродушнаго характера, рожденнаго въ веселую минуту» (Милюковъ). Была у Державина еще одна страсть, въ духѣ вѣка, — склонность къ морализаціи. Его мораль не отличается ни особенной глубиной, ни вдохновеніемъ. Послѣ картинъ наслажденій и пировъ, написанныхъ дѣйствительно съ восторгомъ и воодушевленіемъ, его разсужденія о смерти кажутся холодной резонирующей риторикой: «Смерть — трепетъ естества

и страхъ! Мы — гордость съ бѣдностью совмѣстна! Сегодня — богъ, а завтра прахъ! Сегодня льститъ надежда лестна, а завтра — гдѣ ты человѣкъ? Едва часы протечь успѣли, хаоса въ бездну улетѣли, и весь, какъ сонъ, прошелъ твой вѣкъ!» И это стихи изъ лучшей «нравственно-философской» оды Державина. Спасеніе отъ страха смерти Державинъ ищетъ не въ сознаніи, что въ «потокѣ временъ» тонутъ однѣ только формы, а не идеи, а—въ безсмертіи души, церковномъ ученіи о Богѣ и «правилахъ любомудрія»: «Жизнь мудраго — жизнь наслажденія всѣмъ тѣмъ, природа что даетъ. Не спать въ свой вѣкъ и съ попеченья не чахнуть, коль богатства нѣтъ; знать малымъ пробавляться скромно, жить съ беззаконными законно, чтить доблесть, не любить порокъ, со всѣми и всегда ужиться, но только съ добрыми дружиться: вотъ въ чемъ былъ Аристипповъ толкъ».

Въ противоположность Державину—поэту, схватившему лишь внѣшнюю сторону вѣка и не безъ противорѣчій самому себѣ, Радищевъ является мыслителемъ самостоятельнымъ и принципіальнымъ, напоминавшимъ, «что нужно въ жизни имѣть правила, дабы быть блаженнымъ, и что должно быть тверду въ мысляхъ, дабы умирать безтрепетно». Человѣкъ необыкновенно воспріимчивый и впечатлительный въ идейномъ и житейскомъ смыслѣ, онъ отразилъ въ своей «многострадальной» книгѣ: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790. Въ Санктпетербургѣ) и свои «мечтанія» и «несносное пробужденіе». Эти мечтанія, съ одной стороны, плодъ лекцій профессоровъ Лейпцигскаго университета, учившихъ, какъ Геллертъ, о служеніи истинѣ и добродѣтели, или критиковавшихъ, какъ Платнеръ, соціальныя отношенія между богатыми и бѣдными; съ другой—результатъ изученія французскихъ философовъ и писателей. Будучи студентомъ, Радищевъ, говоря его словами, «учился мыслить» по книгѣ Гельвеція «о разумѣ», предпочиталъ курсу профессора Бёме изученіе сочиненій Мабли, возбуждавшаго революціонный духъ разсужденіями о свободѣ и равенствѣ, объ обязанностяхъ гражданина; сочиненіе Радищева обнаруживаетъ близкое знакомство послѣдняго съ Руссо, энциклопедистами (особенно Гольбаха «Система природы»), Рейналемъ («Философская и политическая исторія европейскихъ колоній и европейской торговли въ обѣихъ Индіяхъ»).

«Пробужденіе» отъ возвышенныхъ и благородныхъ мечтаній заключалось въ близкомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью русской жизни, общее впечатлѣніе которой Радищевъ выразилъ въ эпиграфѣ къ своей книгѣ: «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй». Эта пропасть между идеаломъ и дѣйствительностью, мучившая «чувствительную» душу, и была, вѣроятно, главной побудительной причиной къ сочиненію книги. Радищевъ хотѣлъ быть писателемъ, чтобы «соучастникомъ быть во благодѣйствіи себѣ подобнымъ», искалъ нравственнаго удовлетворенія въ томъ, «если твореніемъ своимъ могъ просвѣтить хотя единаго; блаженъ, если въ единомъ хотя сердцѣ посѣялъ добродѣтель». Такимъ образомъ идейная сторона книги и ея реальное содержаніе тѣсно спаяны одной цѣлью—принести пользу обществу. Все, что крупицами, по частямъ, въ формѣ намековъ и иносказаній, высказывалось въ обличительныхъ произведеніяхъ русской литературы XVIII в., въ «Путешествіи» соединено въ одинъ фокусъ, сказано прямо и сильно: и при этомъ освѣщено такимъ полнымъ и стройнымъ міросозерцаніемъ, которое обнаруживаетъ уже не ученическое, а вполнѣ сознательное, и глубокое усвоеніе умственныхъ теченій западно-европейской мысли. Въ этомъ смыслѣ, Радищевъ представляетъ дѣйствительное свидѣтельство зрѣлости русской мысли, которая не проходитъ безслѣдно, какъ проходитъ чужое и случайное, а создаетъ прочную традицію и измѣняетъ дѣйствительность, несмотря на всякія препятствія. Судьба книги и ея автора извѣстны. Книга была изъята изъ употребленія. Писатель преданъ уголовному суду и осужденъ за то, что наполнилъ книгу «самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской». Въ чемъ же заключаются «вредныя умствованія» преступнаго писателя?

Исходной точкой для Радищева является природа и просвѣщенный разумъ. «Я обратилъ взоры мои во внутренность мою и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходятъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо

на окружающіе его предметы». «Я человѣку, — говоритъ Радищевъ въ другомъ мѣстѣ, — нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. Отыми завѣсу отъ очей природнаго чувствованія, и блаженъ буду». Эти природныя чувствованія, страсти — не зло, а благо: «совершенно безстрастный человѣкъ есть глупецъ и истуканъ нелѣпый»; если «чрезвычайность въ страсти есть гибель», то «безстрастіе есть нравственная смерть»; просвѣщенный разумъ, не подавляя страсти, умѣряетъ ее и дѣлаетъ человѣка господиномъ его духовной жизни. Юность должна научиться познавать свои заблужденія и управлять собою. Велика и отвѣтственна при этомъ роль воспитателя. Основывая союзъ семейный между родителями и дѣтьми на началахъ полной свободы, ибо связь явится сама собою, гдѣ дѣйствуетъ законъ самосохраненія, Радищевъ и въ дѣлѣ воспитанія противъ принужденія, чтобы воспитать «духъ нетерпящъ велѣнія безразсуднаго, кротокъ къ совѣту дружества». Истинное воспитаніе на первой ступени исключаетъ «наемныхъ рачительницъ» и «наемныхъ наставниковъ». Задача воспитанія — укрѣпить тѣло физическими упражненіями и трудами, развить умъ размышленіями, избѣгая излишняго отягощенія памяти, воспитать нравственное чувство и чувство собственнаго достоинства, которое бы сдѣлало человѣка судьею собственныхъ поступковъ и заставило бы его избѣгать «даже вида раболѣпствованія». Радищевъ признавалъ свободу личности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Чуждый совершенно мистицизма, Радищевъ не былъ, однако, и атеистомъ: онъ исповѣдывалъ единаго всесильнаго подъ разными именами Бога и другимъ предоставлялъ полную свободу совѣсти, не зная ни государственныхъ интересовъ религіи, ни религіозныхъ преступленій: «если думаешь, что хуленіемъ Всевышній оскорбится, — урядникъ ли благочестія можетъ быть за него истецъ?» Радищевъ отстаивалъ свободу мысли и устнаго и печатнаго слова. «Пускай печатаютъ все, кому что на умъ ни взойдетъ. Кто себя въ печати найдетъ обиженнымъ, тому да дастся судъ по формѣ. Я говорю не смѣхомъ. Слова не всегда суть дѣянія, размышленія же не преступленія. Се правила Наказа о новомъ уложеніи. Но брань на словахъ и въ печати — всегда брань. Въ законѣ никого бранить не велѣно и всякому свобода есть жало-

ваться. Но если кто про кого скажетъ правду, бранью ли то почитать, того въ законѣ нѣтъ. Какой вредъ можетъ быть, если книги въ печати будутъ безъ клейма полицейскаго? Не токмо не можетъ быть вреда, но польза, польза отъ перваго до послѣдняго, отъ малаго до великаго, отъ царя до послѣдняго гражданина». «Ценсура, — говоритъ онъ въ главѣ «Торжокъ»,—сдѣлана нянькою разсудка, остроумія, воображенія, всего великаго и изящнаго. Но гдѣ есть няньки, то слѣдуетъ, что есть ребята, ходятъ на помочахъ, отчего нерѣдко бываютъ кривыя ноги; гдѣ есть опекуны, слѣдуетъ, что есть малолѣтніе, незрѣлые разумы, которые собою править не могутъ. Если же всегда пребудутъ няньки и опекуны, то ребенокъ долго ходить будетъ на помочахъ и совершенный на возрастѣ будетъ калѣка... Таковы вездѣ бываютъ слѣдствія обыкновенной ценсуры, и чѣмъ она строже, тѣмъ слѣдствія ея пагубнѣе».

Отъ свободы, такъ сказать, личной Радищевъ переходитъ къ свободѣ общественной. Человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и гражданинъ. И въ подтвержденіе этого тезиса Радищевъ ссылается на естественное право и свободный договоръ. «Человѣкъ родится въ мірѣ, — говоритъ онъ, — равенъ во всемъ одинъ другому. Всѣ одинаковые имѣемъ члены, всѣ имѣемъ разумъ и волю. Слѣдовательно, человѣкъ безъ отношенія къ обществу есть существо, ни отъ кого не зависящее въ своихъ дѣяніяхъ... Какія же ради вины обуздываетъ онъ свои хотѣнія? Почто поставляетъ надъ собою власть? Для своея пользы, скажетъ разсудокъ; для своея пользы, скажетъ внутреннее чувство; для своея пользы, скажетъ мудрое законоположеніе. Слѣдственно, гдѣ нѣтъ его пользы быть гражданиномъ, тамъ онъ и не гражданинъ. Слѣдственно, тотъ, кто восхощетъ его лишить пользы гражданскаго званія, есть его врагъ. Противъ врага своего онъ защиты и мщенія ищетъ въ законѣ. Если законъ не въ силахъ заступить человѣка, или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенное въ предстоящей бѣдѣ дать вспомоществованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія, сохранности, благосостоянія». И неудивительно послѣ этого обращеніе Радищева въ одѣ «Вольность» (помѣщена въ главѣ «Путешествія», называющейся «Тверь») къ Кромвелю съ такими словами: «Я чту, Кромвель, въ

тебѣ злодѣя, что, власть въ рукѣ своей имѣя, ты твердь свободы сокрушилъ. Но научилъ ты въ родъ и роды, какъ могутъ мстить себя народы: ты Карла на судѣ казнилъ». Насколько высоко цѣнилъ Радищевъ вольность, видно изъ его совѣта: «Если ненавистное щастіе истощитъ надъ тобою всѣ стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли не останется, если доведенну до крайности не будетъ тебѣ покрова отъ угнетенія, тогда спомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. Умри».

Свои принципы Радищевъ приложилъ къ русской жизни. Онъ далъ ея вѣрную картину: объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ историки. Онъ далъ ей вѣрную оцѣнку: это говоритъ намъ чувство справедливости. Обличенія Радищева касаются всѣхъ сторонъ русской жизни, всѣхъ ея язвъ, прежде всего крѣпостного права, администраціи, судебныхъ порядковъ, состоянія просвѣщенія, нравовъ. Обстановка жизни народной массы, на которой, однако, зиждется все благосостояніе господствующихъ классовъ, ужасна. Курная изба, темная, грязная, тѣсная; «пустыя щи»; «посконная рубаха, обувь, данная природою, онучки съ лаптями для выхода». «Вотъ въ чемъ почитается по справедливости источникъ государственнаго избытка, силы, могущества; но тутъ же видны слабость, недостатки и злоупотребленія законовъ и ихъ, шероховатая, такъ сказать, сторона. Тутъ видна алчность дворянства, грабежъ, мучительство наше и беззащитное нищеты состояніе». Склонный къ нѣкоторой напыщенности въ слогѣ (то же и у Рейналя), но вполнѣ искренній въ чувствахъ, Радищевъ восклицаетъ далѣе: «Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ? — то, чего отнять не можемъ, — воздухъ. Да, одинъ воздухъ. Отъемлемъ у него нерѣдко не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отъяти ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всесиліе; съ другой—немощь беззащитная. Ибо помѣщикъ въ отношеніи крестьянина есть законодатель, судія, исполнитель своего рѣшенія и, по желанію своему, истецъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не смѣетъ. Се жребій заклепаннаго въ узы, се жребій заключеннаго въ смрадной темницѣ,

се жребій вола въ ярмѣ». Въ рядѣ живыхъ сценъ, выхваченныхъ изъ дѣйствительности какъ будто случайно, встаетъ передъ нами крѣпостное право. Вотъ крестьянинъ, пашущій шесть разъ въ недѣлю на помѣщика, а въ воскресенье на себя («Любань»); вотъ образчикъ помѣщика, «который сдѣлался повелителемъ нѣсколькихъ сотъ себѣ подобныхъ»: «они у прежняго помѣщика были на оброкѣ, онъ ихъ посадилъ на пашню; отнялъ у нихъ всю землю... заставилъ всю недѣлю работать на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а инымъ давалъ изъ милости мѣсячину. Если который казался ему лѣнивъ, то сѣкъ розгами, плетьми, батожьемъ или кошками, смотря по мѣрѣ лѣности... Его сожительница, сыновья и дочери поступали съ крестьянами также варварски и позволяли себѣ дѣлать всякія насилія» («Зайцево»); вотъ продаются съ аукціона «старикъ лѣтъ 75: съ отцомъ господина своего онъ былъ въ крымскомъ походѣ при Минихѣ; во франкфуртскую кампанію раненаго унесъ его съ поля сраженія; потомъ былъ дядькой молодого барина и также нѣсколько разъ спасалъ его отъ разныхъ несчастій. Старуха 80 лѣтъ, его жена, была кормилицею матери своего молодого барина, была его нянькою. Женщина лѣтъ въ 40, вдова, кормилица своего молодого барина. Молодица 18 лѣтъ, дочь ея и внучка стариковы» («Мѣдное»); вотъ жестокій рекрутскій наборъ и униженіе «раба» по положенію, но получившаго одинаковое воспитаніе съ бариномъ и учившагося за границей («Городня»); вотъ рядъ насильственныхъ браковъ крестьянскихъ, по прихоти господъ, и всяческія безчестія крестьянскихъ женъ и дочерей («Едрово»). Все было возможно, потому что царилъ произволъ. Типы администраторовъ, изображенные въ «Путешествіи», не лучше помѣщиковъ: здѣсь и жестокосердый чиновникъ, не подавшій помощи 20 утопавшимъ человѣкамъ («Чудово»), и намѣстникъ, посылающій въ Петербургъ «за устерсами» казеннаго курьера, подъ предлогомъ отправки нужныхъ казенныхъ бумагъ («Спасская Полѣсть»), и другой намѣстникъ, оказывающій противозаконное давленіе на судей. А самые судьи! Законъ и совѣсть — все готовы продать и предать, изъ корысти или изъ страха. Восходя все выше и выше съ своимъ обличительнымъ словомъ, Ра-

дищевъ обращается къ самому источнику власти. Въ аллегорической формѣ «сна» отъ имени невѣдомой странницы Истины авторъ раскрываетъ царю глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ въ государствѣ. Раболѣпная и лицемѣрная толпа придворныхъ увѣряла царя, что «онъ усмирилъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; онъ расширилъ предѣлы отечества; онъ обогатилъ государство; онъ распространилъ торговлю; онъ любитъ науки и художества; онъ поощряетъ земледѣліе и рукодѣліе; велѣнію гласа его повинуются стихіи» и т. д. Истина же разсказала о томъ, какъ «солдаты умираютъ отъ голода и болѣзней, суда разваливаются, полководцы и министры расхищаютъ казну, разоренный и угнетаемый народъ бѣдствуетъ, а царскія милости обращаются въ предметъ торговли и достаются лишь недостойнымъ». Въ заключеніе авторъ обращается къ царю: «Властитель міра! если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкой или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается». Обращаясь къ царской власти, Радищевъ думалъ не о томъ только, чтобы вскрыть разныя неправды, но хотѣлъ просвѣтить власть. Средство противъ зла—отмѣна крѣпостного права, постепенное, въ три періода, но съ такой широтой, до которой немногіе додумались и на либеральномъ Западѣ. «Первое положеніе относится къ раздѣленію сельскаго рабства и рабства домашняго. Сіе послѣднее уничтожается прежде всего, и запрещается поселянъ и всѣхъ, по деревнямъ, въ ревизіи написанныхъ, брать въ домы. Буде помѣщикъ возьметъ земледѣльца въ домъ свой для услугъ или работы, то земледѣлецъ становится свободенъ. Дозволить крестьянамъ вступать въ супружество, не требуя на то согласія своего господина. Запретить брать выводныя деньги. Второе положеніе относится къ собственности и защитѣ земледѣльцевъ. Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію, ибо платятъ сами подушную подать. Пріобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его онаго да не лишитъ самопроизвольно. Надлежитъ ему судиму быть ему равными, то-есть въ расправахъ, въ кои выбирать и помѣщичьихъ крестьянъ. Дозволить крестьянину пріобрѣтать недвижимое имѣніе, то-есть покупать

землю. Дозволить невозбранное пріобрѣтеніе вольности, платя господину за отпускную извѣстную сумму. Запретить произвольное наказаніе безъ суда. За симъ слѣдуетъ совершенное уничтоженіе рабства». Радищевъ настаивалъ на освобожденіи крестьянъ не изъ одного человѣколюбія, но и по соображеніямъ политической мудрости. Въ разныхъ мѣстахъ «Путешествія» онъ говоритъ: «Изъ мучительства рождается вольность»; «я примѣтилъ, что русскій народъ очень терпѣливъ, и терпитъ до самой крайности; но когда конецъ положитъ своему терпѣнію, то ничто не можетъ его удержать, чтобы не преклонился на жестокость»; «страшись, помѣщикъ»; «гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается надъ головами нашими». Но, какъ бы предвидя судьбу совѣтовъ своихъ, Радищевъ съ грустью восклицаетъ: «О горестная участь многихъ милліоновъ! Конецъ твой сокрытъ еще отъ взора и внучатъ моихъ».

Итоги. Дѣйствительность и идеалъ. Начало закономѣрнаго развитія русской общественной мысли. Связь вѣковъ.

Русская литература XVIII в. исполнила свою культурную миссію, одухотворила русскую жизнь идеалами, вызвала общественное самосознаніе. Въ самомъ началѣ вѣка, въ петровскій періодъ, начавъ борьбу противъ церковно-религіознаго авторитета за права науки, знанія и критики, она къ концу вѣка, въ лицѣ Радищева, суммировала идеальныя требованія екатерининской эпохи. Характерная черта этой литературы — преобладаніе сатиры и дидактики — есть отраженіе глубокаго идеализма, самое здоровое зерно русской общественности. Русская сатира XVIII в. нападала на недостатки воспитанія, невѣжество и грубость нравовъ, на ложное образованіе, французоманію, роскошь, вѣтреность, приказное крючкотворство, взяточничество, жестокое обращеніе съ крестьянами и т. д. Но неправильно было бы отсюда дѣлать заключеніе о томъ, что XVIII в. былъ «вѣкомъ поразительнаго невѣжества и замѣчательно низкаго уровня нравственности» (Незеленовъ), что «вся атмосфера его проникнута невѣжествомъ, самодурствомъ, развратомъ», а «го-

сподствующее сословіе въ нравственномъ отношеніи гораздо ниже тѣхъ, надъ кѣмъ ему приходилось властвовать, въ умственномъ же — нисколько не выше ихъ» (Семевскій). Вообще картины русской жизни, возстанавливаемыя на основаніи обличительной литературы, будутъ неполны и односторонни, ибо, уже въ силу своей основной особенности, сатира останавливается лишь на темныхъ сторонахъ жизни. Русская литература XVIII в., помимо бытового матеріала, большею частію отрицательнаго характера, заключаетъ въ себѣ, кромѣ того, немало положительныхъ идей личнаго и общественнаго характера. Она искренне и горячо защищала просвѣщеніе, выставивъ задачи его, идеальныя и для нашего времени, уясняла права личности въ ея государственныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ, наконецъ, открыто поставила вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Говорятъ, эти идеалы не наши, заимствованы съ Запада. Для насъ вопросъ о заимствованіи—второстепенный, а главное—въ томъ, насколько эти идеи согласуются съ правдой и справедливостью. Напротивъ, мы считаемъ заслугой русской литературы XVIII в. внесеніе въ русскую жизнь плодотворныхъ идей, выработанныхъ западно-европейской мыслью и жизнью. Однако разладъ между русской дѣйствительностью и идеалами былъ и особенно чувствительный для нѣкоторыхъ личностей. Разладъ неизбѣжный. Чужая мысль, да еще въ такомъ апріорно-отвлеченномъ построеніи, какъ то бывало въ XVIII в., не могла сразу войти въ плоть и кровь русскаго общества; претворенію мѣшали и нѣкоторыя специфическія условія русской жизни. Несмотря на этотъ, какъ мы сказали, неизбѣжный разладъ, двойственность въ настроеніяхъ, компромиссы съ дѣйствительностью, — все же процессъ закономѣрнаго развитія русской общественной мысли совершался. Господствовавшая вначалѣ «мода на идеи» (она тоже важна, какъ извѣстная ступень умственнаго развитія) смѣняется мучительнымъ томленіемъ въ поискахъ за гармоничнымъ міросозерцаніемъ. Дѣйствовавшая сперва согласно съ правительствомъ, поскольку шла борьба съ церковью и суевѣріями, съ злоупотребленіями администраціи, съ невѣжествомъ, русская общественная мысль, послѣ тяжелыхъ испытаній, убѣдилась, что ея путь особый, тернистый, но славный. И съ этого момента начинается традиція.

Реальная жизнь отстаетъ отъ идей, но не можетъ постепенно не подчиняться имъ. Наслѣдственные предразсудки еще сильны, но разумъ бодрствуетъ, и реформаторскія идеи и чувства живы и держать жизнь въ состояніи постоянной революціи. И если въ русской жизни и общественномъ сознаніи, въ чувствахъ и мысляхъ есть прогрессъ, то спокойный и безпристрастный наблюдатель долженъ искать его корней въ XVIII в., столь богатомъ идеями. Вопреки многимъ историкамъ, мы утверждаемъ, что въ русской литературѣ XVIII в. былъ органическій ростъ, и, что было плодотворнаго въ ней, не пропало для поколѣній XIX и XX вв. «Новое поколѣніе, — какъ говоритъ Пыпинъ, — только продолжаетъ дѣло стараго и могло итти дальше потому, что воспользовалось его трудами».

Главнѣйшія пособія по исторіи русской литературы XVIII в., въ которыхъ можно найти указанія и болѣе частнаго характера: *Галаховъ*, „Исторія русской литературы", *II*; *Порфирьевъ*, „Исторія русской словесности", *II*, 1—2; *Пыпинъ*, „Исторія русской литературы", *III*, *IV*; *Милюковъ* „Очерки по исторіи русской культуры", *II*, *III*; *Веселовскій*, „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, *Покровскій*, „Историческая хрестоматія", *IV*—*XV*; *Сиповскій*, „Исторія русской словесности". Ч. *II*.

